КНИГА О РЕБЕНКѢ

THE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

7 NOV 1967

71 Dr
7/K 25 Kor 15
40 m

649.1
K742
V. 2
5.00

КНИГА О РЕБЕНКѢ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУДЪ СПЕЦІАЛИСТОВЪ
ПО ВОПРОСАМЪ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ И УХОДА ЗА НИМИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОСПИТАНІЕ РЕБЕНКА.

Домашнее и общее воспитаніе. Общественное воспитаніе и призрѣніе. Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
д-ра Л. Г. Оршанскаго.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА. МОСКВА.—1912.

PRINTED IN RUSSIA

THE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

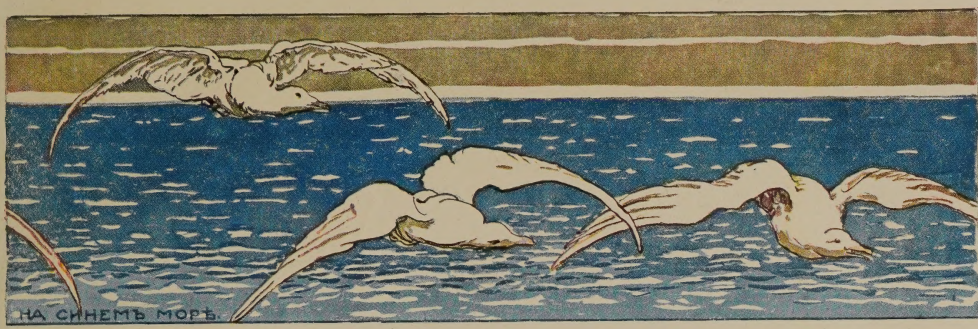
СОДЕРЖАНІЕ

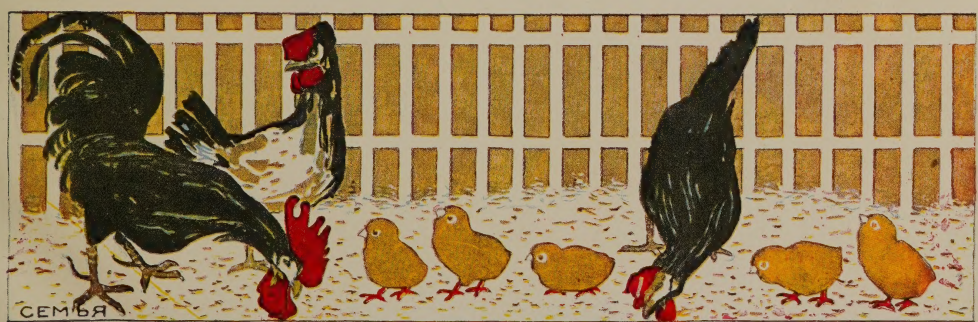
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Художественное устройство дѣтской. *Лили Байцъ*. Переводъ Т. А. Высоцкой 1
Развитіе рѣчи и задержка ея. *Проф. Гуцмана*. Переводъ Т. А. Высоцкой 11
Игры и занятія ранняго возраста. *Лили Дрёшеръ*. Переводъ Т. А. Высоцкой 27
Иллюстрированныя книги. *Германа Л. Кестера*. Переводъ Т. А. Высоцкой 52
Общее воспитаніе характера въ раннемъ дѣтствѣ. *Лауры Фростъ*. Переводъ Т. А. Высоцкой 60
Ручной трудъ мальчиковъ. *Альвина Пабста*. Переводъ Т. А. Высоцкой 78
Роль практической работы при воспитаніи дѣвочекъ. *Гедвиги Гель*. Переводъ Е. И. Барсовой 94
Художественное воспріятіе. *Кеты Кауцъ*. Переводъ Е. И. Барсовой 102
Ребенокъ-рисовальщикъ. *Ф. Брээстъ*. Переводъ Е. И. Барсовой 117
Ребенокъ-скульпторъ. *Альберта Реймана*. Переводъ Е. И. Барсовой 129
Пробужденіе музыкальнаго чувства. *Елены Нигузенъ*. Переводъ Е. И. Барсовой 139
Ученическіе концерты. *Проф. Р. Барта*. Переводъ М. И. Розенфельдъ 148
Ребенокъ и сцена. *Р. Блюмнера*. Переводъ М. И. Розенфельдъ 154
Ученическіе спектакли. *Лёвенфельда*. Переводъ М. И. Розенфельдъ 166
Дѣтское чтеніе. *Г. Вольгаста*. Переводъ М. И. Розенфельдъ. 173
Ребенокъ и внѣшній міръ. *Ф. Гансберга*. Переводъ М. И. Розенфельдъ 189
Ребенокъ и природа. *В. Фосгерау*. Переводъ М. И. Розенфельдъ 197
Гимнастика для мальчиковъ. *П. Гербера*. Переводъ М. И. Розенфельдъ 206
Гимнастика для дѣвочекъ. *К. Мёллера*. Переводъ М. И. Розенфельдъ 224

Игры на открытомъ воздухѣ. *Проф. Райдта.* Переводъ М. И. Розенфельдъ 240
Спортъ. *Проф. Ф. А. Шмидта.* Переводъ М. И. Розенфельдъ. 253
Хороводы и общественные танцы. *М. Родшвилль.* Переводъ М. И. Розенфельдъ..... 271
Художественный танецъ. *Е. Дунканъ.* Переводъ М. И. Розенфельдъ..... 283
Общее воспитаніе характера. *Д-ра Люнгена.* Переводъ М. И. Розенфельдъ 289
Производительный трудъ и его воспитательное значеніе. *Д-ра Кершенштейнера.* Переводъ М. И. Розенфельдъ..... 307
Нравственное воспитаніе юношества. *Д-ра Пенцига.* Переводъ В. А. Кошевичъ..... 318
Соціальное воспитаніе ребенка. *А. Шрейберъ.* Переводъ В. А. Кошевичъ 331
Изъ исторіи педагогики. *Проф. Циглера.* Переводъ В. А. Кошевичъ 346
Фребель и его созданіе — дѣтскій садъ. *Л. Дрёшеръ.* Переводъ В. А. Кошевичъ 369
Основные вопросы школы. *Проф. Циглера.* Переводъ В. А. Кошевичъ 381
Новѣйшіе методы обученія. *Э. Келлера.* Переводъ В. А. Кошевичъ 392
Совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола. *Д-ра Г. Баймеръ.* Переводъ В. А. Кошевичъ 412
Школьная гигіена. *Л. Бургерштейна.* Переводъ В. А. Кошевичъ 421
Семья и школа. *Д-ра Люнгена.* Переводъ В. А. Кошевичъ 443
Народная школа. *И. Тевса.* Переводъ В. А. Кошевичъ..... 456
Воспитаніе сиротъ. *Д-ра Петерсена.* Переводъ С. А. Мясново. 475
Исправительныя заведенія. *Б. Коссаца.* Переводъ С. А. Мясново 494
Дѣтскія убѣжища. *А. Шрейберъ.* Переводъ С. А. Мясново..... 504
Каникулярныя экскурсіи. *В. Шуберта.* Переводъ С. А. Мясново. 518
Лѣсныя школы. *Д-ра Нейферта.* Переводъ С. А. Мясново..... 527
Глухонѣмой ребенокъ и его образованіе. *Э. Доста.* Переводъ С. А. Мясново..... 536
Слѣпыя дѣти. *С. Геллера.* Переводъ С. А. Мясново..... 550
Слабоумныя дѣти. *Д-ра Геллера.* Переводъ С. А. Мясново.... 563
Воспитаніе и образованіе калѣкъ и ортопедія. *Проф. А. Гоффа.* Переводъ С. А. Мясново..... 567

СТѢННЫЯ КАРТИНЫ ДЛЯ ДѢТСКОЙ.





Изданіе В. М. Саблина. *(См. катал. изд. В. М. Саблина.)*

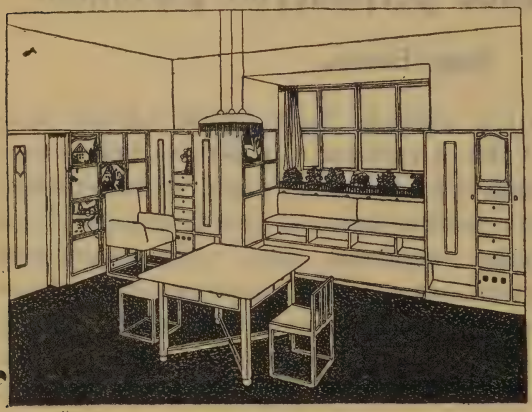
Художественное устройство дѣтской.

Лили Байцъ.

Прошло время, когда дѣтская была самой плохой комнатой въ квартирѣ. Успѣхи гигіены выработали новыя требованія. Свѣтъ и воздухъ явились, какъ освободители, объявивъ войну всему нездоровому и безобразному. Едва прорвался свѣтъ сквозь открытыя окна, какъ художники увидѣли, что и для нихъ открывается широкое, еще нетронутое поле дѣятельности. Вездѣ поднялись веселые всходы, точно весной, когда одна почка за другой пробивается изъ темной земли. Одна идея смѣняетъ другую, одинъ планъ слѣдуетъ за другимъ. Нельзя поэтому подвергать все рѣзкой критикѣ, думать и ворчать, что одно непрактично, а другое слишкомъ преувеличено; напротивъ, надо встрѣчать все новое съ благодарностью, съ надеждой, что если не всѣ грезы художниковъ выполнимы въ дѣйствительности, если много первыхъ цвѣтовъ погибнетъ, то все-таки будутъ и богатые плоды.

Развитіе художественнаго вкуса родителей должно предшествовать воспитанію въ ребенкѣ пониманія и чувства красоты. Художники, взявшіеся за послѣднее время за разные предметы житейскаго обихода, прокладываютъ дорогу, а современная техника даетъ широкое распространеніе замыслу художника. Художники сумѣли изучить своего врага - машину, примѣниться къ ея способу производства и

подчинить ее себѣ. Это громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ распространенія красоты, который прежде всего долженъ благопріятно отразиться на жилищахъ, а вмѣстѣ съ этимъ на семьѣ и на дѣтяхъ. Многіе хорошіе журналы стали выразителями новыхъ стремленій. Журналъ «Kind und Kunst» («Дитя и искусство») предлагаетъ въ изобиліи самые лучшіе образцы. Въ прошломъ году конкурсъ эскизовъ дѣтской въ журналѣ «Innendecoration» вызвалъ соревнованіе среди художниковъ и далъ прекрасные результаты. Надо отмѣтить, что большинство премій и похвальныхъ отзывовъ выпало на долю вѣнскихъ художниковъ. Это является заслугой художественно-промышленной школы, гдѣ профессора Іосифъ Гофманъ и Коло Мозеръ пропагандируютъ благородную простоту формы и красокъ. Ихъ вліяніе сказалось на развитіи вѣнскаго стиля, который отличается отсутствіемъ всякихъ вычурныхъ украшеній и крутыхъ завитушекъ, подорвавшихъ довѣріе къ новому направленію.



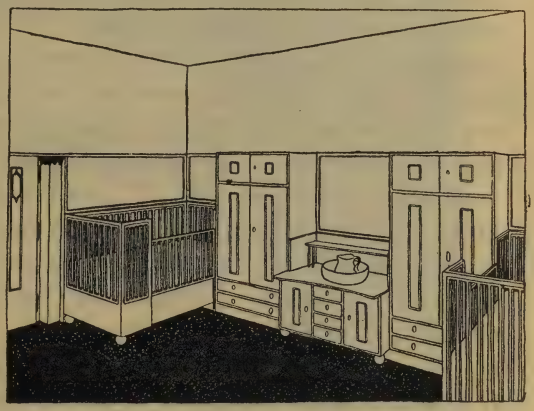
Дѣтская комната. Премированный проектъ архит. Гергезеля.

Проекты вѣнскихъ художниковъ даютъ сплошь спокойныя, гладкія поверхности для большей части вдѣланной въ стѣны мебели, съ немногими красивыми квадратными украшеніями, находящимися на надлежащихъ мѣстахъ и блестящихъ мѣдными обивками. Нѣсколько богаче въ декоративномъ отношеніи нѣкоторые проекты берлинскихъ соискателей премій. Художественно устроенная дѣтская была представлена не только въ проектахъ; на многихъ выставкахъ были устроены дѣтскія, настоящія драгоцѣнныя игрушки. Одна изъ лучшихъ дѣтскихъ была создана въ Дармштадтѣ, въ колоніи художниковъ. Ослѣпительно бѣлая мебель, столъ, стулья, скамья и хорошенькая маленькая ку-

шетка. Фризъ съ мотивомъ изъ розъ, въ свѣтлыхъ, веселыхъ тонахъ украшаетъ стѣну; головки ангеловъ изъ стеклянной мозаики смотрятъ въ широкія окна.

Конечно, такія комнаты, выполненныя художниками, могутъ составить достояніе только небольшой избранной части общества. У кого есть деньги, чтобы посовѣтоваться съ врачомъ, архитекторомъ и художникомъ, можетъ легко, благодаря всѣмъ изобрѣтеніямъ послѣдняго времени, устроить что-либо подобное.

Большинство семей не можетъ позволить себѣ такихъ тратъ. Наемная квартира тоже не позволяетъ дѣлать ни выступовъ, ни вдѣланной въ стѣнѣ мебели, ни широкихъ оконныхъ карнизовъ и чаще всего, поэтому, приходится обходиться умѣренными средствами.



Дѣтская спальня. Премированный проектъ архит. Гергезеля.

Дѣтская можетъ, а по моему мнѣнію, и не должна быть дорогой. Но не надо упускать изъ вида, что въ дѣтской получаетъ ребенокъ свое первое воспитаніе, здѣсь его міръ въ первые годы его жизни. Вкусъ и эстетическое чувство должны быть воспитаны въ ребенкѣ такъ же, какъ хорошія манеры. Ни одна мать не выберетъ своему ребенку товарищемъ того, кто хватаетъ пальцами съ блюда и ругается скверными словами. Но тѣ же матери не видятъ ничего дурного въ томъ, чтобы собрать въ дѣтской всю негодную мебель, плохія, крикливыя олеографіи въ позолоченныхъ, облупившихся рамахъ, безвкусныя бездѣлушки и т. п. хламъ, котораго некуда дѣвать. Вотъ то, что видитъ впервые впечатлительный глазъ ребенка. Это та школа, въ которой воспитывается его вкусъ. Поистинѣ печальная школа, которая приноситъ такой же вредъ, какъ и плохое обра-

щеніе. Если вы стараетесь охранить душу ребенка отъ зла, вы такъ же должны охранять и глазъ его отъ всякаго безобразія и безвкусицы.

Какъ же мы должны устраивать наши дѣтскія? Первое слово принадлежитъ здѣсь гигіенисту, но къ счастью взглядъ докторовъ вполнѣ совпадаетъ съ взглядомъ художниковъ. Мы пришли къ тому, что «здоровое — красиво».

Главное условіе дѣтской — это свѣтлая просторная комната. Она не должна быть обязательно четырехугольной; напротивъ, мансарды, вышки, если только окна достаточно велики, со срѣзанными поверхностями стѣнъ, выступающими углами, особенно удобны, образуя хорошенькіе, уютные уголки для игры. Квартиры, особенно въ старыхъ домахъ, большей частью оклеены темными обоями, потолки окрашены въ тяжелые тона, что придаетъ всему мрачный видъ. Самый дешевый способъ обратить такую комнату въ веселую и уютную — это окрасить ее клеевой краской въ свѣтлый тонъ: сѣро-голубой, свѣтло-зеленый или свѣтло-голубой, только не яркій, чтобы все остальное могло съ нимъ гармонировать. Узорная полоса въ сильныхъ теплыхъ тонахъ окружаетъ стѣны на высотѣ карниза двери. Верхняя часть стѣны и потолокъ лучше всего окрасить въ бѣлый цвѣтъ. Окраска комнаты удобнѣе тѣмъ, что ее легко возобновить безъ особыхъ издержекъ; можно выбрать и обои, только свѣтлые. Обои должны быть простого, не бросающагося въ глаза узора, напр., полосками или простого рисунка въ полутонахъ. Рѣзкіе цвѣтные обои производятъ безпокойное впечатлѣніе. Все, что виситъ на такой стѣнѣ, теряетъ значеніе, гармонія въ общемъ трудно достижима. Краски могутъ быть богатыми только въ фризѣ.

Тонко придуманный фризъ дала одна художница, выполнивъ его вышивкой и аппликаціей въ выставленной ею красивой дѣтской и Мюнхенской выставкѣ прикладного искусства. На свѣтломъ фонѣ выступаютъ смѣшныя фигуры изъ дѣтскихъ сказокъ, исполненныя въ свѣтлыхъ тонахъ.

Теперь вышли и поступили въ продажу въ большомъ количествѣ всевозможные оттиски бордюровъ: играющія дѣти, звѣри, цвѣты въ прелестныхъ повторяющихся мотивахъ. Само собой понятно, что такой фризъ съ развертывающейся

картиной долженъ быть на высотѣ, удобной для глаза. Верхняя часть стѣны остается бѣлой, какъ потолокъ, или окрашивается въ соотвѣтствующій хорошо подобранный и болѣе свѣтлый тонъ, чѣмъ нижняя половина стѣны. Можно эту

Дѣтская. Проектъ архит. Арно Кёрнига.

часть стѣны выполнить также мелкимъ узоромъ, напр., звѣздочками. Правильное обращеніе со стѣнами тоже играетъ немаловажную роль. Это самыя большія поверхности комнаты, и отъ нихъ зависитъ общій видъ комнаты. Прак-

тично выкрасить ихъ на высотѣ 75 сант. отъ полу масляной краской или оклеить обоями, которые можно мыть.

Для половъ отъ пыли хорошъ линолеумъ или пробка; для игръ надо класть одинъ-два коврика, которые легко снять и выколотить. Бѣлыя оконныя занавѣски, немного мягкой мебели, покрытой чехлами, которые можно всегда легко перемѣнить и вымыть. Вся необходимая, деревянная мебель: столы, стулья, шкафы, должна легко передвигаться, чтобы можно было вычистить, какъ слѣдуетъ, всѣ углы. Мебель должна быть съ круглыми углами, для предохраненія дѣтей отъ ушибовъ. Столъ удобнѣе всего раздвижной или складной, потому что съ одной стороны даетъ большую поверхность для игры и всевозможныхъ работъ, а съ другой — не занимаетъ много мѣста и не мѣшаетъ во время подвижныхъ игръ. При выборѣ и установкѣ мебели надо прежде всего подумать о томъ, чтобы было довольно свободнаго мѣста для игръ и бѣготни дѣтей, особенно когда ихъ нѣсколько. Надо избѣгать хрупкихъ вещей, не ставить неустойчивыхъ вещей. Мебель должна быть простой и прочной, изъ мягкаго дерева, натуральнаго или моренаго; еще практичнѣе мебель выкрашенная бѣлой или свѣтлой краской, чтобы во всякое время можно было ее вымыть мыломъ и водой. Старую, темную, не полированную мебель можно тоже легко выкрасить бѣлой масляной краской, отчего она будетъ казаться совсѣмъ новой. Красивѣе и практичнѣе всего, хотя и дороже, это бѣлая лакированная мебель: — ни пыль, ни грязь не пристаютъ къ ея зеркальной поверхности, которая даетъ красивыя, свѣтлыя отраженія.

Очень важна величина мебели. Все время надо соразмѣрять ее съ ростомъ ребенка и не считаться съ тѣмъ, что новая покупка разрушаетъ весь гарнитуръ. Какъ бы ни былъ художественно исполненъ стулъ, но когда ребенокъ выросъ настолько, что спина его не находитъ точки опоры, а колѣни приходятся у подбородка, то стулъ уже не годится для употребленія. Шкафы для работъ, книгъ и игрушекъ должны быть удобно устроены и на высотѣ роста ребенка, чтобы ребенокъ могъ все самъ доставать.

Эйхродтъ представилъ оригинальный шкафъ для игрушекъ, выставленный къ продажѣ дрезденскими художественными ремесленными мастерскими, подъ именемъ: добрый

дядя. Этотъ шкафъ въ одно и то же время представляетъ и забавную игрушку, и служитъ украшеніемъ комнаты. Прелестна также дѣтская вилла Венига, трехстворчатая ширма, красиво раскрашенная, съ открывающимися окнами и дверями, и игрушечный домикъ Пассендорфа, исполненные также въ дрезденскихъ художеств. ремесленныхъ мастерскихъ.

Для украшенія дѣтской картинами могутъ служить многія прекрасныя оригинальныя литографіи послѣднихъ лѣтъ. Несмотря на высокую художественную цѣнность эти изданія большей частью такъ дешевы, что доступны широкимъ слоямъ. Между прочимъ союзъ художниковъ въ Карлсруэ фирмы Брейткопфа и Гертель, Тейбнеръ, Фогтлендеръ въ Лейпцигѣ, Эмиль Гохданцъ въ Штуттгартѣ издали цвѣточныя литографіи, среди которыхъ есть настоящія жемчужины для дѣтской. Интересное пониманіе природы, картины свѣтлыхъ сторонъ жизни, глубокая поэзія старыхъ сказокъ, игръ, танцы и меланхолическія грезы народныхъ пѣсенъ ожили на этихъ листахъ въ свѣтлыхъ краскахъ.

Японцамъ, у которыхъ мы уже столькому научились, искусство которыхъ такъ обогатило наше знаніе, не знакомъ нашъ способъ украшать комнату безчисленными предметами. Они часто обладаютъ большимъ количествомъ очень цѣнныхъ картинъ въ свертках, вазъ, сосудовъ для куренья, но выставляется обыкновенно только одна вещь, — картина, курительный приборъ и ваза, наполненная цвѣтами, которые всегда старательно подобраны и соотвѣтствуютъ времени года, національному празднику или другому торжеству. Благодаря этому вниманіе сосредоточивается на этомъ одномъ украшеніи, пока оно не замѣняется новымъ. Тамъ не висятъ цѣлыми годами какъ у насъ тѣ же картины, портреты и декоративныя украшенія.

Я стою за этотъ японскій способъ украшенія именно въ дѣтской. Вниманіе ребенка не разсѣивается столькими предметами; одна картина запечатлѣвается въ его памяти лучше, ребенокъ интенсивнѣе воспринимаетъ и краски и формы. Обиліе украшеній чрезмѣрно возбуждаетъ фантазію ребенка на короткое время, а затѣмъ воображеніе притупляется. Сколько радости для ребенка, если онъ въ воскресенье,

напримѣръ, увидитъ новую картину въ рамѣ. Онъ усердно разсматриваетъ новыя, а прежнія встрѣчаетъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Нѣкоторыя становятся любимыми, и любовь къ прекрасному всегда поддерживается въ ребенкѣ. Картины должны быть въ одинаковыхъ рамкахъ, какъ для фотографій. Такія картонныя рамы для картинъ можно получить у выше названныхъ фирмъ. Дайте ребенку возможность украшать

Дѣтская вилла. Работа дрезденскихъ кустарей.

и самому свою комнату. Самодѣльныя гирлянды изъ еловыхъ шишекъ и лишаевъ, перевязанныя цвѣтной лентой, вѣнокъ изъ сухихъ травъ и осеннихъ листьевъ, тыквы, кукурузы отъ молочно-бѣлой до темно-коричневой, гранаты, лавровыя вѣтки, пестрыя птичьи перья — могутъ быть прекрасными украшеніями, когда фантазія ребенка получила вѣрное направленіе. Такимъ образомъ ребенокъ пріучается пользоваться богатствомъ природы для украшенія своего

жилища, а предложенный изъ любознательности вопросъ обогатитъ его познанія. Въ дѣтской должны постоянно быть

Шкафъ для игрушекъ. Работа дрезденскихъ кустарей.

цвѣты, за которыми бы дѣти ухаживали сами. Большая, по росту ребенка, стѣнная доска для его каракуль и набросковъ. Большая поверхность доски, мѣлъ, бѣлый и цвѣт-

ной, гораздо удобнѣе для набрасыванія и развитія руки, чѣмъ бумага и острый карандашъ.

Еще было бы лучше оставлять цѣлую стѣну для проявленія дѣятельности ребенка. Такую стѣну хорошо обить нѣсколькими досками, выкрашенными сѣрой краской.

Чего только нельзя сдѣлать на такой поверхности! Можно прибить къ ней декораціи, сдѣлать лѣпныя украшенія, наклеить картинки. Можно вырѣзать изъ остатковъ обоевъ и цвѣтной бумаги деревья, дома, людей, животныхъ и наклеить ихъ на этотъ сѣрый фонъ. Можно нарисовать задній планъ для игры въ куклы, или солнце и звѣзды надъ вигвамомъ индѣйцевъ.

Такая свободная поверхность побуждаетъ къ творчеству, и дѣло воспитателей и родителей развивать эту наклонность.

Стильныя дѣтскія, исполненныя художниками, дали уже много красиваго и цѣннаго, но въ этой области сдѣлано еще далеко не все. Искусство не должно быть строгимъ учителемъ, не терпящимъ уклоненій, оно должно быть въ дѣтской другомъ, веселымъ, какъ солнечный день, который манитъ: «иди, поиграй со мной, я такъ прекрасенъ».

Мнѣ думается, обстановка дѣтской не должна быть чѣмъ-то установившимся, она должна быть непостоянной, развивающейся; въ ея отдѣлкѣ долженъ принимать участіе самъ ребенокъ. Ребенокъ растетъ и тѣломъ и душой, ежедневно расширяются его понятія, глаза учатся видѣть и понимать окружающее, онъ стремится къ дѣятельности. Если дѣтская и ея обстановка не соотвѣтствуютъ понятіямъ ребенка, то онъ въ ней какъ въ слишкомъ большомъ платьѣ на выростъ, а пока ребенокъ подрастетъ, платье изнашивается; если же ребенокъ перерастетъ свою дѣтскую, то это равносильно тѣсному, короткому платью. Къ сожалѣнію мы рѣдко обращаемъ на это вниманіе.

Дайте дѣтямъ возможность развивать свой вкусъ, научите ихъ тому, что окружающее можетъ отражать ихъ индивидуальность, и показывайте имъ въ художественныхъ вещахъ только цѣнное, чтобы они умѣли сравнивать.

Раннія воспоминанія — самыя живучія, поэтому ребенокъ долженъ видѣть съ первыхъ шаговъ красивое; красота должна окружать его первые годы, чтобы воспоминаніе о ней сохранилось у него на всю жизнь.

Самая лучшая дѣтская, которой, къ сожалѣнію, лишены городскія дѣти, это дѣтская на свободѣ, подъ высокимъ открытымъ небомъ, — цвѣтущій лугъ, вѣчно волнующееся море, шумящій лѣсъ съ измѣнчивой листвой разныхъ временъ года, вообще вѣчно юная природа, которая была до насъ и останется послѣ насъ и нашихъ дѣтей.

Развитіе рѣчи и задержка ея.

Проф. Гуцмана.

I.

Развитіе рѣчи.

Новорожденное дитя вступаетъ въ свѣтъ съ жалобнымъ, отчаяннымъ крикомъ. Это фактъ, надъ которымъ думали многіе философы и который вызвалъ много замѣчательныхъ попытокъ объясненія. Старые философы думали, что мальчики кричатъ о — а, упрекая своего прародителя: «о, Адамъ, зачѣмъ ты согрѣшилъ?» А дѣвочки, по ихъ мнѣнію, должны кричать о — э, посылая такой же упрекъ Евѣ. Во всякомъ случаѣ оба пола въ унисонъ должны были протестовать противъ рожденія. Къ такому представленію примыкаетъ позже гегеліанецъ Мишле, опредѣляющій крикъ новорожденнаго, какъ «ужасъ души, подчиняющейся при-

родѣ». Кантъ тоже размышляетъ надъ крикомъ ребенка и предполагаетъ, что «онъ кричитъ не отъ боли, а отъ досады; ему хочется двигаться, и его безсиліе ощущается имъ, какъ скованность, какъ лишеніе свободы».

Станемъ на почву фактовъ, и мы легко убѣдимся, что новорожденный обладаетъ очень ограниченнымъ болевымъ ощущеніемъ, такъ что о крикѣ «отъ боли или досады» не можетъ быть и рѣчи. Первый крикъ — это только рефлексъ, т.-е. закономѣрное движеніе, отвѣчающее на опредѣленное раздраженіе. Оно соотвѣтствуетъ чиханію при щекотаніи слизистой оболочки носа, и нѣкоторыя дѣти при появленіи на свѣтъ не кричатъ, а чихаютъ. Раздраженіе, вызывающее рефлекторное движеніе, зависитъ отъ внезапной перемѣны температуры, равной 38° Цельсія въ утробѣ матери, и отъ одновременнаго съ этимъ появляющагося перваго дыхательнаго движенія. Только черезъ пять-семь мѣсяцевъ крикъ мѣняетъ свой характеръ. Ребенокъ уже настолько развивается къ этому времени, что у него появляется чувство довольства и недовольства. Первые мѣсяцы преобладаетъ крикъ недовольства надъ другими звуковыми проявленіями новорожденнаго. Поэтому различаютъ два періода въ крикѣ ребенка: рефлекторный крикъ новорожденнаго и слѣдующій за нимъ крикъ недовольства.

Затѣмъ слѣдуетъ періодъ лепета. Первыя проявленія его слѣдуютъ довольно быстро за крикомъ недовольства, потому что чувство довольства быстро замѣняетъ преобладающее сначала чувство недовольства; пріятное чувство сытости послѣ кормленія, послѣ и во время купанья и т. п. Тогда только появляются нѣкоторыя отдѣльныя гласныя, уже явно не похожія на крикъ. Отъ послѣдняго онѣ отличаются умѣренной силой и преобладаніемъ тихихъ звуковъ голоса. Если за нѣсколькими тихими э, а, у слѣдуютъ твердыя гласныя, то можно съ увѣренностью сказать, что ребенокъ скоро закричитъ. Поэтому тихіе звуки можно принимать за звуки довольства, а твердые и громкіе за знаки недовольства. Но по прошествіи 3—4 мѣсяцевъ преобладаетъ совершенно ясно чувство пріятнаго, и ребенокъ выражаетъ это не только голосомъ, но и движеніемъ рукъ и ногъ. Самая простая гласная — а, требующая простого открыванія рта. А или э чаще всего соединяются потомъ съ

согласными губными и зубными, въ особенности съ простыми носовыми. Слоги баба, дада, нана, пэпэ, ана, ада, а также такія, какъ ара (произносятся мягкимъ небомъ) ага, акэ, эхъ, ахъ, наблюдаются уже у дѣтей четырехъ мѣсяцевъ. На ряду съ ними есть своеобразные трудно передаваемые, картавые и шепелявые звуки. Короче говоря, ребенокъ создаетъ въ хорошемъ настроеніи много звуковъ и слоговъ, которые мы, сообразно сказанному, можемъ назвать рефлекторнымъ лепетомъ. Но дитя одновременно съ этимъ радуется и своей способности лепетать, и эта радость какъ бы подстрекаетъ его къ новому лепету. Радуются этому и окружающіе: отецъ съ матерью, которые пытаются придать смыслъ уже этому первому еще рефлекторному лепету. Поэтому первые слоги мама, баба или папа, были объяснены, какъ названіе отца и матери и естественно, что эти обозначенія одинаковы во всѣхъ языкахъ, у дикарей, какъ и у первобытныхъ народовъ. Папа и мама встрѣчаются не только у нѣмцевъ, русскихъ, англичанъ, французовъ, но и въ языкахъ первобытныхъ жителей центральной Бразиліи, бакаировъ и трумаевъ, въ языкѣ африканскихъ негровъ, на южноокеанскихъ островахъ и т. д. Часто вмѣсто папа встрѣчается баба, бава, вмѣсто мама: папа, ама, меме, или мене, но всегда названіе отца и матери соотвѣтствуютъ первому лепету ребенка. Ребенокъ до нѣкоторой степени создаетъ себѣ самъ свой языкъ. Это разумѣется продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ понимать, какое значеніе пріобрѣли его слова. Но въ то же время онъ создаетъ другіе звуки, какъ а, да, амъ, ма, при видѣ новыхъ возбуждающихъ его вниманіе вещей, употребляя эти звуки, какъ выраженіе аффекта и протягивая обычно руку. Безъ сомнѣнія лепетать ребенка побуждаютъ и разговоры окружающихъ, хотя онъ вначалѣ еще далекъ отъ подражанія. Можно вести цѣлый мнимый разговоръ съ 6—7 мѣсячнымъ ребенкомъ: онъ слушаетъ и отвѣчаетъ соотвѣтствующимъ лепетомъ. Здѣсь ясно замѣчается взаимодѣйствіе между акустическимъ и оптическимъ раздраженіемъ говорящей среды и рефлекторными лепечущими отвѣтами ребенка.

Между тѣмъ душевныя способности ребенка развиваются: мозгъ его все время работаетъ, т.-е. ребенокъ уже не просто смотритъ, а наблюдаетъ, не слышитъ, а слушаетъ,

не осязаетъ, а щупаетъ. Мозгъ все больше выполняетъ свое назначеніе; создаетъ душевный міръ ребенка, связываетъ отдѣльныя ощущенія, ассоціируетъ ихъ. Очевидно, весь этотъ процессъ возможенъ потому, что работа мозга обусловливается теперь вниманіемъ, потому что наблюдать — значитъ внимательно смотрѣть, слушать — значитъ внимательно слышать. Это вниманіе вызываетъ у нормальныхъ дѣтей уже въ первые годы сильное природное влеченіе: подражательность. Здѣсь мы замѣчаемъ, что за болѣе сильнымъ мозговымъ раздраженіемъ, за ощущеніями, воспринимаемыми съ вниманіемъ, слѣдуетъ подражаніе. Побудителемъ здѣсь уже является воля ребенка, воля, какъ результатъ удовольствія, получаемаго при подражаніи, радости отъ способности къ рѣчи, отъ разговора окружающихъ и т. п. Двигателемъ служитъ очевидно накопленіе чувственныхъ впечатлѣній. Слухъ, конечно, самый сильный побудитель къ разговорной рѣчи и подражанію, но, повидимому, не единственный. Оптическое возбужденіе является тоже существеннымъ, а возможно, что сначала оно является даже главнымъ побудителемъ къ подражанію. Слѣпорожденные, напр., воспитанные въ одинаковыхъ условіяхъ съ зрячими, начинаютъ говорить позже. Губные и язычные звуки появляются при подражаніи раньше, а гортанные к, г, появляются позже, хотя, какъ мы видѣли, они встрѣчались уже въ періодѣ лепета ребенка. Но громадная разница, произносятся ли звуки рефлекторнымъ лепетомъ или произвольнымъ подражаніемъ.

Подражательная способность ребенка вполнѣ индивидуальна; иногда она появляется рано и сильна, иногда позже и труднѣе дается. Для пониманія этой разницы надо принять во вниманіе, что ребенокъ понимаетъ уже многія слова, прежде чѣмъ можетъ ихъ неожиданно выговорить или повторить. Легко провѣрить, насколько ребенокъ понимаетъ слова, особенно если онъ спокоенъ и внимателенъ. Я часто задавалъ 10-тимѣсячнымъ дѣтямъ вопросы: гдѣ часы, лампа, кукла, отецъ, мать и т. д., и получалъ правильные отвѣты направленіемъ глазъ или даже движеніемъ всего туловища къ указанному предмету. Такъ что пониманіе очень многихъ словъ имѣется уже налицо, когда способность говорить еще мала развита. Поэтому у дѣтей

есть постоянное несоотвѣтствіе между пониманіемъ словъ и способностью ихъ выговорить по своей волѣ. Но прежде чѣмъ ребенокъ начинаетъ выговаривать слова по своей волѣ, онъ долженъ хорошо овладѣть подражательнымъ періодомъ. Робкія, безсвязныя попытки ребенка обнаруживаютъ недостатки, исчезающіе только послѣ многихъ упражненій и новыхъ попытокъ. Способность къ рѣчи, такъ же, какъ охота говорить, различна. Дѣвочки и въ томъ и въ другомъ превосходятъ мальчиковъ.

Періодъ подражанія — главный въ развитіи рѣчи. Именно тутъ воспринимаетъ ребенокъ недостатки рѣчи или незамѣтный зародышъ недостатковъ. Когда мы будемъ говорить о препятствіяхъ въ развитіи рѣчи, мы увидимъ, что уже здѣсь, въ періодѣ подражанія необходимо, чтобы ребенокъ слышалъ кругомъ себя разумную, здоровую рѣчь.

Послѣдній періодъ развитія рѣчи — это выраженіе ребенкомъ своихъ мыслей. Несомнѣнно, что самопроизвольная рѣчь возникаетъ очень рано, еще въ періодѣ лепета, въ звукахъ довольства или недовольства. Дѣтскую рѣчь нельзя разсматривать только какъ способность подражать. Ребенокъ, подражая, перерабатываетъ матеріалъ по-своему и очень своеобразно.

Въ начальномъ періодѣ развитія рѣчи ребенокъ выражаетъ свою мысль отдѣльными словами. Но онъ употребляетъ ихъ для различныхъ мыслей и выговариваетъ одно и то же слово съ различными оттѣнками. А, ла, да, съ вопросомъ въ голосѣ, будетъ означать не то, что съ утвердительной интонаціей. Я также неоднократно замѣчалъ, что ребенокъ выражаетъ однимъ и тѣмъ же словомъ разныя предложенія.

Слово «кукла» означаетъ, смотря по обстоятельству: дайте мнѣ куклу, кукла красива, посмотрите на куклу и т. д.

Языкъ жестовъ очень рано употребляется дѣтьми для выраженія мыслей, особенно въ раннемъ періодѣ, почему мы и можемъ принять этотъ языкъ жестовъ за раннюю ступень активной рѣчи. Чѣмъ больше овладѣваетъ ребенокъ разговорной членораздѣльной рѣчью, тѣмъ больше онъ воспринимаетъ окружающую его рѣчь, обращая ее въ активную рѣчь. Сначала это названіе предметовъ, иногда попадаются глаголы, измѣненные въ междометія.

Когда рядомъ съ нѣкоторыми глаголами появляются существительныя и ребенокъ связываетъ два слова, какъ два понятія, тогда появляются первыя разсужденія. «Молоко горячее»—это самостоятельное сужденіе ребенка; такъ же какъ «мячъ красивъ», «кукла послушна» и т. п. Что понятія складываются у ребенка рано, хотя и въ несовершенной формѣ, не подлежитъ сомнѣнію, потому что, какъ было сказано выше, пониманіе рѣчи возникаетъ уже въ первые годы жизни ребенка. Отношеніе между словомъ и понятіемъ, пока ребенокъ самъ создаетъ слова, подвергается видоизмѣненію, но уже сначала самыя обыкновенныя названія предметовъ связываются съ соотвѣтствующими понятіями. Много времени надо, чтобы ребенокъ перешелъ къ сужденіямъ, и цѣлые годы проходятъ, пока рѣчь ребенка пріобрѣтаетъ синтаксическую форму въ той формѣ, въ какой употребляютъ ее окружающіе. Я уже сказалъ, что ребенокъ не только просто воспринимаетъ рѣчь, но и перерабатываетъ ее самостоятельно, выбираетъ то, что ему надо. Оба эти направленія въ развитіи разговорной рѣчи ребенка были подвергнуты особенно тщательному наблюденію Вильямомъ Штерномъ надъ своимъ ребенкомъ. Результаты этихъ наблюденій кажутся мнѣ цѣнными для дальнѣйшихъ индивидуальныхъ наблюденій, на которыхъ вѣдь въ концѣ концовъ и должны основываться наши познанія жизни и языка ребенка. Самостоятельная переработка воспринятаго матеріала ведетъ къ своеобразному неправильному образованію словъ у дѣтей: хорошѣе вмѣсто лучше и т. п.

Еще интереснѣе сложныя и производныя слова, которыя ребенокъ составляетъ самъ. Къ этому можно прибавить еще подходящее употребленіе глаголовъ, при чемъ измѣненіе это часто очень характерно. Моя трехлѣтняя дочь попросила меня однажды: папа, очисти мнѣ карандашъ, вмѣсто очини.

Второй моментъ, особенно сильно выступающій въ добровольной подражательной рѣчи ребенка — это когда ребенокъ начинается выбирать. Ребенокъ дѣлаетъ нѣкоторый выборъ изъ многочисленныхъ словъ и формъ рѣчи, звучащихъ вокругъ него, и невольно возникаетъ вопросъ, какому принципу слѣдуетъ этотъ выборъ; сначала повидимому приведенному мною выше физіологически-фонетическому

принципу, и тогда предпочитаются легко произносимыя слова; потомъ уже чисто психологическому принципу, и ребенокъ поэтому усваиваетъ только слова и формы, соотвѣтствующія его развитію, остальное отъ него ускользаетъ (Штернъ). Въ этомъ смыслѣ можно различать по порядку развитія: переходъ отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ индивидуальнаго къ общему и наконецъ, особенно подчеркнутый Мейманомъ, переходъ отъ субъективнаго къ объективному. Въ этихъ послѣднихъ переходахъ Штернъ особенно отмѣчаетъ, что страдательный залогъ употребляется ребенкомъ по крайней мѣрѣ на годъ позднѣе дѣйствительнаго, затѣмъ ребенокъ своеобразно обращается съ глагольными формами: прежде всего употребляется будущее, какъ первое выраженіе воли и чувства. Этому соотвѣтствуетъ употребленіе неопредѣленнаго наклоненія, какъ единственной глагольной формы у ребенка для выраженія желанія. Это неопредѣленное наклоненіе можно бы назвать категорическимъ. Гораздо позднѣе появляется настоящее время, еще позднѣе прошедшее.

Въ синтаксисѣ мы находимъ такое же развитіе. Именно: одно слово замѣняетъ все предложеніе, затѣмъ къ короткому предложенію добавляется нѣсколько словъ, и уже позднѣе появляются связныя предложенія. Я уже приводилъ примѣры предложеній и разсужденій ребенка.

Существеннымъ кажется мнѣ указаніе, что отдѣльные періоды развитія рѣчи протекаютъ всегда нѣсколько времени спустя одинъ послѣ другого. Лепетъ исчезаетъ у ребенка поздно, и мы нерѣдко встрѣчаемъ у 7—8-лѣтнихъ дѣтей и даже позднѣе восторженное и безсмысленное выкрикиванье слоговъ и междометій. Подражаніе продолжается весь школьный періодъ, и кромѣ того имѣетъ значеніе при изученіи иностранныхъ языковъ; что же касается самостоятельной рѣчи, то намъ извѣстно, что нѣкоторыя дѣти очень поздно достигаютъ способности выражать свои мысли свободно, логично и понятно для окружающихъ. Нѣкоторыя не достигаютъ этого никогда.

II.

Недостатки и разстройства рѣчи.

Въ первомъ очеркѣ мы познакомились въ общихъ чертахъ съ развитіемъ рѣчи и видѣли, какое существенное вліяніе оказываетъ среда на это развитіе. Отсюда является возможность управлять и наблюдать за этимъ развитіемъ, чтобы оно шло правильнымъ путемъ, чтобы находить и своевременно удалять все препятствующее ему, всѣ уклоненія отъ нормальнаго развитія. Все это можно опредѣлить, какъ гигіену дѣтской рѣчи. Въ ней находимъ мы указанія на возможность устранить и предотвратить появленіе недостатковъ рѣчи, а появившіеся искоренить особыми мѣрами. Но, какъ всегда, предотвратить зло обыкновенно важнѣе и легче, чѣмъ отучить отъ укоренившагося зла, поэтому предотвращеніе недостатковъ рѣчи должно стоять на первомъ мѣстѣ.

Повидимому нѣтъ возможности воздѣйствовать гигіенически въ періодъ крика ребенка. Крикъ—единственное сильное проявленіе существа ребенка, онъ развиваетъ легкія, укрѣпляетъ ихъ. Но тѣмъ не менѣе продолжительный крикъ можетъ вредно отразиться на нѣжныхъ голосовыхъ органахъ ребенка. Я считаю поэтому неправильнымъ давать дѣтямъ кричать цѣлыми часами, не пытаясь устранить причину раздраженія, остановить этотъ крикъ недовольства. Уже невѣроятная высота звука, до которой иногда доходятъ дѣти, и быстрое вдыханіе во время крика могутъ повредить при продолжительности крика голосу ребенка.

Въ періодъ лепета разговоры окружающихъ могутъ поощрить и даже вызвать лепетъ ребенка. Это имѣетъ значеніе для укрѣпленія органовъ рѣчи и для возбужденія большей легкости рѣчи. Правильная помощь въ этомъ направленіи можетъ принести ребенку только пользу.

Мѣры гигіеническія важнѣе всего въ періодѣ подражательномъ. Здѣсь сами собой вытекаютъ слѣдующія правила:

1) Образцы рѣчи должны быть возможно

лучше: чѣмъ лучше, яснѣе выговоръ, тѣмъ легче воспринимаетъ ребенокъ звуки рѣчи, легче подражаетъ имъ.

2) Плохіе образцы рѣчи должны тщательно устраняться. Такъ какъ подражательная способность ребенка чрезвычайно велика, то здѣсь надо быть очень осторожнымъ. Сами родители должны, обращаясь къ ребенку, говорить точно, ясно выговаривая и раздѣляя звуки и слова. Странно думать, что ребенокъ лучше понимаетъ такъ наз. «рѣчь кормилицы», чѣмъ обыкновенную нормальную рѣчь. Можно всегда доказать противоположное. Дѣтскія книжки съ такимъ языкомъ (Ammensprache) должны быть изъяты изъ дѣтской. Кормилица и нянька должны говорить нормально, при ихъ выборѣ надо принимать во вниманіе и ихъ говоръ. Это требованіе было уже выставлено римскимъ ораторомъ Квинтиліаномъ. Какъ трудно отучить отъ недостатковъ рѣчи, перенятыхъ у кормилицы, достаточно одного примѣра. Ребенокъ перенимаетъ у кормилицы, оставшейся въ семьѣ нянькой, неправильное произношеніе буквы с. Родители, замѣтивъ это, удаляютъ няньку. Слѣдующій ребенокъ перенимаетъ этотъ недостатокъ отъ старшей сестренки, третій отъ первыхъ двухъ, такъ что, наконецъ, нѣсколько дѣтей изъ этой семьи имѣли этотъ недостатокъ рѣчи, тогда какъ родители и родные всѣ говорили безукоризненно.

3) Если у ребенка проявляется слабое желаніе къ звукоподражанію, то его можно усилить, для чего надо говорить возможно больше съ ребенкомъ. Не надо только заставлять ребенка говорить. Даже 3—4-лѣтній ребенокъ дѣлаетъ это очень неохотно. Пусть прелесть разговора сама воздѣйствуетъ на ребенка. Уже Песталоцци замѣтилъ это и говоритъ: «Никто не можетъ себѣ представить, если не видѣлъ самъ, до какой степени возбуждается вниманіе ребенка выговоромъ простыхъ звуковъ ба-ба-ба, да-да-да, ма-ма-ма, ля-ля-ля и т. д., и какую они имѣютъ для него привлекательность. Также трудно себѣ представить, какъ выигрываетъ вообще способность воспріятія того ребенка, который раньше запомнилъ эти звуки». Но не слѣдуетъ утомлять ребенка такими упражненіями и выбирать тѣ звуки, которые извѣстны, какъ легче воспринимаемые не только ухомъ, но и глазомъ. Какъ: б, п, м, д, т, н, л и др.

Въ періодѣ добровольной рѣчи встрѣчаются два несоотвѣтствія, легко влекущія за собой ошибки въ рѣчи: 1) Желаніе говорить велико, но мускулы рѣчи мало развиты. Въ такихъ случаяхъ легко получается запинанье, которое потомъ переходитъ въ заиканье. Уничтожить это можно медленнымъ разсказываніемъ маленькихъ разсказовъ, которые ребенокъ повторяетъ предложеніе за предложеніемъ. Это усиливаетъ способность говорить членораздѣльно и не утомляетъ вниманія ребенка, котораго привлекаетъ содержаніе разсказа. Второе несоотвѣтствіе заключается въ томъ, что пониманіе разговорной рѣчи стоитъ далеко впереди способности подражанія и вообще активной рѣчи. Здѣсь можетъ оказать громадную помощь въ исправленіи дѣтская книга съ картинками: напр. Бони (изданіе Шрейберга). Кто видѣлъ, какъ при своевременномъ воздѣйствіи такого простого средства было остановлено заиканье у одного мальчика съ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ заиканью, тотъ согласится со мною, что знакомство съ этимъ пріемомъ заслуживаетъ болѣе широкаго распространенія.

Книга съ картинками Бони содержитъ подробное руководство къ пользованію ею. Всѣ недостатки произношенія могутъ быть въ ранней стадіи еще легко устранены при помощи точнаго членораздѣльнаго произношенія. Во время вторичнаго прорѣзыванія зубовъ надо слѣдить, чтобы не появилась шепелявость.

Если многіе недостатки рѣчи могутъ быть устранены тщательнымъ наблюденіемъ за развитіемъ рѣчи, то все же остаются еще недостатки, которые достигаютъ своего полнаго развитія и представляютъ неисправимое зло. Прежде всего самымъ тяжелымъ является совершенная невозможность развитія рѣчи.

Нѣмота. Всякій новорожденный, такъ сказать, нѣмъ; онъ долженъ постепенно учиться говорить. Эта физіологическая нѣмота можетъ продолжаться до конца второго года, потому что скорость развитія рѣчи различна, дѣвочки вообще начинаютъ говорить раньше мальчиковъ. Но если нѣмота продолжается и третій годъ, то надо предполагать какое-либо препятствіе къ развитію рѣчи. Отыскивая эти препятствія, надо прежде всего имѣть въ виду тѣ органы

чувствъ, которые необходимы для образованія рѣчи: слухъ, зрѣніе и осязаніе. Конечно, зрѣніе имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ слухъ, но оно необходимо для вѣрнаго подражанія движеніямъ при произнесеніи звуковъ. Осязаніе необходимо, какъ мускульное чувство и чувство движенія въ органахъ рѣчи для правильнаго произношенія.

Говорятъ, слухъ контролируетъ нашу рѣчь. Это вѣрно постольку, поскольку слухъ контролируетъ нашу рѣчь, сравнивая ее съ рѣчью окружающихъ. Въ ту минуту, когда человѣкъ говоритъ самъ, онъ можетъ контролировать свое произношеніе, голосъ и дыханіе мускульнымъ чувствомъ и ощущеніемъ; слухъ же можетъ контролировать только тогда, когда мы уже произнесли слово, поэтому контроль со стороны слуха являлся бы всегда слишкомъ поздно. Несмотря на это, раздраженіе слуха является самымъ важнымъ для возникновенія рѣчи у ребенка, и когда передъ нами ребенокъ, который въ три года еще не говоритъ, то мы должны изслѣдовать его слухъ.

Тугоухость даже въ умѣренной степени можетъ препятствовать въ полной мѣрѣ развитію рѣчи ребенка. Но не легко опредѣлить тугоухость ребенка такого возраста. Въ общемъ придется ограничиться наблюденіемъ за тѣмъ, какъ ребенокъ реагируетъ на далекую музыку, тихіе звуки и т. д. Во всякомъ случаѣ совѣтъ ушного врача необходимъ. Въ случаѣ полнаго отсутствія слуха, когда ребенокъ глухъ, то его нѣмота является уже глухонѣмотой.

Глухота большей частью замѣчается самими родителями: у ребенка нѣтъ характернаго періода лепета, произносимые звуки рѣзки, немелодичны и не подражаютъ тону и манерѣ говорить взрослыхъ, особенно когда ребенокъ лепечетъ со своей игрушкой. При окликѣ такой ребенокъ не повернется, для этого надо стукнуть, тогда ребенокъ воспринимаетъ звукъ осязаніемъ. О глухонѣмотѣ мы будемъ говорить въ другой главѣ этой книги.

Если слухъ у ребенка нормаленъ или не слишкомъ пониженъ, то мы имѣемъ у ребенка нѣмоту при наличности слуха. Такія дѣти или совсѣмъ не говорятъ, или говорятъ всего нѣсколько словъ, но они все понимаютъ: они приносятъ требуемыя вещи и вообще во всѣхъ отно-

шеніяхъ нормальны, только не говорятъ сами. Часто помѣхой бываютъ органы периферіи, особенно болѣзни и измѣненія въ носу и глоткѣ, и своевременная операція спеціалиста даетъ желаемый толчокъ для дальнѣйшаго развитія рѣчи. Препятствовать могутъ также разстройства питанія и пищеваренія. Случается даже, что ребенокъ съ вполнѣ развитой рѣчью теряетъ способность говорить подъ вліяніемъ болѣзни. Особенно могутъ служить сильнымъ препятствіемъ къ развитію рѣчи болѣзни кишечника: напр. глисты могутъ вызвать нѣмоту. Опредѣленіе всѣхъ этихъ условій должно быть предоставлено врачу. Также дѣло врача опредѣлить, не задерживается ли развитіе рѣчи какими-либо тяжелыми душевными разстройствами: идіотизмомъ, слабоуміемъ. Объ этомъ тоже будетъ подробнѣе сказано дальше.

Предположимъ, что дѣло идетъ только о чистой нѣмотѣ, безъ недостатка слуха или интеллекта; тогда весь вопросъ въ томъ, какъ устранить препятствіе къ развитію рѣчи. До 4—5 лѣтъ ребенокъ очень неохотно подражаетъ по приказанію, поэтому въ этомъ возрастѣ нельзя пользоваться систематическими упражненіями. Но можно попробовать вызвать это подражаніе частымъ раздраженіемъ слуха и зрѣнія, т.-е. надо постоянно говорить съ ребенкомъ, разсказывать ему по картинкамъ маленькія исторіи, говорить при этомъ возможно яснѣе съ выразительными движеніями рта; заставлять ребенка играя двигать губами: показывать ему какъ дуть на бумагу, на пухъ, въ трубу и т. д., пока у ребенка не пробудится желаніе подражать. Надо остерегаться побуждать ребенка къ подражанію обѣщаніями или тѣмъ болѣе угрозами. Недовольный тонъ пугаетъ ребенка, и результатъ получается совершенно противоположный. Какъ часто мнѣ показывали такихъ напуганныхъ нѣмыхъ дѣтей!

Часто цѣль достигалась только тѣмъ, что я давалъ подробную инструкцію матери, какъ обращаться съ такими дѣтьми, или когда на ребенка нѣсколько мѣсяцевъ не обращали вниманія.

Если нѣмота продолжаетъ упорно держаться, то ее надо стараться преодолѣть спеціальнымъ лѣченіемъ и постояннымъ упражненіемъ, по возможности до школьнаго возра-

ста. Часто въ довольно короткій срокъ ребенокъ начинаетъ говорить и можетъ своевременно поступить въ школу.

Афазія, т.-е. потеря языка послѣ того, какъ ребенокъ вполнѣ имъ владѣлъ, тоже подлежитъ изслѣдованію врача-спеціалиста. Кромѣ выше приведенныхъ причинъ, у дѣтей, какъ и у взрослыхъ, можетъ появиться афазія вслѣдствіе болѣзней или поврежденій мозга. Она бываетъ также послѣдствіемъ тяжелыхъ инфекціонныхъ болѣзней, тифа, кори, краснухи и т. д. Но у ребенка легче, чѣмъ у взрослаго возвращается способность говорить. Я наблюдалъ афазію у одной 11-лѣтней дѣвочки, у которой было поврежденіе лобной части мозга. Черезъ 6 недѣль къ ней вернулась рѣчь, хотя съ ребенкомъ ничего особеннаго не дѣлали, а только разсказывали ему по картинкамъ различныя исторіи. Очевидно дѣтскій мозгъ гораздо впечатлительнѣе, чѣмъ мозгъ взрослаго, и можетъ легче замѣстить въ работѣ другими частями погибшія части мозга. Гораздо труднѣе вернуть рѣчь при общихъ болѣзняхъ мозга, напр., при дѣтскомъ параличѣ. Часто здѣсь нужна помощь врача-спеціалиста.

Заиканіе проявляется судорожными остановками дыханія, голоса, выговора. Ребенокъ останавливается, не можетъ говорить дальше, дѣлаетъ разныя движенія, киваетъ головой, машетъ руками, топаетъ ногами, чтобы преодолѣть препятствіе. Мы уже видѣли, что начало зла лежитъ въ запинаніи, происходящемъ отъ несоотвѣтствія между желаніемъ ребенка и его способностью говорить, и что особыми мѣрами можно часто предотвратить заиканіе. Но что дѣлать, если зло уже укоренилось? Разсмотримъ подробнѣе причины заиканія.

При тщательномъ изслѣдованіи домашнихъ условій я нашелъ въ 569 случаяхъ заиканья дѣтей — что почти 10% заиканья было вызвано подражаніемъ другимъ дѣтямъ заикамъ, не принадлежащимъ къ семьѣ ребенка. При этомъ въ 28,6% заиканіе наблюдалось уже въ семьяхъ, въ 8,3% передавалось непосредственно отцомъ или матерью ребенку. Въ 26,7% не было никакой особой причины, и здѣсь мы должны считать причинами вышеупомянутыя препятствія къ развитію рѣчи. При той большой роли, которую играетъ подражаніе, ясно видно, что въ названныхъ случаяхъ меньше приходится говорить о наслѣдственности, чѣмъ о подра-

жаніи. Въ послѣднихъ 26,7% дѣти были чрезвычайно нервныя, воспріимчивыя ко всему раздраженію.

И здѣсь причиной нервности дѣтей почти всегда была наслѣдственность. Отсюда мы видимъ, что упомянутое нѣсколько разъ несоотвѣтствіе между пониманіемъ рѣчи и способностью говорить замѣчается у всѣхъ дѣтей, но что только нервнымъ дѣтямъ угрожаетъ заиканіе. За такими дѣтьми надо поэтому особенно слѣдить. Приведенное изслѣдованіе показало еще, что заиканіе въ 14% случаевъ являлось слѣдствіемъ тяжелыхъ поврежденій и психическихъ разстройствъ, что въ 10,2% оно было послѣдствіемъ дифтерита, тифа, кори, инфлюэнцы, воспаленія мозговыхъ оболочекъ.

При заиканьи часто наблюдается хроническая опухоль миндалевидныхъ железъ уже упомянутыхъ при нѣмотѣ, и удаленіе этихъ желѣзъ приноситъ нерѣдко пользу.

Какъ надо обращаться въ семьѣ съ такимъ ребенкомъ-заикой?

Если въ семьѣ есть еще и другіе заики, то никакія мѣры немыслимы, пока ребенокъ въ семьѣ. Его надо перевести въ другую обстановку.

Также невозможно устранить заиканье, если окружающіе говорятъ слишкомъ быстро и торопливо. Но если мать заставитъ себя говорить очень медленно и ясно, и если заиканье такого рода, что ребенокъ при повтореніи словъ и предложеній не заикается, то заиканье, даже въ полномъ развитіи, можетъ быть устранено, даже при нервной наслѣдственности и предрасположеніи ребенка къ заиканью.

Мѣры очень просты: медленно выговаривать и заставлять ребенка повторять по предложеніямъ маленькіе разсказы, упражнять рѣчь ребенка по картинамъ (книга Бони), не допускать ребенка торопиться, прерывать его, когда онъ начинаетъ заикаться, помогать, когда слово ему дается съ трудомъ. Было бы неправильно не считаться съ этимъ зломъ, или отвлекать отъ него вниманіе ребенка въ надеждѣ, что это облегчитъ заиканье, что оно исчезнетъ отъ этого. Мой почти 20-лѣтній опытъ доказываетъ противоположное.

Если ребенка пріучать къ правильному медленному, послѣдовательному повторенію хорошо выговоренныхъ предложеній, то большей частью заиканье пропадаетъ безъ боль-

шихъ затрудненій. Ребенокъ, наблюдая спокойную рѣчь, побѣждаетъ свой недостатокъ.

Надо еще замѣтить, что при выговариваніи и повтореніи ребенкомъ словъ и предложеній надо усиливать и протягивать гласныя и обращать вниманіе на дыханіе.

Если мы вспомнимъ, какой вредъ приноситъ ребенку заиканье въ школѣ, то мы поймемъ, что намъ надо стремиться къ тому, чтобы устранить недостатокъ его рѣчи еще въ дошкольномъ возрастѣ. Подробныя указанія можно найти въ моей маленькой книгѣ: «Des Kindes Sprache und Sprachfehler». Leipzig 1894 (Дѣтскій языкъ и его недостатки). Даже въ школѣ имѣется 1% заикъ, настолько значительное число, что въ большинствѣ крупныхъ общинъ Германіи были учреждены для такихъ дѣтей спеціальныя школы, въ которыхъ успѣшно искореняется этотъ недостатокъ.

Косноязычіемъ мы считаемъ недостатки въ выговорѣ: отсутствіе буквъ к и г, замѣна ихъ т и д, невѣрное произношеніе шипящихъ, шепелявость, замѣна с — буквой т, д, буквы ф — п, пропускъ буквы, особенно въ рядомъ стоящихъ согласныхъ. Всѣ эти недостатки понемногу устраняются яснымъ произношеніемъ этихъ буквъ окружающими. 4 — 5-лѣтнее дитя не должно говорить такимъ дѣтскимъ языкомъ. Иногда вина въ насъ самихъ, въ упомянутой мной излюбленной рѣчи кормилицъ (Ammensprache), которой нѣкоторыя матери считаютъ нужнымъ придерживаться въ разговорѣ съ дѣтьми. Окружающіе ребенка могутъ поэтому часто препятствовать развитію его рѣчи. Если окружающіе не дѣлаютъ этихъ ошибокъ, а ребенокъ до 6 лѣтъ лепечетъ и шепелявитъ, то или у ребенка органическій недостатокъ рѣчи, или онъ слабоуменъ, или у него ненормальный слухъ.

Изъ упомянутыхъ недостатковъ я хочу особенно указать на отсутствіе буквъ к и г, потому что это явленіе можетъ быть легко устранено рукой. Ребенка заставляютъ крѣпко придерживать кончикъ языка его же указательнымъ пальцемъ и заставляютъ его такъ говорить т и д. Этихъ буквъ нельзя выговорить, потому что языкъ касается неба и вмѣсто т, д, выговаривается к и г. Съ этой помощью нормальный ребенокъ легко преодолѣваетъ свой недостатокъ.

Изъ недостатковъ органовъ рѣчи надо особенно упомянуть прирожденныя небныя щели. Въ такихъ случаяхъ лучше всего въ 4—5 лѣтъ сдѣлать операцію и затѣмъ систематически упражнять ребенка въ рѣчи, чтобы устранить недостатокъ еще до поступленія въ школу.

Игры и занятія ранняго возраста.

Лили Дрёшеръ.

Радость, это—небо, подъ которымъ все расцвѣтаетъ, кромѣ яда.

Поэтъ Конрадъ Мейеръ разсказываетъ, какъ онъ засталъ свою милую за дѣтской игрой.

Вынувъ изъ старой шкатулки деревушку, она разставляла дома, деревья и церкви, какъ когда-то въ дѣтствѣ, но уже съ другими думами, направленными къ прошлому и будущему.

Это были, конечно, яркіе дома добраго стараго времени, къ которымъ теперь возвращаются опять, ярко-зеленыя деревья странной формы и церковь съ остроконечной колокольней.

Кто не видитъ ея передъ собой? Кто не пойметъ ея положенія? Дѣвушка хотѣла очевидно привести въ порядокъ свои вещи, и, когда она ихъ перебирала, ей попалась подъ руки старая, забытая шкатулка. Она открыла крышку, и веселыя воспоминанія дѣтства хлынули на нее. Все вдругъ воскресло, солнце, радость, жизнь далекаго дѣтства. Это случалось уже не съ однимъ взрослымъ, благоразумнымъ человѣкомъ!

Старая сломанная игрушка переворачивала всѣ солидныя практичныя мысли вверхъ ногами и заставляла оглядываться назадъ къ тому времени, когда скромный мячъ, выцвѣтшая картинка, старая кукла составляли радость ребенка.

Для людей съ богатымъ дѣтствомъ много таинственной силы въ этихъ мертвыхъ вещахъ; у нихъ всякій разъ становится тепло на сердцѣ при воспоминаніяхъ объ играхъ дѣтства. Счастливы тѣ, у которыхъ сохранилось еще въ душѣ много дѣтскаго; юность остается въ ихъ сердцахъ и въ ихъ отношеніи къ молодому подрастающему поколѣнію! У дѣтей тонкое чутье на то, кто ихъ понимаетъ и кто къ нимъ въ душѣ расположенъ.

Къ кому охотнѣе всего идутъ дѣти? Къ тѣмъ, кто хорошо разсказываетъ, побуждаетъ ихъ къ дѣятельности и устраиваетъ игры. Обратимся къ болѣе простымъ условіямъ жизни людей въ деревнѣ и маленькихъ городахъ.

Игрушки кустарной работы.

Здѣсь мы находимъ дѣтей у деревенской бабушки съ богатымъ запасомъ сказокъ, у работника, который умѣетъ дѣлать ивовыя дудки, на лѣсномъ дворѣ, въ гончарной. Здѣсь широко открытыми глазами смотрятъ они на гончарный кругъ, и счастливы, если имъ удается унести комочекъ глины, изъ котораго можно дѣлать разныя фигурки.

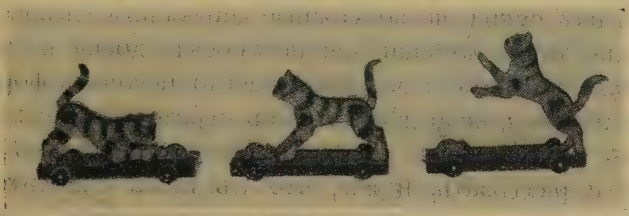
Юному существу хочется расти душой и тѣломъ, поэтому оно пробуетъ и упражняетъ свои силы, находя нужную ему школу въ игрѣ, въ свободной дѣятельности, въ самостоятельныхъ работахъ. Игра даетъ возможность развиваться; дѣятельность — условіе развитія.

«Только дѣятельность дѣлаетъ дѣтей веселыми, спокойными и содержательными; обыкновенныя игры дѣтей, — это

проявленія серьезной дѣятельности, но въ самой легкой воздушной формѣ».

Еще грудной ребенокъ даетъ намъ понять, что дѣятельность доставляетъ ему удовольствіе.

Грудной ребенокъ какъ бы знакомится со своими пальцами, ногами, и первая игрушка уже найдена. Если ему попадется шуршащая мятая бумажка, маленькое существо начинаетъ сейчасъ же комкать ее или рвать, упражняться въ вновь пріобрѣтенной способности, и полугодовалый ребенокъ испытываетъ явное удовольствіе, разсыпая вокругъ безчисленные клочки бумаги и видя, что онъ самъ причина чего-то новаго. Новое, неожиданное удовольствіе доставляетъ познаніе, что предметы могутъ производить шумъ, особенно, когда ихъ роняютъ; и нѣтъ ничего лучше для ребенка, какъ трясти побрякушкой, ударять ложкой, слу-



Игрушки кустарной работы.

шать часы, и самому дѣлать ручкой тикъ-тикъ. Инстинктивно, не подозрѣвая того, что этимъ достигается развитіе мускуловъ и ловкость, матери всѣхъ временъ находили именно тѣ игры пальцами и членами, которыя, судя по сказкамъ, были одинаковы въ богатыхъ и бѣдныхъ домахъ и приводили въ восторгъ маленькихъ дѣтей: «ладушки, ладушки», «сорока-воровка» и т. д. Эти народныя игры были собраны и дополнены Фребелемъ.

Въ самыя отдаленныя доисторическія времена были употребительны дѣтскія погремушки изъ глины, или плетеныя; но были также погремушки, заимствованныя у природы, напр., сухая маковая головка съ ея безчисленными дребезжащими сѣменами мака. Мы пришли къ тѣмъ предметамъ, которые играли и играютъ большую роль въ дѣтствѣ, и которые даетъ намъ сама природа: каштаны, шишки и т. п.

Въ первые годы своей жизни ребенку надо очень мало для счастья — гораздо меньше того, что какъ думаютъ ему нужно и что даютъ ему. Тщательный, правильный уходъ, развитіе въ ребенкѣ привычки къ чистотѣ, дисциплинированіе инстинктовъ, и любовное отношеніе къ естественнымъ склонностямъ ребенка — вотъ условія его благополучія.

Свѣтлую, теплую атмосферу любви, которая порождаетъ веселье и радость, даетъ ребенку колыбельная пѣснь, игра пальцами и подходящія игрушки: мячъ на веревочкѣ, который можетъ прыгать и скакать, арлекинъ, резиновая кукла (надо удалить металлическую звѣздочку), собака, которая можетъ пищать. Эти вещи удовлетворятъ маленькаго гражданина надолго. Чѣмъ больше развиваются силы, тѣмъ разнообразнѣе становятся игры. Мягкій, сшитый или связанный мячикъ замѣняется твердымъ, упругимъ или шаромъ для катанья, за которымъ надо бѣгать; хороши: слонъ и кроликъ изъ сукна, всевозможные деревянные звѣри, кожаная кукла, также кубики для построекъ, доска и грифель, оловянная посуда (безъ острыхъ краевъ), песочныя формочки, тачка и лопатка, если дѣти могутъ играть на дворѣ. Наконецъ, въ подходящемъ возрастѣ, куклы, которыхъ можно одѣвать и раздѣвать, и все, что къ нимъ относится, мебель, простыя и красивыя кухни, умывальники, лошадь и конюшня, Ноевъ ковчегъ, желѣзная дорога, дома — все должно быть прочно и цѣлесообразно. Не къ добру для нашихъ дѣтей то, что рождественскій столъ теперь переполненъ всякими сокровищами, такъ что малыши не знаютъ, на что раньше смотрѣть и за что взяться. Юная душа не можетъ смотрѣть сразу на всѣ игрушки и любоваться ими — радость отъ обладанія такимъ количествомъ сразу мѣшаетъ наслаждаться каждой игрушкой въ отдѣльности. Надо съ малыхъ лѣтъ быть въ личномъ общеніи съ игрушками, какъ съ книгами и картинками, чтобы цѣнить ихъ. Дѣти оцѣниваютъ игрушки совсѣмъ не такъ, какъ взрослые. Для послѣднихъ, къ сожалѣнію, важны цѣна или полезность вещи; для дѣтей рѣшающимъ является иллюзія. Что можно сдѣлать изъ этой вещи? Необходимо прочесть цѣнные очерки: Рейхенау «Въ нашихъ четырехъ стѣнахъ» и Отто Эрнста «Карманы Эразма». Оба автора трактуютъ ту же тему: какія сокровища хранятся въ карманахъ любознательнаго маль-

чугана. Можно попробовать спросить шестилѣтняго мальчика, зачѣмъ ему эта пуговица, нитка, и т. п., и всегда получить самое меньшее одинъ отвѣтъ. Въ основѣ дѣтскихъ игръ лежитъ то, что вещи служатъ не для одной только цѣли, а могутъ находить самое разнообразное примѣненіе.

«Каждый кусочекъ дерева — это цвѣтущій посохъ, на которомъ фантазія можетъ укрѣпить пышныя розы». Ребенокъ по своей волѣ превращаетъ вещи и въ то же время наслаждается своимъ самообманомъ; въ томъ, что, подражая дѣйствительности, онъ ее превращаетъ по своему желанію — есть для ребенка особая прелесть.

Каждый ребенокъ по-новому творитъ міръ и радуется открытіямъ, какъ Робинзонъ.

А такъ какъ фантазія обладаетъ такой силой, что ребенокъ богатъ и съ самыми скромными игрушками, то неразумно давать ему много дорогихъ игрушекъ, въ совершенствѣ подражающихъ жизни. Игрушки должны возбуждать, но не исчерпывать духовную дѣятельность ребенка. Гёте даетъ прекрасный примѣръ той ошибки, которую дѣлаютъ многіе отцы и воспитатели въ этомъ отношеніи. «Маленькій Феликсъ игралъ новой игрушкой, отецъ хотѣлъ помочь ему устроить все лучше, аккуратнѣе и цѣлесообразнѣе, но у ребенка сейчасъ же пропала охота играть. «Ты настоящій человѣкъ,—сказалъ Вильгельмъ, — подойди ко мнѣ, давай играть, какъ вздумается!» Маленькій Феликсъ принадлежитъ къ самостоятельнымъ живымъ натурамъ, которыя всегда говорятъ: «дай, я самъ сдѣлаю». Не всякій ребенокъ отказался бы, какъ онъ, отъ помощи отца, но всякій ребенокъ хоть разъ станетъ сопротивляться, когда будутъ вмѣшиваться въ его игру и навязывать ему мысли и усовершенствованія, не входящія въ планъ его игры. Самое дорогое въ игрѣ — это самостоятельность творчества. Какъ у художника, носятся у ребенка образы, возможности, онъ выбираетъ матеріалъ, или матеріалъ самъ случайно попадается ему въ руки, и маленькій творецъ начинаетъ радостно творить. Существеннымъ условіемъ для этого долженъ быть покой. Какъ для ѣды, сна, исполненія обязанностей, должно быть такъ же время и для игры. Не надо отрывать дѣтей, таскать постоянно въ гостиную на

показъ, «они вѣдь только играютъ». — Надо сознавать ихъ право играть; лучше провести гостей, которые дѣйствительно интересуются дѣтьми, туда, гдѣ дѣти играютъ, и не бояться, что ихъ найдутъ не достаточно «презентабельными» для гостей. Именно въ свободной игрѣ яснѣе всего выступаетъ натура ребенка, — его желанія и идеалы. Для наблюдателя игра ребенка—источникъ его познанія ребенка. Конечно только та игра, которая придумана самимъ ребенкомъ, которая есть самоцѣль и радость творчества, какъ это цѣнится Гёте. Игра ребенка знакомитъ насъ также съ тѣмъ, какъ воспринимается ребенкомъ міръ.

Какъ только ребенокъ сталъ говорить, начинаются разговоры съ игрушками, монологи и пѣніе, ласковыя слова и выговоры — точное подражаніе тому, что онъ слышитъ — въ перемежку съ исковерканными словами. При этомъ ему кажется, что кукла отвѣчаетъ, лошадь ржетъ и т. д., вещи одухотворяются, ребенокъ играетъ съ самимъ собой. Бываютъ тихія игры въ углу, или дикія, когда ребенокъ носится по комнатѣ, употребляетъ всю мебель для игры, все время двигается, или же драматическія игры съ вѣрной передачей пережитаго. Сельма Лагерлёфъ очень тонко описываетъ въ своемъ романѣ «Іерусалимъ» этотъ способъ игры.

Она заставляетъ разсказывать сына крестьянина: «Я часто замѣчалъ, что дѣти послушнѣе всего, когда они подражаютъ въ играхъ взрослымъ. Можно быть совершенно спокойнымъ за нихъ, когда они обрабатываютъ поле, отмежованное посреди улицы, когда они погоняютъ гнѣдого, или щелкаютъ бичомъ изъ нитки, или бороздятъ прутомъ лужу. Они счастливы и довольны, они торопятся посѣять раньше сосѣдей и жалуются, что никогда еще не приходилось пахать такую твердую пашню.

Я еще хорошо помню, какой красивый хлѣвъ построилъ я себѣ изъ деревянныхъ обрубковъ, разставивъ въ немъ шишки вмѣсто коровъ. Я приносилъ аккуратно утромъ и вечеромъ свѣжаго сѣна, а иногда представляя себѣ, что наступила весна, я выгонялъ ихъ на лугъ. Я дулъ въ березовую дудку и такъ громко звалъ ихъ, что слышно было по всему двору. Матери я разсказывалъ, сколько даютъ мнѣ коровы молока, сколько я могу получить за свое масло на мызѣ. Я наблюдалъ, чтобы налобникъ на лбу моего

быка держался крѣпко и предостерегалъ всѣхъ прохожихъ, что быкъ легко забодать можетъ ихъ».

Потомъ онъ разсказываетъ, какъ изъ этой игры возникли совмѣстныя игры съ товарищами, какъ они играли въ «общинный совѣтъ».

Серьезно, съ типично крестьянской выдержкой совѣтуются малыши о податяхъ, о поддержкѣ бѣдныхъ, величая другъ друга не иначе, какъ господинъ бургомистръ, господинъ «присяжный»! Это прекрасный примѣръ того, какъ дѣти серьезны въ своихъ играхъ, какъ они входятъ въ свои роли.

Само собой разумѣется, что надо вмѣшиваться, когда фантазія выбираетъ путь, опасный для тѣла и души ребенка или для окружающихъ. Когда, напр., ребенокъ, представляя звѣря, начинаетъ кусаться, или намѣревается на самомъ дѣлѣ затянуть лассо, — надо сдерживать его воображеніе; дѣтей, съ слишкомъ сильнымъ воображеніемъ, со склонностями лгать въ играхъ, надо оберегать отъ фантастическихъ, возбуждающихъ игръ и давать имъ интересныя и живыя занятія. Въ противномъ случаѣ такія дѣти легко гибнутъ въ жизни; они хотятъ жить, какъ въ сказкѣ, дѣйствительность задѣваетъ ихъ и ранитъ, они не могутъ съ ней освоиться.

Нормально одаренпаго ребенка можно спокойно предоставить его играмъ. Онъ большей частью воспроизводитъ то, что видитъ, и поэтому онъ предпочитаетъ тѣ игрушки, которыя даютъ ему возможность играть такъ, какъ другіе работаютъ. Но незнакомое, непривычное тоже имѣетъ свою прелесть; для городскихъ дѣтей, напр., очень интересенъ помѣщичій дворъ съ конюшней и голубятней.

Вообще всѣ дѣти любятъ тотъ матеріалъ, который можетъ принимать новыя формы, видоизмѣняться. Только дѣти съ богатой фантазіей преодолѣваютъ трудность, представляемую механически - совершенной игрушкой.

Большія желѣзныя дороги со всѣми машинами, ящики для архитектурныхъ работъ и т. п. должны попадать въ руки подрастающихъ дѣтей, понимающихъ уже силу механизма, и которые могутъ обогатить игру новыми комбинаціями. Неизбалованный десятилѣтній ребенокъ совершенно доволенъ простой дешевой желѣзной дорогой, ко-

торую можно прицѣплять по-своему и везти когда и куда угодно. Сначала ребенокъ больше всего любитъ небольшіе ящики съ кубиками. Многія дѣти, располагающія самыми красивыми игрушками и сложными ящиками для построекъ, выпрашиваютъ себѣ опять дешевые фребелевскіе кубики, и какихъ только ни придумываютъ они съ ними интересныхъ игръ. Простоту, и опять простоту, хотѣлъ бы я проповѣдывать! Намъ нечего искусственно вводить ее въ жизнь ребенка, она въ самой природѣ его; — это мы, взрослые, подавляемъ ее, когда выбираемъ не то, что подходитъ ребенку, а то, что удовлетворяетъ нашъ вкусъ, что представляетъ цѣнный подарокъ. Или, что хуже всего, какъ при выборѣ книгъ удобнѣе всего взять первую попавшуюся, что-нибудь новое, еще невиданное. Отсюда развивается утонченность, неестественность, которая тоже къ несчастью распространяется въ дѣтской. Чтобы видѣть ложный путь нашей «культуры» въ отношеніи дѣтей, достаточно посмотрѣть на наши витрины. — Тутъ куклы-великаны, грандіозныя и неподвижныя, — теперь, впрочемъ, есть и ходящія куклы и говорящія — монотонно повторяющія одно и то же некрасивымъ голосомъ — вмѣсто того, чтобы милый дѣтскій голосокъ говорилъ самъ за свою куклу. Тутъ все приданое для куклы, дороже гардероба самого ребенка, тутъ и туалетный столикъ, а не простой милый умывальникъ. Туалетъ въ ростъ ребенка съ банками, гранеными флаконами и пушками для пудры, т.-е. съ тѣми предметами, которыми пользуются взрослые и къ которымъ незачѣмъ привлекать интересы дѣтей. Сколько требованій вызоветъ такая

Игрушки кустарнаго производства.

роскошная игрушка; сколько матеріализма, влекущаго дѣтей цѣнить вещь за ея высокую цѣну! — Какъ на рѣзкій примѣръ, до чего можно дойти въ этомъ отношеніи, укажемъ, что въ этомъ году среди многочисленныхъ и глупыхъ и красивыхъ игрушекъ была даже банкирская контора. Представьте себѣ эту игру! Залоги и векселя, закладныя и проценты, биржевой крахъ и банкротство — въ устахъ ребенка! Или дорогой ювелирный магазинъ, какъ было недавно объявлено во Франціи! — Конечно, все это крайности, но ихъ больше, чѣмъ думаютъ. Если хотите познакомиться со свѣтлыми и тѣневыми сторонами въ области игрушекъ, прочтите книгу: «Игрушки въ жизни ребенка». А потомъ эта страсть къ обученію, которая врывается въ игру ребенка, гдѣ ей совсѣмъ не мѣсто. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ стараются передать дѣтямъ знанія. И эти знанія, которыя такъ важны въ жизни и образованіи человѣка! Игры для рисованія съ образцами, на которыхъ написано имя, день рожденія и смерти художника и т. п.!

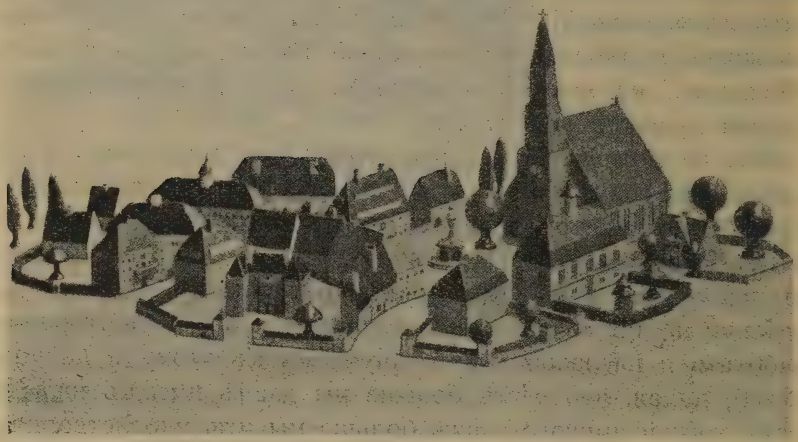
Мы не можемъ дождаться, чтобы почка налилась и созрѣла сама, намъ всегда хочется поскорѣе увидѣть спѣлый плодъ, потому что расцвѣтъ слишкомъ продолжителенъ, а плодъ гораздо полезнѣе, чѣмъ цвѣтокъ. Поэтому многое въ воспитаніи слишкомъ преждевременно и искусственно, ребенку не даютъ медленно развиваться. Мы сами спѣшимъ работать и наслаждаться и пріучаемъ къ этому и нашихъ дѣтей, думая, что чѣмъ больше мы даемъ имъ съ малыхъ лѣтъ того и другого, тѣмъ больше мы ихъ удовлетворили.

У дѣтей есть то, чего мы сами тоскливо жаждемъ. Пока школа, музыка, спортъ не отнимаютъ у нихъ всего времени, у нихъ есть золотой досугъ, свобода дѣйствія, возможность грезить и слагать сказки. — Но вотъ приходимъ мы, взрослые, и смущаемъ юныя души, даемъ имъ наслажденія, вмѣсто радости, утонченность вмѣсто простоты, камень вмѣсто хлѣба, хотя мы и выбираемъ для нихъ дорогія, красивыя вещи!

Отрадно чувствовать поэтому свѣжую струю, ворвавшуюся въ дѣтскую. Художественный вкусъ, художественная промышленность и кустарный промыселъ взялись за то, чтобы опять воскресить милыя формы старой игрушки.

Опять воскресла заброшенная лошадь-палочка, опять покачивается взадъ и впередъ простая лошадь-качалка или ярко окрашенный козелъ. Всевозможныя деревянныя фигуры, примитивныя и характерныя по своимъ движеніямъ и выраженію, стоятъ рядомъ съ прелестными куколками, любимыми до сихъ поръ,—все это прочныя, хорошо исполненныя и прежде всего дѣтскія, одухотворенныя вещи — не фабричный товаръ.

Я, конечно, говорю не про всѣ новыя вещи. Я понимаю



Игрушки дрезденскихъ кустарей.

пожиманье плечами тѣхъ, кто стоитъ передъ этими яркими красками, передъ этими примитивными, даже странными формами, находя ихъ некрасивыми, потому что часто въ этихъ маленькихъ произведеніяхъ больше искусственной наивности, чѣмъ дѣтской. Желательно было бы кое-гдѣ больше изящества и меньше каррикатурности, но въ общемъ этому направленію можно только радоваться.

Къ сожалѣнію благами его можетъ пользоваться ограниченное число дѣтей, потому что эти игрушки остаются

недоступными по цѣнѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ не перешли къ крупному производству.

Родители и друзья дѣтей должны, критикуя эти новыя вещи, прислушиваться къ мнѣнію дѣтей о нихъ. Предубѣжденія взрослыхъ исчезнутъ, когда они увидятъ, какъ привлекаютъ ребенка эти краски и формы. Кромѣ того дѣти съ точки зрѣнія игры, навѣрное, укажутъ недостатки, которые ускользнутъ отъ взрослыхъ, напр., что двери хлѣва слишкомъ малы для звѣрей, что домикъ карликовъ съ снѣгурочкой примѣненъ только къ одному эпизоду и т. д.

Но мы находимся только въ началѣ новаго пути, поэтому легко ошибаемся, а реакція противъ приторности и сложности еще сильнѣе подчеркиваетъ грубое, почти мужицкое. Но лучше здоровая грубость, чѣмъ выдуманная, искусственная красота! Кромѣ того въ этихъ новыхъ вещахъ видно стремленіе поощрить самодѣятельность ребенка. Наконецъ-то!

Игрушка работы дрезденскихъ кустарей.

Ящики для построекъ съ продырявленными палками и досками, ящики съ столярными инструментами, пилами и напильниками, ящики для моделированья, хорошія тетради для раскрашиванья, складныя деревянныя желѣзныя дороги — всѣ эти игрушки основаны на стремленіи ребенка къ творчеству.

Что можетъ быть пріятнѣе въ дѣтствѣ, какъ сдѣлать самому игрушку? Для этого въ дѣтской должны быть ножницы, ящикъ съ инструментами и краски.

Послѣ прекрасныхъ лѣтнихъ дней, когда бѣготня, движеніе и игры на воздухѣ укрѣпили и освѣжили тѣло, сдѣлали ребенка бодрымъ и жизнерадостнымъ, когда куча песка, рѣка или ручей объединяли дѣтей въ постройкахъ крѣпостей, разведеніи садовъ, печеніи хлѣбовъ, — наступаютъ длинные зимніе послѣобѣденные часы и вечера, дождливые дни и сумерки, когда ребенокъ начинаетъ скучать. «Что мнѣ дѣлать?» — этотъ вопросъ задается часто, раздражая ребенка и окружающихъ. Поэтому надо запасаться матеріаломъ, который привлекаетъ, учитъ ребенка изощрять свою способность къ счастливому творчеству. Учите

создавать! Создавать поучительнѣе, чѣмъ разрушать. Немного денегъ, больше пониманія наклонностей ребенка, ловкость пальцевъ, немного вкуса — и сколько ссоръ будетъ остановлено такими занятіями.

Здѣсь я сошлюсь на прекрасныя развивающія и дешевыя средства для занятія ребенка, которыми мы обязаны Фрёбелю (къ сожалѣнію, многое, поступая въ продажу подъ именемъ великаго педагога, совершенно лишено фрёбелевскаго духа). — Я говорю не о систематическомъ распредѣленіи и пользованіи этимъ матеріаломъ. Свободное употребленіе его горячо рекомендуется всѣмъ родителямъ и воспитателямъ; фрёбелевскія игры даютъ ребенку желаемый матеріалъ для дѣятельности, даютъ въ руки средства передавать свои впечатлѣнія, создавать самому игру или дѣлать маленькія вещицы въ подарокъ своимъ роднымъ.

Глина или пластелинъ лучшій другъ дѣтей. Всѣ дѣти охотно мѣсятъ и лѣпятъ. Булочныя, лавочки, люди, звѣри получаются изъ мягкой массы. Камни и мотки шерсти дополняютъ игру, — бѣлая и цвѣтная бумага превращается въ лодки, дома, корзинки и т. д.

Можно дѣлать изъ бумаги прекрасныя комнаты для куколъ, которыя можно всегда обновить по желанію. Ребенокъ долженъ пользоваться ножницами съ тупыми концами. Боязнь многихъ, что ножи и ножницы опасны, — преувеличена. Надо пріучать дѣтей обращаться съ этими вещами осторожно и правильно — сперва подъ постояннымъ присмотромъ, при этомъ надо заинтересовывать дѣтей цѣлью ихъ работы. Тогда они будутъ рѣже обрѣзаться, чѣмъ получивъ запрещенный желанный ножъ и не умѣя съ нимъ обращаться.

Надо пріучать дѣтей къ обращенію съ инструментами. Тамъ, гдѣ мать не можетъ сама наставлять ребенка въ ручномъ трудѣ, она должна, если позволятъ средства, предоставить возможность старшимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ учиться ручному труду. Они могутъ дѣлать игрушки и предметы домашняго обихода, работы изъ дерева, плести корзины, дѣлать работы изъ картона, могутъ исправлять попорченныя вещи. Послѣднее дѣйствуетъ особенно воспитательнымъ образомъ: книга, исправленная самимъ ребенкомъ,

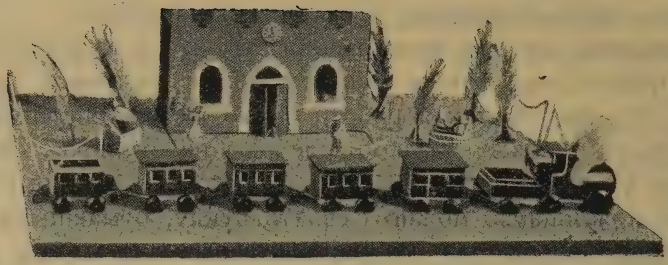
разовьетъ въ немъ больше бережливости и вниманія къ вещамъ, чѣмъ порицаніе, выговоры и наказаніе.

Наконецъ дѣтямъ можно показать, что они могутъ своими руками украсить и сдѣлать болѣе уютнымъ родной домъ. Эта практическая работа въ то же время учитъ, что «топоръ въ домѣ сберегаетъ расходы на столяра». Занятія уже въ дѣтскомъ возрастѣ должны готовить къ этому: благодаря ножницамъ, можно сдѣлать куклу, бумажныхъ солдатиковъ, фигуры для театра; вырѣзные листы, изъ которыхъ можно клеить дома, мельницы, замки тоже пріучаютъ руку къ вырѣзыванію. Какія прекрасныя книжки съ картинками можно дѣлать изъ картинокъ, вырѣзанныхъ изъ журналовъ и каталоговъ. Ихъ можно кромѣ того раскрасить цвѣтными карандашами или акварелью.

Изъ любви къ дѣтямъ я жалѣю, что красивые мюнхенскіе листы съ картинками постепенно исчезаютъ. Такой 5-тикопеечный листъ для раскрашиванія доставляетъ дѣтямъ большую радость. Они его изучаютъ, имъ наслаждаются, когда стараются воспроизвести его въ краскахъ. Для подрастающихъ дѣтей были прежде также листы съ костюмами и картины «изъ близкаго и далекаго», которыя заставляли маленькихъ художниковъ примѣнять свои географическія и историческія познанія, чтобы вѣрно нарядить средневѣковаго бюргера, или дать вѣрныя краски растеніямъ первобытнаго лѣса. Это — самообученіе въ лучшемъ смыслѣ слова. Если изъ собранныхъ листовъ и картинъ составляется книга, то въ наслѣдство меньшимъ братьямъ и сестрамъ передается не только собственная усердная и любимая работа, но и веселыя воспоминанія. У этой книги есть своя исторія.

Дѣти любятъ старыя игрушки своей матери, своихъ сестеръ, потому что у нихъ есть своя исторія. Ребенокъ узнаетъ, что когда-то было иначе, мать была маленькой, у нея были игрушки, непохожія на теперешнія, и это возбуждаетъ фантазію ребенка, заставляетъ уважать старину, пережитое. Мы должны это поддерживать, чтобы трогательныя и нѣжныя чувства не были чужды подрастающему поколѣнію, склонному къ критикѣ.

Работая сами, дѣти начинаютъ понимать работу другихъ; поэтому пріучайте ихъ исполнять какія-нибудь ве-



Игрушки, изготовленныя самими дѣтьми (въ дѣтск. нар. саду Песталоцци-Фрёбеля).

щи хорошо и обдуманно. Удачный результатъ возбуждаетъ желаніе работать. Всякій маленькій, самостоятельно и съ любовью, исполненный подарокъ ребенка имѣетъ значеніе для развитія его чувствъ. Выбирая матеріалъ для работы, надо пріучать ребенка дѣлать простыя, дѣтскія, но все-таки красивыя вещи. Наклеиванье засушенныхъ травъ, мха и цвѣтовъ, заброшенное вязанье крючкомъ, вырѣзыванье силуэтовъ для почтовой бумаги, плетенье и вязанье, — все это работы, подходящія даже для самаго юнаго возраста, надо только избѣгать всякихъ хитростей и тонкостей, и не давать дѣтямъ сидѣть долго неподвижно. Просто окрашенная рамка, деревянная коробка, легкое плетенье изъ лыка могутъ доставить другимъ удовольствіе. Для дѣтей нѣтъ большаго удовольствія, какъ дѣлать сюрпризы, имѣть возможность что-нибудь готовить въ секретѣ. Когда дѣти исполняютъ нѣкоторую часть работы съ помощью взрослыхъ, а остальное заканчиваетъ переплетчикъ или столяръ, то это ведетъ только къ обману. Дѣти начинаютъ думать, что все это ихъ работа и выслушиваютъ похвалы и удивленія. Нѣтъ, пусть ихъ работа будетъ неприхотливой, но самостоятельной до конца, когда они дѣлаютъ игрушки своимъ братьямъ, сестрамъ или товарищамъ.

Мы часто наблюдали въ дѣтскомъ саду, какъ счастливы дѣти постарше, имѣя свою «тайну»! Дѣло шло можетъ быть только о маленькой картонной колыбели съ занавѣсками, и куклой изъ тряпокъ, или вышитой вытиралкѣ для перьевъ брату изъ «большой школы», въ вѣтряной мельницѣ изъ пробки и перьевъ и т. п., вещей, которыя съ матеріаль-

Игрушки, изготовленныя самими дѣтьми (въ дѣтск. нар. саду Песталоцци-Фрёбеля).

ной стороны стоятъ гроши, а съ идеальной—неоцѣненны. Вообще многія вещи, обычно выбрасываемыя безъ вниманія, какъ спичечныя коробки, ручки и веревки отъ свертковъ, шапочки отъ бутылокъ могутъ пригодиться въ дѣтской. Коробки превращаются въ комоды и прилавки, ручки и веревки — для качелей, мебели и т. п., а шапочки отъ бутылокъ, если дѣти больше не хватаютъ всего въ ротъ, служатъ прелестной кухонной посудой. Конечно воспитатели должны всегда знать способности ребенка что-либо дѣлать, и прежде всего считаться съ даромъ изобрѣтательности дѣтей. Какъ было уже указано, несовершенная игрушка, придуманная и исполненная самимъ ребенкомъ, въ тысячу разъ цѣннѣе прекраснѣйшаго произведенія самой воспитательницы.

Пусть она остерегается поэтому лишать ребенка его иниціативы; она должна дать ребенку подобающій матеріалъ и случай обработать его по своему желанію; а безъ ея уговоровъ дѣти будутъ помогать ей собирать матеріалъ.

Здѣсь можно сказать нѣсколько словъ о любви ребенка собирать. Почти всѣмъ дѣтямъ доставляетъ громадное удовольствіе собирать однородные предметы, какъ раковины, камешки, картинки. Въ то время, какъ маленькія дѣти употребляютъ ихъ въ разныхъ играхъ, старшія увлекаются пріобрѣтеніемъ и накопленіемъ марокъ, видовъ открытыхъ писемъ, на которыя часто тратятся безсразсудно деньги.

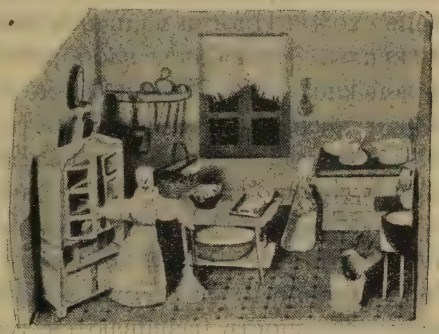
Пока эта склонность удовлетворяется въ мѣру и съ цѣлью, поощряетъ ребенка къ игрѣ или подготовляетъ его

къ умственной работѣ, какъ, напримѣръ, при составленіи систематическихъ коллекцій, то нечего бояться за характеръ ребенка, но если просыпается страсть къ накопленію, если дѣти начинаютъ относиться къ собиранію разныхъ вещей, какъ къ спорту, съ фанатизмомъ и тупоуміемъ, тогда надо подумать о томъ, чтобы незамѣтно отвлечь ребенка отъ его страсти и дать его занятію здоровое направленіе, чтобы одностороннія страсти не нарушали гармоничности всего существа ребенка. Съ малыхъ лѣтъ, при выборѣ занятій, надо имѣть въ виду еще одну опасную склонность ребенка: это страсть къ разрушенію. У нормальныхъ дѣтей она бываетъ по двумъ причинамъ: или избытокъ силъ, не находя примѣненія, обращается на предметъ, или любознательность такъ велика, что заставляетъ ребенка изслѣдовать вещь, во что бы то ни стало — даже самую любимую игрушку. Вспомнивъ закрывающіеся глаза куклы, механизмъ волчка и т. д., Готфридъ Келлеръ въ «Ромео и Юлія въ деревнѣ» рисуетъ намъ веселую дѣтскую игру, внезапно мѣняющуюся, когда случайно появляется сильное желаніе изслѣдованія и вмѣстѣ съ нимъ и сознаніе своей силы. Не могу не привести здѣсь этого мѣста:

«Они (оба ребенка) долго бродили рука объ руку по зеленымъ зарослямъ, забавляясь тѣмъ, что, высоко поднимая сомкнутыя руки, пропускали подъ ними кусты репейника. Наконецъ они усѣлись въ тѣни такого куста, и дѣвочка стала одѣвать свою куклу въ длинные листья такъ, что получилось красивое зеленое платье съ зубчиками; одиноко расцвѣтшій красный макъ былъ надѣтъ на голову, вмѣсто чепчика, завязанъ травинкой, и маленькая фигурка превратилась въ очаровательную женщину, особенно когда ее украсили ожерельями и кушакомъ изъ мелкихъ красныхъ ягодъ. Дѣти посадили ее высоко на стебли репейника и любовались ею оба, пока мальчикъ, наглядѣвшись, не сбросилъ ее камешкомъ. Отъ этого пострадалъ ея нарядъ, и дѣвочка быстро ее раздѣла, чтобы опять украсить. Когда кукла стала опять голой и красовалась въ одномъ красномъ чепцѣ, необузданный мальчуганъ вырвалъ ее изъ рукъ подруги и подбросилъ высоко кверху. Дѣвочка съ жалобами вскочила за ней, но мальчикъ поймалъ ее раньше и опять подбросилъ кверху. Пока дѣвочка напрасно старалась схватить куклу,

мальчикъ продолжалъ ее этимъ дразнить. Но кукла пострадала отъ его рукъ, около колѣна единственной ноги образовалась маленькая дырка, сквозь которую были чуть-чуть видны отруби. Какъ только мучитель замѣтилъ эту дырку, онъ притихъ, какъ мышь, и, открывъ ротъ, сталъ старательно расковыривать дырку, чтобы узнать происхожденіе отрубей. Эта тишина показалась бѣдной дѣвочкѣ чрезвычайно подозрительной; она бросилась къ своему спутнику и съ ужасомъ увидѣла, что онъ дѣлаетъ.

«Посмотри-ка, — крикнулъ ей мальчикъ, и сталъ вертѣть передъ ея носомъ ногой куклы такъ, что отруби летѣли ей прямо въ лицо. Дѣвочка хотѣла схватить куклу, кричала и просила его, но онъ убѣжалъ и не успокоился до тѣхъ поръ, пока вся нога не повисла сухая и и пустая, какъ стручокъ...



Игрушки, изготовленныя самими дѣтьми.

«Они сверлили дыру за дырой въ туловищѣ несчастной куклы и высыпали отруби на плоскій камень въ кучку, размѣшивали ихъ и внимательно разсматривали. Отъ куклы оставалась цѣлой одна голова, и теперь дѣти обратили на нее свое вниманіе. Они осторожно отпороли ее отъ выпотрошеннаго трупа и съ удивленіемъ заглянули въ ея пустую внутренность. Увидѣвъ странное углубленіе и посмотрѣвъ на отруби, они ощутили естественное желаніе набить голову отрубями; и вотъ ихъ пальчики заработали, вперегонку насыпая отруби въ голову, которая первый разъ въ жизни чѣмъ-то наполнилась».

Конечно нельзя назвать хорошимъ такое развлеченіе дѣтей, хотя оно и понятно. Когда просыпается любознательность, которая доискивается сути вещей, то нужны игрушки, допускающія изслѣдованіе и ставящія болѣе трудныя задачи: ящики съ строительнымъ матеріаломъ и чертежами образцовъ, пароходы и т. п. игрушки, которыя я отвергалъ для ранняго возраста.

Игры, надъ которыми надо думать, требующія развитія и знанія физики и геометріи, должны замѣнить дѣтямъ въ періодѣ пробудившейся живой любознательности прежнія фантастическія представленія и тихія терпѣливыя игры.

Сдѣлать самому куклу, вырѣзать изъ матеріи или кожи части ея, которыя потомъ сшиваетъ мать, собрать опилки при пиленіи дровъ или выпросить ихъ у столяра, набить ими куклу, приклеить голову — все это дастъ больше знаній, чѣмъ анализированіе. Я знаю по опыту, какъ цѣнятъ такую куклу, когда дѣвочка ее одѣнетъ, а мальчикъ снабдитъ ее тетрадями, доской и др. для школы.

Что касается игръ и занятій мальчиковъ и дѣвочекъ, то я нахожу, что принято дѣлать между ними слишкомъ большія различія—въ раннемъ дѣтствѣ склонности и интересы у нихъ очень схожи. Иногда мальчики любятъ варить обѣдъ, играть въ куклы, а дѣвочки, наоборотъ, осаждать замки, играть въ лошадки и т. д. Искусственно дѣтей удерживаютъ отъ того, что могло бы дать имъ радость, и фразой «это неприлично дѣлать мальчику» разрушаютъ единство интересовъ въ дѣтской. Въ раннемъ дѣтствѣ не зачѣмъ ограничивать свободу игръ ребенка только ради ихъ пола—ребенокъ самъ вырастаетъ изъ своей игры, когда его способности развиваются. При здоровомъ, сильномъ воспитаніи особенности пола и индивидуальность развиваются лучше, когда ребенка ведутъ свободно, а не на помочахъ и по прописи. Когда мальчики и дѣвочки составляютъ веселую общую игру или занятіе, они пріучаются къ товариществу, отшлифовываются и дополняютъ другъ друга. Поэтому позволяйте имъ играть вмѣстѣ, сообща исполнять домашнія обязанности, какъ въ комнатахъ, такъ и на воздухѣ среди прекрасной природы. Какъ много есть игръ, гдѣ дѣвочки и мальчики принимаютъ участіе съ одинаковой охотой! Игры въ семью, въ школу, кухню, лавочку, купанье, катанье на лодкѣ. Всѣ дѣти съ радостью устраиваютъ особый родъ лавочки — это именно такія, товары для которой они берутъ у матери-природы. Слишкомъ боязливые педагоги найдутъ пожалуй въ этомъ поощреніе инстинкта разрушенія, потому что дѣти срываютъ въ цѣляхъ игры цвѣты. Помните ли вы, взрослые, какъ образуется такая лавочка и какой у нея видъ?

Гдѣ-нибудь на скамейкѣ выставляются всѣ эти драгоцѣн-

ности. На тарелочкахъ изъ зеленыхъ листьевъ красуются бѣлыя яйца изъ маргаритокъ; ихъ головки представляютъ куски желтаго масла, завернутые, какъ у заботливыхъ рыночныхъ торговокъ, въ зеленые листья; стебельки тонко нарѣзанные продаются вмѣсто корицы или сигаръ; усердно собираются бѣлые отшлифованные камешки и замѣняютъ сахаръ въ кускахъ, а толченая штукатурка — сахарный песокъ; зеленые осыпавшіеся плоды — это деликатессы, сирень — гвоздика и т. п. Кромѣ того тамъ есть и песочное пирожное и, какъ въ деревенскихъ мелочныхъ лавочкахъ, гдѣ можно все получить, здѣсь продаются также шляпы для куколъ изъ зеленыхъ листьевъ съ бантами изъ травы. Взгляните теперь на дѣтей. Вдохновенная радость и усердіе свѣтятся въ ихъ глазахъ, — самая красивая купленная лавочка не могла бы ихъ сдѣлать счастливѣе; — ради чего они трудятся — вѣдь вся эта роскошь можетъ быть унесена однимъ порывомъ вѣтра! А если вы думаете, что они разрушаютъ, вы ошибаетесь, педанты! Спросите ихъ; если бы они умѣли выражаться, они бы вамъ отвѣтили: мы созидаемъ свой міръ; — онъ красивѣе, свѣжѣе вашего, — въ немъ запахъ луговъ; все, что трогаютъ наши руки, принадлежитъ намъ! Нашимъ кукламъ надо ѣсть, надо прикрыть ихъ головы отъ солнца, и мы бѣгаемъ и работаемъ, и наша работа такъ же цѣлесообразна, какъ и ваша. Въ полѣ намъ улыбается макъ; конечно, можно сдѣлать прекрасный букетъ, чтобы украсить нашу комнату, но мы любимъ также миленькую куколку изъ мака въ нѣжномъ красномъ платьицѣ. Цвѣты — украшеніе и радость!»

Конечно, такія игры возможны на свободѣ, на лугу, въ лѣсу; городской ребенокъ, который не можетъ пользоваться цвѣтами, пріучается беречь ихъ, какъ драгоцѣнность, какъ рѣдкость, будь это маленькая дикая маргаритка или гордая роза. Одно изъ самыхъ пріятныхъ занятій это уходъ за растеніями. Сначала дѣти устраиваютъ садики, потомъ разводятъ грядки. Имѣть грядку — сколько въ этомъ радости для ребенка! Онъ начинаетъ понимать право собственности и отвѣтственность — забота о растеніяхъ будитъ въ немъ любовь къ землѣ. Насколько больше было бы любви къ родинѣ, если бы человѣкъ съ юныхъ лѣтъ садилъ, наблюдалъ, ухаживалъ!

Слава Богу, школа начинаетъ постепенно сознавать новыя задачи въ этомъ направленіи, предоставляя дѣтямъ работы и радости, которыхъ они лишены благодаря нашей культурѣ.

Заботливый уходъ за растеніями и звѣрями лучше всего подготовляетъ дѣятельную любовь къ ближнимъ! Уже четырехъ-пятилѣтній ребенокъ можетъ учиться присматривать за растеніями и животными; потомъ онъ исполняетъ это уже самостоятельно; при этомъ нельзя допускать небрежности со стороны дѣтей или эгоизма. Радость при успѣхѣ, отвѣтственность за обладаніе воспитываетъ въ ребенкѣ самообладаніе. Необходимо, конечно, правильное указаніе. На ребенка надо смотрѣть, какъ на помощника взрослыхъ. Онъ можетъ сажать въ землю бобы, сгребать съ дорожки листья, поливать цвѣты, собирать сѣмена. Отсюда одинъ шагъ къ употребленію полученныхъ продуктовъ. Лущить горохъ, мыть редиску, красиво ее подать, ставить цвѣты въ вазы, всему этому быстро научатся толстенькія неуклюжія дѣтскія ручки, которыя раньше умѣли только хватать цвѣты за головки и глубоко засаживать ихъ въ воду. Такимъ путемъ пробуждается въ ребенкѣ пониманіе потребностей живого существа, которое потомъ расширяется, когда друзья дѣтей: комнатныя птицы, рыбы, голуби, собака, кроликъ, получаютъ съ ихъ стороны внимательный и любовный уходъ. Это воспитываетъ не только волю, это открываетъ также глаза на безчисленныя радости, которыя становятся цѣнными, благодаря знакомству съ природой, даже если она ограничивается только крошечнымъ клочкомъ земли.

«На частицѣ міра можно изучить весь міръ и составить себѣ понятіе о немъ» говоритъ философъ Гефдингъ.

Стояли ли вы когда-нибудь съ дѣтьми въ степи, гдѣ душистый и горькій запахъ смѣшивается съ сильнымъ запахомъ сосны? «Гудѣнье и жужжанье поднимается отъ красноватыхъ колокольчиковъ, — пчелы, шмели, толпа насѣкомыхъ — въ пути за драгоцѣнными дарами. Вы всѣ весело располагаетесь, — вы учите дѣтей дѣлать корзинки изъ травы и сосны, которыя они наполняютъ нѣжной травкой и мелкой гвоздикой. Маленькія дѣти плетутъ лодки изъ желтыхъ нарцисовъ, побольше вырѣзаютъ ихъ изъ коры. Вокругъ васъ лѣсная тишина! Красно-багровое солнце садит-

ся. А въ души дѣтей, разсыпавшихся по травѣ, гдѣ они плетутъ вѣнки, — тоже проникаютъ его свѣтлые лучи: они чувствуютъ красоту и вѣчность, неуловимую, непонятную, но властно-царящую въ жизни.

Во время такихъ занятій на лонѣ природы зарождается внимательное отношеніе къ чудесамъ бытія. Зернышко, яйцо — возбуждаетъ громаднѣйшій интересъ въ ребенкѣ; поэтому горшокъ, сигарный ящикъ, наполненный землей, куда сажаютъ сѣмена, могутъ имѣть важное значеніе при развитіи характера ребенка. Балконъ можетъ превратиться для дѣтей въ садъ съ ящикомъ песку и цвѣтами; тамъ же могутъ находиться и ящики съ кормомъ для птицъ зимой. Балконъ можетъ до нѣкоторой степени замѣнить для городскихъ дѣтей жизнь среди природы».

И вотъ игра понемногу превратилась въ работу. Это развитіе произошло незамѣтно не только въ области ухода за растеніями, но и въ области домашней жизни. Песочное пирожное, приготовленное изъ невозможной смѣси яблокъ и миндаля, хлѣба и сахара, разбавленнаго водой, — доставляетъ дѣтямъ такое громадное наслажденіе, что они совершенно не могутъ понять, какъ это взрослые смѣются и отказываются его попробовать. И пусть дѣти подольше наслаждаются этой радостью! Но вотъ приходитъ день, когда они начинаютъ варить по-настоящему! Научите ихъ тогда приготовить простое блюдо такъ, какъ это дѣлается въ кухнѣ, сначала для куколъ, потомъ для семьи. Дѣти чувствуютъ, какъ растутъ ихъ силы; имъ хочется быть полезными, дѣлать что-нибудь какъ взрослые, совсѣмъ, какъ они. Мы не должны бояться того труда, который ждетъ при этомъ насъ самихъ. Все, что мы правильно показываемъ дѣтямъ, сберегаетъ нашъ трудъ въ будущемъ и дѣлаетъ дѣтей счастливыми теперь, когда просыпается ихъ потребность помогать. Наглядной картинкой могутъ быть дѣтскія воспоминанія одной молодой дѣвушки, которыя привожу здѣсь: «Мы обѣ «взрослыя» должны были помогать матери въ хозяйствѣ, прежде чѣмъ думать объ игрѣ. Мы были такъ проникнуты важностью нашей помощи, которой наша бѣдная мать лишалась во время нашего хожденія въ школу, что мы не позволяли за все время праздниковъ отнимать у насъ исполненіе этихъ обязанностей. Рѣдко, ду-

маю, получала я столько веселья и радости отъ исполненія своихъ обязанностей, какъ отъ этихъ первыхъ дѣтскихъ опытовъ. И при этомъ намъ давали чувствовать, что мы дѣйствительно помогаемъ, облегчаемъ мать. Это наполняло насъ радостью и усердіемъ и давало громадное удовлетвореніе, которое чувствовать взрослому гораздо труднѣе. Какъ многому мы выучились за этими маленькими приготовленіями, и какъ мы гордились, когда могли сами опредѣлить количество риса или кофе. Особенно кофе, который надо было еще въ субботу разсчитать по количеству воскресныхъ посѣтителей. Громадное удовольствіе доставляло намъ наполнять масленки масломъ и особенно украшать ихъ. Часто мы бились объ закладъ, кто сдѣлаетъ это скорѣе и въ то же время красивѣе. Красота узора имѣла большое значеніе; она зависѣла отъ того, употребляли ли мы для устройства узора серебряную или деревянную ложку, вырѣзали ли для этого звѣздочки въ картофелѣ, которымъ потомъ надавливали масло — въ изобрѣтательности была, разумѣется, главная прелесть.

«По нашему кукольному хозяйству было замѣтно, какъ мы мало удѣляли ему времени. Надо бы было выстирать кукольныя вещи, выколотить постели, вытереть сервизъ отъ пыли. Къ сожалѣнію мы не могли сейчасъ же начать «большую уборку», мать назначила ее позже, къ праздникамъ. Для насъ это было всегда большимъ удовольствіемъ, особенно стирка кукольнаго бѣлья, которой мы радовались заранѣе. Однажды, не находя никакого грязнаго бѣлья среди кукольныхъ вещей, мы положили всѣ маленькія панталоны и рубашки на балконъ въ надеждѣ, что онѣ запачкаются сажей, но когда и это не помогло, то мы вытерли балконную рѣшетку простынями и полотенцами. Мы старались получить всѣ наши прелестныя принадлежности для стирки. Мы хотѣли дѣлать все, какъ настоящія прачки, но это намъ не такъ хорошо удавалось. Синить бѣлье было всегда самымъ восхитительнымъ занятіемъ! Такъ интересно было смотрѣть, какъ сыпалась синька изъ маленькаго мѣшечка, что мы не могли удержаться и сыпали ее слишкомъ много и потомъ въ испугѣ замѣчали, какой красивый голубой цвѣтъ пріобрѣтало наше бѣлье. Случалось, что мы опять быстро смыва-

ли еще разъ какую-либо вещь, если на ней оставались слѣды нашей неосторожности».

Въ каждомъ хозяйствѣ при вѣрномъ пониманіи дѣтской натуры можно устроить такъ, чтобы дѣти поняли необходимость собственной практической работы. Въ большихъ хозяйствахъ съ многочисленной прислугой можетъ быть и трудно ввести помощь дѣтей, но при желаніи можно и здѣсь сдѣлать многое. Отъ исправленія и уборки игрушекъ можно перейти къ уходу за птицами, къ обмыванію растеній, потомъ къ присмотру за букетами къ столу и украшенію комнатъ. Маленькія обязанности превратятся въ большія, и пониманіе жизненныхъ задачъ, чужой работы растетъ съ познаніемъ трудностей, которыя преодолѣваются при изученіи; кромѣ того правильное исполненіе обязанностей даетъ удовлетвореніе, радостное сознаніе своей силы.

Дѣти должны чувствовать, что имъ оказывается довѣріе, когда мать поручаетъ имъ вымыть чашки, пересчитать ложки. Но мать должна прежде всего дать наставленіе, чтобы они имѣли возможность оправдать это довѣріе. Умѣнье самого воспитателя, вѣрное мнѣніе относительно работы и работающаго, — старательность и аккуратность при исполненіи всѣхъ обязанностей дѣйствуетъ на дѣтей глубже и продолжительнѣе, чѣмъ слова, заставляя ихъ, и мальчиковъ и дѣвочекъ, одинаково внимательно наблюдать за хорошо исполняемой работой. Настоящая мать можетъ научить всему. Приготовляя съ помощью дѣтей подарки бѣднымъ, она развиваетъ въ нихъ чувство любви къ ближнему, пониманіе нужды другихъ. Дѣти будутъ имѣть въ виду не только необходимое, но и заботиться о томъ, чтобы лучъ радости проникъ въ жилище тѣхъ, кому они покровительствуютъ!

Можно создать тысячи занятій и для совсѣмъ маленькихъ рукъ, которыя могутъ почти только играть, и для тѣхъ, которыя уже сами хотятъ работать,—занятія полезныя и пригодныя и для нихъ самихъ, и для другихъ! Но жизнь дана не только для работы, она даетъ и радости въ общеніи съ другими. Господствующій въ домовитой семьѣ духъ кладетъ свою печать и въ общежитіи, опредѣляя положеніе дѣтей передъ ихъ маленькими товарищами. Къ сожалѣнію непосредственное, непринужденное обращеніе дѣтей исчезло.

Изъ потребности въ совмѣстныхъ играхъ произошли несчастныя современныя «дѣтскія собранія», похожія на скучныя собранія взрослыхъ. А между тѣмъ такъ легко доставить дѣтямъ удовольствіе, но для этого необходимы нѣкоторая обдуманность и работа мысли. Потѣшить дѣтей туманными картинами, петрушкой, шарадами, лото съ картинками, угадывать и искать подъ музыку, все это требуетъ любви и вниманія къ дѣтскимъ желаніямъ и склонностямъ,— лучше всего пріучить маленькихъ устроителей все приготовлять самимъ, чтобы развить духъ самостоятельности и въ дѣтскомъ товариществѣ. Не допускать роскоши и увеличить истинную радость — это должно быть главнымъ условіемъ.

Уже Жанъ Поль тонко отмѣтилъ разницу между танцами дѣтей и дѣтскими балами, — первое, какъ непринужденное, непосредственное желаніе и второе, какъ искусственное. Мы должны остерегаться будить требованія и дѣлать дѣтей преждевременно старыми и пресыщенными до того, что ихъ ничто больше не радуетъ, потому что все уже ими испытано. Поменьше траты денегъ, побольше любви, — мнѣ представляется это основнымъ условіемъ для веселаго дѣтскаго общества.

Но, какъ уже сказано, рѣшающей должна быть при этомъ духовная атмосфера дома, для дѣтей — благодать, если она такова, что чувство и разумъ находятъ въ ней настоящее питаніе. Мы не можемъ создать имъ великихъ, добрыхъ людей, которые вліяли бы на дѣтей своей личностью, — но мы можемъ имъ создать, если удовлетворены до нѣкоторой степени нужды, теплую; радостную среду и участіе въ тѣхъ дѣлахъ взрослыхъ, которыя привлекаютъ и приносятъ пользу дѣтямъ. Открывая имъ свои занятія, родители должны дать почувствовать дѣтямъ цѣнность идеальныхъ благъ для жизни человѣка. Дѣятельность съ раннихъ лѣтъ должна подготовить ихъ къ пониманію вѣчнаго. Музыка, въ которой принимаютъ участіе и взрослые и дѣти, смотря по умѣнью, разсматриваніе картинъ, совмѣстное чтеніе родителей и дѣтей, когда старшіе внимательно слушаютъ, а меньшіе съ грифельной доской, съ бумажнымъ плетеньемъ, воспринимаютъ то, что они могутъ, разсказыванье сказокъ въ сумерки и т. п. Въ такія минуты растутъ лучшія силы, люди

тѣсно сливаются, зарождается веселость. Дѣтская радость и счастье это источникъ силы и основа будущаго, а въ мирныхъ занятіяхъ съ вѣчными сокровищами духа великихъ людей крѣпнетъ чувство идеальнаго, возвышающее человѣка надъ матеріальной жизнью, расширяется сердце, которое становится воспріимчивымъ къ каждой радости и благородному воодушевленію.

«Радость — это небо, подъ которымъ произрастаетъ все, кромѣ яда».

Рекомендуется для чтенія слѣдующая литература:

A) Прежніе писатели: Гёте, Wahrheit und Dichtung. Jean Paul, Levanna, Fröbel, Menschenerziehung. Bogumil Golz, Buch der Kindheit. Kügelgen, Aus den Jugenderinnerungen eines alten Mannes.

B) Новыя произведенія:

a) По психологіи и педагогикѣ: Groos, Spiele der Menschen. Сёлли. Очерки по психологіи дѣтства. Stanley Hall, Geschichte eines Sandhaufens. Die Kunst im Leben des Kindes, ein Handbuch für Eltern und Erzieher.

b) Біографія и беллетристика: Roseger, Als ich noch der Waldbauerbub war. G. Keller, Der grüne Heinrich, I Band. O. Ernst, Asmus Sempers Jugendland, и другіе дѣтскіе эскизы, разбросанные въ его произведеніяхъ.

Иллюстрированныя книги.

Германа Л. Кестера.

За послѣднія шесть-семь лѣтъ произошло много измѣненій къ лучшему въ области иллюстрированной книги. Если бы десять лѣтъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что дѣтская книжка даже для младшаго возраста должна быть художественной, то такого человѣка безъ всякихъ разговоровъ подняли бы на смѣхъ. Еще и сейчасъ многимъ, а можетъ быть и большинству, совершенна чужда мысль о художественно иллюстрированной книгѣ.

И все-таки эта мысль вѣрна. Если мы, взрослые, требуемъ, чтобы картины въ книгахъ или украшающія наши стѣны имѣли художественныя достоинства, то естественно предъявить такое требованіе и къ дѣтской иллюстрированной книгѣ. Но здѣсь часто встрѣчаешься съ мнѣніемъ, что для ребенка книжка достаточно хороша, потому что онъ радуется и плохимъ картинкамъ. — Тѣ, которые такъ говорятъ, не знаютъ, какое громадное вліяніе имѣетъ на человѣка сила привычки. Кто видитъ постоянно безвкусное и безобразное, не можетъ развить своего вкуса. Только тотъ будетъ понимать искусство, кто воспитывается на художественныхъ произведеніяхъ. Такъ же и съ ребенкомъ. Для того, чтобы его художественное чутье получило вѣрное направленіе, мы должны давать ему картины, имѣющія художественное значеніе.

При этомъ не надо быть слишкомъ трусливымъ, не надо старательно удалять все безобразное; да это и невозможно: безвкусное попадается ребенку постоянно, въ ужасныхъ открытыхъ письмахъ, картинкахъ и т. п. Было бы ошибкой отнимать у ребенка картинки, когда онъ имъ радуется. Этимъ ничего не достигается, наоборотъ, въ ребенкѣ проснулась бы тоска по отнятому. Онъ все равно видитъ плохія картины въ изобиліи въ витринахъ, на столбахъ и у своихъ друзей. И еще вопросъ, желательно ли охранить ребенка отъ всего этого. Мы должны всѣ бороться съ отсут-

ствіемъ вкуса, то же пусть дѣлаетъ и ребенокъ. У насъ должна быть вѣра въ красоту, чтобы побѣдить въ этой борьбѣ, если же нѣтъ ея, мы будемъ сами побѣждены. Но наша обязанность поддерживать ребенка въ этой борьбѣ, предлагая ему художественно-цѣнное. Тѣ книжки съ картинками, которыя мы даримъ сами, которыми ребенокъ играетъ, которыя онъ постоянно разсматриваетъ, вліяніе которыхъ продолжительно, должны быть хорошаго качества. Мы не должны ихъ старательно прятать и давать дѣтямъ для игры книги похуже, которыхъ всегда довольно, благодаря тетямъ и дядямъ. Пусть ребенокъ съ малыхъ лѣтъ знаетъ, что книги не для того, чтобы ихъ рвать или рѣзать. Для этого есть другія вещи, листъ бѣлой бумаги или отдѣльные листы съ картинками. Ребенка надо пріучить беречь книгу, при чемъ не слѣдуетъ быть слишкомъ строгимъ. Въ маленькія, неуклюжія, нетерпѣливыя и часто своенравныя ручки ребенка надо давать подходящія для нихъ книжки. Къ сожалѣнію большинство хорошихъ новыхъ дѣтскихъ книжекъ не такъ прочны, какъ бы этого хотѣлось. Чтобы пріучить ребенка беречь книгу, вообще обращаться съ ней, самое лучшее чаще разсматривать картинки вмѣстѣ съ ребенкомъ. Здѣсь неистощимый источникъ общей радости, одинаковой и для ребенка и для взрослыхъ. Взрослый тоже кой-чему при этомъ научится, особенно когда онъ позволитъ дѣлать ребенку по-своему. Надо бы принять за правило: показать сперва одну картинку и вызвать въ ребенкѣ желаніе разсказать, что онъ видитъ. Только послѣ этого взрослый указываетъ на то, чего ребенокъ еще не замѣтилъ или не понялъ. Кто можетъ, пусть разскажетъ ребенку про эту картинку цѣлую исторію. Или же можно прочесть стишки къ картинкѣ, но только если они чего-нибудь стоятъ. Очень важно давать картинки безъ текста, особенно тѣмъ дѣтямъ, которыя уже читаютъ. Дѣти должны понимать, что хорошая картина говоритъ сама за себя. Пора оставить дурной обычай печатать къ картинѣ текстъ или смотрѣть въ галлереяхъ больше въ каталогъ, чѣмъ на картины.

Разумѣется, эти картины должны быть интересны для дѣтей. Это такъ понятно, а между тѣмъ родители, которые очень заботятся о книжкахъ своихъ дѣтей, часто дѣлаютъ

ошибку, ожидая, что дѣти будутъ радоваться тѣмъ картинамъ, которыя нравятся самимъ взрослымъ. Есть много картинъ, которыя доставляютъ одинаковую радость взрослымъ и дѣтямъ, хотя бы потому, что взрослые невольно оказываютъ давленіе на дѣтей и вызываютъ единогласіе. Но очень часто, особенно маленькія дѣти, держатся своего мнѣнія относительно того, что имъ «смѣшно».

И вотъ вопросъ: какой должна быть дѣтская книжка? Такой признакъ, какъ художественность, слишкомъ общій. Мнѣнія на этотъ счетъ расходятся: тамъ, гдѣ одинъ видитъ художественность, другой — только одну мазню. Какъ каждое произведеніе, являясь выраженіемъ индивидуальности, носитъ отпечатокъ художника, такъ же и дѣтскія книжки съ картинками должны обнаруживать извѣстную манеру писать опредѣленнаго художника. Какъ про картину говорятъ: это Бёклинъ, это Менцель, такъ же надо узнавать и дѣтскую книжку съ картинками: это Людвигъ Рихтеръ, а это Крейдольфъ. При такомъ требованіи была бы рѣшена участь безхарактерной приторности, которая до сихъ поръ украшаетъ большинство книгъ.

Привычка къ приторнымъ, сантиментальнымъ картинкамъ такъ испортила вкусъ взрослыхъ, что они уже не находятъ никакого удовольствія и не цѣнятъ характернаго безобразія. Извѣстныхъ карикатуристовъ упрекали всегда въ безобразіи, въ карикатурности ихъ людей, особенно дѣтей. Конечно ихъ люди не «красивы»; не шаблонная красота, большей частью безсодержательная, привлекала художниковъ, они хотѣли дать выраженіе своимъ фигурамъ. Въ стремленіи подчеркнуть, сдѣлать выразительнѣе, они пришли къ карикатурѣ. Но именно такія карикатуры, которыми хотятъ намъ и дѣтямъ что-то сказать, гораздо полезнѣе разсматривать, чѣмъ всѣхъ этихъ хорошенькихъ бездушныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ нашихъ дѣтскихъ книгъ. И что важнѣе всего: дѣти радуются этимъ «безобразнымъ» картинкамъ, потому что они ихъ понимаютъ и потому что это веселыя картинки. А дѣти хотятъ смѣяться и радоваться.

Но какъ не всякіе стихи, хотя бы и лучшіе, подходятъ для дѣтей, такъ и не всякую картинку можно предложить дѣтямъ, потому что они еще слишкомъ для нея юны. Это

необходимо знать и художнику, который хочетъ творить для дѣтей: онъ долженъ выбирать матеріалъ и мотивы, которые дѣтей интересуютъ, и долженъ примѣнять тѣ художественныя средства, которыя соотвѣтствуютъ выбранному матеріалу и дѣтскому пониманію. Съ развитіемъ способностей ребенка должны измѣняться и требованія, предъявляемыя къ книгѣ. Если хотятъ, чтобы картина понравилась ребенку, то необходимо, чтобы нравилось содержаніе. Только видѣнное, пережитое самимъ ребенкомъ можетъ быть ему понятно. Кругъ понятій ребенка очень ограниченъ: онъ знаетъ себя, свои игры и проказы, своихъ родителей, братьевъ, сестеръ, тетокъ и дядей, знаетъ предметы въ кухнѣ и комнатахъ, знаетъ домашнихъ животныхъ, улицу, иногда садъ, поле и лѣсъ.

Этимъ исчерпывается весь матеріалъ, которымъ можетъ пользоваться художникъ, желающій творить для маленькихъ дѣтей. Если мы разсмотримъ средства, которыя художникъ выбираетъ для своей работы, и спросимъ, какія средства надо имѣть въ виду для того, чтобы нарисовать дѣтскую картинку, то мы должны прежде всего помнить, что дѣти обладаютъ почти неограниченной фантазіей. Они могутъ все одухотворить: скамейка для сниманія сапогъ превращается въ куклу, табуретка въ коляску, стулъ въ лошадь. Съ этой сильной фантазіей они видятъ въ кружочкѣ—вишню, поставить двѣ точки и двѣ черточки, и изъ круга получается лицо, еще двѣ палочки — и вотъ весь человѣкъ. Ребенокъ понимаетъ самое простое изображеніе, изображеніе, передающее только главнѣйшее въ предметѣ, онъ не чуждается въ мелочахъ. Ребенокъ стоитъ въ этомъ отношеніи на ступени некультурныхъ народовъ, у которыхъ рисунки людей и звѣрей тоже схематичны. Поэтому маленькому ребенку непонятны картины съ сильной перспективой съ углубленнымъ, благодаря разнымъ оттѣнкамъ, пространствомъ. Уменьшенные предметы представляются ему просто маленькими. Нѣтъ у ребенка и чувства свѣто-тѣни, дающаго предметамъ рельефныя формы. Но зато есть радость красокъ, свѣтлыхъ, несмѣшанныхъ красокъ; поэтому ребенокъ совсѣмъ иначе принимаетъ книгу съ раскрашенными картинками, чѣмъ съ не раскрашенными. Къ сожалѣнію, только въ немногихъ книгахъ краски удовлетво-

рительны. Часто краски не характерны и слабы, а иногда сильными красками достигается только некрасивая пестрота.

Когда дѣти подрастаютъ, когда ихъ кругозоръ расширяется, когда они начинаютъ переносить видѣнное и пережитое и на другихъ, кругъ ихъ интересовъ разрастается за предѣлы дома, на весь міръ. Это пора всего сказочнаго, необычнаго. Теперь крокодилъ интересуетъ ихъ больше, чѣмъ лошадь, приключеніе кажется интереснѣе, чѣмъ разсказъ о хорошемъ мальчикѣ. Изображеніе можетъ теперь быть не такимъ упрощеннымъ, можетъ все болѣе приближаться къ природѣ.

На послѣдней ступени дѣти постепенно познаютъ, что въ картинахъ содержится не одно только изображеніе предметовъ и происшествій. Эта ступень отмѣчается распознаваніемъ характера лицъ, пониманіемъ настроенія въ пейзажѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ интересъ къ техникѣ: возникаютъ вопросы, какъ отражается свѣтъ на предметахъ, какъ измѣняетъ воздухъ глубину красокъ, какъ свѣто-тѣнь дѣлаетъ предметы рельефными. Такимъ дѣтямъ можно уже указать, какъ различны способы изображенія и самое изображеніе одного и того же мотива у разныхъ художниковъ. Но не надо имъ этого говорить, надо только осторожно, постепенно и при случаѣ наводящими вопросами обратить ихъ вниманіе на то, какъ изображаетъ художникъ.

Послѣ этихъ общихъ точекъ зрѣнія мы можемъ выбрать нѣсколько дѣтскихъ книжекъ и дать ихъ краткую характеристику. Для младшаго возраста назовемъ прежде всего Степку-растрепку Гофмана. Степка-растрепка — старый другъ дѣтей. Очень мало есть дѣтей, на которыхъ онъ не оказываетъ своего вліянія. Это очень важно; намъ слѣдовало бы обратить больше вниманія на то, чтобы не давать дѣтямъ тѣхъ книгъ, которыя нравятся намъ, взрослымъ, а не дѣтямъ. У Гофмана было тонкое пониманіе того, что ребенку интересно. Онъ сочинялъ стихи и рисовалъ картинки для своей дочки. Онъ рисовалъ такъ неуклюже, топорно, въ такомъ наивномъ представленіи, какъ рисуютъ дѣти, и раскрашивалъ ихъ тоже, какъ дѣти, простыми красочными пятнами. Онъ рисовалъ то, что ребенокъ переживаетъ ежедневно. Какъ часто говорятъ ребенку: не

Вдругъ въ концѣ обѣда въ зало
Гусь дежурный прибѣжалъ.

— О, король!.. Бѣда настала!.. —
Онъ въ тревогѣ закричалъ.

Изъ книги: „Веселые мореплаватели“. Изданіе В. М. Саблина.

играй съ огнемъ, обожжешься! или кушай супъ, а то не вырастешь! Эти маленькіе грѣшки дѣтей съ ихъ послѣдствіями Гофманъ изобразилъ такъ фантастически, что увлекаетъ, трогаетъ и смѣшитъ ими ребенка.

Отъ одного только хотѣли бы мы предостеречь: нельзя вообще пугать дѣтей, нельзя пугать ихъ ни разсказами, ни картинами Степки-растрепки. Это не одно и то же: слушать, какъ Конрадъ сосалъ большой палецъ, какъ пришелъ портной и отрѣзалъ ему этотъ палецъ, или говорить: погоди, если не перестанешь сосать палецъ, придетъ портной и т. д. Вообще вопросъ, можно ли давать Степку-растрепку боязливымъ дѣтямъ.

Второй художникъ для маленькихъ дѣтей — это Меггендорферъ. У него много книгъ, но далеко не всѣ хороши. Здѣсь надо имѣть въ виду три книги: «Лѣтомъ», «Зимой», «Въ деревнѣ». Это раздвижныя книжки на картонѣ, подходящія по своей прочности для маленькихъ дѣтей. Отдѣльныя событія, связанныя между собой, развертываются постепенно. Рисунокъ сдѣланъ крупными штрихами; содержаніе легко понимается. Есть еще преимущество и въ краскахъ, легкихъ, яркихъ тоновъ.

Къ этой первой ступени относятся еще слѣдующія книжки съ картинками: Буша, Гансъ Хукебейнъ, Крейдольфа Старыя пѣсенки, Гофера, Фрейгольда Животныя. У всѣхъ этихъ художниковъ особый отпечатокъ; поэтому они производятъ странное впечатлѣніе при первомъ взглядѣ. А такъ какъ странное возбуждаетъ большей частью враждебное чувство, то эти книги вызвали не мало нападокъ. Особенно нападали на безобразіе изображаемыхъ ими людей. Мы уже упоминали, что дѣтямъ эти карикатуры доставляютъ много веселья. Самая веселая изъ нихъ это: «Гансъ Хукебейнъ», Буша; къ сожалѣнію она не въ краскахъ; всѣ другія упомянутыя книги имѣютъ прекрасныя свѣтлыя краски, которыя даны намъ техникой печатанія послѣднихъ лѣтъ. Изъ остальныхъ художниковъ самый выдающійся по своей фантазіи — Крейдольфъ. Его Фицебуше иллюстрируетъ стихи Паулы и Рихарда Демель. Недостатокъ тотъ, что картины не всегда согласуются съ стихами. Въ картинахъ къ «Дѣтскимъ пѣсенкамъ» они согласованы. Къ «Румпумпель» Гофера написаны стихи Паулой Демель прекрасной риѳмой. Картины звѣ-

рей Фрейгольда безъ текста; картины производятъ впечатлѣніе спокойной торжественностью и забавнымъ декоративнымъ устройствомъ.

Для второй ступени могутъ быть указаны сказки съ картинками Крейдольфа; Луговые карлики; Дицъ-Даннгейсеръ; «Міолина» и «Нѣмецкая книга съ картинками».—Книга Крейдольфа изображаетъ въ великолѣпныхъ краскахъ жизнь карликовъ, ихъ выѣздъ, ссору и примиреніе. Все понятно для дѣтей, также изображеніе разныхъ временъ года, при чемъ взрослому, а можетъ быть уже и ребенку нравится мастерское изображеніе свѣта. — Міолина Дица иллюстрируетъ разныя сказки Даннгейсера. Эти картины выдѣляются тоже своими яркими красками.

Къ группѣ сказочныхъ книгъ и книгъ приключеній принадлежатъ «Шесть разсказовъ для племянниковъ и племянницъ» Буша, «Чудесное путешествіе Муки» Шмидгаммера; Всѣ полны веселаго юмора; у Буша—въ соединеніи съ разбойничьимъ романтизмомъ, у Шмидгаммера юморъ склоняется больше въ сторону грубаго комизма. Въ то время, какъ эти книги склонны къ карикатурѣ, остальныя болѣе мирнаго характера. «Мать и дитя» Туманна даетъ яркія картинки къ старымъ дѣтскимъ стихамъ. «Добрые друзья» Плетча разсказываютъ объ игрѣ и ссорѣ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, въ «Что происходитъ дома, по азбукѣ», онъ даетъ веселыя домашнія сценки. Очень распространены картины Спектера къ баснямъ Гейше, вышедшія въ Гамбургѣ у Янсена, въ прекрасномъ выборѣ и исполненіи. Кошки и птицы Спектера вышли со стихами Густава Фалька, подъ названіемъ: «Книга кошекъ и книга птицъ».

Послѣднія книжки Спектера и Плетча съ черными иллюстраціями собственно принадлежатъ къ слѣдующей ступени, но по матеріалу и тексту ими могутъ пользоваться дѣти младшаго возраста.

Подобное же положеніе занимаютъ лучшія книжки съ картинками Флинцерша: «Школа звѣрей», «Степка - растрепка у звѣрей», «Какъ звѣри захотѣли быть солдатами». Изображеніе звѣрей подъ видомъ людей доставляетъ удовольствіе уже меньшимъ дѣтямъ, тогда какъ сатирическій характеръ требуетъ уже большаго развитія. Третью ступень хорошо начать веселой книжкой Буша: «Максъ и Морицъ».

Ихъ продѣлки всегда вызываютъ ликованіе, особенно среди мальчиковъ. Нечего опасаться, что эта книга испортитъ дѣтей. Дѣтскіе проступки доведены здѣсь до невѣроятнаго и поэтому не вызываютъ желанія подражать.

Стоитъ обратить вниманіе на двѣ книги Пробста: «Кого рисовать» и «Проворный художникъ». Въ обѣихъ чрезвычайно выразительныя карикатуры, которыя Пробстъ изображаетъ самыми простыми способами и постепенно ведетъ дальше, такъ что дѣти могутъ ихъ срисовывать.

Изъ болѣе молодыхъ художниковъ опять назовемъ Крейдольфа съ его «Сказками цвѣтовъ». Въ нихъ цѣлый рядъ картинъ во всю страницу чередуются съ эскизными одноцвѣтными рисунками. Содержаніе составляютъ сцены жизни растеній и людей: «Выѣздъ скороспѣлки», «Чай маргаритокъ» и др. Здѣсь та же богатая на выдумки фантазія.

Можно указать еще нѣсколько новыхъ сборниковъ, съ очень хорошими картинками: «Работникъ Рупрехтъ», «Юная страна» и «Вѣрный Экартъ». Всѣ они содержатъ стихи, сказки и разсказы.

Наконецъ къ этой же группѣ принадлежатъ всѣ цѣнные выпуски картинъ Людвига Рихтера и Отто Спектера. «Весна», «Лѣто», «Осень», «Зима», «Отче нашъ въ картинкахъ», «Хлѣбъ нашъ насущный», «Воскресенье», «Сокровище семьи» Рихтера и дешевое изданіе Рихтера изъ 16 картинъ. Рихтеръ въ половинѣ XIX в. изобразилъ все живописное богатство деревни и маленькаго городка Средней Германіи, съ ихъ старосвѣтскими людьми и чудаками, уютную жизнь нѣмецкой семьи съ простыми людьми и веселыми ребятишками. Соотвѣтственно этому матеріалу художественный языкъ Рихтера простъ и удобопонятенъ. Веселая солнечная радость разлита въ его картинахъ, и это дѣлаетъ ихъ дорогими и цѣнными для всякаго. Рядомъ съ Рихтеромъ стоитъ Отто Спектеръ съ его картинами къ сказкамъ Андерсена: «Котъ въ сапогахъ», «Братецъ и Сестрица», къ «Веселому роднику» «Грота». Спектеръ всей душой преданъ сѣверной Германіи. Тихіе сады, дороги, уходящія въ поля, болота и благоуханные луга, крестьянскіе дворы и деревенскія улицы, сады съ низкими заборами, лѣса и озера съ тихими уголками въ кустахъ — на всемъ отпечатокъ родины. Надо очень вглядѣться и полюбить эти часто незначитель-

ныя на видъ картины, чтобы понять ихъ глубокое поэтическое содержаніе.

Въ прошломъ году появилась книга съ избранными картинками изъ жизни Фридриха Великаго, извѣстнаго нѣмецкаго художника, Адольфа Менцеля. Это—книга для дѣтей старшаго возраста. Появилось также новое дешевое изданіе книги Тома, съ цѣлымъ рядомъ литографій и репродукцій его картинъ. Прекрасная книга для семьи. Картины Менцеля и нѣкоторыя книжки Спектера привели насъ отъ собственно книжки съ картинками въ область иллюстрированной книги. Разумѣется и здѣсь должны быть тоже художественные образцы. Въ наше время въ этой области появились тоже прекрасныя вещи. Мы не будемъ приводить здѣсь опредѣленныхъ примѣровъ. Невозможно перечислить всѣ книги художественной цѣнности. Но мы надѣемся, что назвали самое значительное въ этой области. Надо все-таки замѣтить, что мы можемъ дать только точку опоры для родителей. Рѣшать они должны сами. Поэтому мы можемъ только совѣтовать не покупать книги, не заглянувъ въ нее раньше [1]).

Общее воспитаніе характера въ раннемъ дѣтствѣ.

Лауры Фростъ.

Общепринято, что воспитаніе ребенка должно начинаться съ минуты его рожденія. Но относительно способовъ воспитанія мнѣнія расходятся.

Есть матери, съ педагогическимъ образованіемъ, добросовѣстно несущія свои обязанности, которыя считаютъ, что воспитаніе надо вести съ самаго начала очень энергично,

---

[1]) Русская иллюстрированная дѣтская книга лишь въ самые послѣдніе годы и далеко не часто ставитъ себѣ художественныя задачи. Но уже и теперь у насъ есть шедевры, какъ сказки Билибина (изд. экспедиціи); Полѣновой (изд. Кнебель), Малютина (изд. Мамонтова). Очень широко развиваетъ отдѣлъ дѣтской литературы книгоиздательство В. М. Саблина. Изъ русскихъ оригинальныхъ книгъ этого издательства слѣдуетъ отмѣтить: Годовикъ съ

чтобы дѣти въ концѣ перваго года уже ясно сознавали неограниченную власть и превосходство воспитателя. Слѣдствіемъ этого будетъ, по ихъ мнѣнію, абсолютное послушаніе ребенка. Когда это достигнуто, то строгость воспитанія можно смягчить; но первоначальное впечатлѣніе будетъ настолько сильно въ душѣ ребенка, что благоговѣніе передъ воспитателемъ, — я сказалъ бы «страхъ», — у него запечатлѣется навсегда.

Другіе серьезные люди предлагаютъ для такого воспитанія трехлѣтній срокъ. Но и они тоже хотятъ всецѣло овладѣть ребенкомъ въ теченіе этого времени; въ случаѣ нужды допускаются даже побои. Послѣ трехъ лѣтъ воспитаніе тоже должно быть смягчено и побои совершенно не допускаются.

Я не могу присоединиться ни къ одному изъ этихъ двухъ мнѣній. Оба они вытекаютъ изъ предположенія, что воля ребенка должна быть сломана въ первыхъ же своихъ проявленіяхъ. По моему мнѣнію, задача воспитанія совсѣмъ иная; оно не должно совершать насилія надъ волей; оно должно уважать ее, какъ проявленіе личности ребенка, заботливо развивать ее и направлять къ добру.

Одна писательница противопоставляетъ хорошо воспитанному ребенку прежняго времени дерзкаго, безжалостнаго и своевольнаго ребенка нашего времени. И мы тоже хотимъ имѣть добрыхъ и послушныхъ дѣтей; но пусть этотъ результатъ достигается не подавленіемъ личности ребенка, а умѣлымъ руководствомъ и развитіемъ его способностей. Надо прекратить наше самовластіе. Ребенокъ не собственность, которой можно распоряжаться по желанію; это не глина, которой можно дать любую форму. Это маленькое самостоятельное существо, и мы должны съ пониманіемъ относиться къ нему, какъ къ таковому. Большинство приказаній, не согласованныхъ съ желаніемъ ребенка, не пе-

---

иллюстр. М. Яковлева, сказки Неручева, Русскія народныя сказки Свентицкой, портреты писателей и виды Россіи въ краскахъ—затѣмъ серія книгъ для младшаго возраста. Кромѣ того въ изданіи В. М. Саблина появилось нѣсколько иностранныхъ, особенно англійскихъ, книгъ: Киплинга, Лагерлефъ, Лонга, Сетонъ-Томпсона, Д. Лондона и серія сказокъ: индѣйскихъ, ирландскихъ, боснійскихъ, нѣмецкихъ и др.

Прим. ред.

дагогично; они основаны только на томъ, что воспитатель хочетъ другого. Если ребенокъ берется за кубики, а воспитатель хочетъ играть съ нимъ въ мячъ, то онъ отниметъ у ребенка кубики; а если ребенокъ начнетъ плакать и кричать, то его накажутъ за непослушаніе. Это совершенно превратный способъ обращенія съ волей ребенка. Вообще предъявлять какія-либо требованія, вліять на волю ребенка можно только любовью, а не строгостью, которая большей частью только служитъ препятствіемъ. Любовь будитъ довѣріе ребенка, позволяетъ читать въ его сердцѣ, понимать побудительные мотивы его желаній и поведенія, которыя одни даютъ масштабъ для правильнаго сужденія и обращенія съ юною душой. Такое воспитаніе не ограничивается однимъ или тремя годами. Оно продолжается всю жизнь. Въ немъ нѣтъ ничего предрѣшеннаго или установившагося. Первая цѣль воспитателя — это заслужить любовь и довѣріе ребенка. Только тогда онъ достигнетъ того, что создастъ самостоятельную личность, угодную не только ближнимъ, но и довольную своимъ бытіемъ.

Надо особенно подчеркнуть, что вести къ этой радости бытія не только долгъ воспитателя, но и его главная задача. Всю жизнь тоскуетъ человѣкъ о счастьи; въ чемъ это счастье — на это взгляды, по всей вѣроятности, расходятся; но все-таки послѣднее время пришли къ тому, что счастье — это внутренняя гармонія, которая возможна только тогда, когда характеръ согласуется съ судьбой. Задача воспитателя въ томъ, чтобы выработать у ребенка характеръ, который привелъ бы его въ этому счастью, къ этой гармоніи.

Когда, для достиженія этой цѣли, говорятъ объ общемъ развитіи характера въ раннемъ дѣтствѣ, то ясно подразумѣваютъ воздѣйствіе на всѣ склонности ребенка. Ребенокъ долженъ быть благонравнымъ, т.-е. онъ долженъ быть ласковъ, скроменъ, услужливъ, миролюбивъ, правдивъ, уживчивъ, послушенъ и т. д. Но если хотятъ получить указанія лучшихъ способовъ такого воспитанія, то надо выбрать изъ всѣхъ этихъ желаемыхъ качествъ самое главное и направить на его исключительное вниманіе. Всего достигнуть немыслимо; старанія добиться всего только разбиваютъ силы. То, что кажется воспитателю важнымъ и достойнымъ

къ стремленію у взрослаго, на то долженъ онъ обратить вниманіе и у ребенка. Изъ ребенка образуется человѣкъ. Уже въ дѣтской долженъ воспитываться характеръ ребенка такъ, чтобы этотъ характеръ помогъ ребенку получить радость и счастье отъ жизни.

Я думаю, что самыми цѣнными и плодотворными чертами характера для достиженія этой высокой цѣли будутъ правдивость и простота. Поэтому воспитатель долженъ главнымъ образомъ стремиться къ ихъ развитію; остальныя качества легко примкнутъ къ этимъ главнѣйшимъ.

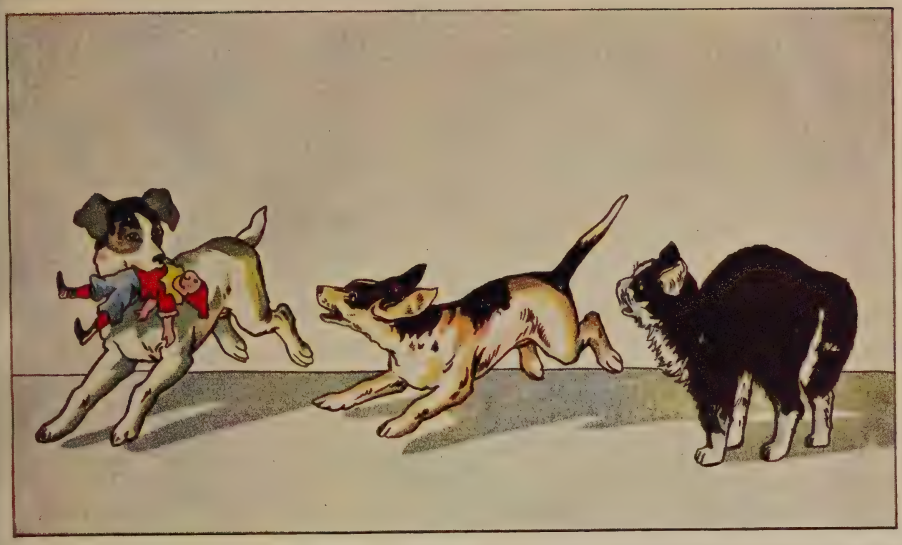
Основное условіе для развитія правдивости въ ребенкѣ это любовь ребенка къ своему воспитателю. Этому училъ еще апостолъ Павелъ: «Вы, отцы», говоритъ онъ, «не ожесточайте вашихъ дѣтей, чтобы они не убоялись васъ!»

«Чтобы они не убоялись!» — Пусть довѣріе и любовь будутъ съ вами! Пусть страхъ и ожесточеніе не поселяются въ юной душѣ, пусть она не закрывается передъ вами, чтобы вы не потеряли ключъ къ ней, можетъ быть навсегда! — Уже установлено, что ложь у дѣтей всѣхъ возрастовъ большей частью происходитъ изъ боязни и страха наказанія: «Страхъ и боязнь», говоритъ Эрнстъ Ленцъ, «почти парализуютъ, а иногда совершенно разрушаютъ нормальную душевную дѣятельность ребенка». Поэтому воспитатель, если думаетъ или знаетъ, что ребенокъ солгалъ, долженъ подходить къ нему особенно осторожно, чтобы повліять на заблудшую душу и не оттолкнуть ее отъ себя. Относительно маленькихъ дѣтей не надо забывать, что они до того мягки и впечатлительны, что ихъ уже тревожитъ просто строгое лицо или громко сказанное слово. Допустимъ такой случай; воспитатель связанъ съ ребенкомъ нѣжной любовью и поступаетъ во всемъ совершенно правильно и, несмотря на это, двух- или трехлѣтній ребенокъ на вопросъ, «бралъ ли онъ ключъ» (воспитатель видѣлъ ключъ у ребенка), упрямо отвѣчаетъ: «нѣтъ». Какъ поступить въ такомъ случаѣ? Надо ли наказывать ребенка за эту ложь? Можетъ быть воспитатель долженъ быть особенно строгимъ при первой лжи, чтобы избѣжать ея повторенія?

Тотъ, кто задаетъ такіе вопросы, не знаетъ дѣтской души. Онъ предъявляетъ къ ребенку требованія, какъ къ взрослому человѣку. Такому воспитателю можно дать на

его вопросы только одно указаніе, что ложь у такого маленькаго ребенка есть совершенно исключительное явленіе и что долгъ воспитателя найти другое объясненіе словамъ ребенка. Если онъ только станетъ на эту точку зрѣнія, то онъ сейчасъ же найдетъ объясненіе. Такой маленькій ребенокъ еще смѣшиваетъ сходныя слова, или же не понимаетъ вопроса, либо смѣшиваетъ да и нѣтъ, или радуется просто этому звуку «нѣтъ», который онъ все повторяетъ. Кто знаетъ, что происходитъ въ этомъ маленькомъ мозгу, который въ первые годы воспринимаетъ и перерабатываетъ столько впечатлѣній! Но если мы не хотимъ или не можемъ съ этимъ считаться, если мы вѣримъ, что ребенокъ сознательно солгалъ, то все-таки нечего огорчаться, нечего прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ! Всѣ маленькія дѣти лгутъ, но вѣдь это глупыя, маленькія дѣти, которыя не могутъ понять неправильности поступка, не различаютъ правды отъ фантазіи. Обращеніе съ ними должно быть ласковымъ и осторожнымъ; мы не должны дѣлать никакихъ сценъ, и сказать просто, ласково погладивъ это маленькое личико: «Ты ошибаешься, мой милый; это было совсѣмъ не такъ, я вѣдь знаю». Очень справедливо замѣтилъ Д-ръ Эрихъ Вульффенъ въ своемъ докладѣ о преступности малолѣтнихъ: «Если почти всѣ дѣти лгутъ, то это происходитъ оттого, что въ нихъ легко смѣшиваются правда и сказка, потому что у нихъ нѣтъ этическаго представленія о правдѣ. Поэтому нечего такъ пугаться, сталкиваясь съ первой ложью своихъ дѣтей».

Кромѣ того ребенокъ долженъ избѣгать лжи не изъ страха наказанія, а изъ любви къ правдѣ. Гораздо выше стоитъ воспитаніе, которое достигаетъ хорошихъ результатовъ изъ любви къ добродѣтели, чѣмъ то, которое пугаетъ наказаніями и сдерживаетъ ими дурныя наклонности! Гораздо проще постоянно говорить правду, чѣмъ лгать — это надо при случаѣ дать почувствовать дѣтямъ постарше. Одна ложь, — но сколько за ней слѣдуетъ сейчасъ же другихъ, чтобы все было согласовано! Наоборотъ, когда говоришь правду, не надо обдумывать, надо только повторить такъ, какъ это было. Потомъ надо дать понять ребенку, что совершенныхъ людей нѣтъ, что ребенокъ остается хорошимъ, хотя онъ и совершилъ проступокъ; что онъ долженъ только отъ него



Что тамъ
щенокъ несетъ
во рту?
Кто паяца
отдалъ ему?..

Мы играемъ
въ жмурки,
въ жмурки!
Завязали
глазки
Шуркѣ!..

Козлята не
хотятъ итти!
Остановились
на пути...

Рисунки изъ книжки съ карт. „Тра-ра-ла-ла-ла!“ (Уменьш. въ 9 разъ) Изд. В. М. Саблина.

избавиться, сознавъ его и, если надо, терпѣливо понести за него наказаніе. Такимъ путемъ легко воздѣйствовать на ребенка. Ребенокъ такъ воспріимчивъ ко всякому дружелюбному взгляду, ко всякой ласкѣ! За это онъ съ благодарностью отдаетъ свое дѣтское сердце со своими стремленіями и желаніями въ руки воспитателя; изъ любви къ нему охотно дѣлаетъ то, что отъ него требуютъ, и не побоится также сознаться въ дурномъ поступкѣ.

Но такое воспитаніе, основанное на любви, можетъ быть успѣшнымъ только при условіи, что ребенокъ видитъ въ личности своего воспитателя хорошій примѣръ. Надо самому дѣлать то, что требуешь отъ ребенка; сильнѣе слова дѣйствуетъ примѣръ дѣломъ. Никакія самыя краснорѣчивыя увѣщанія не удержатъ ребенка отъ лжи, если онъ видитъ, что воспитатель самъ говоритъ неправду. Пусть на это не возражаютъ, что ребенокъ слишкомъ малъ для того, чтобы это замѣтить. Дѣтскіе глаза и уши самые острые; они все видятъ и слышатъ и особенно то, что отъ нихъ хотятъ скрыть. Дѣтскія души мягки, какъ воскъ, впечатлѣнія дѣтства, хорошія и дурныя, оставляютъ глубокій слѣдъ: «Не учите ребенка тому, въ чемъ вы сами не увѣрены, говоритъ Джонъ Рёскинъ; если вы хотите что-либо передать ребенку нѣжнаго возраста, когда чистота и сила первыхъ представленій глубоко запечатлѣваются, то остерегайтесь прежде всего лжи, съ которой вы уже знакомы».

Итакъ, обязанность воспитателя быть во всемъ, чего онъ требуетъ отъ ребенка, хорошимъ примѣромъ. Онъ долженъ запрещать ребенку лгать не потому, что за ложь ребенку грозитъ наказаніе, или потому, что она непріятна или вредна другимъ, не изъ практическихъ цѣлей, а потому, что ложь — неправда, несправедливость, потому что ребенокъ самъ знаетъ, что дѣло было совсѣмъ иначе. Этимъ именно воспитывается любовь къ правдѣ, которая становится потомъ потребностью характера и образуетъ совѣсть. Человѣкъ, значитъ также и ребенокъ, должны поступать хорошо ради самаго добра, ради своей радости, необходимости дѣлать такъ, какъ требуютъ отъ него характеръ и совѣсть.

Надо особенно отмѣтить дурную привычку многихъ воспитателей, которая можетъ принести громадный вредъ. Они слишкомъ легко обращаются со словомъ «лгать», припи-

сывая вообще слишкомъ быстро и другія дурныя качества ребенку. Но старая пословица говоритъ: «человѣкъ таковъ, какимъ его хотятъ сдѣлать». Если часто говорить ребенку «ты лжешь», называть его лжецомъ, то можно быть увѣреннымъ, что онъ имъ будетъ. Такіе воспитатели забываютъ, что этимъ они убиваютъ сознаніе добродѣтелей и не могутъ пробудить въ ребенкѣ радостное стремленіе къ усовершенствованію. Незаслуженная похвала менѣе вредна, чѣмъ незаслуженное порицаніе. Въ первомъ случаѣ ребенку стыдно за то, что его незаслуженно похвалили, и онъ будетъ стараться въ другой разъ поступать соотвѣтственно похвалѣ. Незаслуженное же порицаніе ожесточаетъ и пугаетъ.

Если воспитателю удалось укрѣпить въ ребенкѣ любовь къ правдѣ, то онъ достигъ уже многаго.

Самое высокое нравственное достоинство становится тогда личнымъ качествомъ ребенка: онъ думаетъ правдиво потому что то, что онъ говоритъ — это только выраженіе того, что онъ думаетъ. Такъ получаетъ воспитатель довѣріе своего воспитанника за свое мягкое, разумное руководство. Маленькое сердце лежитъ передъ нимъ открытое, со всѣми своими желаніями и надеждами; онъ можетъ легко направить его по своему желанію. Ему становятся ясны всѣ особенности характера, онъ можетъ ихъ развивать или ограничивать, можетъ развить ихъ въ гармоническое цѣлое. Вѣрность слова тѣсно связана съ вѣрностью въ поступкахъ. Ребенокъ, добросовѣстный въ словахъ, также добросовѣстно исполняетъ свои обязанности. Такъ воспитывается вѣрность долгу и обязанности, характеръ получаетъ черты вѣрности и добросовѣстности, самыя достойныя качества взрослаго человѣка. Сознаніе честно исполненныхъ обязанностей даетъ ребенку, такъ же какъ и взрослому, внутреннее удовлетвореніе, которое не терпитъ рядомъ съ собой такихъ дурныхъ чувствъ, какъ зависть, неуживчивость, непослушаніе и т. п. Оно создаетъ хорошее, довольное настроеніе, при которомъ нѣтъ мѣста упрямству и сопротивленію. Есть воспитатели, которые считаютъ, что такой результатъ, какъ хорошее настроеніе, это—величайшій успѣхъ, потому что они увѣрены, что «быть всегда въ дружелюбномъ настроеніи» равносильно «быть всегда хоро-

шимъ». И дѣйствительно можно доказать, что истинное дружелюбіе не можетъ сдѣлать чего-либо несправедливаго.

На ряду съ любовью къ правдѣ воспитатель долженъ воспитывать въ ребенкѣ умѣнье быть, т.-е. чувствовать себя счастливымъ. Лучшимъ средствомъ для этого служитъ воспитаніе простоты и непритязательности въ ребенкѣ; оно ведетъ къ довольству тѣмъ, что имѣешь.

Разумѣется, здѣсь имѣется въ виду простота въ широкомъ смыслѣ. Это воспитаніе простоты должно начаться прежде всего въ области тѣлесныхъ потребностей. Теперь мы часто слышимъ отъ дѣтей: «этого я не хочу!» «это не вкусно!». А со стороны нѣжныхъ матерей слѣдуетъ просьба: «если ты это скушаешь, я дамъ тебѣ что-то хорошее!». Или: «если ты этого не съѣшь, тебя укуситъ пчела! вотъ она уже летитъ!» Если бы эти дѣти привыкли къ простой, умѣренной пищѣ, то у нихъ былъ бы во-время аппетитъ и они все ѣли бы съ благодарностью и удовольствіемъ. Хлѣбъ и молоко должны быть главной пищей ребенка въ теченіе многихъ лѣтъ. Эта невозбуждающая пища дала бы больше здоровыхъ и послушныхъ дѣтей. Нервность и болѣзненность нашего поколѣнія происходятъ большей частью отъ неразумнаго питанія и перекармливанья. Новыя возбуждающія средства соблазняютъ почти сытый желудокъ, а простыя, хорошія, питательныя средства отклоняются часто уже въ дѣтскомъ возрастѣ. Голода ребенокъ не ощущаетъ, и его желудокъ требуетъ чего-то особеннаго.

Здѣсь происходитъ то же, что съ простыми, великими чувствами, которыя менѣе привлекаютъ пресыщеннаго культурой человѣка, чѣмъ современная утонченность чувствъ. Въ наше время можно пожелать во многихъ областяхъ жизни возвращенія къ природѣ. Во всякомъ случаѣ, простая пища скорѣе всего дастъ здоровое тѣло, а ребенокъ, чью душу мы воспитываемъ, долженъ быть также здоровъ и тѣломъ. На это часто не обращаютъ вниманія.

Надъ дѣтьми слишкомъ много мудрятъ и забываютъ самое главное: укрѣпить ихъ, оздоровить и сдѣлать изъ нихъ, благодаря этому, здраво воспринимающихъ и здраво мыслящихъ людей. Здоровье даетъ въ свѣтлые дни радость, сознаніе счастья, а въ тяжелые дни силу, чтобы перенести неизбѣжное.

Простота должна проявляться также при выборѣ игрушекъ. Если бы воспитатель былъ всегда наблюдателенъ, онъ бы замѣтилъ, что недорогія игрушки восхищаютъ ребенка, что онъ оцѣниваетъ ихъ совсѣмъ съ другихъ точекъ зрѣнія. Не то, что красивѣе и дороже всего, а то, что сильнѣе всего занимаетъ его мысли и фантазію, что даетъ творческую работу его маленькимъ рукамъ, нравится ему больше всего. Все, что ребенокъ сдѣлаетъ и устроитъ самъ, связано съ радостью творчества; самостоятельно склеенные бумажные солдатики ему дороже самыхъ красивыхъ оловянныхъ. Если только ребенокъ еще не испорченъ искусственно.

Соотвѣтственно этому надо также вести ребенка въ его маленькихъ, ежедневныхъ привычкахъ. Потомъ, когда онъ вырастетъ и пойдетъ своимъ путемъ, онъ будетъ только благодаренъ за это своему воспитателю. Совершенно лишнее покупать ребенку на прогулкѣ у всякой женщины вишни, давать ему всегда въ гостяхъ шоколадъ. Гораздо полезнѣе — ѣда въ опредѣленное время, когда его желудокъ получаетъ легкую пищу, а въ промежуткахъ не давать никакихъ сладостей. Не ради нѣсколькихъ копеекъ, которыя онѣ стоятъ, а ради того, чтобы воспитать простоту и непритязательность въ ребенкѣ; чтобы у него не было тысячи маленькихъ желаній, которыя не даютъ ему быть довольнымъ; чтобы онъ не заглядывалъ во всѣ кухонныя тарелки съ вожделѣніемъ и не высказывалъ у всякой витрины тысячи желаній. Въ этомъ отношеніи воспитаніе можетъ сдѣлать многое. При современномъ воспитаніи дѣти должны быть избалованными. Ребенку надоѣдаетъ, напримѣръ, когда мать или бонна слишкомъ долго съ нимъ занимается. Я сидѣла однажды съ книгой въ рукѣ у дорожки, которая вела на площадку дѣтскихъ игръ курорта. Безпрестанно повторявшееся «нѣтъ» заставило меня поднять глаза отъ книги. Я увидѣла красиво одѣтыхъ, милыхъ дѣтей, которыхъ вела за руку мать или бонна. Послѣдняя спрашивала заботливо и нѣжно:

«Будемъ бѣгать?»

«Не хочешь ли мячъ?»

«Хочешь играть съ маленькимъ Гертомъ?»

«Будемъ потомъ рвать цвѣты?»

И тому подобное. Большинство дѣтей были недовольны и сердито отвѣчали на всѣ вопросы, не дослушавъ конца, «нѣтъ!» Нѣкоторыя, казалось, тяготились тѣмъ, что ихъ держатъ за руку; они всячески, но напрасно, старались отъ нея освободиться. Сколько разъ и съ какимъ раздраженіемъ повторилось за четверть часа это слово «нѣтъ». Я насчитала шестнадцать разъ! При болѣе продолжительномъ наблюденіи я замѣтила на всѣхъ этихъ огорченныхъ дѣтскихъ лицахъ сопротивленіе маленькаго человѣка, его возмущеніе этой опекой надъ его волей. «Оставь меня въ покоѣ! Отстань отъ меня!» Вотъ что читалось во всѣхъ этихъ недовольныхъ глазахъ. «Мы хотимъ дѣлать, что намъ самимъ захочется; прежде всего ничего; прежде всего оставьте насъ въ покоѣ!»

Почему не позволяютъ этого ребенку? Почему не предоставятъ ему дѣлать, что онъ хочетъ? Зачѣмъ держатъ его такъ долго и крѣпко за руку, вмѣсто того чтобы пустить его попрыгать?

Всегда будетъ время позвать и остановить, когда онъ будетъ дѣлать то, чего нельзя. Развѣ не лучше подождать, пока ребенокъ спроситъ самъ, попроситъ чего-либо, чѣмъ постоянно требовать отъ него вниманія и предлагать постоянно то, чего онъ не хочетъ? Его воспитываютъ именно такъ, чтобы у него были всегда какія-нибудь желанія!

При требованіи простоты въ привычкахъ мы, разумѣется, далеки отъ мысли, чтобы мѣра дозволеннаго и недозволеннаго была одинакова для всѣхъ дѣтей. Ребенокъ изъ образованнаго средняго сословія будетъ имѣть другія привычки, чѣмъ ребенокъ рабочаго; другія, чѣмъ ребенокъ богатаго графскаго или княжескаго рода. Но всѣ трое могутъ быть непритязательны въ предѣлахъ своихъ жизненныхъ условій и будутъ тогда производить лучшее впечатлѣніе, чѣмъ если бы они были избалованы. И прежде всего они и сами станутъ счастливѣе, когда не будутъ зависѣть отъ многихъ условностей, которыя утомляютъ. Если судьба поставитъ ихъ впослѣдствіи въ болѣе благопріятныя условія, то они будутъ радоваться большимъ удобствамъ; если же не будетъ на это средствъ, то они не будутъ роптать на судьбу отъ сознанія лишенія, а будутъ довольны и благодарны за то хорошее, что посылаетъ жизнь

и на ихъ долю. Надо воспитывать ребенка нетребовательнымъ и къ будущему, и къ людямъ.

Тотъ, кто надѣется на слишкомъ многое, часто обманывается и никогда не бываетъ доволенъ и спокоенъ. Получаемое никогда не соотвѣтствуетъ ожидаемому. То же самое относительно нашихъ ближнихъ. И здѣсь надо ограничить свои требованія отъ дружбы, довѣрія, услужливости, благодарности людей и т. п.; не надо считать и самыхъ дорогихъ людей — совершенными. Можно было бы сказать: «Ищи вездѣ часть своего идеала, въ человѣкѣ, съ которымъ встрѣтишься, или въ работѣ, которая тебѣ предстоитъ! Но никогда не ищи воплощенія твоего идеала. Земля не даетъ ничего совершеннаго; чѣмъ больше мы ограничимъ наши требованія, тѣмъ будемъ счастливѣе. Иначе — сколько предстоитъ намъ разочарованій!» Скромность и нетребовательность предохранятъ насъ отъ этихъ разочарованій. Красиво сказано у Тидге:

«Кто ищетъ ангела, найти его не можетъ здѣсь на землѣ.

«Кто ищетъ человѣка, тотъ ангела найдетъ, который прильнетъ съ любовью къ его душѣ».

Какъ важно воспитаніе радости или вѣрнѣе способности радостно воспринимать жизнь, показываетъ внимательный взглядъ на окружающее. На людяхъ нашего времени лежитъ тяжелый отпечатокъ, точно человѣчество страдаетъ тоской по страданію. И лучшіе, стремящіеся ко всему высокому люди страдаютъ отъ этого больше всего. Ихъ поступки прекрасны, они работаютъ для себя и для другихъ; но у нихъ нѣтъ радости! Ихъ лицо серьезно, ихъ жизнь тоже. Потому что всякая законная радость подавляется тяжелымъ сознаніемъ всякихъ случайностей, болѣе сильнымъ чувствомъ страданія. Гёте говоритъ объ этомъ въ своемъ Вертерѣ: «Люди страдали бы гораздо меньше, если бы они — Богъ знаетъ, зачѣмъ они такъ устроены! — не занимались такъ усердно фантазіями, не вызывали воспоминаній прежнихъ страданій... Если бы наше сердце было всегда открыто для наслажденія тѣми благами, которыя Господь посылаетъ намъ каждый день, у насъ было бы довольно силы перенести горе, когда оно приходитъ». — Задача воспитателя научить ребенка наслаждаться всякой прекрасной минутой настоящаго, быть благодарнымъ за нее;

ребенокъ не долженъ ждать радостей только въ будущемъ, онъ теряетъ тогда счастье настоящаго! Какъ освѣжающе дѣйствуютъ слова Юлія Бирбаума:

«Начинай радостно свое утро!

«Иди и вѣрь: для тебя было сказано «да будетъ!»

«Взгляни кругомъ: вся земля расцвѣтаетъ въ твоемъ сердцѣ: все прекрасное — принадлежитъ тебѣ!»

Ницше тоже взываетъ къ радости, какъ къ чувству облагораживающему человѣка, къ радости, въ которой нетребовательный человѣкъ такъ легко принимаетъ участіе. «Какъ мало надо, чтобы быть счастливымъ!.. Самое малое, самое тихое, легкое, шорохъ ящерицы, дуновеніе вѣтра, одно мгновеніе — даетъ лучшее счастье!» — Поистинѣ, — говоритъ Заратустра, — многое дѣлалъ я для страдающихъ; но всегда казалось мнѣ лучшимъ умѣть больше радоваться... Если мы будемъ больше радоваться, то мы разучимся скорѣе всего дѣлать другимъ зло и придумывать злое».

Какъ прекрасны эти слова! И какъ вѣрны!

Когда передъ нами стоитъ ребенокъ съ свѣтлыми радостными глазами, съ веселой улыбкой, когда онъ съ восторгомъ смотритъ на сокровища своей дѣтской, на небо, солнце и всѣ чудеса природы, намъ становится ясно, что такой счастливый ребенокъ долженъ быть хорошимъ ребенкомъ. Чувство счастья и доброты идутъ рука объ руку и должны составлять достойную цѣль воспитанія. Во всѣ времена это сознавалось истинными воспитателями. Когда больше чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ ложь считалась у персовъ самымъ большимъ порокомъ, Сократъ сказалъ: «Поступай хорошо въ нравственномъ отношеніи и ты будешь счастливъ!»

Ребенокъ тоже имѣетъ право на радость и счастье. Воспитатель долженъ объ этомъ заботиться такъ же, какъ о ѣдѣ и питьѣ, какъ о любви къ ребенку и защитѣ его. По словамъ Дистервега, Руссо первый открылъ вѣчное право ребенка на радость и свободу. Но уже Амосъ Коменіусъ высказываетъ желаніе, чтобы родители заботились о томъ, чтобы давать дѣтямъ радость, а Іисусъ Сирахъ говоритъ, что радостное сердце — это жизнь человѣка, а веселое расположеніе духа — это половина здоровья. Базедовъ хочетъ тоже приготовить дѣтей къ счастью, а тре-

бованіе Зальцмана заключается въ томъ, чтобы воспитать здоровыхъ, разумныхъ, добрыхъ и веселыхъ людей, которые сами будутъ счастливы и поэтому будутъ содѣйствовать благу людей.

Вѣдь такъ естественно, чтобы ребенокъ былъ веселъ. И человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, знающій борьбу и горечь жизни, будетъ всѣми силами защищать это право ребенка. Съ глубокимъ умиленіемъ будетъ онъ смотрѣть на невинное дѣтское личико съ его мягкими чертами. Если оно радостно и весело, то безсознательное довѣріе и надежда, отражающіяся на его лицѣ, возбуждаютъ желаніе удержать въ немъ возможно дольше это радостное воспріятіе жизни; если же это личико серьезно или печально, то хочется обнять ребенка, устранить отъ него все печальное и тяжелое. Боже мой, если бы ребенокъ не могъ больше радоваться, то кто имѣлъ бы на это право?

«Я могу видѣть печальнаго человѣка,—говоритъ Жанъ Поль;—но я не могу видѣть грустнаго ребенка. Первый можетъ обратиться къ разуму или надеждѣ; а ребенокъ совершенно отравленъ ядомъ настоящей минуты, подавленъ ею».

Значитъ нельзя наказывать ребенка, чтобы не огорчать его? — Развѣ воспитателю не придется все-таки обратиться къ этому воспитательному средству? — Хотя онъ знаетъ, что этимъ огорчитъ ребенка, что онъ самъ причина слезъ ребенка, что онъ дѣлаетъ его на минуту несчастнымъ!—

Разумѣется, ребенка приходится и наказывать! Ни одинъ, по крайней мѣрѣ, хорошо воспитанный ребенокъ не можетъ вырасти безъ наказанія. Наказаніе необходимо всякій разъ, когда ребенокъ преднамѣренно наноситъ вредъ себѣ или другимъ словами или поступками. — Это простое и ясное указаніе.

Какимъ должно быть наказаніе? Надо ли сдѣлать ребенку выговоръ, или запереть его? надо ли лишить его на день пищи, или лишить его свободы? отнять ли у него то, чему онъ уже заранѣе радовался, или даже наказать ли его тѣлесно?

Я уже подробно говорила объ этомъ въ нѣсколькихъ главахъ моей книги «Въ нашихъ четырехъ стѣнахъ, кни-

га для матерей». Здѣсь я соберу и укажу вкратцѣ точки зрѣнія, возможныя на наказаніе, и разные виды его.

Раньше всего воспитатель не долженъ никогда наказаніемъ отнимать у ребенка радость или причинять ему боль или горе; имъ всегда должна руководить мысль, что если онъ наказываетъ, то для того, чтобы помочь ребенку вернуться на истинный путь. Поэтому неправильно держать ребенка голоднымъ, ребенокъ имѣетъ право на питаніе; ошибочно также лишать прогулки, потому что нѣтъ ничего цѣлительнѣе, ничто такъ не успокаиваетъ тѣло и душу ребенка, какъ свѣжій воздухъ. Также ошибочно отнимать у ребенка какую-нибудь радость, омрачать этимъ его юную душу, которую мы именно должны вести къ свѣтлой радости.

Во многихъ случаяхъ лучше всего уложить непослушнаго ребенка въ постель. Потому что большая часть капризовъ происходитъ отъ нездоровья и ребенку нужно не наказаніе, а покой. А если этого нѣтъ и ребенокъ совсѣмъ здоровъ, то такой покой поможетъ ему познать свою вину; онъ возвращается потомъ къ окружающему обществу съ хорошими намѣреніями, послушный и веселый.

Не надо думать, что ребенка можно воспитать безъ наказанія. Полная снисхожденія любовь всегда и во всемъ только вредна. Это видно по непривѣтливости и раздражительности дѣтей у слишкомъ добрыхъ матерей. Чувство справедливости въ ребенкѣ требуетъ наказанія, и онъ вполнѣ правильно оцѣниваетъ длительное снисхожденіе, какъ слабость.

За каждымъ наказаніемъ должно, конечно, слѣдовать примиреніе. Но я не хочу этимъ сказать, что обязательно формально просить прощенія. Иногда робкій ребенокъ не можетъ выговорить слова прощенья, хотя онъ въ душѣ и сильнѣе хочетъ «быть опять хорошимъ», чѣмъ ребенокъ болѣе живой, легкомысленный, которому легче и есть бóльшая готовность просить прощенье. И здѣсь воспитатель обязанъ считаться съ особенностями каждаго ребенка. Онъ долженъ быть также воспріимчивъ къ тому, что ребенокъ слегка прижмется, вопросительно посмотритъ, тихонько просунетъ свою ручонку въ его руку, окажетъ маленькое вниманіе, которое выдадутъ только его блестящіе глаза, какъ и къ словамъ прощенія. Есть столько путей, которыми

душа ребенка идетъ къ намъ навстрѣчу, столько языковъ, которыми онъ съ нами говоритъ!

Каждый воспитатель знаетъ, какъ велика сила привычки. Какъ она незамѣтно и безсознательно входитъ въ наше существо, дѣлается частью его, какъ много дѣлается нами совсѣмъ машинально, по «старой привычкѣ».

«Привычки мальчика остаются съ нимъ до глубокой старости», говоритъ Соломонъ въ своихъ изреченіяхъ. А другая старая поговорка говоритъ: «человѣкъ состоитъ весь изъ привычекъ; привычка его вторая натура». Воспитатель долженъ руководствоваться этимъ важнымъ средствомъ воспитанія для достиженія успѣха въ своей работѣ. Онъ будетъ пріучать ребенка съ самыхъ малыхъ лѣтъ любить правду, быть скромнымъ и непритязательнымъ. Если въ окружающей средѣ царитъ нравственно чистая и простая атмосфера, то эти качества естественно пріобрѣтаются совершенно незамѣтно.

Когда ребенокъ подрастаетъ и начинаетъ задавать вопросы «почему»—вопросы, которые, къ сожалѣнію, многіе воспитатели отвергаютъ, какъ незаконные, — ему надо отвѣчать въ ясной и понятной для него формѣ. И въ заключеніе въ ребенкѣ развивается вмѣстѣ съ его развивающимся разумомъ сознательная воля къ добру и внутреннее удовлетвореніе, которые ведутъ къ чувству радости и счастья.

Этого можно достигнуть уже въ дѣтскомъ возрастѣ. Но только при условіи, что воспитатель и его воспитанникъ связаны взаимной довѣрчивой любовью, что воспитатель понимаетъ особенности ребенка и знаетъ, что личный примѣръ, личность его самого, самое главное, дѣйствительное средство воспитанія. Здѣсь мы даемъ отрывокъ изъ разсказка Готфрида Келлера «Люди изъ Сельдвилы».

Какъ воспитала фрау Регель Амренъ своего меньшого ребенка въ Сельдвилѣ.

Его мать воспитала его такъ, что онъ сталъ честнымъ человѣкомъ въ Сельдвилѣ и принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, которые остались честными до конца своихъ дней. Трудно было бы сказать, съ чего мать начала и какъ этого

добилась; она воспитывала какъ можно меньше, и дѣло состояло только въ томъ, что юное деревцо, похожее на нее, росло съ ней рядомъ и примѣнялось къ ней. Дѣльнымъ и благовоспитаннымъ людямъ легче хорошо воспитать своихъ дѣтей, а необразованному, неграмотному тяжело научить ребенка читать. Въ общемъ ея воспитаніе сводилось къ тому, что она безъ особой чувствительности дала понять ребенку, какъ она его любитъ, пробудила въ немъ потребность всегда ей нравиться и достигла того, что онъ всегда о ней думалъ. Не подавляя его свободныхъ движеній, мать часто бывала съ нимъ вмѣстѣ, такъ что онъ перенялъ ея манеры и способъ мышленія и скоро пересталъ дѣлать то, что не нравилось его матери... Она всегда одѣвала его просто, но хорошо и съ извѣстнымъ вкусомъ; это дѣлало ребенка довольнымъ, увѣреннымъ и свободнымъ въ движеніяхъ; она не заставляла его думать о платьѣ, и онъ никогда не завидовалъ, не стремился къ тому, чтобы быть одѣтымъ лучше или иначе.

То же было и съ ѣдой; мать исполняла всѣ справедливыя и безвредныя желанія всѣхъ троихъ дѣтей, и никто не получалъ преимущества въ ѣдѣ; она готовила пищу легкую и умѣренную, и Фрицъ самъ собою привыкъ не считать ѣду слишкомъ важной вещью, а насытившись не ждать опять чего-то очень хорошаго. Только та необыкновенная важность, съ которой большинство женщинъ обращаются съ съѣстными припасами, возбуждаетъ обыкновенно въ дѣтяхъ страсть къ лакомству, которая превращается потомъ, когда они вырастутъ, въ стремленіе къ легкой жизни и расточительности.

Странно, что всегда лучшей и примѣрной хозяйкой считалась та, которая громче всѣхъ гремитъ своими мисками и сковородами и всегда тащитъ что-нибудь съѣдобное; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что господа германцы такъ обжорливы, что они основываютъ свое счастье на хорошей кухнѣ и совершенно забываютъ, что ѣда — второстепенное дѣло въ жизни.

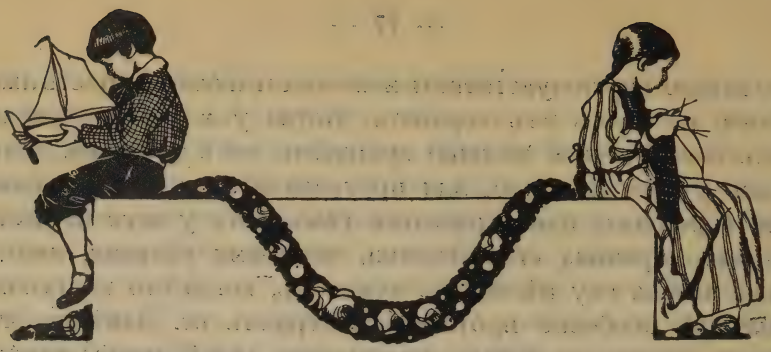
Точно такъ же поступала мать съ деньгами, съ которыми обыкновенно родители обращаются какъ съ святыней. Когда можно было, она познакомила своего сына съ своимъ имущественнымъ положеніемъ, поручала считать за себя и пря-

тать деньги, а когда онъ сталъ различать монеты, она дала ему копилку въ собственное свободное пользованіе. Когда мальчикъ дѣлалъ глупость или тратилъ чрезмѣрно на лакомства, она не смотрѣла на это какъ на преступленіе, и доказывала только въ немногихъ словахъ, какъ это смѣшно и безцѣльно. Если ребенокъ что-нибудь утаивалъ, бралъ, что ему не слѣдовало или тайно покупалъ что-либо неподходящее, мать не дѣлала изъ этого событія, а просто и открыто стыдила его какъ глупаго и безсмысленнаго мальчугана. Но она была строга съ нимъ, когда его слова и поведеніе были неблагородны и мелочны, что, впрочемъ, бывало рѣдко; тогда она отчитывала его сурово и безпощадно и давала такія сильныя пощечины, что онъ никогда не забывалъ этого печальнаго происшествія. Обыкновенно же всѣ эти вещи вызываютъ совершенно противоположное отношеніе. Когда ребенокъ погрѣшитъ деньгами или что-либо тихонько возьметъ, родители и учителя такъ пугаются будущей преступности, точно они сами испытали, какъ трудно не быть воромъ или мошенникомъ! Изъ ста въ девяносто девяти случаяхъ это только необъяснимыя мысли и желанія мечтательнаго ребенка, но они осуждаются и наказываются; по этому поводу говорятъ только о висѣлицѣ и смирительномъ домѣ. И наоборотъ, какъ мягко относятся къ тысячѣ мелкихъ чертъ зависти, недоброжелательства, тщеславія, надменности, эгоизма, самодовольства. Съ какимъ трудомъ замѣчаютъ добросовѣстные воспитатели, когда начинаетъ погибать внутреннее существо ребенка и какъ они кричатъ, когда узнаютъ о наивной лжи изъ задора или смущенія. Потому что здѣсь они легко и удобно могутъ примѣнить свое громовое: ты не долженъ лгать! Когда Фрицъ грубо лгалъ матери, она просто спрашивала его, глядя на него удивленно: «Это что же такое, обезьяна? Зачѣмъ это ты сочиняешь глупости? Не думаешь ли одурачить взрослыхъ людей? Радуйся, если тебѣ никто не лжетъ, и оставь эти шутки!» Если онъ лгалъ, чтобы скрыть совершонный грѣхъ, мать доказывала ему серьезными и любящими словами, что это ничего не исправило, что лучше, если онъ откровенно и честно сознается въ совершонномъ проступкѣ. Она не наказывала еще и за ложь, она обсуждала дѣло независимо отъ того, солгалъ онъ или нѣтъ, и

это давало ему почувствовать мелочность и безцѣльность лжи, и онъ не лгалъ изъ гордости. Когда у мальчика появлялось самое легкое желаніе приписать себѣ качества, которыхъ у него не было, или преувеличить то, что казалось ему хорошимъ, или украситься тѣмъ, чего у него не было, то мать бранила его рѣзкими, жесткими словами, иногда даже давала ему нѣсколько тумаковъ, когда его поступокъ былъ ей особенно противенъ и сердилъ ее. Замѣчая, что Фрицъ лжетъ въ играхъ на другихъ дѣтей, чтобы самому отъ этого выиграть, мать наказывала его строже, чѣмъ за отрицаніе значительнаго поступка.

Все это воспитаніе обходилось немногими словами, оно основывалось во всякомъ случаѣ больше на характерѣ самой фрау Амренъ, чѣмъ на обдуманной или вычитанной системѣ. Поэтому нѣкоторая часть ея пріемовъ не можетъ быть принята людьми другого характера, а другая часть — напр., ея отношеніе къ одеждѣ, пищѣ и деньгамъ — непримѣнима къ совсѣмъ бѣднымъ людямъ. Тамъ, гдѣ нечего ѣсть, ѣда будетъ, конечно, постоянно главной мыслью, и дѣтей, воспитанныхъ при такихъ условіяхъ, трудно отучить отъ желанія и жадности къ ѣдѣ, когда всѣ мысли и стремленія семьи направлены къ ѣдѣ.

Особенно въ ранніе годы мать мало занималась воспитаніемъ ребенка, воспитывая, какъ было сказано, не столько языкомъ, сколько всей своей личностью, своей любовью и жизнью. Если спросятъ, въ чемъ же заключался способъ ея воспитанія, то пришлось бы отвѣтить: единственно только въ любви, внушенной ребенку личностью матери и благодаря которой она сдѣлала свои инстинкты инстинктами ребенка.



Занятія и ручной трудъ.

I.

Ручной трудъ мальчиковъ.

Альвина Пабста.

Одна изъ самыхъ цѣнныхъ склонностей здороваго ребенка — это жажда дѣятельности. Задача воспитанія правильно использовать эту глубоко лежащую въ природѣ человѣка и непреодолимую склонность; иначе она легко развивается въ другую сторону, и тогда взрослые называютъ это непослушаніемъ, капризомъ, инстинктомъ разрушенія, о чемъ свидѣтельствуютъ и поломанныя игрушки и испорченныя вещи.

Здѣсь необходимо напомнить, что надо прежде всего создать ребенку возможность быть дѣятельнымъ. Въ раннемъ дѣтствѣ для удовлетворенія жажды дѣятельности достаточно игръ, которымъ дѣти такъ охотно предаются. Чѣмъ проще игрушка, чѣмъ больше она позволяетъ ребенку въ обращеніи съ ней поступать по своей фантазіи, тѣмъ больше удовлетворяетъ его сама игра. Песокъ и глина, кусочки дерева и маленькіе камешки — самый цѣнный матеріалъ для ребенка; онъ строитъ изъ него дома, замки и крѣпости; если у него кромѣ того есть нѣсколько инструментовъ въ своемъ распоряженіи, то его склонность къ дѣятельности быстро развивается и часто ведетъ къ проявленію и развитію значительнаго дарованія. При такомъ воспитаніи надо

предоставить ребенку больше свободы; чѣмъ больше предоставить дѣтей самимъ себѣ, тѣмъ лучше будутъ они развиваться. Надо только заботиться объ одномъ, чтобы непринужденныя игры перешли въ регулярное и правильное занятіе. Теперь вопросъ, какія занятія соотвѣтствуютъ разнымъ ступенямъ развитія ребенка.

Дѣти даже младшаго возраста съ успѣхомъ могутъ заниматься лѣпкой изъ глины или пластелина, искусственной смѣси, похожей на воскъ и очень удобной для лѣпки. Это очень подходящее и вполнѣ удовлетворяющее ребенка занятіе. Матеріалъ очень дешевъ, инструментовъ не нужно почти никакихъ, потому что самый лучшій инструментъ для этой работы — это пальцы ребенка, данные ему самой природой. Если художники говорятъ, что въ ихъ пластическихъ работахъ главный инструментъ — это ихъ рука, въ особыхъ случаяхъ употребляющая только инструменты, то для простыхъ работъ ребенка вполнѣ достаточно его рукъ. Иногда приходится пользоваться деревянной стекой, которую легко сдѣлать самому. Для выполненія работы подставкой можетъ служить всякая деревянная или грифельная доска. Послѣ нѣсколькихъ упражненій въ обращеніи съ матеріаломъ надо сдѣлать для всякаго предмета особую прямоугольную плиту изъ глины, во всякомъ случаѣ не слишкомъ тонкую, чтобы она не сломалась при сушкѣ. Что же сдѣлать? вотъ вопросъ. Природа даетъ намъ лучшія указанія. Какъ большіе художники постоянно возвращаются къ природѣ, получая отъ нея неисчерпаемое вдохновеніе и образы творчества, точно такъ же и маленькій художникъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, долженъ опереться на природу, которая даетъ ему разнообразныя формы растеній и животныхъ. Часто приходится наблюдать, что дѣятельность дѣтей, предоставленныхъ въ игрѣ самимъ себѣ, направляется къ воспроизведенію знакомыхъ предметовъ природы. Яйцо, яблоко, слива и вишня дѣлаются изъ сырой земли или изъ песку.

Отъ этихъ дѣтскихъ игръ всего одинъ шагъ къ первымъ урокамъ лѣпки подъ руководствомъ воспитателя. Здѣсь можно опять сказать, что въ дѣтскихъ играхъ заключается глубокій смыслъ. Слѣдовать за этимъ скрытымъ смысломъ—должно быть первой и главной задачей каждаго пре-

подаванія, безразлично гдѣ, въ семьѣ, дѣтскомъ саду или школѣ. Намъ надо только постоянно вспоминать изреченіе Песталоцци, что «всякое обученіе человѣка заключается только въ томъ, чтобы помочь природѣ самой развиваться».

Сначала, конечно, только нѣкоторыя дѣти будутъ въ состояніи воспроизвести хотя бы самый простой предметъ. Трудность этой задачи обыкновенно не достаточно оцѣнивается, и только, когда мы сами сдѣлаемъ такую же попытку, не упражняясь предварительно, мы начинаемъ понимать трудность такой работы.

Поэтому не надо требовать отъ ребенка слишкомъ мно-

Занятія дѣтей въ раннемъ возрастѣ. (Въ американской школѣ.)

гаго, надо быть довольнымъ и несовершеннымъ исполненіемъ, потому что въ противномъ случаѣ ослабляется творческая энергія. Главное, чтобы въ ребенкѣ всегда оставалось сознаніе, что работа исполняется имъ самимъ; лучше несовершенная, но самостоятельная работа, чѣмъ исполненная большей частью взрослымъ. Это не исключаетъ помощи взрослаго, который можетъ показать, какъ дѣлается то или это, указать на ошибки въ работѣ. Прежде всего, и самое главное, научить дѣтей смотрѣть и сознательно схватывать всѣ многочисленныя частности и особенности предмета. И въ этомъ преимущество взрослаго передъ ребенкомъ не такъ велико, какъ это принято думать. Именно маленькія дѣти

видятъ гораздо больше, чѣмъ это думаютъ, а ихъ постоянные вопросы «почему» доказываютъ, что они кромѣ того и думаютъ о видѣнномъ и слѣдятъ за причинной связью. Все это должно быть принято во вниманіе и оцѣнено въ связи съ тѣмъ, что многіе взрослые не умѣютъ «смотрѣть» и не стараются понять, почему внѣшняя форма такая, а не иная. «Изъ ста человѣкъ только одинъ умѣетъ думать, но только изъ тысячи найдется одинъ, умѣющій смотрѣть»,—сказалъ Джонъ Рёскинъ, прибавивъ къ этимъ замѣчательнымъ словамъ, что, по его убѣжденію, «высшая заслуга человѣка на землѣ заключается въ томъ, что онъ смотритъ и потомъ передаетъ воспринятое зрѣніемъ». Но чтобы видѣть правильно физически, надо имѣть не только развитой глазъ, надо еще, чтобы зрѣніе подкрѣплялось чувствомъ осязанія. Особенно это необходимо при опредѣленіи глубины пространства. Одно зрѣніе вообще не можетъ дать совершеннаго представленія о пространствѣ, что можно замѣтить на ребенкѣ извѣстнаго возраста, когда у него начинаютъ складываться пространственныя представленія. Я однажды замѣтилъ на одномъ изъ своихъ собственныхъ дѣтей, что онъ ощупывалъ узоръ тканой скатерти, которая очевидно показалась ему выпуклымъ тѣломъ. Поэтому чувство осязанія можетъ дать само по себѣ совершенно ясныя представленія пространства, что обнаруживается и у слѣпорожденныхъ или рано ослѣпшихъ. Ихъ представленія пространства не уступаютъ въ ясности и разнообразіи представленіямъ зрячихъ.

Значеніе осязанія для представленій предметовъ внѣшняго міра не сознается нами ясно только потому, что процессы, въ которыхъ осязаніе играетъ главную роль, происходятъ большей частью въ раннемъ дѣтствѣ. При опредѣленіи внѣшняго міра зрѣніе не является главнымъ, къ нему должно присоединиться осязаніе для того, чтобы мы совсѣмъ охватили предметъ; такимъ путемъ можно получить ясныя и вѣрныя представленія. Отъ наличности же ясныхъ, видимыхъ представленій зависитъ вообще духовное развитіе. Слово только обозначеніе для понятія, оно не имѣетъ значенія для развитія, если не связывается съ опредѣленнымъ представленіемъ. Поэтому всякое воспитаніе, основанное только на словахъ, неправильно; одни хорошія слова никогда не

воспитаютъ мыслящихъ и способныхъ къ творчеству людей. Такъ какъ въ нашемъ школьномъ преподаваніи и безъ того слово занимаетъ чрезмѣрное, господствующее положеніе, то необходимо ограничить господство слова въ дошкольномъ возрастѣ дома. Уже на этомъ основаніи ручной трудъ долженъ стоять впереди обученія и имѣетъ гораздо большее значеніе для всякаго маленькаго ребенка, чѣмъ занятія съ книжкой. Продолжительныя занятія съ книгой дѣлаютъ ребенка разсѣяннымъ, не соотвѣтствуютъ дѣтской натурѣ и ея наклонностямъ. И это естественно, потому что жажда дѣятельности при этомъ удовлетворяется меньше,

Столярныя работы. (Въ англійской школѣ.)

чѣмъ какой-нибудь ручной работой. Послѣдняя интересуетъ ребенка гораздо больше, возбуждаетъ все время его вниманіе, не дѣлаетъ его разсѣяннымъ. Ребенокъ можетъ быть за книгой разсѣяннымъ, но за работой — исключая механической, однообразной работы, которую нельзя считать «воспитательной» — онъ долженъ все время думать и быть внимательнымъ.

Краска и форма, величина и видъ того, чѣмъ онъ занятъ, требуютъ его постояннаго вниманія. Къ этому надо добавить движеніе, связанное съ работой, которое доставляетъ ребенку исключительное удовольствіе. Съ точки зрѣнія фи-

зическаго развитія и здоровья ручной трудъ неоцѣнимъ. Одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и заслуженныхъ упрековъ, который дѣлаютъ современной школѣ, заключается въ томъ, что она только школа обученія, что въ ней есть скамьи, но нѣтъ столовъ и мѣста для разныхъ занятій, къ которымъ надо было бы пріучить нашихъ дѣтей. Необходимо поэтому дополнить нашу школу преподаваніемъ ручного труда, къ которому можно допустить дѣтей даже младшаго возраста. Чѣмъ раньше начинается исключительно умственный трудъ, тѣмъ онъ вреднѣе, потому что мозгъ мало развитъ и съ трудомъ воспринимаетъ одностороннюю умственную работу. Если связь между ручнымъ и умственнымъ трудомъ освѣщена не во всѣхъ деталяхъ, если трудно въ краткомъ очеркѣ отвѣтить на трудные вопросы физіологіи мозга, то можно все-таки сказать, что различіе, которое обычно дѣлаютъ между ручнымъ трудомъ и умственнымъ — неправильно. Духовное развитіе невозможно безъ развитія органовъ чувствъ и рукъ, и ни одна изящная ручная работа не можетъ быть настолько механической, чтобы исполненіе ея не требовало работы душевной и мозговой. Въ этомъ отношеніи интересныя открытія дали послѣдніе опыты въ области воспитанія отсталыхъ дѣтей и дѣтей съ тяжелыми физическими и умственными недостатками. «Вспомогательное школьное обученіе» уже дошло до того, что стало примѣнять въ широкомъ объемѣ ручной трудъ какъ средство для развитія духовной дѣятельности; очевидно въ скоромъ времени отсюда сдѣлаютъ выводъ, что ручной трудъ очень хорошъ и для воспитанія нормальныхъ дѣтей. Наше искусство въ дѣлѣ воспитанія все подвигается впередъ, и наше воспитаніе словомъ должно замѣниться воспитаніемъ дѣломъ, чтобы ребенокъ примѣнялъ свою дѣятельность къ предметамъ его окружающимъ, чтобы работа, дѣятельность — ввели его въ жизнь, чтобы школа не стояла въ противорѣчіи съ жизнью и ребенокъ находилъ уже и въ ней отраженіе дѣйствительной жизни, къ которой онъ могъ бы приспособить свою личную маленькую жизнь.

Преподаваніе ручного труда, побуждая мальчиковъ къ практической дѣятельности, составляетъ поэтому необходимую часть гармоническаго воспитанія; его не надо вводить

искусственно, потому что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ натурѣ ребенка. Здоровое воспитаніе немыслимо безъ практической дѣятельности. Наши экономическія отношенія стали таковы, что теперь во многихъ случаяхъ нельзя проявить прежней свободной практической дѣятельности. Современная индустрія знаетъ всѣ потребности молодежи и даетъ ей все готовое. Игрушки, которыя раньше ребенокъ дѣлалъ себѣ самъ (бумажный змѣй, самострѣлъ и т. п.), теперь продаются вездѣ за гроши; очень немногіе дѣлаютъ еще ихъ сами. Этимъ дѣти лишаются возможности развлекаться самимъ; поэтому нечего удивляться, что у нихъ не хватаетъ ловкости, что механическая ловкость вообще понизилась противъ прежняго. Отчужденіе отъ практической дѣятельности, исчезновеніе практической сметки идутъ рука объ руку. Особенное вліяніе оказываютъ также измѣненія въ ремесленномъ производствѣ и въ соціальныхъ отношеніяхъ рабочаго класса. Въ прежнее время у мальчиковъ въ семьяхъ ремесленниковъ или бюргеровъ была ежедневно возможность наглядно научиться ремеслу у себя дома; зачастую ихъ уже съ молоду привлекали въ качествѣ помощниковъ, и они привыкали къ матеріалу, инструментамъ и способу работы. Всѣ эти факты, дававшіе возможность для воспитанія въ этомъ смыслѣ, исчезаютъ все больше и больше. Ремесленное производство перешло въ фабричное, недоступное для дѣтей; законодательство, само по себѣ благодѣтельное, привело къ тому, что молодежь все больше освобождалась отъ всякой ремесленной работы; въ домашнемъ же воспитаніи тоже исчезло многое, что раньше побуждало мысль дѣтей къ практической, дѣльной и бодрой работѣ. Это относится какъ къ мальчикамъ, такъ и къ дѣвочкамъ. Пока, едва только поднятый, вопросъ о необходимости ввести въ народную школу преподаваніе домоводства, доказываетъ, что съ этимъ фактомъ уже начинаютъ считаться.

Всякое практическое знаніе основывается на воспитаніи глаза и руки; практическое обученіе должно обратиться къ этимъ органамъ, о связи и взаимодѣйствіи которыхъ было уже говорено раньше.

Въ этомъ оно обнаруживаетъ свое родство съ преподаваніемъ рисованія, гдѣ также глазъ и рука являются испол-

нительными органами. Но преподаваніе ручного труда имѣетъ то преимущество, что въ своихъ изображеніяхъ не ограничивается плоскостью, карандашный набросокъ переносится на физическое тѣло. Къ этому надо добавить то развитіе и поученіе, которые даютъ постоянное наблюденіе особенностей матеріала и знакомство съ разными способами работы и инструментами. Практическія занятія даютъ такимъ образомъ опытныя знанія, которыя нельзя пріобрѣсти другимъ путемъ. Справедливо говоритъ знаменитый педагогъ К. фонъ-Раумеръ, что въ мастерскихъ живетъ практическая мудрость безъ словъ, которой нѣтъ у школьной муд-

Слесарныя работы. (Въ школьной мастерской въ Лейпцигѣ.)

рости. Особенно много даетъ преподаваніе ручного труда, какъ подготовка къ практической жизни, развивая наблюдательность и способность думать и поступать практически. Было бы неправильно пользоваться имъ только для подготовки къ практическимъ профессіямъ или преимущественно для подготовки ремесленниковъ. Указанныя нами свойства одинаково важны для всѣхъ профессій, они также необходимы ремесленнику или технику, какъ купцу или чиновнику, врачу или ученому. Исторія дѣтства знаменитыхъ ученыхъ и изслѣдователей говоритъ именно объ ихъ склонности къ практической дѣятельности и ловкости въ обращеніи съ инструментами; Джемсъ Уаттъ и химикъ Бунзенъ даютъ

намъ эти примѣры, также Либигъ и Франклинъ, которому приписываютъ мнѣніе, что физикъ долженъ умѣть пилить буравомъ и буравить пилой.

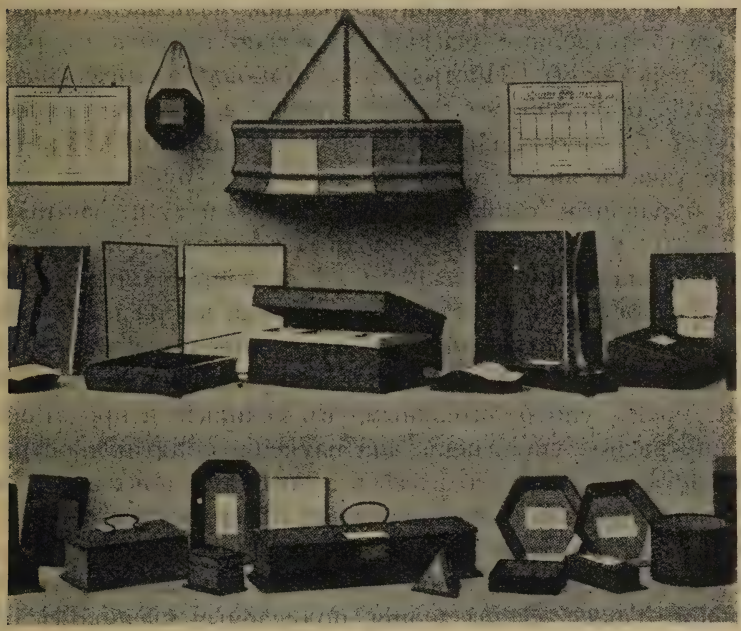
Не надо забывать также, что практическая работа воспитываетъ кромѣ того волю. Каждый воспитатель знаетъ, что работа сама по себѣ дѣйствуетъ хорошо въ нравственномъ отношеніи, не принудительная, неохотно исполняемая работа, а та, которая вызываетъ въ молодежи интересъ, даетъ свободу проявленію воли («Въ работѣ заложено благород-

Лѣпныя работы. (Въ школьной мастерской въ Лейпцигѣ.)

ство и даже что-то святое» — Карлейль; «Кому вручаетъ счастье прекраснѣйшую вѣтвь? Тому, кто радостно творитъ и радостно работаетъ»—Гёте). За ручнымъ трудомъ даже самые строптивые мальчики сидятъ спокойно и терпѣливо, добровольно и охотно подчиняясь наставленіямъ учителя. Поэтому ручной трудъ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ какъ въ семьѣ, такъ и въ учебномъ заведеніи, независимо отъ того, какого рода въ немъ воспитанники. Это было уже справедливо замѣчено Коменіусомъ, Августомъ Германомъ Франке и филантропами, которые пробовали ввести ручной трудъ въ свои воспитательныя заведенія. Такого мнѣнія придерживались и Песталлоци и Фре-

бель. Если бы наше воспитаніе пошло этимъ правильнымъ путемъ, а не уклонилось бы въ глухой переулокъ въ погонѣ за возможно болѣе широкимъ «общимъ образованіемъ», то мы были бы теперь гораздо ближе къ цѣли, указанной Песталоцци: «къ гармоническому развитію силъ и дарованій человѣка».

Если исторія педагогики свидѣтельствуетъ, что во французскихъ школахъ занимались токарнымъ ремесломъ, картонажными работами, шлифовкой стекла, что тѣ же ре-



Картонажныя работы изъ ученической мастерской въ Лейпцигѣ.

месла были введены въ реальныхъ училищахъ, а Руссо ставилъ выше всякаго ремесла столярное мастерство, то мы должны, при современномъ пониманіи вещей, признать за французами болѣе сильный и глубокій взглядъ. Мы тоже считаемъ самой цѣнной, незамѣнимой — работу за верстакомъ, эта работа представляетъ такія трудности, что можетъ исполняться только старшими мальчиками; болѣе юнымъ подходятъ скорѣе тѣ работы изъ дерева, которыя выполнимы ножомъ или лоб-

зикомъ. Дальнѣйшими инструментами будутъ буравчикъ, молотокъ, клещи и масштабъ, которыми мальчикъ скоро выучивается владѣть. Употребляя ихъ, онъ упражняется въ измѣреніи, сравненіи величинъ, развиваетъ глазомѣръ, знакомится съ основными геометрическими понятіями: угломъ прямоугольникомъ, квадратомъ, треугольникомъ и т. п. Ящики отъ сигаръ и тонкія доски и палочки служатъ матеріаломъ для приготовленія всевозможныхъ игрушекъ и другихъ предметовъ. Само собой разумѣется, что всѣ такія работы должны соотвѣтствовать интересамъ мальчиковъ и ихъ способностямъ. Если, подрастая, мальчикъ оказываетъ соотвѣтственные успѣхи, то можно перейти къ работѣ за верстакомъ. Инструменты становятся тогда разнообразнѣе, обращеніе съ ними труднѣе, матеріалъ тверже и требуетъ большей силы у маленькаго работника. Употребленіе такихъ инструментовъ, какъ пила, рубанокъ, напилокъ, буравчикъ, стамезка, наугольникъ и т. п. заставитъ его думать; къ силѣ присоединяется ловкость, которая развивается благодаря упражненію. Глазъ пріучается къ цѣлесообразности и красотѣ формы, а рука къ разнообразному движенію. Составленіе изъ отдѣльныхъ кусковъ цѣлаго предмета знакомитъ съ разными простѣйшими скрѣпленіями дерева, употребительными въ техникѣ, и представляетъ прекрасное упражненіе для изученія понятій пространства. Легко доказать, что здѣсь примѣнимы почти всѣ элементарныя правила геометрическихъ поверхностей и тѣлъ, и несомнѣнно, что, примѣняя ихъ на практикѣ, ученикъ усваиваетъ ихъ совершенно иначе, чѣмъ при теоретическомъ ихъ изученіи. Также цѣнны знанія, получаемыя ученикомъ при употребленіи инструментовъ и матеріала; имъ пріобрѣтаются знанія по механикѣ, физикѣ и химіи, такія же цѣнныя, какъ и теоретическія знанія. Упомянемъ, напр., о томъ, что клинъ и винтъ употребляются постоянно въ работѣ, а свойство дерева, его твердость, вязкость, ноздреватость, эластичность не разъ затруднятъ мальчика, заставятъ его думать.

Такого же рода явленія въ еще большей степени встрѣчаются при обработкѣ металла, простѣйшія формы которой тоже доступны мальчикамъ старшаго возраста. Свойства металла въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ изумительны, что въ высокой степени заинтересовываютъ юныхъ рабочихъ.

Напр., обработка мягкой мѣдной проволоки или мѣднаго листа, которому придаютъ молоткомъ упругость, накаливаніе хрупкихъ металловъ, намагничиваніе напильниковъ во время работы съ ними, спайка и закаливанье стали — все это процессы, которые возбуждаютъ глубокій интересъ въ каждомъ подрастающемъ мальчикѣ и могутъ дать ему важныя знанія изъ области физики и химіи. Обработка твердаго и ковкаго металла, который надо выпрямлять, сгибать, вытягивать, сворачивать, бить молоткомъ и накаливать, требуетъ силы и ловкости мальчика и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитываетъ его волю. На этомъ основаніи въ американскихъ школахъ, гдѣ ручному труду придаютъ несравненно больше значенія, чѣмъ въ нашихъ нѣмецкихъ школахъ, обращено особенное вниманіе на обработку металла; тамъ занимаются даже устройствомъ литейныхъ формъ, и литье ихъ изъ легкоплавкаго металла составляетъ предметъ обученія въ школахъ для мальчиковъ отъ 14 — 18 лѣтъ. Я нигдѣ не видѣлъ такого усердія въ работѣ и ученіи, какъ при этой работѣ. Наблюденія этого рода дадутъ намъ вѣрную картину американской системы воспитанія, которая старается влiять на волю ребенка. Американецъ сознаетъ, что сила воли коренится преимущественно въ сознаніи своего умѣнья и что техническое знаніе и ручной трудъ будятъ это сознаніе еще въ юности. Поэтому ручной трудъ уже давно занялъ прочное мѣсто въ системѣ ихъ воспитанія.

Нельзя не обратить вниманія на то, что такія работы по металлу, полезныя въ смыслѣ воспитательномъ и теоретическомъ, какъ имѣющія связь съ физикой и химіей, возможны только тамъ, гдѣ внѣшнія условія допускаютъ безъ труда устройство мастерскихъ. Въ этомъ отношеніи другія отрасли преподаванія ручного труда поставлены лучше, особенно работы изъ картона и рѣзьба по дереву.

Лѣпка, которая, какъ мы говорили выше, легко примѣнима въ раннемъ возрастѣ, можетъ быть продолжена и въ старшемъ возрастѣ и сдѣлаться цѣннымъ воспитательнымъ средствомъ для воспитанія въ связи съ преподаваніемъ художественнаго рисованія. Основныя правила въ этомъ отношеніи были уже нами указаны выше. Техника проста; она не требуетъ ни большого помѣщенія, ни дорогихъ ин-

струментовъ; поэтому нужно особенно рекомендовать эту отрасль ручного труда въ рабочія комнаты нашей молодежи. Заграничныя школы, именно Франціи, Англіи и Америки, выступали неоднократно съ хорошими примѣрами, и преподаваніе лѣпки дало тамъ такіе завидные результаты, что всякій посвященный въ это дѣло долженъ желать одного, чтобы и наша молодежь, какъ можно шире, пользовалась выгодами этого воспитательнаго средства.

Какъ лѣпка, такъ и рѣзьба по дереву находятся въ связи съ преподаваніемъ рисованія. Это техника украшенія, примѣнимая ко всевозможнымъ предметамъ изъ дерева. Легкость ея примѣненія приводила нерѣдко къ тому, что ее употребляли черезъ мѣру и тамъ, гдѣ она совсѣмъ не нужна. Особенно злоупотребляли рѣзьбой зубчиками, которая издавна и еще до сихъ поръ употребляется въ народномъ искусствѣ; ее примѣняли на поверхностяхъ, которыя совершенно не годились для украшенія рѣзьбой, или чрезмѣрнымъ обиліемъ этого рода украшеній достигали раздражающаго впечатлѣнія и грѣшили противъ хорошаго вкуса и основныхъ правилъ художественно-промышленнаго творчества. Мы не будемъ поддерживать подобныхъ заблужденій молодежи. Поэтому мы должны остерегаться дилетанства и не вводить въ кругъ нашихъ стремленій всего, что можно опредѣлить какъ «украшеніе дома». Эти стремленія относятся уже не къ области ручного труда мальчиковъ. Они могутъ имѣть свою хорошую сторону въ извѣстномъ смыслѣ, но мы не должны причислять ихъ къ тому, что необходимо для воспитанія нашей молодежи. Мы должны держаться того принципа, что украшать можно только, если въ этомъ чувствуется потребность. Въ этомъ смыслѣ рѣзьба относится къ столярному ремеслу, — при чемъ мальчикъ украшаетъ рѣзьбой только подходящіе для этого предметы. Надо ли украшать плоской или глубокой рѣзьбой — это вопросъ второстепенный; можно также примѣнять окраску, травленіе или мозаику.

Мы еще не упоминали объ одной работѣ, доступной всякому возрасту и удобной тѣмъ, что матеріалъ и инструменты для этого всегда легко получить, а для работы не требуется особенно много мѣста. Это — работы изъ бумаги, тонкаго картона и тому подобнаго матеріала, ко-

торыя можно начать еще въ дѣтскомъ саду. Фрёбелевскія складныя и плетеныя работы всѣмъ извѣстны, а изданныя его учениками и послѣдователями коллекціи работъ предлагаютъ богатый матеріалъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, слишкомъ сложныхъ и не подходящихъ къ дѣтскому возрасту. Все же остается много цѣннаго, чѣмъ можно вполнѣ занять маленькія ловкія ручки. Именно вырѣзываніе и наклеиваніе природныхъ формъ даетъ прекрасное упражненіе въ изученіи формы, которое легко связать съ рисованіемъ и естественной исторіей. Особую прелесть пріобрѣтаютъ эти работы съ приближеніемъ Рождества, и надежда украсить ими елку заставляетъ дѣтей усердно работать надъ этими вещами.

Мнѣ кажется, что въ Европѣ, сравнительно съ преподаваніемъ ручного труда въ другихъ странахъ, слишкомъ пренебрегаютъ плетеньемъ; въ Америкѣ, гдѣ плетутъ съ большимъ вкусомъ не только изъ бумаги, но изъ окрашеннаго лыка и травъ, эти работы особенно любимы и составляютъ въ такъ называемыхъ воскресныхъ школахъ одно изъ главныхъ занятій. Очевидно ихъ высокое развитіе въ этомъ отношеніи стоитъ въ связи съ искусствомъ, заимствованнымъ отъ индійскихъ племенъ, и если говорятъ, что индіанка умѣетъ вплести въ цыновку исторію своей жизни и любви, то это только доказываетъ высокую степень ея искусства. Тканье самыми простыми способами тоже составляетъ предметъ занятій въ американской школѣ, при чемъ слѣдятъ не только за развитіемъ руки и глаза, но и за развитіемъ пониманія красокъ и работъ бумагопрядильной промышленности. Наша молодежь почти совсѣмъ незнакома съ этого рода занятіями; мы ограничиваемся для младшаго возраста бумажнымъ плетеньемъ, а старшимъ предоставляемъ работы изъ картона.

Послѣднія имѣютъ тоже свои преимущества. Изготовленіе предметовъ большей частью опредѣленной геометрической формы (сумки, ящики, чаши, геометрическія тѣла и т. д.) обусловливаетъ повтореніе упражненій съ извѣстными опредѣленіями и чертежами; всякая неточность даетъ себя знать, а иногда заставляетъ даже начать работу сызнова. Изготовленіе такихъ предметовъ даетъ понятіе о пространствѣ, а украшеніе ихъ цвѣтной бумагой развиваетъ

вкусъ къ краскамъ. Воспитаніе чувства порядка и чистоты, нераздѣльные съ этой работой, усиливаетъ значеніе этого занятія, обезпечиваетъ ему мѣсто среди другихъ занятій по труду. Въ пересмотрѣ упомянутыхъ выше главнѣйшихъ работъ, подходящихъ для нашей молодежи и введенныхъ въ наши школьныя мастерскія, мы могли только въ общихъ чертахъ указать на отношеніе практической работы къ обученію въ тѣсномъ смыслѣ.

Большинство изъ имѣющихся теперь въ Германіи 1000 школьныхъ мастерскихъ преподаетъ только простѣйшую рѣзьбу и картонажную работу, и только нѣкоторыя обставлены такъ полно, что къ нимъ можно присоединить для дѣтей старше 14 лѣтъ различныя техническія занятія и связать ихъ главнымъ образомъ съ преподаваніемъ теоріи. Это возможно, если ввести физическіе приборы и другія учебныя пособія, къ которымъ ученики высшихъ школъ проявляютъ бо̀льшій интересъ, чѣмъ къ предметамъ ежедневнаго обихода. Внимательные родители и воспитатели не могутъ не замѣтить, какъ усиливается интересъ подрастающихъ юношей именно къ этого рода занятіямъ, что часто даже добросовѣстные ученики забываютъ ради нихъ другіе уроки. Это не лѣнь, бранить за это нельзя. Юность требуетъ практической дѣятельности, она нуждается въ ней тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше преобладаетъ въ школѣ преподаваніе научныхъ знаній, которыя подавляютъ развитіе самостоятельныхъ, творческихъ силъ юношества и даютъ намъ вмѣсто мыслящихъ, сильныхъ волей людей — людей пресыщенныхъ наукой, но непрактичныхъ и слабовольныхъ.

Необходимо дать воспитанію нашего юношества практическое направленіе, преслѣдующее развитіе самодѣятельныхъ творческихъ силъ, тѣмъ болѣе, что многообразная культурная жизнь предъявляетъ все болѣе запутанныя и сложныя требованія къ нашей молодежи. Современная молодежь растетъ въ мірѣ понятій, которыхъ почти совершенно не знали наши отцы. Электричество, паровыя машины, равныя тысячамъ лошадиныхъ силъ, колоссальныя приспособленія для эксплуатаціи природныхъ богатствъ — все это теперь возбуждаетъ фантазію и мысль мальчика. Отсюда слѣдуетъ, что обученіе и образованіе ребенка должны

исходить уже изъ иныхъ точекъ зрѣнія, чѣмъ это было до сихъ поръ. Мы должны пріучать его съ малыхъ лѣтъ схватывать самостоятельно предметы окружающаго его внѣшняго міра, пріобрѣтать знанія и способности самостоятельной работой, которая необходима для того, чтобы управлять многообразной современной жизнью. Этому въ значительной мѣрѣ можетъ способствовать преподаваніе практическихъ техническихъ знаній и обученіе юношества всевозможнымъ ручнымъ работамъ. Такое преподаваніе примѣняетъ именно методъ Песталоцци, неизмѣнно преслѣдующій «гармоническое развитіе силъ». Но воспитаніе можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно имѣетъ въ виду силу, потому что «одна только сила можетъ руководить жизнью, знаніе можетъ руководить ею только, когда оно подчиняется силѣ».

Литература по ручному труду мальчиковъ.

Л. Тэддъ, Новые пути художественнаго воспитанія юношества. Москва, 1909.

Статьи К. Ю. Цируля въ С.ПБ. о ручномъ трудѣ.

Лѣпиловъ, Обученіе лѣпки. 1912.

II.

Роль практической работы при воспитаніи дѣвочекъ.

Гедвиги Гель.

Практическій трудъ женщины, какъ болѣе легкій, не принято считать серьезнымъ; на него смотрятъ, какъ на непріятную придачу индивидуальной жизни женщины или дѣвушки, захваченной другими интересами. Противъ этого ложнаго воззрѣнія слѣдуетъ выставить вѣскія возраженія со стороны педагогической, гигіенической и экономической.

Большею частью не замѣчаютъ, какое большое значеніе для всего тѣла и для его органовъ имѣютъ развитыя и ловкія руки. Дѣятельность рукъ и ихъ воспитаніе очень важно. Руки — это самое чудесное орудіе человѣка, и люди совершаютъ насиліе надъ природой, давая способностямъ,— функціямъ рукъ зачахнуть, вмѣсто того чтобы ихъ развивать. Даже болѣе, это значитъ нанести поврежденіе той функціи организма, благодаря которой человѣкъ становится господиномъ своей жизни и жизни другихъ.

Въ постепенномъ развитіи человѣческаго познанія рука играетъ существенную роль посредницы, благодаря присущему ей чувству осязанія. Зрѣніе, дѣятельность котораго часто какъ бы равна осязанію на разстояніи, можетъ иногда ввести въ заблужденіе, — если, напр., вспомнить распознаваніе звѣздъ и обманчивость ихъ видимаго разстоянія,—тогда какъ осязаніе руки даетъ надежное познаніе величины, формы, твердости, мягкости, сухости, влажности, гладкой поверхности, температуры и т. д.; ему помогаетъ дѣятельность всей руки отъ плеча до пальцевъ, которые могутъ измѣрить пространство, и сила мускуловъ, при помощи которой различаютъ тяжесть, тягучесть, твердость тѣла. Добытыя такимъ образомъ факты и свѣдѣнія передаются сознанію, разуму.

Мысль и практическая дѣятельность находятся въ по-

стоянномъ взаимодѣйствіи, и значеніе послѣдней, какъ при поступательномъ движеніи массъ, такъ и при духовномъ развитіи отдѣльной личности, увеличивается еще въ виду благотворнаго вліянія на здоровье, что, въ свою очередь, способствуетъ росту интеллекта. Человѣка можно сравнить съ машиной, отапливаемой углеродомъ. Безъ физической работы притокъ кислорода становится скуднымъ, кровь обновляется недостаточно, легкія дышатъ слабо, дѣятельности покрововъ не хватаетъ возбужденія, органы пищеваренія и сердце работаютъ вяло, органы чувствъ никоимъ образомъ не возбуждены соучастіемъ въ работѣ такъ, какъ это нужно для ихъ развитія и совершенствованія. Послѣдствія этого выражаются въ отсутствіи аппетита, уменьшенномъ введеніи пищи, плохомъ образованіи соковъ, неврастеніи, блѣдной немочи, усталости и вялости, отсутствіи сна, нервности и болѣзненныхъ явленіяхъ; они готовятъ благопріятную почву для многихъ тяжелыхъ заболѣваній. Эти всѣмъ извѣстные факты привели къ введенію въ школьное воспитаніе молодежи кое-какихъ физическихъ упражненій, въ особенности гимнастики. Все-таки оказывается, что при призывѣ къ отбыванію воинской повинности половина мужской молодежи признается негодной. Статистика, которая стала возможной съ учрежденіемъ института школьныхъ врачей, показываетъ, что путь, на который вступила школа, все еще не тотъ, какой нуженъ. Такъ, врачами подтверждается увеличеніе количества сердечныхъ болѣзней у дѣтей школьнаго возраста. Въ медицинскихъ журналахъ появляются статьи по поводу свидѣтельствъ домашнихъ врачей для освобожденія отъ гимнастики, которыя даютъ цѣнный матеріалъ для возраженія противъ гимнастики. Опасность гимнастики заключается въ слишкомъ большомъ напряженіи мускуловъ, такъ какъ правильная, соотвѣтствующая силамъ каждаго отдѣльнаго ребенка дозировка является слишкомъ трудной при классномъ обученіи. Благопріятнѣе могли бы дѣйствовать, по мнѣнію многихъ спеціалистовъ, обязательныя школьныя подвижныя игры. Но, при необязательныхъ послѣобѣденныхъ часахъ, отведенныхъ для игръ на открытомъ воздухѣ, по сдѣланнымъ въ Берлинѣ наблюденіямъ, отъ игръ уклонилось 75% учениковъ, такъ что успѣхъ незначителенъ.

Относительно дѣвочекъ эта цыфра можетъ оказаться еще плачевнѣе. До сихъ поръ имъ удѣляли меньше вниманія, и вслѣдствіе этого нельзя удивляться, что въ настоящее время носителемъ материнства является въ среднемъ малоцѣнное женское поколѣніе.

Надо воспитать болѣе совершенное поколѣніе въ физическомъ, душевномъ и духовномъ отношеніи, и однимъ изъ главныхъ факторовъ въ этомъ является практическая работа.

Развитіе силы женской молодежи не можетъ быть достигнуто сразу и быстро, его надо добиться постепенно, посредствомъ пріученія къ дѣятельности дѣтей, начиная съ ранняго возраста; особенное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы работа во всякое данное время соотвѣтствовала пониманію и работоспособности ребенка.

Всякая видимая цѣль дѣятельности служитъ благотворнымъ поощреніемъ и возбуждаетъ смышленость ребенка при работѣ. Различныя практическія работы требуютъ увѣренныхъ движеній, ловкаго сгибанія, быстрой ходьбы, поднятія и ношенія тяжестей, вытягиванія, сгибанія колѣнъ, прямого стоянія, поворачиванія и сидѣнія, стоянія на носкахъ, и такимъ образомъ онѣ представляютъ своимъ физическимъ воздѣйствіемъ замѣну скучной гимнастики, которая сама по себѣ есть цѣль. Въ работѣ рукъ и пальцевъ съ практическою цѣлью нервы, направляющіе ихъ, находятъ себѣ радостное возбужденіе, которое ясно проглядываетъ въ сіяющихъ дѣтскихъ глазахъ и въ раскраснѣвшихся щечкахъ. Ребенокъ такъ охотно помогаетъ, если довѣрютъ его силамъ, мы видимъ даже часто, что онъ слишкомъ много надѣется на нихъ.

Въ связи съ этимъ естественнымъ стремленіемъ что-нибудь самому дѣлать слѣдуетъ возбудить въ юношествѣ мысль о связи всѣхъ дѣйствующихъ силъ, дать ему общую картину міра, земли и единичнаго существа.

По словамъ Стюарта Милля, работа человѣка должна «ставить вещи въ правильное положеніе одну къ другой, приводить въ движеніе предметы въ физическомъ мірѣ».

Для этого, во всякомъ случаѣ, необходима мышечная сила и слѣдуетъ требовать, чтобы ее развивали и въ женщинѣ. Далѣе необходима для этого ловкость рукъ, т.-е. обла-

гороженная мышечная сила, а также распознаваніе качествъ вещества и скрытой въ немъ силы. Теоретическое и практическое наставленіе должно дополнять одно другое. Качество работы и ея достоинство увеличиваются одновременнымъ развитіемъ смѣтливости, находчивости, увѣренности и чувства нравственной отвѣтственности за цѣлое. Воспитаніе способности къ практической дѣятельности составляетъ необходимую часть общаго воспитанія.

Домоводство, садъ, животныя и люди, все, что и въ прежнее время въ жизни женщины снабжало ее работой, должно быть использовано въ наше время подъ другимъ угломъ зрѣнія для ея воспитанія. Систематическое преподаваніе домоводства, какъ я его ввела, уже 25 лѣтъ тому назадъ, сначала въ классѣ для дѣтей фабричныхъ рабочихъ, прекрасно могло бы развиваться въ народной школѣ; не менѣе важно, пожалуй, ввести его въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Заботливыя матери всегда придаютъ значеніе исполненію мелкихъ обязанностей, — а введеніе преподаванія домоводства въ школѣ было бы неисчислимой выгодой и для дѣвушекъ изъ болѣе обезпеченныхъ круговъ населенія. Природовѣдѣніе, зоологія, ботаника, физика, химія, бухгалтерія—нашли бы такимъ образомъ самое прямое примѣненіе, запечатлѣлись бы и подверглись бы внутренней переработкѣ, а въ итогѣ—необходимая гигіеничность вслѣдствіе сознательнаго отношенія къ процессу питанія. Въ смыслѣ экономіи въ народномъ хозяйствѣ трудно себѣ представить, какую цыфру можно было бы сберечь при болѣе просвѣщенныхъ понятіяхъ и пріученности женщины къ извѣстной домовитости. Хорошее хозяйничанье, это сбереженіе времени, денегъ и силъ, — обыкновенно женщина научается хорошо вести въ этомъ смыслѣ хозяйство, когда она уже состарится и изведется тяжелымъ, не одну ее обезкураживающимъ опытомъ.

Если въ школѣ это преподаваніе нельзя провести, то пусть устроятъ кружки домоводства, — да, кружки домоводства для забавы, — какъ это принято для обученія танцамъ. Особенно пригодно для всякаго возраста садоводство, какъ работа. Не надо воображать, что этой дѣятельности нужны обширные сады, теплицы и разведеніе большихъ клумбъ. Для школы могли бы быть полезны съ этой

цѣлью плоскія крыши, вообще крыши въ густонаселенныхъ городахъ представляютъ большую выгоду. Одинъ метръ садовой земли для каждаго ребенка! Какъ много работы, какое улучшеніе питанія и румяныя щеки дало бы даже это; прибавьте сюда множество растеній или цвѣтовъ, которые можно завести у окна или передъ окномъ въ ящикахъ отъ сигаръ, стаканахъ и цвѣточныхъ горшкахъ. Каждая преподавательница ботаники должна была бы знать толкъ, быть знакомой съ культурой растеній и уходомъ за ними, какъ это большею частью требуется отъ воспитательницъ въ дѣтскихъ садахъ и учительницъ домоводства. Нельзя не упомянуть, что прибавка къ завтраку кресса, редиски и рѣдьки собственнаго производства была бы не безъ выгоды для увеличенія притока питательныхъ солей у дѣтей школьнаго возраста. Разведеніе такъ называемыхъ декоративныхъ растеній, выбранныхъ по даннымъ условіямъ мѣста и свѣта, воспитываетъ пониманіе возможности человѣческаго счастья во всякомъ положеніи житейскомъ, развиваетъ способность радоваться и скромной собственности. Садоводство, пріучающее къ логической послѣдовательности, не исключая свободы поступковъ, можетъ имѣть огромное значеніе въ развитіи характера, и удовольствіе, которое оно создаетъ для другихъ, приноситъ не мало счастья увлекшемуся этой работой. Если надо достигнуть чего-либо дѣльнаго съ небольшими средствами, то неизбѣжно дѣйствовать планомѣрно и ограничиваться въ данное время немногимъ, но тѣмъ, что важно, — и вотъ новое цѣнное звено въ выработкѣ характера. Большая ошибка со стороны родителей, при разбивкѣ сада, упускать изъ виду садъ дѣтей, это показываетъ незнаніе и пренебреженіе къ человѣческой природѣ и труду. Какая притягательная сила въ этой забавѣ и какое серьезное отношеніе къ приданію формы, разведенію, устройству своего садика. Особую роль въ практическомъ воспитаніи играетъ міръ животныхъ. Настоящія живыя существа, которыя нуждаются въ уходѣ ребенка, требуютъ ежедневной заботы, соображенія, мелкихъ трудовъ, сопряженныхъ съ различными неудобствами, какъ чистка конурокъ, клѣтокъ, кормушекъ, правильное кормленіе птицъ, рыбъ, куръ и мелкихъ млекопитающихъ. Тутъ надо позаботиться о

всѣхъ необходимыхъ принадлежностяхъ, надо держать ихъ въ порядкѣ, надо добыть или своевременно купить кормъ. При всемъ этомъ получается масса важныхъ для физическаго и духовнаго развитія ребенка наблюденій.

Практическая дѣятельность, примѣненная даже къ предметамъ неодушевленнымъ, имѣетъ громадное воспитательное значеніе. Предрасположенію къ материнской заботливости дѣвочки слѣдовало бы удѣлять съ самаго начала больше надлежащаго вниманія; такъ, напр., при игрѣ въ куклы слѣдуетъ представить возможность бо̀льшаго развитія этой наклонности, допуская въ дѣтскую минимумъ готовыхъ издѣлій кукольнаго обихода. Стремленіе къ самостоятельному созиданію должно имѣть широкій просторъ въ разносторонней заботѣ о куклѣ. Чѣмъ старательнѣе устроена собственная дѣтская ребенка, тѣмъ вѣроятнѣе можно распознать ея отраженіе въ кукольной игрѣ, и тѣмъ болѣе воспитательнымъ образомъ дѣйствуетъ это на уясненіе понятій и на поступки ребенка. Конечно нужно и здѣсь вспомнить совѣтъ Фребеля, который онъ даетъ матерямъ-воспитательницамъ: «Относитесь въ душѣ активно, снаружи будьте пассивны». Если плоды дѣтскихъ трудовъ оказываются несовершенными и жалкими, то это не должно заставлять взрослыхъ вмѣшиваться съ цѣлью помочь и совершенствовать, вѣдь въ данную минуту важенъ вовсе не результатъ, какъ таковой. Участіе и пониманіе воспитательницы-матери въ его игрѣ доставляетъ ребенку великое счастіе, онъ хочетъ быть понятымъ, хочетъ, чтобы догадались, какія у него практическія намѣренія. Только нѣжныя, тонкія, для ребенка незамѣтныя, путеводныя нити должны направлять и руководить ходомъ игры.

Безусловно вѣрно, что отъ мягкаго проникновенія матери въ душу ребенка сердечность малышей развивается въ неподдающуюся учету сердечную силу, которая вплетается во всю его жизнь.

Нѣкоторыя игры и работы не совсѣмъ безопасны, инструменты, гвозди, вода, клей, песокъ, камни, земля могутъ попортить платье и руки. Но этимъ уже надо рискнуть! Подходящій костюмъ, клеёнчатый передникъ, короткіе рукава могутъ предотвратить не одну бѣду. Для маленькихъ пригодны тупыя ножницы, жестяной ножикъ для чист-

ки картофеля и т. п., но дѣти быстро привыкаютъ орудовать настоящими инструментами. Болѣе или менѣе серьезныхъ поврежденій не было, напр., въ продолженіе 25 лѣтъ въ ясляхъ, посѣщаемыхъ приблизительно 400 дѣтей. Наоборотъ, позволеніе работать настоящими инструментами доставляетъ большое удовольствіе дѣтямъ. Они пріучаются замѣчать всякій грѣхъ, спѣшатъ приклеить оторванный кусочекъ обоевъ, планку, подкрасить отбитые углы стѣны, сдѣлать новый переплетъ въ стулѣ, задѣлать дыру, вывести пятно. Серьезное кукольное хозяйство уже научило ихъ такимъ дѣламъ. А теперь очередь за использованіемъ пустыхъ коробокъ, ящиковъ отъ сигаръ, отъ масла и вина. Какъ хорошо они годятся для собиранія различныхъ вещей, напр., почтовыхъ марокъ, бабочекъ, разныхъ сортовъ бумажекъ, лоскутковъ и т. д. Получить отъ ребенка произведеніе его собственной работы, его собственнаго измышленія, какъ бы неотдѣланно оно ни было—развѣ это не гораздо болѣе цѣнный подарокъ, чѣмъ каллиграфически написанное поздравленіе ко дню рожденія или классные рисунки и изящныя рукодѣлія? Главное, что взрослый особенно долженъ имѣть въ виду, при дѣтскомъ трудѣ — это порядокъ въ работѣ; незамѣтное направленіе въ смыслѣ систематичности, планомѣрности, это окажетъ потомъ свое вліяніе на всю жизнь.

Мы хотѣли бы указать еще на ту выгоду при практической работѣ, что обѣ руки пріучаются быть ловкими. Неловкость и неразвитость лѣвой руки никоимъ образомъ не находитъ себѣ оправданія въ міровомъ хозяйствѣ и должна была бы исчезнуть подъ вліяніемъ воспитанія. Еще недавно Вильгельмъ Флисъ подчеркнулъ, что многіе знаменитые люди, какъ Бегасъ, Менцель, Мейергеймъ, Вильгельмъ Іорданъ, Ліонардо, Микель Анджело, Гольбейнъ, Алиса, великая герцогиня гессенская, и др. владѣли лѣвой рукой наравнѣ съ правой. Доказывается, что это просто предвзятость мнѣнія или небрежность, когда воспитатель отстраняетъ отъ развитія органъ, могущій быть продуктивнымъ. Въ результатѣ получается мало-по-малу крайне ясно выраженное одностороннее развитіе отъ природы симметрично построеннаго человѣческаго тѣла.

Въ заключеніе мы хотѣли бы замѣтить, что, какъ ни

свободно должно быть предоставлено творить духу и рукамъ, все-таки надо всѣмъ долженъ господствовать принципъ, заключающійся въ томъ, чтобы одна дѣятельность не шла въ ущербъ другой или въ ущербъ общему порядку занятій. Наши дѣти должны сдѣлаться вслѣдствіе работы— независимыми, работоспособными, умными и послушными, благодаря порядку и знанію, зажиточными, благодаря бережливости, и радостными, благодаря тому, что они познали трудъ, какъ источникъ радости, а не гнета человѣческаго существованія.

Домъ и школа, ясли въ городѣ и въ деревнѣ, дополнительныя школы и школы домоводства, разнообразнѣйшіе курсы могутъ, если ихъ направленіе исходитъ изъ правильной точки зрѣнія, подвинуть имѣющую такое значеніе для дѣвочекъ практическую дѣятельность и этимъ способствовать устраненію многихъ недостатковъ въ жизни женщины, а тѣмъ самымъ и въ жизни государства.

Художественное воспріятіе.

Кеты Каучъ.

Ребенку принадлежитъ будущее. Всѣ наши надежды, всѣ реформы, на которыя мы уповаемъ, должны исполниться и осуществиться въ нашихъ дѣтяхъ.

Изъ этого стремленія выработалось въ наше время понятіе о художественномъ воспитаніи не только молодыхъ художниковъ, но всего поколѣнія.

Наше время все еще нехудожественно. Сознаніе этого вызвало серьезное желаніе сдѣлать доступной нашимъ дѣтямъ болѣе высокую художественную культуру. Оно въ то же время осложняетъ задачу добросовѣстнаго воспитателя. Потому что сначала его работа должна сосредоточиться на выясненіи его собственнаго отношенія къ искусству, а всюду въ Германіи онъ видитъ, что пока еще ищутъ ощупью правильные пути къ художественному воспитанію.

Главная причина всеобщей художественной некультурности Германіи—это недостатокъ развитія чувственнаго художественнаго воспріятія. Наши внѣшнія чувства притуплены, задержаны въ развитіи. Мы едва знаемъ даже наше тѣло, движенія нашихъ собратьевъ, животныхъ и растеній. Краски неба, земли и растительности, покрывающей и наряжающей ее, поражаютъ насъ, какъ нѣчто неразрывно связанное съ нами. Мы смотримъ на какой-либо предметъ постольку, поскольку намъ это почему-нибудь необходимо для поверхностнаго распознаванія, не болѣе. Наше школьное образованіе отвлеченно и не затрогиваетъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ: уже въ приготовительной школѣ нашъ ребенокъ отчасти утрачиваетъ свою способность наивнаго внимательнаго созерцанія окружающаго, потому что отвлеченная буква и цыфра становятся для него важнѣе дѣйствительности. И только что выпущенный изъ гимназіи 18-лѣтній юноша уже большею частью совсѣмъ разучился открывать глаза на богатство красокъ и формъ. Одинъ образцовый ученикъ въ Лейпцигѣ, у котораго даже по такимъ предметамъ, какъ черченіе, рисованіе и пр. была

отличная отмѣтка, сумѣлъ дать только неполные, сбивчивые отвѣты на мой вопросъ, какой видъ имѣетъ классная, есть ли въ ней картины, а молодая дѣвушка, кончившая семинарію, три года спустя не имѣла понятія о томъ, что проходила ежедневно мимо одного изъ лучшихъ, въ художественномъ отношеніи, домовъ. Если такому одностороннему субъекту предстоитъ задача разобраться въ искусствѣ, то онъ теряется, несамостоятеленъ и легко попадаетъ противъ воли въ сѣти тѣхъ, которые гонятся за эффектомъ, или легкомысленныхъ рецензентовъ, или, въ лучшемъ случаѣ, отстраняется отъ всякаго пассивнаго или активнаго переживанія въ мірѣ искусства.

Поэтому пусть вѣкъ грядущаго поколѣнія въ то же время будетъ и вѣкомъ художественной культурности, т.-е. другими словами, вѣкомъ попеченія о развитіи нашихъ внѣшнихъ чувствъ и ихъ воспитанія къ самостоятельному пониманію художественныхъ достоинствъ въ искусствѣ. Мы обязаны воспитать дѣтей земли, которыя знаютъ и любятъ свою землю. Сюда входитъ и обязанность воспитать нашихъ дѣтей такъ, чтобы они чувствовали себя въ эстетическомъ отношеніи отвѣтственными за каждую домашнюю принадлежность, которую они помѣщаютъ въ своемъ жилищѣ, за всякую одежду, въ которую они одѣваются, за каждую вещь, которую они создаютъ, подражая или творя самостоятельно; какъ нѣчто крайне важное сюда входитъ и ощущеніе благородной гордости отъ созерцанія своего тѣла.

Путь къ такой художественной культурности ведетъ только черезъ воспитаніе воспріятія. Подъ этимъ мы понимаемъ, во-первыхъ, воспріятіе вообще, какъ первое основное условіе для того, чтобы постигнуть всякаго рода произведенія искусства, во-вторыхъ, уже художественно воспитанное воспріятіе, которое, какъ мы увидимъ, получается изъ комбинаціи созерцанія произведеній искусствъ съ активнымъ, хотя бы крайне примитивнымъ упражненіемъ въ искусствѣ.

Хотя общая способность наблюденія и наблюденное претворить въ отчетливые образы должна предшествовать и, такъ сказать, доставлять сырой матеріалъ, изъ котораго впослѣдствіи художникъ можетъ создавать, а не худож-

никъ—понимать и цѣнить художника, все-таки не слѣдуетъ распредѣлять на разные періоды дѣтскаго возраста знакомство съ художественными произведеніями и побужденіе къ первымъ попыткамъ собственнаго творчества. Потому что и то, и другое должно итти рука объ руку, чтобы дѣйствительно взаимно оплодотвориться. Только пока пальчики еще слишкомъ неловки, чтобы положить на опредѣленное мѣсто обрубокъ или комъ, держать мѣлъ или мять глину и оформливать ее, допустимо одно только общее созерцаніе.

Вслѣдствіе взаимодѣйствія обѣихъ ступеней созерцанія, мы должны съ самаго начала расширить понятіе общаго созерцанія, противъ того, какъ оно опредѣляется, напр., въ учительской семинаріи.

Наглядное обученіе въ школѣ знаетъ только возможно отчетливые, ясные, точные снимки образовъ въ сѣтчатой оболочкѣ и ихъ закрѣпленіе въ представленіи, при помощи разспрашиванія о содержаніи видѣннаго.

Мы же должны еще кое-что прибавить къ этимъ оптическимъ образамъ и представленіямъ. Конечно, смотрятъ глазами. Но одно зрѣніе недостаточное внѣшнее чувство, чтобы охватить физическое изображеніе въ пространствѣ. Оно можетъ воспринять только плоское изображеніе, оно видитъ все въ плоскости, въ проэкціи. Правда, у насъ большая выгода въ томъ, что органъ зрѣнія парный органъ, что каждому глазу предоставлено свое поле зрѣнія, которое только отчасти покрывается полемъ зрѣнія другого глаза, далѣе въ подвижности глазного яблока, которая дѣлаетъ возможнымъ быстрое полученіе изображеній въ плоскости и измѣреніе разстояній. Но всѣ эти преимущества становятся только тогда плодотворными, когда зрѣніе работаетъ совмѣстно съ осязаніемъ. Только осязаніе дѣлаетъ для насъ возможнымъ распознать предметъ въ его протяженіи въ глубину и охватить видимый міръ стереоскопически.

Слѣпорожденные, которыхъ впослѣдствіи излѣчиваютъ, такъ же мало знаютъ, что дѣлать съ своимъ новымъ внѣшнимъ чувствомъ, какъ и грудной младенецъ. Только, когда тѣ научатся связывать свои осязательныя представленія съ новыми зрительными впечатлѣніями, когда младенецъ набе-

ретъ достаточное количество осязательныхъ представленій, тогда онъ пойметъ, какъ и прозрѣвшій, то, что они видятъ. 2—3-мѣсячный ребенокъ начинаетъ узнавать мое лицо въ нѣсколькихъ плоскостяхъ. Если же я удаляю или приближаю свое лицо хотя не на много, то онъ ищетъ меня безуспѣшно, но какъ только его пальцы дотрагиваются до меня, — ребенокъ сейчасъ же узнаетъ. Свои собственные пальцы, которые онъ уже часто трогалъ, осязалъ, онъ узнаетъ въ томъ же возрастѣ во всевозможныхъ для нихъ положеніяхъ и смѣется, глядя на нихъ.

Глаза нуждаются, въ особенности при развитіи зрительной способности, слѣдовательно, въ дѣтскомъ возрастѣ, въ постоянномъ контролѣ и поддержкѣ осязающихъ пальцевъ. Но впечатлѣнія зрѣнія и осязанія должны комбинироваться съ опытомъ другихъ внѣшнихъ чувствъ, чтобы быть въ состояніи дѣйствительно охватить «видимый міръ». Такъ называемое чувство пространства, не въ прежнемъ физіологическомъ смыслѣ (когда это обозначало локализацію осязанія на поверхности кожи), но въ смыслѣ отмѣриванія пространства, а также яркое выраженнаго ощущенія различныхъ состояній равновѣсія, симметріи и ритма, большею частью перерабатывается не только безсознательными ощущеніями глазныхъ мускуловъ, но еще болѣе съ помощью функціи ушного лабиринта. Эта сторона чувства пространства также должна дополнить оптическія впечатлѣнія и должна быть развиваема уже въ ребенкѣ, чтобы вполнѣ усовершенствовать воспріятіе.

При развитіи чувства пространства, помимо оцѣнки разстоянія, отмѣриванія осязаніемъ, шагами, возможно еще соблюденіе гимнастическаго равновѣсія во всѣхъ положеніяхъ тѣла, въ особенности въ пріобрѣтеніи способности пользоваться при бѣгѣ, танцахъ, ощущеніемъ ритма, какъ собственнаго тѣла, такъ и внѣшняго міра.

Такъ какъ мы хотимъ использовать именно общее воспріятіе для пониманія искусства, то чрезвычайно цѣнно и важно, если мы будемъ удѣлять особенное вниманіе ощущенію осязанія и пространства. Живопись и графическое искусство имѣютъ, конечно, главнымъ образомъ дѣло съ чисто оптическою наглядностью, пластикѣ же необходима осязательная наглядность. Запущенность, которой подвер-

галась эта послѣдняя въ воспитаніи нашихъ отцовъ и насъ самихъ, также виновата въ низкомъ уровнѣ пластическаго творчества и пластической умѣлости въ Германіи.

Зрительное впечатлѣніе вмѣстѣ съ зрительнымъ воспріятіемъ пространства въ нашемъ спеціальномъ смыслѣ, все это вмѣстѣ взятое составляетъ основное положеніе творчества и наслажденія въ области архитектуры.

Какимъ же образомъ становится это троякое общее воспріятіе художественнымъ?

1) Когда мы, созерцая природу, начинаемъ сознательно или безсознательно перерабатывать впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ.

2) Когда мы, созерцая произведенія искусствъ, начинаемъ внутренно возсоздавать ихъ.

Въ этихъ обоихъ случаяхъ начало собственной активной дѣятельности духа одинаково застилаетъ уже чисто-пассивное воспріятіе чувственныхъ впечатлѣній. Созерцающій только благодаря этой самодѣятельности вступаетъ въ область искусства. Потому что истинная проблема искусства есть проблема творенія, придапія образа, переработка видѣннаго въ природѣ или существующаго въ представленіи, въ произведеніе, въ вновь одухотворенную для человѣческаго глаза форму. Смотря по роду искусства, эта проблема распадается на проблемы красокъ, свѣта, очертаній пространства и формы. Ихъ нельзя назвать просто «техническими» проблемами и считать ничтожными. Созидающій художникъ до такой степени не можетъ обойтись безъ нихъ, что во время его развитія, а главнымъ образомъ во время самаго акта творенія, онѣ всегда стоятъ на первомъ планѣ въ ассоціаціяхъ предметовъ. Собственно техническія проблемы для художника заключаются въ выборѣ средствъ и обращеніи съ ними при различной техникѣ, т.-е. обдѣлка глины, камня, доведеніе до извѣстной точки или переступленіе этой точки въ литьѣ бронзы, обращеніе съ масляными красками или Темпера-красками и т. д., при графическомъ искусствѣ деревянная доска, мѣдная, литографскій камень, разные сорта бумаги, процессъ вытравливанія и т. д., все это даетъ полное пониманіе и знаніе различнаго рода сырого матеріала, его преимуществъ, границъ и условій, а также способа работы въ разныхъ тех-

ническихъ частяхъ. Онѣ могутъ быть разрѣшены и не художникомъ. Но проблемы приданія внѣшняго образа, задуманнаго художникомъ, какъ, напр., выборъ горизонта, выдѣленіе перспективы, направленіе освѣщенія, приданіе красокъ, пониманіе темы въ болѣе живописномъ, чѣмъ округленно-пластическомъ, или же рельефномъ смыслѣ, большая или меньшая мимическая передача движенія; въ архитектурѣ — вопросъ о пропорціональности, размѣщеніе частей изъ звеньевъ зданія, проблема изображенія неподвижнаго тѣла въ пространствѣ (въ покоѣ) въ противоположность изображенію, которое требуетъ отъ человѣка извѣстнаго направленія или движенія, — всѣ эти проблемы суть проблемы художественнаго созерцанія и связаны тѣснѣйшимъ образомъ съ актомъ художественнаго воспроизведенія.

Даже чисто техническія проблемы могутъ составить исходную точку при самомъ началѣ созиданія какого-нибудь произведенія искусства, какъ мы это знаемъ, не говоря о многихъ другихъ, напр., относительно великолѣпныхъ рисунковъ Менцеля опытовъ «по камню кистью». Зачастую передъ проблемами приданія формы, въ искусствѣ, отступаетъ на задній планъ самый «предметъ», или по крайне неудачному техническому термину, «содержаніе».

Изъ этого выясняется, какъ существенна для ребенка способность художественно созерцать, и мы попробуемъ показать, какими путями шли до сихъ поръ, или какіе пути рисуются нашему воображенію, чтобы дать ребенку эту троякую основу всякой художественной культурности.

Мы придерживаемся того мнѣнія, что необходимо развивать способность созерцанія и руководить ею возможно и въ художественномъ отношеніи. Надо остерегаться думать, что такое руководство могло бы замѣнить художественное дарованіе, и что вообще искусству можно научиться. Искусство, по счастью, остается даромъ неба для немногихъ. Но тамъ, гдѣ это дарованіе дремлетъ, потому что наша культура неблагопріятна его расцвѣту, тамъ его можно пробудить и направить, и большинство дѣтей по крайней мѣрѣ настолько научится художественно созерцать и духовно наслаждаться, что ихъ вкусъ укрѣпится, и имъ будетъ доступно самостоятельное пониманіе настоящихъ произведеній искусства.

Слѣдовательно прежде всего надо доставить дѣтямъ возможность наблюденія въ широкомъ размѣрѣ. Это дѣлается:

1) Точнымъ знакомствомъ съ своимъ какъ ближайшимъ, такъ и болѣе широкимъ окружающимъ міромъ, при помощи глазъ, рукъ и чувствительности всего тѣла.

2) Упражненіемъ въ рисованіи, въ лѣпкѣ, въ приданіи формы, въ ручномъ трудѣ.

3) Личной группировкой; дѣленіемъ и достиженіемъ ритма въ кубикахъ для построекъ на доскѣ, въ саду.

4) Созерцаніемъ несложныхъ картинъ-оригиналовъ, практическихъ произведеній и художественно (т.-е. ритмически или гармонически) сгруппированныхъ помѣщеній, массъ и плоскостей. При этомъ надо принять во вниманіе слѣдующее:

Ребенокъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ начинаетъ уже щупать и трогать свои пальчики сначала на рукахъ, потомъ на ногахъ, остальное тѣло, наконецъ всѣ доступные ему предметы. Грудь матери, ея руки, ея лицо, бороду и руки отца, позднѣе и тѣло братцевъ и сестрицъ, съ которыми онъ совмѣстно пользуется воздушными, свѣтовыми и водяными ваннами, вскорѣ все это составляетъ самую лучшую наглядную собственность нормально развитого ребенка. Къ этому присоединяется помѣщеніе корзины, колыбели, кроватки, дѣтской. Уже въ періодъ ползанія это—работа нагляднаго изученія, которую слѣдовало бы съ радостью предоставить ребенку и облегчить ему ознакомленіе со всѣми разстояніями въ родномъ домѣ, въ саду, со всей мебелью, нижними выдвижными ящиками, съ помѣщеніемъ подъ письменнымъ столомъ отца, съ интересной кухонной обстановкой. Все это дѣлаетъ ребенокъ по собственной иниціативѣ, не слѣдуетъ только запрещать ему этого. Потомъ мѣсто на подоконникѣ становится по справедливости любимымъ и важнымъ для расширяющагося наблюденія ребенка, его слѣдуетъ дѣтямъ уступить и даже предоставить въ ихъ полное распоряженіе. Ребенку, который впервые сидитъ въ экипажѣ, или который ѣдетъ по новой дорогѣ, приходится выполнить великую работу, потому что надо овладѣть такой массой новаго матеріала для наблюденія. Разумная мать видитъ это уже по ребенку и старается ему не мѣшать.

Когда ребенокъ учится бѣгать, то не слѣдуетъ предоставлять ему свободу только въ стульчикѣ для ходьбы, а надо пустить его, какъ только онъ тамъ исчерпаетъ весь свой опытъ, на кучу песку, на безопасную площадку, поросшую травой, и по возможности уже не водить его на помочахъ. Потомъ, къ двумъ годамъ, предоставьте ему и неровную почву, рискуя даже нѣсколькими шишками. Лазаніе надо только оберегать, но не запрещать. При этомъ руки, которымъ приходится много щупать и хватать, набираютъ много опыта въ осязаніи, и способность судить о пространственномъ отношеніи значительно развивается. Городская дѣвочка шести лѣтъ, напр., плохо двигалась въ лѣсу и не знала, что на яблоню можно влѣзть!

Дѣтямъ постарше надо предоставить насколько можно больше прыгать и бѣгать на свободѣ въ саду, въ лѣсу и въ полѣ, а почти уже выросшему ребенку сдѣлать доступнымъ и путешествіе,—воспріятіе совсѣмъ новыхъ картинъ наблюденія. Особенное значеніе имѣютъ мѣста сборищъ для дѣтей, которыя даютъ имъ возможность видѣть себя и своихъ сверстниковъ въ всевозможныхъ положеніяхъ раздѣтыми или почти обнаженными, какъ: купаніе, воздушныя ванны, которыя легко устроить во всякомъ огороженномъ саду, дворъ для гимнастики, площадка для игръ. Если приходится гулять съ дѣтьми, то хорошо прислушиваться какъ можно внимательнѣе къ ихъ вопросамъ, обращать ихъ вниманіе на цвѣта и формы растительнаго и животнаго міра, но только при удобномъ случаѣ, никогда не слѣдуетъ это дѣлать педантично или демонстративно. При этомъ всегда слѣдуетъ пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который содержится въ вопросахъ дѣтей и ихъ наблюденіяхъ (такъ сказать прицѣпиться къ ихъ вопросамъ и наблюденіямъ), потому что тогда можно быть увѣреннымъ, что это ихъ заинтересуетъ. Каждый червячокъ, каждый камешекъ, дождевая капля, каждый ручеекъ, даже паръ въ кухнѣ, заколотая живность — все тутъ пріобрѣтаетъ значеніе и можетъ представить богатый матеріалъ художественно направленному созерцанію.

Монэ показалъ въ своихъ 15 картинахъ — Скирды хлѣба — какимъ образомъ такой незначительный предметъ доставилъ ему широкую возможность обогатить свое художественное созерцаніе. И какъ обогатило его созерцаніе въ

этомъ случаѣ сравненіе одного и того же предмета при различномъ освѣщеніи; такъ и для ребенка, какъ и вездѣ при обученіи, сравненіе есть чрезвычайно плодотворное средство къ расширенію наблюденія.

Картины рѣдко могутъ быть восприняты ребенкомъ раньше, чѣмъ ему исполнится два года. Но съ этимъ не нужно такъ и торопиться. Само собой разумѣется, что слѣдуетъ остерегаться плохихъ и нехудожественныхъ картинъ. Вообще считаютъ, что картины должны быть по возможности оригиналы, т.-е. литографіи, рѣзьба по дереву или политипажи, офортъ, гравюры на мѣди; фотографіи же рѣдко имѣютъ цѣну для ребенка. Искусство нашихъ дней ему большею частью доступнѣе, нежели искусство старыхъ мастеровъ. Въ позднѣйшіе годы, скажемъ съ двѣнадцатаго, умѣстно показать кое-что изъ произведеній великихъ мастеровъ старыхъ временъ. Но пусть демонстрированіе этихъ произведеній никогда не становится для ребенка исторіей искусства, которая дается только знаніемъ. И если имѣется, въ музеѣ ли, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ нѣсколько хорошихъ оригиналовъ, то ихъ слѣдуетъ всегда предпочесть копіямъ. Немного, но хорошее достигаетъ и въ этомъ случаѣ большаго, чѣмъ много, но слабое. Вѣдь вездѣ суть въ томъ, чтобы научиться видѣть, а не въ томъ, чтобы познакомиться со многимъ въ прежнемъ школьномъ смыслѣ. Испытать однажды на себѣ силу геніальнаго произведенія дастъ тысячу разъ больше тому, кто учится художественно созерцать, чѣмъ всѣ голландскіе мастера вмѣстѣ, какъ бы хорошо воспроизведены они ни были.

Я хотѣла бы еще прибавить, что и нецвѣтное можетъ произвести очень сильное впечатлѣніе даже на самыхъ маленькихъ. Мой мальчикъ, 2½ лѣтъ, увидѣвши большую голову Христа въ терновомъ вѣнцѣ, Дюрера, сказалъ: «Это человѣкъ? почему онъ такъ печаленъ?» Выраженіе печали вѣдь врядъ ли можно изобразить болѣе захватывающимъ. Гравюры Рихтера тоже очень интересуютъ малышей 3—6 лѣтъ. Но я предостерегала бы въ школьномъ обиходѣ отъ искусственно увеличенныхъ произведеній по Рихтеру, Менцелю и др. Эти картинки, съ такими тонкими линіями, не задуманы для сильно увеличеннаго масштаба, и помощь

этимъ художественному созерцанію была бы очень условной.

Точно такъ же не хотѣла бы я безусловно признать модные фризы для дѣтской Гертруды Клейнгемпель, Фолькманъ и др. Они недостаточно значительны по замыслу и недостаточно непритязательны, чтобы не надоѣсть дѣтямъ своимъ вѣчнымъ присутствіемъ кругомъ, на всѣхъ стѣнахъ. При случаѣ они могутъ имѣть благотворное вліяніе наравнѣ съ другими литографіями, напр., въ передвижной рамкѣ, но не надолго. То же самое можно сказать про художественныя игрушки, производствомъ которыхъ стали недавно заниматься Дрезденъ, Мюнхенъ, Тюрингія и т. д. Кое-что хорошо на продолжительное время, но большая часть привлекательна настолько, чтобы посмотрѣть одинъ разъ, и непригодна, какъ игрушка. Въ юмористическихъ вещахъ отсутствуетъ всякая дѣтская наивность, а что главное: всѣ эти хорошенькія вещи представляютъ слишкомъ мало простора творческому стремленію ребенка, имѣющему такое значеніе въ художественномъ наблюденіи.

Я не хочу повторять ни того, что выводитъ Лихтваркъ въ своихъ «Упражненіяхъ» въ разсматриваніи *), ни того, что я сказала въ моихъ «Опытахъ разсматриваній съ дѣтьми стѣнныхъ картинъ». Чрезвычайно обширенъ матеріалъ для художественнаго созерцанія въ современныхъ большихъ сборникахъ художественныхъ литографій **), которые можно предложить дѣтямъ то въ дѣтской, то при случаѣ, въ школѣ. Польза разсматриванія подобныхъ картинокъ, состоящая въ сравненіи того, что подчеркнулъ художникъ, съ тѣмъ, что ребенокъ случайно наблюдалъ въ природѣ, — безконечна. Правда, есть въ названныхъ сборникахъ и менѣе цѣнныя произведенія, подкупающія скорѣе своимъ сантиментальнымъ содержаніемъ, чѣмъ художественнымъ достоинствомъ. Я назову, напр.: «Поѣздку Дюрера на Рейнъ» и «Прощай, милая родина». Иногда способъ литографированія какъ бы убиваетъ свѣжесть оригинальнаго наброска. Но цѣннаго въ нихъ очень много. Спеціально для маленькихъ я, по опыту, нахожу очень

*) Лихтваркъ-Кассиреръ: упражненія въ созерцаніи произведеній искусства.

**) Особеннаго вниманія заслуживаютъ: Тейбнеръ, Фойхтлендеръ, Брейткопфъ и Гертель, Фишеръ и Франке, Штутгартъ, а также и французскія и англійскія литографіи.

доступными и поощряющими, рядомъ съ часто упоминаемыми литографіями, менѣе извѣстныя, напр.: «Майское утро» Фикенчера, «Куры на насѣстѣ» Анжело Янкъ, «Стадо овецъ» Фолькмана. Для самыхъ старшихъ создана особенно цѣнная вещь въ картинѣ «Вечерній часъ» Банцера.

Здѣсь, можетъ быть, было бы умѣстно указать въ первой и послѣдней изъ только что названныхъ картинъ на нѣкоторыя художественныя проблемы, которыя дѣти сами могутъ тамъ подмѣтить и которыя, какъ можно было прослѣдить, вызвали сравненія съ ихъ наблюденіями въ природѣ.

У моихъ дѣтей «Майское утро» было временно въ ихъ спальнѣ. Я мало съ ними говорила объ этой картинѣ, я только подробно разсматривала ее со всѣми, когда бъ они ни пожелали, и объяснила самымъ маленькимъ, что тамъ впереди козуля-отецъ, выглядываетъ, не угрожаетъ ли опасность козулѣ-матери, пасущейся сзади и другимъ козулямъ. Недавно четырехлѣтній мальчуганъ, съ шапкой густыхъ бѣлокурыхъ волосъ на головѣ, игралъ на дворѣ съ братьями и сестрами «въ врага»; старшій (шести лѣтъ) сказалъ: «Теперь В. выглядитъ совсѣмъ такъ, какъ козуля-отецъ и голова его также освѣщена солнцемъ». На самомъ дѣлѣ, солнце проглядывало сзади сквозь его волосы, и выраженіе у него было выслѣживающее, подобно козулѣ.

«Почему лучъ такой бѣлый?» былъ тоже вопросъ одного ребенка. На самомъ дѣлѣ много бѣлаго въ этой зелени, и хорошій, пронизанный свѣтомъ утренній ландшафтъ можетъ быть, при случаѣ, показанъ дѣтямъ въ качествѣ самаго лучшаго отвѣта.

«Вечерній часъ» Банцера мои дѣти видѣли только два раза. Младшая дочка ($2^3/_4$ года) сейчасъ же распредѣлила: «это, мамочка, это папочка, а это братецъ, и они очень устали». Шестилѣтній сынокъ сказалъ мнѣ недавно, когда я сидѣла въ подобномъ же положеніи съ спящимъ груднымъ младенцемъ на колѣняхъ: «Ты, навѣрное, тоже рада, что, наконецъ, успокоилась, какъ та мама наверху, и бебе сейчасъ же у тебя заснулъ». Выраженіе покоя, благодѣтельно наступившаго послѣ денной суеты, изображено очень ярко на уставшихъ лицахъ въ соотвѣтствіи съ тишиной кругомъ и въ противоположность безпечно задремавшему ребенку. Дѣти постарше легко подмѣтятъ тонкую передачу

послѣднихъ лучей солнца, замѣчательную простоту и гармонію красокъ въ картинѣ, написанной отчасти схематично и любовная манера письма, которой такъ вѣрно передаетъ мерцающую, гаснущую вечернюю зарю.

Что касается художественныхъ книжекъ съ картинками и дѣтскихъ игрушекъ, о которыхъ я уже вскользь говорила, я отсылаю къ написаннымъ, по поводу этого, особымъ статьямъ. Съ точки зрѣнія художественнаго созерцанія я хотѣла бы еще подчеркнуть, что это созерцаніе особенно поощряется тѣмъ, что ребенокъ можетъ сдѣлать съ своими игрушками. Деревянныя чурки для построекъ, грифель, мѣлъ, глина или пластелинъ, кубики, куча песку, мячъ — любимыя игрушки моихъ дѣтей, потому что при помощи ихъ они могутъ создавать всегда что-нибудь новое. И это такія игрушки, которыя сильно подвигаютъ впередъ ихъ наблюдательность, потому что только при попыткѣ подражать или выдумывать что-нибудь оживаетъ провѣрка представленій, добытыхъ наблюденіемъ. Когда мальчуганъ строитъ изъ чурокъ стулъ, столъ, домъ, мостъ, то оптическое и архитектоническое представленіе объ этихъ часто видѣнныхъ предметахъ запечатлѣвается въ немъ гораздо яснѣе, чѣмъ прежде. Мой четырехлѣтній мальчикъ все пробовалъ выстроить нашъ городской театръ изъ гладкихъ чурокъ. Когда послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ онъ вывелъ болѣе или менѣе вѣрно фасадъ и наружное очертаніе зданія, то рядомъ находящійся дворецъ, музей и въ концѣ-концовъ всѣ постройки, замыкающія эту характерную площадь, относительную величину и положеніе которыхъ онъ подмѣтилъ, выросли тутъ же, какъ бы сами собой, и ужъ при второй попыткѣ это удалось такъ хорошо, что ничего не подозрѣвающій отецъ, вошедши, тотчасъ узналъ площадь. И въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ выдумываетъ постройки, представленія, создавшіяся въ силу наблюденій, играютъ большую роль. Чѣмъ богаче онъ этими представленіями, тѣмъ больше силы въ его изобрѣтательности, и — чѣмъ послѣдовательнѣе имъ руководятъ въ нахожденіи новыхъ возможностей, тѣмъ становится доступнѣе его глазу сопоставленіе окружающихъ предметовъ.

То же самое въ подражаніи и созиданіи новыхъ формъ пластическихъ тѣлъ (фигуръ) изъ глины или воска. Ко-

нечно, сначала надо имѣть передъ собой рѣзко выраженныя пластическія формы для созерцанія, прежде чѣмъ ребенку начинать что-либо подобное. Но и наоборотъ, ничто такъ не поощряетъ и не развиваетъ художественную способность ребенка видѣть, какъ если онъ самъ пробуетъ творить пластически. Съ того дня, какъ я впервые дала своимъ дѣтямъ въ руки глину, ихъ интересъ къ пластическимъ фигурамъ сталъ замѣтно расти. Ручка чашки, носикъ кружки, округлость головы, тотъ фактъ, что человѣкъ стоитъ на двухъ ногахъ, все это стало вдругъ важнымъ, новымъ и на этомъ сосредоточился интересъ.

«Вѣдь мнѣ надо же посмотрѣть, какъ курица держитъ хвостъ, когда она клюетъ», объяснилъ мнѣ пятилѣтній сынокъ, когда, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ смастерить курицу, онъ надолго задержался на голубѣ(!).

Когда четырехлѣтній мальчикъ однажды съ восторгомъ увидѣлъ, какъ таксикъ «служилъ», онъ началъ, какъ только пришелъ домой, изображать изъ глины собаку въ этомъ положеніи. Когда у него ничего не вышло, онъ рѣшилъ: «Завтра мнѣ надо опять сходить къ госпожѣ Бахъ, чтобы еще разъ посмотрѣть Сеппика». Такимъ образомъ одно дѣйствуетъ на другое. Въ мастерской одной молодой художницы всѣ дѣти были чрезвычайно заинтересованы и разсматривали все гораздо болѣе осмысленно, чѣмъ раньше, когда они еще не пробовали мять глину.

Подобное поощрительное дѣйствіе на художественное созерцаніе можно наблюдать и при дѣтскомъ рисованіи.

Я отсылаю здѣсь къ соотвѣтствующей статьѣ въ этой книгѣ и, кромѣ того, къ интересному разсказу Гурлитта «Дитя и искусство», октябрь, 1905 г., стр. 6 и сл. И я разскажу только еще маленькій случай, происшедшій у меня. Когда мой четырехлѣтній сынишка описывалъ сестренкѣ «новый домъ», въ который мы должны были переѣхать (она же его еще не видала), онъ побѣжалъ къ доскѣ и нарисовалъ это такъ: параллельныя черты внизу онъ объяснилъ: «Это колонны, собственно онѣ стоятъ впереди, но я тутъ не могу нарисовать ихъ, ты тогда не увидишь дверь. Вотъ я и нарисовалъ

ихъ внизу, потому что здѣсь первымъ дѣломъ входишь. А тутъ входятъ прямо въ садъ!» Значитъ, онъ поступаетъ, какъ древніе египтяне, и для ясности рисуетъ одно подъ другимъ вмѣсто того, чтобы рисовать одно за другимъ.

Показываніе пластическихъ, хорошихъ произведеній искусства часто затруднительно, а все-таки имѣетъ громадное значеніе. Тамъ, гдѣ въ родительскомъ домѣ или въ школѣ имѣются хорошія произведенія изъ гипса, бронзы, мрамора, рельефы, дорога сама-собой ведетъ черезъ ихъ созерцаніе, находящееся въ взаимодѣйствіи съ дѣтскими опытами лѣпки, къ созерцанію гипсовыхъ копій и оригиналовъ въ музеѣ, церквахъ и на площадяхъ. Чтобы выборъ въ музеяхъ и церквахъ былъ хорошій и чтобы главная масса нынѣшнихъ памятниковъ воинамъ и великимъ людямъ, какъ нехудожественныхъ, не останавливала бы вниманіе дѣтей, объ этомъ долженъ позаботиться воспитатель. Но тамъ, гдѣ нѣтъ въ домѣ или поблизости пластическихъ произведеній искусства, тамъ слѣдовало бы пріобрѣтать для ребенка изображенія изъ гипса, а не фотографіи. Они не такъ дороги, какъ думаютъ, и ихъ можно легко и дешево получить въ гипсовыхъ кладовыхъ музеевъ и большихъ церковныхъ сооруженій. Теперь также нетрудно получить хорошія фигуры изъ терракота, напр., въ музеѣ въ Брауншвейгѣ и въ берлинскихъ музеяхъ. Также можно очень порекомендовать гипсовыя и глиняныя копіи Нанни въ Мюнхенѣ, если ихъ лично выбирать. Самая лучшая фотографія не можетъ замѣнить созерцаніе дѣйствительно пластической фигуры. И одно хорошее произведеніе въ гипсовой копіи болѣе цѣнно, чѣмъ сотня снимковъ съ пластическихъ произведеній. То же самое относительно произведеній архитектуры. Знакомиться съ художественными зданіями по фотографіямъ еще менѣе возможно, чѣмъ съ пластическими произведеніями. Фотографія никогда не можетъ намъ дать того чувства пространства, которое пробуждается охватывающей стѣной, сводчатымъ потолкомъ, просторомъ и благородной соразмѣрностью всѣхъ частей и звеньевъ кругомъ насъ, напр., въ какой-нибудь церкви стиля ренессанса. Уже скорѣе фотографія можетъ передать изображеніе живописно выведеннаго фасада, въ особенности, когда онъ задуманъ съ опредѣленной цѣлью, какъ, напр., фасадъ церкви или дворца.

Но большинство зданій требуетъ, чтобы ихъ снаружи обошли кругомъ для того, чтобы пробудить въ насъ чувство расчлененнаго массива, чувство особой красоты соотношеній и формъ. Поэтому не слѣдуетъ лѣниться обходить съ дѣтьми, снаружи и внутри, хорошія архитектоническія произведенія родины. И простая сельская церковь, крестьянскій домъ добраго, стараго времени, причудливыя старинныя постройки, встрѣчающіяся еще почти въ каждомъ городѣ, простой домъ стиля ампиръ 30-хъ годовъ могутъ вызвать въ дѣтяхъ сильное чувство своеобразнаго распредѣленія массъ и расчлененія ихъ, ощущеніе гнетущаго или воздушнаго свода, ощущеніе простора или тѣсноты и т. д. И дворы, и старые, хорошо разбитые сады имѣютъ значеніе при созерцаніи построекъ.

Въ заключеніе еще просьба къ моимъ читателямъ и читательницамъ:

Чудная задача матери, отца или вообще воспитателя открывать ребенку глаза на все жизненное и красивое требуетъ необычайнаго такта и легкихъ, бережныхъ и увѣренныхъ рукъ. Прежде всего, не думайте, что я или вы, мы уже вполнѣ постигли все. У меня было съ моими и съ чужими дѣтьми много ошибокъ, и я становилась все сдержаннѣе и осторожнѣе. Моими лучшими учителями въ этой задачѣ были сами дѣти. Пусть они будутъ и вашими учителями! Но вы должны чувствовать благоговѣніе и къ нимъ и къ искусству.

Ребенокъ-рисовальщикъ.

Ф. Брээстъ.

Еще задолго до того, какъ многообѣщающая область художественнаго воспитанія выплыла въ хотя сколько-нибудь ясныхъ очертаніяхъ изъ шумныхъ волнъ будничной жизни, существовало обученіе рисованію. Правда, оно было въ печальномъ видѣ. Мы, теперь давно, давно уже взрослые, должны были въ учебное время высиживать не менѣе какъ по два часа въ недѣлю и скучать не мало. Потому что обученіе рисованію охранялось и окружалось людьми, честныя математическія сердца которыхъ находились подъ вліяніемъ энергично двигавшагося впередъ машиннаго вѣка, и люди, озабоченные преуспѣяніемъ молодой національной промышленности, самымъ добросовѣстнымъ образомъ старались пустить въ ходъ всѣ силы, бывшія въ ихъ распоряженіи, какъ собственной области знаній, такъ и знаній всего контингента преподавателей общеобразовательной школы, для процвѣтанія промышленности. Поэтому мы должны были тогда, во время нашихъ уроковъ рисованія, изощряться надъ проведеніемъ прямой линіи, аккуратно составлять правильные многоугольники, изображать деревянныя фигуры въ безконечномъ количествѣ и, какъ достиженіе высшей точки, «вкусно» класть тѣнь по гипсовымъ моделямъ, отбросамъ минувшихъ эпохъ культуры.

А между тѣмъ мы навѣрное были не менѣе способны и къ болѣе свободному выраженію своего влеченія къ рисованію, какъ это нынѣ повсюду ребенку не только позволяютъ, но даже требуютъ отъ него. Я помню изъ моей юности, — это уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, — одного товарища по школѣ, который по рисованію выдѣлялся между всѣми окружающими, какъ бѣлый воронъ. Будучи пятиклассникомъ, онъ осчастливливалъ своихъ друзей преподношеніями изображеній сіяющихъ греческихъ героевъ и дикихъ предводителей индѣйцевъ. И еще въ предпослѣднемъ классѣ его Цицеронъ или Гомеръ изобиловали смѣлыми

отчаянными объяснительными рисунками на поляхъ, между тѣмъ какъ въ его черновыхъ тетрадяхъ, среди латинскихъ обрывковъ и квадратныхъ корней, портреты государственныхъ мужей и корифеевъ, рыцари въ панцыряхъ и чудовища вели тайное, но веселое существованіе. Мы же торговались изъ-за ненужныхъ ему болѣе экземпляровъ, какъ истые любители изъ-за наслѣдія великаго мастера. Этотъ талантъ, который безъ одобренія и благоусмотрѣнія свыше былъ достаточно силенъ, чтобы выражаться по-своему, для учителей безразличный, если не неудобный, былъ для нашего молодого, здороваго инстинкта какъ бы защитникомъ и заступникомъ существующаго у многихъ, но скрытаго влеченія къ рисованію. Остальными учениками, какъ нашей, такъ и другихъ школъ, влеченіе это прежде почти не проявлялось, изъ боязни сдѣлаться всеобщимъ посмѣшищемъ и такимъ образомъ уничтожалось въ зародышѣ, несмотря на уроки рисованія, а пожалуй даже благодаря этимъ урокамъ. Потому что учителя рисованія, повинуясь духу времени, оцѣнивали ученическія работы не иначе, какъ только по степени ихъ правильности. Этимъ способомъ намъ внушали уваженіе къ такой точности, которая далека отъ результатовъ наблюденія и добивалась исключительно чистоты въ отдѣлкѣ и такого вида, чтобы «можно было показать», оставляя на заднемъ планѣ всякое выраженіе, даже убивая его. Но, собственно говоря, какая намъ польза отъ всѣхъ этихъ нарисованныхъ формъ листа, кубовъ, сосудовъ и т. д. и т. д.? «Посмотрите на меня», говоритъ каждый съ трудомъ выведенный рисунокъ, «симметриченъ ли я? вѣрна ли перспектива? точенъ ли я?» И это было все, къ сожалѣнію! Неудивительно, что поэтому мы привыкли все разсматривать съ точки зрѣнія: точно ли оно, точно, въ самомъ банальномъ смыслѣ слова, и на этомъ былъ конецъ нашей премудрости. Нельзя, конечно, отрицать, что благодаря этой затратѣ времени и бумаги, практиковавшейся десятками лѣтъ, начиная съ среднихъ учебныхъ заведеній и до сельскихъ школъ, то тамъ, то здѣсь, какой-нибудь будущій ремесленникъ или техникъ набивалъ себѣ руку и глазъ чисто внѣшнимъ образомъ для своего занятія, — и для того времени это, пожалуй, могло имѣть достаточно значенія. Но масса неучаствующихъ въ

Брээстъ. Ребенокъ-рисовальщикъ. *Табл. I.*

производствѣ предметовъ промышленности и незаинтересованныхъ обывателей не вынесла изъ уроковъ рисованія выгоды, которая хотя сколько-нибудь вознаградила бы ихъ за понесенные труды и мученія. Сколько же лицъ, даже изъ рядовъ образованныхъ людей, научилось, благодаря школьному рисованію, хотя сколько-нибудь сознательно относиться, а слѣдовательно и понимать природу или искусство? Развѣ неправъ Шульце-Наумбургъ, когда онъ рѣзко, но образно говоритъ: «Для нашей средне-образованной публики глазъ, кажется, существуетъ только какъ органъ для воспріятія печатнаго слова и для предохраненія отъ наскакиванія на уличные фонари?» Прежніе методы рисованія ошиблись въ расчетѣ. Они навязывали ребенку задачи, не считаясь съ его природой, задачи, для правильнаго разрѣшенія которыхъ у него совершенно не хватало ни пониманія, ни желанія. Отсюда неудача.

Теперь стало иначе. Когда болѣе десяти лѣтъ тому назадъ прозорливые художники и ученые по части искусства открыто выразили свое недовѣріе къ нашему культурному идеалу, застывшему въ формализмѣ, то обученіе рисованію было подвергнуто первымъ дѣломъ рѣзкой критикѣ и для него пожелали реформы въ нынѣ отчасти проведенномъ смыслѣ. Первоначальное недовольство представителей этой области превратилось въ язвительный смѣхъ и издѣвательство, когда попытки нѣкоторыхъ отважныхъ коллегъ дать ребенку возможность заявить о себѣ своими дѣтскими рисунками сдѣлались публичными. Но съ открытіемъ этой «новой земли» для юнаго поколѣнія, многіе изъ рядовъ ея піонеровъ стали выходить изъ старой колеи. Правда, часто шествовалъ рядомъ съ настоящимъ новаторомъ искатель приключеній, который думалъ только о собственной выгодѣ и безъ нужды увеличивалъ море руководствъ и разъясняющихъ статей. Противники же, обращенные ли, нѣтъ ли, постепенно замолкли. Да, они видятъ себя принужденными направить эти быстроводные ручейки и къ своей мельницѣ, иначе она совсѣмъ остановится; тѣмъ болѣе, что одно государство за другимъ санкціонируетъ опыты, постепенно образовавшіе систему съ собственными учебными планами, устройствомъ курсовъ для учителей рисованія и т. д.

Такимъ образомъ кажется, что ребенокъ-рисовальщикъ

можетъ быть спокоенъ за свое настоящее и будущее. Посмотримъ-ка поближе на рисующее дитя. Уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ ребенку, едва сошедшему съ колѣнъ матери, карандашъ доставляетъ всегда пріятное времяпрепровожденіе. Его мазня карандашомъ по бумагѣ, конечно, пока аналогична нечленораздѣльнымъ звукамъ грудного младенца въ колыбели. Ему просто-напросто доставляетъ наслажденіе хотя разъ такимъ образомъ закрѣпить документомъ свое желаніе жить, какъ бы оставить рукописный слѣдъ ея. Но уже на четвертомъ или пятомъ году жизни художественные замыслы ребенка становятся яснѣе, линіи замыкаются въ формы, которыя должны что-то означать. Очертаніе людей и предметовъ, поскольку ихъ, интересные для него, признаки проникли чрезъ безпристрастный глазъ въ молодой мозгъ ребенка, закрѣпляются на бумагѣ, на доскѣ и т. д. Смѣшно, невѣрно во всѣхъ относительныхъ размѣрахъ, — часто одни только обрывки. Но они тутъ, они существуютъ, какъ наглядныя доказательства духовныхъ процессовъ развитія, слѣдить за которыми мы не можемъ иначе, какъ чрезъ посредство рисованія. Вѣдь ребенокъ хочетъ безъ всякаго побочнаго намѣренія выразить что-то, что въ немъ живетъ и уже приняло форму: онъ хочетъ что-то высказать. То же самое, чего хочетъ художникъ, и самый великій, именно, самый великій. Первое побужденіе у обоихъ въ зародышѣ одно и то же, и, съ нашей точки зрѣнія, то обстоятельство, что нескладный дѣтскій рисунокъ и высокое произведеніе искусства расходятся въ качествѣ, имѣетъ второстепенное значеніе. Вотъ изъ того положенія, что ребенокъ хочетъ и можетъ рисовать и что при естественномъ развитіи его способности, онъ, въ концѣ-концовъ, попадетъ на тотъ путь, котораго придерживается художественное творчество, — современное обученіе рисованію дѣлаетъ свои выводы. Оно уже не отстраняетъ примитивныхъ произведеній внезапнаго порыва изобразить что-нибудь, какъ мазню, неимѣющую значенія, а незамѣтно отъ нея переходитъ къ своимъ задачамъ.

Но всѣ эти разъясненія не относятся къ обученію и выбору метода обученія рисованію, а къ «ребенку-рисовальщику»; поэтому, пусть онъ самъ за себя говоритъ! На таблицѣ I шестилѣтняя дѣвочка изображаетъ своего брата

Брээстъ. Ребенокъ-рисовальщикъ. *Табл. II.*

и сестру (рис. 1). Пріемъ самый примитивный, нѣчто въ родѣ художественной стенографіи. Вѣдь ребенокъ и не хочетъ дать именно то, что онъ видитъ передъ собой; онъ собственно только записываетъ, что онъ знаетъ: у человѣка, молъ, голова, туловище, двѣ ноги и т. д. и вполнѣ доволенъ этимъ. Самое лучшее прибавляетъ фантазія его. Эта «запись» для него только символъ предмета, шагъ къ комплексу представленій, въ центрѣ котораго стоитъ то, что онъ изобразилъ. Внѣшній видъ, какъ таковой, интересуетъ его въ этомъ возрастѣ еще очень мало. Все въ «братѣ» и «сестрѣ» выражено одинаковой схемой, только она снабжена косой, а онъ шляпой; подобно тому, какъ наклеиваютъ на двѣ одинаковыя бутылки двѣ разныя этикетки, чтобы различить содержимое. Рисунки 1. a, b, c, на таблицѣ III также ясно, но въ другомъ родѣ иллюстрируютъ эту дѣтскую манеру рисовать. Это первыя попытки четырехлѣтняго мальчугана изобразить кофейникъ. Наивнѣйшимъ образомъ сначала рисуются только главныя составныя части: ручка и самый кофейникъ порознь (1 a). Когда отецъ обратилъ его вниманіе на то, что вѣдь ручка придѣлана, малышъ придѣлываетъ ее на рисункѣ и, въ то же время, однимъ движеніемъ отмѣчаетъ мѣсто носика (b). Но ручка еще слишкомъ велика, кофейникъ не можетъ стоять, каковые недостатки устраняются, наконецъ, при ласковомъ содѣйствіи (c). Теперь кофейникъ готовъ; онъ кривой и косой, но все-таки это кофейникъ. Таковъ способъ выражаться въ раннемъ возрастѣ. Онъ естественъ, исходитъ изъ души, и выказанное тутъ же чувство превосходства воспитателя, игнорирующаго этотъ способъ, стоитъ не больше чувства превосходства мальчика, который свысока и презрительно смотритъ на неправильную рѣчь своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ.

Рис. 2 (табл. I) изображаетъ господина, котораго нарисовалъ восьмилѣтній мальчикъ. Какой успѣхъ въ сравненіи съ 1! Вещь уже осмысленна, такъ сказать. Главныя части не только намѣчены, но ихъ форма уже нѣсколько схвачена, — по-дѣтски, конечно. При этомъ движеніе идущаго человѣка! Этотъ мальчикъ попробовалъ также изобразить по-своему играющаго въ футболъ (рис. 5). Мальчикъ, сдѣлавшій рис. 6, ученикъ, лѣтъ десяти, ушелъ, ко-

нечно, гораздо дальше въ умѣніи изображать движеніе и соотношенія частей человѣческаго тѣла; во всякомъ случаѣ, благодаря урокамъ, здѣсь уже нѣтъ наивности. Рис. 7 показываетъ, наконецъ, до чего можетъ дойти способный четырнадцатилѣтній мальчикъ въ изображеніи этого простого мотива движенія. Какимъ путемъ шелъ здѣсь учитель, чтобы добиться этого результата, тутъ не можетъ быть разобрано подробнѣе. Я принуждена удовлетвориться нагляднымъ указаніемъ на возможность повышать достоинство дѣтской манеры выражаться, не переходя тотчасъ же за черту дѣтской самобытности.

Но зато мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на рис. 4: на барабанщика съ предшествующимъ тамбурмажоромъ. Къ сожалѣнію, такія исполненія слишкомъ часто не замѣчаютъ, а между тѣмъ это исполненіе выдающееся. Каждая черта здѣсь говоритъ объ идеѣ, которая овладѣла маленькимъ рисовальщикомъ: передать молодцеватость осанки, порывистое энергичное движеніе маршировки. Выраженная съ помощью самыхъ скудныхъ средствъ сила поразительна. Повторяя сужденіе Бёклина, которое онъ высказалъ по поводу примитивнаго рисунка одного маленькаго мальчика, я хотѣла бы сказать: «Можетъ быть рисунокъ этотъ гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ если бы все было сдѣлано совершенно правильно однимъ изъ нашихъ посредственныхъ художниковъ». «Потому что», присовокупляетъ Бёклинъ, «какъ бы нескладно и плохо ни была бы нарисована вещь, все равно, я хочу видѣть въ каждой чертѣ волю; вся эта правильность — ничего не стоитъ».

Рис. 8 образчикъ того, что можетъ выразить десятилѣтняя дѣвочка въ «человѣкѣ»: элегантная дама. Выборъ и исполненіе этого мотива, пожалуй, типичны для своеобразности дѣвочки, какъ рисовальщика вообще. Превосходя мальчика во вкусѣ и изяществѣ выраженія, дѣвочка, насколько я знаю по собственному опыту, отстаетъ отъ него въ энергіи и разнообразіи мотивовъ. Я, по крайней мѣрѣ, не могу себѣ представить, чтобы тринадцатилѣтняя дѣвочка могла воспроизвести такую «торговку рыбой», какъ ее (рис. 9) изобразилъ не безъ ѣдкаго юмора тринадцатилѣтній мальчикъ, правда, маленькій художникъ.

Бросимъ теперь взглядъ на таблицу II: изображеніе жи-

вотныхъ и растеній. Развитіе отъ примитивности къ относительно ясному приданію формы идетъ здѣсь такимъ же путемъ, какъ и на таблицѣ I. Только этотъ путь, по чисто внѣшнимъ причинамъ, доводитъ до цѣли гораздо скорѣе при рисованіи растеній, чѣмъ при изображеніи животнаго. Потому что растеніе можно легче и подробнѣе разглядѣть, нежели животное, которое зачастую трудно достать живымъ, конечно. Чучело животнаго всегда будетъ болѣе или менѣе суррогатомъ, и образовательное значеніе его изученія сомнительно, если удовольствоваться только этимъ. Въ моемъ рисовальномъ залѣ, напр., стоитъ чучело важнаго аиста, даже на одной ногѣ. Когда его привезли только что съ «фабрики», онъ возбудилъ всеобщій интересъ. Теперь ни одна душа не смотритъ на него. Дѣти такъ же, какъ и кошка съ мышью: «для трупа — ихъ дома нѣтъ». Мои мальчики сдѣлали «красивые» рисунки съ этого длинноногаго господина. Опереніе блестяще-бѣлое, крылья черныя, какъ уголь, все хорошо оттушевано. И все-таки ни одинъ, казалось мнѣ, не могъ служить примѣромъ того, какъ ребенокъ можетъ уловить существенное въ внѣшнемъ видѣ аиста. Поэтому я предпочла помѣстить здѣсь другіе рисунки, сдѣланные по памяти (рис. 9—12). Ну, развѣ рис. 12, этотъ аистъ, такъ естественно и правдоподобно разрѣзающій воздухъ, не вызываетъ неизмѣримо болѣе интенсивное воспоминаніе о настоящей птицѣ, чѣмъ правильная копія съ его чучела? А вѣдь въ этомъ вся суть. Немногими средствами выразить главное, вотъ въ чемъ дѣло!

Съ этой точки зрѣнія пусть посмотрятъ еще великолѣпно скачущихъ пожарныхъ лошадей (рис. 16) и, пожалуй, трогающую съ мѣста ломовую клячу (рис. 17). Корова и свинья осязательные результаты наблюденій, которыя сдѣлали мои ученики на выставкѣ домашняго скота. Почти всѣ рисунки этой таблицы сдѣланы по памяти.

Таблица III даетъ изображеніе вещей, необходимыхъ человѣку или изобрѣтенныхъ имъ для своего обихода: предметы постояннаго употребленія и т. д. Это благодарные объекты для рисованія. И даже менѣе искусный рисовальщикъ успѣетъ присмотрѣться къ ихъ неподвижнымъ и неизмѣннымъ формамъ. Поэтому они по справедливости составляютъ начальные, основные мотивы «новаго метода рисованія». Че-

резъ нихъ ребенокъ легче всего начинаетъ догадываться, что такое законченная форма. Этимъ можно также скорѣе всего ознакомиться съ матеріальнымъ характеромъ вещей. Такъ, напр., въ рисункѣ кофейника (рис. 3) выражено не только, что онъ круглый, но также, что онъ темный и блестящій. Рис. 4—7 показываютъ, какъ дѣти постепенно проникаютъ въ законы перспективы.

Однако, при всей своей важности, этотъ необходимый базисъ въ обученіи рисованію не долженъ исключать иныхъ способовъ выраженія, если способность къ рисованію другого характера. Толпа воспитателей, даже спеціалистовъ, въ художественномъ смыслѣ мало или совсѣмъ не знакомая съ душой ребенка, склонна, конечно, къ одностороннему подчеркиванію этого отдѣла обученія рисованію. Потому что тутъ получаются самые выгодные результаты даже у преподавателей, искусство которыхъ, быть можетъ, не слишкомъ близко знакомо съ организмомъ животнаго и человѣка, а также съ формами природы въ ландшафтѣ. Конечно, здѣсь, не торопясь, можно добиться великолѣпнѣйшихъ рисунковъ, которые, по справедливости, доставляютъ учителямъ и публикѣ-родителямъ на выставкѣ полное удовлетвореніе, а самого ребенка заставляютъ думать, что онъ геній. Характерно то, что эти рисунки, часто имѣющіе значительные размѣры и вывѣшивающіеся на школьной стѣнѣ, почти съ претензіей на произведеніе искусства, обыкновенно не трогаютъ настоящаго художника. Одинъ изъ моихъ друзей прошелъ однажды по такой выставкѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ-живописцевъ. Этотъ господинъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на хорошо выполненные горшки, кувшины и бутылки, на рисунки съ чучелъ животныхъ и т. д., между тѣмъ какъ онъ простоялъ съ большимъ удовольствіемъ передъ живо намалеваннымъ дикаремъ, замѣтивъ: «это самая лучшая картинка выставки». Именно ему было такъ понятно, что рисованіе есть только средство выражать личное переживаніе въ формахъ или цвѣтахъ; и онъ чуть что не хватилъ черезъ край. Въ самомъ дѣлѣ: воспользоваться всякимъ упражненіемъ, чтобы только увеличить количество рисунковъ, которые «можно показать», значитъ въ данномъ случаѣ принять средства за цѣль. Конечно, слѣдуетъ отъ

времени до времени требовать законченныхъ вещей, хотя бы по той причинѣ, что и ребенку доставляетъ удовольствіе сдѣлать хоть разъ что-нибудь цѣльное, что-нибудь «готовое». Но требовать только это отъ него противорѣчитъ его природѣ и, вмѣсто того, чтобы расширить его кругозоръ, это суживаетъ его. Вообще, какъ можно притти въ живое соприкосновеніе съ природой, если мы не познакомить дѣтей съ міромъ, существующимъ за предѣлами тѣсной обстановки его комнаты или рисовальнаго зала? Ребенокъ долженъ попасть за городъ и посмотрѣть тамъ все своими глазами! — для того, чтобы нынѣшнее поколѣніе сухихъ, узкихъ людей, съ притупленными воспріятіями въ областяхъ искусства и природы, не смѣнилось бы такимъ поколѣніемъ, которое хотя сможетъ рисовать, но также не заинтересуется ни чуточки ни синевой неба, ни яркостью облаковъ, ни освѣжающей зеленью всходовъ, ни коричневымъ тономъ свѣжевспаханной нивы. А между тѣмъ, развѣ созерцаніе всего этого менѣе плодотворно, чѣмъ созерцаніе коричневыхъ горшковъ и зеленыхъ бутылокъ? Поистинѣ природа стоитъ того, чтобы тупое благосклонное созерцаніе ея взоромъ цивилизованнаго человѣка углубилось до сознательнаго наслажденія ею взоромъ культурнаго человѣка. Поэтому дайте молодымъ силамъ возможность испить отъ «золотого кубка жизни». И если изображеніе природы выйдетъ даже крайне несовершеннымъ, едва равнымъ дѣтскому лепету, то все же точка соприкосновенія съ великимъ цѣлымъ дана; найдена почва, изъ которой все произрастаетъ, на которой природа и люди находятся въ естественномъ общеніи другъ съ другомъ, которая снабжаетъ дѣтскій духъ постоянно новой пищей и силой.

На таблицѣ IV такія мѣста, куда ребенокъ стремится, гдѣ ребенокъ охотно бываетъ. Эти картинки едва ли требуютъ какого-либо объясненія. Онѣ сами за себя говорятъ. Въ чемъ я, преподающій учитель, тутъ сказалась, это только слѣдующее: я просто пробудила въ своихъ мальчикахъ желаніе захотѣть изобразить лѣсъ и поле, съ воздухомъ и свѣтомъ, куда и безъ того влечетъ дѣтей ихъ здоровый инстинктъ и въ дѣйствительности и въ фантазіи. Со старшими я часто часами ходила по полямъ и лѣсамъ, во всякое время года. Рис. 5 возникъ послѣ такой прогулки на послѣ-

дующемъ урокѣ. Рис. 6 сдѣланъ на мѣстѣ. А младшіе? И у нихъ стоитъ какъ-будто только отодвинуть задвижку, чтобы вывести наружу, годами безсознательно впитанное изъ картинъ или изъ дѣйствительности, чувство любви и пониманія природы. Достаточно нѣсколькихъ вопросовъ, нѣсколькихъ объясненій, нѣсколькихъ черточекъ на стѣнной доскѣ, и они уже вполнѣ погрузились и часто часами такъ самоотверженно заняты, что помѣшать имъ или поправить ихъ равнялось бы педагогической безтактности. Можно качать головой сколько угодно, глядя на все кривое и невѣрное въ рисункахъ; эти часы чистѣйшаго упоенія творчествомъ доставляютъ ребенку ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе. Эти поля и дороги изображены такими, какими ихъ видитъ мальчикъ. Ряды деревьевъ выстраиваются по его распредѣленію. Онъ покрываетъ мѣстность высокими вѣтряными мельницами и ярко-свѣтящимися домами и заставляетъ бѣлыя облака парить надъ ними (рис. 1). И такъ внутреннія переживанія ребенка видны во всѣхъ рисункахъ, которые я, если бы не недостатокъ мѣста, могла бы умножить безчисленнымъ количествомъ другихъ, которые всѣ, по-дѣтски, наглядно изображаютъ и радости, и горести, и красоты временъ года на водѣ и на сушѣ.

«Да научаются ли дѣти при этомъ правильно рисовать?» спроситъ, поднявши указательный палецъ, не одинъ скептикъ-отецъ или коллега. Здѣсь я исчерпывающаго отвѣта не могу дать, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Скажу только: я лично признаю за такими рисунками не только эстетическое значеніе для образованія, но и моральное. Развѣ возможно чѣмъ-нибудь замѣнить чувство жизни и чувство счастья, которое пронизываетъ ребенка, создающаго самому себѣ «свой міръ», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и которое сіяетъ радостнымъ сдержаннымъ блескомъ въ его глазахъ? Я собственно не знаю рецепта, педагогическаго рецепта, по которому можно было бы дать ребенку большую дозу чудной жизненности, чѣмъ при посредствѣ такой творческой дѣятельности.

Таблица V уже въ краскахъ. И здѣсь намѣренно помѣщены нѣкоторыя работы, которыя не требуются по учебнымъ планамъ, но которыя возникли при дѣятельномъ участіи души ребенка. Ящикъ съ красками (рис. 2) и пѣтухъ

(рис. 1) очень примитивны въ своихъ тонахъ и просто-напросто выдаютъ любовь дѣтей къ пестротѣ Въ маленькихъ туфляхъ уже господствуетъ извѣстная гармонія красокъ. Остальные рисунки, конечно, болѣе или менѣе носятъ слѣды уроковъ. Но по достиженіи главной цѣли живописи дѣтская нотка вездѣ осталась и не уничтожена исправленіемъ «опытной» руки. Мальчикъ съ фонаремъ, напр., работа по памяти, которой предшествовалъ только разговоръ на эту тему. Въ проведеніи самаго рисунка и въ отчетливости здѣсь, кажется, ничего не сдѣлано удовлетворительно. Несмотря на это—задуманное настроеніе налицо. Вообще то, что мальчикъ по-своему занялся этой цвѣтной проблемой,— а они отдались этому всѣ безъ исключенія съ величайшимъ усердіемъ, — это вѣроятно оставило такіе слѣды, въ смыслѣ поощренія и пробужденія интереса, какія по-моему не могли быть сдѣланы глубже для даннаго комплекса представленій никакимъ другимъ способомъ. Проблема красокъ поставлена и разрѣшена совершенно самостоятельно. Рис. 9 того же мальчика, который нарисовалъ торговку рыбой. Онъ возникъ совершенно самостоятельно, въ отсутствіе какого-либо учителя, передъ лицомъ природы. Обратите вниманіе, какъ желтое пятно весеннихъ цвѣтовъ господствуетъ въ картинкѣ, это основная мелодія, доминирующая надъ аккомпанементомъ: синевы неба, бураго тона кустовъ и сочной зелени луга. Исполненіе въ предѣлахъ замысла вполнѣ художественно.

Я прихожу къ концу моихъ разъясненій. Они не имѣютъ притязанія исчерпать хотя бы приблизительно обсуждаемый предметъ. Они должны только дать нѣкоторыя объясненія тому, какія данныя представляетъ ребенокъ-рисовальщикъ. Руководить или давать указанія метода я поэтому избѣгала. Объ этомъ говорится въ безчисленныхъ статьяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ концѣ перечислены. Мы хотѣли показать здѣсь новые пути не товарищамъ-спеціалистамъ, а профану-публикѣ, которая по понятнымъ причинамъ не въ курсѣ дѣла, и дать ей нѣсколько, по возможности, самостоятельныхъ уроковъ, относительно результатовъ дѣтскаго влеченія къ рисованію, чтобы убѣдить ее въ характерѣ и значеніи этой способности. Вѣдь уже всюду въ обученіе рисованію проникла революція. Говорятъ, рисованіе стало

языкомъ. Но до послѣдовательнаго проникновенія всюду этой обязательной истины еще очень, очень далеко. Еще немногимъ вошло въ плоть и кровь, что рисованіе имѣетъ для всесторонняго образованія такое же значеніе, какъ умѣнье читать и писать. Въ программахъ учебныхъ заведеній оно стоитъ рядомъ съ чистописаніемъ въ разрядѣ второстепенныхъ предметовъ, а въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ воспитанникъ получаетъ первое наставленіе въ этомъ «всѣми признанномъ» языкѣ, когда онъ уже кромѣ родного языка началъ изучать иностранный. Что за перетасовка основоположеній духовнаго роста! Кромѣ того, развѣ ученикъ, при полномъ отсутствіи способности рисовать, если у него только хорошая память и больше ничего въ смыслѣ духовныхъ дарованій, не побьетъ блестяще передъ аэропагомъ учительской коллегіи соперника, не обладающаго этимъ даромъ все запоминать? Даже и тогда, напр., если рисунки послѣдняго покажутъ въ десять разъ больше воспріимчивости и пониманія окружающаго міра? Это повседневное явленіе. Потому что обученіе рисованію считаютъ даже тамъ, гдѣ его признаютъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, предметомъ роскоши — украшеніемъ школы.

Пусть оно со временемъ выйдетъ изъ этой роли, пусть на него смотрятъ не какъ на десертъ, но какъ на насущный хлѣбъ среди остальной духовной пищи, которую мы даемъ нашимъ дѣтямъ! «Потому что», такъ писалъ Гёте уже сто лѣтъ тому назадъ, «въ важности обученія искусству рисовать, разсматриваемаго какъ часть воспитанія, можно лучше всего убѣдиться, если вспомнить, что человѣкъ, благодаря этому обученію, расширяетъ свое наслажденіе прекраснымъ и благороднымъ въ мірѣ внѣшнихъ чувствъ; весь міръ формъ и красокъ раскрывается предъ нимъ; новый органъ получаетъ жизнь, самыя свѣтлыя понятія пробуждаются, онъ научается чтить прекрасную природу, любить ее и наслаждаться ею».

Отъ такого обогащенія содержанія жизни самая большая часть изъ насъ должна была въ юности отказаться, не будучи въ состояніи когда-либо возмѣстить эту потерю. Но помочь подрастающему поколѣнію добиться этого богатства — достойный трудъ благородно мыслящихъ людей.

Таблица V.

Списокъ статей.

Л. Прангъ (Америка). Учебный путь художественнаго воспитанія, 1908 г.

Л. Таддъ. Новые пути къ художественному воспитанію, 1908 г.

Ребенокъ-скульпторъ.

Альберта Реймана.

Нормально развитой, полуторагодовалый ребенокъ, посаженный на кучу песку, тотчасъ же начинаетъ копаться, дѣлаетъ дыру, норку, гору, пещеру и др.

Это и является его первыми шагами по пути къ пластическому искусству. Сооруженіе человѣка изъ снѣга, что часто практикуется въ деревнѣ или въ маленькихъ городахъ, гдѣ еще даютъ лежать настоящему снѣгу, относится также къ пластическимъ играмъ, которыя доставляютъ дѣтямъ огромное удовольствіе.

Вѣдь существованіе пластики у первобытныхъ народовъ раньше, чѣмъ возникли первые рисунки, доказываетъ, что дѣйствительное изображеніе гораздо непосредственнѣе, первоначальнѣе сестры пластики — живописи, которая еще должна сдѣлать проэкцію на плоскость того, что нужно изобразить.

При лѣпкѣ же происходитъ слѣдующее: съ одной стороны подъ пальцами художника исчезаетъ первоначальная фор-

ма (куча песка), съ другой возникаетъ художественное произведеніе, открывающее необозримыя перспективы для фантазіи ребенка и неизсякаемый источникъ наслажденія настоящимъ творчествомъ. Ребенокъ, которому даютъ въ первый разъ удобный матеріалъ для лѣпки и показываютъ при этомъ, какое разнообразіе формъ можно ему придать, переживаетъ такія минуты, какія немногіе могутъ зарегистрировать въ своемъ дѣтствѣ. Этимъ ребенокъ достигаетъ впервые возможности обратить свои мысли въ дѣло. При моихъ опытахъ въ лѣпкѣ съ малышами, я пришелъ къ тому выводу, что въ каждомъ ребенкѣ есть крупица художника и что художественныя способности въ позднѣйшіе годы большею частью пропадаютъ. Изъ сотенъ дѣтей, которыя лѣпили въ моей мастерской по воскресеньямъ до обѣда, каждый ребенокъ, почти безъ исключенія, что-нибудь да вылѣпилъ. Иногда создавались даже почти художественныя работы. Непремѣнно условіе — чтобы дѣти могли свободно создавать то, къ чему они чувствуютъ охоту. Ни намѣченный планъ, никакая программа не должна оказывать на нихъ давленіе, никакая художественная корректура не должна ихъ обезкураживать. Съ того дня какъ дѣти начинаютъ лѣпить, они и въ природѣ гораздо ближе ко всему присматриваются. Значитъ, и косвенно лѣпка полезна, такъ какъ она побуждаетъ обогащать свои познанія.

Для лѣпки нужна глина или пластилинъ. Послѣднее предпочтительнѣе для дѣтей. Пластилинъ это глинообразная, легко принимающая форму масса, вещество которой, въ противоположность быстро затвердѣвающей глинѣ, всегда остается одинаково мягкимъ. Получить пластилинъ можно во всѣхъ магазинахъ рисовальныхъ принадлежностей и во многихъ аптекарскихъ; надо требовать для дѣтей возможно болѣе мягкій. Дощечка и деревянный шпатель — лопаточка, въ формѣ большого пальца, заостренная съ обѣихъ сторонъ, вотъ необходимыя принадлежности.

Дайте дѣтямъ этотъ матеріалъ, покажите имъ, какъ онъ мягокъ, вылѣпите передъ ихъ глазами, тутъ же, валикъ, шарикъ, листокъ и т. д., въ остальномъ же предоставьте ребенка сначала самому себѣ, чтобы ему пришли въ голову собственныя мысли и чтобы онъ ознакомился съ матеріаломъ. Во всякомъ случаѣ, неумѣстно стоять около ре-

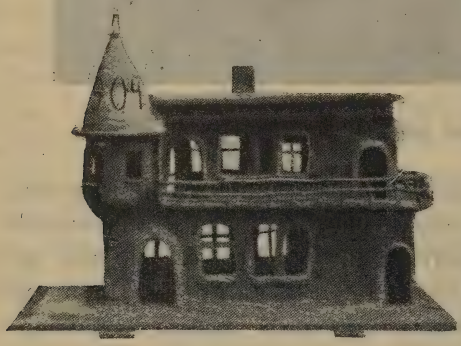
Дѣти 3—14 лѣтъ за лѣпными работами въ мастерской Реймана.

бенка и при этомъ побуждать его выполнить то или другое, какъ это, къ сожалѣнію, очень часто дѣлаютъ благонамѣренные родители или воспитатели. Совѣтовать можно ребенку только тогда, когда онъ самъ требуетъ совѣта; переговорите, пожалуй, съ дѣтьми объ ихъ планахъ, намѣреніяхъ, дайте имъ и совѣтъ, что особенно пригодно для лѣпки, но предоставьте ребенку всегда самому схватить иниціативу, потому что у него тогда будетъ своя собственная творческая радость. Кто самъ не можетъ хорошо лѣпить, тотъ вообще долженъ отказаться руководить дѣтьми въ ихъ упражненіяхъ въ лѣпкѣ, иначе онъ легко рискуетъ быть превзойденнымъ своими дѣтьми и тогда скоро потеряетъ свой престижъ.

Самый лучшій учитель — это сверстникъ ребенка. У взрослаго долженъ быть чрезвычайный тактъ и особенно чуткое и близкое пониманіе дѣтскаго чувства и влеченія, если онъ дѣйствительно хочетъ возбудить желаніе лѣпить и оплодотворить фантазію. Также надо принять во вниманіе индивидуальность каждаго ребенка въ отдѣльности; бываетъ иногда, что приходится вмѣсто того, чтобы возбуждать фантазію, сдерживать ее и переводить лѣпку на болѣе ремесленную почву.

Не упускайте никогда изъ виду, что вы вовсе не хотите создать художниковъ, но помните всегда, что дѣло въ томъ, чтобы пріучить глазъ къ умѣнью смотрѣть и видѣть, занять фантазію и упражнять въ ловкости руку, три чрезвычайно важныя вещи, которымъ школьное обученіе удѣляетъ очень мало или вовсе никакого вниманія.

Когда ребенокъ благополучно одолѣетъ свои первыя попытки вылѣпить яблоко или булку, корзинку, чашку и т. д., пусть ему дадутъ маленькіе куски проволоки и плоскогубцы, чтобы онъ, по техническому выраженію ваятелей, могъ сдѣлать себѣ каркасъ-остовъ. Если, напр., надо вылѣпить животное, человѣка или даже только стулъ, то надо для устойчивости пропустить въ отдѣльные члены правильно загнутую проволоку. Сначала можетъ быть хорошо обратить вниманіе дѣтей на рельефъ предмета. Для начинающаго естественно легче передать, напр., профиль головы въ рельефѣ, чѣмъ передать ее полностью въ пластичномъ видѣ.



Вилла, вылѣпленная 11-лѣтнимъ мальчикомъ.

По техникѣ лѣпки есть, правда, книги, но я думаю, что какъ для взрослаго, такъ особенно для ребенка только наглядность имѣетъ цѣну. Если и не каждому ребенку можно доставить случай побывать разокъ въ мастерской ваятеля, чтобы посмотрѣть какъ тотъ лѣпитъ, все-таки при первоначальныхъ упражненіяхъ долженъ присутствовать умѣющій лѣпить, чтобы тамъ, гдѣ что-нибудь никакъ не удается, помочь двумя-тремя движеніями, напр., нажатіемъ большого пальца, и этимъ пробудить вновь охоту.

Въ большинствѣ случаевъ однако надо удивляться, какія большія способности заложены въ ребенкѣ отъ природы. Въ то время, какъ ребенокъ отдается своей самодѣятельности въ играхъ и своему влеченію что-нибудь дѣлать, онъ раскрываетъ передъ нами всю свою внутреннюю жизнь, онъ

знакомитъ насъ съ міромъ своихъ мыслей и со своими настроеніями, пока его ручонки изображаютъ, какъ рисуется міръ въ маленькихъ головкахъ; здѣсь вѣдь величайшее поле для изученія дѣтской души.

Подавляющее изобиліе мотивовъ возникало и опять исчезало иногда въ одно воскресенье (утро) во время устраиваемыхъ мною въ моей мастерской игръ по лѣпкѣ (рис. 1). Лѣпились всевозможная утварь, цвѣты и дома (рис. 2), левъ, поглощающій гуся, стулъ, копировальный прессъ, художникъ, прогуливающійся въ сопровожденіи своего мопса. Рядомъ нѣсколько тучный господинъ, названный дѣтьми рантье, страусъ, вѣсы для писемъ, попугаи во всѣхъ положеніяхъ, корзиночки, столовые приборы, даже головки въ новомъ стилѣ, слоны со своимъ сторожемъ, слоненокъ изъ нашего зоологическаго сада; конечно тоже былъ налицо голландскій рыбакъ, маска Гёте и портретный бюстъ Лихунчана. Рядомъ съ атлетомъ и умывальникомъ со всѣми удобствами можно было видѣть Бисмарка (рис. 3), возлѣ него лягушку, кролика и жирафа, объѣдающаго дерево.

И дѣтскій юморъ имѣетъ здѣсь возможность ярко выразиться, какъ можно было замѣтить на крайне оригинальномъ Стёпкѣ-растрёпкѣ (рис. 3), благочестивой Еленѣ, на обезьянѣ (рис. 3) и яко бы лающей собакѣ.

Матросъ съ невѣстой, бѣлый медвѣдь, этюды очень хорошо разсмотрѣнныхъ растеній, велосипедъ, стѣнной подсвѣчникъ, ракетка для тенниса, снималка сапогъ, туфля. Потомъ вдругъ императоръ Фридрихъ на охотѣ — группа, на которую смѣшно смотрѣть, но которая была серьезно задумана, полна жизни и принадлежала одному шестилѣтнему мальчугану; тутъ же мое изображеніе, преподнесённое мнѣ въ знакъ признательности; придворный шутъ и выпивающій бродяга.

Тутъ видишь, какъ создаются фантастическія деревья и пластическіе ландшафты, нарядныя модницы, мечтательно-пастушеская идиллія, всевозможныя сцены изъ басенъ и поэтическихъ сказокъ. Даже злободневныя событія не проходятъ здѣсь безслѣдно, какъ это доказываетъ японское военное судно, густо уставленное пушками, и умирающій русскій офицеръ.

Обезьяна, голова Бисмарка и Стёпка-растрёпка, вылѣпленные 4—7-лѣтними дѣтьми.

Я хотѣлъ бы непремѣнно предостеречь отъ непосредственнаго копированія моделей, стоящихъ передъ дѣтьми. Уже при художественномъ обученіи взрослыхъ я отвергаю эту копировальную методу, потому что ею въ корнѣ подрывается собственная творческая сила, и тѣмъ болѣе у ребенка, для котораго вся лѣпка должна быть не ученіемъ, а игрой и отдыхомъ.

Однако одновременно можно воспитать въ ребенкѣ пониманіе работы художника и уваженіе къ цѣнности матеріала. Съ другой стороны лѣпку можно такъ развить упражненіемъ, что она станетъ для подрастающаго поколѣнія такимъ же бѣглымъ средствомъ выраженія, какъ чтеніе и письмо.

Большое преимущество художественнаго воспитанія передъ научнымъ состоитъ въ томъ, что съ этимъ можно начинать гораздо ранѣе, нисколько не утомляя ребенка, какъ я видѣлъ на опытѣ, ни умственно, ни физически.

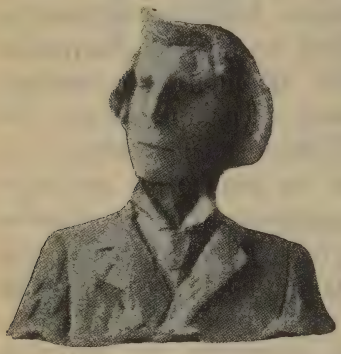
Но оно можетъ быть дополненіемъ школьнаго ученія и хорошей обороной противъ чрезмѣрнаго доктринерства. Дѣтямъ нашимъ мы можемъ дать часы невинной радости, свои сказочныя мечты они могутъ продолжать развивать и пробуждать къ жизни, могутъ осуществлять свою природную наклонность къ радостной самодѣятельности. Цѣль художественнаго воспитанія, отраслью котораго является также и лѣпка—созданіе поколѣнія людей, способныхъ восторженно и радостно познавать природу и искусство, черпающихъ наслажденіе въ своемъ творчествѣ и постигающихъ гармонію души, свойственную такъ чтимому нами золотому вѣку въ исторіи человѣчества.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что преподаваніе лѣпки дѣтямъ служитъ цѣли приближенія нашихъ малышей къ искусству, но никакъ не тому, чтобы изъ ребенка вырастить художника. Искусство, а въ особенности пластика, слишкомъ серьезно и, пожалуй, слишкомъ сложно, чтобы наши малютки могли освоиться съ нимъ. Но это совсѣмъ не исключаетъ, что тамъ, гдѣ у ребенка видно дѣйствительно выдающееся дарованіе, его можно поощрять, подвигать впередъ, не поднимая по этому поводу большого шума. Понаблюдайте тогда за даннымъ ребенкомъ, покажите ему время отъ времени хорошія работы по ваянію, но не вздумайте поправлять слишкомъ основательно его собственныя работы. Пусть онѣ радуютъ его и не заставляйте его никогда лѣпить, если онъ временами увлекается другими занятіями. Этимъ можно было бы только повредить дарованію. Когда ребенокъ достигнетъ возраста, въ который можно было бы начинать настоящее художественное обученіе, охота къ нему будетъ уже поутрачена и необходимая для искусства свѣжесть и восторженность также пропадутъ тогда навсегда.

Пока ребенокъ ходитъ въ школу и его умъ долженъ быть занятъ поставленными тамъ задачами, не слѣдовало бы обучать его никакому искусству.

Въ рамки этой статьи не входятъ разсужденія о видахъ и возможности заработка скульптора, однако пути, по которымъ надо итти, когда одаренный молодой человѣкъ или дѣвушка хотятъ посвятить себя скульптурѣ, въ общемъ такъ мало извѣстны, работа ваятеля такъ ускользаетъ отъ знакомства съ ней болѣе широкихъ круговъ, что я считаю необходимымъ дать нѣсколько указаній на этотъ случай, когда надо подготовить молодого человѣка къ, правда, затруднительному, но зато богатому наслажденіями и имѣющему широкую будущность, призванію ваятеля. Работа ваятеля въ новѣйшее время спеціализировалась. Различаютъ вырѣзываніе изъ дерева, рѣзьбу по камню (скульптуру), рѣзьбу по металлу (чеканное искусство) и лѣпку (пластику). Художникъ, обыкновенно называемый скульпторомъ или ваятелемъ, большею частью только лѣпитъ и предоставляетъ техническую работу выполненія его работъ въ бронзѣ, мраморѣ, деревѣ и т. д. обученнымъ этому спе-

ціалистамъ. Значитъ, по-настоящему, художественно сдѣлать модель и проектъ — это только первая стадія въ созданіи произведенія; вторую половину работы беретъ на себя часто мастеръ-ремесленникъ, совсѣмъ обособленный отъ художника. Самъ художникъ въ большинствѣ случаевъ, благодаря своему незнанію мастерства, не въ состояніи довести свое произведеніе до полной законченности. Слѣдовательно, каждому ясно, что работа исполняющаго свою вещь художника, если даже въ наше время отчетливо различать искусство и художественное мастерство, въ своихъ основныхъ началахъ есть ремесло.



Голова поэта, вылѣпленная 12-лѣтней дѣвочкой.

Итакъ, хорошо сдѣлаютъ, если начинающаго заставятъ научиться какому-нибудь мастерству. Тогда у него положено будетъ солидное основаніе, и онъ во всякомъ положеніи будетъ въ состояніи заработать себѣ хлѣбъ въ качествѣ художника-ремесленника, а также и въ томъ случаѣ, если у него не хватитъ способности достигнуть высшихъ ступеней искусства. По окончаніи этого, приблизительно трехлѣтняго, ученія, начинается посѣщеніе художественной школы, художественно-промышленной школы или академіи. Въ какой изъ этихъ школъ молодой художникъ долженъ получить свое дальнѣйшее образованіе, можно рѣшать только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соотвѣтственно личному дарованію. Всегда хорошо сдѣлаютъ, если воспользуются совѣтомъ практичнаго, опытнаго художника. Я положительно хотѣлъ бы предостеречь отъ посѣщенія академіи, или школы живописи, непосредственно по окончаніи училища. Этотъ путь часто ведетъ къ разочарованіямъ и къ увеличенію несомнѣнно существующаго пролетаріата-художниковъ. Молодой художникъ, который прошелъ практическое ученичество какого-либо мастерства, навѣрное найдетъ въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствующее его дарованію и его способностямъ поприще, будетъ

ли то въ такъ называемомъ чистомъ искусствѣ или въ прикладномъ. Прикладное искусство и художественная промышленность нуждаются нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, въ художественно-образованныхъ силахъ, всѣ все болѣе стремятся придать, даже самой маленькой вещицѣ ежедневнаго обихода, художественную форму. Серебряная утварь, равно какъ и издѣлія изъ литой бронзы, печь, равно какъ и булавка для галстука, столовый фарфоръ и плиты изъ майолики, каменный фасадъ и деревянная рѣзная дверь — дѣлаются по художественнымъ моделямъ. Большому, правда, предложенію со стороны художниковъ соотвѣтствуетъ въ этой области большой спросъ, который съ каждымъ годомъ растетъ по мѣрѣ того, какъ художественная культура проникаетъ въ народъ.

Для молодой дѣвушки возможность изучить художественное мастерство, правда, затруднительнѣе, потому что хозяева мастерскихъ не склонны принимать въ ученіе женщинъ, а школы, большею частью, въ особенности академіи, не допускаютъ студентокъ.

Женщина, вылѣпленная 13-лѣтней дѣвочкой.

Поэтому въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ Германіи нашлись художники-руководители, которые устроили мастерскія для учениковъ, гдѣ проходится одновременно ремесленная и художественная часть и гдѣ не дѣлается различія между учащимися женщинами и мужчинами. Успѣхъ, который имѣли всюду подобныя мастерскія, достаточно доказалъ, что этотъ путь, благодаря существенно измѣнившимся обстоятельствамъ нашего времени, правильный. Даже государство это признало и намѣрено, при основаніи новыхъ художественныхъ школъ, вступить на этотъ путь и устроить учебныя мастерскія рядомъ съ рисовальными классами, что отчасти уже сдѣлано. Надо выждать, будетъ ли имѣть цѣну для практики и успѣха отдѣльныхъ единицъ эта перемѣна государственнаго вос-

питанія, всеобщаго проведенія котораго все равно придется ждать нѣкоторое время. Но художественное вліяніе вѣроятно во всѣ времена будетъ исходить только отъ нѣсколькихъ крупныхъ личностей, и изъ маленькой мастерской геніальнаго мастера всегда можно будетъ сильнѣе вліять на всеобщую культуру народа, чѣмъ изъ большихъ заведеній со многими сотнями учениковъ, съ каждымъ изъ которыхъ естественно занимаются только какъ съ членомъ цѣлаго, а не какъ съ личностью.

Пробужденіе музыкальнаго чувства.

Елены Нигузенъ.

Жизнь дѣтей и музыка! Какъ одно неразрывно срослось съ другимъ! Дѣтскія игры и пѣніе! Какъ это тѣсно должно быть связано другъ съ другомъ! «Школьный учитель долженъ умѣть пѣть, иначе я на него даже не посмотрю!» говоритъ Лютеръ. Да, школьный учитель; насколько же важнѣе то лицо, которое направляетъ первые шаги ребенка, которое охраняетъ его первыя, нѣжнѣйшія движенія души, играетъ съ ребенкомъ въ первыя игры — мать! Безконечное число разъ за день находитъ она случай, напѣвая, пошутить и поиграть съ своей дѣточкой, чтобы наконецъ, когда у дѣтки отъ усталости смыкаются глазки, тихо убаюкать его пѣсней.

Дѣтскія игры и пѣніе! Кто когда-либо былъ самъ ребенкомъ съ дѣтьми, кто когда-либо съ ними работалъ и игралъ, тотъ знаетъ, какъ многаго ихъ лишаютъ, когда нельзя внести какъ можно больше пѣнія въ ихъ игры. И какъ же было бы малюткѣ уснуть, если бы она не услышала своей колыбельной пѣсенки; насколько веселѣе работается, когда поешь, и насколько иначе звучитъ наша пѣсня, когда весна, въ своемъ возродившемся великолѣпіи, зоветъ насъ на волю; птички и яркое солнышко, вѣдь они поютъ и говорятъ намъ то же самое, что дѣти поютъ, ликуя: «Весна, весна, какъ ты хороша!»

Было бы жаль, если бы пѣніе отсутствовало въ жизни ребенка; надо, чтобы и въ его душѣ пѣло и звенѣло, и въ своихъ играхъ дитя должно имѣть случай выразить

эту внутреннюю радость, это яркое ощущеніе счастья, бытія — своимъ веселымъ пѣніемъ. Было бы грустно также безъ этихъ внимательныхъ дѣтскихъ лицъ, безъ свѣтлаго взора дѣтскихъ глазъ, безъ ихъ серьезнаго, чуть не благоговѣйнаго выраженія, когда малыши слышатъ пѣсню, приспособленную къ ихъ пониманію!

Да, но развѣ у малышей есть пониманіе, развѣ музыка доставляетъ имъ такое удовольствіе? Да, гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ! Я беру при этомъ не только такихъ дѣтей, у которыхъ часто проявляется несомнѣнное музыкальное дарованіе, нѣтъ; мнѣ думается, что изъ сотни дѣтей едва одинъ найдется, который не любилъ бы музыку или вполнѣ неспособный къ ней, хотя, конечно, бываютъ случаи настоящаго отвращенія къ музыкѣ. А случалось, что такой ребенокъ впослѣдствіи оказывался величайшимъ меломаномъ. Это должно притти, конечно, совсѣмъ само собой, только бы не было принужденія, потому что имъ ничего не достигнешь; если хотятъ сдѣлать ребенка воспріимчивымъ къ музыкѣ, то это должно быть сдѣлано совершенно незамѣтно для него, вѣдь собственная охота должна быть побужденіемъ къ занятію музыкой. Но большинство дѣтей — это любители музыки ото всей души, иногда все дѣло только въ томъ, чтобы пробудить и взлелѣять то, что дремлетъ въ душѣ ребенка. Точно отъ прикосновенія волшебной палочки тогда открываются передъ нами сокровища, которыя часто заставляютъ насъ изумляться. Но не сразу развертывается передъ нами все богатство: такое пробуждающееся растеньице, которое даетъ намъ предвидѣть въ немъ будущее дерево, требуетъ, чтобы его выходили бережно и медленно, съ величайшею любовью и заботливостью. Да, какъ будто все дѣло и совершается по мановенію волшебной палочки, когда наши дѣти, прежде равнодушныя къ музыкѣ, впослѣдствіи примыкаютъ къ той группѣ избранныхъ, которой одинъ изъ величайшихъ корифеевъ, Бетховенъ, говоритъ: «Кому музыка становится понятной, тотъ освободится отъ гнета безысходнаго горя, тяготѣющаго надъ человѣчествомъ». Эта волшебная палочка дана въ руки всѣмъ тѣмъ, которымъ, во-первыхъ, въ музыкѣ достался высшій удѣлъ, а во-вторыхъ, которые признаютъ воспитаніе дѣтей священной задачей и въ этомъ смыслѣ проникнуты значеніемъ искусства,

въ данномъ случаѣ музыки, для душевнаго развитія ребенка. Поэтому лейтмотивомъ воспитанія нашихъ малышей должно быть самое лучшее, самое достойное, прекраснѣйшее, какъ въ другихъ вещахъ, такъ и въ музыкѣ. Если бы нашей цѣлью было только доставить дѣтямъ черезъ это искусство часы чистѣйшаго счастья, то и тогда стоило бы сдѣлать ихъ апостолами музыки.

Но только слушать дѣти тоже не хотятъ, нѣтъ, все очарованіе въ томъ, чтобы «участвовать» въ музыкѣ самимъ! Но какъ такимъ юнымъ дѣтямъ, быть можетъ 4—5 лѣтъ, самимъ исполнить что-нибудь музыкальное? По-видимому трудный вопросъ, а между тѣмъ онъ такъ скоро разрѣшается. Пѣть, — да, это можно, и даже довольно много и даже очень мило, но это у малышей почти не считается заманчивой музыкой, это такъ просто и знакомо! Нѣтъ, играть на инструментахъ, какъ они это видѣли у взрослыхъ, вотъ это заманчиво! Это внутреннее влеченіе часто осуществляется въ довольно оглушительномъ дѣйствіи, и бѣдный рояль, до котораго можно такъ легко добраться, долженъ не мало претерпѣть, если маленькому энтузіасту-музыканту во-время не помѣшаетъ энергичное veto. «Какъ жаль», думаетъ онъ, «это было такъ хорошо!» Но какъ быстро опечаленное личико превратилось бы въ сіяющее, если бы мальчугану дать въ руки одинъ изъ инструментовъ, пригодныхъ для дѣтей, скажемъ, тамбуринъ, и онъ могъ бы на немъ играть вмѣстѣ съ роялью — аккомпанировать. Это онъ можетъ, и съ каждымъ разомъ выходитъ лучше; пока вѣдь ему нѣтъ никакого дѣла до многочисленныхъ, разнообразныхъ звуковъ, какъ таковыхъ, которые даетъ рояль; звукъ тамбурина удовлетворяетъ его вполнѣ, вѣдь пока главнымъ образомъ привлекаетъ ребенка ритмъ, и только постепенно является звуковая сознательность. Значитъ, намъ нуженъ инструментъ, пригодный для такого юнаго возраста. Кто же не знаетъ, кромѣ уже упомянутаго, всѣ остальные «дѣтскіе инструменты»: барабанъ, тарелки, трещотка, треугольникъ, приборчикъ «лѣшій», кастаньеты, кукушка, соловей, перепелъ и т. д. и т. д. Такъ называемыя дѣтскія симфоніи вѣдь тоже большею частью общеизвѣстны: «дѣтямъ приходится «только» усердно и внимательно при этомъ считать, правда, часто 10—15 так-

товъ, но у насъ для этого имѣется такая красивая музыка Іосифа Гайдна!» Да, музыка, которую написалъ для дѣтей Гайднъ, — chef d'oeuvre. Если большимъ дѣтямъ эти симфоніи и доставляютъ удовольствіе, для нашихъ маленькихъ и самыхъ маленькихъ онѣ не годятся, во-первыхъ, потому, что онѣ слишкомъ трудны, а, во-вторыхъ, потому, что онѣ рѣшительно ничѣмъ не способствуютъ развитію какихъ-либо музыкальныхъ наклонностей. И все-таки я ихъ цѣню въ своемъ родѣ, только примѣняя ихъ совсѣмъ иначе, Во-первыхъ, я хотѣла бы сдѣлать отборъ инструментовъ, напр., исключить такіе, которые производятъ только шумъ, какъ: трещотки и соловьи; можетъ быть сюда надо отнести и лѣшаго, потомъ признать кукушку и перепела не безусловно необходимымъ украшеніемъ, и отбросивъ эти инструменты, пустить въ ходъ: барабанъ, тарелки, тамбуринъ, треугольникъ и кастаньеты,—именно ихъ, какъ представителей основныхъ началъ въ музыкѣ. Возведеніе фундамента — это первая задача, которую мы должны себѣ ставить, потомъ только мы можемъ думать о дальнѣйшей постройкѣ и отдѣлкѣ. И, чтобы выполнить эти первыя условія, только что названные инструменты — какъ разъ то, что намъ нужно. На динамикѣ, метрикѣ и мелодикѣ построена сущность музыки. Значитъ сейчасъ насъ интересуютъ громкіе и тихіе, долгіе и короткіе, высокіе и низкіе звуки, какъ таковые, на нихъ мы хотимъ построить сознательное отношеніе, а оно, въ свою очередь, должно сдѣлать нашихъ малютокъ способными къ самостоятельному слушанію и къ самодѣятельности, что и въ музыкѣ станетъ для нихъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. На такомъ фундаментѣ хорошо продолжать строить; ребенокъ пріучается слушать и свободно составлять новые музыкальные образы по собственнымъ, этимъ путемъ пріобрѣтеннымъ познаніямъ, чтобы получить мало-по-малу право считать царство музыки своимъ роднымъ. Потому что все его теперешнее занятіе музыкой вѣдь только укладка фундамента для цѣлаго, прекраснаго зданія, которое мы хотимъ ему помочь воздвигнуть, какъ самую неоспоримую его собственность.

Слѣдовательно, барабанъ, тарелки, тамбуринъ, треугольникъ и кастаньеты будутъ первыми инструментами, которые дадутъ нашимъ малышамъ возможность, во-первыхъ,

упражняться въ музыкѣ и, во-вторыхъ, удовлетворить правильнымъ образомъ стремленіе къ самодѣятельности при занятіяхъ музыкой.

Какъ же намъ использовать эти инструменты? Прежде всего надо, чтобы дѣти познакомились съ самыми инструментами, съ ихъ особенностями, чтобы быть въ состояніи ихъ примѣнить. Для этой «теоріи» у насъ, конечно, опредѣленный планъ, который вполнѣ приспособляется къ развитію ребенка, для него самого совершенно незамѣтно какъ «теорія», такъ какъ самое вѣрное средство лишить ребенка всякаго удовольствія, это мучить его теоретическими упражненіями или дать ему замѣтить, что онъ учится. Чѣмъ правильнѣе путь, избранный преподавателемъ въ цѣляхъ пробужденія интереса къ музыкѣ, тѣмъ скорѣе начинаетъ прислушиваться къ ней ребенокъ. Онъ не испытываетъ никакого гнета; весело, самъ забѣгая впередъ, ребенокъ указываетъ, говоритъ намъ, что его интересуетъ и чего онъ желаетъ. Къ этому мы приноравливаемся, имѣя все время передъ глазами нашу цѣль и держа въ рукахъ тонкія нити, которыя въ концѣ-концовъ приведутъ насъ къ ней же. Самое простое, что каждый ребенокъ, конечно, способенъ узнать и различить, есть сила звука. Это-то и есть тотъ методъ, который является основнымъ принципомъ нашей «теоріи». Дать возможность слышать, различать и опредѣлять — это первая задача, для посторонняго можетъ быть на первый взглядъ очень ничтожная и ненужная, но для руководителя довольно-таки существенная; вѣдь необходимо, чтобы ребенокъ это умѣлъ, а также необходимо намъ не впасть въ очень обыкновенную ошибку, то-есть предположить, что многое уже извѣстно ему и ненужно; было бы гораздо предусмотрительнѣе сначала хорошо укрѣпить эти познанія, чтобы предохранить ребенка отъ половинчатаго знанія.

Барабанъ, тарелки, тамбуринъ — это такіе инструменты, изъ которыхъ можно извлекать громкій звукъ; что можетъ быть естественнѣе того, что на нихъ надо играть, когда слышится громкая музыка. Совсѣмъ иначе она звучитъ, когда намъ приходится играть на треугольникѣ или на кастаньетахъ, а именно: тихо, иногда даже «совсѣмъ, совсѣмъ тихо!» Какъ скоро доходятъ дѣти до того, что на этомъ основаніи они ко всей пьесѣ, которую мы избрали какъ

соотвѣтствующую цѣли, сами подбираютъ инструменты; какъ они ожидаютъ слѣдующую часть, успѣвъ очень скоро понять, что при «настоящей игрѣ» не всегда можно поступать по собственному выбору и хотѣнію. Дальнѣйшей задачей для ребенка является отысканіе долгаго и короткаго звука; треугольникъ и тарелки изъ нашихъ инструментовъ представители одного, — барабанъ, тамбуринъ и кастаньеты другого звука. Насколько напряженнѣе надо теперь прислушиваться и болѣе точно обдумать выборъ инструмента! Тихіе, протяжные звуки слышитъ ребенокъ—онъ выбираетъ треугольникъ; тихіе и короткіе поражаютъ его ухо — онъ останавливается на кастаньетахъ; барабанъ, тарелки и тамбуринъ служатъ только для усиленія звука. Если потомъ прибавляется высокій и низкій, иначе сказать тонкій и густой звукъ, то требованія, предъявляемыя слуху ребенка, еще бо̀льшія. Но мы спокойно можемъ предоставить ему справляться съ этими трудностями, тѣмъ болѣе, что мы, смотря по способностямъ ребенка, медленно двигались впередъ, такъ что у него было время твердо усвоить предшествовавшее. Треугольникъ и тарелки по своему тонкому звуку оказываются теперь противоположными барабану и въ этомъ смыслѣ должны примѣняться въ музыкѣ.

Если ребенокъ, благодаря этому способу, привыкнетъ пользоваться своимъ слухомъ и итти за звукомъ, ему будетъ нетрудно, чѣмъ больше онъ занимается этимъ, отрѣшиться постепенно отъ отдѣльнаго звука, начать слѣдить больше за общимъ впечатлѣніемъ и согласно съ нимъ выбирать тотъ или другой инструментъ.

Теперь уже родъ музыки руководитъ ребенкомъ при выборѣ инструмента, и онъ все больше приноравливается къ общему характеру и ритму пьесы. Это конечно громадный успѣхъ, такъ какъ ребенокъ уже привыкъ играть по-своему пьесу съ пониманіемъ! Если сюда прибавить, что ему разсказываютъ о композиторѣ, который создалъ эту музыку, что онъ знакомится съ его личностью и пробуетъ ее согласовать съ его твореніемъ, то мы увидимъ, что достигли чего-то гармонически-цѣлаго и это будетъ для ребенка огромнымъ преимуществомъ при его художественномъ ученіи, которое теперь начинается: когда онъ будетъ играть, у него будетъ уже не игра, а «музыка»! И это пониманіе ска-

жется также, когда при немъ будутъ играть, онъ не только будетъ слышать музыку, онъ ее почувствуетъ, восприметъ.

Это «воспріятіе музыки» однако можно замѣтить и у самыхъ маленькихъ дѣтей, а именно въ пѣніи: что поетъ ребенокъ, и какъ онъ поетъ! Пѣсни, которыя больше всего соотвѣтствуютъ его настроенію въ данную минуту, могутъ показать намъ, съ какимъ удовольствіемъ ребенокъ связываетъ слова съ музыкальными звуками; вѣдь часто бываетъ, что онъ свои собственныя слова «перелагаетъ на музыку» и хотя бы въ очень наивномъ, но всегда въ соотвѣтствующемъ видѣ. Что онъ долженъ «красиво» спѣть, это онъ прекрасно понимаетъ; и если пѣніе доставляетъ ему удовольствіе, то совершенно излишне объяснять ему на словахъ, что значитъ «красиво звучать», пріемъ здѣсь самый элементарный — просто получше спѣть самому. Чѣмъ больше ребенокъ привыкнетъ пользоваться своимъ слухомъ, тѣмъ больше его слухъ будетъ естественно развиваться, и очень существенно поддерживать это.

Дѣти сами жаждутъ упражненій, разъ они видятъ въ нихъ одну только забаву. Такія упражненія могутъ быть очень недурно выполнены, по моему личному опыту, напр., съ маленькимъ музыкальнымъ ящичкомъ при игрѣ: «исканіе музыки». Ящичекъ прячутъ — онъ играетъ! по своему крошечному механизму довольно глухо, но это ничего; — ребенокъ прислушивается. По направленію звука онъ начинаетъ искать, пока, наконецъ, не находитъ «маленькую музыку». Смотря по обстоятельствамъ, мѣста, куда прячутъ ящичекъ, выбираются попроще или помудренѣе; но самое лучшее, это всегда карманъ прячущаго; правда, предполагается довольно тонкій слухъ, чтобы найти это мѣсто, такъ какъ оно вѣдь можетъ двигаться. Какъ мало нѣкоторыя дѣти пріучены пользоваться своимъ слухомъ, можно видѣть изъ того, что они во второй разъ непремѣнно пойдутъ сначала туда, гдѣ раньше былъ спрятанъ музыкальный ящичекъ, потому что они предполагаютъ, что онъ опять тамъ, и потомъ стоятъ совсѣмъ безпомощно, не зная, гдѣ его искать, пока не обратятъ ихъ вниманіе на то, что они «могутъ, они въ состояніи прислушаться», и тогда это ужъ и впредь ихъ направляетъ при поискахъ ящичка.

Въ другой разъ это нашъ волчокъ съ музыкой, который заставляетъ дѣтей усиленно слушать. Напряженно они слѣдятъ за обматываніемъ, — жужжитъ — пляшетъ! Чу, — слышится совсѣмъ тонкій, долгій звукъ! «Какъ гармоніумъ!» часто восклицаютъ дѣти. Ударятъ рукой «вотъ, теперь звучитъ совсѣмъ иначе» и опять, «а теперь!» Иногда дѣти пытаются изобразить этотъ звукъ, такъ какъ онъ такъ тонко и пронзительно прорѣзаетъ воздухъ, — они пробуютъ при второмъ, при третьемъ звукѣ, и иной разъ они попадаютъ очень вѣрно въ тонъ. При этомъ сильно развивается слухъ ребенка, и, въ концѣ-концовъ, онъ ничѣмъ больше и не занимается, какъ всѣмъ извѣстнымъ и излюбленнымъ «пусканіемъ волчка!»

Итакъ, въ обиходѣ ребенка найдется масса вещей, которыми мы можемъ воспользоваться для его развитія, не вырывая его изъ сферы, не изгоняя его преждевременно изъ его солнечнаго царства дѣтства.

Если даже для ребенка главная прелесть въ самодѣятельности, если онъ и хочетъ самъ играть, то все-таки для гармонически-музыкальнаго развитія довольно важно, чтобы онъ также отъ времени до времени слышалъ музыку. Какого же рода музыку долженъ ребенокъ слушать? Хорошую музыку прежде всего, — музыку, которая имѣетъ, что сказать намъ, — несложную музыку, которую ребенокъ можетъ понять, гармоніи которой приспособлены къ дѣтскому воспріятію! Чѣмъ заботливѣе за этимъ послѣдить и чѣмъ осмотрительнѣе двигаться по этому пути впередъ, тѣмъ вѣрнѣе въ ребенкѣ укрѣпится вкусъ и пониманіе музыки.

Въ какой же формѣ дадимъ мы ребенку эту музыку? Во-первыхъ и во-вторыхъ, посредствомъ человѣческаго голоса, и только въ-третьихъ, чисто инструментальную! Что же намъ пѣть дѣтямъ? Какъ можно больше народныхъ пѣсенъ, за ихъ прекрасные и несложные напѣвы, если возможно отъ времени до времени на два голоса безъ всякаго аккомпанемента; малышамъ это доставляетъ большое удовольствіе; иногда также нѣкоторыя подходящія дѣтскія пѣсни; иной разъ какой-нибудь хорошій хоралъ. Вѣроятно, что-то личное въ пѣніи заставляетъ малышей предпочитать человѣческій голосъ; кромѣ того, они могутъ по выраженію лица поющаго прослѣдить въ нѣкоторомъ ро-

дѣ настроеніе, которое высказывается въ пѣніи, и это помогаетъ имъ понимать точь-въ-точь, какъ это бываетъ при разсказываніи сказокъ; и вѣдь этотъ видъ музыки все-таки самый близкій для нихъ, такъ какъ онъ легче всего поддается подражанію.

Затѣмъ знакомыя пѣсни, въ хорошемъ переложеніи на какомъ-нибудь инструментѣ, даютъ намъ переходъ къ инструментальной музыкѣ. Вскорѣ дѣти сумѣютъ разобрать на этомъ инструментѣ и незнакомую мелодію, послѣ чего можно приступить и къ пьесѣ. При этомъ не слѣдуетъ лишь забывать двухъ условій: при выборѣ мы не должны удовлетворяться посредственными произведеніями, и пусть этотъ выборъ остановится на самыхъ несложныхъ вещахъ. Правда, что «программа» въ этомъ случаѣ выйдетъ не очень богатая, но, во-первыхъ, это обстоятельство нисколько не повредитъ дѣлу, а во-вторыхъ можно все-таки найти отдѣльныя части въ прекрасныхъ произведеніяхъ, которыя понравятся нашимъ малышамъ. Со временемъ и выборъ станетъ больше, способность ребенка воспринимать растетъ, его пониманіе расширяется, онъ все больше и больше проникаетъ въ область настоящаго искусства. Чѣмъ больше мы будемъ считаться съ индивидуальностью ребенка, тѣмъ съ болѣе совершенной подготовкой и съ большей увѣренностью мы достигнемъ цѣли.

А въ чемъ цѣль?

Въ томъ, чтобы заронить въ душу ребенка жажду прекраснаго, высокаго и чистаго; чтобы музыка стала для него со временемъ путеводной звѣздой, опорой въ тѣ часы сомнѣній и раздвоенности, благодаря которымъ нашъ жизненный путь такъ часто становится тернистымъ; чтобы въ музыкѣ онъ нашелъ никогда не угасающій свѣточъ, который озарялъ бы мрачные часы отчаянія и своимъ божественнымъ свѣтомъ и своею сіяющею мощью могъ бы поднять и укрѣпить его упавшій духъ.

Тотъ, для кого музыка такимъ образомъ стала содержаніемъ жизни, пойметъ истину словъ, вдохновившихъ такого генія, какъ Шуберта, переложившаго ихъ на музыку:

«Какъ часто, въ тѣ безпросвѣтные часы, когда меня опутывалъ кольцомъ бѣшеный потокъ жизни, ты, чудное

искусство, заставляло мое сердце возгораться жаромъ любви, уносило меня въ лучшій міръ! Часто рыданіе, вырывавшееся изъ струнъ твоей арфы, или твой божественный сладкозвучный аккордъ раскрывалъ мнѣ небеса лучшихъ временъ, — о, чудное искусство, благодарю тебя за это!»

Ученическіе концерты.

Проф. Рихарда Барта.

Что искусство, и въ частности самое чистое и возвышенное изъ нихъ—музыка,—играли въ развитіи человѣчества очень значительную роль, это фактъ, не подлежащій сомнѣнію.

Бросивъ взглядъ на историческое развитіе музыки, мы видимъ времена подъема и времена упадка, вслѣдъ за волной великихъ дѣяній генія слѣдуетъ отливъ—мелкая работа эпигоновъ. Великій геній, провидецъ будущаго, выходитъ далеко за предѣлы своего времени и въ большинствѣ случаевъ не оцѣнивается современниками. Люди, признающіе лишь потребности данной эпохи, полагаютъ, что, отвѣчая этимъ потребностямъ, создаютъ самое высшее, что только можно создать,—и толпа прославляетъ ихъ за это.

Подобную эпоху переживаемъ мы въ настоящее время! Публика до того осаждена и насильственно воспитывается музыкой, что она охаетъ и стонетъ подъ тяжестью оказанныхъ ей художественныхъ благодѣяній; а спутники свѣтилъ первой величины, сіяющихъ на музыкальномъ горизонтѣ нашихъ дней, такъ долго и упорно писали и кричали, пока цивилизованный человѣкъ, и такъ ужъ взвинченный и сверхутонченный всяческими художественными впеча-

тлѣніями, довѣрчиво поддался гипнозу поднятой ими шумихи.

Но это означаетъ упадокъ. Какой-то горячечный бредъ затмеваетъ въ наши дни всякое ясное пониманіе искусства, и въ безумномъ опьянѣніи слѣдуетъ толпа за подобными пророками. Можно опасаться, что лишь народное бѣдствіе окажется способнымъ стряхнуть съ толпы этотъ хмель, охладивъ ея горячку своимъ ледянымъ дыханіемъ.

Ясныя головы и чистыя сердца нужны искусству, какъ для творчества, такъ и для наслажденія имъ; они образуютъ ту плодородную почву, на которой хорошій посѣвъ—истинное художественное воспитаніе—только и можетъ дать хорошіе плоды. Поэтому не напрасно мы должны искать ихъ исключительно въ средѣ молодежи, этого лучшаго ядра нашего народа, отъ котораго, дай Богъ, чтобы произошли новыя поколѣнія, болѣе здоровыя, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Въ реформенное движеніе, постепенно охватившее въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій всю область преподаванія, были вовлечены и изящныя искусства. Съ давнихъ поръ и почти до настоящаго времени музыкѣ отводилось въ школѣ черезчуръ скромное мѣсто. Теперь, наконецъ, хотятъ использовать ея вліяніе на формировку эстетическаго чувства и дать ей возможность воздѣйствовать на развивающуюся душу ребенка; но для этого надо порвать со старой системой.

До сихъ поръ отъ самихъ дѣтей ожидали слишкомъ малаго, отъ учителей же слишкомъ многаго; дѣти должны были учиться пѣть подъ жалобные звуки скрипки, которая въ рукахъ дилетанта не всегда издаетъ ликующіе и чарующіе звуки. Не говоря уже о томъ, что музыкальнаго образованія, даваемаго въ учительскихъ семинаріяхъ, далеко не достаточно, нельзя и требовать отъ хорошаго учителя, чтобы онъ кромѣ своей профессіи, былъ еще выдающимся музыкантомъ. Но въ душѣ дѣтей таится гораздо больше любви къ музыкѣ, чѣмъ принято думать, и такая здоровая, могучая потребность дѣятельно проявить свою музыкальность пѣніемъ, что это прямо-таки наша обязанность привлекать для пробужденія всѣхъ дремлющихъ въ ребенкѣ музыкальныхъ способностей только необыкновенно да-

ровитыхъ и умныхъ учителей, а такъ какъ таковыхъ слишкомъ мало, то профессіональныхъ музыкантовъ, обладающихъ качествами, необходимыми для обученія музыкѣ.

Собственное, обыкновенно очень посредственное исполненіе дѣтьми музыкальныхъ произведеній въ школѣ, а также исполненіе учителей, не всегда стоящее на должной художественной высотѣ, не можетъ дать дѣтямъ правильнаго представленія объ искусствѣ. А еще менѣе вся остальная музыка, доступная ученикамъ народныхъ школъ: уличная музыка и увеселительные концерты, которые по своему качеству часто еще хуже, чѣмъ тѣ помѣщенія, въ которыхъ они устраиваются.

Поэтому мысль познакомить дѣтей съ произведеніями нашихъ величайшихъ композиторовъ въ томъ видѣ, какъ они были задуманы творцами и какъ должны быть художественно поняты и исполнены, безусловно здравая мысль. Изъ тѣсныхъ стѣнъ школы хотятъ вывести дѣтей въ волшебную страну фантазіи, въ страну искусства, гдѣ они могутъ услышать тотъ многоголосный языкъ, который нѣжными звуками и мощными аккордами возвѣщаетъ намъ тайны души. Дѣти должны собственнымъ опытомъ узнать, какая возвышающая и освобождающая сила таится въ музыкѣ— подразумѣвая подъ послѣдней только абсолютную музыку, самое чистое и благородное изъ всѣхъ искусствъ, въ томъ видѣ, какъ намъ ее даровали наши величайшіе геніи отъ Баха до Брамса.

И вотъ въ настоящее время дѣло дошло до того, что дѣти въ большихъ концертныхъ залахъ слушаютъ самую лучшую музыку въ возможно совершеннѣйшемъ исполненіи. Начало ученическимъ концертамъ было положено въ Гамбургѣ, и тамъ уже впервые ввели въ обычай, чтобы каждой музыкальной пьесѣ дирижеръ предпосылалъ устное объясненіе и введеніе.

Этотъ обычай, сопровождавшійся прекраснымъ результатомъ, нашелъ подражаніе и въ другихъ мѣстахъ, но наткнулся также на рѣзкую критику. Вѣскихъ доводовъ противъ него, собственно говоря, не приводилось, а скорѣе получается впечатлѣніе, что за всѣми возраженіями скрываются извѣстнаго рода лѣнь и косность.

Дѣйствительно, спросимъ себя, справедливо ли вводить

дѣтей въ неизвѣстную, прекрасную страну, гдѣ къ нимъ обращаются на чуждомъ имъ языкѣ, не переводя имъ того, что имъ говорится; достаточно ли на самомъ дѣлѣ прямо исполнять передъ ними вещи, которыя по своимъ свойствамъ, структурѣ и объему имъ безусловно чужды и непонятны, не стараясь по возможности объяснить имъ слышанное? На эти вопросы придется отвѣтить рѣшительнымъ «нѣтъ». Нельзя отвергать необходимости составлять программу очень обдуманно и осторожно и выбирать лишь такія музыкальныя пьесы,—увертюры,—само названіе которыхъ ужъ свидѣтельствуетъ о связи съ извѣстнымъ словеснымъ текстомъ. Нѣтъ ничего лучше, какъ предпосылать самому концерту объясненіе, сдѣланное въ сжатой формѣ и понятнымъ для дѣтей языкомъ.

Увертюрѣ Мендельсона-Бартольди «Meeresstille und glückliche Fahrt» можетъ предшествовать, напримѣръ, слѣдующее введеніе:

— «Въ далекой гавани чужой страны стоитъ корабль, готовый къ отплытію на родину. Но досадное затишье, полное отсутствіе вѣтра задерживаетъ его. Неподвижная, тяжелая, словно свинцовая, разстилается безконечная гладь воды. Спокойная мелодія и широкія созвучія начала увертюры великолѣпно рисуютъ намъ эту величественную картину. Отдѣльныя ударенія какъ бы указываютъ на таинственные подземные толчки, которые по временамъ слегка волнуютъ широкую зеркальную поверхность воды, но не способны совсѣмъ всколыхнуть ее. Наконецъ, когда жуткая тишина и неподвижность уже почти давятъ насъ, мы чувствуемъ первое дуновеніе вѣтерка, его приноситъ намъ небольшое соло флейты. Къ этому присоединяется еще нѣсколько оживляющихъ сигналовъ гобоевъ и рога, которые производятъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ-будто Эолъ, богъ вѣтра, призываетъ своихъ слугъ къ работѣ; и вотъ въ воздухѣ начинается словно шелестъ и шорохъ, и на кораблѣ все оживаетъ. Сотни рукъ торопливо принимаются за работу, распускаются паруса, снасти скрипятъ, гремятъ цѣпи,—и мы выходимъ въ открытое море. Корабль покачивается на волнахъ, бѣлыя облака быстро летятъ по голубому небу, а мысли, быстрѣе ихъ, несутся на родину. По музыкѣ мы слышимъ, что наше путешествіе проходитъ

благополучно, что только одинъ разъ на горизонтѣ встаетъ громада тучъ, быстро приближается къ намъ и разражается сильнымъ ударомъ грома. Наконецъ мы входимъ въ гавань. Паруса убираютъ, якорь съ грохотомъ опускается въ глубину на своихъ тяжелыхъ цѣпяхъ. Корабль сильно вздрагиваетъ въ послѣдній разъ и останавливается. Съ берега раздаются звуки трубъ и пушечная пальба; благополучно вернувшихся на родину моряковъ привѣтствуютъ ликующими криками и маханіемъ платковъ; на всѣхъ лицахъ, на всѣхъ устахъ радость встрѣчи. Затѣмъ народъ расходится, и корабль спокойно и гордо стоитъ въ своей родной гавани».

Когда выбираютъ отдѣльныя мѣста изъ симфоній или сюитъ, или же старинные характерные танцы и т. п., то рекомендуется выдумывать какую-нибудь картину или напомнить какой-либо знакомый образъ, способный создать у юныхъ слушателей подходящее для данной пьесы настроеніе. Напримѣръ, для вальса изъ серенады F-dur (для струннаго оркестра) Роберта Фолькмана можно сказать слѣдующее:

— «Вамъ всѣмъ, вѣроятно, знакома прекрасная картина Людвига Кнауса «Золотая свадьба». Окруженные дѣтьми и внуками, родными и друзьями, празднуютъ дѣдушка и бабушка столь рѣдкій праздникъ золотой свадьбы и подъ вліяніемъ счастливаго, радостнаго настроенія рѣшаются даже немного потанцовать въ кругу своихъ близкихъ. И вотъ они начинаютъ кружиться, медленно, чинно и степенно, какъ танцовали лѣтъ пятьдесятъ и больше тому назадъ. Изумленно и радостно смотрятъ окружающіе на милую картину давно прошедшихъ временъ.

Мысленно представляя себѣ эту картину, послушайте теперь прелестный мотивъ вальса, и онъ навѣрное доставитъ вамъ большое удовольствіе».

Кто хочетъ и способенъ вдуматься въ психологію ребенка, тотъ долженъ себѣ сказать, что для ребенка уже само по себѣ цѣлое событіе, когда въ праздничный день его ведутъ въ большой концертный залъ, чтобъ онъ тамъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми (иногда болѣе 2000) слушалъ концертъ, какъ его обыкновенно могутъ слушать лишь болѣе богатые люди; что кромѣ того ребенка сильно развлекаютъ

многочисленныя впечатлѣнія, которыя онъ получаетъ по дорогѣ въ концертъ и въ самомъ великолѣпномъ помѣщеніи, гдѣ столько непривычныхъ вещей вторгаются въ міръ его чувствъ. Если къ тому же вспомнить, что музыка, далеко превосходящая его способность пониманія, можетъ оставить желаемое и болѣе или менѣе продолжительное впечатлѣніе только въ случаѣ полнаго и нераздѣльнаго вниманія, то очевидно, что, требуя этого вниманія, мы требуемъ невозможнаго, если не поспѣшимъ къ ребенку на помощь.

Устное введеніе въ музыкальную пьесу не только сдерживаетъ волненіе, предшествующее самому концерту, но также даетъ разбѣгающимся мыслямъ ребенка спокойствіе и цѣль и создаетъ ясность для той работы ума и чувствъ, которая отъ него требуется во время слушанія. Потому что о пониманіи (поскольку можно говорить о пониманіи вещи, которую слышишь въ первый разъ) и о глубокомъ впечатлѣніи можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если сюда не примѣшивается ничего неяснаго и отвлекающаго, что ребенокъ не понялъ, то никогда не вызоветъ въ немъ интереса и любви, а тѣмъ болѣе никогда не будетъ воспринято въ хранилище его знаній. Подумайте о многочисленныхъ вопросахъ, которые дѣти, если бы могли, обязательно стали бы задавать относительно всевозможныхъ вещей, и о прекрасной задачѣ: заранѣе угадывать эти вопросы и любовно итти навстрѣчу невысказанному желанію ребенка.

Впрочемъ, самъ фактъ, что тысячи дѣтей записываются именно на тѣ концерты, на которыхъ дирижеры даютъ объясненія, доказываетъ, что дѣти сами жаждутъ понимать и слышать объясненіе того, что не могутъ уразумѣть собственными силами безъ чужой помощи.

Путемъ ученическихъ концертовъ хотятъ достичь далеко не малаго, и всѣ успѣхи и разочарованія будутъ зависѣть отъ того, какъ поведутъ дѣло.

Ребенокъ долженъ учиться, не чувствуя при этомъ, что его учатъ; наоборотъ, въ немъ скорѣе нужно пробудить ощущеніе, что въ праздничный часъ онъ получаетъ дары, идущіе изъ богатаго рога изобилія и предлагаемые ему съ любовью и радостью. Все зависитъ отъ того, чтобы онъ понялъ бла-

гія намѣренія дающаго и смыслъ и цѣнность подарка, и если это достигается путемъ искреннихъ стремленій и стараній и благодаря наличности всякихъ иныхъ благопріятныхъ условій, тогда твердо можно надѣяться, что сѣмена, которыя мы сѣемъ теперь, скоро принесутъ хорошую и обильную жатву.

Ребенокъ и сцена.

Рудольфа Блюмнера.

Если смотрѣть на драматическое искусство, какъ на наиболѣе жизненное изъ всѣхъ искусствъ, такъ какъ оно основывается на самыхъ главныхъ жизненныхъ проявленіяхъ человѣка, имѣющихъ эстетическую цѣнность—на рѣчи и на жестахъ—то въ области этого искусства еще труднѣе, чѣмъ въ области другихъ искусствъ, провести точную грань между обычными проявленіями жизни и болѣе или менѣе сознательно артистической работой. «Мы всѣ играемъ» (Шницлеръ, «Парацельсъ»)—это сознаніе учитъ насъ, что какъ народы, такъ и каждый отдѣльный человѣкъ въ эпоху игръ—въ младенческомъ возрастѣ—уже вступаютъ въ извѣстное отношеніе къ драматическому искусству, какъ въ качествѣ наслаждающагося имъ, такъ и въ качествѣ творящаго его. Но драматическое искусство, въ своемъ наиболѣе современномъ видѣ, хотя и называется «игрой», все же остается для творящаго его и для наслаждающагося имъ самымъ трудно достижимымъ искусствомъ. Эти два положенія мы не должны упускать изъ виду, если хотимъ составить себѣ правильное понятіе объ отношеніи ребенка къ драматиче-

скому искусству. Какъ рано въ дѣтяхъ пробуждается это искусство въ своемъ активномъ видѣ (пожалуй, единственное искусство, гдѣ стремленіе воспроизводить предшествуетъ стремленію наслаждаться и воспринимать!), видно изъ того соображенія, что большинство дѣтскихъ игръ, если взглянуть на нихъ психологически, должны разсматриваться съ точки зрѣнія аналогичной художественно-театральной. Какъ вообще все влеченіе къ искусству есть стремленіе хоть въ малыхъ размѣрахъ «уподобиться Богу», стремленіе къ творчеству, переходящее въ идеализированное подражаніе природѣ, такъ и большинство любимыхъ дѣтскихъ игръ есть подражаніе дѣятельности и свойствамъ, замѣченнымъ ими у взрослыхъ. Насколько серьезно играющій ребенокъ, какъ и играющій актеръ къ своей роли относится къ этой «игрѣ», которая холодному разсудку взрослыхъ кажется только «игрой», ясно для всякаго, кто наблюдалъ игру дѣтей и помнитъ игры собственнаго дѣтства. Но только серьезность отношенія несомнѣнно доводитъ играющаго ребенка до фикцій, которыя съ такой яркостью и силой рѣдко появляются у актера, да и вообще появленіе ихъ у послѣднихъ очень проблематично, какъ практически, такъ и теоретически, и многими оспаривается. Разумѣется, только благодаря отсутствію фактора развитого ума у дѣтей, возможно такое преобладаніе фантастическаго элемента, такое раствореніе своего «я» въ «представляемой» роли, доходящее до полнаго отожествленія, даже до переживанія. Серьезность и увлеченіе, съ какими дѣти, сдвинувъ вмѣстѣ нѣсколько стульевъ, «играютъ въ желѣзную дорогу», при чемъ не только распредѣляютъ между собой роли кондукторовъ и пассажировъ, но положительно внушаютъ ихъ себѣ; увѣренность дѣвочки въ томъ, что ея кукла живое, чувствующее существо, съ которымъ надо обращаться по-человѣчески—должны быть такъ сильны, что разсудочнымъ соображеніямъ не справиться съ ними.

Мальчикъ, играющій въ солдаты, живѣйшимъ образомъ чувствуетъ, что онъ управляетъ судьбами полковъ, что ихъ побѣда или погибель въ его рукахъ. Игра въ разбойники и игра въ дѣйствительно случившіеся убійство или грабежъ, занимающіе въ данное время всѣ умы—игра, которая, какъ извѣстно, часто приводитъ къ несчастнымъ слу-

чаямъ и даже къ дѣтскимъ преступленіямъ, все это доказываетъ сильное влеченіе ребенка къ драматическому подражанію. И ничто въ такой степени не выясняетъ намъ значенія фантазіи для художественнаго творчества и для наслажденія искусствомъ, какъ эти дѣтскія игры. Фантастическое переживаніе ребенка, не знающее обыкновенно ни усталости, ни скуки, остается чистымъ чувствомъ наслажденія, какого не даетъ намъ дѣйствительность, приносящая только смѣшанныя ощущенія. И какъ сильно должно быть представленіе ребенка о роли, которую онъ безусловно «играетъ», если достаточно самыхъ незатѣйливыхъ вещей, чтобы поставить такое фантастическое переживаніе наравнѣ съ реальностью и даже выше ея.

Но этой силѣ дѣтскаго воображенія совсѣмъ не соотвѣтствуетъ творческая способность воспроизводить такъ, чтобы доставить наслажденіе постороннимъ зрителямъ. Главная проблема драматическаго искусства—невозможность явно отдѣлить творящаго отъ его созданія заранѣе почти совершенно исключаетъ у малолѣтнихъ возможность такой театральной дѣятельности, которая имѣла бы художественную цѣнность для постороннихъ зрителей. Правда, на первый взглядъ причина кроется, главнымъ образомъ, повидимому, въ томъ, что наша драматическая литература въ большинствѣ случаевъ касается лишь жизни и дѣятельности взрослыхъ. Но не надо забывать, что столь сильная у дѣтей склонность къ подражанію направлена почти исключительно на подражаніе поведенію взрослыхъ. Такимъ образомъ уже по чисто физическимъ причинамъ нельзя развивать въ дѣтяхъ драматическое искусство подобно тому, какъ развиваютъ въ нихъ остальныя искусства. Ребенокъ геніальный музыкантъ, малолѣтній художникъ-геній, скульпторъ, поэтъ, композиторъ—возможны; ребенокъ же геніальный актеръ—нѣтъ. Или, по крайней мѣрѣ, дѣятельность его ограничена очень узкими рамками: изображеніемъ дѣтей. Но вѣдь современное драматическое искусство связано съ существующей у насъ драматической литературой, а послѣдняя, какъ уже было сказано, почти исключительно трактуетъ о взрослыхъ. Въ драмахъ писатель заставляетъ совершать поступки, а вѣдь именно взрослые двигаютъ міръ; поступки дѣтей мало интересуютъ насъ, ихъ

психикѣ недостаетъ высоты и глубины. Но не удивительно, что во всей нашей драматической литературѣ дѣти играютъ столь незначительную роль. Одного взгляда на немногочисленныя вполнѣ выдержанныя дѣтскія драмы, въ которыхъ дѣти являются всѣми или хоть главными дѣйствующими лицами, достаточно, чтобы понять незначительную специфически-драматическую цѣнность этихъ произведеній. У насъ есть только одна выдающаяся дѣтская трагедія, «Пробужденіе весны» Ведекинда, которая, впрочемъ, занимается самымъ щекотливымъ вопросомъ: пробужденіемъ у дѣтей полового чувства и половой жизни. Хотя эта трагедія, пожалуй, самое лучшее изъ всего, что написалъ Ведекиндъ, изъ нея все же не вышло настоящей драмы. Рядъ другихъ конфликтовъ дѣтской души, какъ, напримѣръ, пробуждающееся чувство чести, чувство вины, муки школьника и т. д. разработаны Робертомъ Саудекомъ въ его «Драмахъ дѣтской души». (Robert Saudeck «Dramen der Kinderseele»: Das Schuldbewusstsein. Ein Wunderkind. Die Judenjungens. Leipzig bei Reclam № 4691).

Но цѣнность и этихъ вещицъ не выходитъ за предѣлы интереса къ психологической проблемѣ.

Но зато нельзя сказать, чтобы въ нашей драматической литературѣ былъ недостатокъ въ эпизодическихъ дѣтскихъ роляхъ. Напоминаю многочисленныхъ молодыхъ принцевъ у Шекспира, маленькую, немного не по лѣтамъ серьезную инфанту въ «Донъ-Карлосѣ», сына Телля, который тоже за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, и, наконецъ, знаменитую дѣтскую сцену въ «Le malade imaginaire» Мольера, которой такъ восхищается Гёте. Дѣйствительно эта сцена единственная въ своемъ родѣ, потому что одному Мольеру удалось, по крайней мѣрѣ, въ рамкахъ этой сцены, чтобы ребенокъ, путемъ задерживающихъ и ускоряющихъ моментовъ, вызвалъ драматическое напряженіе и возбудилъ интересъ. Но зато часто дѣтскія роли вводятся для того, чтобы дать взрослымъ дѣйствующимъ лицамъ возможность проявить нѣкоторыя черты своего характера.

Какъ ловко это можно сдѣлать въ чисто психическомъ отношеніи, доказалъ Ибсенъ въ «Норѣ».

Итакъ, мы видимъ, что дѣтямъ представляются случаи участвовать въ спектакляхъ, хотя бы и ограничиваясь тѣс-

ной областью дѣтскихъ ролей. Но все же нельзя утверждать, что эта область представляетъ намъ желанный случай для восполненія ощутительнаго пробѣла. Всякій, кто близко знакомъ съ театральными дѣлами, можетъ много разсказать о томъ, какимъ проклятіемъ являются для спектакля дѣтскія сцены, какъ трудно найти исполнителей и провести дѣтскія роли. Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этихъ трудностяхъ, надо въ нѣсколькихъ словахъ напомнить о свойствахъ и сущности драматическаго искусства. Только тогда у насъ будетъ мѣрило для оцѣнки драматическихъ способностей ребенка, только въ такомъ случаѣ мы можемъ разобраться въ вопросѣ: насколько цѣнно для дѣтей обученіе ихъ драматическому искусству, и какое значеніе слѣдуетъ придавать рано обнаружившемуся драматическому таланту?

Изъ вкратцѣ упомянутыхъ нами вначалѣ средствъ, путемъ которыхъ выражается драматическое искусство — жестовъ и рѣчи — послѣдняя предполагаетъ способность придавать словамъ и фразамъ извѣстную и притомъ психологически вѣрную интонацію. Эта способность, въ которой сосредоточивается вся суть драматическаго таланта, какъ и всякій талантъ, является просто высшимъ развитіемъ способности, присущей всѣмъ людямъ. Потому что всѣ люди интонируютъ свою рѣчь; правда, въ большинствѣ случаевъ они дѣлаютъ это очень шаблонно и неинтересно, между тѣмъ какъ актеръ долженъ говорить индивидуально, характерно и интересно. Но всѣмъ извѣстно, — хотя въ большинствѣ случаевъ на это обращаютъ мало вниманія, — что у взрослыхъ выразительность рѣчи развита больше, чѣмъ у дѣтей, уже сама дикція которыхъ доказываетъ ихъ не созрѣвшій интеллектъ. Правда, мы не видимъ причины, почему этотъ талантъ, выразительность рѣчи, не можетъ появиться у дѣтей такъ же рано, какъ и всякій другой талантъ. И дѣйствительно, мы знаемъ, что уже въ школѣ нѣкоторые ученики отличаются отъ другихъ умѣніемъ лучше, выразительнѣе «отвѣчать» стихи, какъ гласитъ терминъ, очень характерный главнымъ образомъ для точки зрѣнія учащихъ.

Важно подчеркнуть, что эта способность декламировать стихи не только родственна драматическому таланту, но пря-

мо представляетъ одну изъ его областей. Стоитъ только твердо держаться этого воззрѣнія, и мы приходимъ къ сознанію, что изъ всѣхъ искусствъ раньше всего культивируется драматическое искусство. Вѣдь ужъ самыхъ маленькихъ дѣтей, едва они научатся говорить, заставляютъ отвѣчать стихи и стишки. Правда, это раннее культивированіе искусства основывается на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Ибо не надо забывать, что обыкновенно дѣло ограничивается «отвѣчаніемъ». Здѣсь нѣтъ самаго намѣренія произвести художественное впечатлѣніе. Цѣлью является только выучить стихи наизусть, запомнить ихъ, то-есть усвоить содержаніе и форму, но школа совсѣмъ не задается цѣлью упражнять дѣтей въ искусствѣ декламаціи. По крайней мѣрѣ эта цѣль отступаетъ на задній планъ тѣмъ болѣе, что учащіе сами совсѣмъ неопытны въ этомъ дѣлѣ. Какъ безусловно вѣрно то, что практикующееся въ нашихъ школахъ и къ тому же еще въ преувеличенной степени заучиваніе наизусть едва ли имѣетъ что-нибудь общее съ искусствомъ декламаціи, а слѣдовательно и съ драматическимъ искусствомъ, такъ же безусловно вѣрно и то, что здѣсь существуетъ настоятельная необходимость въ реформѣ.

Ясно, что разъ развитіе тѣхъ способностей, которыя надо считать собственно драматическими, находится во всеобщемъ пренебреженіи, то и при небольшомъ количествѣ дѣтскихъ ролей долженъ ощущаться недостатокъ въ юныхъ актерахъ. Правда, это еще не даетъ намъ повода для сѣтованій. Ранній талантъ всегда очень подозрительная вещь, и какъ разъ это трудное искусство — придавать рѣчи психологически вѣрную интонацію — можетъ развиться лишь съ опытомъ. Но все же нельзя не пожалѣть, что обученіе декламаціи и артистическое образованіе находятся въ полномъ пренебреженіи. Особенно это жаль по отношенію къ тѣмъ дѣтямъ, которыя проявляютъ соотвѣтствующую способность.

Какъ ужъ сказано, ярко выраженный у дѣтей декламаторскій талантъ является ядромъ драматической способности и сопровождается обыкновенно болѣе или менѣе сильнымъ влеченіемъ къ сценической дѣятельности. Правда, родителямъ и воспитателямъ не легко выяснить, насколько этотъ рано проявившійся талантъ и это влеченіе указываютъ

на позднѣйшую артистическую карьеру. Но вѣдь не въ этомъ дѣло. Строго воспитательная точка зрѣнія скорѣе требуетъ, чтобы въ одинаковой степени развивались всѣ замѣченные у ребенка таланты. Если вспомнить, съ какой готовностью родители даютъ дѣтямъ музыкальное образованіе, то можно, пожалуй, удивляться, какъ мало стараются развить ранній драматическій талантъ, и вообще какъ мало на него обращаютъ вниманія. Но не надо забывать при этомъ, что драматическое искусство, требующее совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ лицъ и сложнаго вспомогательнаго аппарата, не имѣетъ для дилетантства того значенія, какъ музыка и живопись — какъ безконечно много ни занимаются дилетантствомъ именно въ области драматическаго искусства. Но все-таки раннее артистическое образованіе очень желательно. Къ этому искусству, которое постороннимъ лицамъ часто кажется столь легкимъ, а на самомъ дѣлѣ является самымъ труднымъ изъ всѣхъ искусствъ, тоже примѣнимо положеніе: жизнь коротка, наука долга. Если ни въ какой другой профессіи не переживается столько разочарованій, какъ на сценѣ, то причина въ значительной степени лежитъ въ томъ, что наши актеры слишкомъ поздно принимаются за изученіе своего искусства. Это тѣмъ болѣе важно подчеркнуть, что именно въ наше время съ разныхъ сторонъ страннымъ образомъ требуютъ обратнаго: чтобы актеръ предварительно по возможности нѣкоторое время занимался одной изъ такъ называемыхъ буржуазныхъ профессій. На это надо возразить: чѣмъ раньше мы начнемъ обучать дѣтей этому искусству, тѣмъ раньше выяснится, достаточно ли у нихъ таланта. Само собой разумѣется, что остальное образованіе не должно страдать отъ этого, какъ изъ-за уроковъ музыки не забываютъ посылать дѣтей въ школу.

Кромѣ того, возникаетъ много вопросовъ, одинаково относящихся ко всѣмъ отраслямъ искусства. Одинъ изъ важнѣйшихъ изъ нихъ слѣдующій: какое вліяніе оказываетъ на дѣтей артистическое образованіе и участіе въ спектакляхъ?

Можно съ спокойною совѣстью сказать себѣ, что если оно и приноситъ вредъ, то причина его лежитъ не въ самомъ искусствѣ, а во взрослыхъ и въ обстановкѣ. Мальчиковъ

и дѣвочекъ, у которыхъ болѣе или менѣе хорошая память, заставляютъ читать передъ кузенами, тетками и дядями длиннѣйшія стихотворенія, которыхъ они даже не понимаютъ, и выставляютъ ихъ такимъ образомъ на всеобщее восхваленіе. Но именно хорошая память не имѣетъ ничего общаго съ артистическимъ дарованіемъ. Да и на основаніи наличности у дѣтей влеченія и способности къ подражанію нельзя заключать объ артистическомъ дарованіи. Стремленіе дѣтей копировать взрослыхъ, особенно почтенныхъ лицъ, учителей, воспитателей, скорѣе указываетъ на наблюдательность и умѣніе подтрунивать, чѣмъ на драматическій талантъ.

Конечно драматическое искусство, какъ искусство, въ которомъ человѣкъ участвуетъ самъ, душой и тѣломъ, болѣе чѣмъ всѣ остальныя вовлекаетъ въ тщеславіе, гордость и жеманство. Но я долженъ замѣтить, что выступалъ здѣсь только въ защиту художественнаго образованія при наличности соотвѣтствующихъ способностей, между тѣмъ какъ усиленное привлеченіе дѣтей къ участію въ спектакляхъ, устраиваемыхъ въ присутствіи болѣе или менѣе многочисленной публики, врядъ ли принесло бы пользу. Да и какъ бы то ни было, мы прежде всего принуждены считаться съ недостаткомъ подходящихъ пьесъ, о чемъ ужъ подробно говорилось выше. Кромѣ того упомянутый выше сложный аппаратъ, требующійся даже при самыхъ примитивныхъ спектакляхъ, является тормазомъ, который ужъ самъ по себѣ дѣлаетъ дѣтскіе спектакли рѣдкостью. Мы всѣ знаемъ, по собственному дѣтству, что желанія въ большинствѣ случаевъ очень много, но что все великолѣпіе сводится къ нѣсколькимъ спектаклямъ, устраиваемымъ въ присутствіи знакомыхъ и родныхъ, при чемъ эти спектакли скорѣе имѣютъ характеръ игры и забавы. Ученическіе спектакли въ старшихъ классахъ гимназіи (спектакли, къ которымъ уже надо отнестись серьезнѣе и неизмѣнный репертуаръ которыхъ составляютъ: Вильгельмъ Телль, Антигона въ оригиналѣ пьесы Кёрнера) являются рѣдкими праздниками.

Умѣстно интересно вспомнить, какую значительную роль въ развитіи драмы и театра играли ученическіе спектакли въ предыдущія столѣтія. Подъ вліяніемъ гуманизма многіе учителя рѣшили, что нельзя ограничиваться однимъ усерднымъ чтеніемъ съ учениками древнихъ, греческихъ и

римскихъ писателей. Они заставляли учениковъ декламировать и представлять въ лицахъ греческія и римскія драмы, видя въ этомъ гораздо лучшее средство для воспитанія въ духѣ гуманизма. Когда ученическія представленія распространились по всей Германіи и стали постояннымъ установленіемъ, ректора и учителя начали сами сочинять латинскія драмы, которыя учащіеся затѣмъ представляли на сценѣ. Создавшіяся такимъ образомъ такъ называемыя «школьныя драмы» занимаютъ видное мѣсто въ исторіи развитія драмы вообще. Какую роль въ культивированіи драматическаго искусства играла въ тѣ времена учащаяся молодежь, видно изъ того, что въ Страсбургѣ образовалось даже общество учащихся—любителей драматическаго искусства, и въ теченіе XVI столѣтія это повело къ основанію многочисленныхъ подобныхъ же обществъ при гимназіяхъ и университетахъ. Вскорѣ ректора и другіе руководители этихъ ученическихъ спектаклей стали имѣть въ виду не столько усвоеніе и распространеніе классическихъ произведеній и классическаго духа, сколько всякія иныя воспитательныя цѣли. Такъ они полагали, что путемъ этихъ спектаклей могутъ развить въ ученикахъ самостоятельность дѣйствій и что, заставляя ихъ изображать преимущественно нравоучительныя событія и говорить благородныя слова, можно внушить имъ уваженіе къ добродѣтели и отвращеніе къ пороку. Правда, уже въ то время могли видѣть, на какихъ обманчивыхъ представленіяхъ покоятся подобныя педагогическія умозрѣнія. Но несмотря на это, при воинственномъ характерѣ гуманитарныхъ стремленій, это соединеніе искусства съ воспитаніемъ вызвало со стороны противниковъ гуманизма лишь самое пылкое подражаніе. Особенно іезуитскія школы, опираясь на вліяніе Италіи и пользуясь поддержкой куріи, устраивали со своими воспитанниками пышныя представленія. Благодаря стремленію взаимно перещеголять другъ друга, въ этомъ отношеніи естественно начали небрежнѣе относиться къ ученію, а когда, во избѣжаніе этого, стали пользоваться для репетицій часами ночного отдыха, дѣло еще ухудшилось. Вскорѣ затѣмъ сюда присоединилось еще то неблагопріятное обстоятельство, что ученическіе спектакли, которые первоначально устраивались изъ любви къ искусству, постепенно стали

источникомъ доходовъ. Вошло даже въ обычай, чтобы учителя, особенно во время каникулъ, разъѣзжали съ труппой учениковъ изъ города въ городъ. Но несмотря на все это, школьныя драмы и школьные спектакли продолжали существовать почти до конца тридцатилѣтней войны. Затѣмъ они совершенно исчезли, отчасти потому, что перестали писать пьесы для школъ, отчасти вслѣдствіе все усиливающейся конкуренціи со стороны профессіональныхъ актеровъ. Вѣроятно главнымъ образомъ иностранныя странствующія труппы, нидерландскія и англійскія, яснѣе всего показали недостатки ученическихъ спектаклей. Хотя мы мало освѣдомлены относительно качества послѣднихъ, все же не подлежитъ сомнѣнію, что они носили безусловно доктринерскій, академическій характеръ. И, пожалуй, съ такой же увѣренностью можно принять, что драматическіе таланты встрѣчались тамъ лишь въ очень незначительномъ количествѣ. Ясно, что драматическое искусство не могло уже дальше развиваться тамъ, гдѣ роли пожилыхъ людей всегда исполнялись юношами, въ большинствѣ случаевъ еще несовершеннолѣтними, а всѣ женскія роли мальчиками. И дѣйствительно, развитіе пришло съ другой стороны, а ученическіе спектакли съ тѣхъ поръ уже никогда не достигали ни болѣе крупныхъ размѣровъ, ни бо́льшаго значенія, чѣмъ они, какъ было указано выше, имѣютъ въ настоящее время.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть о томъ театрѣ, который — какъ въ самыхъ примитивныхъ, такъ и въ совершеннѣйшихъ своихъ формахъ — способенъ удовлетворять влеченіе ребенка къ драматическому искусству, какъ въ смыслѣ самостоятельнаго творчества, такъ и въ смыслѣ потребности смотрѣть и наслаждаться. Я, разумѣется, говорю о Петрушкѣ и о театрѣ маріонетокъ. Эта игрушка, доступная и дѣтямъ менѣе зажиточныхъ людей, болѣе чѣмъ всякая другая, способна придать дѣтской игрѣ художественное значеніе — и даже, на своей высшей ступени, придать серьезности, требуемой искусствомъ, радостное веселье игры. Она не только служила источникомъ чистѣйшей радости для большинства дѣтей, но даже извѣстно, что кукольный театръ игралъ огромную роль въ жизни нашихъ величайшихъ художниковъ, что даже появленіемъ «Фауста» Гёте мы отчасти обязаны впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ кукольныхъ пред-

ставленій. Этой игрѣ, при которой ребенокъ, то руководитель, то участникъ, то хохочущій зритель, свойственна рѣдкая особенность: удовлетворять и въ то же время подстрекать къ дальнѣйшему развитію. Какъ часто ребенокъ впервые знакомится съ театромъ по театру Петрушки и получаетъ тамъ первыя театральныя впечатлѣнія, которыя будятъ въ немъ любопытство и влеченіе къ настоящему театру. А затѣмъ кукольный театръ опять-таки является прекраснымъ средствомъ, чтобы не дать заглохнуть впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ настоящаго театра и вызывающимъ въ душѣ ребенка столько новыхъ и разнообразныхъ образовъ, а также чтобы помочь собственному творчеству. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ кукольный театръ переросъ свою первоначальную форму дѣтской игрушки и странствующаго балаганчика на ярмаркахъ, базарахъ и народныхъ гуляньяхъ и прочно утвердилъ свое существованіе. Не только въ Италіи, гдѣ кукольный театръ издавна былъ прекраснымъ средствомъ для народнаго развлеченія, но и въ Парижѣ и Мюнхенѣ существуютъ постоянные кукольные театры, которые изъ года въ годъ привлекаютъ и взрослыхъ и дѣтей. При чемъ мюнхенскій театръ, со своимъ популярнымъ директоромъ, «папа Шмидтъ», давно сталъ даже приманкой для иностранцевъ.

Въ области кукольнаго театра у насъ существуетъ очень богатая литература, много дѣйствительно хорошихъ пьесъ, написанныхъ спеціально для кукольнаго театра. Да и въ наши дни Шницлеръ, Метерлинкъ и Гуго фонъ-Гофмансталь въ сущности предназначали нѣкоторыя изъ написанныхъ ими вещей для театра маріонетокъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о ребенкѣ, какъ зрителѣ. Прежде всего надо замѣтить, что богатаго выбора дѣтскихъ пьесъ, равносильнаго богатству литературы для кукольнаго театра, у насъ не имѣется. Если вспомнить, какимъ, почти неисчерпаемымъ сокровищемъ мы обладаемъ въ видѣ разсказовъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ, среди каковыхъ разсказовъ есть произведенія величайшей литературной цѣнности, то можно, пожалуй, удивиться недостатку у насъ «драмъ для болѣе зрѣлаго юношества». Но самая сущность драмы не допускаетъ поэтической обработки темъ, понятныхъ и доступныхъ дѣтско-

му уму. Однако все же нельзя не пожалѣть о недостаткѣ пьесъ, подходящихъ для различныхъ возрастовъ. Единственное, что у насъ есть, это много такъ называемыхъ дѣтскихъ комедій, цѣнность которыхъ большей частью очень невелика. Даже темы, положенныя въ основу этихъ комедій, заслуживали бы лучшей обработки. Самымъ лучшимъ въ этой области все еще остаются передѣлки извѣстныхъ сказокъ; изъ нихъ наибольшей любовью пользуются: «Спящая красавица», «Снѣгурочка», «Котъ въ сапогахъ», «Золушка», и нѣкоторыя другія сказки, правда, въ очень неважной обработкѣ Гёрнера.

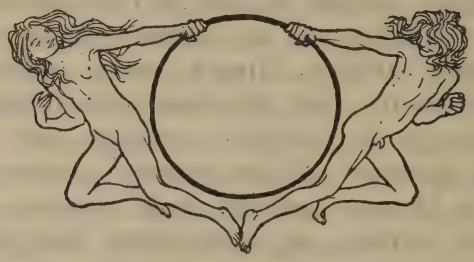
Здѣсь дѣти на каждомъ шагу встрѣчаютъ знакомые образы, о которыхъ они такъ часто слышали, и заманчивая прелесть увидѣть воочію то, что до тѣхъ поръ они видѣли лишь въ воображеніи или на картинкахъ, составляетъ для нихъ настоящее событіе. Кромѣ этихъ сказокъ большой любовью пользуются еще многочисленныя рождественскія комедіи, несмотря на обычную скудость ихъ содержанія. Правда, онѣ кроятся всѣ по одному шаблону, но образы богатаго и бѣднаго ребенка, фей, гномовъ и карликовъ всегда близки дѣтямъ, не вышедшимъ еще изъ возраста сказокъ.

Къ сожалѣнію этимъ и исчерпывается вся дѣтская драматическая литература, а между ней и обычнымъ репертуаромъ театровъ и оперъ зіяетъ значительная пустота. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно бываетъ выбрать изъ репертуара театровъ что-нибудь подходящее для болѣе взрослыхъ дѣтей, переросшихъ уже чисто дѣтскія пьесы. Считается, что дѣтей можно посылать на представленія классическихъ пьесъ, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Но это большое заблужденіе. Слишкомъ раннее знакомство съ лучшими произведеніями не менѣе опасно, чѣмъ знакомство съ плохими литературными произведеніями; и въ этомъ отчасти можетъ причина того общаго низкаго уровня вкуса, который замѣчается какъ въ литературныхъ, такъ и особенно въ театральныхъ дѣлахъ. Ибо, какъ однажды выразился Грильпарцеръ, театръ не школа для малолѣтнихъ.

Тутъ-то и замѣчается недостатокъ у насъ хорошихъ народныхъ пьесъ и хорошихъ комедій, между тѣмъ какъ наша оперная литература въ лицѣ такъ называемой комической

оперы (особенно оперъ Лорцинга) имѣетъ цѣлый рядъ пьесъ, для пониманія которыхъ не требуется особаго напряженія ума у дѣтей десяти-пятнадцатилѣтняго возраста.

Здѣсь, какъ и всюду, одно и то же не годится для всѣхъ. Пониманіе и способность воспріятія у дѣтей очень различны. Въ концѣ концовъ одна попытка еще ничему не повредитъ, и какая-нибудь подходящая пьеса время отъ времени найдется для каждаго ребенка и для каждаго возраста. А кромѣ того театръ вовсе не долженъ стать для ребенка обычнымъ, будничнымъ развлеченіемъ. Тѣмъ большимъ праздникомъ будетъ для него каждое посѣщеніе театра въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.



Ученическіе спектакли.

Лёвенфельда.

Изъ всѣхъ художественныхъ образовъ, воспринимаемыхъ человѣкомъ въ юношескіе годы, наибольшее впечатлѣніе окажутъ на него тѣ, которые путемъ зрѣнія и слуха дѣйствуютъ одновременно на его умъ и чувства. Поэтому драматическое искусство надо признать самымъ сильнымъ средствомъ художественнаго воспитанія. Дѣтскіе спектакли, какъ для малютокъ, такъ и для болѣе взрослыхъ дѣтей, устраивались всегда со времени основанія постояннаго театра, а въ частности съ тѣхъ поръ, какъ театральныя представленія вошли въ кругъ обычныхъ общественныхъ развлеченій. Но сознательныя попытки въ опредѣленномъ направленіи воздѣйствовать на фантазію ребенка путемъ ху-

дожественныхъ впечатлѣній, получаемыхъ имъ съ подмостковъ, были сдѣланы лишь за послѣднее время, въ связи съ общимъ стремленіемъ воспитать въ молодежи умѣнье наслаждаться искусствомъ и тѣмъ увеличить общую сумму радостей ея жизни.

Съ давнихъ поръ для маленькихъ дѣтей устраиваются представленія сказокъ, въ особенности на Рождество. Но всѣ эти пьесы, которыя даются въ дѣтскихъ спектакляхъ, по большей части никуда негодный хламъ, который производитъ нѣкоторое внѣшнее впечатлѣніе лишь благодаря мишурному блеску постановки. Это относится даже къ тѣмъ пьесамъ, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ лучшихъ сказокъ. Вся простота и безыскуственная поэзія сказокъ, наполняющихъ сердце ребенка радостью и сочувствіемъ, когда мать читаетъ ему вслухъ изъ книги съ картинками, пропадаетъ, какъ только безхитростное содержаніе ихъ переносится на театральные подмостки съ ихъ претенціозными требованіями. Все тамъ кажется чуждымъ, облеченнымъ въ неподходящую пышность. Сила задушевности теряется, остается лишь шумное воображеніе и волненіе, быть можетъ, даже вредное для физически еще не окрѣпшаго ребенка.

Если нельзя совсѣмъ забраковать весь этотъ ребяческій вздоръ рождественскихъ сказокъ, какъ того требуютъ серьезныя задачи воспитанія народа, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, лишить театральныхъ предпринимателей и родителей возможности выдавать эти спектакли для малютокъ за что-либо иное, чѣмъ за нелѣпую модную игрушку, не имѣющую ничего, — абсолютно ничего общаго съ воспитаніемъ ребенка.

Совсѣмъ иначе надо оцѣнить значеніе спектаклей для болѣе зрѣлыхъ дѣтей, въ возрастѣ приблизительно отъ 12 до 14 лѣтъ, т.-е. дѣтей, вооруженныхъ извѣстной суммой знаній и представленій, и способныхъ къ воспріятію болѣе цѣнныхъ художественныхъ твореній. Ребенокъ, который на урокахъ исторіи уже познакомился съ великими событіями прошлаго; который умѣетъ сознательно относиться къ окружающимъ его людямъ, къ учителямъ, товарищамъ, а также къ событіямъ повседневной жизни, который главнымъ образомъ уже съ пользой и наслажденіемъ для себя читаетъ

художественныя произведенія, такой ребенокъ получитъ отъ представленія драмы, поставленной на сценѣ съ помощью всѣхъ богатыхъ средствъ, которыми располагаетъ театръ, впечатлѣніе ни съ чѣмъ не сравнимое по силѣ. Первое посѣщеніе театра должно на каждаго нормальнаго ребенка оказать необыкновенно сильное дѣйствіе, предполагая, конечно, что пьеса, которая ставится, имѣетъ художественную цѣнность и понятна ребенку, а въ ребенкѣ—наличность зрѣлой воспріимчивости соотвѣтствующаго возраста. То, что ребенокъ читалъ, снова встаетъ передъ нимъ, встаетъ во всемъ ореолѣ жизни, въ яркихъ краскахъ, въ свѣтѣ и блескѣ, какъ до сихъ поръ онъ видѣлъ лишь предметы дѣйствительной жизни. Люди прошедшихъ временъ говорятъ передъ нимъ возвышеннымъ слогомъ поэта, глубокія чувства будятъ откликъ въ его дѣтской душѣ, возвышенныя мысли, какихъ не знаетъ повседневная жизнь, заставляютъ работать его умъ. Благородная форма рѣчи, отличіе которой отъ обыкновенной уже было замѣчено имъ при чтеніи, звучитъ въ его ушахъ невѣдомой гармоніей, теперь, когда слова поэта произносятся актеромъ со всѣмъ искусствомъ декламаціи. Какое богатство онъ обрѣтаетъ въ этотъ часъ! Когда ребенокъ затѣмъ снова прочтетъ драматическое произведеніе какого-нибудь великаго писателя, онъ будетъ видѣть мужчинъ и женщинъ, великихъ и малыхъ, хорошихъ и дурныхъ, пылкихъ и разсудительныхъ; онъ будетъ способенъ собственнымъ воображеніемъ возсоздать мѣсто дѣйствія; онъ безсознательно будетъ придавать рѣчи ту выразительность, которая произвела такое сильное впечатлѣніе на его душу; однимъ словомъ, онъ пріобрѣтаетъ то высшее пониманіе художественнаго произведенія, которое является порукой полнаго эстетическаго наслажденія.

Такимъ образомъ посѣщеніе подростками театра станетъ событіемъ въ ихъ жизни.

Ребенокъ, который въ надлежащемъ возрастѣ надлежащимъ образомъ воспринялъ великое произведеніе поэта, съ одной стороны захочетъ возможно чаще получать столь высокое наслажденіе, а съ другой—пріобрѣтетъ мѣрило для отрицательнаго отношенія къ болѣе грубымъ развлеченіямъ. Въ положительномъ результатѣ этого перваго глубокаго впечатлѣнія лежитъ исходная точка для дальнѣйшаго

духовнаго развитія и для увеличенія суммы радостей его жизни. Отрицательный же результатъ имѣетъ неоцѣнимое значеніе для нравственнаго совершенствованія.

Каждому ребенку слѣдовало бы дать возможность пережить такое сценическое впечатлѣніе, являющееся событіемъ въ жизни. Относительно сыновей и дочерей зажиточныхъ родителей не трудно устроить, чтобы они въ указанномъ возрастѣ могли присутствовать на театральномъ представленіи. Наоборотъ, они скорѣе видятъ слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало, и это безусловно вредно. Чѣмъ мы пользуемся часто, то уже воспринимается нами не съ такимъ удовольствіемъ. Впечатлѣніе ослабѣваетъ, интересъ и охота уменьшаются. Зажиточные родители, у которыхъ число посѣщеній театра не ограничивается матеріальными соображеніями, должны бы изъ высшихъ соображеній рѣже доставлять дѣтямъ это удовольствіе, и всегда предварительно взвѣсить, соотвѣтствуетъ ли данная пьеса развитію юнаго зрителя; ибо посѣщеніе театра дѣйствуетъ развивающимъ образомъ не само по себѣ, а лишь при наличности извѣстныхъ условій.

Но зажиточныхъ дѣтей мало; огромное же большинство всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ не можетъ разсчитывать на то, чтобы родители свели ихъ въ театръ. Здѣсь должны явиться на помощь приверженцы художественнаго воспитанія, общества, работающія въ этомъ направленіи, а главнымъ образомъ, органы самоуправленія.

Посѣщеніе дѣтьми театра должно быть связано съ посѣщеніемъ школы и стать безплатнымъ; спектакли для учащихся должны сдѣлаться постоянно дѣйствующими установленіями. Съ тѣхъ поръ, какъ народныя школы включили въ свою программу чтеніе произведеній нѣмецкихъ авторовъ, а въ списокъ послѣднихъ вошли и лучшія драматическія вещи нашихъ писателей, сама собой подсказывается необходимость дополнить это школьное чтеніе спектаклями для учащихся. Вездѣ, гдѣ это возможно (а гдѣ же это не возможно при современныхъ путяхъ сообщенія?) наши городскія самоуправленія должны бы, на ряду съ безплатнымъ обученіемъ въ народныхъ школахъ, ввести также безплатные спектакли для учащихся. Войти въ соглашеніе съ театральными предпринимателями было бы не трудно; а го-

рода, которые сами содержатъ театръ, безъ затрудненія смогутъ вмѣнить устройство спектаклей для учащихся антрепренеромъ въ обязанность. Такимъ образомъ разрѣшается самый трудный вопросъ: на какія средства устраивать спектакли для учениковъ народныхъ школъ? Далеко не такъ легко рѣшить педагогическіе вопросы, возникающіе въ связи съ этимъ нововведеніемъ въ школьной практикѣ. Какіе классы должны присутствовать на ученическихъ спектакляхъ? Изъ взаимоотношенія между школьнымъ чтеніемъ и этими спектаклями вытекаетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: кто достаточно развитъ, чтобы читать драматическое произведеніе, тотъ вполнѣ можетъ, и даже съ большимъ пониманіемъ, чѣмъ при чтеніи, воспринять его съ подмостковъ. Болѣе юнымъ ученикамъ, которые еще не дошли до чтенія драматическихъ произведеній, сцена не скажетъ ничего или же скажетъ не то, что надо. Такимъ образомъ, ученическіе спектакли, какъ дополненіе къ школьному чтенію, были бы желательны только для учениковъ старшаго класса нашихъ народныхъ школъ.

А такъ какъ надо признать, что при современной постановкѣ нашихъ народныхъ училищъ школа успѣваетъ знакомить дѣтей только съ однимъ драматическимъ произведеніемъ, то постановка только одной этой пьесы и будетъ намъ нужна. Слѣдовательно: одинъ спектакль въ годъ для всѣхъ учениковъ старшаго класса. Гдѣ число учениковъ слишкомъ велико, какъ, напримѣръ, въ нашихъ большихъ городахъ, спектакль надо повторять нѣсколько разъ, такъ чтобы всѣ ученики могли увидѣть одну и ту же пьесу. Въ противномъ случаѣ можно съ увѣренностью разсчитывать, что одни будутъ думать, будто другіе видѣли нѣчто лучшее и болѣе красивое, чѣмъ они. А какая пьеса, или какія пьесы, годятся для ученическихъ спектаклей?

На основаніи всего вышесказаннаго отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ вопросомъ: какая изъ нѣмецкихъ драмъ наиболѣе годится для чтенія въ школѣ?

Число произведеній, годныхъ какъ для чтенія, такъ и для постановки на сценѣ, очень ограничено. Среди твореній Лессинга, Гёте, Шиллера, Клейста, Грилльпарцера и Геббеля найдется очень мало вещей, отвѣчающихъ тѣмъ

спеціальнымъ требованіямъ, которыя рѣшаютъ выборъ. Число произведеній, которыя даже хорошій ученикъ старшаго класса нашихъ народныхъ школъ можетъ прочесть съ пониманіемъ и наслажденіемъ, необыкновенно мало. Въ концѣ концовъ оно ограничивается немногими драмами Шиллера и по одной драмѣ Лессинга и Гёте, а именно, приблизительно: «Вильгельмомъ Теллемъ», «Орлеанской дѣвой», «Минной фонъ Барнхельмъ» и «Гётцемъ фонъ Берлихингенъ».

Все, что выходитъ за предѣлы этихъ четырехъ вещей, требуетъ бо́льшей подготовки, чѣмъ дается нашей народной школой, и большей зрѣлости лѣтъ, чѣмъ у учениковъ старшаго класса этихъ школъ.

Въ обществѣ ученическихъ спектаклей въ Германіи уже есть нѣкоторый опытъ. Въ Гамбургѣ союзъ учителей съ необыкновеннымъ рвеніемъ и очень умѣло устроилъ въ городскомъ театрѣ нѣсколько ученическихъ спектаклей. Такъ какъ общественныхъ средствъ для этой цѣли не было, то помогла щедрость одного благожелателя, и ученики и ученицы въ разные годы увидѣли на сценѣ: «Вильгельма Телля» и «Орлеанскую дѣву» Шекспира и «Минну фонъ Барнхельмъ» Лессинга. Затѣмъ дѣтямъ было предложено устно и письменно описать свои впечатлѣнія, и на совѣщаніи устроителей тщательно обсуждали, насколько каждая изъ этихъ пьесъ годится для ученическихъ спектаклей. Только «Вильгельмъ Телль» единогласно былъ признанъ подходящимъ. Относительно «Орлеанской дѣвы» было высказано легкое сомнѣніе, а противъ «Минны фонъ Барнхельмъ» съ разныхъ сторонъ были подняты уже болѣе серьезныя возраженія.

Примѣру Гамбурга послѣдовалъ союзъ учителей Бремена. И въ Бременѣ также не было общественныхъ средствъ, но и тамъ нашелся другъ народа, который далъ возможность осуществить предпріятіе.

Въ Берлинѣ «Шиллеръ-театръ» съ давнихъ поръ выступилъ поборникомъ идеи устройства спектаклей для учениковъ народныхъ школъ и, къ счастью, нашелъ поддержку своимъ планамъ среди вліятельныхъ членовъ магистратуры города Берлина и въ городскомъ училищномъ совѣтѣ Шарлоттенбурга. Вотъ уже пять лѣтъ какъ «Шиллеръ-театръ» ежегодно устраиваетъ десять спектаклей, въ общей слож-

ности для 12.000 учениковъ и ученицъ городскихъ школъ. Дѣтямъ посѣщеніе театровъ ничего не стоитъ. Они получаютъ мѣсто, программу, украшенную хорошенькими картинками, и могутъ даже безплатно отдавать на храненіе верхнее платье и шляпы. Плату за посѣщеніе театра 12.000 воспитанниками старшаго класса городскихъ училищъ вноситъ городъ Берлинъ, пользуясь для этого фондомъ, проценты съ котораго назначены на общеполезныя и художественныя цѣли.

А городъ Шарлоттенбургъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ: онъ зачислилъ расходы по ученическимъ спектаклямъ въ свой ежегодный бюджетъ, а именно 840 марокъ за два спектакля на 1200 учениковъ каждый.

«Шиллеръ-театръ», работая рука объ руку съ городскими школьными властями, тоже поставилъ въ теченіе этихъ пяти лѣтъ четыре различныя пьесы: «Вильгельма Телля», «Орлеанскую дѣву», «Минну фонъ Барнхельмъ» и «Марію Стюартъ».

Эти спектакли всецѣло подтвердили взглядъ гамбургскихъ учителей, и тщательное наблюденіе надъ дѣтьми неопровержимо доказало, что «Марія Стюартъ» для нихъ почти совсѣмъ непонятна, а въ «Миннѣ фонъ Барнхельмъ» обѣ центральныя фигуры и основная часть содержанія, основаннаго на благородныхъ чувствахъ Телльхейма и Минны, были поняты ими менѣе, чѣмъ грубоватыя шутки Юста. И въ «Орлеанской дѣвѣ» кое-что осталось для нихъ неяснымъ, пожалуй, самая основа, самая суть драмы. Совсѣмъ, такъ сказать, безъ остатка былъ ими воспринятъ только «Вильгельмъ Телль». Этотъ опытъ указываетъ намъ путь, по которому намъ слѣдовало бы итти. Города должны бы признать спектакли для учащихся необходимымъ дополненіемъ школьнаго чтенія. Имъ слѣдовало бы ассигновать необходимыя средства на то, чтобы разъ въ годъ водить всѣхъ учениковъ старшаго класса всѣхъ пригородныхъ школъ въ театръ на представленіе подходящей пьесы, а въ выборѣ этой пьесы (а слѣдовательно и матеріала для чтенія въ школѣ) руководствоваться исключительно мыслью, чтобы прочитанная и представленная драма была совсѣмъ понятна ученику и доставила ему такимъ образомъ полное эстетическое наслажденіе.

Дѣтское чтеніе.

Генриха Вольгаста.

Гдѣ серьезно обсуждали вліяніе чтенія на ребенка, тамъ всегда выяснялось, что книги могутъ вліять на развитіе дѣтей благопріятнымъ или неблагопріятнымъ образомъ. Но въ семьѣ, по большей части, еще не считаются съ такимъ взглядомъ на значеніе чтенія. Книги часто ставятся на одну доску съ игрушками, и отъ тѣхъ и другихъ требуютъ лишь, чтобы онѣ забавляли. Большинству родителей совершенно безразлично, что именно ребенокъ читаетъ, лишь бы онъ читалъ, и такимъ образомъ проводилъ время тихо, смирно, безъ шалостей. Первыя сомнѣнія возникаютъ только въ томъ случаѣ, когда можетъ зайти рѣчь объ эротической литературѣ. Но въ этомъ сказывается безсознательно признаніе за книгой того глубокаго вліянія, которое, обыкновенно, какъ будто отрицается.

Для педагога такое вліяніе книги несомнѣнно. У Гердера эта мысль вылилась въ сильную форму: «Книга часто на всю жизнь создавала или портила человѣка». Въ автобіографіи мы находимъ многочисленныя свидѣтельства, доказывающія вліяніе дѣтской литературы. И если педагогамъ нерѣдко возражаютъ: «мы сами въ молодости безъ вреда для себя читали явную дрянь», то сужденія эти по большей части исходятъ отъ людей, которые, благодаря хорошимъ

природнымъ задаткамъ или хорошему школьному образованію, направившему ихъ помыслы на великое и сильное, сумѣли затѣмъ исправить или, по крайней мѣрѣ, скрыть вредъ, принесенный этимъ чтеніемъ. Кто можетъ съ достовѣрностью опредѣлить позже, сколько превратныхъ понятій и дисгармоній, оставшихся отъ плохихъ дѣтскихъ книгъ, онъ безсознательно еще носитъ въ себѣ? А всѣ тѣ, кого природные задатки и образованіе не возвысили надъ уровнемъ плохихъ книгъ, безусловно сохраняютъ вошедшія въ привычку формы мышленія и ощущеній. Этимъ объясняется, почему бульварная литература и ничего не стоящая беллетристика находятъ такой огромный сбытъ среди взрослыхъ читателей. Книги, прочитанныя въ дѣтствѣ, впервые толкнули на этотъ наклонный путь, и никакія побужденія, ни внутреннія, ни внѣшнія, не заставили свернуть съ него.

Требованія, предъявляемыя къ дѣтскимъ книгамъ, опредѣляются цѣлью, которая ставится дѣтскому чтенію. Спрашивается: доступно ли чтеніе исключительно ради забавы? Въ рамкахъ сознательно и обдуманно ведущагося воспитанія безусловно нѣтъ. Игра и работа—вотъ виды дѣтскихъ занятій, соотвѣтствующія природѣ ребенка. Даже въ тѣсныхъ квартиркахъ большихъ городовъ можно такъ разнообразить эти важные факторы дѣтской жизни, что у ребенка не останется свободнаго времени, которое надо было бы убивать чтеніемъ въ качествѣ забавы. А свирѣпствующую среди дѣтей въ извѣстномъ возрастѣ неумѣренную страсть къ чтенію слѣдуетъ избѣгать, и вполнѣ возможно избѣгнуть. Такая страсть къ чтенію есть просто страсть къ содержанію, къ сюжетамъ, облеченнымъ въ форму литературныхъ произведеній. Но сама эта форма существуетъ для ребенка, глотающаго книги, лишь затѣмъ, чтобы облегчить ему поглощеніе содержанія. И такого же принципа держится большая часть дѣтскихъ книгъ; осуществляетъ же его такъ, что отъ этого проигрываютъ какъ форма, такъ и содержаніе.

Въ зависимости отъ цѣли, которой онѣ служатъ, дѣтскія книги раздѣляются на поучительныя и на книги для развлеченія. Слово «развлеченіе» совершенно справедливо впало въ немилость, а кромѣ того, развлеченіе, преподносимое

въ формѣ книгъ, повидимому, совсѣмъ не подходитъ ребенку. Поэтому вторую группу книгъ, на основаніи формы изложенія, за послѣднее время называютъ художественной дѣтской литературой. Если книги первой группы имѣютъ цѣлью поученіе, то цѣлью художественной дѣтской литературы, т.-е. прежде всего сказокъ, былинъ и повѣстей, является цѣль, общая всѣмъ произведеніямъ искусства, а именно: доставить наслажденіе. Если на основаніи нравственныхъ и общекультурныхъ принциповъ требуютъ, чтобы взрослые искали свои наслажденія въ благородной и возвышенной сферѣ, то по отношенію къ дѣтямъ сюда присоединяются еще воспитательныя соображенія. Конечно художественная дѣтская литература ужъ по самому своему свойству должна доставлять дѣтямъ наслажденіе; но это наслажденіе не только не должно вредить цѣлямъ воспитанія, а должно, наоборотъ, содѣйствовать имъ. Нужно воспитывать ребенка такъ, чтобы, ставши взрослымъ, онъ любилъ хорошую литературу. Пріобщеніе къ родной литературѣ—вотъ цѣль, а матеріалъ для чтенія долженъ быть подобранъ такимъ образомъ, чтобы каждый ребенокъ по мѣрѣ своихъ силъ достигалъ этой цѣли. Не слѣдуетъ ложно понимать это требованіе. Не о литературномъ образованіи, въ школьномъ смыслѣ этого слова, идетъ рѣчь; знаніе исторіи литературы, а тѣмъ болѣе знаніе изящной словесности, и эстетическое пониманіе художественнаго произведенія не можетъ быть цѣлью для всѣхъ (кого ведутъ по этому пути, природная способность или склонность, или же школа — тотъ пусть и идетъ по немъ); для массы рѣчь можетъ итти лишь о пріобрѣтеніи правильнаго чутья къ распознаванію истинно художественныхъ произведеній, о томъ, чтобы цѣнныя литературныя произведенія доставляли безсознательное удовольствіе.

Какъ достичь этой цѣли? Что природные задатки имѣютъ здѣсь большое значеніе, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кромѣ того, въ семьяхъ, гдѣ интересуются литературой, нѣкоторую роль въ указаніи ребенку правильнаго пути играетъ своего рода внушеніе. Но самымъ главнымъ средствомъ, которымъ располагаетъ воспитаніе для достиженія данной цѣли, является привычка, которая вообще имѣетъ рѣшающее значеніе во всѣхъ вопросахъ вкуса. Благодаря про-

должительному чтенію книгъ извѣстнаго рода, прежде всего вырабатывается предпочтеніе къ опредѣленному содержанію. Литературная форма, въ которой преподносится это содержаніе, и въ которой читатель воспринимаетъ его, при частомъ повтореніи приводитъ умъ въ состояніе, благопріятствующее воспріятію содержанія именно въ этой формѣ. Иными словами: по отношенію къ формѣ поэтическихъ произведеній въ умѣ читателя безсознательно создается извѣстный критерій, подъ который и подводится для сравненія все, что читается въ дальнѣйшемъ, т.-е. послѣднее или воспринимается съ удовольствіемъ, какъ отвѣчающее ожиданіямъ, или же отвергается, какъ неудобный и неподходящій матеріалъ. Плохія книги устанавливаютъ ложные критеріи, которые дѣйствуютъ тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ болѣе ребенокъ предоставленъ самому себѣ въ выборѣ своего чтенія. Этимъ объясняется, почему дѣти, поглотившія много пустыхъ, ничтожныхъ книгъ, лишь съ трудомъ могутъ затѣмъ подойти къ хорошей литературѣ. Вездѣ и всюду среди педагоговъ установился принципъ, что дѣтскія книги литературнаго содержанія должны быть художественными произведеніями. Этимъ отвергается, какъ неподходящее для нашей цѣли, т.-е. для воспитанія въ дѣтяхъ умѣнья наслаждаться художественными произведеніями, огромное большинство книгъ, написанныхъ спеціально для дѣтей (такъ называемая спеціально дѣтская литература).

Къ обычнымъ дѣтскимъ книгамъ въ литературѣ никогда не относились серьезно, да и сами онѣ никогда не заявляли претензій на оцѣнку ихъ въ качествѣ художественныхъ произведеній. Такимъ образомъ должно было создаться то пагубное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе, что изъ-подъ пера незваныхъ авторовъ въ огромномъ количествѣ выходила дѣтская литература, на которую серьезная литературная критика не обращала никакого вниманія и которую ни одинъ взрослый не читалъ, даже со своими дѣтьми. Но что взрослый не можетъ прочесть съ интересомъ, того и дѣти не должны читать. По отношенію къ ребенку и въ этихъ предѣлахъ, устанавливаемыхъ литературными качествами, разумѣется, выступаетъ еще одно важное ограниченіе.

Книга должна соотвѣтствовать духовному міру ребенка; она должна быть дѣтской. При этомъ рѣшающее слово

принадлежитъ фабулѣ, содержанію, оно не должно выходить изъ круга дѣтскихъ интересовъ. У взрослаго, поскольку онъ обладаетъ литературнымъ вкусомъ, интересъ къ книгѣ прежде всего опредѣляется изложеніемъ, содержаніе же оступаетъ на второй планъ. У ребенка весь интересъ сосредоточенъ на содержаніи. Этотъ фактъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при выборѣ книгъ для чтенія. Интересъ къ содержанію увлекаетъ ребенка даже при болѣе трудномъ изложеніи; онъ приковываетъ ребенка къ книгѣ, даже когда не все въ ней ему понятно. Содержаніе, въ качествѣ темы, въ значительной степени обусловливаетъ форму, когда находится въ рукахъ настоящаго художника. Писака же обрабатываетъ темы по шаблону, а когда пишетъ для юношества, этотъ шаблонъ несетъ на себѣ отпечатокъ всѣхъ тѣхъ педагогическихъ мѣръ воздѣйствія, которыя вульгарный взглядъ на воспитаніе разъ навсегда считаетъ необходимыми: образецъ для подражанія и отпугивающій примѣръ, награда и наказаніе, нравоученіе и умиленіе. Большая часть дѣтскихъ книгъ явно и сознательно тенденціозныя произведенія. Юношество сноситъ и ихъ, но оно не затрогиваетъ его духовной жизни. Духовная жизнь ребенка—фантазія. Поэтому ребенокъ и поэтъ чаще понимаютъ другъ друга, чѣмъ это склонны признавать. У того и другого есть нѣчто общее въ манерѣ воспринимать, и это облегчаетъ взаимное отношеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе книги доступно ребенку. Лишнее доказательство, что ребенка надо ввѣрять художникамъ-поэтамъ, а не писакамъ, которые только портятъ природное эстетическое чувство и пониманіе.

Съ книгами поучительнаго содержанія дѣло гораздо легче. Опасность испортить вкусъ ребенка тамъ не такъ велика, и тамъ не такъ легко обезцѣнить содержаніе путемъ неумѣлаго обращенія съ матеріаломъ. Если ученый спеціалистъ обладаетъ даромъ популярнаго изложенія, онъ самъ является лучшимъ писателемъ для дѣтей, ибо во всякомъ случаѣ знаетъ свои обязанности передъ наукой. Отъ него прежде всего можно ждать объективной правильности передачи. Ибо, какъ въ книгахъ литературнаго содержанія прежде всего надо смотрѣть на ихъ художественную цѣнность, такъ въ поучительныхъ — на ихъ научную непо-

грѣшимость. И нѣмецкіе ученые — какъ это уже раньше нихъ сдѣлали англійскіе — все больше идутъ навстрѣчу потребности въ научно-популярныхъ дѣтскихъ книгахъ. Вопросъ только въ томъ, какъ относятся дѣти къ этимъ книгамъ? Опытъ показываетъ, что только часть дѣтей склонна читать научно-популярныя книги. Только тамъ, гдѣ самъ по себѣ существуетъ сильный научный интересъ въ какомъ-либо направленіи, молодежь охотно берется за эти книги. Большинство же ищетъ въ книгахъ пищи для фантазіи и придерживается одной беллетристики. Трудно сказать, насколько въ этомъ виновата природная организація, насколько недостаточное обученіе естественнымъ наукамъ и насколько, наконецъ, ложно направленная, благодаря плохимъ книгамъ, страсть къ чтенію. Безусловно, всѣ три причины оказываютъ свое дѣйствіе, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдовало бы разобрать, какая именно изъ нихъ дѣйствуетъ на даннаго ребенка. Ибо несомнѣнно, что въ наше время очень желательно участіе всѣхъ въ прогрессѣ научной политической и экономической жизни, и гдѣ только нѣтъ полнаго отсутствія соотвѣтствующихъ природныхъ способностей, слѣдовало бы научить ребенка читать научно-популярныя книги и пріохотить его къ такому чтенію. Относительно пользы для научнаго образованія историческихъ повѣстей, а также романовъ, гдѣ описываются путешествія, и естественно-научныхъ фантазій — мнѣнія расходятся. Что изъ чтенія историческихъ романовъ, когда они написаны такими историками, какъ Густавъ Фрейтагъ, можно пріобрѣсти нѣкоторыя историческія познанія и пониманіе исторіи, — это вполнѣ допустимо; и конечно, кто читалъ «Предковъ» («Die Ahnen») Густава Фрейтага, тотъ будетъ лучше судить объ историческихъ событіяхъ, чѣмъ человѣкъ, абсолютно незнакомый съ исторіей. Но главное дѣло въ томъ, способно ли такого рода чтеніе настолько возбудить научный интересъ, чтобы ребенокъ послѣ этого принялся за чтеніе поучительныхъ книгъ. Опять-таки все здѣсь рѣшается духовной особенностью ребенка. У насъ имѣются доказательства и положительнаго, и отрицательнаго результата.

Этимъ мы высказали самыя общія положенія, съ которыми согласятся тѣмъ скорѣе и охотнѣе, чѣмъ выше будутъ цѣнить воспитательное значеніе науки и искусствъ.

Трудность начинается, когда въ этихъ общихъ рамкахъ приходится рѣшать вопросъ по отношенію къ частнымъ случаямъ. Прежде всего распредѣленіе книгъ по возрастамъ. Для насъ понятія «дѣтство» и «дѣти» охватываютъ кромѣ школьнаго возраста также и дошкольный, когда уста матери замѣняютъ книгу, и ту окончившую школу молодежь, которая вслѣдствіе своей незрѣлости и низкаго уровня образованія еще нуждается въ руководителѣ. «Умѣнье читать», въ высшемъ значеніи этого слова, развивается очень различно. Одинъ ребенокъ достигаетъ зрѣлости, необходимой для извѣстной книги, на много лѣтъ раньше, чѣмъ другой. Поэтому для семьи вопросъ всегда въ томъ: что подходитъ для нашего ребенка? Отвѣтить на этотъ вопросъ столь же трудно, сколько и интересно. Потому что для этого надо принять въ соображеніе не только общую способность къ воспріятію, но и индивидуальную склонность. Современное воспитаніе хочетъ въ значительно бо́льшей степени, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, руководствоваться въ своихъ мѣропріятіяхъ природными способностями и склонностями ребенка. Особенно относится это къ чтенію. При чтеніи душа должна сама какъ бы выпускать свои щупальцы и впитывать ту пищу, которая подходитъ для организма. Въ этой области раньше всего будетъ признано право на автодидактическую свободу выбора — разумѣется въ предѣлахъ книгъ, противъ которыхъ ничего нельзя возразить ни съ литературной, ни съ педагогической точки зрѣнія.

Пытаясь въ общихъ чертахъ набросать программу чтенія, мы прежде всего должны помнить, что первенство, какъ это вытекаетъ изъ природы ребенка, принадлежитъ книгамъ литературнаго содержанія. За научно-популярныя книги многія дѣти возьмутся лишь поздно — или даже никогда не возьмутся; литературное же чтеніе часто начинается съ самыхъ раннихъ лѣтъ и лишь рѣдко прекращается совершенно. Большое значеніе имѣютъ для малютокъ дѣтскіе стишки. Но они все болѣе теряютъ характеръ народной поэзіи, воскресающей въ устахъ матерей. Поэтому на помощь памяти должны прійти сборники дѣтскихъ стишковъ. Обладая звучностью и ритмомъ, эти стишки одушевляютъ окружающій ребенка внѣшній

міръ и заключаютъ въ себѣ элементы лирической, эпической и драматической поэзіи. Забота о развитіи этихъ стишковъ должна бы быть дѣломъ, близко касающимся каждой матери, да и школа все болѣе приходитъ къ убѣжденію, что такими стишками слѣдовало бы замѣнить безсмысленныя рифмованныя строчки, помѣщаемыя въ первыхъ послѣ азбуки книгахъ для чтенія. Въ качествѣ дѣтскихъ пѣсенокъ и пѣсенъ при играхъ эти стишки сопровождаютъ ребенка далеко черезъ порогъ школы и подготовляютъ почву для балладъ и наивной лирики нашихъ старшихъ учениковъ.

Очень скоро къ дѣтскимъ стишкамъ присоединяются сказки. Сначала ихъ разсказываетъ мать, затѣмъ — книга. Въ лицѣ сказокъ Гримма наша литература обладаетъ неоцѣнимымъ сокровищемъ; слѣдовало бы, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ фантазія ребенка вращалась исключительно среди этихъ сокровищъ. Это не только даетъ твердую основу для развитія литературнаго вкуса, но болѣе чѣмъ что бы то ни было обогащаетъ сокровищницу рѣчи. Сказки — неизсякающій источникъ молодости. Слѣдовало бы по возможности дольше пользоваться ихъ живительной силой для сохраненія наивнаго поэтическаго чувства, не зараженнаго еще резонерствомъ и критикой.

Наша сказочная литература представляетъ много различныхъ ступеней, доходящихъ и до болѣе зрѣлаго возраста. Къ Гримму присоединяется Бекштейнъ. Затѣмъ вскорѣ могутъ послѣдовать избранныя сказки Андерсена. Прекрасный сборникъ сказокъ; въ должной степени надо оцѣнить и Гауфа.

Серьезная сестра прелестной сказки — легенда — выступаетъ на сцену, какъ только ребенокъ немного знакомится съ различными мѣстностями или историческими событіями, къ которымъ относятся легенды. Каждый городъ, каждая область должна бы поручить умѣлой и любящей рукѣ составить изъ мѣстныхъ легендъ избранный сборникъ для юношества. Къ мѣстнымъ легендамъ присоединяются народныя и общенаціональныя легенды, а также пересказъ въ прозѣ народнаго эпоса.

Послѣ влеченія къ сказочному и героическому, которому отвѣчаетъ чтеніе сказокъ и легендъ, слѣдуетъ влеченіе къ приключеніямъ и къ отдаленнымъ странамъ, и под-

ходящимъ матеріаломъ для чтенія является тогда «Робинзонъ», къ которому, въ случаѣ необходимости, можно прибавить и Купера. Тутъ развитіе ребенка дошло до того пункта, гдѣ твердой рукой надо провести корабль мимо первой опасной подводной скалы. Книжный рынокъ, публичныя библіотеки, товарищи, дяди и тетки вперегонки другъ передъ другомъ спѣшатъ предложить мальчику книги объ индѣйцахъ въ видѣ ли дешевыхъ изданій за 10 пфенниговъ, или книгъ въ роскошныхъ переплетахъ, цѣною въ 6—9 марокъ. Пусть ребенокъ, если хочетъ, читаетъ Робинзона и Купера столько разъ, пока не выучитъ ихъ наизусть — чѣмъ чаще онъ будетъ перечитывать ихъ, тѣмъ больше отыщетъ въ нихъ художественныхъ красотъ. Но всякія дальнѣйшія книги такого рода, литературное достоинство которыхъ не выходитъ за предѣлы занимательности описываемыхъ въ нихъ приключеній, развиваютъ лишь страсть къ фабулѣ, а иногда и страсть къ приключеніямъ, и портятъ литературный вкусъ.

Позднѣе опытъ, ученіе и чтеніе настолько развиваютъ пониманіе у ребенка, что ему становится доступна современная литература (книга современной повѣсти). Здѣсь сейчасъ же является вторая подводная скала. Въ дѣтской литературѣ наравнѣ съ книгами, описывающими различныя приключенія, расплодилось такое множество разсказовъ и повѣстей для юношества и являются они на рынокъ подъ такой солидной, почтенной внѣшностью, что не легко предохранить отъ нихъ дѣтей. Но надо быть безпощаднымъ. Художественная литература предлагаетъ намъ для даннаго возраста такой обильный и разнообразный матеріалъ, что съ дѣтьми, которыя даже много читаютъ, никогда не будешь въ затрудненіи. Правда, всѣ писатели индивидуальны; ихъ произведенія не будутъ одинаково годиться для всѣхъ дѣтей, какъ это бываетъ съ обычной дѣтской беллетристикой, лишенной всякой индивидуальной окраски.

На этой ступени чтенія можно съ успѣхомъ прибавить къ повѣстямъ еще двѣ группы книгъ: разсказы о животныхъ и разсказы о родинѣ. У ребенка существуетъ ярко выраженная любовь къ животнымъ. Уже на первой ступени чтенія—въ періодъ чтенія сказокъ—можно использовать эту склонность, давая читать сказки и ле-

генды о животныхъ, а также басни. Позже, разсказы о животныхъ, какъ, напримѣръ, разсказы Маріи Эбнеръ-Эшенбахъ, Бьернсона, Томпсона, Киплинга, еще усиливаютъ этотъ интересъ, пока онъ въ дальнѣйшемъ не приводитъ къ чтенію естественно-научныхъ книгъ. «Книги о родинѣ» слѣдовало бы разыскать или создать для каждаго города, для каждой мѣстности, гдѣ ихъ еще нѣтъ.

Описаніе жизни родины въ художественномъ или по крайней мѣрѣ литературномъ изложеніи цѣнно какъ для воспитанія вообще, такъ въ особенности и для литературнаго воспитанія. Что ребенокъ видитъ собственными глазами, на то онъ научается смотрѣть взглядомъ тоньше организованныхъ и глубже чувствующихъ людей. И въ его литературныя ощущенія входитъ нѣкоторая реалистическая подкладка; онъ научается цѣнить въ каждомъ искусствѣ реальную правду, и его вкусъ получаетъ здравую основу. Художественное изображеніе нашихъ соотечественниковъ, по возможности жителей нашей «родины», въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, имѣетъ огромное художественно-педагогическое значеніе. Сравненіе между дѣйствительностью, какъ она представляется собственному взору, и художественной правдой книги обостряетъ взглядъ и сужденіе, особенно для психологическаго пониманія человѣка и художественныхъ произведеній.

Мѣстныя народныя особенности находятъ свое самое непосредственное выраженіе въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ перестали бояться, что діалектъ можетъ испортить чистую нѣмецкую рѣчь ребенка, въ школьныхъ хрестоматіяхъ начали помѣщать и произведенія на мѣстномъ нарѣчіи. И въ дѣтской литературѣ также уже положено многообѣщающее начало, хотя пока еще только на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи (Platt deutsch) *). Одно только опасно при чтеніи вещей, написанныхъ на діалектѣ: хорошее ихъ вліяніе можетъ уничтожиться тѣмъ, что будутъ читать, главнымъ образомъ, смѣшные или грубовато-юмористическіе разсказы, для которыхъ охотно пользуются мѣстными нарѣчіями.

---

*) Fehrs, „Ut Ilenbeck“; Groth Min Modersprack“, въ которой помѣщены его стихи, и „Min Jusparadis“. Reuter „Ut den Franzosentid“. Brinkmann. Kasper Ohm und ick.

Въ переходномъ возрастѣ способность воспріятія у ребенка необыкновенно возрастаетъ. Въ душѣ его возникаетъ новый міръ чувствъ и ощущеній. Наступаетъ второй періодъ процвѣтанія лирики. Съ самаго періода дѣтскаго стишка у ребенка никогда не должна бы пропадать любовь къ музыкѣ и къ настроенію стиха. Всегда ли это возможно при наклонности къ реализму, особенно у мальчиковъ — еще вопросъ. Но слѣдовало бы стремиться къ тому, чтобы никогда не давать угаснуть лирическому настроенію. Теперь есть для этой цѣли рядъ хорошихъ антологій, а въ лицѣ Gustav'a Falke и Paul'a и Richard'a Dehmel мы имѣемъ своеобразныхъ поэтовъ, которые пытаются близко подойти къ дѣтямъ упомянутаго возраста. Прекрасной антологіей для дѣтей переходнаго возраста является: Loewenberg, «Vom coldenen Überfluss». Драмы, съ фабулой которыхъ дѣти уже раньше познакомились на дѣтскихъ спектакляхъ и въ кукольномъ театрѣ, теперь вліяютъ на душу своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Въ повѣствовательной литературѣ лейтъ-мотивомъ становится тема любви. Сердце отвѣчаетъ на эту новую тему эхомъ, полнымъ смутныхъ предчувствій. Вполнѣ ясно, что выборъ книгъ долженъ дѣлаться очень тщательно, уже изъ нравственныхъ соображеній. Допустима только такая обработка темъ, которая лежитъ въ предѣлахъ естественно-здороваго и нравственно безвреднаго. Все развращающее должно быть исключено, но ложная стыдливость вредна. Молодежь должна хоть въ годы развитія узнать о половой основѣ своего бытія, и если родители не даютъ дѣтямъ этихъ свѣдѣній, то наиболѣе пригодными для этого являются писатели. Въ художественномъ произведеніи эта щекотливая тема тѣсно сплетается съ изображеніемъ человѣческой судьбы. И если ребенокъ научился такъ читать, чтобы вся книга въ цѣломъ оказывала на него вліяніе, то новый взглядъ на человѣчество и человѣческую судьбу не унизитъ, а возвыситъ и укрѣпитъ его душу, предполагая наличность здоровой натуры и неиспорченности. Къ вышеназваннымъ авторамъ, сочиненія которыхъ можно теперь допустить въ бо́льшемъ выборѣ (такъ, напримѣръ, Storm'a: «In. St. Jürgen», «Zur Chronik von Griehus», «Der Schimmelreiter и др.), присоединяются представители исторической повѣствовательной ли-

тературы. Для возраста, о которомъ идетъ рѣчь, выборъ такъ великъ, что на названныя книги надо смотрѣть только какъ на примѣрный списокъ. Дальнѣйшій матеріалъ можно найти въ «Указателѣ хорошихъ дѣтскихъ книгъ», въ составленіи котораго приняли участіе соединенныя нѣмецкія испытательныя комиссіи (vereinigte deutsche Prüfungsausschüssen) и который ежегодно на Рождество издается въ дополненномъ видѣ Гамбургской мѣстной комиссіей *). Въ то время какъ художественная дѣтская литература, которая должна пріобщить дѣтей къ великой литературѣ нашего народа, естественно должна состоять изъ произведеній, имѣющихъ непреходящую цѣнность, — дѣтскія поучительныя книги легко подвергаются опасности устарѣть. Въ нихъ понятнымъ для дѣтей языкомъ излагается что-либо изъ той или другой науки на современной ступени ея развитія, и онѣ не могутъ разсчитывать на продолжительное существованіе, за исключеніемъ произведеній, которыя надо разсматривать, какъ историческіе документы (письма, мемуары, автобіографіи). Поэтому мы должны отказаться здѣсь отъ поименованія отдѣльныхъ книгъ этой отрасли. Каждый годъ приноситъ намъ на рынокъ новыя, вполнѣ пригодныя книги, особенно въ области естественныхъ наукъ, и въ упомянутомъ нами указателѣ содержится большой списокъ ихъ, расположенный по ступенямъ возраста и по отдѣламъ.

Соотвѣтственно взглядамъ, развитымъ нами выше, принципіальное раздѣленіе книгъ для мальчиковъ отъ книгъ для дѣвочекъ не имѣетъ за собой никакого разумнаго основанія. Разумѣется, есть и такія художественныя и научныя книги, которыя въ общемъ больше по душѣ мальчикамъ, чѣмъ дѣвочкамъ, или наоборотъ; но это никоимъ образомъ не обосновываетъ столь общепринятаго раздѣленія книгъ по полу читателей, нелѣпыми плодами котораго является такъ называемая Backfischliteratur (книги

*) Безплатно можно получить отъ W. Senger'a, Hamburg, 22, Wagnerstrasse 53. Органомъ соединенныхъ испытательныхъ комисс. является редактированный авторомъ этой статьи ежемѣсячный журналъ „Jugendscriten-Warte (Leipzig, Ernst Wunderlich), въ которомъ помѣщаются статьи и критика. Принципы и цѣли, господствующіе въ испытательныхъ комиссіяхъ, подробно развиты въ книгѣ: Das Elend in unserer Jugendliteratur. in Beitrag Zur Künctleriseher Epziehung dergend, von Heinrich Wolgast. 3. Auflage 1905. (Leipzig, R. G. Teubner).

для молодыхъ дѣвушекъ). Книги, которыхъ совершенно не могутъ читать одни мальчики или же однѣ дѣвочки—какъ напримѣръ сантиментальные разсказы о куклахъ или полные кровавыхъ ужасовъ индѣйскіе разсказы,—ужъ этимъ самымъ доказываютъ свою ничтожную цѣнность, и имъ нѣтъ мѣста въ числѣ дѣтскихъ книгъ, при выборѣ которыхъ руководствуются требованіями педагогики. Можно понять, что возникла литература, спускающаяся до уровня ребенка, чтобы по возможности ближе подойти къ его пониманію, чтобы поднести ему поэзію въ подходящей для него формѣ; но литература, которая предлагаетъ молодой дѣвушкѣ, находящейся въ періодѣ расцвѣта умственныхъ и душевныхъ силъ, нелѣпый вздоръ, — такая литература ничѣмъ не оправдывается и спокойно можетъ быть названа преступленіемъ противъ молодой души. Бороться противъ этой литературы значитъ работать надъ оздоровленіемъ нашего литературнаго вкуса и надъ повышеніемъ уровня женскаго образованія.

Совершенно отвергнуть надо также выходящіе въ большомъ количествѣ дѣтскіе журналы. Журналы, которые къ опредѣленному сроку должны такъ или иначе заполнить свои столбцы, съ самаго начала уже меньше, чѣмъ книга, могутъ гарантировать намъ, что юношеству будетъ предложена лишь здоровая пища. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что дѣтскіе журналы почти всегда ведутся по такому принципу: чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ больше людей можно удовлетворить. Разсказы, печатаніе которыхъ растягивается на много номеровъ, еще больше увеличиваютъ картину пестроты и безалаберщины. Этотъ характеръ обычныхъ дѣтскихъ журналовъ легко передается отношенію ребенка къ чтенію, его манерѣ читать. Чтеніе становится для него какъ бы лакомствомъ, и у него никогда не разовьется того серьезнаго постоянства, съ которымъ надо читать даже книги, предназначенныя главнымъ образомъ для наслажденія.

При той энергичной преобразовательной работѣ, которая ведется за послѣдніе годы въ области дѣтскаго чтенія, разумѣется не могли не приняться и за преобразованіе дѣтскихъ журналовъ, стараясь приспособить ихъ къ современнымъ литературнымъ и педагогическимъ требованіямъ.

Особенно достойны вниманія улучшенія, предпринятыя баварскими педагогами. Каждый номеръ журнала они стремятся сдѣлать самостоятельнымъ цѣлымъ и придать ему цѣльный художественный и литературный обликъ. Съ художественной стороны — въ смыслѣ помѣщаемыхъ въ журналѣ рисунковъ — эту задачу повидимому легче рѣшить, чѣмъ съ литературной стороны. Пока литературное производство въ крупныхъ размѣрахъ не достигнетъ болѣе высокаго уровня, приходится ограничиваться перепечатываніемъ хорошихъ старыхъ вещей, если мы не хотимъ часто заполнять страницы журналовъ матеріаломъ худшаго качества.

Какъ дѣти должны читать?

Родители не должны бы давать ребенку въ руки ни одной книги, которую они предварительно не прочли сами. Это требованіе должно имъ казаться вполнѣ естественной обязанностью, если они убѣждены въ огромномъ вліяніи, которое книга въ иныхъ случаяхъ можетъ оказать на ребенка.

Эта обязанность имѣетъ много выгодныхъ сторонъ. Родители не пропустятъ неподходящихъ для ребенка книгъ; они могутъ разъяснять ему непонятныя мѣста и отвѣчать на возникающіе у него вопросы; между родителями и ребенкомъ установится духовное общеніе, вѣнцомъ котораго будетъ общность литературныхъ интересовъ. Ничто въ такой степени не приближаетъ родителей къ духовной жизни ребенка, какъ обсужденіе темъ, послужившихъ художнику матеріаломъ для обработки, потому что въ этихъ темахъ отражается вся жизнь, всѣ желанія, надежды и испытанія человѣческой души. Родителямъ при этомъ представляется случай ознакомить дѣтей со своимъ образомъ мыслей, взглядами на жизнь и міровоззрѣніемъ, дабы дѣти могли извлечь пользу изъ этого. Одновременное знакомство съ книгой родителей и дѣтей порождаетъ желаніе читать вмѣстѣ, а чтеніе вслухъ, если оно ведется серьезно, создаетъ новое наслажденіе и является новымъ факторомъ развитія. Чтеніе вслухъ, доведенное до степени искусства, должно бы въ музыкальныхъ семьяхъ стать наравнѣ съ домашней музыкой; въ немузыкальныхъ же оно можетъ за-

мѣнить послѣднюю. Если хорошо читать вслухъ, можно браться за книги гораздо болѣе трудныя по формѣ и содержанію, чѣмъ тѣ, которыя даются ребенку въ руки, когда онъ читаетъ одинъ. Объясненіе, которое всегда къ его услугамъ, даже самая интонація голоса чтеца, дѣлаютъ при хорошемъ чтеніи душу ребенка лучше подготовленной къ воспріятію содержанія, чѣмъ при чтеніи про себя. При посредствѣ слуха иногда можетъ быть создано настроеніе, которое не создалъ бы глазъ, читающій молча. Семейный столъ, за которымъ читаютъ вслухъ—сами ли родители или соревнующія въ этомъ искусствѣ дѣти — есть разсадникъ болѣе одухотворенной семейной и болѣе облагороженной общественной жизни.

И самъ ребенокъ долженъ бы вообще смотрѣть на свое чтеніе съ болѣе возвышенной точки зрѣнія. Книги и чтеніе должны быть для ребенка чѣмъ-то особеннымъ, а не игрушкой, которая всегда подъ рукой, чтобы въ любую свободную минуту позабавиться ею отъ скуки, а затѣмъ снова бросить ее въ уголъ. Ребенокъ долженъ чувствовать уваженіе къ книгамъ, какъ къ плодамъ жизни людей, одаренныхъ свыше, или какъ къ ихъ духовному завѣщанію. Уже внѣшнимъ образомъ слѣдовало бы выражать это уваженіе, заботясь о красотѣ книгъ и требуя бережливаго обращенія съ ними. Самому ребенку должно доставлять удовольствіе имѣть собственную избранную библіотечку, состоящую изъ безупречно переплетенныхъ и со вкусомъ разставленныхъ книгъ; надо пробудить въ немъ это чувство и не давать ему заглохнуть. Серьезность чтенія должна проявляться и въ томъ, что родители при случаѣ требуютъ отчета о прочитанномъ. Ребенокъ долженъ читать лишь книги, которыя стоятъ того, чтобы ихъ запомнили и вспоминали, слѣдовательно, надо также предохранять хорошія книги отъ забвенія. Надо требовать, чтобы понравившіяся ребенку книги, время отъ времени, снова перечитывались. Особенно же слѣдовало бы пріучить ребенка часто перечитывать про себя и вслухъ стихи, какъ красивыя музыкальныя произведенія.

Манера читать, къ которой ребенокъ привыкаетъ, имѣетъ рѣшающее значеніе для развитія «умѣнья читать» въ высшемъ значеніи этого слова. Цѣль здѣсь — быстрое правильное чтеніе, умѣнье схватить самую суть книги.

Ея нельзя достигнуть тамъ, гдѣ разрѣшается читать поверхностно, безъ полнаго интереса, лишь перелистывая книгу. Слѣдуетъ настойчиво бороться противъ этой столь часто встрѣчающейся привычки, и настаивать, чтобы ребенокъ отдавался чтенію всей душой. Чтеніе въ полной мѣрѣ оказываетъ свое развивающее дѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, когда содержаніе и духъ книги становятся живымъ достояніемъ ребенка. Для этого необходимо, чтобы читающій умѣлъ воспринимать книгу, какъ нѣчто цѣлое. Онъ долженъ научиться на всемъ протяженіи разсказа не терять изъ виду общаго хода изложенія, отличать главное отъ второстепеннаго, понимать духъ автора, выражающійся въ книгѣ, и схватывать индивидуальную особенность даннаго писателя. Школа должна путемъ уроковъ чтенія, путемъ чтенія въ классѣ и устройства школьныхъ библіотекъ положить основаніе «умѣнью читать» въ высшемъ значеніи слова. А родители, интересующіеся чтеніемъ своихъ дѣтей, могутъ способствовать завершенію этого дѣла, если, разспрашивая дѣтей о прочитанномъ, будутъ направлять ихъ рѣчь такъ, чтобы они высказались по вышеупомянутымъ пунктамъ. Предварительное сообщеніе свѣдѣній о личности автора и о его индивидуальныхъ особенностяхъ можетъ облегчить пониманія духа книги. При чтеніи поэтическихъ произведеній взглядъ на нихъ, какъ на проявленіе индивидуальной личности, вообще имѣетъ большое воспитательное значеніе. Съ возникновеніемъ интереса къ индивидуальной особенности автора начинается литературное образованіе, между тѣмъ какъ читатель, который гонится за однимъ содержаніемъ, не спрашиваетъ объ имени и особенностяхъ автора.

Нѣкоторые педагоги рекомендовали заставлять дѣтей писать замѣтки о прочитанномъ. Если принужденіе не отбиваетъ охоту къ чтенію, это средство великолѣпно, потому что побуждаетъ оглянуться на прочитанное и припомнить его, а такія записки безусловно одни изъ самыхъ поучительныхъ документовъ для улучшенія молодой души.

Къ сожалѣнію, надо оставить безъ отвѣта одинъ изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ, касающихся дѣтскаго чтенія, а именно: насколько книги способны устранять извѣстные недостатки и односторонности въ духовной

организаціи ребенка? Что книги могутъ давать толчки въ опредѣленномъ направленіи, не подлежитъ никакому сомнѣнію послѣ многочисленныхъ имѣющихся у насъ свидѣтельствъ автобіографическаго характера.

Но сознательно приняться за то, что почти во всѣхъ этихъ примѣрахъ дѣлалъ слѣпой случай, и планомѣрно довести дѣло до конца—вотъ задача, рѣшеніе которой еще впереди. Для воспитателя, интересующагося этимъ вопросомъ, здѣсь интересное поле для наблюденій и опытовъ.

Ребенокъ и внѣшній міръ.

Фридриха Гансберга.

Существуетъ ученіе о душѣ ребенка, разсматривающее всю душевную жизнь послѣдняго, какъ продуктъ воздѣйствія окружающей среды. По этому ученію душа новорожденнаго представляетъ собой чистый листъ, на которомъ одно за другимъ начертывается все то, что онъ воспринимаетъ путемъ внѣшнихъ чувствъ: лучъ свѣта, попадающій въ его глазъ, ласковое слово матери, проникающее въ его ухо, краски и формы его игрушекъ, запахъ и вкусъ кушанья. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ создается, по этой теоріи, душевная жизнь. Чѣмъ большимъ числомъ разборчивыхъ письменъ покрывается листъ, тѣмъ богаче и сильнѣе душа; мѣняется среда—мѣняется и человѣкъ, потому что всѣ тайныя влеченія и силы его души управляются пріобрѣтенными имъ представленіями. По этой теоріи воспитаніе не что иное, какъ ученіе, подчиненіе своего «я» міру фактовъ, приспособленіе его къ послѣднему; эта теорія господствуетъ и въ школьной практикѣ, и въ педагогикѣ, преподаваемой въ учительскихъ семинаріяхъ, она съ одинаковой убѣжденностью проповѣдуется ярымъ матеріалистомъ и правовѣрнымъ школьнымъ инспекторомъ.

Отъ этой теоріи намъ надо снова освободиться. На что годится душа, которая является лишь отраженіемъ окружающей среды? Можетъ ли она служить человѣчеству? Мы хотимъ развить тѣ силы души, которыя способны подняться надъ средой и міромъ явленій и преобразовать послѣдніе, т.-е. развить творческія силы человѣка. Вездѣ, гдѣ изобрѣтаютъ, открываютъ, дѣлаютъ опыты, работаютъ, творятъ, мыслятъ, мечтаютъ и надѣются, однимъ словомъ, гдѣ живутъ, потому что—объективное фотографированіе и полученіе отпечатковъ на зеркалѣ души не есть жизнь—тамъ смотрятъ въ глубь вещей, тамъ освобождаются отъ даннаго состоянія окружающаго міра, тамъ не міръ создаетъ душу, а душа создаетъ себѣ міръ. Но силы, которыя могутъ это сдѣлать, обогащаютъ и углубляютъ міровую жизнь, онѣ служатъ человѣчеству и заслуживаютъ поэтому самаго тщательнаго ухода.

Но не защищаемъ ли мы такимъ образомъ самаго безграничнаго субъективизма? Развѣ ребенокъ не долженъ учиться понимать свое мѣсто въ жизни, считаться съ преградами, фактами и всей неумолимой логикой жизни? Неужели ребенокъ совсѣмъ не долженъ учиться?

Это безусловно нелѣпая постановка вопроса, ибо, если ученіе есть только отраженіе впечатлѣній, получаемыхъ путемъ органовъ чувствъ, то очевидно не въ нашей власти влiять на этотъ процессъ ученія. Мы же не можемъ увеличить или уменьшить ни наглядный матеріалъ, который даетъ ребенку внѣшній міръ, ни сумму получаемыхъ имъ внѣшнихъ впечатлѣній; ибо природа всюду неисчерпаема, и ребенокъ, выросшій на заднемъ дворѣ, можетъ воспринять больше впечатлѣній отъ внѣшняго міра, чѣмъ молодой барчукъ, котораго въ курьерскомъ поѣздѣ обвезли вокругъ свѣта. Искусственныхъ условій, чтобы усилить ежедневный наплывъ внѣшнихъ впечатлѣній, не нужно, ибо потокъ ихъ очень великъ даже въ самомъ маленькомъ уголку. Наоборотъ, мы даже боимся, что ребенокъ, котораго въ цѣляхъ поученія водятъ въ театры, музеи и концерты, на всякій вопросъ котораго отвѣчаютъ длиннымъ исчерпывающимъ объясненіемъ, что ребенокъ, котораго планомѣрно или даже учебно-планомѣрно, т.-е. предметъ за предметомъ въ «методической послѣдовательности» знакомятъ съ

окружающимъ его міромъ, что такой ребенокъ легко можетъ утомиться, потерять всякій интересъ и стать поверхностнымъ. И то, что при этомъ выигрывается количественно, то теряется качественно.

Но если даже устройство, образъ и богатство окружающаго ребенка внѣшняго міра безразличны для роста дѣтской души, не можемъ ли мы все же вліять на его охоту къ ученію, на его способность воспринимать, способность наслаждаться, на его наблюдательность и проницательность? Да, безусловно! Мы должны развивать творческія силы ребенка, его охоту лѣпить, сочинять стихи, разсказывать, красить, изслѣдовать, дѣлать опыты, размышлять, играть на сценѣ и т. д., и т. д. Для всего этого ему нужны образы, картины, событія, факты, сырой матеріалъ, наблюденія, воспоминанія, представленія. Прежде чѣмъ приняться за какое-нибудь дѣло, онъ ужъ долженъ предварительно научиться чему-нибудь, и въ моментъ дѣятельности онъ будетъ учиться, и по окончаніи игры и работы выйдетъ къ окружающимъ съ обостренными чувствами и наблюдательностью. Побуждайте дѣтей къ разнообразной живой дѣятельности, и они будутъ учиться, сколько вашей душѣ угодно! Дѣтская иниціатива, вотъ высшая цѣль ученья!

Если мы теперь спросимъ себя, какія условія должны быть выполнены нами для того, чтобы ребенокъ могъ упражнять свои способности въ веселой игрѣ и работѣ, то таковыхъ мы можемъ назвать четыре:

1) Позвольте дѣтямъ принимать участіе въ работѣ взрослыхъ, вѣдь имъ такъ хочется помогать вамъ.

2) Дайте имъ товарищей.

3) Дайте имъ сырой матеріалъ и инструменты.

4) Оставьте имъ ихъ золотую свободу.

Пожалуй нигдѣ эти условія не могутъ быть выполнены съ такой легкостью, и даже непосредственно выполнены уже самой природой, какъ въ деревнѣ.

Въ деревнѣ есть великолѣпнѣйшія мѣста для игръ; тамъ сидятъ на заборахъ и плетняхъ и лакомятся тѣмъ, что трудомъ, хитростью и отвагой добыто изъ фруктовыхъ садовъ и огородовъ; тамъ среди безпорядочно разбросанныхъ домовъ, хлѣвовъ и амбаровъ есть чудеснѣйшіе уголки и за-

коулки; тамъ, подъ соломенной крышей, въ ельникѣ или въ чащѣ лозняка, есть такія замѣчательныя, укромныя мѣстечки, о какихъ городской ребенокъ можетъ только мечтать. Въ деревнѣ имѣется и естественное общество товарищей для игръ, не слишкомъ много и не слишкомъ мало; не такъ много, какъ въ переполненныхъ классахъ нашихъ школьныхъ казармъ, и не такъ мало, какъ въ нашихъ скучныхъ квартирахъ. Чего только не можетъ предпринять кучка отважныхъ мальчиковъ, если они дѣйствуютъ сообща: сегодня надо загнать домой заупрямившееся животное, завтра разорить воронье гнѣздо, въ третій разъ—итти наблюдать ярмарочную толпу, въ четвертый—можетъ-быть, устраивается сраженіе въ снѣжки съ сосѣдней деревней. А когда настоящимъ товарищамъ некогда или неохота играть, то остаются еще четвероногіе товарищи, и куры, и голуби, у которыхъ всегда есть время и которые всей своей суетливой своеобразной жизнью постоянно побуждаютъ къ дѣятельности. А сырой матеріалъ для того, чтобы лѣпить, творить, плести и украшать, находится почти что прямо въ домѣ: цвѣтовъ, ягодъ, ивовыхъ прутьевъ, осеннихъ листьевъ, сѣна, песку, ракушекъ и тому подобнаго—всюду, сколько душѣ угодно. Развѣ городской ребенокъ со своими глупыми кубиками и желѣзными дорогами, неспособными самостоятельно ѣздить, не долженъ пристыженно спасовать передъ этимъ?

Но вотъ поля зовутъ на работу, и родители такъ заняты, что охотно пользуются помощью младшихъ членовъ семьи. Послѣдніе же прекрасно могутъ помогать: одинъ долженъ держать лошадей, когда на возы накладываютъ сѣно; другой уже можетъ присмотрѣть за садомъ; старшая дочка, которая уже ходитъ въ школу, должна сегодня сварить картофель; и корову еще надо подоить, а младшій братишка уже стоитъ тутъ же съ вѣткой въ рукахъ и отгоняетъ докучливыхъ мухъ; однимъ словомъ, работы много, и самой разнообразной, отъ колки дровъ до подрѣзанія изгороди, отъ починки крыши до вставленія стеколъ. И какъ крестьянинъ долженъ совмѣщать въ себѣ всевозможныя профессіи, умѣть и скотину полѣчить, и телѣгу починить, такъ и ребенокъ знакомится съ цѣлымъ кругомъ дѣятельности, чувствуетъ общій смыслъ всѣхъ этихъ разнородныхъ обязан-

ностей и вырастаетъ цѣльнымъ человѣкомъ, членомъ цѣльнаго міра! Развѣ ребенокъ, который такъ живетъ всѣми своими чувствами, не достаточно учится?

Какой запутанно-сложной и въ то же время бѣдной и скучной должна казаться въ сравненіи съ деревенской жизнью жизнь того міра, въ которомъ растетъ городской ребенокъ. Гдѣ великолѣпныя мѣста для игръ? На однообразныхъ, прямыхъ улицахъ рабочихъ кварталовъ нѣтъ романтическихъ укромныхъ уголковъ, бумажные змѣи опасны для телефонныхъ проволокъ, а обручи мѣшаютъ прохожимъ. Ступайте на площадки для игръ! Тамъ у васъ лужайка, съ подстриженной травой и нѣсколько огороженныхъ группъ деревьевъ! А кромѣ того вѣдь играютъ и въ школѣ! И хотя тамъ въ теченіе часа до каждаго ребенка очередь доходитъ только одинъ разъ, но зато узнаютъ много новыхъ игръ, которыя преодолѣваются методической работой. А потомъ вѣдь на дѣтяхъ хорошее платье и узкій отложный воротничокъ, и надо чинно пройтись со взрослыми вдоль аллеи и пойти въ гости къ директору, а позже надо готовить уроки, а вечеромъ итти на рождественскій базаръ или въ театръ, чтобы смотрѣть, слушать и сидѣть на мѣстѣ— не для физическихъ, а для умственныхъ переживаній.

А работа? Творческая, созидающая, критическая работа взрослыхъ на безконечной великой нивѣ человѣческой культуры? Она все больше скрывается отъ взоровъ любознательныхъ взрослыхъ и дѣтей. Вездѣ, гдѣ работаютъ серьезно, постороннимъ входъ запрещенъ. Мы уже не видимъ, какъ дѣлаются предметы нашего домашняго обихода (пастухъ, пожалуй, еще самъ строгаетъ себѣ ложку), ни тѣмъ болѣе не можемъ участвовать въ этой работѣ; процессъ создаванія всѣхъ окружающихъ насъ вещей скрытъ отъ нашихъ взоровъ; мы получаемъ готовый, ничего не говорящій намъ предметъ и привыкаемъ къ тому, что милліоны рукъ изо дня въ день заботятся о насъ, а мы имъ не только не помогаемъ, но даже не спрашиваемъ и не думаемъ о нихъ. Еще больше это относится къ дѣтямъ, которыя вырастаютъ среди міра блеска и чудесъ, но не могутъ ни проникнуть въ его глубину, ни приложить къ нему руки. Развѣ при этомъ не должны медленно, но вѣрно заглохнуть тѣ силы, которыя еще способны творческимъ духомъ проникнуть и обно-

вить нашу цивилизацію? Развѣ не надо создать для городскихъ жителей и особенно для городскихъ дѣтей болѣе простыя, естественныя условія жизни?

Дайте дѣтямъ больше свободы!

Вотъ въ общественномъ саду сидитъ такое «ненаглядное дитятко» за рестораннымъ столикомъ между своими благодушно отдыхающими и зѣвающими по сторонамъ родителями. Съ какимъ участіемъ они относятся къ его мыслямъ и вопросамъ, но самаго сокровеннаго желанія его сердца—желанія жить!—они не угадываютъ. Какъ боязливо они оберегаютъ своего любимца, который отошелъ отъ нихъ на нѣсколько шаговъ! «Оставайся здѣсь! Оставь это! Не ходи туда, тебя могутъ толкнуть...» Какія малодушныя дѣти должны выйти изъ нихъ! Вѣдь съ дѣтьми надо и рисковать! Посылайте ихъ за городъ, поручайте имъ какое-нибудь дѣло, поощряйте ихъ игры и не вмѣшивайтесь въ послѣднія! Дайте дѣтямъ свободу, тогда они будутъ жить и учиться! Какъ горитъ земля подъ ногами, когда въ порывѣ шалости сбрасываются башмаки и чулки—мягкій песокъ, теплая земля, трава, илъ, лужи, камешки; сколько предметовъ коснулось кожи, столько и новыхъ внѣшнихъ впечатлѣній они познали!

Дайте дѣтямъ товарищей для игръ! Подъ моими окнами въ маленькомъ заднемъ дворикѣ мальчикъ играетъ въ желѣзную дорогу десятью или двадцатью каменными кружками. Поѣзда проводятъ по черному песку глубокую борозду до самаго вокзала—деревяннаго стула изъ прачечной, и локомотивъ свиститъ такъ пронзительно, что маленькая Марихенъ, которая въ сосѣднемъ садикѣ скучаетъ со своей кукольной коляской, звонко откликается на это. Дальше въ третьемъ саду, кажется, тоже играютъ двое дѣтей. И такъ дальше, вездѣ одно и то же, и всюду одиночество. Развѣ люди не создали бы дѣтямъ настоящаго рая, соединивъ между собой весь рядъ садовъ маленькими калиточками или лазейками? Но я уже слышу возмущенный протестъ взрослыхъ: неужели мы осуждены постоянно имѣть это буйное общество въ нашихъ подвалахъ и кухняхъ? Развѣ дѣти пощадятъ наши красивыя клумбы и выстиранное бѣлье? И пока цвѣточныя клумбы и бѣлье будутъ цѣниться выше, чѣмъ наше драгоцѣннѣйшее сокровище — ребенокъ, — до

тѣхъ поръ ему не дадутъ свободу, которая ему безусловно необходима для здороваго, естественнаго развитія.

Но развѣ ребенокъ не долженъ знакомиться съ ограниченіями, которыя въ природѣ и въ обществѣ когда-нибудь и гдѣ-нибудь обязательно встанутъ передъ каждымъ человѣкомъ — неоспоримыя и непреодолимыя? Что же, на это надо отвѣтить: разъ эти ограниченія существуютъ, и ребенокъ неизбѣжно долженъ столкнуться съ ними, то воспитателю незачѣмъ принимать особыя мѣры къ тому, чтобы заставить ребенка почувствовать ихъ. Людей, которые нарочно заставляютъ ребенка чувствовать серьезную сторону жизни, я сильно подозрѣваю въ томъ, что они смѣшиваютъ серьезность жизни и естественную необходимость съ собственной прихотливостью и вздорностью. Кто неспособенъ научить дѣтей, какъ они могутъ преодолѣть затрудненія, поставленныя ихъ дѣеспособности, тотъ пусть не придвигаетъ эти преграды ближе, чѣмъ онѣ есть, потому что это глупо и жестоко; тотъ пусть тихо и спокойно идетъ своей дорогой и предоставитъ естественному порядку и закономѣрности вещей самимъ вліять на ребенка.

Преграды и законы внѣшняго міра можно преодолѣть — работой. Здѣсь я подразумѣваю работу въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, также и въ смыслѣ общественной дѣятельности, когда, напримѣръ, ребенокъ добротой, убѣжденіемъ или обѣщаніемъ умѣетъ успокоить и задобрить своего разозлившагося ближняго. Затѣмъ сюда относится вся культурная работа, кипучая дѣятельность въ мастерскихъ, въ магазинахъ, на постройкахъ, на вокзалѣ. Можетъ ли ребенокъ принимать участіе въ этомъ? Это почти невозможно, но все-таки онъ можетъ понимать, что тамъ дѣлается. Онъ можетъ тутъ или тамъ заглянуть въ открытую дверь, его посылаютъ съ порученіемъ на мѣсто стройки, онъ при случаѣ поможетъ чѣмъ-нибудь, разочекъ взберется со смѣлыми товарищами на лѣса. Если ребенокъ и не чувствуетъ при этомъ серьезной стороны работы, то все же онъ переживаетъ разнообразныя впечатлѣнія: онъ пропускаетъ сквозь пальцы мелкія тяжелыя желѣзныя опилки, онъ ушибается объ острый желѣзный листъ, онъ испуганно отскакиваетъ отъ летящихъ искръ, онъ ощущаетъ твердые мозоли на рукахъ рабочихъ.

Еще больше ребенокъ можетъ почувствовать серьезную сторону работы въ своемъ домѣ. Хотя работа тамъ все больше облегчается, хотя печь замѣняется газовой плитой, а водокачка водопроводомъ (объ изготовленіи свѣчей, варкѣ пива и печеніи хлѣба уже давно нѣтъ рѣчи), все же и въ домѣ еще остается множество обязанностей, которыя ежедневно надо выполнять; въ домѣ надо создать маленькій культурный уголокъ, и мать поступитъ очень разумно, если будетъ энергично пользоваться совѣтами и помощью дѣтей въ своихъ стараніяхъ создать чистую, опрятную, уютную и красивую семейную обстановку. Какъ счастливъ ребенокъ, когда къ его помощи относятся вполнѣ серьезно и принимаютъ ее съ благодарностью! А если въ домѣ еще найдется небольшая мастерская и лабораторія, то можно немного заняться ремесломъ, искусствомъ и наукой; дѣти могутъ тогда вволю дѣлать опыты, изобрѣтать, творить и изучать; они будутъ подчинять себѣ законы природы, будутъ дѣлать модели и аппараты. И тогда они будутъ счастливы! Но ко всякой практической работѣ разумный воспитатель сумѣетъ присоединить и теоретическое обученіе. И здѣсь-то начинается преимущество городского ребенка передъ деревенскимъ. И ученіе, и чтеніе, и разсматриваніе картинъ, и даже простое посѣщеніе мастерской, если все это дѣлается въ связи съ собственными практическими занятіями, утончаютъ умъ и чувства. Горожане, а не крестьяне, открываютъ живописную прелесть ландшафтовъ, ибо они въ музеяхъ пріучили глазъ къ красотѣ и развили свое воображеніе; до сихъ поръ изъ центровъ умственной жизни всегда исходили сильнѣйшіе толчки къ усовершенствованію матеріальной жизни. И поэтому пусть родители учатъ дѣтей, сколько ихъ душѣ угодно, пусть посылаютъ ихъ въ школы, читаютъ съ ними книги, водятъ ихъ смотрѣть картины, наполняютъ ихъ умъ мыслями, формами, планами и надеждами — какъ будто покрывая чистый листъ безконечными письменами, — но только, если все это возводится на основѣ естественной физической жизни, протекающей въ полной, неограниченной свободѣ; если все это примѣняется къ самой всесторонней практической дѣятельности, если физическая и умственная жизнь приведены въ самое тѣсное взаимоотношеніе,

тогда развитіе дѣтей будетъ глубокимъ и полнымъ, тогда у нихъ будетъ счастливое, золотое дѣтство.

Ребенокъ и природа.

Вильгельма Фосгерау.

Живая природа должна окружать ребенка въ домѣ. Для этой цѣли можетъ служить любое комнатное растеніе. Уже четырехъ-пятилѣтній ребенокъ можетъ подъ наблюденіемъ старшихъ братьевъ и сестеръ или родителей поливать растенія и держать ихъ въ чистотѣ; ребенокъ постарше самъ будетъ доставать черноземъ, класть въ него сѣмя, сажать молодой отводокъ. Каждый день онъ смотритъ, пробудилась ли уже молодая жизнь. Каждая почка привѣтствуется радостнымъ взглядомъ; дѣти зорко слѣдятъ за развитіемъ каждаго листа; а когда, наконецъ, появляется бутонъ, ребенокъ, пожалуй, ежечасно подбѣгаетъ посмотрѣть, открылъ ли его любимецъ свой глазокъ. Не говоря уже о воспитательномъ значеніи ухода за растеніями, заключающемся въ любовной заботѣ о живомъ существѣ, надо еще принять въ расчетъ пользу собственныхъ наблюденій надъ природой. Почти не существуетъ иного, столь общедоступнаго средства, незамѣтно заставляющаго любовно погрузиться въ разсматриваніе явленій природы, какъ уходъ за комнатными растеніями, особенно, если дѣтей постарше пріучаютъ зарисовывать отдѣльныя фазы ихъ развитія.

Обитающіе съ нами представители животнаго царства: канарейка, золотая рыбка, собачка, кошка и всякія иныя домашнія животныя, даютъ новый матеріалъ для наблюденій.

Посмотри, какъ канарейка раздуваетъ горлышко при пѣніи, какъ весело она прыгаетъ съ жердочки на жердочку! А когда птичка сдѣлается ручной, она пожалуй въ отвѣтъ на веселый зовъ своего друга сядетъ ему на голову и будетъ клевать крошки хлѣба изъ его рукъ.

Дружба между животнымъ и ребенкомъ заслуживаетъ всяческаго поощренія; она болѣе, чѣмъ что-либо, способна предохранять дѣтей отъ жестокости; въ обращеніи съ животными и есть основа всѣхъ стремленій къ покровительству животнымъ. Что такая дружба свойственна дѣтямъ, доказываютъ намъ сказки.

Гдѣ у родителей есть садъ, имъ слѣдовало бы всегда отводить дѣтямъ небольшой участокъ земли для ихъ собственнаго пользованія. Тамъ дѣти могутъ сами киркой и заступомъ вскапывать землю и вдыхать при этомъ здоровый запахъ ея; тамъ они могутъ сѣять и сажать, что только захотятъ. Они спокойно могутъ наблюдать, какъ растеніе пускаетъ ростки, развивается, цвѣтетъ, даетъ плодъ и вянетъ, они также узнаютъ, что каждое растеніе предъявляетъ свои собственныя требованія. Фіалка процвѣтаетъ въ тѣни забора, но вянетъ на солнцѣ; гвоздика въ тѣни чувствуетъ себя плохо: она хочетъ, чтобы ея краски сверкали въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ. За лиліей маленькій садовникъ ухаживалъ особенно тщательно, и все же въ одно прекрасное утро нашелъ ее увядшей съ засохшими бутонами. Можетъ быть онъ откроетъ, что причиной его горя является личинка майскаго жука, которая обгрызла корни лиліи, и смутно почувствуетъ, что въ природѣ ни одно существо не живетъ само по себѣ, что всѣ зависятъ другъ отъ друга. Впечатлѣнія, которыя можетъ дать дѣтямъ садикъ, прямо неисчерпаемы; даже ограда сада можетъ содѣйствовать этому. Если родителямъ не жаль пожертвовать небольшимъ клочкомъ земли, дѣти не удовлетворятся оградой изъ колючей проволоки, а обнесутъ садъ живой изгородью изъ терновника и бирючины. Черный дроздъ, крапивникъ, горихвостка и зябликъ прилетятъ и построятъ тамъ свои гнѣзда. Есть безусловно большая разница въ томъ, увидитъ ли ребенокъ птичье гнѣздо въ музеѣ, какъ бы естественно оно ни было сдѣлано, или онъ подъ наблюденіемъ отца, съ величайшей осторожностью и напряженіемъ отги-

баетъ вѣтку за вѣткой, чтобы «наконецъ съ бьющимся сердцемъ увидѣть живое чудо». Такое зрѣлище больше способствуетъ охранѣ птичьихъ гнѣздъ, чѣмъ всѣ полицейскія кары. Кромѣ семьи, надъ задачей приблизить ребенка къ природѣ работаетъ и школа; прежде всего къ этому призваны уроки природовѣдѣнія и рисованія. Обѣ эти отрасли преподаванія должны бы находиться въ однѣхъ рукахъ; потому что наблюдательность необыкновенно увеличивается, если рука должна изобразить видѣнное на бумагѣ. Представленіе о предметахъ пріобрѣтаетъ въ такомъ случаѣ бо̀льшую ясность, а ясныя представленія суть основа всякой высшей умственной дѣятельности. Часто жалуются на отвлеченность преподаванія въ школахъ: дѣти слышатъ о многихъ вещахъ, но мало видятъ собственными глазами. За отсутствіемъ наглядности отсутствуютъ и ясныя представленія, а мышленію благодаря этому недостаетъ опредѣленности; у кого же мышленіе неясно, у того будетъ царить неясность также въ области чувствъ и желаній. Противъ этого существуетъ лишь одно средство: правильныя представленія, а послѣднія пріобрѣтаются лишь путемъ наблюденій и тщательнаго разсматриванія предметовъ, а затѣмъ точнаго устнаго описанія видѣннаго и изображенія его на рисункѣ. 9—10-лѣтній ребенокъ долженъ бы умѣть нарисовать листъ, положимъ, глухой крапивы; 11—12 лѣтній — все растеніе.

Только когда заложенъ прочный фундаментъ изъ понятій, имѣютъ значеніе біологическія изслѣдованія о «цѣлесообразности». Иначе достигается лишь разсужденіе о предметахъ, безъ знакомства съ этими предметами, т.-е. какъ разъ отвлеченность преподаванія. Лучшее средство, чтобы дать дѣтямъ почувствовать біеніе живой природы, это школьныя экскурсіи. Иныхъ родителей, правда, беретъ страхъ, когда въ одинъ прекрасный день дѣти ликуя заявляютъ: завтра школьная экскурсія! Они думаютъ о разорванныхъ платьяхъ, потерянныхъ шляпахъ и цѣлый день тревожатся, вернется ли ихъ ребенокъ домой цѣлымъ и невредимымъ. Но всѣ возраженія должны умолкнуть, если имъ противопоставить многообразную пользу такихъ прогулокъ. Конечно, если родители посылаютъ сына или дочь на эти прогулки въ лучшемъ платьѣ, въ лакированныхъ башмакахъ и шляпѣ съ перомъ, тогда ихъ тревога о томъ,

въ какомъ видѣ дѣти вернутся домой, вполнѣ понятна; но никто не требуетъ такого снаряженія. Одежда должна быть по возможности проще, и изъ такого матеріала, чтобы ее не надо было особенно беречь. Достаточно обыкновеннаго костюма, въ которомъ дѣти ходятъ въ училище, и къ нему пару удобныхъ, широкихъ спереди, башмаковъ, въ которыхъ ногамъ достаточно мѣста. Не забывайте взять съ собою лупу: мы хотимъ видѣть и міръ малыхъ существъ; въ крайнемъ случаѣ можно удовольствоваться увеличительнымъ стекломъ. Въ карманѣ долженъ лежать альбомъ для рисованія съ простымъ и цвѣтными карандашами, а еще лучше съ тушью и рисовальнымъ перомъ. Перо заслуживаетъ предпочтенія, ибо нарисованное имъ сохраняется дольше; а кромѣ того черты, проведенныя тушью, не стираются, и потому перо заставляетъ быстрѣе схватывать и увѣреннѣе изображать видѣнное. Число участниковъ прогулки, къ сожалѣнію, должно быть ограничено, если хотятъ, чтобы экскурсія принесла ожидаемую пользу; двадцать пять дѣтей — крайній предѣлъ. Иначе экскурсанты разбиваются на группы, смѣются, шутятъ, болтаютъ, дразнятъ другъ друга и забываютъ смотрѣть и слушать. Конечная цѣль прогулки имѣетъ лишь второстепенное значеніе, главное—сама дорога. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ во всякомъ случаѣ надо выйти за предѣлы тѣхъ мѣстъ, гдѣ валяются брошенныя бумажки отъ бутербродовъ. Порядокъ ходьбы опредѣляется дружбой дѣтей между собой. Веселая пѣсня дѣлаетъ ходьбу веселѣе; твердымъ, бодрымъ шагомъ проходимъ мы мимо изгородей изъ терновника, мимо кустовъ сирени и ракитника. Свѣжій вѣтеръ вѣетъ намъ въ лицо; мы замѣчаемъ, какъ расширяются легкія. Дома уже не такъ высоки и стоятъ не такъ тѣсно другъ отъ друга, какъ раньше. Наконецъ пройденъ послѣдній домъ, и мы за городомъ! По три раза беремъ мы штурмомъ каждый холмъ, по три раза прыгаемъ черезъ каждый ровъ; для насъ нѣтъ ничего слишкомъ высокаго, или слишкомъ крутого, или слишкомъ широкаго... Немного разгоряченные мы возвращаемся на большую дорогу, чтобы отдохнуть тамъ подъ тѣнью окаймляющихъ ее тополей и ясеней. Хлѣбъ съ масломъ здѣсь вкуснѣе, чѣмъ въ самомъ дорогомъ ресторанѣ! Послушайте! что это за птица свиститъ? Это дроздъ. Попробуйте подражать его свисту!

Какими сѣровато-зелеными кажутся стволы тополей бла-

годаря кругло-чешуйчатымъ, часто далеко свисающимъ лишайникамъ! «Вонъ сидитъ бабочка!»—восклицаетъ одинъ, у котораго особенно острое зрѣніе. Дѣйствительно это лишайная бабочка. Ея свѣтлосѣрыя, съ черными и зелеными крапинками крылья до сихъ поръ скрывали ее отъ нашихъ глазъ. Черныя крапинки очень похожи на темныя тѣни между чешуйками лишайника. Намъ представляется случай на интересномъ примѣрѣ познакомить дѣтей съ ученіемъ о приспособленіи. Направо отъ дороги находится яма, откуда берутъ гравій. Мы отправляемся туда. Взбираясь по крутымъ склонамъ ямы, мы разсматриваемъ пласты почвы, которые въ одномъ мѣстѣ идутъ горизонтальными рядами, въ другомъ образуютъ складки, словно смятый платокъ, тутъ состоятъ изъ болѣе или менѣе крупнаго песка, тамъ изъ глины. Вопросъ о происхожденіи этого явленія раскрываетъ передъ нами картину тѣхъ временъ, когда создавалась почва нашей родины. Мы достигли ближайшей деревни. На крышѣ перваго крестьянскаго дома мы видимъ гнѣздо аиста, а въ немъ птенцовъ, у которыхъ еще совсѣмъ черные клювы. Въ эту минуту прилетаетъ одинъ изъ старыхъ аистовъ и несетъ пищу птенцамъ. Мы просимъ у крестьянина разрѣшенія подробнѣе осмотрѣть его домъ, какъ снаружи, такъ и внутри. Можетъ быть онъ намъ скажетъ, почему все устроено именно такъ, а не иначе. Болѣе понятливые поймутъ, что человѣкъ и его жилище находятся въ зависимости отъ почвы, на которой они создались и выросли. Можетъ быть ребенокъ приложитъ эту мѣрку, соотвѣтствуя внутренней необходимости и къ городскимъ домамъ. Результатъ часто будетъ не особенно удовлетворительнымъ, но мальчикъ будетъ помнить объ этомъ, если въ будущемъ ему самому придется строить дома.

Голубые цвѣты, растущіе на краю луга, намъ еще незнакомы. По трое, по четыре группируются дѣти вокругъ этихъ цвѣтовъ; они тщательно изслѣдуютъ, подходятъ ли къ нимъ тѣ видовые признаки, которые указаны во взятомъ съ собой учебникѣ. Кратко объясняется какой-нибудь спеціальный терминъ, и такой урокъ хорошо запоминается. Сколько здѣсь работы для глазъ. Лупы и даже носы пускаются въ ходъ, чтобы опредѣлить растеніе. Наконецъ, мы узнали: передъ нами луговой шалфей. Величайшее изумленіе вы-

зываетъ въ насъ механизмъ движенія тычинокъ. Если намъ посчастливится, мы можемъ видѣть его за работой. Къ цвѣтку подлетаетъ шмель, и въ то время, какъ онъ отодвигаетъ лепестки, расположенные у входа въ цвѣтокъ, пыльники выступаютъ впередъ и прилѣпляютъ свое содержимое шмелю на спину. Затѣмъ шмель летитъ на другой цвѣтокъ и, самъ не сознавая того, оплодотворяетъ его далеко высунутое впередъ раздвоенное рыльце, напоминающее змѣиное жало. Чѣмъ внимательнѣе ребенокъ наблюдаетъ растенія, тѣмъ больше возрастаетъ его уваженіе къ нимъ, какъ къ живымъ существамъ, которыя заботятся о себѣ и будущихъ своихъ поколѣніяхъ такими средствами, передъ которыми часто становится втупикъ человѣческая проницательность. Если это уваженіе пустило корни, ребенокъ уже не пройдетъ равнодушно мимо растенія; а когда его пониманіе разовьется, тогда даже самое презрѣнное растеніе раскроетъ передъ нимъ глубокія проблемы жизни. Ребенокъ научится уважать и любить растенія и животныхъ, какъ своихъ товарищей, въ жизнь которыхъ нельзя вмѣшиваться грубой рукой. Это уваженіе и эта любовь предохранятъ его отъ святотатственнаго опустошенія природы и лучше защитятъ растенія и животныхъ отъ безсмысленнаго уничтоженія и грубаго обращенія, чѣмъ всѣ полицейскія мѣры.

Мы еще нѣсколько минутъ остаемся здѣсь, чтобы занести въ альбомъ, по крайней мѣрѣ, цвѣтокъ съ его механизмомъ; болѣе умѣлые могутъ срисовать и все растеніе. Кому же не охота это дѣлать, тотъ пусть рисуетъ, что ему угодно: камень у дороги; живописно обвивающіе другъ друга стволы деревьевъ; корову, жующую жвачку на лугу... Не такъ важно, что именно рисуютъ, лишь бы углубиться во что-нибудь одно!

Молча идемъ мы по тропинкѣ черезъ хлѣбное поле. Жаворонокъ построилъ тамъ свое гнѣздо, и сверху несется его пѣсня. Здѣсь, гдѣ колосья стоятъ такъ торжественно прямо, или тихо шепчутся между собой, колыхаемые вѣтромъ, душа смутно чувствуетъ таинственный процессъ созрѣванія, происходящій кругомъ. Приближается часъ обѣда. Мы дошли до молодой рощицы изъ ольхъ и березъ. Деревья стоятъ тамъ, точно трубы органа. Какъ зазвучитъ органъ, когда вѣтеръ примется надувать мѣхи! Здѣсь

мы отдохнемъ и «выучимъ наизусть» красивый пейзажъ, разстилающійся передъ нами; ибо въ задачи экскурсіи входитъ также научить дѣтей видѣть красоты родного ландшафта. Мы скоро отыскиваемъ подходящее для этого мѣсто, а въ остальномъ намъ помогаетъ нашъ рисовальный приборъ, въ который входитъ маленькая четырехугольная картонная рамка. Надъ высокой луговой травой проносится вѣтеръ, и когда онъ колышетъ ее, она вся переливаетъ мягкими свѣтовыми волнами; взоръ слѣдуетъ за этими волнами вплоть до изгороди изъ орѣшника, заканчивающей лугъ; ели, стоящія дальше, одѣты еще въ свое, испещренное свѣтлыми крапинками, весеннее одѣяніе, а чернозеленыя сосны создаютъ рамку для всей картины. Солнце достигло своей наибольшей силы; земля словно содрогается отъ зноя. Вотъ по ту сторону дороги въ травѣ поднялась изящная головка съ черными глазками: за ней слѣдуетъ стройное, сѣровато-зеленое тѣло: это ящерица, потомокъ древнихъ, нѣкогда царствовавшихъ земныхъ породъ, которыя видѣли солнце задолго, задолго до насъ. Она раздуваетъ тѣльце, чтобы чувствовать побольше солнца. Ей, повидимому, необыкновенно хорошо въ этомъ полуденномъ зноѣ, который почти давитъ насъ, болѣе теплокровныя существа. Невольное движеніе, тихій шорохъ упавшаго камешка—ящерица пугается и моментально исчезаетъ, а вмѣстѣ съ ней и волшебное очарованіе полуденнаго часа. Мы вскакиваемъ и поднимаемся по склону холма. На верхушкѣ его мы останавливаемся. «Закройте глаза! Какого цвѣта вспаханное поле у нашихъ ногъ?»—«Черное!»—конечно раздается въ отвѣтъ. «Откройте глаза! Посмотрите!» Какое изумленіе,—земля фіолетовая! Если мы теперь на картинѣ, изображающей пейзажъ, увидимъ иныя краски, чѣмъ ожидали, мы уже не должны говорить, что такихъ красокъ не существуетъ. Постараемся лучше отыскать въ природѣ тѣ краски, которыя видѣлъ художникъ, и будемъ ему благодарны, если намъ это удастся. Будемъ радоваться, когда природа насъ ведетъ къ пониманію художественныхъ произведеній, а художественное произведеніе изощряетъ нашъ глазъ для пониманія красотъ природы.

Откроемъ подрастающему поколѣнію глаза также и на «художественныя формы въ природѣ». Мозаика листьевъ плюща наводитъ на мысль нарисовать ихъ; цвѣточный зон-

тикъ окопника даетъ модель для красивой вазы. Покажемъ также, что «художественныя формы въ природѣ» потому дѣйствуютъ на насъ столь удовлетворяющимъ образомъ, что являются выраженіемъ гармоніи между цѣлью и формой. Это пониманіе даетъ твердую основу для оцѣнки твореній рукъ человѣка, и вскользь сказанное слово можетъ иногда дать направленіе на всю жизнь. Дѣвочки съ удовольствіемъ вышьютъ бабочку съ натуры. Упрощеніе, часто требующееся для этого, раскрываетъ глаза на характерныя особенности данной формы, и подобная художественная работа гораздо полезнѣе и благодарнѣе, чѣмъ вязанье или вышиванье крестикомъ. Родная природа нисчерпаемо богата благородными формами; въ ней можетъ найти свои основы нѣмецкая культура, чтобы собственными силами дать расцвѣсть и своей художественно-ремесленной отрасли.

Польза школьныхъ экскурсій, при ихъ относительной рѣдкости и небольшомъ числѣ участниковъ, которое требуется для успѣшнаго проведенія ихъ, будетъ значительно ограничена, если онѣ не будутъ умѣло дополняться семейными экскурсіями дѣтей съ родителями.

При желаніи родители могутъ вмѣстѣ съ дѣтьми пріобрѣсти нѣкоторыя познанія въ области естествовѣдѣнія, помогая имъ собирать растенія, жуковъ, бабочекъ и т. п. Гербарій всегда легко устроить; а правильному опредѣленію растеній охотно помогутъ свѣдущіе учителя и друзья. Только профаны могутъ называть самодѣльный гербарій ничего нестоящей кучей сѣна; каждое растеніе, сорванное для гербарія, разсматриваютъ гораздо внимательнѣе, чѣмъ то, которое стоитъ у дороги. Повторный осмотръ закрѣпляетъ въ памяти ранѣе пріобрѣтенныя познанія и позволяетъ сдѣлать общій обзоръ ихъ; біологическія записи и рисунки увеличиваютъ пользу коллекціи. Каждый листъ разсказываетъ маленькому естествоиспытателю свою особую исторію и не только расширяетъ познанія ребенка, но углубляетъ и его душу.

Собираніе жуковъ и бабочекъ нельзя рекомендовать какъ общее правило, такъ какъ оно неизбѣжно связано съ убиваніемъ. Непрестанное тщательное наблюденіе надъ дѣтьми должно тутъ рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ временнымъ увлеченіемъ, или эта страсть къ коллекціонированію указываетъ на глубоко коренящуюся склонность къ естествен-

нымъ наукамъ. Въ послѣднемъ случаѣ ее надо поощрять, и когда мальчикъ станетъ зрѣлымъ мужемъ, эти коллекціи будутъ для него неисчерпаемымъ источникомъ радости и побужденіемъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Очень рекомендуется устройство акваріумовъ и террариевъ, особенно въ большихъ городахъ, съ ними въ каменныя громады домовъ вносится частица живой природы, а взглядъ, брошенный на таинственную жизнь, происходящую въ природѣ, въ полной мѣрѣ вознаграждаетъ за неизбѣжный при этомъ и далеко не малый трудъ.

Жители большихъ городовъ часто на много верстъ удалены отъ природы, между тѣмъ какъ въ маленькихъ городахъ и въ деревнѣ до природы «рукой подать». Нѣкоторой замѣной этого въ большихъ городахъ можно считать ботаническій и зоологическій сады, а также естественно-научные музеи; тамъ и дѣтская наблюдательность можетъ найти для себя богатую пищу, какъ пчела на цвѣтущей липѣ. Только для этого необходимо, чтобы глаза стремились видѣть больше, нежели одно кормленіе хищныхъ звѣрей, а уши не удовлетворялись однимъ слушаніемъ концертной музыки. Воскресныя экскурсіи родителей съ дѣтьми полезны не только для здоровья; онѣ дѣлаютъ богаче и содержательнѣе какъ семейную жизнь, такъ и душевную жизнь каждаго члена семьи, а давая возможность посѣщать любимыя мѣста въ различное время дня и года и подолгу оставаться тамъ, онѣ являются однимъ изъ лучшихъ средствъ, чтобы сдѣлать дѣтей воспріимчивыми къ главной красотѣ ландшафта—къ его настроенію. Когда въ открытомъ полѣ пускаютъ змѣя и поютъ при этомъ пѣсню, когда лежатъ въ травѣ около лѣсного ключа или въ поросшей верескомъ степи, и слушаютъ, какъ мать или отецъ читаютъ или декламируютъ, то всѣ эти впечатлѣнія, которыя глубоко западаютъ въ душу и пускаютъ въ ней корни, какъ цвѣтокъ въ лѣсной почвѣ. Природа тогда навсегда просвѣтлена художественнымъ произведеніемъ, а стихотвореніе, когда оно снова попадается ребенку, быть можетъ, пробудитъ въ его душѣ отблескъ волшебной красоты природы. Будетъ чудомъ, если ребенокъ не полюбитъ благодаря этому и родину и пѣсню.

Гимнастика для мальчиковъ.

Поля Гербера.

Физическое воспитаніе, дающее здоровье, силу и ловкость, есть основа всякаго умственнаго воспитанія. Физическая работа въ дѣтствѣ формируетъ умъ, закаляетъ волю, развиваетъ мужество, творческую фантазію. Но какъ разъ въ области физическаго воспитанія школа дѣлаетъ меньше всего; семья должна заниматься имъ, отчасти въ дошкольномъ возрастѣ дѣтей, отчасти и въ годы посѣщенія школы. Съ самаго ранняго дѣтства родители должны постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенокъ держался прямо и двигался бодро и весело. Онъ долженъ научиться ловко пользоваться всѣми своими членами при исполненіи обязанностей повседневной жизни. Позже надо еще больше слѣдить за хорошей осанкой при ходьбѣ и стояніи и за возможно менѣе вреднымъ положеніемъ корпуса при чтеніи, письмѣ и рукодѣліи, и сами родители должны стараться служить примѣромъ въ этомъ отношеніи. Но это не все. Чтобы расти и развить въ себѣ всѣ способности тѣла и души, ребенку нужны сильныя движенія на свѣжемъ воздухѣ. Здоровый ребенокъ не требуетъ понужденія къ этому. Дайте ему только волю, и онъ вездѣ находитъ себѣ товарищей, играетъ и рѣзвится со сверстниками, одолѣваетъ имъ же самимъ выбранныя препятствія, однимъ словомъ «дѣлаетъ гимнастику». Эти игры съ товарищами на свѣжемъ воздухѣ самое лучшее средство для развитія физическихъ силъ. Въ нихъ частично входятъ всѣ иныя средства физическаго воспитанія, какъ-то: ручной трудъ, оказываніе помощи взрос-

лымъ при сельскохозяйственныхъ или ремесленныхъ работахъ, самостоятельное занятіе ремеслами, подвижныя игры, гимнастика. Но все-таки каждое изъ этихъ перечисленныхъ занятій имѣетъ свои спеціальныя преимущества, слѣдовательно можетъ при иныхъ обстоятельствахъ принести и спеціальную пользу даже такъ называемая «вольная гимнастика». Если дѣти очень слабы, надо съ ними заниматься той гимнастикой, при которой лучше всего можно установить опредѣленную мѣру, т.-е. вольной гимастикой. Если они очень лѣнивы, надо съ ними дѣлать такія упражненія, при которыхъ легче всего принудить къ дѣятельности, т.-е. упражненія вольной гимнастики. Если они очень односторонни въ играхъ, необходимы всестороннія упражненія, развивающія всѣ члены, т.-е. опять-таки нужна вольная гимнастика.

Вольная гимнастика это упражненія, которыя дѣлаются безъ «аппаратовъ». Обыкновенно они производятся многими за разъ, иногда съ гирями или палкой въ рукахъ. Цѣль ихъ — возможно равномѣрное развитіе всѣхъ частей тѣла. Сначала производятъ движенія ногами и руками, потомъ туловищемъ и головой, наконецъ, дѣлаютъ и сложныя движенія, т.-е. одновременно различными членами. Собственно говоря, ребенокъ и самъ по себѣ производитъ подобныя же движенія: онъ тоже размахиваетъ руками и ногами, наклоняется и поворачиваетъ туловище, присѣдаетъ на корточки, прыгаетъ. Но все это игра и танцы. Если хотятъ ввести вольныя упражненія въ домашнюю гимнастику дѣтей, надо стараться соединить двѣ очень разнородныя вещи: сохранить характеръ игры и танцевъ, свойственный движеніямъ ребенка, и въ то же время стремиться къ систематическому развитію всего его тѣла. Труднѣе всего достигнуть перваго, т.-е. сдѣлать упражненія настолько интересными, чтобы они не наскучили ребенку. Цѣлое сокровище ритмическихъ и потому доставляющихъ удовольствіе движеній съ незапамятныхъ временъ заключено въ хороводахъ и народныхъ танцахъ, и ни одна мать не упуститъ случая потанцовать со своимъ ребенкомъ тѣ танцы, которые она въ дѣтствѣ танцовала со своими подругами. Но это сокровище осталось отъ тѣхъ временъ, когда не было недостатка въ движеніяхъ. Въ настоящее

время оно насъ далеко не удовлетворяетъ. А кромѣ того, по отношенію къ мальчикамъ именно въ школьномъ возрастѣ о танцахъ уже — и еще — не можетъ быть рѣчи. При всѣхъ же иныхъ видахъ вольныхъ упражненій притягательная сила должна исходить изъ побочныхъ обстоятельствъ. Первое время привлекаетъ самая новизна предмета, что мать и отецъ снисходятъ до такихъ прекрасныхъ игръ, какъ-то: размахивать руками, поднимать ихъ вверхъ, выбрасывать впередъ, наклонять и вращать туловище, сгибать или даже вздергивать плечами, что въ обычное время строжайше запрещается. Нѣкоторую роль играетъ и любовь къ подражанію и вообще къ движеніямъ: дѣти, вѣдь, безъ устали способны снова и снова дѣлать то, что имъ показали. Можно также подстрекать соревнованіе: «Кто выше всего поднимется на цыпочки?—ниже всѣхъ наклоняется впередъ?—дальше всѣхъ вытянетъ ногу впередъ?—дольше другихъ сохранитъ равновѣсіе въ этомъ положеніи? Кто выше всѣхъ можетъ прыгнуть на мѣстѣ?» Нѣкоторыя сложныя движенія, изображая какъ бы различныя занятія, могутъ заинтересовать фантазію, такъ, напримѣръ, есть: «мельница» (вращеніе рукъ), «дровосѣкъ», «пильщикъ», «жнецы» (названы такъ по сходству движеній), «работникъ съ тачкой» («тачка»—мальчикъ, который бѣжитъ на рукахъ, а другой держитъ его за ноги и толкаетъ впередъ). Различные виды ходьбы можно представить какъ бы упражненіями въ военномъ парадномъ маршѣ («медленный шагъ!»), кавалерійскіе удары съ выпадомъ (производимые кулакомъ или палкой) интересуютъ дѣтей сами по себѣ. Изъ упражненій съ палкой нѣкоторыя дѣйствительно интересны, не говоря ужъ о томъ, что дѣтей самъ по себѣ забавляетъ тотъ фактъ, что съ отцовской тростью можно дѣлать столько фокусовъ: волнообразно качать ею (попеременно справа вверхъ, спереди внизъ, слѣва вверхъ и т. д.), вращать ее по кругу, перекидывать на спину (черезъ голову), пролѣзать черезъ нее (держа ее въ рукахъ) и наконецъ употреблять въ качествѣ ружья, сабли и пики. При этой гимнастикѣ надо главнымъ образомъ стараться о томъ, чтобы дѣти дѣлали какъ можно больше разнородныхъ, дополняющихъ другъ друга движеній, чтобы ни одна часть тѣла не была забыта. Но эта методичность не должна все-

таки выступать на первый планъ, всякій педантизмъ да будетъ изгнанъ. Если дѣти изъ чистой любви къ движеніямъ, въ промежутки между упражненіями, прыгаютъ и скачутъ, надо только радоваться этому. Разумѣется, нельзя начинать упражненій, когда дѣти уже устали или когда желудки у нихъ полны, а также надо заботиться объ удобномъ платьѣ и хорошемъ воздухѣ.

Слѣдуя всѣмъ этимъ указаніямъ, можетъ быть удастся дѣлать съ дѣтьми полезную домашнюю гимнастику, начавъ ее до посѣщенія ими школы. Можетъ быть удастся сохранить ее и въ теченіе первыхъ школьныхъ лѣтъ, когда дѣти нуждаются въ возможно большемъ количествѣ движеній. Позже домашнюю гимнастику смѣняетъ болѣе систематическая, чѣмъ интересная, вольная гимнастика, преподаваемая въ школѣ, и она постепенно надоѣдаетъ мальчику; а затѣмъ идутъ веселыя упражненія на аппаратахъ и гимнастическія игры, которыя всецѣло привлекаютъ ребенка на свою сторону. И это не бѣда, потому что вольная гимнастика лишь въ слабой степени вліяетъ на обмѣнъ веществъ и на ростъ и не требуетъ ни ловкости ни мужества. Поэтому она и скучна.

Напротивъ того гимнастика на аппаратахъ требуетъ ловкости и развиваетъ ловкость, а также развиваетъ мужество и закаляетъ волю. Поэтому она и интересна, поэтому сама молодежь все снова изобрѣтаетъ ее и творческой фантазіей превращаетъ всевозможные предметы въ гимнастическіе аппараты. Лѣстницы, перила, дышла, карнизы, вѣтви деревьевъ служатъ турниками, два стула замѣняютъ параллельные брусья, на висящихъ веревкахъ качаются, вокругъ фонарныхъ столбовъ упражняются въ своего рода бѣгѣ на гигантскихъ шагахъ, а играя въ чехарду, прыгаютъ другъ черезъ друга. И все это, не говоря ужъ о лазаніи и балансированіи, дѣлается съ неутомимымъ постоянствомъ и все новой охотой. Но все же такая гимнастика остается примитивной. Если хотятъ въ полной мѣрѣ достигнуть всего, что можетъ дать гимнастика для развитія тѣла и характера, а главнымъ образомъ, если дѣло идетъ не о малюткахъ или о дѣвочкахъ, а о большихъ мальчикахъ, тогда пользуются настоящими аппаратами, на которыхъ можно дѣлать болѣе трудныя и разнообразныя упражненія. Все

воспитаніе мальчиковъ колеблется между двумя противоположными принципами: мальчикъ долженъ стать мужчиной и научиться съ честью выходить даже изъ опасныхъ положеній; но съ другой стороны его не хотятъ подвергать опасностямъ, чтобы онъ не погибъ отъ нихъ. Первый принципъ особенно подчеркивается мужскимъ, второй женскимъ воспитаніемъ. Оба эти противоположные принципа можно соединить въ гимнастикѣ на аппаратахъ: тамъ есть опасности, но погибнуть отъ нихъ могутъ только люди, не умѣющіе пользоваться ни своими пятью чувствами, ни своими членами, и неспособные ни къ какому напряженію, чтобы преодолѣть трудности. Слѣдовательно гимнастика на аппаратахъ имѣетъ большое воспитательное значеніе. Но въ этой области, какъ и во всемъ, касающемся физическаго воспитанія, школа дѣлаетъ очень мало. Ее должно заступить домашнее воспитаніе. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы хотимъ помочь хорошимъ совѣтомъ тѣмъ родителямъ, которые способны и желаютъ руководить гимнастикой своихъ сыновей.

Прежде всего нужно глубоко проникнуться слѣдующими правилами: 1) По возможности дѣлай гимнастику на открытомъ воздухѣ! 2) Провѣряй прочность употребляемыхъ аппаратовъ! 3) Занимайся гимнастикой въ обществѣ другихъ! 4) При всякомъ упражненіи пусть тутъ же стоитъ человѣкъ, готовый подхватить въ случаѣ нужды!

Первое правило, къ сожалѣнію, во многихъ городахъ выполнимо лишь съ большимъ трудомъ. Но оно очень важно: упражненія въ бѣгѣ, прыганіи и метаніи можно дѣлать какъ слѣдуетъ лишь на открытомъ воздухѣ, а кромѣ того, при гимнастикѣ сильно учащается дыханіе, и потому хорошій, не пыльный воздухъ болѣе чѣмъ необходимъ. Поэтому не слѣдовало бы ограничиваться обычнымъ турникомъ въ дверяхъ комнаты или въ коридорѣ и тамъ же повѣшенными кольцами.

Аппараты требуютъ провѣрки съ точки зрѣнія прочности. Не спеціалистъ, конечно, мало понимаетъ толка въ доброкачественности дерева и т. п. Но достаточно въ самомъ началѣ и позже, время отъ времени, устраивать испытанія. Если всей тяжестью собственнаго тѣла сѣсть на аппаратъ или повиснуть на немъ, а также попробовать

раскачать столбы, и аппаратъ выдерживаетъ, то мы спокойно можемъ предоставить его дѣтямъ. Правда, требуются еще кой-какія мѣры предосторожности и предохранительныя приспособленія, но и ихъ въ большинствѣ случаевъ легко контролировать. Ниже мы укажемъ на нихъ по отношенію къ каждому отдѣльному аппарату. Вообще же всѣ аппараты, устроенные на открытомъ воздухѣ, требуютъ особыхъ приспособленій для защиты отъ дѣйствія сырости. Относительно отдѣльныхъ приспособленій достаточно удостовѣриться въ ихъ наличности (напримѣръ: защищены ли деревянныя части сверху косымъ дощатымъ навѣсомъ и выкрашены ли онѣ). А по отношенію къ остальнымъ опять-таки надо дѣлать провѣрку (напримѣръ, разсматривать части аппарата, вбитыя въ землю).

Турникъ. Деревянная палка турника (рекомендуется для дѣтей поменьше) не должна имѣть косыхъ волоконъ. Она должна быть гладкой Крючки шнурованныхъ ботинокъ легко могутъ расщепить ее. Палка должна быть такъ закрѣплена на стойкахъ, чтобы она не могла упасть сама собой. Мальчики должны привыкнуть тщательно закрѣплять ее. Качающійся турникъ, или трапецію, лучше не устраивать. На ней можно дѣлать мало упражненій, а простое качаніе, къ которому она побуждаетъ, имѣетъ мало смысла и даже вредно.

— Кольца для качанія (и трапеція). Желѣзные крючья, на которыхъ они висятъ и которые должны быть загнуты нѣсколько разъ, можно ввинчивать только въ крѣпкія бревна. На потолкѣ комнаты надо разыскать такія бревна. Верхній карнизъ двери обыкновенно недостаточно проченъ для этого. На всякій случай отъ ремней или веревокъ, на которыхъ кольца (или трапеція) висятъ, должны итти предохранительныя цѣпи къ особымъ желѣзнымъ крючьямъ. Цѣпи въ обычное время висятъ свободно и должны нести тяжесть только въ случаѣ нужды, когда другое закрѣпленіе почему-либо испортилось. Но на открытомъ воздухѣ и ихъ надо часто изслѣдовать. Да и въ комнатѣ веревки могутъ перетереться, ремни порваться, пряжки ослабнуть. Присматривать за этимъ время отъ времени нетрудно и можно даже поручать это дѣтямъ.

Параллельные брусья. Что касается самихъ брусьевъ, смотри палку турника. Разстояніе между ними должно быть не шире мальчика, дѣлающаго гимнастику.

Гимнастическій станокъ (турникъ, кольца и приспособленія для лазанія). Къ укрѣпленію висящихъ лѣстницъ, висящихъ шестовъ и канатовъ примѣнимо все, что говорилось объ укрѣпленіи колецъ. Лѣстницы, стоящія на землѣ, и шесты для лазанія тоже должны быть закрѣплены верхнимъ концомъ. Относительно ихъ гладкости и волоконъ см. турникъ. Часть перекладинъ лѣстницы должна быть такъ вдѣлана въ нее, чтобы сдерживать вмѣстѣ ея продольныя части. Свободно вертящіяся перекладины представляютъ при гимнастикѣ особыя трудности, на которыя надо обратить вниманіе дѣтей.

Но вообще гимнастика къ тому и служитъ, чтобы пріучить дѣтей самихъ раскрывать глаза. Такъ, напримѣръ, они должны научиться сами смотрѣть за тѣмъ, въ порядкѣ ли аппараты (какъ они сами должны держать въ порядкѣ свои игрушки). Этимъ соединяютъ полезное съ пріятнымъ: дѣти пріучаются къ порядку и въ то же время еще болѣе ограждены отъ опасности (вѣдь легко можно не замѣтить чего-нибудь). Все это очень легко: палку турника дѣти, конечно, должны закрѣплять очень тщательно; трапецію и кольца, которыя въ данную минуту не нужны, надо убирать, чтобы не удариться о нихъ головой. Если затѣмъ еще удастся пріучить дѣтей самихъ слѣдить за порчей аппаратовъ, бороться съ этимъ и по возможности самимъ исправлять поврежденія, то мы сдѣлали значительную воспитательную работу.

Гимнастика должна быть товарищеской игрой, участники которой взаимно поощряютъ другъ друга. Найти товарищей легко, все дѣло только въ томъ, чтобы не допускать дурныхъ элементовъ, силой подавлять ихъ.

При гимнастикѣ это сравнительно легко. Необходимо только воспитать въ мальчикахъ духъ строгой дисциплины и порядка, а, судя по опыту, послѣдній при гимнастикѣ кажется имъ вполнѣ естественнымъ. Важное значеніе имѣетъ при этомъ «помощь на случай нужды».

Принципъ: «при всякомъ упражненіи тутъ же долженъ стоять человѣкъ, готовый помочь и подхватить» сразу понятенъ дѣтямъ, и, если онъ рано внушенъ имъ, они сами твердо держатся его. При многихъ упражненіяхъ способъ оказанія помощи опредѣляется самъ собой: держать упражняющагося такъ крѣпко, чтобы онъ не упалъ. Но при другихъ упражненіяхъ бываютъ такія неожиданныя, внезапныя движенія, что надо спеціально научить дѣтей, какъ помогать при этомъ.

Кромѣ того, надо стремиться выработать высшій родъ помощи. Идеалъ помощи, чтобы упражняющагося вообще не подхватывали, пока онъ дѣйствительно не падаетъ. Для этого нужно съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдовать всѣмъ тѣломъ за каждымъ движеніемъ упражняющагося. Быть готовымъ — въ этомъ заключается все. Ясно, что такого рода помощь очень утомительна. Но зато она гораздо легче развиваетъ въ упражняющихся увѣренность въ себѣ. Достичь идеала можно, разумѣется, только приблизительно. Съ другой стороны и недостатокъ помощи не всегда немедленно повлечетъ за собой несчастье; ибо здоровые мальчики въ большинствѣ

случаевъ не повредятъ себѣ при паденіи на мягкій грунтъ. Только при нѣкоторыхъ упражненіяхъ на турникѣ тѣло получаетъ такой размахъ, что при паденіи буквально летитъ, какъ изъ пращи. Тогда нужна особенно надежная и увѣренная помощь. Но и вообще помощь необходима и важна: она прекрасное средство, чтобы воспитать въ мальчикахъ безкорыстную готовность помочь другимъ и добросовѣстное исполненіе обязанностей.

Если, соотвѣтственно этимъ принципамъ, въ гимнастику дѣтей введенъ порядокъ и извѣстная дѣловая серьезность, а также забота о возможномъ предотвращеніи несчастій, то воспитательныя задачи гимнастики въ общемъ исчерпаны. Но кто умѣетъ, тому слѣдовало бы принимать участіе въ самой гимнастикѣ. Кто можетъ, тому слѣдовало бы, поскольку это допускаютъ аппараты, самому дѣлать съ дѣтьми всѣ упражненія, или же хоть при случаѣ указывать имъ правильное положеніе, обусловливающее возможность управлять всѣмъ своимъ тѣломъ. Вообще тому слѣдовало бы руководить мальчиками, и когда они, напримѣръ, односторонне увлекаются какимъ-нибудь однимъ аппаратомъ, противодѣйствовать этому, спеціально поощряя другія важныя упражненія (прыжки — при увлеченіи турникомъ; турникъ — при увлеченіи параллельными брусьями и т. д.). Ребенку вовсе не нужно особаго разнообразія упражненій. Всѣ движенія имѣютъ для начинающихъ особую прелесть новизны, какъ бѣганье для малютокъ, — даже самыя простыя упражненія. Дѣти безъ устали могутъ переворачиваться на турникѣ, качаться на параллельныхъ брусьяхъ и кольцахъ, не говоря ужъ о перепрыгиваньѣ черезъ кобылу. Также, въ общемъ, найдется немного такихъ упражненій, отъ которыхъ ихъ надо бы удерживать; всѣ они будутъ указаны дальше.

А еще меньше такихъ, на которыя спеціально надо бы наводить дѣтей — т.-е. въ томъ случаѣ, если они видятъ гимнастику другихъ.

Турникъ. На низкомъ турникѣ дѣти прежде всего охотно и легко перекувыркиваются внизъ головой, крѣпко держась руками за палку (рис. 1). И обратное движеніе: перекинуть тѣло черезъ палку, чтобы очутиться въ положеніи упора, на низкомъ турникѣ легко сдѣлать. («Подъемъ на животѣ», названный такъ потому, что, кромѣ рукъ, точкой опоры является только животъ). Но это движеніе требуетъ больше силы и ловкости, чѣмъ

опусканіе внизъ. Дѣлая послѣднее очень медленно, можно постепенно развить силу для перебрасыванія себя вверхъ. Оба эти движенія являются для меленькихъ мальчиковъ хорошимъ упражненіемъ въ мужествѣ. Особой помощи они не требуютъ; только, пока голова направлена внизъ, надо подхватывать начинающихъ. (NB. Существуютъ ненормальные: болѣзненно тучные или люди со слабыми мускулами, которые въ этомъ смыслѣ всегда останутся „начинающими"). Также надо твердо внушить правильное положеніе рукъ, а именно: руки при всякомъ переворачиваніи должны держать палку такъ, чтобы большой палецъ шелъ впередъ, а остальные пальцы за нимъ. Предварительнымъ упражненіемъ переворачиванія, а также самостоятельнымъ упражненіемъ является слѣдующее: держась руками за палку или вися на рукахъ (при болѣе высокомъ турникѣ), поднимаютъ ноги до палки, какъ при подъемѣ, а затѣмъ просовываютъ подъ палкой между руками. Дальше можно ихъ или опустить на землю съ другой стороны, или просунуть назадъ, или присоединить различныя другія упражненія, напримѣръ: положить обѣ ноги въ согнутомъ положеніи черезъ палку и выпустить руки (висѣніе на колѣняхъ). Если просунуть подъ палкой (между руками или около нихъ) только одну ногу или перекинуть ее въ согнутомъ положеніи черезъ палку, то другой вытянутой ногой можно раскачаться и взобраться на турникъ посредствомъ подъема при раскачиваніи колѣнъ, а также въ этомъ положеніи дѣлать полное переворачиваніе взадъ и впередъ. При всѣхъ этихъ движеніяхъ можно и надо съ самаго начала настаивать на правильномъ положеніи корпуса и бороться противъ стремленія молодежи переворачиваться какъ можно большее число разъ подъ рядъ. Ибо послѣднее совсѣмъ безполезно. На болѣе высокомъ турникѣ молодежь очень любитъ слѣдующее упражненіе: вперегонки, кто больше, подтягиваться и опускаться на рукахъ. Это упражненіе требуетъ силы и развиваетъ силу, и очень полезно, особенно для грудной клѣтки.

Рис. 1.

Очень любимое и важное упражненіе — качаніе. Но

при этомъ надо слѣдить за двумя вещами: 1) чтобы «подхватывали», т.-е. чтобы въ концѣ каждаго качанія взадъ и впередъ руки снова выше хватались за палку. 2) Чтобы научились правильно спрыгивать. Нельзя просто отпустить руки, но надо подождать, чтобы тѣло находилось въ концѣ одного колебанія и собиралось начать колебаніе въ обратную сторону. Въ эту минуту, на этой «мертвой точкѣ» надо спрыгнуть и при этомъ, чтобы твердо стать на землю, надо еще подчеркнуть эту «мертвую точку» движеніемъ верхней части туловища, а именно: при спрыгиваніи впередъ надо хорошо выпятить грудь, при спрыгиваніи назадъ — наоборотъ, согнуть спину. Усовершенствованію въ спрыгиваніи помогаетъ главнымъ образомъ соотвѣтствующее упражненіе на кольцахъ, а также спеціальное упражненіе, которое можно дѣлать какъ на турникѣ, такъ и на кольцахъ: перебрасываніе себя назадъ черезъ веревку. При этомъ упражненіи ноги спереди поднимаютъ надъ веревкой и затѣмъ, быстро выпятивъ грудь, перекидываютъ черезъ веревку до этого согнутое, а въ эту минуту выпрямленное, тѣло. Тутъ, какъ и вообще при прыжкѣ впередъ, нужна двоякаго рода помощь: одинъ долженъ стоять спереди и держать протянутую руку, чтобы упражняющійся не упалъ впередъ, а другой сзади — чтобы онъ не упалъ назадъ (см. рис. 2). Если постепенно вѣшать веревку выше, упражненіе пріобрѣтаетъ новый интересъ, и польза его возрастаетъ; то же самое можно сказать и о всѣхъ упомянутыхъ упражненіяхъ, если выше закрѣплять палку турника.

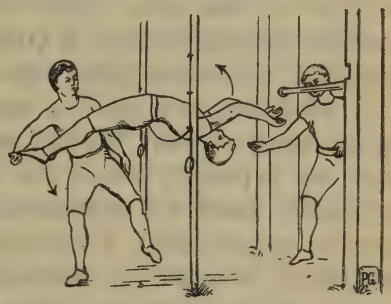


Рис. 2.

Хорошія упражненія для развитія мужества и ловкости — это перемѣна точки сидѣнія и опоры на турникѣ. Изъ положенія упора поднимаютъ одну ногу и перекидываютъ ее черезъ палку, такъ что сидятъ на ней верхомъ; затѣмъ или перекидываютъ за первой и вторую ногу, или же переворачиваются кругомъ, налѣво или направо, и перекидываютъ ногу обратно. Самое трудное при этомъ сохранить равно-

вѣсіе. NB. Настоящихъ упражненій въ балансированіи стоя вообще нельзя требовать отъ дѣтей на круглыхъ тонкихъ палкахъ турника, а на параллельныхъ брусьяхъ, перилахъ и т. п. только въ томъ случаѣ, если высота ихъ значительно ниже дѣтскихъ ногъ.

Изъ этихъ основныхъ упражненій большинство годится для мальчиковъ, начиная съ семилѣтняго возраста, нѣкоторыя же даже для болѣе маленькихъ; перекидываніе тѣла черезъ веревку — съ девятилѣтняго возраста. Кромѣ этихъ простыхъ основныхъ упражненій, они узнаютъ и попробуютъ цѣлый рядъ другихъ, которыя также полезны для развитія мужества, силы и ловкости. Только эти упражненія будутъ либо сложнѣе, либо труднѣе и потому годятся лишь для болѣе старшаго возраста. Такъ, напримѣръ, можно изъ положенія упора быстро откачнуться отъ палки: самостоятельное упражненіе, которое можно дѣлать вперегонку — кто дальше. Но если дать тѣлу вернуться назадъ къ палкѣ и немного согнуть руки, тогда ноги перетягиваютъ и влекутъ за собой снизу тѣло черезъ палку.

Параллельные брусья. Какъ на турникѣ, такъ и на параллельныхъ брусьяхъ первая задача гимнаста — это взобраться наверхъ. Дѣти поменьше влѣзаютъ, дѣти побольше подпрыгиваютъ и упираются руками. И очутившись наверху, маленькія дѣти продолжаютъ лазать, напримѣръ, съ одной перекладины на другую (перекладины — это обѣ продольныя палки). Затѣмъ можно дѣлать рядъ упражненій, какъ на турникѣ, пользуясь для этого только одной перекладиной. Вися на колѣняхъ, можно подсунуть ноги подъ другую перекладину и стараться медленно, держась по возможности прямѣе, съ вытянутыми вдоль головы руками, поднимать и опускать туловище. Настоящія упражненія на параллельныхъ брусьяхъ, — это такія, которыя дѣлаютъ, опираясь на обѣ перекладины, при чемъ каждая рука держится за одну перекладину и только онѣ обѣ и поддерживаютъ все тѣло.

Но при этомъ простомъ упорѣ поперекъ брусьевъ надо слѣдить за правильнымъ, т.-е. въ данномъ случаѣ не вреднымъ для здоровья, положеніемъ тѣла, а именно: плечи должны быть опущены, грудь не должна быть выгнута, голову надо держать свободно и высоко. Кто этого не мо-

жетъ, тотъ совсѣмъ не долженъ упражняться такимъ образомъ на параллельныхъ брусьяхъ — или, по крайней мѣрѣ, только въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Вѣдь на параллельныхъ брусьяхъ кромѣ этого существуетъ еще много упражненій, которыя не требуютъ продолжительной опоры на рукахъ и благодаря которымъ пріобрѣтается необходимая для этого сила. Такими являются разнообразныя перемѣны положенія: сидя извѣстнымъ образомъ на перекладинахъ или садятся по-другому, или такимъ же образомъ, но на другомъ мѣстѣ, и такъ передвигаются по брусьямъ взадъ, впередъ и вбокъ. Затѣмъ опора въ лежачемъ положеніи, при которомъ тѣло также держится не только на рукахъ, но и ноги кладутся на перекладины спереди или сзади: въ этомъ положеніи можно производить различныя упражненія, какъ-то сгибать и вытягивать руки, поднимать одну руку и одну ногу и качать ими (соблюдай равновѣсіе!). Трудное упражненіе, за которое можно браться лишь позже, это опусканіе тѣла (ноги и руки остаются на перекладинахъ) между перекладинами въ положеніе, какъ при плаваніи на четвереньках. Опасно оно только при наклонности къ пупочной грыжѣ и тому подобнымъ болѣзнямъ, но всегда нужно дѣлать его медленно и на время сгибая руки, а также необходимо, чтобы тутъ же стоялъ человѣкъ, готовый подхватить. Очень хорошо также изъ этого положенія снова подняться въ лежачее. Если мальчикъ достаточно силенъ и разстояніе между перекладинами достаточно узкое, можно позволить ему качаться, держась на рукахъ. Но онъ не долженъ качаться слишкомъ высоко, и необходимо присутствіе помощника.

Ибо, откачиваясь назадъ, онъ легко можетъ упасть головой внизъ и, если его крѣпко не схватить за верхнюю часть руки, онъ прямо упадетъ между перекладинами и сильно растянетъ грудные мускулы. Раскачавшись, можно различнымъ образомъ спрыгнуть на землю. Можно перебросить тѣло черезъ перекладину передъ рукой или позади нея. Если передъ рукой, при чемъ тыльная сторона обращена къ аппарату, это называется «возвратный поворотъ», если за ней — просто «оборотъ». Другой видъ прыжка—это излюбленное упражненіе въ храбрости: полулунный или полнолунный прыжокъ. При немъ съ конца брусьевъ прыгаютъ впередъ

или назадъ, при чемъ въ то же время вытягиваютъ ногу надъ одной перекладиной или производятъ этотъ пріемъ одновременно обѣими ногами надъ обѣими перекладинами. При послѣднемъ упражненіи помощь нужно оказывать спереди. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: широко разставивъ ноги, какъ при многихъ упражненіяхъ (см. рис. 2), стоятъ бокомъ передъ упражняющимся и, когда онъ качается впередъ, опираются на переднюю ногу, когда же онъ откачивается назадъ и когда соскакиваетъ, опираются на другую ногу и могутъ такимъ образомъ подхватить его спереди. Надо предупреждать не только паденіе впередъ, но и не давать ему отшатнуться назадъ, чтобы онъ не ушибся о конецъ перекладины. Перекувыркиваніе съ конца перекладинъ тоже охотно дѣлается даже маленькими мальчиками. Легче всего произвести его, если, сидя на перекладинѣ съ растопыренными ногами (за руками), настолько наклонить корпусъ впередъ, что достаточно еще небольшого усилія и встать на землю за аппаратомъ. Перекувыркиваться, предварительно раскачавшись, гораздо красивѣе, но и труднѣе. Вообще же учиться перекувыркиваться можно только съ надежнымъ помощникомъ. При этомъ необходимо: 1) Съ начала до конца упражненія, по крайней мѣрѣ, одной рукой держать упражняющагося за верхнюю часть руки. 2) Чтобы и туловище, когда оно грозитъ перевернуться не въ надлежащую сторону, было подхвачено вóвремя, а не тогда, когда онъ съ размаху падаетъ, положимъ, на одну перекладину. Для этого перекладины должны быть такъ низки, чтобы помощникъ могъ достать рукой черезъ голову упражняющагося. Вообще же, помогая при упражненіяхъ на параллельныхъ брусьяхъ, соблюдать слѣдующія условія: не попадать рукой между туловищемъ упражняющагося и перекладиной! Иначе можно легко сломать себѣ руку. Дѣти охотно перекувыркиваются также и въ серединѣ параллельныхъ брусьевъ, дѣлая это съ растопыренными ногами, такъ что, перекувыркнувшись, оказываются на перекладинахъ въ лежачемъ положеніи, а затѣмъ садятся на нихъ. Это они облегчаютъ себѣ тѣмъ, что зацѣпляютъ согнутыми въ локтѣ руками за перекладины и ниже; двойной поворотъ и вообще подобное круглое упражненіе ногъ надъ перекладинами, прыжки черезъ параллель-

ные брусья и т. д. Кромѣ того, на этомъ аппаратѣ можно учиться дѣлать болѣе длинныя, сложныя группы упражненій: это совершенно особая и очень хорошая школа для воспитанія воли.

Кольца частично замѣняютъ турникъ и качели и вообще они не настоящій гимнастическій аппаратъ.

Истиннымъ достояніемъ дѣтей, по справедливости, являются всѣ приспособленія для лазанія. Тамъ есть пища ихъ воображенію. Тамъ они могутъ соединить игру съ гимнастикой, вволю лазать по канатамъ, шестамъ и лѣстницамъ, представляя пожарныхъ или матросовъ. Хотя раньше всего они, разумѣется, должны научиться лазать. Лазаніе по лѣстницѣ дается само собой. Влѣзать по ней, по возможности не держась руками, перелѣзать съ одной стороны на другую, скользить. При этомъ упражненіи помощникъ, слѣдуя вышеуказанному правилу, долженъ хватать подъ перекладиной.

При пользованіи канатомъ надо научить дѣтей держать его при лазаніи не между верхними частями ногъ, а между нижними частями ихъ, надъ колѣнями и между ступнями, потому что это полезнѣе. А кромѣ того имѣетъ и другія преимущества: при лазаніи по шесту можно не такъ бояться раздраженія половыхъ органовъ.

Прыжки. Хотя всѣ упомянутые до сихъ поръ аппараты являются аппаратами для лазанія, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, но всѣ они даютъ также случай упражняться въ главной отрасли гимнастики, въ прыжкахъ. О прыжкахъ при разнаго рода упорахъ мы уже упоминали. Съ разбѣга подскочить и повиснуть на высокомъ турникѣ очень хорошее упражненіе въ храбрости, если прыжокъ дѣлается не подъ самымъ турникомъ, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Кромѣ того, это полезно для упражненій въ качаніи. О прыжкахъ черезъ параллельные брусья мы также уже упоминали. Ихъ разумѣется можно дѣлать и черезъ низкій турникъ. И, наконецъ, тоже упоминалось, что мальчики охотно прыгаютъ другъ черезъ друга, играя въ чехарду. Важнѣе всего этого были бы смѣшанные прыжки черезъ болѣе высокіе аппараты, высокіе козлы и кобылки, поставленные поперекъ и вдоль. Но для домашней гимнастики врядъ ли кто-нибудь можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи

всѣ эти аппараты. Зато очень распространеннымъ приспособленіемъ для прыганья является вращающаяся веревка. Къ прыгалкѣ, которую вертитъ самъ прыгающій, мальчики, положимъ, относятся презрительно, какъ къ гимнастическому приспособленію для дѣвочекъ. Но если другой вертитъ веревку, а они должны съ разбѣгу пробѣжать подъ ней или перепрыгнуть черезъ нее, тогда и они согласны принять ее. И это очень хорошее упражненіе, развивающее вниманіе, потому что надо при этомъ точно выбрать моментъ для прыжка.

Важнѣе же всего вольные прыжки. Прыжкамъ въ вышину учатъ обыкновенно черезъ протянутую поперекъ веревку. Прыжокъ съ мѣста безъ разбѣга является самостоятельнымъ упражненіемъ, а также подготовкой къ прыжкамъ съ разбѣга. Выше всего можно прыгнуть, если оттолкнуться одной ногой, а другую перекинуть черезъ препятствіе раньше. Правильному положенію — голову назадъ, ноги впередъ — и хорошему присѣданію въ концѣ прыжка, въ большинствѣ случаевъ, надо сначала научить дѣтей. Также и прыгать прямо вверхъ они научаются лишь со временемъ; сначала они обыкновенно дѣлаютъ длинный прыжокъ въ вышину, который, впрочемъ, самъ по себѣ тоже хорошее упражненіе. Нашъ способъ разбѣгаться прямо на препятствіе соблазняетъ къ этому. Прыжокъ съ косымъ разбѣгомъ (шотландскій прыжокъ) также заслуживаетъ, чтобы ему научились. Но это съ успѣхомъ удается только въ томъ случаѣ, если нѣмецкій способъ прыганья не вошелъ еще въ привычку. Всѣ эти прыжки въ вышину упражняютъ не только члены, но и глазъ. Къ сожалѣнію, мы, нѣмцы, до сихъ поръ сами лишали себя самой цѣнной части этого упражненія. Поэтому, когда прыгаютъ на открытомъ мѣстѣ, долой трамплинъ! Глазъ долженъ научиться при быстромъ бѣгѣ выбирать мѣсто, откуда надо прыгнуть. При прыжкахъ на разстояніе достаточно обозначить мѣсто, откуда надо начать прыжокъ, которое и въ жизни всегда бываетъ опредѣлено (напр., край рва). И прыжки на разстояніе можно дѣлать безъ разбѣга, но съ другой стороны разбѣгъ при этихъ прыжкахъ и при длинныхъ прыжкахъ въ вышину (еще въ большей степени, чѣмъ при простомъ прыжкѣ въ вышину) самъ по себѣ является цѣннымъ упражне-

ніемъ. Онъ долженъ быть сильнымъ и въ то же время не долженъ утомлять. Большая часть силы, съ которой тѣло подбрасывается впередъ, получается изъ разбѣга. Надо только подбросить тѣло достаточно высоко, чего начинающіе обыкновенно не дѣлаютъ. Всѣ эти прыжки можно дѣлать также, держа въ рукахъ тяжести, напримѣръ, гири. Кто этому научился, тотъ съ умѣренной тяжестью въ рукахъ прыгнетъ даже дальше и выше, чѣмъ безъ нея. Со всѣхъ аппаратовъ и съ лѣстницъ и т. п. можно дѣлать прыжокъ внизъ. Но только надо начинать съ умѣренной высоты (высота плечъ и меньше) и принимать нѣкоторыя иныя мѣры предосторожности: прыгать осторожно, чтобы не поскользнуться и не застрять каблуками; не держать языка между зубами; при присѣданіи держать колѣни врозь, а не у подбородка!

Впрочемъ естественный порядокъ, въ которомъ различные виды прыжковъ слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ разъ обратный тому, въ которомъ мы ихъ разсматривали: прыгать со стульевъ и т. п. величайшее удовольствіе даже для самыхъ малыхъ ребятишекъ. Правильному же положенію корпуса, чтобы не упасть лицомъ впередъ при прыжкѣ въ вышину, дѣти научаются только путемъ опыта при прыжкахъ на разстояніе, которые при бѣганіи происходятъ сами собой; а прыжки на разстояніе слѣдуютъ послѣ прыжковъ внизъ. Но все же, какъ прыжки на разстояніе, такъ и прыжки въ вышину свойственны уже самому раннему гимнастическому возрасту, т.-е. дѣтямъ 5—6 лѣтъ. Только послѣднія неохотно будутъ прыгать черезъ такое искусственное препятствіе, какъ веревка. Они гораздо охотнѣе станутъ перескакивать черезъ низкія перила, изгороди, бревна и кучи камней. Вотъ уже и прыжки черезъ препятствіе.

Если препятствія немного выше, такъ что требуется настоящее умѣнье прыгать въ вышину, чтобы перескочить черезъ нихъ, тогда они годятся лишь для гимнастики дѣтей старшаго возраста, лѣтъ приблизительно съ 9-ти. Еще позже можно упражняться въ настоящемъ бѣгѣ съ препятствіями. При немъ, разбѣжавшись во всю прыть, съ возможно меньшей потерей времени, перескакиваютъ черезъ препятствіе и тотчасъ же бѣгутъ дальше, для чего послѣ

прыжка надо оставить корпусъ склоненнымъ впередъ. Прыжкомъ черезъ препятствіе съ косого разбѣга является прыжокъ фехтовальщика, напр., черезъ заборъ или низенькій турникъ (необходима помощь!). Это такой же прыжокъ, какъ и вольный прыжокъ въ вышину, только при немъ еще больше откидываются назадъ и опираются на препятствіе ближайшей къ нему рукой. Въ другой рукѣ фехтовальщикъ можетъ держать свое оружіе.

Вѣнецъ всѣхъ прыжковъ — прыжки съ шестомъ. Этимъ прыжкамъ учатъ приблизительно лѣтъ съ 12-ти. Сначала съ какого-нибудь аппарата дѣлаютъ прыжокъ на разстояніе съ двумя шестами, затѣмъ съ однимъ. Потомъ прыжокъ на разстояніе съ разбѣга безъ поворота, затѣмъ съ поворотомъ и, наконецъ, прыжокъ въ вышину. Шестъ надо втыкать въ землю спереди (прямо спереди, а не вкось и не сбоку!) въ то самое мгновеніе, когда начинаютъ прыжокъ. Этотъ прыжокъ является тогда прыжкомъ съ разставленными ногами, только ноги выбрасываются впередъ гораздо больше, чѣмъ при вольномъ прыжкѣ, и прыгающій крѣпко опирается на шестъ и даже старается выше взобраться по немъ. Это хорошее испытаніе мужества и ловкости. Шесты должны, разумѣется, всегда быть безупречными, не слишкомъ тонкими и не имѣть склонности ломаться или дѣлать занозы. Не у каждаго есть дворъ или садъ для гимнастики, и не въ каждомъ дворѣ и саду можно дѣлать прыжки съ разбѣга или даже установить вышеупомянутые аппараты. Но каждый можетъ воспользоваться просторнымъ Божьимъ міромъ. Каждому отцу слѣдовало бы совершать съ дѣтьми гимнастическія прогулки въ лѣсъ и поле. Ибо гимнастическія прогулки — завершеніе всей гимнастики. На этихъ прогулкахъ не только ходятъ и бѣгаютъ, но и примѣняютъ всю гимнастику. Тамъ первобытный турникъ: сукъ дерева; тамъ природныя приспособленія для лазанія: дерево и скала; естественныя препятствія для прыганья: изгородь и ручей. Тамъ можно упражняться въ метаніи камней или копій, либо вдаль, либо въ опредѣленную цѣль. Тамъ можно плавать и бороться, кричать и пѣть сколько душѣ угодно. Очень немногіе учителя гимнастики заставляютъ на урокахъ бороться регулярно и по всѣмъ правиламъ искусства. Для этого нѣтъ времени въ теченіе немногихъ часовъ,

посвящаемыхъ гимнастикѣ. И все же борьба принадлежитъ къ самымъ цѣннымъ упражненіямъ какъ для тѣла, такъ и для ума; ни при какомъ иномъ состязаніи побѣда не зависитъ въ столь значительной степени отъ сознательной силы воли и присутствія духа. Поэтому отецъ долженъ научить своихъ сыновей бороться. И онъ долженъ также вести ихъ въ открытое поле, гдѣ они могутъ вволю порѣзвиться и повозиться. Лазанье, прыганье и плаванье можетъ въ иныхъ случаяхъ стать опаснымъ для нихъ самихъ; метанье можетъ быть опаснымъ для постороннихъ. Но развѣ изъ-за этого нѣмецкая молодежь должна обходиться совершенно безъ этого упражненія? Взрослые должны руководить ею, указывать на опасности и выводить изъ затруднительныхъ положеній, въ которыхъ дѣти могутъ очутиться въ качествѣ неумѣлыхъ начинающихъ. И даже лучше, чтобы отецъ научилъ сыновей обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и «лукомъ», чѣмъ если дѣти знаютъ объ этихъ опасныхъ предметахъ только по наслышкѣ. Когда-нибудь они все же получатъ ихъ отъ товарищей, и если еще не знакомы съ ними, дѣло легко можетъ принять дурной оборотъ.

Итакъ, ведите дѣтей на прогулки не всегда въ разряженномъ праздничномъ видѣ, но въ одеждѣ, которая не боится дурной погоды! Даже въ снѣгъ и дождь! Пусть они гуляютъ, бѣгаютъ, прыгаютъ, лазаютъ, плаваютъ, упражняются въ метаніи и борьбѣ! Тогда молодежь всей грудью, во весь голосъ будетъ ликовать вмѣстѣ съ жаворонками. И мы воспитаемъ такое поколѣніе, какое намъ нужно: поколѣніе, которое, несмотря на современную сверхъ-культуру и сверхъ-утонченность, будетъ любить и чувствовать природу; поколѣніе со здоровымъ тѣломъ, здоровыми чувствами, открытымъ взглядомъ и твердой волей.

К. В. Дифенбахъ: „Per aspera ad astra“.

Гимнастика для дѣвочекъ.

Инспектора гимнастики Карла Мёллера, въ Альтонѣ.

Нижеслѣдующая статья старается въ общихъ чертахъ намѣтить, на что должно быть обращено главное вниманіе при физическихъ упражненіяхъ женской молодежи. Задача физическаго воспитанія одинаково лежитъ какъ на семьѣ, такъ и на школѣ. На то, что дѣлается въ школѣ, — и какъ оно дѣлается, — родители не имѣютъ въ настоящее время никакого или почти никакого непосредственнаго вліянія. Но и наоборотъ: какъ часто школа принуждена быть безсильной зрительницей того, какъ непониманіе и равнодушіе колеблютъ старательно возведенное ею зданіе. Этотъ глубокій разладъ нельзя считать естественнымъ, и, если знаменія времени не обманываютъ, это уже сознается, особенно тамъ, гдѣ желанія и идеалы родителей ушли впередъ отъ медленнаго, склоннаго къ консерватизму развитія школы. Каждое утро мать провожаетъ ребенка черезъ порогъ «школьнаго дворца» — или школьной избы: и вотъ ежедневно на много часовъ, ежегодно на много дней и въ теченіе многихъ лѣтъ жизни воздвигается стѣна, которая не всегда ограждаетъ и защищаетъ въ духѣ желаній родителей, но иногда разобщаетъ и разъединяетъ.

Кто хочетъ говорить о воспитаніи, — какъ умственномъ такъ и физическомъ, — кто въ качествѣ школьнаго учителя хочетъ возстановить духовную связь между собой и родителями, тотъ долженъ разсматривать эту тему, какъ нѣчто нераздѣльное по своему существу. Высокая стѣна,

которая, повидимому, возвышается между семейнымъ и школьнымъ воспитаніемъ, отдѣляя ихъ другъ отъ друга, не должна мѣшать цѣльности изложенія его взглядовъ. Для него радостная надежда на полюбовное соглашеніе должна уже быть совершившимся фактомъ. Педагогическія требованія во имя здороваго и разумнаго развитія дѣтей въ равной мѣрѣ относятся и къ школѣ и къ семьѣ. И если въ этой статьѣ мы обращаемся къ благоразумію родителей, то никоимъ образомъ нельзя дѣлать для нихъ тайной работу школы. Родители не только должны знать, что имъ дѣлать съ дѣтьми дома; они должны знать, что вообще полезно для ихъ дѣтей и чѣмъ, поэтому, можно и нужно заниматься съ ними въ школѣ.

Во главѣ этой статьи долженъ быть поставленъ принципъ, который съ такой ясностью мы бы не могли формулировать лѣтъ 25 тому назадъ. Его формулировкой мы обязаны главнымъ образомъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области физіологіи. Этотъ принципъ слѣдующій: къ издавна ведущейся гимнастикѣ мускуловъ и нервовъ должна быть присоединена, какъ вполнѣ равноцѣнная ей, гимнастика легкихъ и сердца.

Въ этомъ положеніи высказывается огромный переворотъ, происшедшій во взглядахъ на сущность физическихъ упражненій, и болѣе глубокое пониманіе этой сущности.

Здѣсь мы можемъ передать результаты этихъ изслѣдованій.

Профаны полагаютъ, что гимнастика при всѣхъ обстоятельствахъ дѣлаетъ человѣка очень сильнымъ и здоровымъ. Это и вѣрно. Но только въ извѣстномъ смыслѣ. Чтобы дѣлать гимнастику на аппаратахъ, требуется сила мышцъ и дрессировка нервовъ. Послѣдніе должны научиться правильно управлять движеніями членовъ. Но можно имѣть очень сильные мускулы и все-таки быть слабымъ человѣкомъ. Тотъ фактъ, что «мускульные» люди, въ крайнемъ значеніи этого слова, т.-е. атлеты, выступающіе на аренѣ въ качествѣ борцовъ и силачей, могутъ имѣть слабое сердце, что у профессіональныхъ гимнастовъ могутъ быть пораженныя легкія—этотъ фактъ обнаруживаетъ передъ нами то внутреннее таящееся здѣсь несоотвѣтствіе, которое хотя и лежитъ глубоко, но не скрыто отъ наблюдательнаго взора.

Рис. 1.

Упражненія, развивающія силу и ловкость, увеличиваютъ механическую работоспособность покрытыхъ мышцами рычаговъ человѣческаго тѣла. Но даже самые сильные мускулы ногъ отказываются служить, — положимъ при продолжительномъ и быстромъ бѣгѣ, — когда сердце и легкія неспособны больше работать. Развитіе же и систематическое укрѣпленіе послѣднихъ достигается путемъ направленныхъ на выработку быстроты и выносливости гимнастическихъ упражненій и игръ на свѣжемъ воздухѣ и подъ открытымъ небомъ. Ступайте на свѣжій, пронизанный солнцемъ воздухъ для бѣга и игры! Вотъ формула для рѣшенія этой великой и важной задачи!

Если это относится къ мальчикамъ—насколько болѣе это должно относиться къ дѣвочкамъ! Вѣдь дѣвочка гораздо болѣе связана съ домомъ, чѣмъ мальчикъ! Что послѣдній долженъ рѣзвиться на дворѣ съ своими сверстниками, что онъ не долженъ быть домосѣдомъ, что имъ,—по выраженію Жана Поля,—«надо рисковать», дабы изъ него вышелъ смѣлый мужчина, это признается всѣми. Но дѣвочка! Бдительное «приличіе» и непреклонная «благопристойность» создали для женскаго пола особый кодексъ, въ которомъ мудрость милліоновъ и милліоновъ почтенныхъ матушекъ и тетушекъ соединилась для безпощадной борьбы со всякой естественной рѣзвостью и любовью къ движеніямъ.

Послѣ уроковъ, заданныхъ школой, на смѣну являются рояль, или шитье, или пяльцы и требуютъ своей доли времени и силъ. Трудолюбивая дѣвочка, согнувшаяся надъ рукодѣльемъ, представляется воплощеніемъ милой женственности. А тутъ еще проклятая, неразумная любовь матерей какъ можно раньше затягиваетъ несчастную дѣвочку въ узкое платье — корсетъ появляется въ нашихъ школахъ уже въ среднихъ, а иногда даже въ низшихъ классахъ!—которая стремится возможно скорѣе превратить невиннаго краснощекаго ребенка въ интересную блѣдную дѣвицу! Что та-

кая жизнь создаетъ малокровное, слабое существо безъ твердаго костнаго остова, безъ крѣпкихъ мускуловъ, съ сердцемъ, неспособнымъ переносить ни малѣйшей работы, и плохо дышащими легкими — кто думаетъ объ этомъ! Вѣдь образъ здоровой, свѣжей «дочери природы» давнымъ-давно вытѣсненъ для жителей большихъ городовъ вѣчнымъ однообразіемъ модныхъ куколокъ! Вѣдь этой «барышнѣ», рано искалѣченной, какъ физически, такъ и психически, въ голову не придетъ, что

Рис. 2.

она могла бы бѣгать и прыгать, какъ ея однолѣтокъ-братъ. И все же естественное воспитаніе должно понять, что у мальчиковъ и дѣвочекъ до переходнаго возраста совершенно одинаковыя врожденныя стремленія; и все же физическое воспитаніе должно прислушиваться къ подлинному голосу самой природы, если мы дѣйствительно хотимъ признать за дѣвочкой ея права въ области физическаго развитія. Малокровіе и блѣдная немочь до тѣхъ поръ не исчезнутъ, пока мы не уничтожимъ всей ветоши искусственной общественной и салонной культуры.

Позвольте дѣвочкѣ бѣгать и прыгать, сколько ея душѣ угодно! Не запирайте ее, не изнѣживайте, не дѣлайте разницы между нею и мальчикомъ. Правда, начало такому обновленному, отвѣчающему законамъ природы, физическому воспитанію, должна бы положить школа на урокахъ гимнастики. Отъ этой обязанности ее здѣсь не освободитъ ни одно снисходительное слово. Но ея помѣщеніе часто тѣсно, ея площадки для игръ малы, и никакія благія пожеланія учительскаго персонала не могутъ создать тутъ бо́льшихъ размѣровъ. А учительницы, которыя должны бы лучше всѣхъ другихъ понимать природу дѣвочекъ, сами часто ходятъ затянутыя, болѣе «дамы», чѣмъ люди, такъ что быстроногая рѣзвушка, которую всю такъ и подмываетъ на смѣлые прыжки и проворную бѣготню, получаетъ за свое грѣховное мальчишеское желаніе укоризненный взглядъ.

Тутъ ужъ должна помочь любящая мать! Когда школа въ свободный отъ занятія вечеръ зоветъ дѣтей на веселую игру, она не должна оставлять дочь дома, подъ предлогомъ, что надо посѣтить тетку или готовить урокъ музыки! Плавать и кататься на конькахъ дѣвочкамъ слѣдуетъ разрѣшать наравнѣ съ мальчиками.

Но не только въ игры на свѣжемъ воздухѣ и иныя упражненія, развивающія быстроту и выносливость, а и въ собственно гимнастическія упражненія долженъ проникнуть духъ оживленія и обновленія. Наша школьная гимнастика уже давно пришла къ убѣжденію, что нельзя ограничиваться одними вольными упражненіями. И гдѣ спрашивали самихъ дѣвочекъ о ихъ желаніяхъ, тамъ получался единогласный отвѣтъ, что гимнастика для нихъ, собственно говоря, начинается только съ упражненій на кольцахъ, на гигантскихъ шагахъ, на лѣстницѣ, на турникѣ и даже на параллельныхъ брусьяхъ. И дѣйствительно, почему нельзя допускать дѣвочекъ до аппаратовъ? Правда, тамъ существуютъ разныя хитроумныя движенія, которыя мало соотвѣтствуютъ сложенію человѣческаго тѣла и при которыхъ дѣвочки могутъ больно ушибиться. Но въ школѣ учителя сами естественно исключаютъ эти упражненія; а гдѣ дѣвочки предоставлены самимъ себѣ и имѣютъ свободу выбора, тамъ такіе фокусы ихъ мало привлекаютъ, и онѣ сами воздерживаются отъ нихъ. Совершенно ошибочно полагать, что дѣвочкамъ нельзя упражняться въ прыжкахъ. Если прыгать правильно, соблюдая эластичное присѣданіе, въ которомъ одновременно участвуютъ суставы ногъ, колѣнъ и бедеръ, тогда прыжки столь же мало вредны для дѣвочекъ, какъ и для мальчиковъ. Но когда поступаютъ неблагоразумно, когда дѣвочка, которая совсѣмъ не умѣетъ ни прыгать, ни управлять своими суставами даже при простомъ присѣданіи, которая неизбѣжно должна съ деревянными членами, неспособными предупредить толчокъ, бухнуться на землю всей тяжестью своего тѣла,—когда такое безпомощное существо вдругъ должно прыгнуть со значительной высоты, что мудренаго, если оно свихнетъ, вывихнетъ или даже сломаетъ себѣ ногу? Но опять-таки здѣсь нѣтъ разницы между дѣвочками и неумѣющими прыгать мальчиками. Но ссылка на то, будто прыганье можетъ вред-

но отразиться на внутреннихъ органахъ брюшной полости, совсѣмъ неосновательна; ибо благоразумная природа такъ прочно укрѣпила эти органы на своихъ мѣстахъ, что подобное вредное вліяніе прыжковъ совсѣмъ невѣроятно. Что при ненормальныхъ условіяхъ, когда уже не можетъ быть рѣчи о естественной гарантіи, дѣло совершенно мѣняется, — это, разумѣется, понятно само собой. И что съ наступленіемъ физической зрѣлости дѣвочка въ извѣстные дни должна воздерживаться отъ всякихъ физическихъ упражненій, тоже не требуетъ особаго упоминанія.

Рис. 3.

Такимъ образомъ можно смѣло сказать, что гимнастическія упражненія на аппаратахъ въ значительной степени являются и для дѣвочекъ школой ловкости и силы, вліяніе которой на развитіе увѣренности въ себѣ, мужества, рѣшительности и жизнерадостности не должно быть оцѣнено слишкомъ низко. Родители должны быть благодарны школѣ, что она занимается такимъ развитіемъ тѣла, воспитывающимъ и характеръ; и, не довольствуясь этимъ, они должны бы довѣрять своихъ дочерей женскимъ отдѣленіямъ гимнастическихъ обществъ, гдѣ въ веселомъ кругу молодежи достигается дальнѣйшая нейтрализація вреда, приносимаго сидячимъ образомъ жизни. А кромѣ того именно при такихъ свободныхъ товарищескихъ отношеніяхъ какъ бы расширяется душа, характеръ теряетъ иныя свои непріятныя особенности, развиваются самостоятельность и чувство товарищества. Во всякомъ случаѣ гимнастика, которой дѣвочки занимаются на турникѣ или на трапеціи у себя въ саду, не выдерживаетъ сравненія съ регулярной гимнастикой въ кругу веселыхъ сверстницъ.

Этимъ мы, разумѣется, не хотимъ сказать, что гимнастика въ саду или даже въ домѣ не можетъ оказать извѣстной пользы. Но она всегда остается односторонней и даже можетъ стать опасной, если время отъ времени за ней не будетъ присматривать какой-нибудь свѣдущій человѣкъ. На-

примѣръ: когда дѣвочка безъ присмотра ежедневно упражняется на параллельныхъ брусьяхъ, которые можетъ быть были устроены не для нея, а для ея брата — это можетъ оказать самое вредное и уродующее вліяніе на ея осанку, такъ какъ мускулы груди и плечъ часто совсѣмъ еще недостаточно развиты для подобныхъ упражненій. Всѣ упражненія въ висячемъ положеніи очень рекомендуются, потому что они выпрямляютъ тѣло. Но вообще при домашней гимнастикѣ легко вдаться въ крайность, и это часто происходитъ, особенно, когда отецъ самъ въ молодые годы былъ хорошимъ гимнастомъ и питаетъ вполнѣ понятное желаніе видѣть дѣтей такими же. Тогда иной разъ вѣшаютъ на аппараты уже семилѣтняго младенца, и восхищенные взгляды и одобрительные возгласы окружающихъ слишкомъ рано подстрекаютъ его къ такимъ напряженіямъ, которыя лучше оставить для болѣе поздняго возраста. Въ младшихъ классахъ школъ намъ часто представляется случай жалѣть маленькихъ мальчиковъ — иной разъ и дѣвочекъ! — которые проявляютъ самую изумительную ловкость на турникѣ, но тщедушное маленькое тѣльце которыхъ ясно говоритъ, что здѣсь злоупотребляли силами.

Одинъ выдающійся преподаватель гимнастики профессоръ Ліонъ выставилъ какъ правило, даже для болѣе поздняго возраста, слѣдующій разумный принципъ: «на гимнастику можно тратить проценты силъ, но нельзя затрогивать самаго капитала». Тѣмъ болѣе это правило должно относиться къ мальчикамъ и дѣвочкамъ самаго ранняго возраста. Для ребенка достаточно его веселой, непринужденной возни, бѣготни и лазанія. Въ этомъ ему слѣдуетъ предоставить полную свободу — поскольку это возможно безъ риска для него. А отъ искусственныхъ упражненій надо его держать подальше, пока школа не положитъ для нихъ хорошо продуманной основы. До 11—12 лѣтъ я бы не позволилъ ни моему сыну, ни моей дочери однимъ упражняться на аппаратахъ въ домѣ или въ саду.

Совсѣмъ инымъ, чѣмъ вопросъ о безконтрольномъ занятіи гимнастическими упражненіями на аппаратахъ, является вопросъ: не надо ли заниматься регулярной домашней гимнастикой—можетъ быть родителямъ и дѣтямъ сообща? Безъ сомнѣнія эту гимнастику надо одобрить. Но боль-

шинство людей, которые когда-либо принимались за нее, скоро чувствовали, какъ однообразны въ большинствѣ случаевъ подобныя упражненія и сколько требуется самообладанія, чтобы безъ пропусковъ аккуратно заниматься такой гимнастикой въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Безъ присмотра взрослыхъ у дѣтей недостаетъ этой выдержки. И еще вопросъ, дѣйствительно ли такъ нужны здоровымъ дѣтямъ подобныя упражненія? Что касается мальчиковъ, если они и безъ того уже дѣлаютъ гимнастику и играютъ, обыкновенно можно спокойно отвѣтить отрицательно. Что же касается дѣвочекъ, то при настоящихъ условіяхъ нельзя отрицать, что въ большинствѣ случаевъ ежедневныя упражненія должны принести величайшую пользу и поэтому безусловно должны рекомендоваться. Что въ отношеніи физическаго развитія дѣвочки поставлены въ гораздо худшія условія, чѣмъ мальчики, было уже указано въ началѣ нашей статьи. Уже самые факты, что искривленіе позвоночника въ 10 разъ чаще встрѣчается у дѣвочекъ, чѣмъ у мальчиковъ, что и малокровіе у нихъ распространено гораздо больше, что кромѣ того ношеніе корсета атрофируетъ у женщинъ мускулатуру торса, — эти факты сами по себѣ ясно показываютъ, что систематическая ежедневная гимнастика, особенно упражненіе мускуловъ торса, должны оказать благотворное дѣйствіе. За послѣднее время вниманіе широкой публики привлекъ къ себѣ датчанинъ I. П. Мюллеръ своей «Системой» домашнихъ гимнастическихъ упражненій. Соединенныя тамъ упражненія выбраны очень удачно; растиранія послѣ обливанія тоже очень полезны, такъ что всю «Систему», какъ цѣлое, — если по ней, не вдаваясь въ крайность и безъ излишней торопливости, занимаются здоровые люди — безусловно можно рекомендовать. Но изъ мюллеровской системы можно съ успѣхомъ позаимствовать и отдѣльныя упражненія, какъ разъ тѣ, которыя укрѣпляютъ организмъ женщины.

Прилагаемые рисунки, для которыхъ любезно позволила себя фотографировать Цецилія Мюллеръ, сестра I. П. Мюллера, даютъ примѣры подобныхъ упражненій.

Они намѣренно выбраны такъ, что являются формами упражненій, укрѣпляющими главнымъ образомъ мускулы живота и спины. Рис. 1 показываетъ вращеніе верхней ча-

Рис. 4.

сти туловища при широко разставленныхъ ногахъ: стоя прямо, прежде всего наполовину наклоняютъ туловище впередъ, отсюда отводятъ его направо, какъ указываетъ положеніе на нашемъ рисункѣ, затѣмъ склоняютъ назадъ и вращательнымъ движеніемъ отводятъ налѣво и, наконецъ, опять впередъ. Сдѣлавъ это движеніе нѣсколько разъ вправо, его такимъ же образомъ повторяютъ влѣво. Ноги въ продолженіе всего этого упражненія должны твердо стоять на мѣстѣ, колѣни должны быть вытянуты; голову не надо такъ наклонять впередъ, чтобы подбородокъ приближался къ груди, а также не надо склонять ее въ бокъ; руки должны оставаться около ушей, а локтевые суставы все время должны быть вытянуты; чтобы послѣднія два условія было легче выполнить, сгибаютъ кисти рукъ и скрещиваютъ пальцы.

На рис. 2 и 3 показано другое упражненіе. Съ широко разставленными ногами и вытянутыми въ сторону руками (ноги должны твердо стоять на землѣ и притомъ параллельно другъ другу, носками впередъ!), не сгибая колѣнъ, вращаютъ тѣло налѣво. Такъ приходятъ въ положеніе, указанное на рис. 2. Изъ этого положенія дѣлаютъ боковое сгибаніе туловища вправо, какъ намъ его изображаетъ рис. 3 (слѣдите при этомъ за правильнымъ положеніемъ рукъ). За сгибаніемъ слѣдуетъ выпрямленіе снова въ позицію, изображенную на рис. 2., а затѣмъ вращеніе туловища направо, такъ, чтобы оно заняло положеніе, обратное первому (не сдвигать ногъ!), и боковое сгибаніе влѣво. Если держать рисунки 2 и 3 передъ зеркаломъ, то мы увидимъ оба этихъ обратныхъ положенія, за которыми снова слѣдуютъ выпрямленіе и вращеніе влѣво. Такъ, равномѣрно чередуясь, слѣдуютъ другъ за другомъ вращеніе, сгибаніе и выпрямленіе туловища.

Большую трудность представляетъ слѣдующее упражненіе. Изъ положенія, изображеннаго на рис. 2, съ выпря-

мленной спиной и высоко поднятой головой наклоняютъ туловище впередъ, сгибая лѣвое колѣно, какъ это видно на рис. 4. Изъ этой позиціи, не сдвигая ногъ, дѣлаютъ полуоборотъ туловища (вокругъ продольной оси!) вправо, такъ что уже не грудь, а спина обращена къ землѣ. На рис. 5 мы видимъ это положеніе. Выпрямленіе туловища и перегибаніе впередъ приводитъ въ положеніе, обратное изображенному на рис. 4, которое намъ также можетъ показать зеркало. Тамъ же мы можемъ увидѣть, какъ снова происходитъ вращеніе туловища, на этотъ разъ влѣво, въ соотвѣтственное положеніе, обратное рис. 5. И эти движенія чередуясь слѣдуютъ другъ за другомъ.

Рис. 5.

Рис. 6 изображаетъ упражненіе на скамьѣ, какъ оно обычно дѣлается при шведской гимнастикѣ. Три дѣвушки крѣпко придерживаютъ на полу ноги трехъ другихъ, сидящихъ на скамейкѣ. Послѣднія же, согнувъ руки, какъ указано на рисункѣ, или вытянувъ ихъ за головой, отклоняютъ корпусъ назадъ, а затѣмъ снова медленно выпрямляются. Это упражненіе можно всегда сдѣлать и дома на любой скамеечкѣ или стулѣ, при чемъ можно обойтись и безъ чужой помощи, подсунувъ ноги подъ шкафъ или подъ комодъ. Само собой понятно, что надо избѣгать чрезмѣрнаго напряженія, пока регулярными упражненіями не пріучишь мускуловъ къ этой работѣ.

Что общій интересъ къ уходу за тѣломъ и къ гимнастикѣ все возрастаетъ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ наши дни цѣлый рядъ книгъ и брошюръ превозноситъ различныя системы домашней гимнастики, какъ панацеи противъ всѣхъ земныхъ страданій. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что физическія упражненія всегда должны дѣйствовать благотворно, но въ качествѣ разумныхъ людей мы не должны довѣрять этому дилетантскому шарлатанству, которое все сводится къ различнымъ опытамъ примѣненія естественнаго метода лѣченія.

Ко всѣмъ чудеснымъ результатамъ, которые сулятъ подобныя шарлатанскія книги, за послѣднее время еще присоединилась волшебная формула «красоты» и «эстетическаго вліянія». Такъ какъ за послѣдній десятокъ лѣтъ въ педагогическихъ кругахъ возникло и пріобрѣло все большее значеніе очень разумное и безусловно похвальное стремленіе къ «художественному воспитанію», то пронырливые фабриканты книгъ охотнѣе всего говорятъ о развитіи красоты человѣческаго, а въ особенности женскаго тѣла, обезпечивъ себѣ этимъ, — особенно же, благодаря приложенію соотвѣтствующихъ фотографическихъ снимковъ, — очень хорошее средство рекламы. Передъ этими вывѣсками вдвойнѣ нужна трезвая разсудительность. «Искусство» и «красота» столь растяжимыя понятія, что въ концѣ концовъ, пожалуй, каждый подразумѣваетъ подъ нимъ что-либо другое, и если разочекъ внимательно и осторожно заглянуть въ лабораторію этихъ новыхъ пророковъ красоты, то не увидишь ничего, кромѣ пустого взбиванія пѣны. Съ особенной навязчивостью рекламировалось за послѣднее время въ газетахъ вывезенное изъ Америки средство «Calisthenics» (эстетическая гимнастика). Во имя красоты — настоящей, естественной, неподдѣльной красоты — пожалуй, будетъ умѣстно сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, насколько физическія упражненія могутъ способствовать воспитанію красоты, и — что еще важнѣе — гдѣ лежитъ предѣлъ ихъ эстетическаго вліянія. Предѣлъ, котораго не перейти никакому таинственному, чудодѣйственному «калистеническому» искусству. Здѣсь, разумѣется, можно только въ общихъ чертахъ сказать самое главное.

Физическія упражненія развиваютъ красоту постольку, поскольку способны сдѣлать тѣло послушнымъ орудіемъ воли. Сила и ловкость необходимыя условія тѣлесной красоты, не только для мужчинъ, но и для женщинъ. Гимнастика вліяетъ на ростъ, на развитіе костей и мускуловъ, имѣя возможность въ соединеніи съ естественными условіями роста вліять на пропорціи тѣла, она служитъ прекраснымъ средствомъ для созданія красивыхъ формъ; пріучая члены двигаться точно и цѣлесообразно, она превращаетъ тѣло въ красивое, благоустроенное соединеніе механическихъ дѣйствующихъ силъ. Но одна сила еще не со-

ставляетъ красоты движенія; мѣра силы — вотъ что имѣетъ рѣшающее значеніе. При многихъ движеніяхъ — чтобы они намъ казались красивыми — скорѣе надо скрыть силу, чѣмъ показать ее. Обычно опредѣляютъ «изящное» и «граціозное» движеніе, какъ такое, при которомъ съ наименьшей затратой силъ достигается наисовершеннѣйшее выполненіе задачи.

Слѣдовательно для граціи требуется именно сдерживаніе силы. Рядомъ съ силой, какъ первымъ условіемъ красоты движенія, вторымъ условіемъ является, употребляя выраженіе Шиллера, «Die Lösung der Glieder», т. е. легкая, свободная игра суставовъ. Достаточно, чтобы передъ нами только чуть-чуть—какъ бы движимыя легкимъ вѣтеркомъ — пошевельнулась рука, склонилась голова, повернулась спина, и мы наслаждаемся впечатлѣніемъ величайшей граціи и изящества. Никакое подражаніе, никакая муштровка не сумѣютъ передать красоту этого естественнаго движенія, съ какой бы математической точностью мы ни копировали его. Кто не пораженъ слѣпотой, тотъ долженъ признать, что всю прелесть этого движенія составляла именно его внутренняя мѣра, которая, исходя изъ души, проникла въ тѣлесную оболочку и слила въ одно гармоническое цѣлое желаніе и чувство души съ движеніемъ тѣла. Изъ души исходитъ эта гармонія. Такимъ образомъ мы идемъ дальше опредѣленія изящнаго, какъ точнаго, плавнаго, чисто-механическаго рѣшенія задачи. Проникая глубже, мы всецѣло принимаемъ опредѣленіе Ницше, что грація — это сердце, проявляющееся въ мимикѣ и въ жестахъ. Разъ мы такимъ образомъ открыли источникъ изящества и граціи въ самой душѣ человѣка, намъ должно быть ясно, что никакая внѣшняя дрессировка не можетъ дать для развитія красоты человѣка самаго послѣдняго, лучшаго, рѣшающаго слова.

Разумный человѣкъ откажется тутъ отъ своихъ притязаній; являясь руководителемъ и поборникомъ физическихъ упражненій, онъ признаетъ границы своего могущества; скромно уступитъ мѣсто высшимъ силамъ — художественнымъ, нравственнымъ и религіознымъ; и съ улыбкой, съ сожалѣніемъ, даже съ презрѣніемъ отнесется къ бойкости тѣхъ адептовъ, которые полагаютъ, будто могутъ путемъ

аффектированныхъ балетныхъ позъ и «Calisthenics»'а одарить міръ — а особенно женскую половину его — красотой, изяществомъ и граціей.

Только черезъ духовныя врата ведетъ конечный путь къ красотѣ. Къ красотѣ движеній, какъ и ко всякой другой. Никакая грамматика движеній не можетъ сдѣлать тутъ ничего существеннаго. Напротивъ того: поскольку грамматика стѣсняетъ и тормозитъ свободу выраженія; поскольку она отягощаетъ наивную непосредственность дѣтской, свободной—совсѣмъ свободной!—души театральной мантіей сознательнаго изящества и установленной корректности,—постольку она вредитъ красотѣ и омрачаетъ чистый блескъ души, какъ пыль омрачаетъ зеркальную поверхность лѣсного ручья.

Всѣмъ ясно, что красота силы создается на гимнастическихъ площадкахъ. Но гдѣ развивается «плавная» красота легкихъ движеній? Гдѣ должна создаваться одухотворенная красота?

Часть этой задачи выполняетъ площадка для игръ. Тамъ, послѣ того, какъ волевой актъ разрѣшился сильной игрой мускуловъ, наступаютъ моменты освобожденія, болѣе спокойныхъ движеній, спокойнаго ожиданія. Тамъ можно наблюдать множество мотивовъ легкихъ, свободныхъ, ритмическихъ движеній.

Но и одухотвореннымъ движеніямъ, въ которыхъ выражается сердце, слѣдовало бы дать мѣсто на гимнастическихъ площадкахъ. Хороводная игра и хороводные танцы должны бы стать питомникомъ для развитія такой граціи. Должны бы? развѣ это не дѣлается въ наши дни? Развѣ въ гимнастику дѣвочекъ не входятъ хороводы, во время которыхъ ходятъ или танцуютъ подъ аккомпанементъ пѣнія или музыки? Да, есть иные легковѣрные люди, и даже много такихъ, которые дѣйствительно полагаютъ, что эти хороводы, разъ они совершаются подъ звуки музыки или подъ пѣніе, суть произведенія искусства, въ которыхъ можетъ заключаться изящество и грація, что они имѣютъ точку соприкосновенія съ древними, народными, художественно-естественными хороводами. Какое богохульство въ храмѣ красоты! Эти, такъ называемые, «хороводы», которымъ учатъ на урокахъ гимнастики, просто сочетаніе строе-

выхъ упражненій. Хорошо выравненными, какъ будто линейкой, рядами, по двѣ, по три, по четыре въ рядъ, шагаютъ дѣвочки, прямо и аккуратно, одна точь-въ-точь какъ другая, склоняются вправо, склоняются влѣво, идутъ впередъ, въ сторону, назадъ, образуютъ звѣзды и квадраты, выполняютъ чудовищно-неестественную «ходьбу на мѣстѣ», двигаясь всѣ какъ куклы по заученной программѣ этого искусно изобрѣтеннаго, но безсодержательнаго сочетанія однѣхъ формъ. И это должно представлять собой хороводъ въ духѣ тѣхъ народныхъ танцевъ, которые развились изъ дѣтскихъ игръ и хороводныхъ пѣсенъ? Безъ малѣйшей индивидуальной черты въ движеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, безъ самобытнаго, духовнаго выраженія радости,—какъ каждый ребенокъ изобразилъ бы его совершенно по-своему — безъ художественнаго элемента свободы и естественности, все это занятіе хороводами одна выучка и муштровка, къ которой подходятъ слова изъ «Фауста»: «Не нахожу я духа и слѣда, а все лишь дрессировка».

Рис. 6.

Разъ эти хороводы со своими фигурами не что иное, какъ рядъ такъ-называемыхъ строевыхъ упражненій, то каждый отдѣльный участникъ ихъ, какъ часть цѣлаго, совершенно прикованъ къ грамматикѣ движеній. Простой шагъ превратился въ искусственное манерное шаганіе, а если танцуютъ, то эти формы танца и подпрыгиванія, съ которыми такъ носятся, также являются лишь грамматическими элементами художественнаго танца, застывшаго въ красивыхъ, но безсмысленныхъ формахъ. Иногда высказываютъ взглядъ, что этими формами ходьбы и прыганья, которымъ обучаютъ на урокахъ гимнастики, хотятъ преобразовать общественные танцы. Кто это говоритъ, тотъ не подозрѣваетъ, что эти виды танца и общественные танцы въ концѣ концовъ происходятъ изъ одного источника, что и тѣ и другіе лишь мертвыя, застывшія формы нѣкогда выразительнаго художественнаго танца! Какъ можетъ слѣ-

нецъ вести слѣпца? Если можно говорить о преобразованіи, то лишь путемъ полнаго разрыва со всѣми пережитками танца эпохи рококо, путемъ возвращенія къ природѣ. Тогда мы должны, какъ это сдѣлала гамбургская учительница Минна Радшвиль въ своихъ новыхъ хороводахъ, снова обрѣсти изъ дѣтскихъ игръ и пѣсенокъ ту веселую наивность движеній, которая, можетъ быть, постепенно приведетъ насъ къ новымъ видамъ танца. Но въ этой области никого нельзя принуждать. Ни учителя, ни учительницу. Хороводы старой школы мы должны совершенно отбросить и предоставить созданіе здѣсь новыхъ формъ тѣмъ людямъ, которыхъ художественное и музыкальное чувство побуждаетъ къ личному творчеству въ этой области. Такъ образованный человѣкъ, лишенный поэтическаго таланта, предоставляетъ поэтическое творчество— поэтамъ!

Я чувствую себя обязаннымъ сказать здѣсь по крайней мѣрѣ нѣсколько словъ о нелѣпости, которая у насъ творится съ хороводами. Вы, матери, должны хоть разъ услышать, что, обучаясь этимъ хороводамъ, дѣти безполезно проводятъ долгіе часы за муштровкой памяти и за упражненіями, которыя совершенно безполезны для ихъ физическаго развитія; которыя, послѣ умственнаго напряженія на остальныхъ урокахъ, требуютъ отъ мозга и нервовъ еще новаго напряженія; которыя выучиваются съ большимъ трудомъ только для того, чтобы при какомъ-нибудь торжественномъ случаѣ почтенная публика была очарована красивой пестрой картиной. Эту публику составляете вы же, матери! Ваше одобреніе вознаграждаетъ учительницу и укрѣпляетъ ее въ мнѣніи, что она сдѣлала очень хорошее дѣло. И больше того: когда обращаютъ вниманіе учителей и учительницъ на безсодержательность этихъ хороводныхъ фокусовъ, часто приходится слышать: «Ахъ, родители такъ любятъ ихъ, поэтому намъ приходится заучивать ихъ!» Потому-то я и разсказываю это здѣсь, чтобы вы, родители, знали, какъ обстоитъ дѣло. Вы должны, гдѣ только можно, заявлять протестъ противъ того, чтобы васъ дѣлали отвѣтственными за подобную нелѣпость, разсчитанную лишь на внѣшній эффектъ. Учитель, который понялъ истину, безусловно не долженъ ради васъ, — ради

вашего пустого тщеславія,—поступать противъ своего убѣжденія; ясными и понятными доводами онъ долженъ вамъ объяснить, что время, которое пришлось бы потратить на эти вещи, онъ можетъ употребить гораздо лучше, и вы всѣ будете ему благодарны и обрадуетесь, что вашъ ребенокъ находится въ рукахъ столь благомыслящаго и мужественнаго учителя! А если вамъ то же самое скажетъ учительница, развѣ вы не столь же охотно повѣрите ей?

Защитникамъ этой застывшей въ пустомъ формализмѣ ложной эстетики, не питаемой источниками природы, мы скажемъ нѣчто подобное тому, что сказалъ Гёте. Тотъ однажды замѣтилъ: «Въ теченіе тридцати лѣтъ нѣмцамъ не слѣдовало бы произносить слова «душа», тогда у нихъ постепенно снова стало бы больше души». Такъ и намъ слѣдовало бы не такъ злоупотреблять словами «изящество» и «грація», чтобы снова пріобрѣсти эти качества въ ихъ подлинномъ видѣ. Одинъ современный писатель грубо, но очень вѣрно, слѣдующимъ образомъ выразилъ это въ одной «восточной поговоркѣ»: «Какъ часто ни говорили бы вы слово медъ, отъ этого у васъ во рту не станетъ сладко».

Гдѣ рѣчь идетъ о воспитаніи красоты путемъ гимнастики и игръ, тамъ мы не примиримся съ иллюзіями, съ безсмысленнымъ сведеніемъ всего дѣла къ его показной сторонѣ. Во всей нашей современной культурѣ проявляется стремленіе сбросить личины, снять накладныя украшенія и проникнуть вглубь, въ истинную сущность вещей. Истина и неподдѣльность—вотъ руководящій принципъ и въ педагогикѣ. Мы будемъ поощрять въ физическомъ воспитаніи—какъ и во всякомъ другомъ—лишь то, что дѣйствительно составляетъ его сущность, его ядро. Что развиваетъ тѣло ребенка, ведя его къ здоровой красотѣ—то мы и будемъ лелѣять; обманчивую же внѣшность и мишурныя прикрасы мы отбросимъ, рискуя даже, что насъ обвинятъ въ отсутствіи уваженія къ священнымъ предметамъ. Въ дѣлѣ физическаго воспитанія уваженіе передъ обманомъ и ложью—это медленное самоубійство.

Игры на открытомъ воздухѣ.

Проф. Райдта.

„Lasst nur die Kinder spielen, so lang sie froh
und frei,
Bringt erst die Arbeit Schwilen, ist's mit den
spiel vorbei.
Die Kindheit gleicht dem Traume voneine
schöner Welt,
Die an dem goldnen Saume der Mensch in
Händen hält.
Erwacht, sind leer die Hände, ist alle Pracht
dahin.—
So plötzlich geht zu Ende Kindheit und Kin-
dessinn!
Drum lasst die Kinder spielen, so lang sie
Spiel erfreut;
Schallt doch zu früh bei vielen der Jugend
Grabgelönt *).

(Изъ книги „Turnunterricht und Jugendspiel".)

*) Не мѣшайте дѣтямъ играть, пока они веселы и свободны; когда работа принесетъ съ собой мозоли, игрѣ уже конецъ. Дѣтство похоже на сонъ о волшебной странѣ, золотую кайму которой человѣкъ уже держитъ въ рукахъ. Проснется — руки пусты, и все великолѣпіе исчезло. Такъ же внезапно кон-

Да, не мѣшайте имъ играть! «Игра первая поэзія человѣка», справедливо говоритъ Жанъ-Поль, и надо сохранить ее ребенку возможно дольше. Суровая жизнь всегда приходитъ достаточно рано со своей лихорадочной, дѣйствующей на нервы сутолокой современности, со всѣми своими разочарованіями, такъ быстро разсѣивающими идеалы юности. Хорошо тогда, если у человѣка было солнечное, беззаботное дѣтство, воспоминаніе о которомъ озаряетъ свѣтомъ его трезвую трудовую жизнь. Въ сіяніи такого дѣтства человѣкъ не только дѣлается счастливѣе на всю жизнь, но и мягче, любовнѣе, лучше. Еще теперь, въ мои пожилые годы я не знаю болѣе пріятнаго для сердца зрѣлища, чѣмъ видъ дѣтей, которыя рѣзвятся и играютъ подъ открытымъ небомъ на зеленомъ лугу или среди зеленѣющихъ деревьевъ—все равно, дѣвочки ли то со своими прелестными хороводными играми, или мальчики, безъ устали гоняющіе съ одного конца поля на другой большой кожаный мячъ.

Тогда въ моей памяти снова встаютъ степныя равнины и обширные сосновые лѣса моей родины, гдѣ мы, еще не обремененные латинской и греческой грамматикой, вволю рѣзвились въ теченіе долгихъ послѣобѣденныхъ часовъ; и мнѣ часто до боли жалко, что современнымъ дѣтямъ, особенно въ нашихъ большихъ городахъ, столь рѣдко приходится играть на свѣжемъ воздухѣ.

Много лѣтъ тому назадъ я совершилъ научную поѣздку по Англіи и Шотландіи, цѣлью которой было изучить игры тамошней молодежи. Какъ обрадовало меня тогда большое количество площадокъ для игръ, которыя тамъ находишь повсюду, даже въ Лондонѣ. Въ обширныхъ національныхъ паркахъ, при каждой школѣ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только можно, устроены для игръ зеленыя лужайки, по большей части окаймленныя старыми красивыми деревьями, въ тѣни которыхъ родители и вообще любители молодежи любуются ея веселой возней.

Да, когда я стоялъ на красивыхъ лужайкахъ Этона—одной изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ Public-schools—и смотрѣлъ на брызжущую, развивающую силу, веселую су-

---

чаются дѣтство и дѣтскій взглядъ на міръ. Поэтому не мѣшайте дѣтямъ играть, пока игра еще радуетъ ихъ. Вѣдь у многихъ и такъ слишкомъ рано хоронится юность.

толоку игръ и думалъ о томъ, для сколькихъ поколѣній эти площадки для игръ были неизсякаемымъ источникомъ юношеской силы и бодрой жизнерадостности, тогда я понялъ, почему престарѣлый Веллингтонъ именно на этомъ мѣстѣ могъ воскликнуть: «It was here, that Waterloo was won». (Здѣсь была выиграна битва при Ватерлоо.) Да, въ этихъ площадкахъ для игръ таится много силъ и здоровья, и нашимъ городскимъ самоуправленіямъ и правительствамъ слѣдовало бы въ гораздо большей степени, чѣмъ это дѣлается нынѣ, заботиться о томъ, чтобы кромѣ красивыхъ садовъ и бульваровъ (которые, разумѣется, тоже имѣютъ свое значеніе) съ ихъ объявленіями: «Ходить по травѣ строго воспрещается», устраивались бы площадки для игръ, большія и маленькія, которыми могли бы пользоваться дѣти всѣхъ возрастовъ. Деньги, которыя городскія самоуправленія затратятъ на устройство этихъ площадокъ и на поощреніе дѣтскихъ игръ на открытомъ воздухѣ, принесутъ хорошіе проценты, если не звонкой монетой, то цѣнностями высшаго рода: здоровьемъ юношества и народа.

Подвижныя игры на открытомъ воздухѣ имѣютъ большое гигіеническое значеніе.

Прежде всего польза ихъ въ томъ, что онѣ выводятъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ—изъ комнаты на свѣжій воздухъ. За послѣднія столѣтія мы черезчуръ ужъ стали поколѣніемъ домосѣдовъ. Мы снова должны больше выходить на Божій свѣтъ, должны отправляться въ зеленые лѣса, на горы, къ рѣкамъ, къ морю—и на лужайки нашихъ равнинъ. «Вольный воздухъ открытаго поля», говоритъ Гёте, «вотъ, собственно говоря, наше настоящее мѣсто; тамъ

словно духъ Божій непосредственно обвѣваетъ насъ, и какая-то божественная сила оказываетъ на насъ свое вліяніе.

«Человѣкъ—существо, требующее солнца и воздуха», говоритъ мюнхенскій физіологъ Ранке. «Лишь подъ солнечнымъ свѣтомъ и на свѣжемъ воздухѣ онъ чувствуетъ себя вполнѣ удовлетворительно. Чистый воздухъ особенно бодритъ и особенно полезенъ для здоровья». Въ особенности же надо вывести на чистый воздухъ площадокъ для игръ ту молодежь, которая живетъ въ нашихъ городахъ, гдѣ въ узкихъ улицахъ и «душныхъ комнатахъ» по большей части царитъ испорченный, нездоровый воздухъ.

Вторымъ гигіеническимъ элементомъ является движеніе. Здоровый ребенокъ—олицетворенное движеніе. Ужъ въ дѣтской коляскѣ, въ ваннѣ, на колѣняхъ матери онъ болтаетъ и дрыгаетъ ножками. Ему необходимо двигаться, чтобы его органы могли развиться какъ слѣдуетъ; наравнѣ съ пищей и сномъ движеніе его важнѣйшая жизненная потребность. Мы не должны препятствовать этому счастливому инстинкту, а наоборотъ, по возможности поощрять его, если хотимъ, чтобы ребенокъ росъ здоровымъ. Какъ только ребенокъ научится бѣгать, онъ весело, до полнаго изнеможенія, которое ему, однако, никогда не вредитъ, носится по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Мать или нянька начинаютъ нервничать. «Да посиди же спокойно!» раздается то и дѣло. Ошибочно, совершенно ошибочно, милая мать! Если бѣготня ребенка тебѣ слишкомъ надоѣдаетъ, вышли его въ коридоръ, если у тебя нѣтъ лучшаго мѣста для его игры, еще лучше въ садъ, если таковой имѣется, а самое лучшее на площадку для игръ къ веселымъ товарищамъ, хотя бы даже погода казалась немного суровой тебѣ, изнѣженной доче-

ри такъ называемой высшей культуры. Твоему здоровому ребенку немного холода и сырости не повредитъ, если онъ только можетъ слѣдовать своему счастливому инстинкту и двигаться и бѣгать вволю.

Но вотъ на седьмомъ году жизни является противная, гадкая, но абсолютно необходимая и неизбѣжная школа. Государство заставляетъ ребенка, который до этого времени, слѣдуя своему естественному инстинкту, весело рѣзвится на свободѣ, ежедневно проводить нѣсколько часовъ въ болѣе или менѣе испорченномъ воздухѣ; заставляетъ его въ вынужденномъ спокойствіи сидѣть на школьной скамьѣ, молчать и быть умницей; а по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлается старше, заставляетъ его все больше и больше заниматься умственной работой также и дома. А такъ какъ по свидѣтельству знаменитыхъ врачей сидѣніе часто является «самымъ утомительнымъ положеніемъ тѣла, которое уменьшаетъ количество крови въ артеріяхъ, размягчаетъ и искривляетъ кости», то и при самомъ лучшемъ внѣшнемъ устройствѣ школъ,—на которое у насъ совершенно справедливо обращаютъ большое вниманіе,—появляются такъ называемыя школьныя болѣзни: головная боль, близорукость, искривленіе позвоночника, неправильное пищевареніе, безпокойство, раздраженность и всякія другія нервныя болѣзни.

Причины всѣхъ ихъ въ большей или меньшей степени лежатъ въ недостаткѣ движеній и проистекающемъ отсюда плохомъ кровообращеніи, а слѣдовательно уменьшеніи образованія кровяныхъ шариковъ. «Недостатокъ движеній образуетъ мостъ между здоровьемъ и болѣзнью». Шведскій ученый Аксель Кей, путемъ многолѣтнихъ статистическихъ изслѣдованій, установилъ, что послѣ годичнаго посѣщенія школы каждый тринадцатый, послѣ двухлѣтняго—каждый шестой или седьмой, а послѣ трехлѣтняго—каждый пятый ребенокъ становятся малокровными.

Также и нѣмецкіе врачи послѣ основательныхъ изслѣдованій пришли къ заключенію, что съ каждымъ школьнымъ годомъ многія разстройства организма растутъ въ возрастающей прогрессіи, особенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — близорукость и нервность.

А между тѣмъ—въ чемъ навѣрное сходятся всѣ серьезные педагоги и политики—мы должны считаться съ тре-

бованіемъ обязательнаго обученія, которое будетъ существовать во всѣ времена, а исключить изъ нашей школьной программы что-нибудь существенное мы тоже не можемъ, если не хотимъ понизить высокій уровень нашего образованія. Что же касается вопроса, не лучше ли начинать обязательное обученіе съ восьмого, а не съ седьмого года, это еще спорный пунктъ; я, со своей стороны, держусь того взгляда, что школьное обученіе у насъ начинается слишкомъ рано и что съ точки зрѣнія школьной гигіены мы бы многое выиграли однимъ лишнимъ годомъ. Также и проектированныя за послѣднее время и кое-гдѣ осуществленныя лѣсныя школы, «Lander ziehungsheime» (учебныя заведенія въ деревнѣ) и т. д., безусловно преслѣдуютъ хорошую цѣль и сами по себѣ очень полезны, но они неизбѣжно останутся лишь исключеніями и врядъ ли когда-либо будутъ имѣть значеніе для широкой массы народа.

Нѣтъ, чтобы по возможности уравновѣсить указанный вредъ, мы должны разыскать такія мѣры, которыя можно бы примѣнить во всякой школѣ. Всеобщему вырожденію мы должны противопоставить столь же всеобщее возрожденіе, помня при этомъ, что «врачъ только чинитъ, гимнастика же куетъ здоровье». (Эберсъ.)

Изъ всевозможныхъ средствъ для установленія равновѣсія между духомъ и тѣломъ, самое лучшее—это игры молодежи; благодаря имъ, легче и вѣрнѣе всего возстанавливается безусловно необходимое равновѣсіе между умственной и физической работой.

Настоящія игры молодежи требуютъ самыхъ сильныхъ и освѣжающихъ движеній. Вспомнимъ, напримѣръ, нашу нѣмецкую игру въ лапту или англійскій футболъ. Обѣ эти игры, такъ сказать, воплощенное движеніе. Играющіе должны то бѣжать съ одного конца поля на другой, то бросать, ловить или отталкивать мячъ, то наклоняться, то ожидать мячъ въ иномъ положеніи, но, главнымъ образомъ, постоянно во весь духъ мчаться черезъ поле. Когда смотришь на хорошую игру въ лапту или оживленную партію въ футболъ, самому даже становится жарко.

Что же достигается такими движеніями на свѣжемъ воздухѣ? Прежде всего при быстромъ бѣгѣ, громкомъ

крикѣ и всей вознѣ игры легкія расширяются и дышатъ сильнѣе; особенно большое значеніе имѣетъ вызываемое стремительнымъ бѣгомъ глубокое дыханіе, благодаря которому легкія до самыхъ верхушекъ пропитываются кислородомъ и тѣмъ очищаются. Комнатный воздухъ со своими часто вредными примѣсями выкачивается изъ легкихъ, а вмѣсто него туда накачивается чистый воздухъ. Это тѣмъ болѣе важно, что обыкновенно мы дышимъ только частью нашей дыхательной поверхности, при спокойномъ же положеніи тѣла даже всего $^1/_7$ ея. Само собой разумѣется, что воздухъ тамъ, гдѣ происходитъ игра, долженъ быть чистымъ; иначе, какъ это происходитъ при сильныхъ движеніяхъ въ пыльныхъ помѣщеніяхъ (въ танцовальныхъ залахъ, въ плохо убираемыхъ гимнастическихъ залахъ и т. д.), глубокое дыханіе можетъ принести даже непосредственный вредъ. Благодаря сильнымъ движеніямъ, сердце работаетъ энергичнѣе, и кровь обращается быстрѣе. Продукты разложенія уносятся ею, и все тѣло во всѣхъ своихъ частяхъ обильно снабжается кислородомъ. Благодаря этому съ теченіемъ времени укрѣпляются всѣ органы его, и прежде всего сердце.

Особенно благопріятно вліяютъ игры, происходящія на чистомъ воздухѣ зеленой лужайки, на нервную систему, и это опять-таки очень важно для насъ, такъ какъ въ наши дни всякія нервныя разстройства встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ раньше. Столь часто порицаемая общая вялость нашей молодежи какъ физическая, такъ и духовная, стоитъ въ связи съ больными нервами. И я думаю, что лучшимъ средствомъ явятся тутъ общественныя игры, которыя съ полнымъ правомъ назвали гимнастикой нервовъ.

Такихъ мальчиковъ и дѣвочекъ надо по возможности каждый день посылать на зеленый лугъ, чтобы они весело рѣзвились тамъ съ толпой товарищей. Веселая, свободная возня при игрѣ сама по себѣ укрѣпляетъ нервы молодежи. Незначительное напряженіе, требуемое каждой игрой, не возбуждаетъ ихъ, какъ столь многія современныя, такъ называемыя развлеченія, а наоборотъ, самымъ благотворнымъ образомъ освѣжаетъ усталые нервы. Тѣло и умъ пріобрѣтаютъ новую энергію—вотъ благодатное послѣдствіе регулярныхъ дѣтскихъ игръ. Онѣ въ необыкновенной

степени освѣжаютъ и укрѣпляютъ. Напрягать всѣ силы ума и тѣла—и все-таки не работать; подчиняться правиламъ и все-таки быть свободнымъ; горячо и ревностно, но безъ страха и заботъ, стремиться къ успѣху—вотъ эти-то характерныя свойства игры постоянно снова и освѣжаютъ тѣло и умъ. Бодрыми и веселыми должны быть юноши и дѣвушки, это ихъ удѣлъ. Нѣтъ ничего противнѣе, какъ вялая, апатичная молодежь. Дай Богъ, чтобы старый девизъ гимнастовъ: «бодрый, скромный, веселый и свободный» опять постепенно сдѣлался свойствомъ молодежи.

Кромѣ гимнастической пользы подвижныхъ игръ, для насъ имѣетъ значеніе и воспитательная сторона ихъ.

Общественныя игры прекрасное средство не только для развитія тѣла и внѣшнихъ чувствъ, но и для воспитанія ума, характера и души. Что послѣднее сознается не всѣми нашими педагогами, объясняется тѣмъ, что очень часто смѣшиваютъ эти игры съ нелѣпыми искусственными играми, выдуманными для забавы.

Изъ воспитательныхъ достоинствъ настоящихъ игръ молодежи, примѣрами которыхъ могутъ служить бѣгъ взапуски, лапта, мячъ всѣхъ видовъ, тамбуринъ, лаунъ-теннисъ, крокетъ и футболъ—я подчеркну лишь немногія. Прежде всего онѣ развиваютъ выносливость и терпѣніе; затѣмъ: быстроту рѣшенія, разсудительность при его выполненіи и мужество въ соединеніи съ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа при непосредственныхъ случайностяхъ. Нервная система научается моментально выполнять импульсы воли, а умъ—быстро схватывать положеніе дѣлъ.

Этимъ путемъ игры воспитываютъ самообладаніе.

Затѣмъ на площадкѣ для игръ лучше всего сглаживаются нѣкоторыя неровности характера. Многіе избалованные маменькины сынки навсегда сбросили съ себя тамъ или хоть уменьшили свое тщеславіе, самодовольство, самомнѣніе, апатичность, заносчивость, упрямство, обидчивость и свой эгоизмъ. Характеръ по выраженію Гёте формируется только «въ міровомъ потокѣ». А чѣмъ для взрослыхъ является міръ, тѣмъ для школьниковъ являются площадки для игръ съ ихъ пестрой жизнью и суетой.

Если съ одной стороны дѣтскія игры въ значительной степени содѣйствуютъ развитію всѣхъ способностей, являющихся условіемъ свободы поступковъ и самостоятельнаго хотѣнія, то съ другой стороны, онѣ лучше всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи средствъ воспитанія учатъ сознательному подчиненію и безусловному послушанію по отношенію къ выбраннымъ атаманамъ. Умѣніе слушаться и подчиняться трудное искусство, и у многихъ людей жизнь уже потому была испорчена, что они въ молодости не научились этому искусству. При игрѣ же даже самый глупый и гордый ребенокъ наталкивается на сознаніе, что самовольное нарушеніе законовъ или неисполненіе приказанія атамана будетъ имѣть для всей партіи самыя худшія послѣдствія. Если же играющій самъ этого не пойметъ, тогда товарищи уже внушатъ ему правильное пониманіе, при чемъ не всегда кроткими мѣрами. Ибо у молодежи расправа коротка. Играющіе взаимно воспитываютъ въ себѣ терпѣніе, скромность и уживчивость. Нетерпѣливый становится терпѣливымъ, требовательный — скромнымъ, сварливый — уживчивымъ, упрямый — уступчивымъ, обидчивый—миролюбивымъ, а высокомѣрный — привѣтливымъ и ласковымъ.

Взаимное самовоспитаніе путемъ игръ есть нѣчто особенно цѣнное.

Мудрыя нравоученія легко входятъ у молодежи въ одно ухо, а выходятъ въ другое; собственный же опытъ забывается не такъ легко.

Дальнѣйшая польза дѣтскихъ игръ заключается въ томъ, что во время игры воспитатель можетъ гораздо лучше узнать характеръ своего воспитанника, чѣмъ во время уроковъ. Вѣдь при воспитаніи мы должны и обязаны считаться съ индивидуальностью воспитанника, а сколько промаховъ мы дѣлаемъ! Да и невозможно на урокахъ въ переполненномъ классѣ познакомиться съ каждымъ отдѣльнымъ ученикомъ. На площадкѣ для игръ это легче; во всякомъ случаѣ поведеніе во время игры, какъ вѣрнѣйшее отраженіе душевныхъ качествъ, есть цѣнное дополненіе къ тому матеріалу, на основаніи котораго составляется сужденіе. Иной «образцовый ученикъ» оказывался тамъ самымъ несноснымъ мальчишкой; а иной ребенокъ, тупой на ученье,

показывалъ учителю при игрѣ, что обладаетъ иными достоинствами, придающими ему свою цѣнность.

Если учитель не зачерствѣлый педагогъ, а настоящій воспитатель, онъ легко найдетъ при игрѣ тотъ тонъ, который поможетъ ему стать другомъ своихъ учениковъ, а не только строгимъ наставникомъ. Вѣдь при воспитаніи самое важное все-таки любовь—это замѣчаетъ каждый настоящій учитель, чѣмъ старше онъ становится. Для процвѣтанія души ребенка любовь такъ же необходима, какъ солнечный свѣтъ для цвѣтка, а между тѣмъ въ отношеніяхъ между учащими и учащимися трудно, очень трудно добиться настоящей любви. Но воспитаніе должно пользоваться каждымъ средствомъ, которое способно связать сердца учениковъ съ сердцемъ учителя. Такимъ средствомъ является игра. Поэтому, учителя и ученики, ступайте вмѣстѣ на площадку для игръ! Тамъ также раньше всего въ школьную жизнь войдетъ черта полной правдивости, которой, какъ я убѣдился на практикѣ, ей къ сожалѣнію все еще въ значительной степени недостаетъ.

Кромѣ гигіеническаго и воспитательнаго значенія игръ, надо упомянуть еще объ одной сторонѣ вопроса, которая часто упускается изъ виду, даже воспитателями. А именно: что мальчикъ, юноша, находящій удовольствіе въ игрѣ и ищущій себѣ отдыха и развлеченія на свѣжемъ воздухѣ среди природы, почти всегда огражденъ отъ соблазна предаться недѣтскимъ, нелѣпымъ, вреднымъ развлеченіямъ,—того соблазна, которому такъ часто поддаются мальчики его лѣтъ, проводящіе свои свободные часы неразумнымъ, непозволительнымъ образомъ. Столь часто раздающіяся жалобы на существованіе тайныхъ школьныхъ обществъ постепенно умолкли бы, если бы школьникамъ давали больше возможности играть и больше возбуждали у нихъ интересъ къ играмъ, которыя можно назвать цѣнной гарантіей ихъ невинности, ихъ физическаго и душевнаго здоровья.

Но не одни мальчики должны ежедневно играть на открытомъ воздухѣ; нѣтъ, дѣвочки обязательно тоже. Потому что онѣ не меньше мальчиковъ нуждаются въ сильныхъ движеніяхъ на свѣжемъ воздухѣ, а къ сожалѣнію изъ ложнаго взгляда на приличіе съ ихъ играми въ открытомъ

полѣ дѣло обстоитъ гораздо, гораздо хуже. Дай Богъ, чтобы всѣ родители, начальники женскихъ учебныхъ заведеній, учительницы и всѣ, кому это вообще вѣдать надлежитъ, одумались.

Народныя и дѣтскія игры можно раздѣлить на два главныхъ разряда: забавныя игры и партійныя, а каждый изъ этихъ разрядовъ опять-таки на игры съ мячомъ и безъ мяча. Только партійныя игры имѣютъ воспитательное значеніе для болѣе взрослыхъ школьниковъ, между тѣмъ какъ забавныя игры главнымъ образомъ служатъ для отдыха, хотя и онѣ укрѣпляютъ сердце и легкія, научаютъ бѣгать и важны, какъ подготовка къ партійнымъ играмъ.

Главнѣйшія партійныя игры съ мячомъ—слѣдующія:

1) Хоккей, при которой длинными, изогнутыми, имѣющими форму молотка палками гонятъ черезъ гладкую площадь маленькій мячикъ. Зимой эта же самая игра пріобрѣла во многихъ мѣстахъ право гражданства въ качествѣ хоккей на льду.

2) Бэзболь (Baslball) — американская національная игра въ мячъ.

3) Воссіа—итальянская національная игра, въ которую играютъ большими деревянными шарами безъ палокъ.

4) Кошоннэ (Cochonnet) — игра въ шары, особенно распространенная во французской Швейцаріи.

5) Крикетъ — самая знаменитая англійская національная лѣтняя игра.

6) Крокетъ—очень распространенная въ Англіи и Германіи семейная игра, въ которую играютъ деревянными шарами и молотками.

7) Кулачный мячъ (Faustballe) — прекрасная игра, перешедшая къ намъ изъ Италіи черезъ южную Германію; двѣ партіи перекидываютъ кулакомъ другъ другу большой мячъ черезъ высоко протянутую веревку.

8) Футболъ—англійская національная зимняя игра, которой существуетъ двѣ главныя разновидности: съ подниманіемъ мяча или безъ онаго (Rugby или Assoziation).

9) Гольфъ (Golf) — игра, особенно распространенная въ Англіи; какъ при хоккей гонятъ мячъ черезъ возможно болѣе волнистую мѣстность.

10) Boscetball (мячъ въ корзинку), въ которую главнымъ образомъ играютъ дамы въ Сѣверной Америкѣ; требуется загнать большой мячъ въ высоко поставленную корзинку.

11) Лакросъ (Lacrosse) — первоначально индѣйская игра, при которой мячъ отбиваютъ большими ракетами.

12) Лаунъ-теннисъ—первоначальная англійская игра, которая за послѣднія десятилѣтія повсюду пріобрѣла право гражданства, особенно въ высшихъ кругахъ общества.

13) Поло (Polo) — верховая игра въ мячъ, при которой всадники, а за послѣднее время и велосипедисты, гонятъ мячъ палками въ родѣ тѣхъ, какія употребляются при хоккей.

14) Лапта — нѣмецкая національная лѣтняя игра, которой различаютъ двѣ разновидности: съ подавателемъ мяча или безъ него.

15) Лапта съ прибѣжищами, называемая въ Англіи Raunders.

16) Мячебросъ (Schleuderball).

17) Тамбуринъ (Tamburinball)—прелестная игра также и для молодыхъ дѣвушекъ; ракетками, похожими формой на бубны, двѣ партіи перебрасываютъ другъ другу мячъ черезъ веревку.

Главныя партійныя игры безъ мяча слѣдующія: 1) Бѣгъ взапуски. 2) Игра въ крѣпость. 3) Борьба вокругъ палки. 4) Игра въ войну. 5) Жандармы и разбойники. 6) Рыцари и горожане. 7) Вытягиваніе каната. 8) Заяцъ и собаки. 9) Бѣгъ курьеровъ (бѣгъ эстафетовъ). 10) Бѣгъ вперегонки въ самыхъ различныхъ видахъ.

Существуетъ очень много забавныхъ и шуточныхъ игръ съ мячомъ.

Забавныхъ и шуточныхъ игръ безъ мяча существуетъ безконечное множество. Кто въ состояніи перечислить всѣ разнообразныя, часто очень милыя, хороводныя игры, въ которыхъ находятъ удовольствіе дѣвочки, особенно младшаго возраста. Въ каждой мѣстности онѣ передавались отъ матерей къ дочерямъ и содержатъ еще много своеобразныхъ пережитковъ старины. Съ теченіемъ времени онѣ, правда, перетерпѣли много измѣненій, но все еще служатъ

своей цѣли: самымъ различнымъ образомъ доставлять дѣтямъ удовольствіе.

Главные виды относящихся сюда забавныхъ игръ слѣдующіе: 1) Пятнашки. 2) Жмурки. 3) Лиса въ норку. 4) Заяцъ въ капустѣ. 5) Ястребъ и курица. 6) Скачущій кругъ. 7) Охота. 8) Яковъ, гдѣ ты? 9) Кошка-мышка. 10) Горѣлки. 11) Жгуты. 12) Разбойникъ и монашка. 13) Бросать серсо. 14) Борьба въ кругу. 15) Бѣгъ въ мѣшкахъ. 16) Игра въ камешки. 17) День и ночь. 18) Игра въ краски. 19) Верченіе тарелокъ. 20) Бить по горшку. 21) Четыре угла, или игра въ сосѣди. 22) Игра въ аванпосты. 23) Сторожъ и воры, и 24) Игра въ свайку.

Изъ этого краткаго перечня, который можно бы значительно увеличить, видно, что есть множество всякаго рода подвижныхъ игръ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Почему же все-таки такъ мало играютъ? Мячъ и лапту вѣдь вездѣ легко достать. Причина же въ томъ, что игры исчезли изъ народныхъ нравовъ; для того, чтобы онѣ снова вошли въ обычай, требуется много времени, и начать надо съ дѣтей. Игра должна войти въ обиходъ каждой семьи, а изъ семьи проникнуть въ народъ.

Главнымъ же образомъ необходимо, чтобы естественная заступница интересовъ подрастающаго поколѣнія—школа—въ гораздо большей степени, чѣмъ до сихъ поръ, смотрѣла за тѣмъ, чтобы физическимъ упражненіямъ было отведено подобающее имъ мѣсто въ ряду средствъ воспитанія. Для этой цѣли, кромѣ регулярныхъ уроковъ гимнастики, желательно введеніе какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ, общеобязательныхъ послѣобѣденныхъ часовъ для игръ, которые можно употреблять также и для прогулокъ, катанья на конькахъ, для гребли, плаванья и т. д.; тогда школа гораздо лучше, чѣмъ до сихъ поръ, будетъ выполнять свою задачу: гармонически развивать тѣло и умъ своихъ воспитанниковъ, на благо какъ самого подрастающаго поколѣнія, такъ и всего нашего народа.

Спортъ.

Профессора Ф. А. Шмидта.

Ребенокъ и спортъ—двѣ вещи повидимому совсѣмъ несовмѣстимыя. Конечно это такъ, если подъ «спортомъ» подразумѣвается стремленіе человѣка, пуская въ ходъ всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи физическія, а отчасти духовныя силы, совершить что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее,—стремленіе добиться первенства въ какой-нибудь области человѣческой дѣятельности, которой занимаются не ради заработка, а изъ любви къ искусству, помимо своихъ профессіональныхъ занятій.

Какъ ребенокъ, находящійся въ періодѣ физическаго и умственнаго развитія, пользуется своимъ свободнымъ временемъ и что онъ дѣлаетъ въ эти часы, безъ сомнѣнія имѣетъ для развитія его индивидуальности такое же рѣшающее значеніе, какъ и то, что́ онъ усваиваетъ въ школѣ. Но если мы выступаемъ въ защиту взгляда, что эти свободные часы должны главнымъ образомъ проводиться въ играхъ и всякихъ иныхъ движеніяхъ и упражненіяхъ на свѣжемъ воздухѣ, и обозначимъ все это общимъ словомъ «спортъ», мы все же далеки отъ желанія, чтобы ребенокъ въ указанномъ выше смыслѣ тратилъ на такія занятія всю свою излишнюю энергію. Наоборотъ: одностороннее, чрезмѣрное увлеченіе «спортомъ», какое обыкновенно мы видимъ у взрослыхъ, надо признать прямо вреднымъ для ребенка. Правда, отъ такой односторонности его защищаетъ уже сама природа: его подвижный умъ всегда стремится къ новому, требуетъ перемѣны. Часто, чѣмъ съ большей страстью ребенокъ отдается своему любимому занятію, тѣмъ скорѣе охладѣваетъ его пылъ, какъ только исчерпана прелесть новизны. Но все-таки опасность чрезмѣрнаго увлеченія остается. Поэтому намъ придется подробнѣе изложить здѣсь, какъ можно пользоваться «спортомъ» — объ играхъ дѣтей говорилось въ другомъ мѣстѣ— для отдыха, для физическаго укрѣпленія и здороваго

умственнаго развитія дѣтей, чрезмѣрно не напрягая при этомъ ихъ силъ. Виды спорта, которые будутъ разсматриваться здѣсь, слѣдующіе: прогулки пѣшкомъ и восхожденіе на горы; плаваніе; гребля; велосипедная ѣзда; катанье на конькахъ.

I.

Прогулки пѣшкомъ.

Какого ребенка со здоровыми инстинктами неотразимо не потянетъ вонъ изъ дома и однообразія городскихъ улицъ, когда на дворѣ весело играетъ яркое солнышко. Широкій, вольный міръ, поля, луга, лѣса и горы влекутъ къ себѣ, и манятъ, и зовутъ рѣзвиться, двигаться и играть. Какой праздникъ для ребенка, когда родители отправляются со своимъ любимцемъ за городъ, или когда цѣлый классъ школы бодро шагаетъ по направленію къ опредѣленной цѣли, или же когда ребенку постарше позволяютъ бро-

дить одному со своими друзьями! Но, чтобы любовь къ прогулкамъ принесла для тѣла и души ребенка ни съ чѣмъ несравнимые по своей цѣнности плоды, надо направить ее въ правильное русло. Кто осудитъ горожанина, когда, желая въ праздникъ отдохнуть отъ однообразной будничной работы, онъ пользуется имѣющимися подъ рукой путями сообщенія, чтобы съ удобствами выѣхать за городъ до какого-нибудь «живописнаго пункта» и тамъ, наконецъ, разыскать себѣ мѣстечко въ переполненномъ садикѣ ресторана? Но ребенку тамъ не мѣсто! Онъ не долженъ съ дѣтства проникаться взглядомъ, будто гостиница съ ея развлеченіями— неизбѣжная цѣль и конечный пунктъ всякой загородной прогулки.

Но его и самого не тянетъ туда, поскольку онъ не испорченъ ложнымъ воспитаніемъ. Нѣтъ: гдѣ съ вѣтокъ раздается пѣніе птицъ, гдѣ порхаютъ пестрыя бабочки, гдѣ надъ ручьемъ вьются стрекозы, а въ прохладной струѣ играютъ рыбки; гдѣ на зеленомъ лугу тѣснятся пестрые цвѣты и тянутся къ солнцу своими вѣнчиками; гдѣ лѣсъ смыкаетъ сводомъ свою листву и на землѣ скользятъ свѣтлыя круглыя солнечныя пятна, — тамъ рай ребенка, тамъ все для него красиво, и каждая мелочь важна. Правда, эстетическое наслажденіе природой еще чуждо ребенку. Онъ еще не умѣетъ чувствовать и цѣнить живописную красоту ландшафта и тонкость настроенія пейзажей, мѣняющуюся въ зависимости отъ освѣщенія и пункта, откуда смотришь. Но въ своей любознательности онъ радуется всему, что открывается передъ его взоромъ вблизи и вдали: различнымъ мѣстностямъ, рѣкамъ, озерамъ, горнымъ кряжамъ и горнымъ вершинамъ.

Это стремленіе воспринимать въ себя все, что на прогулкахъ видитъ глазъ, надо старательно развивать и поощрять, но безъ навязчивой поучительности, которая способна уничтожить всякую любовь къ природѣ. Пусть ребенокъ научается отличать полезныя деревья и травы, пусть обращаетъ вниманіе на то, какъ обрабатываютъ землю, какъ сѣютъ зерно, какъ хлѣбъ растетъ, колосится и зрѣлый падаетъ подъ ударами серповъ. Въ особенности же школа и семья должны поощрять стремленіе дѣтей собирать растенія. Каждая прогулка становится содержательнѣе и

доставляетъ больше наслажденія—даже въ позднѣйшемъ возрастѣ—если всякое, даже незначительнѣйшее растеньице становится предметомъ вниманія. То же самое можно сказать и о знакомствѣ съ различными видами почвы и породами камней. Затѣмъ надо направлять вниманіе на выдающіяся зданія, а также на деревенскія постройки съ ихъ особенностями. Историческія воспоминанія и старинныя легенды, связанныя съ опредѣленными мѣстностями, надо соотвѣтственнымъ образомъ воскрешать передъ глазами дѣтей, считаясь съ ихъ пониманіемъ и фантазіей.

Такъ ребенокъ на прогулкахъ узнаетъ свою ближайшую родину, наглядно познакомится съ ея природой и людьми. Слѣдовало бы, чтобы уроки природовѣдѣнія, отечествовѣдѣнія и отчасти рисованія въ большей степени, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, переносились подъ открытое небо, т.-е. чтобы этими предметами занимались на регулярныхъ школьныхъ прогулкахъ. Потому что ребенокъ долженъ прежде всего узнать и полюбить именно ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, и ея ближайшія окрестности, затѣмъ постепенно и сосѣднія мѣстности. Въ наше время, при богатствѣ современныхъ путей сообщеній, часто случается, что ребенка уже въ ранніе годы берутъ въ далекія путешествія—ради ли здоровья (поѣздки въ горы или на берегъ моря для укрѣпленія силъ) или въ цѣляхъ посѣщенія родныхъ. Но безъ особо важныхъ побужденій этого не слѣдовало бы дѣлать. Достойны жалости тѣ скороспѣлыя дѣти, которыя въ ранніе годы уже видѣли всевозможныя чудеса бѣлаго свѣта, получили всевозможныя сильныя впечатлѣнія и те-

Ученическая прогулка: отрядъ флейтистовъ и барабанщиковъ во главѣ марширующей колонны.

Ученическая прогулка: упражненіе въ смотрѣніи вдаль.

перь въ своемъ высокомѣріи находятъ маленькимъ, ничтожнымъ все, что можетъ имъ предложить родина. Сколько прекраснаго и достойнаго изученія, таящагося въ ближайшей окружающей ихъ жизни, навсегда скрыто отъ ихъ взоровъ. Бѣдно то сердце, которому чужда любовь къ своему родному краю.

Теперь спросимъ себя: какъ надо вести дѣтскія прогулки? Прежде всего требуется пробудить у дѣтей настоящую любовь къ прогулкамъ. А для этого необходимо, чтобы дорога не была однообразна, чтобы она, по возможности, вела черезъ лѣсъ и на возвышенности, гдѣ можно было бы съ наслажденіемъ отдохнуть на какомъ-нибудь живописномъ мѣстѣ,—цѣли странствованія. Но быстрая, бодрая ходьба и сама по себѣ должна доставлять удовольствіе, ребенокъ долженъ гордиться дальней прогулкой. Настоящій пѣшеходъ съ сожалѣніемъ будетъ смотрѣть на любителей удобствъ, полагающихъ, что выбраться изъ окрестностей города они могутъ не иначе, какъ предоставивъ желѣзной дорогѣ или пароходу перевезти ихъ, подобно тюку товаровъ, что, разумѣется, не исключаетъ частичнаго пользованія мѣстными путями сообщенія при даль-

нихъ экскурсіяхъ. Въ большихъ городахъ это даже будетъ общимъ правиломъ.

Здоровыя ноги все-таки лучшій и надежнѣйшій локомотивъ даже въ вѣкъ пара и электричества. Самыя красивыя укромныя лѣсныя тропинки въ концѣ концовъ доступны только пѣшеходамъ. Пѣшехода ноги несутъ, куда онъ хочетъ: черезъ чащу и колючки, черезъ камни и скалы, къ самому краю воды и на высочайшія горныя вершины.

Съ другой стороны любовь къ хожденію пѣшкомъ не должна доводиться до крайности. Правда, дѣти часто проявляютъ удивительную выносливость при ходьбѣ. Но изъ-за этого нельзя заставлять ихъ совершать черезчуръ длинныя прогулки. Когда въ прогулкѣ участвуетъ довольно много дѣтей, мѣрой служитъ способность къ ходьбѣ самыхъ слабыхъ изъ нихъ. Въ общемъ же, если 9-ти—10-тилѣтній ребенокъ на послѣобѣденной прогулкѣ дѣйствительно маршируетъ два часа,—конечно, съ соотвѣтственнымъ промежуткомъ отдыха, — а 11 — 13 - лѣтній три часа, это и будетъ средняя мѣра. Если рѣчь идетъ о прогулкѣ на цѣлый день, число часовъ ходьбы можетъ дойти до 4—5. При этомъ скорость ходьбы мы принимаемъ 1 километръ въ 12 минутъ. Ибо ходить надо бодрымъ шагомъ: медленное волоченіе ногъ—по крайней мѣрѣ на ровномъ шоссе—утомляетъ гораздо больше, чѣмъ веселая и быстрая ходьба. Это объясняется ужъ тѣмъ, что при медленномъ, черезчуръ спокойномъ передвиженіи сердце и дыхательные органы очень мало побуждаются къ усиленной дѣятельности, въ которой, между тѣмъ, только и заключается польза прогулокъ для здоровья. Благодаря этому въ нижнихъ частяхъ тѣла застаивается кровь, ноги тяжелѣютъ и двигаются лѣниво.

Если идутъ цѣлой гурьбой, нога въ ногу, тогда веселая пѣсня очень подбадриваетъ и облегчаетъ путь. То же самое, если шествуютъ подъ звуки флейтъ и барабановъ, и во многихъ мужскихъ училищахъ существуютъ для этой цѣли спеціальные отряды флейтистовъ и барабанщиковъ.

Одежда должна быть удобна и сообразоваться съ погодой. Высокіе узкіе воротники у мальчиковъ такъ же недопустимы, какъ тугая шнуровка таліи у дѣвочекъ. Осо-

Загородное шествіе учениковъ во время народнаго праздника.

бенно важна удобная обувь. Предпочтительнѣе всего уже подержаная и разношенная, но еще достаточно крѣпкая.

Высокіе каблуки на башмакахъ дѣвочекъ ужъ сами по себѣ никуда не годятся: на прогулкахъ же они абсолютно недопустимы.

Важно правильно позаботиться о ѣдѣ и питьѣ молодежи во время прогулокъ. Для прогулки на полдня достаточно взять съ собой по бутерброду.

Для питья во время главнаго привала рекомендуется молоко или шоколадъ. Спиртные напитки въ какой бы то ни было формѣ не могутъ быть разрѣшены дѣтямъ на прогулкахъ. Въ жаркіе дни дѣти безбоязненно могутъ выпить по дорогѣ и воды — страхъ передъ ней совсѣмъ неоснователенъ. Но только надо слѣдить за тѣмъ, чтобы пили совершенно чистую и безвредную воду. Напримѣръ, ключевую, гдѣ она прямо вытекаетъ изъ земли и гдѣ исключена возможность загрязняющихъ примѣсей. По отношенію къ колодезной водѣ въ деревняхъ и на фермахъ всегда требуется осторожность. Далѣе: холодное питье въ лѣтнюю жару вредно, если поглощаютъ заразъ и залпомъ большое количество холодной влаги. Дѣти должны сначала сдѣлать маленькій глотокъ воды, за которымъ медленно, съ перерывами, можетъ послѣдовать еще небольшое количество ея.

Для прогулокъ на цѣлый день разумѣется тре-

буется больше провизіи. Бутерброды и вареныя яйца прекрасно замѣняютъ обѣдъ. Закуска въ лѣсу на какомъ-нибудь сухомъ мѣстѣ подъ тѣнью деревьевъ имѣетъ свою особую прелесть.

Но только ни въ коемъ случаѣ нельзя допускать, чтобы мѣсто привала было отмѣчено огромнымъ количествомъ разбросанныхъ бумажекъ и яичной скорлупы или даже осколками разбитыхъ бутылокъ. Надо научить дѣтей сознавать, что этотъ отвратительный обычай есть оскверненіе лѣса.

Если никакъ нельзя обойтись безъ обѣда въ гостиницѣ, то этотъ обѣдъ долженъ быть самымъ простымъ и скромнымъ. Просто нелѣпо полагать, что школьники на прогулкахъ должны садиться за «table d'hôte» и получать обѣдъ изъ нѣсколькихъ блюдъ. Къ сожалѣнію есть много учебныхъ заведеній для благородныхъ дѣвицъ, которыя считаютъ, что ихъ репутація требуетъ такого грубо-матеріальнаго пусканія пыли въ глаза.

Гигіеническую пользу частыхъ прогулокъ дѣтей — особенно ежедневныхъ прогулокъ въ лѣсъ, соединенныхъ съ играми на открытомъ воздухѣ! — надо оцѣнить очень высоко.

Объемъ дыханія въ сравненіи съ дыханіемъ при лежаніи или сидѣніи увеличивается въ нѣсколько, даже во много разъ; также значительно увеличивается и дѣятельность сердца, но она находитъ себѣ поддержку въ глубокомъ дыханіи, энергично пригоняющемъ къ сердцу кровь изъ нижней половины тѣла. Связанная съ ходьбой далеко не малая работа мускуловъ ногъ вызываетъ въ тѣлѣ соотвѣтственное усиленіе обмѣна веществъ. Особенно же усиливается—благодаря вдыханію чистаго воздуха лѣсовъ и полей и подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта — процессъ образованія крови. Такимъ образомъ прогулки являются сильной гимнастикой органовъ дыханія и кровообращенія и усиливаютъ общій обмѣнъ веществъ.

И еще одно надо отмѣтить. Благодаря чтенію и письму на близкомъ разстояніи у ребенка въ школѣ сильно напрягается зрѣніе, и даже черезчуръ напрягается, судя по количеству дѣтей, ставшихъ близорукими въ школьномъ возрастѣ. Въ противовѣсъ этому смотрѣніе вдаль бла-

готворнымъ образомъ ослабляетъ напряженіе аккомодаціоннаго мускула глаза и въ то же время само по себѣ является прекраснымъ упражненіемъ. Потому что острота зрѣнія увеличивается, когда пытаешься различить и узнать расположенные вдали, но еще видимые предметы: дома, церкви, группы деревьевъ, поверхность воды, вершины горъ и т. д. Къ этимъ упражненіямъ зрѣнія можно впослѣдствіи присоединить упражненія въ опредѣленіи разстояній.

Какое, наконецъ, значеніе имѣютъ для души и для образованія характера ребенка такія прогулки среди красотъ вольнаго Божьяго міра,—легко понять изъ всего вышесказаннаго.

Нѣтъ радости чище и невиннѣе, чѣмъ наслажденіе природой; нѣтъ влеченія болѣе здороваго, чѣмъ влеченіе къ свѣжимъ, бодрымъ движеніямъ. Прогулки воспитываютъ въ молодежи выносливость, научаютъ—если ведутся правильно—довольствоваться малымъ и цѣнить простоту, требуютъ отъ участниковъ ея уживчивости и товарищескихъ чувствъ. Каждый воспріимчивый человѣкъ считаетъ удавшіяся прогулки въ ряду самыхъ лучшихъ, самыхъ свѣтлыхъ и незабвенныхъ часовъ всей веселой юности!

II.

Восхожденіе на горы.

О восхожденіи на горы мы упомянемъ только вкратцѣ. Къ такому восхожденію на горы въ общемъ примѣнимо все, что мы раньше говорили о прогулкахъ вообще, только скорость ходьбы должна тѣмъ болѣе уменьшаться, чѣмъ круче подъемъ. И для дѣтей надо признать правиломъ: подниматься въ гору медленно, но непрерывно, немного согнувъ колѣни. Важно правильное, спокойное, глубокое дыханіе: поэтому слѣдуетъ избѣгать ненужной болтовни. Тѣмъ болѣе при взбираніи на горы запрещено пѣніе. Само собой понятно, что съ дѣтьми надо выбирать только очень ровныя горныя тропинки, хотя бы это означало крюкъ, и избѣгать всякаго рискованнаго лазанія. Когда спускаются по склону, гдѣ изъ-подъ ногъ выкатываются

камни, требуется осторожность, надо удерживать молодежь отъ стремленія спускаться съ горы большими прыжками. Потому что результатомъ этой опрометчивой манеры спускаться часто бываетъ вывихъ ноги или пораненіе скатывающимся камнемъ. Настоящія прогулки въ горы безусловно надо оставлять до болѣе поздняго возраста.

III.

Плаванье.

Плаванье—одно изъ любимѣйшихъ физическихъ упражненій нашей молодежи, имъ она занимается съ такой страстью, какъ врядъ ли какимъ-либо другимъ. Пріятное чувство, испытываемое при плаваніи въ прохладной водѣ, и свѣжесть, остающаяся послѣ купанья во всемъ тѣлѣ еще въ теченіе многихъ часовъ, являются признаками полезнаго дѣйствія его на организмъ.

Кожа ребенка—не только защитительный покровъ тѣла, а нѣчто гораздо большее. Неся въ себѣ обширную сѣть

кровеносныхъ сосудовъ, огромное количество потовыхъ и сальныхъ желёзъ, а также тончайше развѣтвленную сѣть нервовъ, она—одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ выдѣленія, регулирующій отдачу тѣломъ теплоты. А какъ мѣстонахожденіе чувства осязанія, она является однимъ изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Поэтому для нормальнаго теченія жизненныхъ отправленій обязательно нуженъ хорошій уходъ за кожей. Мытье и купанье являются жизненной потребностью ребенка съ самаго дня его рожденія. Въ первые годы жизни главнымъ образомъ необходимо держать кожный покровъ въ чистотѣ, удалять съ него съ помощью теплой воды слой отлупившейся кожи, сала и т. д., для того, чтобы дѣятельность кожи, въ качествѣ органа выдѣленія, могла итти безпрепятственно.

Въ позднѣйшіе годы въ области ухода за кожей выступаетъ и другая потребность, а именно: вліяніе кожи на регулированіе теплоты тѣла.

При высокой внѣшней температурѣ кровеносные сосуды кожи расширяются, а потовыя железы начинаютъ усиленно работать. При низкой же температурѣ кровеносные сосуды сжимаются. Въ первомъ случаѣ достигается охлажденіе кожи и не допускается накопленіе въ тѣлѣ излишней теплоты, во второмъ — предупреждается чрезмѣрная отдача теплоты. Хотя эта дѣятельность кожи самостоятельно регулируется ея температурными нервами, но совершается она съ желательной быстротой, а слѣдовательно предупреждается вредное вліяніе внезапнаго охлажденія болѣе или менѣе обширныхъ участковъ кожи (т.-е. простуда), только въ томъ случаѣ, если весь аппаратъ часто упражняется, т.-е. если ребенокъ часто подвергается различнымъ температурамъ. Эту способность организма сопротивляться временному воздѣйствію холода мы называемъ закаленностью. Гдѣ она неразвита, тамъ мы говоримъ объ изнѣженности.

Фанатизмъ въ закаливаніи, при которомъ ребенка уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ подвергаютъ холоднымъ обливаніямъ, купанію и душамъ, такъ же не годится, какъ и постоянное изнѣживаніе, мстящее за себя въ дальнѣйшей жизни чувствительностью организма къ малѣйшему холодному вѣтерку.

Холодныя купанья — не говоря ужъ о непосред-

ственномъ освѣжающемъ дѣйствіи ихъ, — являются прекраснымъ предохранительнымъ средствомъ для поддержанія здоровья, являются «гимнастикой кровеносныхъ сосудовъ». Но это ничѣмъ не замѣнимое благотворное дѣйствіе ихъ лишь въ томъ случаѣ достигается въ полномъ объемѣ, и продолжительное купанье въ прохладной водѣ лишь тогда переносится безъ вреда для здоровья, если во время купанья тѣло дѣлаетъ энергичныя движенія. Такія движенія даетъ намъ плаванье.

Плаванье присоединяетъ ко всѣмъ гигіеническимъ преимуществамъ холоднаго купанья всѣ цѣнныя свойства сильнаго физическаго упражненія: оно одно изъ полезнѣйшихъ физическихъ упражненій. А кромѣ того умѣнье плавать, какъ способность поддерживать тѣло на водѣ и передвигать его тамъ, т.-е. не дать ему утонуть, есть практическое искусство, очень важное въ жизни.

Польза, приносимая плаваньемъ въ смыслѣ укрѣпленія организма ребенка и его отдѣльныхъ органовъ, очень разнообразна. Внезапное механическое раздраженіе кожи холодной водой, въ которую погружаешься, заставляетъ сжаться кровеносные сосуды, увеличиваетъ кровяное давленіе и побуждаетъ сердце къ усиленной и учащенной работѣ. Разнообразныя движенія мускуловъ дѣлаютъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ болѣе оживленнымъ. Въ особенности же увеличиваются и усиливаются дыхательныя движенія. Дыхательные мускулы должны работать тѣмъ энергичнѣе, что при вдыханіи нужно преодолѣть давленіе воды, окружающей грудную клѣтку. Съ другой же стороны дыханію благопріятствуетъ прямое положеніе спины и шеи (разумѣется, рѣчь идетъ о плаваньи на груди), дающее грудной клѣткѣ возможность вполнѣ расшириться. И еще одно: если дыхательныя и плавательныя движенія правильнымъ образомъ согласованы между собой, то вдыханіе совпадаетъ съ притяженіемъ и сгибаніемъ ногъ и одновременнымъ раздвиганіемъ рукъ, выдыханіе же—съ движеніемъ рукъ впередъ и одновременнымъ вытягиваніемъ и смыканіемъ ногъ. Это существенно облегчаетъ вдыханіе и выдыханіе. Сильное напряженіе вытягивающихся мускуловъ спины и особенно шеи, необходимое для того, чтобы ротъ и носъ постоянно находились надъ поверхностью воды, означаетъ желательное

укрѣпленіе этихъ мускуловъ, которые какъ разъ очень важны для прямой и красивой осанки.

Не менѣе благотворно дѣйствуетъ плаванье на нервную систему. Чтобы, поборовъ всякій страхъ, храбро прыгнуть въ холодную воду, требуется рѣшимость, и это развиваетъ мужество. Пріятное чувство свѣжести, часами остающееся въ тѣлѣ послѣ купанья и плаванья, вызываетъ потребность двигаться и работать.

Итакъ, плаванье укрѣпляетъ главныя мышцы всего тѣла, способствуетъ красивой осанкѣ, является прекраснымъ упражненіемъ въ дыханіи, укрѣпляетъ мускулы сердца и дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ на нервную систему. Однимъ словомъ это — физическое упражненіе, равнаго которому по многостороннему вліянію на организмъ врядъ ли можно найти.

Правда, за плаваньемъ дѣтей требуется извѣстное наблюденіе, чтобы оно не доводилось до крайности. Прежде всего это относится къ продолжительности купанья. Какъ общее правило можно установить, что время купанья должно быть тѣмъ меньше, чѣмъ ниже температура воды. Это относится къ купанью въ рѣкѣ и въ морѣ, между тѣмъ какъ въ городскихъ купальныхъ заведеніяхъ вода нагрѣвается искусственно и всегда имѣетъ одинаковую температуру. Если у плавающаго блѣднѣетъ лицо, синѣютъ губы и онъ начинаетъ дрожать, это признаки, что сердце уже плохо работаетъ. Смотря по возрасту и силамъ ребенка, дрожь появляется раньше или позже. Во всякомъ случаѣ тогда надо немедленно прекратить купанье. Послѣ энергичнаго вытиранія кожи досуха и подъ согрѣвающимъ вліяніемъ одежды дрожь быстро проходитъ.

Дѣтямъ доставляетъ особенное удовольствіе, освободившись отъ стѣсняющей движенія одежды, съ веселыми криками бѣгать съ товарищами по купальнѣ, возиться и драться съ ними. Часто такая возня продолжается дольше, чѣмъ это полезно. А въ результатѣ ежедневное лѣтнее купанье уже не укрѣпляетъ, а утомляетъ. Дѣти теряютъ въ вѣсѣ и блѣднѣютъ. Самое лучшее время дѣтскаго купанія днемъ до обѣда и подъ вечеръ. Купанье раннимъ утромъ передъ отправленіемъ въ школу переносится плохо. Этимъ сокращается утренній сонъ дѣтей, а съ другой стороны

спокойное сидѣніе непосредственно послѣ купанья вредно. Купанье вскорѣ послѣ обѣда тоже не годится, такъ какъ мѣшаетъ пищеваренію. Если ребенокъ передъ купаньемъ сильно двигался (игралъ, бѣгалъ), то онъ не долженъ входить въ воду, пока біеніе сердца и дыханіе не вернутся къ нормальному спокойному темпу. Дѣти, хорошо развитыя физически, могутъ начать учиться плавать въ концѣ десятаго года жизни. За послѣднее время школа занялась плаваньемъ учениковъ, а именно такимъ образомъ, что на урокахъ гимнастики упражняются въ плавательныхъ движеніяхъ. Для такого «плаванья безъ воды» употребляютъ маленькіе складные стулья, висящія пояса и т. п. приспособленія, на которыя учащіеся ложатся животомъ, горизонтально вытянувъ тѣло. Дѣти, которыя такимъ образомъ освоились съ движеніями, требующимися при плаваніи, часто научаются плавать удивительно быстро.

Хорошіе пловцы могутъ уже въ ранніе годы пробовать свои силы въ нѣкоторыхъ фокусахъ плаванія, въ ныряніи и прыжкахъ въ воду. Но настоящее спортивное плаваніе, особенно же продолжительное плаваніе на дальнія разстоянія, надо оставлять до болѣе зрѣлаго возраста.

IV.

Гребной спортъ.

Сильнымъ ударомъ веселъ разсѣкать волны и стрѣлой нестись по сверкающей поверхности воды, вдыхая чистый, лишенный пыли воздухъ,—это дѣйствительно великолѣпное физическое упражненіе. Искусство строителей создало для гребныхъ гонокъ спеціально приспособленныя къ тому лодки, на которыхъ, благодаря особому устройству подвижныхъ сидѣній, вся мускулатура тѣла можетъ участвовать въ работѣ и быть использована для возможно быстраго передвиженія лодки. Но раньше пятнадцати-шестнадцати лѣтъ мальчику еще не по плечу напряженіе гребного спорта, онъ не доросъ ни до гонокъ, ни до продолжительной работы весломъ.

Иное дѣло, если, идя навстрѣчу влеченію дѣтей къ про-

гулкамъ на водѣ, имъ позволяютъ на спокойной водѣ совершать небольшія поѣздки въ прочной, легко управляемой шлюпкѣ. Но на рѣкѣ съ сильнымъ теченіемъ или тамъ, гдѣ оживленное пароходное движеніе, даже невинная шлюпка легко можетъ попасть въ рискованныя положенія, которыя удается благополучно избѣжать лишь при достаточной осмотрительности, увѣренности въ себѣ и умѣньи обращаться съ лодкой. Въ такихъ мѣстахъ никогда нельзя довѣрять лодку дѣтямъ однимъ.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ надо противодѣйствовать наклонности «въ шутку» качать лодку. Эта непростительная привычка, которой отдаютъ дань даже взрослые, то и дѣло требуетъ себѣ новыхъ человѣческихъ жертвъ, такъ какъ благодаря имъ переворачиваются лодки. Кататься на водѣ долженъ только тотъ, кто освоился съ ней.

V.

Велосипедная ѣзда.

Среди учащихся, особенно же воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, все болѣе входитъ въ обычай сокращать путь въ училище ѣздой на велосипедѣ. Уже благодаря этому все снова выплываетъ вопросъ: полезна ли вообще ѣзда на велосипедѣ для дѣтей моложе 14 лѣтъ?

Если мы и не хотимъ категорически отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, то все-таки противъ дѣтской ѣзды на велосипедѣ можно многое возразить даже въ томъ случаѣ, когда ею занимаются въ умѣренной степени. Кто наблюдалъ молодежь на велосипедѣ, тому должно броситься въ глаза, что ѣзда на велосипедѣ чрезвычайно часто ведетъ къ сутулой осанкѣ. Она безъ сомнѣнія сильно способствуетъ той плохой осанкѣ, которая извѣстна подъ названіемъ сутулой или «круглой спины молодежи».

Еще больше заставляетъ призадуматься то вліяніе, которое продолжительная ѣзда на велосипедѣ оказываетъ на сердце. Ни одинъ видъ спорта не влечетъ за собой такихъ сомнительныхъ послѣдствій для сердечной мышцы, какъ чрезмѣрное увлеченіе ѣздой на велосипедѣ, все равно, увлекают-

ся ли скоростью или продолжительностью ѣзды. Особенно же вреденъ подъемъ на горы, который въ краткій промежутокъ времени требуетъ необыкновенно большой суммы механической работы и очень утомляетъ сердце, при чемъ самъ велосипедистъ—и въ этомъ-то именно заключается опасность—совсѣмъ не сознаетъ этого. При остальныхъ упражненіяхъ естественными средствами предупрежденія, доводящими до сознанія упражняющагося границы полезнаго и заставляющими его прекратить движенія, являются: при бѣгѣ и греблѣ—одышки, при гимнастическихъ упражненіяхъ—отказъ мускуловъ работать. При ѣздѣ на велосипедѣ эти охраняющіе признаки отсутствуютъ. Послѣ продолжительной ѣзды, которая уже сама по себѣ утомила сердце, достаточно небольшого подъема въ гору, который кажется велосипедисту очень легкимъ, чтобы вызвать расширеніе сердца. Это можетъ быть поврежденіемъ преходящаго характера, при чемъ сердце черезъ нѣсколько дней приметъ свой первоначальный видъ. Но можетъ и остаться въ качествѣ затяжной болѣзни этого важнѣйшаго органа нашего тѣла, и при частомъ переутомленіи безусловно такъ и будетъ.

Здоровая молодежь особенно склонна доводить все до крайности. Мальчикъ сравнительно легко выучивается ѣздить на велосипедѣ и скоро чувствуетъ себя на своей машинѣ необыкновенно свободно. Тѣмъ скорѣе онъ соблазняется желаніемъ пощеголять своимъ умѣньемъ, ѣздитъ черезчуръ быстро и даже безразсудно быстро, а главное, не избѣгаетъ подъемовъ.

Переутомленіе сердца съ одной стороны и содѣйствіе плохой осанкѣ съ другой,—достаточно вѣскіе доводы, чтобы не разрѣшать ѣзду на велосипедѣ дѣтямъ ниже 14 лѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ нельзя позволять незрѣлымъ мальчикамъ совершать на велосипедѣ продолжительныя прогулки за городъ.

Не говоря даже о томъ, что такія прогулки, при которыхъ мчатся мимо всего красиваго, что встрѣчается по дорогѣ, лишь всячески способствуютъ невнимательности и поверхностности.

Такимъ образомъ прогулки пѣшкомъ всегда остаются

лучшимъ средствомъ отдыха для ребенка—передвиженіе посредствомъ машины является, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, неестественнымъ.

VI.

Зимній спортъ.

Въ зимнее время, когда ребенокъ въ большинствѣ случаевъ проводитъ краткіе дневные часы въ училищѣ, а остальное время почти исключительно въ искусственно нагрѣтой жилой атмосферѣ дома, возможность двигаться на свѣжемъ воздухѣ вдвойнѣ привлекательна для дѣтей и приноситъ разнообразную пользу. Въ это время года мы съ большей благодарностью, чѣмъ обыкновенно, воспринимаемъ благодѣтельный, грѣющій солнечный свѣтъ, между тѣмъ какъ морозъ самъ собой побуждаетъ насъ сильными, оживленными движеніями бороться съ чувствомъ холода. Такимъ образомъ зимній холодъ создаетъ совсѣмъ особыя чудныя зимнія удовольствія...

Никогда движенія тѣла сами по себѣ не доставляютъ ребенку больше наслажденія, чѣмъ при катаньѣ на салазкахъ, или когда онъ скользитъ по льду, а, главное, при катаньѣ на конькахъ. За послѣдніе годы сюда присоединился еще ввезенный изъ Скандинавіи бѣгъ на лыжахъ. Недаромъ поэты постоянно въ восторженныхъ словахъ восхваляютъ катанье на конькахъ. Правда, ребенокъ не безъ труда научается увѣренно скользить по льду на узкихъ стальныхъ лезвіяхъ коньковъ. Благодаря трудности сохранить равновѣсіе онъ безконечное число разъ скользитъ и падаетъ. Но это нисколько не уменьшаетъ охоту, онъ постепенно пріобрѣтаетъ увѣренность и въ концѣ концовъ можетъ вволю наслаждаться блаженствомъ, которое доставляетъ быстрое движеніе по гладкой поверхности льда. И дѣйствительно, это истинное блаженство быстро и оживленно двигать членами на чистомъ, морозномъ воздухѣ. Вѣдь при катаньѣ на конькахъ какъ будто уничтожается дѣйствіе тяжести. Лишь время отъ времени ноги сильнымъ размахомъ даютъ тѣлу толчокъ, и предоставленное самому

себѣ тѣло тотчасъ стремглавъ несется дальше, «словно птица, когда она паритъ, не шевеля крыломъ, и кажется, что даже направленіе полета она опредѣляетъ исключительно своей волей, не двигая для этого ни однимъ своимъ членомъ».

Въ наши дни катанье на конькахъ вездѣ поощряютъ въ такой степени, что сердце радуется, и стараются сдѣлать его достояніемъ всей нашей молодежи. Гдѣ нѣтъ близко расположенныхъ прудовъ, озеръ и рѣкъ, или они замерзаютъ очень поздно, тамъ часто особыя общества заботятся о томъ, чтобы путемъ наводненія луговъ или поливки ровныхъ площадей земли устроить хорошіе катки, замерзающіе уже при легкихъ морозахъ. Во многихъ городахъ даже школьные дворы превращаются въ катки. Въ хорошую ясную морозную погоду часто пропускаются послѣобѣденные уроки, чтобы дать дѣтямъ возможность вволю насладиться освѣжающимъ катаньемъ на конькахъ. Все это старанія, которыя на самомъ дѣлѣ принесутъ богатые плоды. Вѣдь они со своей стороны тоже приближаютъ насъ къ прекрасной цѣли: создать для нашей родины здоровое, сильное молодое поколѣніе, бодрое духомъ и тѣломъ!

Хороводы и общественные танцы.

Минны Родшвилль.

Мы сейчасъ переживаемъ весну, когда въ педагогикѣ пускаютъ ростки и зрѣютъ новыя воззрѣнія и новыя требованія. Если для насъ высшимъ закономъ всегда является самъ ребенокъ — какъ это должно быть въ «вѣкъ ребенка», а слѣдовательно, и въ этой книгѣ — то намъ надо теперь изслѣдовать, какъ ребенокъ въ своемъ чувствованіи, мышленіи, хотѣніи и поступкахъ относится къ хороводамъ и общественнымъ танцамъ.

Правда, мы и до сихъ поръ давали дѣтямъ и танцы и хороводы — посылали ихъ къ танцмейстеру на уроки танцевъ и въ школу къ педагогамъ, которые ради разнообразія и увеселенія угощали дѣтей, кромѣ другихъ игръ, также и хороводами — но все это мы давали дѣтямъ, они же принимали отъ нашего авторитета все, что мы имъ предлагали. Съ танцами и играми дѣло обстояло точь-въ-точь, какъ и со всѣмъ дѣтскимъ воспитаніемъ: что мы по своему разумѣнію считали хорошимъ или что вошло въ обычай и обиходъ нашей жизни, тому мы и учили дѣтей. Я почти готова сказать, что намъ слѣдовало бы выбрать прямо про-

Фидусъ: Полька.

Фолькманъ: Хороводъ.

тивоположный путь, который мнѣ кажется гораздо болѣе естественнымъ, что мы изъ природы ребенка должны сдѣлать выводъ,— или хоть попытаться сдѣлать выводъ—чѣмъ могутъ быть для ребенка хороводы и танцы, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ нимъ, и какъ намъ, слѣдовательно, надо поступать, если мы хотимъ быть справедливыми къ ребенку. Тогда мы взглянемъ на хороводы и общественные танцы иными глазами, чѣмъ до сихъ поръ, и даже болѣе того: и тѣ и другіе разовьются, измѣнятся какъ въ своихъ формахъ, такъ и въ своемъ значеніи. Правда, педагогическія стремленія и школьная премудрость послѣднихъ десятилѣтій создали и выдумали новые дѣтскіе танцы и игры. Но развѣ эти игры на самомъ дѣлѣ были дѣтскими? Развѣ дѣти не возвращались отъ нихъ снова къ сокровищамъ, оставшимся у насъ отъ прошлыхъ временъ. Это должно бы заставить насъ понять, что изобрѣтенные нами игры и танцы не подходятъ къ природѣ ребенка. Вѣдь дѣти живутъ въ своемъ собственномъ дѣтскомъ мірѣ, въ которомъ они хотятъ сами дѣйствовать и творить. Поэтому при созиданіи новыхъ формъ танцевъ и игръ—въ каждую эпоху и для каждаго поколѣнія—намъ безусловно должны помогать сами дѣти, потому что танцы и игра—ихъ неотъемлемая собственность. Недостаточно выкапывать изъ прошлаго, какіе игры и танцы доставляли удовольствіе дѣтямъ прошлыхъ вѣковъ. Жизнь мѣняется и обновляется. Мы не можемъ измѣнить настоящее путемъ прошлаго. Сокровища прошлыхъ временъ, конечно, могутъ служить намъ указателями пути; но по отношенію къ современности мы должны признать ея собственныя творческія стремленія и не только допускать, но даже поощрять ихъ въ нашихъ дѣтяхъ.

Прежде всего надо выяснить, что мы понимаемъ подъ

Куитанъ: Дѣтскій хороводъ.

хороводами и общественными танцами. Что касается первыхъ — вспомнимъ веселыя игры нашего собственнаго дѣтства, когда веселая пѣсенка манила насъ съ толпой веселыхъ подругъ вести хороводы на лугу и въ полѣ. Игры и пѣсни, которыя насъ веселили тогда, съ полнымъ правомъ можно назвать общимъ достояніемъ всѣхъ нѣмецкихъ дѣтей; потому что въ теченіе ряда вѣковъ онѣ веселили одно поколѣніе дѣтей за другимъ и непосредственно передавались по наслѣдству каждому новому поколѣнію. Начало ихъ существованія надо отнести къ эпохѣ дѣтства нашего народа. Тогда танцы и хороводы играли важную роль въ религіи, въ общественныхъ празднествахъ и въ борьбѣ съ врагами. Божествамъ посредствомъ танцевъ хотѣли выразить свою благодарность и благоговѣніе; на веселыхъ празднествахъ источникомъ танцевъ была радость; а передъ врагомъ они были знакомъ мужества и рѣшимости. Когда эти танцы перестали составлять существенный элементъ народной жизни, большая часть ихъ, въ качествѣ игры, перешла по наслѣдству въ дѣтскую жизнь, и такимъ образомъ они продолжали существовать изъ вѣка въ вѣкъ— существовать безъ ухода, едва терпимые, какъ дикій полевой цвѣтокъ, который, собственно говоря, не что иное, какъ сорная трава, но который оставляютъ расти, ибо не стоитъ труда наклоняться изъ-за него. И все же они существовали и продолжаютъ существовать до нынѣшняго дня, и были нашей радостью и составляютъ радость нашихъ дѣтей.

Правда, въ дѣтскихъ садахъ иной разъ играли съ дѣтьми въ такія самобытныя хороводныя игры, но дѣлалось это

лишь съ цѣлью занять дѣтей, и часто педантичность и методичность отнимали у игры много ея самобытности. Затѣмъ и въ школахъ, на урокахъ гимнастики ввели хороводы, которые должны были явиться дальнѣйшимъ развитіемъ хороводныхъ игръ и переходной ступенью къ общественнымъ танцамъ, а на самомъ дѣлѣ были чѣмъ-то неопредѣленнымъ, не имѣющимъ связи ни съ тѣми ни съ другими. Они поощрялись какъ часть физическаго воспитанія, а на самомъ дѣлѣ при этомъ совершенно забывали о развитіи тѣла, а занимались, скорѣе, упражненіями памяти и воспитаніемъ въ дѣтяхъ духа порядка. Хотѣли вырабатывать изящество и грацію, а вмѣсто того убивали ихъ. Ибо, какъ могутъ быть граціозными тѣ не свободныя, искусственныя, съ трудомъ заученныя движенія, которыя требовались школьными хороводами. Поэтому неудивительно, что лучшіе изъ нашихъ гимнастовъ, какъ О. Егеръ и Планкъ, требовали, чтобы хороводы были исключены изъ уроковъ гимнастики. Напротивъ того, въ новѣйшее время представители художественнаго теченія въ педагогикѣ требуютъ, чтобы танцы стали центромъ гимнастики. Двѣ рѣзкія противоположности. Мнѣ онѣ кажутся прошедшимъ и будущимъ. А между ними лежитъ творческая современность, которая сбрасываетъ съ себя пережитки прошлаго и ощупью пробирается къ будущему.

Теперь бросимъ взглядъ на общественные танцы: это тѣ танцы, которые господствуютъ въ нашей общественной культурной жизни. Общественные танцы надо разсматривать какъ продукты нашей культуры, медленно и постепенно насаждавшіеся на старые народные танцы и хороводы и начало происхожденія которыхъ большей частью надо искать въ придворной и общественной жизни. Часто случалось, что народные танцы лѣтнихъ полевыхъ празднествъ получали при дворѣ болѣе утонченную, отдѣланную форму, при чемъ становились искусственными и въ такомъ вылощенномъ видѣ возвращались въ народную жизнь и укоренялись въ ней въ качествѣ придворныхъ и общественныхъ танцевъ. Правда, различныя эпохи и воззрѣнія такъ видоизмѣнили общественные танцы, что нашему глазу разстояніе между ними и первоначальными народными танцами кажется безконечнымъ и связь между ними совсѣмъ порванной. Къ

общественнымъ танцамъ мы будемъ причислять всѣ виды танца, которые господствуютъ въ нашей общественной жизни и для обученія которымъ мы посылаемъ дѣтей къ танцмейстерамъ и балетмейстерамъ. Потому что къ общественнымъ танцамъ мы относимся совсѣмъ иначе, чѣмъ къ хороводамъ.

До сихъ поръ полагали, что всѣ танцы, принятые въ нашемъ обществѣ, должны быть усвоены и дѣтьми, какъ признакъ нашей, далеко ушедшей впередъ культуры; для этого мы не жалѣли ни времени, ни силъ, ни средствъ и посылали дѣтей въ танцклассы, гдѣ они съ трудомъ учили поклоны и па, а затѣмъ вальсъ, польку, рейнлэндеръ, тирольенъ, Française и т. д. Особеннымъ уваженіемъ пользовались иностранные танцы, какъ Française, кадриль и др. Часто одного курса ученія у танцмейстера было мало; за нимъ долженъ былъ слѣдовать второй и, можетъ быть, даже третій, но мы не унывали; потому что танцовать нужно умѣть и хотятъ умѣть; какъ же безъ этого обойтись въ нашей общественной жизни и на нашихъ общественныхъ балахъ? И онъ, этотъ культурный танецъ, всегда нуждался въ уходѣ, по моему мнѣнію, излишнемъ уходѣ, которому такъ же мало мѣста въ дѣтской жизни, какъ раннему обученію чтенію и письму, которое должно показать намъ якобы раннюю зрѣлость и развитость дѣтей, а въ сущности только служитъ для удовлетворенія ложнаго тщеславія милыхъ родителей и воспитателей.

Куитанъ: Дѣтская игра.

Взглянувъ съ сравнительной точки зрѣнія на хороводы и общественные танцы, мы увидимъ, что первые, несмотря

на незначительный уходъ за ними и даже на презрѣніе, которые они часто встрѣчали въ средѣ воспитателей, передавались отъ ребенка къ ребенку, чего не удавалось общественнымъ танцамъ, несмотря на усиленное занятіе ими. Въ противоположность хороводу, дико растущему полевому цвѣтку, общественный танецъ есть дитя культуры, искусственный цвѣтокъ, взращиваемый въ оранжереѣ. Хороводъ, кромѣ музыки и мотивовъ, даетъ дѣтямъ еще и словесный текстъ. Слова побуждаютъ къ движенію, къ совмѣстной игрѣ. Здѣсь дѣлаютъ мостъ, тамъ плетутъ изгородь, здѣсь спящая красавица заколдовывается злой волшебницей, а тамъ подражаютъ зайчику въ ямѣ. Дѣтское стремленіе къ фантастическому творчеству находитъ себѣ богатую пищу; ему дается большой просторъ—вотъ, вѣроятно, причина, почему дѣти постоянно возвращаются къ этимъ играмъ и такъ любятъ ихъ. Танцовать же подъ звуки вальса—нѣчто гораздо болѣе отвлеченное, ничего не дающее дѣтской фантазіи. Изъ всего этого мы заключаемъ: насколько хороводы соотвѣтствуютъ дѣтской природѣ и потому заслуживаютъ нашего вниманія и даже тщательнаго поощренія, настолько современные общественные танцы чужды дѣтской жизни, и потому обучать дѣтей съ восьми лѣтъ и даже раньше этимъ танцамъ — не только лишне, но даже совсѣмъ не нужно. Гораздо идеальнѣе представляю я себѣ обученіе танцамъ въ томъ случаѣ, если на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на часть физическаго воспитанія—какими имъ и слѣдовало бы быть—а учителями будутъ не прежніе балетмейстеры, неизбѣжно переносящіе въ общественные танцы балетный идеалъ, но знатоки и поощрители всесторонняго физическаго развитія, работающіе рука объ руку съ гимнастами.

Такіе преподаватели ужъ ради физической свѣжести и здоровья стали бы заботиться о гигіенѣ танцовальной залы, баловъ и танцовальныхъ костюмовъ; и помогли бы снова отвоевать для нашихъ танцевъ свѣтъ, воздухъ и солнце, а также настоящее веселье и красоту.

Обратимся опять къ хороводамъ, которые, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ всяческаго поощренія. Знать цѣль—хорошо; но пути къ цѣли часто приходится еще разыскивать. Всѣ хорошіе дѣтскіе хороводы, имѣющіеся у насъ,—унаслѣдованное добро. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣ-

нію, они часто теряли часть своей красоты и прелести, а главное, свою опредѣленность и ясность. Наши дѣти въ большинствѣ случаевъ не знаютъ, что эти игры стояли въ связи съ религіей и вообще жизнью древнихъ германцевъ. Но какъ эти игры ни хороши и какъ, слѣдовательно, ни достойны поощренія, намъ слѣдовало бы всей душой стремиться создать новыя игры, имѣющія связь съ современной жизнью. Правда, относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ унаслѣдованныхъ игръ можно сказать, что связь съ жизнью еще не порвана, напр., когда поется о прачкахъ и подражаютъ имъ. Также, пожалуй, никогда не устарѣютъ игры изъ жизни животныхъ, какъ, напр., «кошка и мышка». Наша цивилизація должна бы, собственно говоря, поднять хороводныя игры, какъ и общественные танцы, на высшую ступень развитія. Но этого нѣтъ, и мы поэтому должны попытаться сдѣлать это сами. На урокахъ пѣнія наши дѣти учатъ много пѣсенокъ, которыя, подобно хороводнымъ пѣснямъ, побуждаютъ къ движеніямъ и танцамъ. А между тѣмъ онѣ не сопровождаются ни движеніями, ни танцами. И, по моему мнѣнію, причина этого кроется въ томъ, что, во-первыхъ, мы совсѣмъ не интересовались дѣтскими играми, а во-вторыхъ, подъ танцами подразумѣвали, главнымъ образомъ, наши бальные танцы. Правда, есть въ школѣ гимнастическіе хороводы, при которыхъ движенія сопровождаются пѣніемъ. Но если мы поищемъ соотвѣтствія между движеніями дѣтей и мотивомъ и текстомъ пѣсни, мы такового не найдемъ. Пѣсня служила только для того, чтобы дать ритмъ для опредѣленныхъ, точно размѣренныхъ движеній. Красота отдѣльныхъ движеній отдѣльныхъ ученицъ была второстепеннымъ дѣломъ. Добивались равномѣрности всѣхъ движеній и радовались, когда выходили красивыя звѣзды, круги и т. д., когда умѣло пользовались пестрыми шарфами и развѣвающимися флагами. Что танцы и хороводы, собственно говоря, нѣчто совсѣмъ иное, что они лишь въ наше время приняли такія формы, — этого мы не сознавали. И все же, уже въ наше время въ душѣ людей, идущихъ впереди вѣка и являющихся какъ бы гражданами будущаго, въ то время, какъ современность не созрѣла для ихъ идеаловъ, то-есть въ душѣ художниковъ, жило стремленіе къ тому хорошему, истинному танцу, который пока-

Lucca della Rabbia: Дѣтскій хороводъ.

зываетъ намъ, «что искусство танцевъ есть творческое искусство, для котораго человѣческое тѣло является матеріаломъ въ такой же степени, какъ краска является матеріаломъ для живописи, камень и бронза–для скульптуры». Я цѣню нашихъ художниковъ, какъ вѣрныхъ союзниковъ нашей жизни и сильныхъ передовыхъ бойцовъ нашей культуры. И всѣ они: живописцы, скульпторы, поэты и музыканты готовы помочь намъ вдохнуть новую жизнь въ танцы и хороводы; у всѣхъ ихъ я нашла тоску по новымъ танцамъ и играмъ; а тоска и фантазія часто являются творцами хорошихъ новыхъ формъ. Художники, какъ Диффенбахъ и Фидусъ, показали намъ такой танецъ въ своихъ твореніяхъ. Айседора Дунканъ въ первый разъ снова протанцовала намъ такой танецъ. Мы изумленно смотрѣли на нее и спрашивали себя: зачѣмъ это намъ? развѣ мы можемъ воспользоваться этимъ для нашей жизни, для нашихъ праздниковъ, для нашихъ танцевъ и для нашихъ дѣтей? Конечно, мы можемъ это сдѣлать. Если мы это поймемъ и повѣримъ нашимъ художникамъ,—такъ часто и охотно изображающимъ и объясняющимъ намъ человѣка, какимъ его создала природа,—что человѣкъ есть альфа и омега всякаго искусства; если сознаемъ, что человѣкъ и человѣческое тѣло красивы, красивы отъ природы, безъ всѣхъ этихъ искусственныхъ средствъ, которыя кажутся столь необходимыми нашимъ современникамъ, какъ-то: корсетъ, модное платье, бальныя туфли, перчатки и заученныя, искусственныя движенія, господствующія въ нашей общественной жизни и даже на дѣтскихъ балахъ; и если, наконецъ, захотимъ, чтобы человѣкъ былъ

красивъ, такъ красивъ, какъ лишь природа стремится привести къ расцвѣту и зрѣлости свои любимыя созданія (а такими вѣдь являемся мы — люди!); тогда мы охотно будемъ внимать художникамъ, повѣствующимъ намъ о новыхъ танцахъ, будь то въ живописи или въ пластикѣ, въ музыкѣ или въ поэзіи. Тогда мы начнемъ чувствовать красоту тѣла, красоту его формъ и движеній и будемъ цѣнить эту красоту и заботиться о ней. Мы снова научимся языку тѣла, который до сихъ поръ былъ порабощенъ и подавленъ правилами благопристойности и общественныхъ приличій.

Праль: Изъ новыхъ хороводовъ.

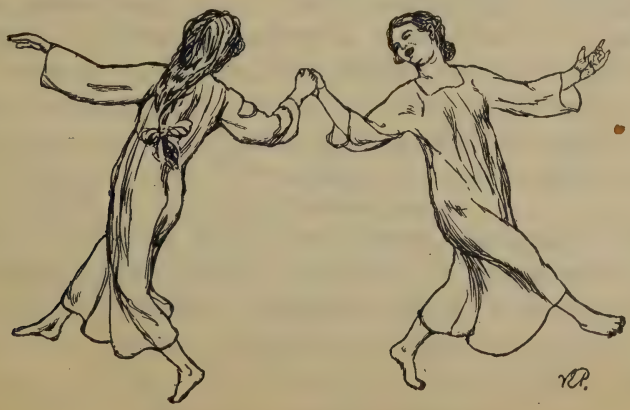
У маленькаго ребенка, сидящаго на рукахъ матери, мы еще знали и допускали языкъ движеній и радовались, когда маленькое существо путемъ жестовъ такъ ясно выражало свою волю и свои желанія. Но затѣмъ (и чѣмъ лучше было воспитаніе, тѣмъ раньше то начиналось) являлись всѣ запрещенія: этого нельзя, это неприлично, сиди прилично и тихо-смирно! И бѣдное маленькое существо тормошатъ и теребятъ, пока отъ опредѣленной, ясной, естественной и красивой выразительности тѣла ничего не остается, и наши дѣти дѣлаются похожими на дрессированныхъ куколъ, которыхъ можно выводить на показъ, когда приходятъ гости: какими, молъ, послушными и благовоспитанными сдѣлало ихъ хорошее воспитаніе. Но что именно языкъ тѣла есть нѣчто безконечно красивое, милое и прелестное, этого мы совсѣмъ не сознавали, когда убивали его. Поэтому я вѣрю, что какъ только это сознаніе вернется къ намъ, мы начнемъ поощрять и развивать языкъ движеній и выразительность тѣла. Въ лицѣ танцевъ и игръ мы имѣемъ для этого великолѣпныя средства; и съ ними будетъ то же самое, что съ заржавленнымъ плугомъ, который пріобрѣтаетъ новый блескъ, какъ только его употребляютъ для настоящей работы. «Отъ образа къ образу ведетъ насъ созидающее время». Правда, эта работа будетъ для насъ совсѣмъ но-

вой. Здѣсь надо пробовать, дѣлать опыты, искать и пролагать пути, по которымъ могла бы слѣдовать идущая за нами толпа; ибо танцы и языкъ тѣла безусловно такое искусство, которое можетъ стать достояніемъ всего народа, отъ мала до велика. Учителемъ и образцомъ должна намъ служить при этомъ сама природа, а слѣдовательно, ребенокъ, въ своихъ естественныхъ движеніяхъ.

Когда во мнѣ созрѣла мысль ради молодежи заняться хороводами и танцами, мнѣ прежде всего пришлось отбросить рѣшительно все, что въ этой области предлагаютъ дѣтямъ школа, гимнастическая литература и танцклассы. Исходной точкой для меня, по необходимости, стали дѣтскія игры дошкольнаго возраста; а въ дальнѣйшихъ моихъ странствованіяхъ, въ поискахъ за новымъ вглубь неизвѣстной страны, я не нашла лучшаго средства, какъ предоставить самой молодежи вести меня. Какъ дѣтскія игры существовали въ условіяхъ свободы и веселья, сохранивъ при этомъ языкъ тѣла, т.-е. танцы, такъ и я старалась создать для моихъ учениць, при нашей совмѣстной работѣ, оба эти условія: свободу и веселье. Всѣ точно опредѣленныя рамки, обыкновенно присущія хороводамъ, всякая чрезмѣрная работа памяти были отброшены. Веселье и свободу я считаю необходимыми условіями вездѣ, гдѣ дѣти собираются для игръ и танцевъ. Ибо радость для человѣка—солнечный свѣтъ и въ качествѣ таковаго содѣйствуетъ его расцвѣту, созрѣванію и нравственному улучшенію. «Радость облагораживаетъ душу». Свобода же движеній необходима человѣку, какъ необходима и всякому иному существу, если хотятъ, чтобы оно достигло наивысшаго совершенства. Такъ мы весело и свободно собирались вмѣстѣ для игръ и танцевъ. Мы воскресили въ себѣ то радостное, беззаботное настроеніе дѣтства, когда весеннее солнце и пѣсенки звали насъ вести хороводъ; мы играли въ игры тѣхъ дней — а затѣмъ шли дальше и подъ новыя пѣсни создавали новыя игры и новые танцы. Я видѣла, какъ въ ясныхъ глазкахъ дѣвочекъ вспыхивало «таинственное блаженство творчества». Отдыхая отъ игры, та или иная смотрѣла на веселый хороводъ, любовалась и наслаждалась игрой своихъ товарокъ и безсознательно впитывала въ себя пониманіе красоты ихъ движеній. Мы всецѣло отдавались настроенію легкой, веселой, шутливой пѣ-

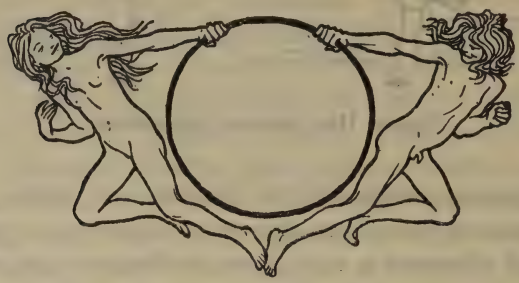
Праль: Изъ новыхъ хороводовъ.

сенки, старались исчерпать ее, изжить до конца. Для насъ не существовало никакихъ правилъ, никакихъ принужденій, кромѣ самой пѣсенки и того, что требовалъ отъ насъ ея мотивъ и текстъ. Одна дѣвочка вовсе не должна была танцовать точь въ точь, какъ другая. Наоборотъ, полная свобода движеній, чтобы онѣ могли развиться! И какъ мы радовались, какъ восхищались подругой, когда ей удавалось выразить пѣсенку или часть ея особенно хорошими характерными движеніями. Такъ въ веселой совмѣстной работѣ создавались новые хороводы и танцы, а главное, что для меня еще важнѣе, мои дѣвочки не утратили любви къ па-



Праль: Изъ новыхъ хороводовъ.

стоящимъ танцамъ. И когда я думаю о всей красотѣ, весельѣ и юношеской свѣжести, еще сокрытыхъ въ будущемъ, мое сердце переполняется радостной надеждой на будущую жатву. Дать созрѣть этой жатвѣ — вотъ чему должны помочь всѣ родители и воспитатели.



Въ танцовальной школѣ Айседоры Дунканъ.

Художественный танецъ.

Елизаветы Дунканъ.

Гимнастика содѣйствуетъ физическому здоровью и тѣлесной силѣ; танцы—выразительности тѣла. У взрослаго есть безчисленныя средства, чтобы выразить свои мысли, желанія и чувства, онъ говоритъ, пишетъ и занимается самой разнообразной и сознательной дѣятельностью. У ребенка почти единственнымъ средствомъ выраженія являются движенія. Потому что въ области словеснаго выраженія онъ очень ограниченъ.

Въ гимнастикѣ нѣтъ мѣста выраженію; ея формы стереотипны и тѣсно ограничены. Она помогаетъ развивать силу, волю и характеръ; она способствуетъ и красотѣ тѣла путемъ развитія мускулатуры и—что вообще менѣе извѣстно—путемъ вліянія, которое мускулатура оказываетъ на развитіе формы костей. Но выразительность и красоту движущагося тѣла развиваютъ только танцы.

Я говорю здѣсь не о тѣхъ дѣтяхъ, которыхъ, какъ воспитанницъ нашей школы, готовятъ въ танцовщицы, но вообще о всѣхъ дѣтяхъ. Каждому ребенку слѣдовало бы танцовать. Но, конечно, не вальсъ и польку или разные танцы, которымъ учатъ въ наши дни; ребенка нельзя дрессировать — учить дѣлать па; па никогда не даютъ настоящаго

танца, они лишь частныя движенія, между тѣмъ какъ въ танцѣ все должно быть ритмическимъ, плавнымъ движеніемъ. Главная ошибка современной школы танцевъ, это па.

Ребенка нельзя учить никакимъ фокусамъ, никакимъ труднымъ замысловатымъ движеніямъ, а лишь такимъ танцамъ, при которыхъ природа ребенка находитъ свое выраженіе въ его тѣлодвиженіяхъ. Танцы должны развить въ тѣлѣ ту способность, посредствомъ которой выражается господство духа надъ тѣломъ. Поэтому танцы не должны быть безсмысленными, въ нихъ всегда долженъ быть опредѣленный смыслъ, они всегда должны символически соотвѣтствовать какой-нибудь опредѣленной цѣли. Если я заставляю дѣтей двигаться по кругу, я не рисую этого круга на полу, но я вызываю въ умахъ дѣтей стремленіе къ круговому движенію, и чѣмъ совершеннѣе это стремленіе выразится въ ихъ движеніяхъ, тѣмъ совершеннѣе будетъ танецъ.

Въ танцовальной школѣ Айседоры Дунканъ.

Наши танцы, слѣдовательно, ритмическія движенія. Началомъ всегда будетъ ритмическое хожденіе, затѣмъ ритмическое бѣганіе, прыганье, круженіе по возможности большого числа дѣтей заразъ, потому что равномѣрное движеніе многихъ облегчаетъ ритмъ и дѣлаетъ его болѣе естественнымъ. Слѣдовательно наши танцы состоятъ изъ самыхъ простыхъ движеній, но продолжительныхъ, непрерывныхъ, не раздѣленныхъ, Боже упаси, на па; и всѣ они ритмическія, и ни одно движеніе не должно быть безсмысленнымъ, какъ, напримѣръ, скаканіе при полькѣ: въ основѣ каждаго даже самаго простого танца должна лежать идея, какъ, напримѣръ, стремленіе къ опредѣленному мѣсту; прыжокъ долженъ быть

прыжкомъ черезъ препятствіе, или черезъ веревку, или хотя бы черезъ воображаемое препятствіе, или же долженъ имѣть цѣль: достать до чего-нибудь высокаго. Надо слѣдить за тѣмъ, чтобы при танцѣ ни одинъ членъ не двигался исключительно по первому импульсу,—каждое движеніе всѣхъ членовъ, рукъ и головы дожно управляться волей. За этими простыми упражненіями могутъ слѣдовать ритмическія игры въ мячъ, которыя можно соединить, напримѣръ, съ прыжками. Очень красивый танецъ нашихъ дѣтей—это ритмическая игра въ мячъ, при которой они, передъ тѣмъ какъ поймать мячъ, каждый разъ хлопаютъ въ лодоши одинъ или два раза. Я не могу разсматривать здѣсь всѣ отдѣльныя возможныя ступени развитія танца; передо мной виситъ картина итальянскаго художника временъ Ботичелли: играющій Амуръ шутя прицѣлился изъ лука въ дѣвочку, которая защищается отъ него щитомъ. По положенію фигуръ ясно видно, что оба находятся въ ритмическомъ движеніи, что они играютъ. Я не знаю лучшаго примѣра простого и осмысленнаго танца.

Въ танцовальной школѣ Айседоры Дунканъ.

Важно, чтобы уроки танцевъ происходили по возможности на открытомъ воздухѣ, на лужайкѣ; а если это невозможно, то по крайней мѣрѣ при открытыхъ окнахъ, а зимой въ хорошо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ. Важно, чтобы дѣти не носили такой одежды, которая хоть сколько-нибудь стѣсняла бы ихъ движенія. Что корсетъ и узкая обувь съ каблуками не годятся и вредны, что они портятъ не только форму мускулатуры, но и форму скелета, на это можно не тратить лишнихъ словъ. Но желательно, чтобы нижняя

Въ танцовальной школѣ Айседоры Дунканъ.

часть рукъ и ногъ до колѣнъ были по возможности совершенно обнажены, шея свободна, и нигдѣ на тѣлѣ не должно быть стягивающей тесемки или ленты; а въ частности не слѣдуетъ, чтобы дѣвочки, какъ мы это часто видѣли, носили ленточку на шеѣ, что неизбѣжно препятствуетъ дыханію. На шеѣ, менѣе чѣмъ гдѣ-либо, умѣстна ленточка.

При соблюденіи этихъ условій танцы увеличатъ выразительность тѣла, придадутъ ему грацію, какъ бы научатъ каждый членъ тѣла думать. Кромѣ того ничто въ такой степени не пріучаетъ къ экономіи силъ, какъ танцы, нѣтъ упражненія, которое дѣти дѣлали бы охотнѣе и которое приводило бы ихъ въ болѣе веселое настроеніе.

По этимъ принципамъ обучаютъ танцамъ и въ нашей школѣ; разница только въ томъ, что всѣ эти элементы развиты дальше, что занятія танцами интенсивнѣе, и что вся жизнь школы болѣе или менѣе приспособлена къ этой цѣли. Сюда относится прежде всего самый раціональный уходъ за тѣломъ, раціональное питаніе и обученіе. Наши дѣти поэтому ложатся спать очень рано, уже въ 7 ч. вечера; встаютъ въ 6 часовъ, зимою въ 7 ч.; тотчасъ же, во всякое время года, принимаютъ холодный душъ, вода для котораго пря-

Въ танцовальной школѣ Айседоры Дунканъ.

мо идетъ изъ водопровода, въ теченіе десяти минутъ дѣлаютъ гимнастику на турникѣ, а затѣмъ завтракаютъ. Установленные закономъ часы школьныхъ занятій, съ 8—12, они проводятъ въ свѣтлой, хорошо провѣтриваемой классной комнатѣ, гдѣ парты отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ школьной гигіены. Между занятіями устраивается перемѣна въ 15 минутъ, которую дѣти при всякой температурѣ проводятъ на открытомъ воздухѣ безъ шляпъ и верхней одежды. Для ѣды *) дѣти накрываютъ столъ сами, равно какъ они, подъ нашимъ наблюденіемъ, сами убираютъ постели и спальни, чистятъ обувь и платье, сами чинятъ и приводятъ въ порядокъ чулки, одежду и танцовальные костюмы. Послѣ обѣда дѣти въ хорошую погоду играютъ и бѣгаютъ въ лѣсу; прогулка совершается каждый день при всякой погодѣ. Два раза въ недѣлю одинъ знаменитый гигіенистъ занимается съ ними гимнастикой, два раза въ недѣлю происходятъ уроки танцевъ, при чемъ дѣти танцуютъ только

*) Можетъ быть кому-нибудь интересно вкратцѣ узнать нашъ способъ питанія, потому что онъ намъ кажется вообще чрезвычайно подходящимъ для дѣтей. Завтракъ, ужинъ и промежуточная ѣда состоятъ просто изъ молока, молочныхъ кушаній, какао, овсянки, масла и хлѣба; обѣдъ состоитъ изъ возможно болѣе разнообразныхъ овощей и плодовъ, особенно же стручковыхъ плодовъ; мясо подаютъ только разъ въ недѣлю, и здоровье дѣтей при этомъ лучше, чѣмъ въ первое полугодіе, когда мясная пища появлялась на столѣ каждый день.

подъ звуки хорошей классической музыки; передъ урокомъ танцевъ они всегда спятъ 1—2 часа.

Ихъ танцы основываются на тѣхъ же принципахъ, которые вообще имѣютъ силу для всѣхъ дѣтей, но только въ школѣ доводятся до высшей степени художественнаго развитія. Особенно важнымъ дополненіемъ уроковъ танцевъ является (и это относится ко всякому ребенку, а не только къ нашимъ ученицамъ) посѣщеніе музеевъ; при каждомъ новомъ посѣщеніи видно, насколько развилось у дѣтей пониманіе движеній и какъ они замѣчаютъ на античныхъ статуяхъ много такого, что ускользаетъ отъ вниманія большинства взрослыхъ.

Образъ жизни дѣтей въ нашей школѣ не многимъ отличается отъ того образа жизни, который слѣдовало бы вести всѣмъ дѣтямъ. И если нѣкоторыя изъ нашихъ ученицъ не сдѣлаются великими артистками, а просто станутъ болѣе счастливыми и здоровыми дѣвочками, чѣмъ другія дѣвочки, мы сочтемъ, что наша школа достигла настоящаго успѣха.

Общее воспитаніе характера.

Д-ра Люнгена.

Мы не будемъ говорить о характерѣ, объ особенности человѣка въ широкомъ смыслѣ этого слова. Утверждая, что у какого-нибудь человѣка есть характеръ, мы этимъ хотимъ сказать, что въ одинаковыхъ случаяхъ онъ всегда дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же принципамъ, исходя изъ одной и той же точки зрѣнія; безхарактерными называемъ мы тѣхъ, кто въ своемъ поведеніи постоянно подчиняется вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ. Соотвѣтственно этому характеромъ могутъ обладать и люди корыстолюбивые, жадные до славы, лицемѣры и преступники; соотвѣтственно этому можно назвать характерами такія натуры, какъ Гарпагона, Тартюфа, Локи, Ричарда III, Карла Моора. Но никому не придетъ въ голову желаніе воспитать изъ своего ребенка такой характеръ, какъ перечисленные выше. Даже самый алчный человѣкъ, даже самый закоренѣлый убійца въ иныя минуты сознаетъ, что по отношенію къ своей жертвѣ онъ совершаетъ или совершилъ преступленіе; даже величайшій лицемѣръ порою чувствуетъ, что поступаетъ некрасиво. Слѣдовательно этимъ натурамъ недостаетъ одного чрезвычайно важнаго свойства: у нихъ, правда, есть принципы, но ихъ принципы не входятъ въ соотвѣтствіи съ непреложными требованіями этики; и по-

тому такіе люди не достигаютъ съ годами все большаго спокойствія и внутренняго удовлетворенія, а, наоборотъ, обыкновенно кончаютъ полнымъ душевнымъ разладомъ; кромѣ того, такіе люди ни на шагъ не подвигаютъ человѣчество впередъ по пути развитія.

Здѣсь мы имѣемъ въ виду лишь такіе характеры, которые стремятся къ добру и всегда къ одному только добру; тѣ характеры, которые—въ своемъ наиболѣе совершенномъ видѣ—не перестаютъ работать на поприщѣ добра даже въ томъ случаѣ, когда ихъ стремленія могутъ быть ложно истолкованы, навлечь на нихъ бѣду и даже смерть.

Такой характеръ, т.-е. нравственный характеръ, разумѣется, можетъ быть лишь у болѣе зрѣлаго человѣка, такъ какъ онъ создается — иногда очень медленно и путемъ неоднократныхъ ошибокъ и паденій — только въ борьбѣ, и притомъ по большей части очень тяжелой борьбѣ съ искушеніями; но люди, побѣдоносно вышедшіе изъ такой борьбы, это внутренно счастливые люди, великіе образцы, сіяющія путеводныя звѣзды человѣчества; безъ нихъ не могло бы итти впередъ облагораживаніе, на нихъ мы взираемъ съ благоговѣніемъ, хотя бы ихъ тѣло обратилось въ прахъ ужъ много вѣковъ и тысячелѣтій тому назадъ.

Разъ нравственный характеръ имѣетъ такое огромное значеніе какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для человѣчества вообще, то нашей благороднѣйшей задачей было бы воспитать изъ дѣтей, обладающихъ лишь задатками, природными свойствами, людей съ такимъ характеромъ. Но тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ: возможно ли вообще воспитаніе характера? или природныя свойства не поддаются никакому внѣшнему воздѣйствію? По этому вопросу среди ученыхъ еще царитъ разногласіе; да и кто станетъ отрицать, что воспитатель нерѣдко переживаетъ тяжелыя разочарованія, что порой послѣ повидимому хорошаго и вѣрнаго успѣха ему неожиданно приходится видѣть рѣзкій поворотъ назадъ. Въ такихъ случаяхъ въ человѣкѣ проявляется именно демоническое начало, противъ котораго безсильны всѣ воспитательныя воздѣйствія; но все-таки эти случаи еще не доказываютъ полной невозможности воспитанія характера, а скорѣе лишь

ограниченность такого воспитанія. Здѣсь, пожалуй, происходитъ нѣчто подобное, какъ и съ растеніями: если сѣмя—больное, неспособное къ развитію, то растеніе никогда не будетъ крѣпкимъ, никогда не обрадуетъ насъ обиліемъ цвѣтовъ и сочностью плодовъ; но кромѣ того во время роста растеніе подвергается безчисленнымъ опасностямъ и вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Въ иныхъ случаяхъ оно можетъ преодолѣть ихъ собственными силами; но гораздо вѣроятнѣе, что безъ помощи и защиты опытнаго садовника оно будетъ попорчено или даже совсѣмъ зачахнетъ. Подобно этому можно безусловно признать, что хотя не каждый нравственный характеръ надо разсматривать какъ результатъ воспитанія, но что окружающая среда и люди могутъ имѣть на развитіе характера благопріятное—равно какъ и неблагопріятное—вліянія.

Но разъ, слѣдовательно, не исключено, что воспитатель можетъ предотвратить съ одной стороны ослабленіе или даже полное исчезновеніе хорошихъ импульсовъ воли, а съ другой—помочь побѣдѣ злыхъ импульсовъ, то воспитаніе характера должно начаться въ томъ возрастѣ, когда человѣческій ростокъ еще способенъ подчиняться внѣшнимъ воздѣйствіямъ, т.-е. въ молодости. Что сюда—и притомъ въ значительной степени—входятъ и годы самаго ранняго дѣтства, ясно само по себѣ. Но вопросы, касающіеся воспитанія дѣтей въ эти годы, уже подробно разсматривались въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же мы ограничиваемся періодомъ жизни, слѣдующимъ непосредственно за раннимъ дѣтствомъ, тѣмъ періодомъ, который лучше всего можно опредѣлить словомъ «школьный возрастъ».

Далѣе спрашивается: кого мы имѣемъ въ виду, говоря о воспитателяхъ характера. На волевые импульсы молодой души оказываютъ дѣйствіе многочисленныя внѣшнія вліянія, частью кратковременныя, частью болѣе или менѣе постоянныя. Слово или поступокъ лица, съ которымъ ребенокъ случайно столкнулся въ родительскомъ домѣ, въ школѣ, на улицѣ или на площадкѣ для игръ, можетъ въ данную минуту, а иногда и на довольно продолжительное время, дать его стремленіямъ опредѣленное направленіе; товарищи, одноклассники, братья и сестры, смотря по обстоятельствамъ, помогаютъ или вредятъ при воспитаніи. Но всѣ

эти лица не входятъ въ рамки нашего разсмотрѣнія, такъ какъ они—не говоря объ отдѣльныхъ исключеніяхъ—если и имѣютъ сознательное намѣреніе воспитывать, то во всякомъ случаѣ недолго и не планомѣрно. Послѣднее хотятъ только родители или замѣняющія ихъ лица, а также учителя — поэтому только о нихъ и можетъ итти здѣсь рѣчь.

Что родители и учителя должны итти рука объ руку, если хотятъ дѣйствительно достичь цѣли своихъ обоюдныхъ стремленій, это уже подробно изложено въ другой статьѣ. Но если это требованіе справедливо по отношенію къ общему воспитанію ребенка, то оно имѣетъ силу и въ важнѣйшей части его: въ области воспитанія характера. Однако, чѣмъ серьезнѣе это требованіе, тѣмъ труднѣе его исполнить. Трудность здѣсь въ томъ, чтобы правильно поставить цѣль, а затѣмъ въ томъ, чтобы притти къ соглашенію относительно путей, по которымъ надлежитъ итти къ этой цѣли.

Во взглядахъ педагоговъ на эти вопросы за послѣднее время происходитъ коренной переворотъ. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что до сихъ поръ обычно составляли себѣ опредѣленный идеалъ человѣка—человѣка безъ недостатковъ и надѣленнаго всѣми добродѣтелями, — а затѣмъ добросовѣстно старались всѣми средствами устранить недостатки, замѣчаемые въ ребенкѣ по сравненію съ идеаломъ. Такой взглядъ на воспитаніе приводилъ къ неудачамъ; и на него падаетъ вина за многочисленныя печальныя ошибки въ выборѣ средствъ воспитанія, въ которыхъ провинились воспитатели.

Почему же такой взглядъ неизбѣжно долженъ былъ вести къ неудачамъ? А потому, что ставилъ себѣ ошибочную цѣль. Вѣдь нравственные характеры не могутъ и не должны походить другъ на друга, какъ двѣ капли воды; напротивъ: извѣстное, пожалуй даже большое различіе между ними абсолютно необходимо, чтобы мы могли жить и итти впередъ. «Намъ нужны непреклонные и упрямые люди», сказалъ Гурлиттъ въ своей, хотя подвергавшейся рѣзкимъ нападкамъ, но хорошо продуманной и разбивающей много роковыхъ предразсудковъ статьѣ о поощреніи и развитіи индивидуальности. «Въ часы народныхъ бѣдствій мы съ мольбой протягиваемъ къ нимъ руки, дабы они

спасли насъ силой своей воли. Намъ нужны и любопытные мальчики, дабы они стали любознательными мужами; нужны замкнутые, ибо эти одинокіе будутъ обогащать насъ духовно; нужны бойкіе и дерзкіе — они будутъ вести робкихъ; нужны грубые, неотесанные—они взрослыми будутъ срывать маски съ лица лицемѣровъ и громко въ лицо бросать свое презрѣніе трусливымъ блюдолизамъ; намъ нужны и безумно-смѣлые и легкомысленные — они когда-нибудь отважно пожертвуютъ жизнью ради блага отечества». Эти слова Гурлитта, которыя съ нѣкоторыми самими по себѣ понятными измѣненіями можно распространить и на женскую половину человѣческаго рода, по нашему мнѣнію, неопровержимы; но указанныя имъ свойства, которыя мы цѣнимъ и которыми восторгаемся у взрослыхъ, у дѣтей мы слишкомъ охотно разсматриваемъ какъ крупные недостатки и пороки, которые, въ случаѣ необходимости, надлежитъ искоренять огнемъ и мечемъ. Для этой цѣли мы, забывая о столь справедливыхъ словахъ Горація, что насильно подавленная природная склонность когда-нибудь все-таки прорвется наружу, прибѣгаемъ къ все болѣе сильнымъ средствамъ; къ выговору, къ наказаніямъ и въ числѣ послѣднихъ, наконецъ, но иногда и очень рано, къ самому неподходящему изъ всѣхъ, къ тѣлесному наказанію. Какъ относимся мы къ послѣднему?

Въ наши дни тѣлесное наказаніе, слава Богу, не играетъ больше въ воспитаніи той преобладающей роли, которую оно играло лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, но къ сожалѣнію за нимъ все же остается слишкомъ большая роль; ибо оно средство недостойное и не достигающее цѣли. Прежде всего недостойное, и притомъ какъ воспитателя, такъ и ребенка. Первый, примѣняя его, сознается, что онъ дошелъ до предѣла своего умѣнья, что ему не на что больше опереться, какъ на превосходство своихъ физическихъ силъ. Если онъ прибѣгаетъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ состояніи запальчивости, онъ легко можетъ провиниться въ истязаніи ребенка; если же онъ сѣчетъ, когда раздраженіе прошло, онъ вызываетъ отвратительное впечатлѣніе палача; а если онъ неправильно понялъ происшествіе, послужившее поводомъ къ наказанію—что случается довольно часто—онъ утрачиваетъ свой авторитетъ въ глазахъ наказаннаго. Ребенка же тѣлес-

ное наказаніе недостойно потому, что оно оскорбляетъ его чувство чести, поскольку оно нормально; въ особенности, разумѣется, когда у него отъ природы рѣзко выраженный гордый характеръ. Если по этой причинѣ тѣлеснымъ наказаніемъ уже не пользуются по отношенію къ восемнадцатилѣтнимъ, гдѣ гарантія, что оно не оказываетъ такого же дѣйствія на четырнадцати- и двѣнадцатилѣтнихъ; дѣйствіе, которое на долгое время, и даже на всю жизнь, можетъ задержать нравственное развитіе юноши. И что же достигается въ концѣ-концовъ! Право же, не перемѣна взглядовъ и не исправленіе характера. Или развѣ случалось когда-нибудь, чтобы воспитатель путемъ сѣченія сдѣлалъ трусливаго ребенка смѣлымъ, упрямаго — уступчивымъ? Единственно и исключительно страхъ передъ гнѣвомъ учителя и боязнь боли въ отдѣльныхъ случаяхъ побуждаютъ ребенка побороть себя; но вѣдь не это намъ надо. Да и, наконецъ, когда мы видимъ, что дѣти проявляютъ жестокость, напр., мучатъ животныхъ, что они сплетничаютъ или лгутъ, нашъ первый долгъ найти причину этихъ фактовъ; а если мы, не разбирая дѣла, прямо сѣчемъ, по большей части послѣ окажется, что вина лежитъ не только на дѣтяхъ, но и на насъ самихъ или на другихъ людяхъ. А мы между тѣмъ сѣчемъ, вмѣсто того чтобы бить самихъ себя въ грудь и честно, терпѣливо пытаться исцѣлить нравственную болѣзнь дѣтей. Гдѣ же тутъ логика! Итакъ, воскликнемъ мы послѣ всего этого: долой тѣлесное наказаніе, выбросимъ наконецъ изъ нашей системы воспитанія эту неорганическую составную часть ея, долой сѣченіе какъ ради воспитателей, такъ и ради дѣтей!

По своей безцѣльности почти на одной доскѣ съ тѣлесными наказаніями стоятъ постоянныя увѣщанія и запрещенія,—средство, тѣмъ не менѣе, очень охотно примѣняемое въ школѣ, а особенно въ семьѣ. Когда ребенокъ постоянно слышитъ отъ своихъ воспитателей: «ты долженъ! ты не долженъ!», это, разумѣется, нисколько не побуждаетъ его серьезно поразмыслить надъ собой и исправиться на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, а только притупляетъ и усыпляетъ. Когда же ему постоянно ставятъ въ примѣръ какого-нибудь другого ребенка, это столь же мало достигаетъ цѣли, ибо вызываетъ только озлобленіе:

озлобляетъ противъ этого примѣрнаго ребенка, у котораго, вѣроятно, совсѣмъ другая натура, такъ что ему, пожалуй, совсѣмъ не приходится стараться изъ-за добродѣтели, недостающей данному ребенку; озлобляетъ и противъ надоѣдливыхъ увѣщателей; но безусловно не побуждаетъ къ подражанію.

Итакъ, всѣ эти пути, къ которымъ насъ приводитъ указанный взглядъ на воспитаніе, суть ложные пути.

Какой же будетъ истинный путь?

«Я признаю столько же цѣлей воспитанія, сколько существуетъ людей. Дѣти, которыхъ намъ приводятъ въ школу, такъ же мало похожи другъ на друга, какъ горсть различныхъ сѣмянъ: въ каждомъ сѣмени и въ каждомъ ребенкѣ уже таятся въ ясно обозначенныхъ чертахъ будущее дерево и будущій мужъ. Садовникъ не можетъ сказать жолудю: «стань букомъ!», каштану: «стань липой!» Также и намъ слѣдовало бы взять себѣ руководительницей природу ребенка, избѣгать насилія, не ставить предѣловъ способности дѣтей къ развитію; какъ настоящимъ садовникамъ, намъ слѣдовало бы ограничиваться лишь тѣмъ, чтобы давать воспитаннику хорошую пищу, т.-е. пищу, соотвѣтствующую его природѣ, а также устранять все, что можетъ задержать его развитіе и помѣшать его естественному росту».

Эти слова Гурлитта, защищающія единственную правильную по нашему мнѣнію точку зрѣнія, это требованіе, обращенное къ учителямъ, въ равной степени относится и къ родителямъ: школа и семья должны при воспитаніи руководствоваться природой ребенка, а не выводить свои мѣропріятія изъ принциповъ, которые совсѣмъ не примѣнимы въ жизни, такъ какъ противорѣчатъ сущности человѣческой природы.

Если мы признаемъ правильность мыслей, высказанныхъ Гурлиттомъ, тогда вся задача воспитанія характера сводится для насъ въ сущности къ двоякой работѣ: противодѣйствовать силамъ зла и взращивать доброе начало. Но чтобы дѣйствительно выполнить эти задачи, намъ прежде всего надо умѣть распознавать еще скрытые въ душѣ юнаго человѣческаго существа, но уже опредѣлившіеся зародыши, т.-е., иными словами, мы должны быть опытными

въ психологіи; ибо иначе уподобляемся неумѣлому садовнику, который вырываетъ полезныя и красивыя растенія, а сорную траву бережно хранитъ и окружаетъ своимъ попеченіемъ. А между тѣмъ со знаніемъ психологіи у воспитателей дѣло обстоитъ еще очень плохо; особенно же у родителей, хотя и учителя все еще совершаютъ безчисленные промахи. Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенно роковое значеніе именно потому, что въ теченіе первыхъ лѣтъ жизни, столь важныхъ для воспитанія, дѣти находятся исключительно въ вѣдѣніи родителей,—да и въ школьные годы проводятъ большую часть своего времени подъ ихъ надзоромъ. Изъ родителей же главное и наиболѣе сильное вліяніе на воспитаніе дѣтей всегда имѣла мать, какъ это вытекаетъ изъ самой природы вещей. Какъ могущественно и всесильно это вліяніе, въ захватывающихъ словахъ описалъ намъ Смайльсъ во второй главѣ (гдѣ говорится о значеніи родительскаго дома) своей богатой мыслями книги «О характерѣ», изученіе которой мы горячо рекомендуемъ всѣмъ матерямъ. А между тѣмъ съ незапамятныхъ временъ, если пренебрегали чѣмъ-нибудь въ воспитаніи, и притомъ въ ужасающей степени, то именно воспитаніемъ матерей. Слѣдовательно, что намъ нужно прежде всего, это существенное улучшеніе послѣдняго, чтобы у насъ, наконецъ, появились настоящія матери, т.-е. не столько ученыя, сколько такія, которыя съ естественнымъ материнскимъ чувствомъ соединяютъ точную наблюдательность, ясное мышленіе и энергичную волю.

Когда такія матери будутъ у насъ въ преобладающемъ числѣ, а не единичными исключеніями, какъ въ настоящее время, и когда, съ другой стороны, отцы и учителя будутъ съ полнымъ пониманіемъ итти съ ними рука объ руку, тогда воспитаніе характера дѣтей будетъ наталкиваться на значительно меньшія затрудненія и будетъ приводить къ значительно лучшему результату. Конечно мы не должны предаваться самообману, не должны ждать отъ школы и семьи невозможнаго, требуя, чтобы онѣ посылали въ жизнь уже сложившіеся характеры. Онѣ исполнили свой долгъ, если сознательно и выдержанно положили начало воспитанію характера; въ остальномъ же надо предоставить самому человѣку изо дня въ день крѣпнуть душой, дабы онъ

былъ въ состояніи всегда съ успѣхомъ бороться противъ соблазновъ жизни, которые вѣдь по большей части выступаютъ во всей своей силѣ лишь тогда, когда человѣкъ стоитъ на собственныхъ ногахъ и долженъ одинъ нести всю отвѣтственность за свои поступки.

На что же должны обращать вниманіе школа и семья, если желаютъ обезвредить всѣ вліянія, могущія подѣйствовать на развитіе характера тормозящимъ или даже вреднымъ образомъ, а съ другой стороны способствовать побѣдѣ хорошихъ движеній души?

Здѣсь само собой напрашивается сравненіе съ отношеніемъ врача къ тѣмъ микроскопическимъ живымъ существамъ, милліарды которыхъ окружаютъ насъ, ежеминутно угрожая ядомъ нашему организму. Его старанія направлены не столько на уничтоженіе этихъ существъ—каковое предпріятіе пришлось бы назвать Сизифовой работой,—а скорѣе на то, чтобы закалить человѣческое тѣло, пріучая его къ чистотѣ, къ движеніямъ на свѣжемъ воздухѣ и къ работѣ, а также снабжая его достаточной и цѣлесообразной пищей,—дабы сдѣлать его такимъ образомъ способнымъ противостоять нападенію враговъ. Такъ и въ воспитаніи характера отрицательная дѣятельность, устраненіе вредныхъ вліяній, могло бы не играть рѣшающей роли. Конечно, когда мы видимъ вблизи еще незрѣлаго ребенка проявленіе пошлости, въ словѣ ли или поведеніи другого человѣка, въ книгѣ ли или картинѣ, мы обязаны энергично выступать противъ нея; поскольку это зависитъ отъ насъ, мы не потерпимъ вокругъ ребенка сплетенъ, клеветы, лжи, обмана, вѣроломства, трусости, грубости и т. д. Но кто можетъ гарантировать намъ, что наше искреннее неослабное стремленіе держать въ чистотѣ атмосферу, въ которой живетъ нашъ воспитанникъ, ежеминутно не терпитъ крушенія, благодаря сотнямъ неожиданностей? Кто можетъ постоянно наблюдать за ребенкомъ и всюду слѣдовать за нимъ? И будь это даже возможно, какъ помѣшать, чтобы до его уха не доходили звуки, чтобы его глазъ не воспринималъ картинъ, которыя иногда могутъ дѣйствовать на душу, какъ ядъ? Намъ даже кажется, что это прямо-таки опасное педагогическое заблужденіе, когда мальчиковъ (и дѣвочекъ не менѣе) слишкомъ долго оставляютъ въ рай-

ской невинности и невѣдѣніи, надѣясь предохранить ихъ отъ всѣхъ опасностей, угрожающихъ ихъ нравственному развитію; кто хочетъ научиться ходить и бѣгать, долженъ спотыкаться и падать; плавать научаются не иначе, какъ наглотавшись воды; кто хочетъ стать нравственно сильнымъ, тотъ долженъ имѣть дѣло съ искушеніями. Когда же наступаетъ тотъ день, съ котораго можно начать ознакомленіе ребенка съ дѣйствительными условіями жизни! Тѣмъ не менѣе, какъ сказано, рекомендуется по возможности удалять отъ незрѣлаго ребенка все пошлое и грязное, въ особенности, когда оно выступаетъ въ обольстительномъ видѣ. Предохранительной мѣрой является и наказаніе, поскольку оно даетъ почувствовать незрѣлому ребенку и тѣмъ доводитъ до его сознанія, что неблаговидный поступокъ можетъ повлечь за собой непріятныя, иногда даже очень непріятныя послѣдствія. Добро, какъ справедливо указываетъ Теобальдъ Циглеръ въ своихъ прекрасныхъ статьяхъ по вопросамъ общей педагогики, выступаетъ передъ ребенкомъ прежде всего какъ внѣшній законъ, и ребенокъ долженъ научиться подчиняться этому закону какъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло въ жизни. Если онъ не желаетъ этого дѣлать, несмотря ни на ласковое увѣщаніе, ни на серьезное предостереженіе, тогда воспитатель долженъ прибѣгнуть къ наказанію, какъ это дѣлаетъ и природа по отношенію къ тѣмъ, кто въ своей физической жизни постоянно нарушаетъ ея законы. Что это наказаніе не должно состоять изъ насилій и почему не должно, мы уже говорили выше; что оно должно имѣть внутреннюю связь съ совершоннымъ проступкомъ, что должно примѣняться лишь послѣ тщательнаго взвѣшиванія и только въ томъ случаѣ, если вина— и притомъ крупная вина—вполнѣ доказана; что при повторныхъ проступкахъ должно происходить постепенное, очень осторожное, усиленіе степени наказанія, все это, собственно говоря, уже не должно бы требовать особаго упоминанія, но постоянно снова упускается воспитателями изъ виду, либо изъ близорукости, либо благодаря возбужденію; а результатомъ этого является неуспѣхъ, причину котораго воспитатель охотно ищетъ въ ребенкѣ, въ дру-

гихъ людяхъ или во внѣшнихъ обстоятельствахъ, но никакъ не въ себѣ, какъ этого уже требовалъ Зальцманъ и что было бы единственно правильнымъ.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ наградами. Въ отношеніи наградъ грѣшатъ еще чаще и больше, чѣмъ въ отношеніи наказанія; ибо за что, спрашивается, вообще надо награждать ребенка? Большая ошибка возбуждать въ ребенкѣ чувство, будто онъ въ отдѣльномъ случаѣ сдѣлалъ больше, чѣмъ отъ него требуетъ обязанность, такъ какъ это ведетъ къ самомнѣнію; а еще большая ошибка воспитывать въ немъ путемъ обѣщанія наградъ и раздачи наградъ корыстолюбіе, ибо оно является безошибочнымъ доказательствомъ низости образа мыслей, а слѣдовательно стоитъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи къ тому, что хочетъ пробудить и развить въ дѣтяхъ мыслящій воспитатель. Отъ наградъ, въ смыслѣ денежныхъ и иныхъ подарковъ, доставленія дѣтямъ удовольствій и т. д. существенно отличается выраженіе своего одобренія, которымъ воспитатель выказываетъ ребенку свое довольство его поведеніемъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ случаѣ. Это средство—ласковый ли взглядъ, теплое рукопожатіе, краткое слово оцѣнки или заявленіе, что иного отъ него и не ожидали—имѣетъ большое воспитательное значеніе, такъ какъ увеличиваетъ довѣріе ребенка къ себѣ; и поэтому слѣдовало бы какъ при занятіяхъ съ умственно-слабыми, но усердными учениками, такъ и при нравственномъ воспитаніи чаще примѣнять это средство по отношенію къ тѣмъ дѣтямъ, которыя высказываютъ искреннее стараніе побороть свои черезчуръ сильные врожденные инстинкты. Но еще важнѣе, чѣмъ довольство другихъ, это то, чтобы самъ человѣкъ чувствовалъ внутреннее удовлетвореніе отъ своихъ поступковъ; и довести его до такого удовлетворенія—вотъ что должно быть цѣлью всѣхъ воспитательныхъ стремленій. Какъ достичь этого или, лучше, т.-е. выражаясь скромнѣе: какіе пути ведутъ къ этой цѣли?

Прежде всего семья должна именно въ школьномъ возрастѣ дѣтей особенно заботиться о правильномъ и цѣлесообразномъ уходѣ за ихъ тѣломъ, чтобы ихъ организмъ становился все крѣпче и устойчивѣе. Въ наше время къ нервамъ ребенка предъявляютъ все больше и больше тре-

бованій, поэтому надо энергично и разумно заботиться о томъ, чтобы они не ослабѣли вслѣдствіе недостаточнаго ухода за тѣломъ или недостаточнаго питанія, дабы организмъ не потерялъ свою устойчивость. Черезчуръ обильное питаніе, потребленіе спиртныхъ напитковъ, участіе въ шумныхъ празднествахъ, особенно если они затягиваются до поздней ночи, горячатъ голову и дѣйствуютъ черезчуръ возбуждающимъ образомъ на воображеніе и потому угрожаютъ молодежи—дѣвочкамъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ мальчикамъ—нравственными опасностями, могущими имѣть роковое значеніе для всей ихъ дальнѣйшей жизни.

Благо семьѣ, въ нѣдрахъ которой растетъ вмѣстѣ нѣсколько дѣтей! Тамъ часто молодежь снимаетъ съ плечъ родителей часть воспитательныхъ задачъ: когда въ такой семьѣ ребенокъ обнаруживаетъ нѣкоторыя слабости или нравственные недостатки, за дѣло его исправленія принимаются братья и сестры — правда, не всегда изъ воспитательныхъ соображеній и примѣняя нерѣдко сильныя средства. Кривлянье, трусость, любовь къ сплетнямъ, хвастовство, своекорыстіе, упрямство, излишняя серьезность, лицемѣріе и т. п. при такихъ благопріятныхъ условіяхъ выступаютъ въ дѣтяхъ гораздо рѣже, чѣмъ тамъ, гдѣ въ домѣ растетъ всего одинъ ребенокъ. Родители поступятъ очень разумно, если съ благодарностью примутъ эту помощь, предлагаемую имъ самой природой, и сами будутъ вмѣшиваться лишь въ случаѣ необходимости, умѣряя излишнее рвеніе или оказывая поддержку своимъ авторитетомъ. Но, если у нихъ всего одинъ ребенокъ, тогда ихъ первая обязанность взять самихъ себя въ руки, чтобы предохранить своего любимца отъ изнѣженности и баловства, а затѣмъ предоставить ему возможность чаще бывать въ обществѣ другихъ дѣтей, здоровыхъ физически и умственно, хотя бы эти дѣти по своему происхожденію принадлежали къ совсѣмъ инымъ классамъ общества, чѣмъ онъ.

Далѣе, родители должны неутомимо стараться умѣло сѣять въ душу своихъ дѣтей здоровыя сѣмена добра и благородства, чтобы постепенно укрѣпить въ нихъ хорошіе импульсы воли и убить въ корнѣ быть можетъ существующія дурныя привычки. Кого, напримѣръ, съ ранняго дѣтства пріучали бывать среди природы и смотрѣть на умышленную

порчу и нанесеніе вреда ея созданіямъ — растеніямъ и животнымъ—какъ на дурной, даже низкій поступокъ, а, напротивъ того, пріучили съ любовью ухаживать за этими живыми существами и радоваться ихъ преуспѣянію; кто постоянно былъ окруженъ благороднымъ обществомъ возвышенныхъ характеровъ, какіе намъ въ захватывающемъ изображеніи представляетъ литература, беря ихъ какъ изъ высшихъ, такъ и изъ низшихъ слоевъ общества; кто уже въ школьномъ возрастѣ научился замѣчать черты мужества, гордости, честности, правдивости, доброты, безкорыстія, самоотверженности и т. д., которыя въ изобиліи представляетъ повседневная жизнь, — тотъ еще долго и въ значительной степени будетъ находиться подъ вліяніемъ всего этого, если только позже не явятся необыкновенно сильныя противоположныя вліянія. И многіе родители предохранили бы и дѣтей и себя отъ многихъ тяжелыхъ часовъ, если бы тщательнѣе и энергичнѣе занялись этой стороной воспитанія, вмѣсто того чтобы трудиться надъ внушеніемъ внѣшнихъ формъ приличія или даже направлять помыслы дѣтей на наряды и удовольствія.

Безконечно много и самое важное для внутренняго роста ребенка и для воспитанія въ немъ любви къ добру могутъ, наконецъ, сдѣлать родители путемъ собственнаго примѣра. Кто хочетъ воспитать изъ своихъ дѣтей людей съ характеромъ, тотъ самъ долженъ быть характеромъ, личностью; а личности оказываютъ на окружающихъ, особенно на молодежь, сильное вліяніе, увлекая ее за собой. Опытъ показываетъ, что, когда ребенокъ видитъ, что его отецъ и мать постоянно, въ дни счастья, какъ и въ дни бѣдствій, трудолюбиво и честно занимаются своимъ дѣломъ; что, когда онъ въ теченіе всей своей молодости постоянно имѣлъ случай видѣть ихъ уступчивость, доброту, простоту, правдивость, ихъ самоотверженную любовь къ дѣтямъ и къ ближнимъ,—что тогда большая часть этихъ свойствъ, столь важныхъ для образованія характера, или всѣ они цѣликомъ передаются ребенку и такъ крѣпко укореняются въ немъ, что искушенія жизни, какъ бы сильны они ни были, уже не способны уничтожить ихъ; и какъ съ этими добродѣтелями, точно такъ же обстоитъ дѣло со всѣми другими добродѣтелями. Но, если даже не все

идетъ такъ гладко, если сила стремленія къ добру когда-нибудь ослабѣваетъ, то при такихъ условіяхъ предостерегающій взглядъ, серьезно сказанное слово, ласковое увѣщаніе легко могутъ сотворить чудеса. И даже въ худшемъ случаѣ, т.-е. когда часто происходятъ шатанія, ложные шаги, даже паденія, не надо отчаиваться, а утѣшать себя мыслью, что человѣкъ крѣпнетъ лишь постепенно, одинъ скорѣе, другой медленнѣе; и надо постоянно давать ребенку чувствовать довольство воспитателя при каждомъ, хотя бы незначительнѣйшемъ успѣхѣ въ развитіи его характера.

Рядомъ съ семьей вторымъ мощнымъ факторомъ воспитанія является школа. Она можетъ существеннымъ образомъ оказывать поддержку всей той цѣнной работѣ, о которой мы говорили; и притомъ отчасти тѣми же средствами, которыя примѣняются и семьей, если послѣдняя дѣйствительно заслуживаетъ своего названія. Подъ этими средствами, чтобы спеціально указать на нѣкоторыя изъ нихъ, мы подразумѣваемъ: разумный и энергичный уходъ за тѣломъ, устраненіе всего, что можетъ вредно подѣйствовать на организмъ; спокойную и потому успокаивающую равномѣрность занятій; поощреніе товарищескихъ и общественныхъ чувствъ, которыя до извѣстной степени развиваетъ сама школьная жизнь, но которыя можно значительно усилить соотвѣтствующими мѣропріятіями. Всѣ мы, обладающіе болѣе или менѣе богатымъ жизненнымъ опытомъ, прекрасно знаемъ, какое сильное и продолжительное вліяніе на все направленіе мыслей и воли учениковъ можетъ оказать образцовая жизнь и честная, скромная, проникнутая идеалами педагогическая дѣятельность учителя. Да будетъ мнѣ позволено въ связи съ этимъ спеціально указать на огромное значеніе одной черты характера, которую еще не достаточно оцѣниваютъ въ школѣ — или, скажемъ правильнѣе, въ нѣкоторыхъ школахъ; а именно — юмора.

Юморъ есть Божій даръ, которымъ надѣленъ не всякій воспитатель, и многіе, еще обладавшіе имъ въ юности, потомъ теряютъ его въ тяжелой борьбѣ за существованіе, среди дѣловыхъ заботъ или подъ тяжестью глубокаго семейнаго горя; но кто надѣленъ имъ, тотъ пусть пускаетъ его въ оборотъ: юморъ, который понимаетъ и прощаетъ

съ улыбкой или со смѣхомъ, дѣлаетъ для воспитателя и его питомцевъ возможность шутя одолѣвать крутыя и опасныя подводныя скалы, онъ раскрываетъ сердца учениковъ и привязываетъ ихъ къ учителю, онъ чрезвычайно укрѣпляетъ мужество слабыхъ и увеличиваетъ ихъ довѣріе къ себѣ, а съ другой стороны — приправленный незначительной долей сарказма — дѣлаетъ черезчуръ бойкихъ дѣтей и болтуновъ скромнѣе и ведетъ ихъ къ правильной самооцѣнкѣ.

Что изъ всѣхъ имѣющихся въ распоряженіи школы средствъ для воспитанія нравственнаго характера самое сильное и дѣйствительное—хорошее преподаваніе, вѣроятно, единодушно признается всѣми; но что слѣдуетъ понимать подъ хорошимъ преподаваніемъ, на этотъ счетъ взгляды сильно расходятся. Такое ли преподаваніе, въ результатѣ котораго въ концѣ года, а главное при окончаніи курса, можно было бы ясно доказать, что учениками пріобрѣтено множество разнообразныхъ знаній изъ самыхъ различныхъ наукъ? Можно было бы почти что повѣрить, что это такъ, видя, какимъ образомъ иногда ведется преподаваніе, какъ старательно соблюдаются переходные и выпускные экзамены. Мы еще глубоко сидимъ въ дидактическомъ матеріализмѣ, несмотря на серьезныя предостереженія, сдѣланныя намъ Дёрпфельдомъ и другими мыслящими педагогами уже много десятилѣтій тому назадъ; и этимъ объясняется, почему наше преподаваніе, несмотря на все прилежаніе, потраченное на него учителями и учениками, часто заключаетъ въ себѣ такъ мало истинной образовательной силы. Все выученное очень часто лишь механически усвоено, знаніе — лишь внѣшняя лакировка, которая быстро тускнѣетъ и стирается, если чужая рука постоянно не обновляетъ ее. Пріобрѣтеніе научныхъ свѣдѣній, т.-е. такихъ свѣдѣній, которыя переходятъ въ плоть и кровь и становятся нашими орудіями, столь же необходимо, какъ научиться ходить и бѣгать; но это лишь въ незначительной степени дѣйствуетъ на умъ, меньше же всего на волю, а слѣдовательно на характеръ.

Гораздо лучше обстоитъ дѣло, когда преподаваніе постоянно задается вопросами о причинахъ и слѣдствіяхъ

явленій, когда оно прежде всего стремится развить въ ученикахъ силу мышленія и силу сужденій, ибо, чѣмъ интеллигентнѣе становится человѣкъ, тѣмъ яснѣе онъ научается отличать хорошее отъ дурного, научается сознавать, что, слѣдуя первому, онъ достигаетъ счастья и душевнаго мира, и, наоборотъ, поддаваясь соблазнамъ второго, идетъ къ собственной гибели. И поэтому всѣ школы, «низшія» какъ и «высшія», женскія и мужскія, общеобразовательныя и спеціальныя, дабы направить молодежь на правильный жизненный путь, должны обратить свое спеціальное вниманіе на упражненіе дѣтей въ точномъ мышленіи, въ ясномъ и обоснованномъ сужденіи: требованіе, которое, какимъ естественнымъ оно ни кажется на первый взглядъ, постоянно приходится снова настойчиво повторять.

Для людей, знающихъ жизнь, не требуется особыхъ доказательствъ того, что и самое ясное пониманіе добра не обязательно заставляетъ человѣка слѣдовать этическимъ принципамъ въ своемъ поведеніи; что часто страсть побѣждаетъ даже самый сильный разумъ. Всѣ наши поступки въ значительной степени управляются чувствами, поэтому, если преподаваніе хочетъ вліять на развитіе характера, оно должно работать надъ облагораживаніемъ чувствъ. Это можетъ дѣлаться, во-первыхъ, путемъ умѣло выбраннаго слова, того слова, которое вызываетъ восторгъ передъ личностями, дѣлавшими добро, отказываясь отъ личныхъ интересовъ, и которое побуждаетъ подражать такому образу дѣйствія. Но правильно выбрать для этой цѣли слово не такъ легко, какъ кажется на первый взглядъ; одними нравоученіями тутъ ничего не сдѣлаешь; напротивъ того, послѣднія легко вызываютъ отвращеніе вмѣсто ожидаемаго возвышеннаго чувства. Наоборотъ, слѣдуетъ, скорѣе, наглядно показать подрастающему человѣку, что каждая побѣда надъ своимъ «я» укрѣпляетъ характеръ и этимъ приближаетъ къ совершенству, а каждая неудача въ стремленіи къ добру, напротивъ, ослабляетъ его и такимъ образомъ толкаетъ человѣка навстрѣчу нравственной гибели.

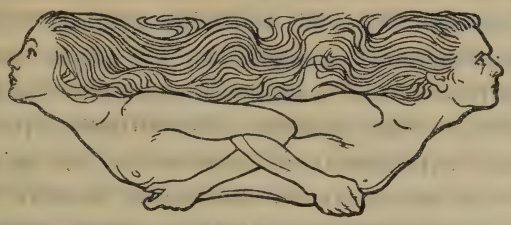
Чтобы пробудить чувство чистой радости или укрѣпить его, въ случаѣ если оно уже есть,—еще лучше, чѣмъ удачно подобранное слово, такая постановка преподаванія, которая

непосредственно ведетъ къ самостоятельной и въ извѣстномъ смыслѣ творческой дѣятельности. Въ другомъ мѣстѣ и съ другой точки зрѣнія этотъ вопросъ будетъ разбираться подробнѣе, и мы можемъ удовольствоваться здѣсь только нѣсколькими короткими указаніями. Въ новѣйшее время въ постановкѣ школы, несмотря на все противодѣйствіе, оказываемое тяжеловѣсностью и непониманіемъ, пробивается благодѣтельная свѣжая струя. Такъ, напримѣръ, прусское школьное управленіе — хотя и съ нѣкоторыми еще колебаніями — допускаетъ опять, какъ это было сдѣлано десятки лѣтъ тому назадъ,—установленіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ особыхъ дней, въ которые болѣе зрѣлые ученики могутъ предаваться нераздѣльно занятіямъ своими спеціальными научными интересами и посвящать себя болѣе глубокимъ изысканіямъ въ своей любимой области, чѣмъ это позволяетъ «нормальное» преподаваніе съ его калѣчащимъ уравниваніемъ; въ преподаваніи естественныхъ наукъ на мѣсто мертвой книжной учености выступаетъ все больше и больше любовное наблюденіе самой природы, изученіе тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыхъ развиваются ея созданія, самостоятельная работа въ физическихъ и химическихъ лабораторіяхъ; преподаваніе иностранныхъ языковъ, преподаваніе рисованія имѣетъ цѣлью пріучить учениковъ къ наблюдательности и развить въ нихъ способность къ самостоятельнымъ работамъ; представители казенныхъ пріютовъ и другихъ подобныхъ учрежденій съ жаромъ защищаютъ «трудовой принципъ» и съ успѣхомъ проводятъ его въ своихъ школахъ; города и общеполезныя организаціи приносятъ большія жертвы, чтобы облагодѣтельствовать мальчиковъ преподаваніемъ ручного труда, а дѣвочекъ обученіемъ стряпнѣ и домашнему хозяйству. Всѣ эти старанія должны быть встрѣчены съ живѣйшей благодарностью и заслуживаютъ самой горячей поддержки со стороны каждаго, кто принимаетъ близко къ сердцу благо юношества, а слѣдовательно и всего нашего народа. Все это не нуждается въ теоретическомъ обоснованіи; достаточно намъ только вызвать въ себѣ однородныя собственныя воспоминанія или понаблюдать, съ какой радостью ученики и ученицы предаются вышеописанной работѣ, и мы вполнѣ признаемъ, что самостоятельная умственная дѣ-

ятельность, создающая новыя цѣнности — хотя въ настоящее время довольно еще маловажныя, — а также и разумно направляемыя практическія работы заключаютъ въ себѣ множество элементовъ, укрѣпляющихъ и облагораживающихъ характеръ.

И, наконецъ, нужно вкратцѣ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, очень важномъ для разрѣшенія нашего вопроса. Нѣсколько времени тому назадъ прусскій министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы они выразили свое мнѣніе о томъ, возможно ли ввести обязательныя дѣтскія игры въ общее школьное употребленіе. Вѣроятно, немалое число этихъ подчиненныхъ частью изъ почтительной заботливости объ «идеальныхъ» интересахъ юношества, частью отъ недостатка пониманія воспитательнаго значенія игры — выскажутся противъ осуществленія возбужденной министромъ мысли; но уже въ томъ, что произошла подобная анкета — имѣющая смыслъ только въ томъ случаѣ, если ей предшествовало намѣреніе при благопріятномъ отвѣтѣ сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія — уже это одно показываетъ большой прогрессъ, въ высшей степени заслуживающій благодарности и дѣлающій честь школьному управленію. И, кинувъ взглядъ на все достигнутое въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, хотя бы и цѣною тяжелыхъ усилій, мы также не теряемъ надежды, что рано или поздно установленныя закономъ дѣтскія игры сдѣлаются существенной составной частью нѣмецкаго общественнаго воспитанія. Если эта надежда не обманетъ насъ, то всѣмъ нашимъ дѣтямъ, поскольку они свободны отъ физическихъ недостатковъ, предложено будетъ со стороны учителей чрезвычайно дѣйствительное средство — не только укрѣплять свое здоровье среди радостной дѣятельности, но также и развивать въ себѣ тѣ свойства характера, которыя такъ часто играютъ рѣшающую роль въ жизни отдѣльнаго лица и цѣлыхъ народовъ: мужество, здравый смыслъ и рѣшительность. Мы же всѣ, занимающіеся педагогическими вопросами—по долгу службы или изъ личной склонности, — мы должны вмѣнить себѣ въ обязанность всѣми силами помочь побѣдить предразсудки и предубѣжденія противъ цѣлесообразности и осуществимости этой плодотворной идеи, къ сожалѣнію, еще существующія въ широкихъ

кругахъ; этимъ мы съ своей стороны посодѣйствуемъ тому, чтобы передъ нѣмецкимъ юношествомъ открылся новый путь, на которомъ оно сможетъ образовать въ себѣ личности съ сильнымъ характеромъ.



Производительный трудъ и его воспитательное значеніе.

Д-ра Кершенштейнера.

Знанія человѣка имѣютъ двоякій источникъ: одни являются результатомъ чужого труда и пріобрѣтаются при посторонней помощи, а другія добываются собственнымъ опытомъ, вырастаютъ въ душѣ. Точно также двояко и всякое умѣнье: одно — механическое, умѣнье, достигаемое прилежаніемъ и создающее заурядныя цѣнности, другое — не механическое, основанное на природныхъ дарованіяхъ, творящее новыя цѣнности. Переданное знаніе, какъ и механическое умѣніе, можетъ быть заучено, опытное знаніе и производительное умѣніе—нѣтъ. Переданное знаніе очень часто худосочно и нерѣдко приводитъ людей къ надутому самомнѣнію. Оно не дѣлаетъ душу великою, сильною и богатою и нерѣдко даже является только декоративной маскировкой маленькой, бѣдной и слабой души. Знаніе, вырастающее изъ личнаго опыта, изъ творчества и умѣнья, почти всегда является внѣшнимъ знакомъ качествъ противоположныхъ. Оно дѣлаетъ человѣка скромнымъ и даетъ ему въ то же время производящую силу.

Такъ какъ чисто книжное школьное обученіе ведетъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ въ дѣлѣ образованія характера, такъ какъ механически заученныя познанія скоро утрачиваются, а требованія новаго времени становятся все строже, то въ педагогикѣ вновь воскресло старое мнѣніе, что учитель долженъ быть болѣе чѣмъ преподавателемъ, что онъ обязанъ еще и воспитывать.

Конечно излишнее усердіе въ служеніи вновь пробудившейся истинѣ можетъ привести къ пренебреженію тѣмъ, что подчеркнуто еще недавно пережитымъ прошлымъ.

Слишкомъ отрицательное отношеніе къ механическимъ навыкамъ и къ переданному книжному знанію сдѣлало бы результаты производительнаго труда очень сомнительными, въ этомъ мы убѣждаемся ежедневно даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на научную и эстетическую литературу и на изобразительное искусство современности. Нѣтъ полноцѣннаго творчества безъ пріобрѣтеннаго самоотверженными усиліями механическаго умѣнья и безъ опредѣленной степени знанія, которое теперь не можетъ быть добыто исключительно путемъ личнаго опыта. Да и кромѣ того, — что очень существенно, — совсѣмъ не всякое творчество имѣетъ воспитательное значеніе.

Пока дитя не умѣетъ говорить, все его знаніе есть опытное знаніе. Съ укрѣпленіемъ пониманія и при употребленіи языка вырастаетъ знаніе, пріобрѣтаемое отъ другихъ. Если оно предлагается ребенку лишь въ той мѣрѣ, въ какой того требуетъ неполное опытное знаніе ребенка, то и это переданное знаніе получаетъ величайшее значеніе. Потому что переданное знаніе, выработанныя нашими предками понятія и идеи, помогаютъ опытному знанію, стремящемуся ко внутреннему созиданію, избѣжать многихъ тысячъ тѣхъ ложныхъ путей, которые какъ разъ были неизбѣжны для нашихъ предковъ при накопленіи ими своего драгоцѣннаго опыта. Въ первоначальномъ умѣніи ребенка замѣчается обратное; оно сначала бываетъ инстинктивное, рефлективное, механическое; а именно: до тѣхъ поръ, пока опытное знаніе не достигнетъ опредѣленной степени производительной силы. Этотъ моментъ наступаетъ,

конечно, уже очень рано *); у умственно нормальныхъ дѣтей, можетъ быть, такъ послѣ первыхъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, у духовно мало одаренныхъ — часто гораздо позже.

Постепенное расширеніе духовнаго содержанія носитъ характеръ производительнаго труда; изо дня въ день образуются новыя представленія, вырастаютъ новыя чувства; ребенокъ постепенно научается знать свое собственное «я», сознавать свою собственную волю. Это все только внутренняя, производительная духовная работа. Съ того момента, какъ ребенокъ начинаетъ играть самъ съ собою, одинъ, гдѣ-нибудь въ углу комнаты, начинается и внѣшняя производительная работа; онъ ищетъ выраженія для запаса своихъ представленій.

Этотъ нормальный процессъ развитія, конечно, нарушается школой, по крайней мѣрѣ, той школой, какую мы теперь знаемъ, такъ какъ она возможно раньше старается передачею чужого знанія ускорить всегда медленное накопленіе опытнаго знанія — а также возможно быстрѣе развить механическое умѣніе, конечно, крайне важное для всякой культуры.

И механическіе навыки имѣютъ большое значеніе для нашей жизни. Увѣренность въ механическихъ движеніяхъ не только является необходимой основой всего высшаго производительнаго умѣнья: въ періодъ обученія это есть также великолѣпная школа для нѣкоторыхъ свойствъ характера. Чѣмъ труднѣе усвоеніе этого механическаго умѣнья, тѣмъ больше оно требуетъ терпѣнія, выдержки, прилежанія, добросовѣстности, опрятности, самообладанія и т. д. Чтобы воспитать въ нашихъ ученикахъ эти элементарныя добродѣтели, мы вообще не можемъ обойтись безъ обученія механической дѣятельности. Однако слѣдуетъ замѣтить, что воспитываетъ только выработка точнаго механическаго умѣнія. Однажды пріобрѣтенный навыкъ не побуждаетъ къ дѣятельности, поскольку онъ не поощряется снова. Это поощреніе бываетъ двояко, — внѣшнее: похва-

*) W. Preyer замѣчаетъ въ своей книгѣ „Душа ребенка“, что на 16 и 17 недѣлѣ сила воли начинаетъ проявляться черезъ координированныя движенія большихъ мускульныхъ группъ и что къ этому времени удаются и первыя подражанія.

лой или порицаніемъ, въ силу страха, необходимости, честолюбія, стремленія къ выгодѣ, къ славѣ и т. д., и внутреннее — при посредствѣ ранней подготовки къ продуктивной работѣ, которая, со своей стороны, конечно, предполагаетъ извѣстную одаренность. Въ нашихъ нынѣшнихъ школахъ внѣшнее поощреніе является наиболѣе обычнымъ, внутренне — наименѣе частымъ.

Упражненіе во многихъ механическихъ навыкахъ, заурядное умѣнье, какъ и передача зауряднаго знанія не терпятъ неудачи, или весьма рѣдко, изъ-за многолюдности класса, и какъ каждаго пуделя можно выучить носить поноску, такъ почти всѣ люди способны къ умѣренной дрессировкѣ. Напротивъ, преподаваніе, обращающее вниманіе на производительную работу, сталкивается въ нѣкоторыхъ спеціальностяхъ съ немалыми затрудненіями въ случаѣ большого числа учениковъ, потому что здѣсь одаренность и степень зрѣлости отдѣльнаго ученика требуютъ гораздо большаго къ себѣ вниманія, чѣмъ при передачѣ усвояемаго памятью знанія и при упражненіи въ механическомъ умѣньи. Да и сочетаніе добытаго опытомъ знанія съ переданнымъ знаніемъ, механическаго труда съ производительнымъ допускаетъ лишь мелкія цѣли преподаванія, какъ въ знаніи, такъ и въ умѣньи. Въ концѣ концовъ, гораздо легче образовать большее количество такихъ учителей, которые бы выполняли передаточную функцію при распространеніи знанія, чѣмъ такихъ, которые могли бы питать единичные маленькіе душевные двигатели своего класса производительной рабочею силой изъ собственнаго внутренняго запаса ея.

Но что же точнѣе нужно понимать подъ продуктивной работой?

Продуктивная духовная работа есть дѣятельность души, создающая новыя представленія и сочетанія представленій, при чемъ цѣлью является единство душевной жизни или внѣшнее выраженіе и осуществленіе этой послѣдней. Этой цѣлью она отличается отъ игры ребенка, которая, поскольку она дѣйствительно игра, лишена твердаго намѣренія образовать и связать представленія и характерно выразить ихъ. Продуктивная духовная работа предполагаетъ способность легкаго связыванія представленій, такъ

же какъ и одинокая игра ребенка. Но она отличается отъ игры дисциплиной, которая направляетъ это связываніе по извѣстному пути. Эта дисциплина отчасти присуща душѣ прирожденнаго изслѣдователя и художника, отчасти же пріобрѣтается или усиливается соотвѣтствующимъ упражненіемъ, чему значительно можетъ содѣйствовать постепенное сведеніе игры къ работѣ. Производительная духовная работа — отличное воспитательное средство; однако она предполагаетъ соотвѣтствующую склонность къ ней. Въ своей неутомимой жаждѣ къ непрерывному возрастающему проявленію она принуждаетъ человѣка къ постоянному напряженію и упражненію своихъ силъ и, слѣдовательно, требуетъ элементарныхъ добродѣтелей: прилежанія, настойчивости, преданности, добросовѣстности, которыя иначе приходилось бы воспитывать средствами внѣшняго воздѣйствія.

Продуктивная работа даетъ истинно новый опытъ, который немедленно вступаетъ въ тѣснѣйшую внутреннюю связь со всей остальной нашей жизнью представленій, такъ какъ эта связь удовлетворяетъ потребности души въ данный моментъ. Эти новыя связи проявляютъ затѣмъ все новую силу, даютъ творческой способности все новые импульсы. Всѣ открытія, всѣ улучшенія, всѣ хорошія учрежденія, всѣ великія дѣянія человѣколюбія — дѣти производительнаго труда. Опытъ и знанія другихъ, которые мы получили путемъ воспріятія, имѣютъ значеніе для нашихъ душъ лишь постольку, поскольку они соотвѣтствуютъ нашему сходному опыту и заполняютъ пробѣлы, присущіе всякому личному опыту. Механическая работа не даетъ вообще никакого новаго опыта и надолго оставляетъ жизнь нашей души безъ приводящей въ движеніе теплоты. Напротивъ, продуктивная работа держитъ все наше существо въ повышенной температурѣ; черезъ это становится источникомъ предпріимчивости, отваги, самостоятельности, вдохновенія и неизсякаемаго рвенія къ труду. Въ этомъ и состоитъ главная цѣнность всякой производительной работы для воспитанія.

Для того, чтобы быть въ состояніи развить эту воспитательную силу, оно должно покоиться на прочномъ основаніи, т.-е. должны быть налицо не только дарованіе и

зрѣлость, но и соотвѣтствующее умѣнье, умѣнье и знаніе, которое даже и самыми одаренными пріобрѣтается въ потѣ непродуктивнаго труда и упражненія. Объ этомъ обстоятельствѣ теперь любятъ забывать наши скороспѣлки въ искусствѣ и наукѣ, а съ недавнихъ поръ и въ школѣ, и въ домашнемъ воспитаніи.

Но продуктивная духовная работа зависитъ, во всякомъ случаѣ, отъ эгоистической побудительной силы. Она направлена на созданіе или выраженіе личной душевной жизни, и въ этомъ заключается ея опасность для воспитанія. Наука, какъ и искусство, не требуетъ непремѣнно цѣльности отъ человѣка, который посвятилъ себя имъ. Исключительно интеллектуальная дѣятельность ученаго даже дѣлаетъ его порою человѣкомъ половинчатымъ. Она оставляетъ неразвитыми какъ его эстетическую воспріимчивость, такъ и нравственную силу. Точно также неустанно побуждающая изобразительная сила совсѣмъ не обязана нравственно возвышать художника. Она можетъ исчерпываться въ чисто формальномъ, вполнѣ идеальномъ мірѣ, далекомъ отъ жизненной дѣйствительности. Производительный трудъ въ искусствѣ и наукѣ долженъ болѣе или менѣе служить культурѣ человѣчества, если ему предназначено созидать цѣльные характеры; зато на такой службѣ продуктивная духовная работа наполняетъ жизнь содержаніемъ, дающимъ длительное удовлетвореніе. Это осуществляется тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе пригодна данная дѣятельность для самоотверженнаго служенія ближнимъ.

Изъ этой сущности продуктивной работы вытекаютъ основныя точки зрѣнія не только на воспитаніе вообще, но и на нашу организацію школы и преподаваніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ школахъ мы удѣляемъ продуктивной работѣ слишкомъ мало простора. Изъ народной школы она была до сихъ поръ почти исключена. Въ среднихъ школахъ она хотя и играетъ роль при изученіи нѣкоторыхъ предметовъ преподаванія, какъ напр. въ математикѣ, при переводахъ иностранныхъ классиковъ, иногда въ родномъ языкѣ и недавно также въ рисованіи; но и здѣсь обычно лишь въ тѣхъ предѣлахъ, насколько учитель сумѣетъ отклониться отъ одолѣвающей массы мате-

ріала безъ столкновеній съ учебными программами. Замѣчательно, что она совсѣмъ не получаетъ должнаго значенія какъ разъ въ той области преподаванія, гдѣ могла бы развернуться наиболѣе плодотворно — въ естествознаніи: въ зоологіи, ботаникѣ, минералогіи и, прежде всего, въ физикѣ и химіи.

Въ большинствѣ женскихъ школъ дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ въ мужскихъ. Нужно испытать на себѣ принятый въ нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ способъ писанія сочиненій на невозможныя часто темы; достойное дѣтскихъ садовъ преподаваніе ариѳметики и геометріи, преобладаніе надъ всѣмъ формальнаго преподаванія новыхъ языковъ, зачастую полнѣйшее отсутствіе производительнаго труда, — чтобы поистинѣ удивляться тому, что еще такъ много женщинъ не разучились мыслить за время своего пребыванія въ школѣ.

Несмотря на малую зрѣлость воспитательнаго матеріала, несмотря на необходимость упражненія въ элементарныхъ навыкахъ, нѣтъ надобности вполнѣ исключать производительную работу изъ народной школы. Это показываютъ вновь учрежденныя мастерскія, лабораторіи и школьныя кухни, новыя формы обученія рисованію, робкія попытки разумно учить искусству изложенія, которое исходитъ не изъ непрерывнаго подражанія вѣчно пережевываемымъ образцамъ, но изъ возможно болѣе ранняго изображенія лично пережитаго. Предоставленіе свободы личнаго переживанія при обученіи — въ этомъ вообще весь секретъ развитія производительной работы во всѣхъ школахъ — отъ народныхъ до высшихъ. Конечно также преподаваніе требуетъ настоящаго мастера своего дѣла, такого мастера, въ которомъ живетъ самостоятельная, творческая, примѣняющаяся, самоуглубляющаяся душа, распознающая зачатки дарованій въ отдѣльныхъ дѣтяхъ и радующаяся даже слабѣйшимъ работамъ, поскольку онѣ самостоятельны. Оно требуетъ и мастерства въ области методики, но совсѣмъ не того, какое нынѣ можно почерпнуть изъ науки о дидактикѣ. Нынѣшнія тонкости методики могутъ стать роковыми для творческаго дарованія. Вѣдь искуснымъ методистомъ называютъ того, кто умѣетъ такъ уменьшить всѣ трудности овладѣнія но-

вымъ предметомъ, что всѣ ученики, болѣе или менѣе равномѣрно, скользятъ, какъ по наклонной асфальтовой мостовой, къ новому комплексу представленій. Такая похвала, однако, очень условна. Для класса изъ духовно бѣдныхъ учениковъ, можетъ быть, онъ и искусный методистъ, но въ классѣ изъ разнообразно одаренныхъ дѣтей онъ окажется весьма неискуснымъ. Ибо духовная сила дѣтей, какъ и тѣлесная, растетъ только вслѣдствіе преодолѣнія трудностей. Но, что для одного ребенка трудно, то для другого забава. Нельзя заставлять орла упражнять свои крылья движеніями, которыя разсчитаны на воробья. Только тотъ искуснѣйшій методикъ, кто умѣетъ такъ поставить свое преподаваніе, чтобы каждая способность нашла соразмѣрную ей трудность. Допускаю, что при нынѣшнемъ преподаваніи въ народныхъ школахъ, почти исключительно направленномъ къ работѣ воспроизведенія, это порой невозможно. Но оно, конечно, доступно тамъ, гдѣ можно позаботиться о достаточной мѣрѣ производительной работы, гдѣ открыты двери и для практической дѣятельности въ различныхъ областяхъ. Точно такъ же, какъ при восхожденіи на гору, каждый въ теченіе часа пройдетъ столько, насколько хватитъ у него силъ, тогда какъ на канатѣ ошибочныхъ методологическихъ стремленій возможна лишь такъ называемая «равномѣрность успѣховъ», которая хотя и допускается нашей нынѣшней односторонней школьной системой, но нерѣдко чрезмѣрно обременяетъ слабыхъ, а на сильныхъ, напротивъ, наводитъ скуку.

Больше простора для производительнаго труда мы видимъ, конечно, въ среднихъ школахъ. Его пожалуй было бы и еще больше, если бы надъ отдѣльными группами этихъ школъ не щелкалъ постоянно бичъ «положительнаго знанія». Я долженъ признаться, что требуемая нынѣ въ школахъ степень положительнаго знанія хотя можетъ быть вполнѣ усвоена въ короткое время нормально одареннымъ и не особенно лѣнивымъ юношей, но это пріобрѣтается лишь въ ущербъ продуктивности. Одинъ американецъ, который ужъ нѣсколько мѣсяцевъ живетъ въ Германіи и изучаетъ наши среднія школы, не шутя сказалъ мнѣ недавно, что кажется, будто нѣмецкихъ дѣтей заставляютъ заучивать такъ много, чтобы не дать имъ

слишкомъ много думать. Дѣйствительно, достойно сожалѣнія, что значительная часть школьнаго знанія удерживается лишь памятью и улетучивается, едва перестаютъ имъ заниматься, а пріобрѣтеніе его крадетъ время у настоящаго умѣнія и можетъ задушить въ зародышѣ хотя и маленькія, но все же цѣнныя производительныя дарованія. Страннѣе же всего то, что такого рода знаніе переносится и въ область естествовѣдѣнія, способомъ совершенно противорѣчащимъ естественнонаучной умственной работѣ, т.-е. его лишь сообщаютъ, а не заставляютъ пріобрѣтать, и оно является скорѣе книжнымъ, нежели опытнымъ знаніемъ. Недостатокъ въ средствахъ для цѣлесообразной постановки нашихъ среднихъ школъ, слишкомъ высокая оцѣнка знанія вообще и, наконецъ, безсмысленное перенесеніе на уроки естествознанія того способа, который весьма основательно употреблялся издревле и съ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ и нынѣ для передачи знаній словесно-историческихъ, — все это съ самаго начала поставило на ложный путь преподаваніе естествознанія въ среднихъ школахъ. Какъ неразуменъ этотъ шаблонъ, легко доказать. Что сказали бы тѣ самые школьные дѣятели, которые теперь смотрятъ на лабораторіи и мастерскія, какъ на оскверненіе гимназій и реальныхъ училищъ, если бы плотникъ сталъ знакомить ученика со своимъ ремесломъ такимъ образомъ, что каждый день читалъ бы ему лекціи о сортахъ дерева, объ инструментахъ и машинахъ, прилежно показывалъ бы своему ученику это все на опытѣ, строгалъ бы на его глазахъ доски, пилилъ бы, клеилъ бы, задавалъ бы ему для заучиванія на дому наизусть по нѣскольку параграфовъ изъ руководства о столярномъ ремеслѣ, а каждыя четыре недѣли заставлялъ бы писать сочиненіе хотя бы о значеніи рубанковъ, о приготовленіи годнаго къ употребленію клея, о способѣ сдѣлать платяной шкапъ, и т. д., и если бы этотъ мастеръ затѣмъ, при испытаніи, призналъ бы своего ученика подмастерьемъ, ибо тотъ все знаетъ, что могъ такимъ образомъ выучить наизусть въ теченіе своего трехлѣтняго ученичества! Нужно только поразмыслить надъ этимъ примѣромъ, чтобы найти его весьма забавнымъ. И все же сейчасъ это какъ разъ тотъ путь,

слѣдуя которому, мы учимъ и экзаменуемъ въ нашихъ школахъ по физикѣ, химіи, зоологіи, ботаникѣ, минералогіи. Если бы мнѣ кто-нибудь возразилъ, что я далъ двусмысленный примѣръ, что плотницкій ученикъ станетъ послѣ плотникомъ и долженъ слѣдовательно быть практически вышколенъ, долженъ не только знать плотничье ремесло, но и умѣть плотничать, ученики же среднихъ школъ станутъ богословами, юристами, филологами, учителями, а не изслѣдователями, такъ что для нихъ достаточно и знанія, — то я отвѣтилъ бы тому, что онъ не понимаетъ истиннаго значенія естественнонаучнаго преподаванія. При преподаваніи естествознанія тотъ способъ, которымъ достигается знаніе, пожалуй, цѣннѣе самаго знанія. Ибо этотъ родъ труда имѣетъ предъ всѣми другими школьными занятіями то огромное преимущество, что является трудомъ производительнымъ въ высшемъ значеніи этого слова: вѣдь онъ насъ учитъ наблюдать природу и людей, задавать вопросы природѣ и людямъ, самимъ пріобрѣтать цѣнныя знанія; онъ пріучаетъ насъ объективно относиться ко всѣмъ явленіямъ въ природѣ и человѣческой жизни, изслѣдовать причины непривычныхъ явленій, короче, онъ насъ учитъ самопомощи во многихъ жизненныхъ положеніяхъ. Самое цѣнное, что мы можемъ дать ученику, есть какъ разъ не знаніе, а правильный методъ пріобрѣтать знанія и самостоятельный способъ дѣйствованія. Для усвоенія же этого способа лекціи и уроки могутъ дать очень мало или совсѣмъ ничего; ему, какъ и всякой производительной работѣ, научаетъ лишь ранняя привычка къ соотвѣтствующей дѣятельности. Трудъ, дѣйствіе, — вотъ что образуетъ характеръ; знаніе оказываетъ на него лишь второстепенное вліяніе. Заходящее слишкомъ далеко въ исключительномъ толкованіи, но все же золотое правило всякаго преподаванія, которое такъ часто твердятъ, но еще чаще нарушаютъ на практикѣ: «не говори ребенку ничего такого, что онъ можетъ открыть самъ», нигдѣ не имѣетъ такой важности, какъ на урокахъ естествознанія. Всякій иной путь полученія знанія какъ разъ противорѣчитъ духу естественныхъ наукъ, и Хьюгъ Гордонъ правъ, когда въ своей маленькой книжечкѣ «Elementary Cours of practical Science», указывающей учителямъ народныхъ школъ Ан-

гліи, какъ имъ приступать къ первому преподаванію физики въ народныхъ школахъ, восклицаетъ: «Ужъ лучше совсѣмъ оставить въ покоѣ науку, чѣмъ преподавать ее ненаучно!»

Естественныя науки не могутъ быть выучены, но должны быть познаны опытомъ: потому что только опытное знаніе имѣетъ вліяніе на наши поступки. Нѣсколько десятилѣтій назадъ мы рѣшились устроить при спеціальныхъ училищахъ всякаго рода мастерскія и, гдѣ возможно, замѣнить теоретическое преподаваніе практическимъ, такъ какъ именно вытравливанію и чеканкѣ, строганью и ковкѣ нельзя научиться путемъ созерцанія и книгъ. Я убѣжденъ, что и въ среднихъ нашихъ школахъ будутъ введены лабораторіи и мастерскія, или лучше сказать, что мы и въ этомъ должны будемъ послѣдовать примѣру другихъ націй, хотимъ ли мы этого или нѣтъ; потому что школьная система, связывающая передаваемое знаніе съ опытомъ и механическое умѣніе съ производительнымъ, дастъ экономическій и духовный перевѣсъ той странѣ, въ которой будетъ введена повсемѣстно. Этотъ вопросъ уже близится къ своему разрѣшенію.

Нравственное воспитаніе юношества.

Д-ра Пенцига.

1. Исторія. Передача юношеству частью унаслѣдованныхъ, частью самостоятельно выработанныхъ нравственныхъ воззрѣній, представленій и понятій, разумѣется, такъ же стара, какъ и культура человѣчества вообще. Отдѣльная исторія этическаго обученія юношества, независимая отъ исторіи возникновенія этическихъ понятій и въ то же время отъ исторіи преподаванія, начинается только съ тѣхъ поръ, какъ, съ одной стороны, эволюція научныхъ идей отдѣлила этику, какъ науку, отъ нормъ практическаго здраваго смысла, отъ обычаевъ и нравственныхъ правилъ, обусловленныхъ временемъ и мѣстомъ, обезпечивъ ей полную самостоятельность и независимость отъ религіозныхъ и метафизическихъ предпосылокъ и цѣлей; и съ тѣхъ поръ, какъ, съ другой стороны, стала признаваться нерасторжимость связи между преподавательскимъ и воспитательскимъ вліяніемъ на юношество. Поэтому Кантъ и Гербартъ суть тѣ имена, съ которыхъ завязывается исторія этическаго обученія юношества. Гербартъ основывалъ педагогику на психологіи, этику — на оцѣнкѣ воли и доказалъ, что практическія понятія о святости, совершенствѣ, добротѣ, справедливости и возмездіи совершенно независимы отъ ихъ эстетическаго соединенія въ одной идеальной личности (религіи); этимъ божество было изгнано изъ области міропознанія и практическаго знанія въ области вѣры и художественной фантазіи, тогда какъ этика, въ качествѣ части эстетики, сдѣлалась годной для передачи и необходимой въ воспитательномъ преподаваніи. Кантъ, какъ основатель нѣмецкой просвѣтительной педагогики, не только утвердилъ автономію нравственности*), но и потребовалъ ясно отъ воспитанія, что-

*) „Мораль сама по себѣ никоимъ образомъ не нуждается въ религіи, какъ объективно, въ томъ, что касается хотѣнія, такъ и субъективно, въ

бы оно непремѣнно, безотносительно къ вѣроисповѣднымъ различіямъ, сдѣлало юношество добродѣтельнымъ.

Изъ его замѣчаній о педагогикѣ, дошедшихъ до насъ, хотя, конечно, не въ подлинной и систематической формѣ, все-таки можно извлечь, по крайней мѣрѣ, скелетъ этическаго обученія юношества, потому что онъ и самъ набросалъ начало «катихизиса морали» и сожалѣлъ о томъ, что «нашимъ школамъ почти вездѣ не хватаетъ катихизиса справедливости, который содержалъ бы въ себѣ случаи общепонятные, встрѣчающіеся въ обыденной жизни и при которыхъ бы постоянно самъ собой выступалъ вопросъ — справедливо ли это или нѣтъ?» Если понятіе «морализированіе», противополагая его дисциплинѣ, препятствующей дурнымъ привычкамъ и укрощающей «дикость», продолжить до культивированія, которое состоитъ въ упражненіи силы характера, памяти, силы сужденія, разума и воспитанія разсудка по методу Сократа, тоже противопоставляя это послѣднее чистой цивилизаціи, цѣль которой хорошія манеры, вѣжливость и знаніе свѣта, — то моральное воспитаніе покоится только на фундаментѣ нравственной свободы и имѣетъ цѣлью создать характеръ самостоятельный, проникнутый сознаніемъ долга. Поэтому, какъ при дисциплинированіи не слѣдуетъ ломать волю ребенка принужденіемъ, такъ и при морализированіи какія-нибудь правила, навязанныя извнѣ, не создадутъ истинной нравственности. Нравственное воспитаніе можетъ только помочь собственному *я* воспитанника въ томъ, чтобы оно само дало себѣ субъективные законы (правила), подчинило себя этимъ правиламъ и, такимъ образомъ, скорѣе привычкой, чѣмъ при помощи наставленій, закалило бы твердость своего характера. Кантъ рѣзко отличаетъ «физическое» воспитаніе (къ которому относится у него и культура душевныхъ силъ) отъ «моральнаго» при помощи слѣдующаго критерія: при первомъ воспитанникъ или ученикъ — чистый объектъ воспитанія, т.-е. онъ пассивенъ, тогда какъ при послѣднемъ онъ субъектъ собственнаго законодательства, т.-е. активенъ. Промежуточное

томъ, что касается возможности; но въ силу чистаго практическаго разума она сама себѣ довлѣетъ". (Религія въ принципахъ простого разума, предисловіе перваго изданія 1793 г.)

положеніе между активностью и пассивностью занимаетъ у него, повидимому, воспитаніе практическое (называемое также прагматическимъ), направленное къ усвоенію ловкости и основательности, знанія свѣта и внѣшнихъ приличій, — словомъ, къ пріобрѣтенію «искусства во внѣшности». На почвѣ же чистой самодѣятельности онъ основываетъ образованіе нравственнаго характера «устраненіемъ страстей», «обузданіемъ наклонностей», «пріученіемъ къ лишеніямъ» съ эпиграфомъ: «Sustine et abstine» (сумѣть выдержать и воздержаться). Примѣрами и опредѣленіями, это значитъ — установленіемъ правильнаго, разумнаго основанія, долженъ быть приведенъ ребенокъ къ сознанію своихъ обязанностей, которыя относятся или къ собственной личности (въ которой надо поддерживать высоту человѣческаго достоинства), или — къ уваженію и почитанію правъ другихъ. Обязательство дѣлать другимъ добро онъ не считаетъ непреложнымъ. Такимъ образомъ долгъ справедливости онъ ставитъ выше доброты; равно какъ и при борьбѣ со вмѣшательствомъ «наклонностей» въ понятіе долга онъ низко цѣнитъ мораль состраданія; не доброе сердце, полное чувство, но характеръ, преисполненный идеей долга, долженъ быть, по его мнѣнію, цѣлью воспитанія. Его случайныя методологическія замѣчанія отвергаютъ механическій методъ катихизиса при моральномъ обученіи юношества: послѣднему скорѣе мѣсто при преподаваніи основанной на откровеніи, значитъ — исторически изучаемой, религіи. При обученіи же нравственности слѣдуетъ гораздо болѣе извлекать изъ ребенка выводы разума, чѣмъ ихъ вносить отъ себя. Кто хочетъ заложить основу нравственности, тотъ не долженъ наказывать. Нравственность столь свята и возвышенна, что ее нельзя унижать, ставя на одинъ уровень съ дисциплиной. Особенно непригодны тѣлесныя наказанія; допустимы только моральныя наказанія (лишеніе ребенка удовлетворенія склонности быть любимымъ и уважаемымъ). Надежда и страхъ (награда и наказаніе) дадутъ въ результатѣ лишь рабство и узкое торгашеское направленіе ума.

Конечно, держась въ границахъ своей глубокорелигіозной натуры, воззрѣній своей эпохи и въ предѣлахъ доступной ему преподавательской свободы, Кантъ открыто обра-

щалъ вліяніе догматически — вѣроисповѣдно - церковнаго ученія на развитіе нравственности въ юношахъ; да и во всей своей философской системѣ онъ предоставилъ религіи лишь роль практическаго придатка къ морали, такъ сказать, «прикладной этики», принимая Бога только какъ созданнаго человѣческой потребностью (но не человѣческой нравственностью) распредѣлителя блаженства по заслугамъ. Поэтому и въ педагогикѣ онъ принципіально отклоняетъ всякое преждевременное навязываніе дѣтямъ религіозныхъ идей, тѣмъ болѣе, что его система морали не знаетъ никакихъ обязанностей къ Богу. «Если бы возможно было, чтобы дѣти не видѣли никакихъ внѣшнихъ выраженій преклоненія передъ высшимъ существомъ и даже никогда не слышали бы имени Божія, конечно, было бы признано соотвѣтствующимъ порядку вещей направить ихъ сначала къ распознаванію цѣлей и всего того, что подобаетъ человѣку, изощрить ихъ разсудокъ, выяснить имъ порядокъ и красоту твореній природы, затѣмъ прибавить сюда болѣе широкое познаніе мірозданія, и только послѣ всего этого открыть имъ понятіе о высшемъ существѣ, о законодателѣ міра». Единственно потому, что среди конфессіонально-организованнаго общества такая обособленность воспитанниковъ «по теперешнему нашему положенію невозможна», онъ допускаетъ нѣкоторое преподаваніе религіи, которое, разумѣется, не должно опираться «единственно на память, простую «подражательность и всяческое обезьянство».

Понятіе о Богѣ можно выяснить при помощи понятія объ отцѣ, и религія никогда не должна быть понимаема, «какъ домогательство благосклонности», а всегда — какъ «нравственный законъ самъ по себѣ, поскольку онъ становится обязательнѣе для насъ вслѣдствіе мысли о наличности Законодателя и Судьи». Такая вѣра, которая основывается на одномъ богословіи, внушитъ только «страхъ съ одной стороны и корыстныя намѣренія и расчеты — съ другой; въ результатѣ получится суевѣрный культъ». Заставлять дѣтей задалбливать молитвы не ведетъ къ добру и внущаетъ только извращенное понятіе о набожности. Въ заключеніе Кантъ говоритъ: «итакъ, нужно дать дѣтямъ понятіе о высшемъ существѣ, чтобы они, видя, какъ другіе молятся и т. п., знали, къ кому и за чѣмъ

люди обращаются». Совершенно ясно, что для достиженія такой чисто опортюнистической цѣли совершенно достаточно преподаванія исторіи религіи, а не догматовъ въ формулировкѣ того или другого вѣроисповѣданія.

Здѣсь не мѣсто подробнѣе распространяться о томъ, какъ въ теченіе вѣка разныя событія, патріотическій и религіозный подъемъ войнъ за освобожденіе, поэтическая, а вскорѣ и философская романтика оттѣснили на задній планъ идеи Канта, хотя именно его нравственно-религіозное воззрѣніе вполнѣ соотвѣтствовало потребностямъ его времени. Достаточно сказать, что только Гербартъ вернулся въ области педагогики къ вышеприведеннымъ мыслямъ Канта. Измѣнивъ его чисто морализирующее пониманіе сущности религіи отчасти при помощи Шлейермахеровой религіи чувства и, значитъ, во всякомъ случаѣ удержавши религію въ качествѣ дополненія нравственности, но сдѣлавши нравственность мѣриломъ религіи, онъ и въ педагогикѣ явился продолжателемъ прерваннаго.

Затѣмъ, вмѣстѣ съ подъемомъ естествовѣдѣнія и техники нахлынула позитивно-матеріалистическая волна, которая, наконецъ, разбилась о лозунгъ ново-кантіанскаго идеализма: «назадъ къ Канту». Сдѣдовательно должно было пройти почти столѣтіе, прежде чѣмъ воскресла идея о рѣзкомъ отграниченіи этическаго обученія юношества отъ вѣроисповѣднаго преподаванія религіи, — отграниченіе, по существу своему ведущее происхожденіе именно отъ кенигсбергскаго учителя. Желаніе прослѣдить дальнѣйшую разработку этой идеи въ трудахъ современныхъ этиковъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Назову только проф. Іодля (Вѣна), А. Деринга (Берлинъ), Вил. Форстера (Берлинъ), Гаральда Гефдинга (Копенгагенъ), Гижицкаго (Берлинъ), Наторпа (Марбургъ), Тоенниса (Киль), Липпса (Мюнхенъ) и др. Импульсъ къ практическому осуществленію въ воспитаніи обученія юношества этикѣ пошелъ изъ Америки, гдѣ въ 1881 году проф. Феликсъ Адлеръ въ Нью-Іоркѣ, пламенный сторонникъ кантовской философіи, основалъ первое общество «Этической культуры» и ежегодно посѣщаемую нѣсколькими сотнями дѣтей этическую школу, гдѣ вмѣсто какого-либо вѣроисповѣднаго преподаванія Закона

Божія даются систематическія наставленія въ нравственности по учебнику, составленному основателемъ *).

Изъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ во всѣхъ большихъ центрахъ возникли подобныя общества, движеніе перешло и въ Старый Свѣтъ: прежде всего въ Англію, гдѣ насчитываютъ теперь (1906 г.) больше 40 этическихъ обществъ, а въ 1892 — въ Германію, какъ протестъ противъ предложеннаго фонъ-Цедлицомъ реакціоннаго законопроекта; здѣсь, рядомъ съ берлинскимъ центральнымъ обществомъ, возникло болѣе дюжины отдѣленій. Въ томъ же году образовалось французское Union pour l'action morale въ Парижѣ. Въ 1894 году примѣру послѣдовала Австрія, въ 1895 г. — Италія, въ 1896 г. — Швейцарія. Даже въ Новой Зеландіи, въ Индіи, Трансваалѣ, Японіи есть свои этическія общества. Въ Японіи еще въ 1868 г. съ вытѣсненіемъ китайскаго вліянія всѣ публичныя школы были изъяты ото всякаго соприкосновенія съ жрецами, и въ нихъ введено было преподаваніе нравственности. Во Франціи тотъ же рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ еще въ 1882 г., можетъ быть, черезчуръ поспѣшно; но съ тѣхъ поръ и тамъ преподаваніе этики юношеству освободилось отъ большинства первоначальныхъ несовершенствъ, стало зрѣлѣе и гораздо глубже.

Такъ какъ у каждаго народа глубочайшія тайны народной души отражаются именно въ его воспитательной системѣ, то и преподаваніе этики всюду приняло форму, соотвѣтствующую національнымъ потребностямъ и способностямъ. Въ Японіи, напримѣръ, при культѣ предковъ и безусловной преданности каждаго своему государю, оно стало существенно альтруистичнымъ; въ Америкѣ оно превратилось въ практическое воспитаніе внутренней и внѣшней самодѣятельности, въ Англіи оно явилось желательнымъ дополненіемъ къ преподаванію Закона Божія, а потомъ, пожалуй, и замѣнитъ послѣднее. Романскій духъ пользуется имъ, какъ орудіемъ противъ клерикализма и для развитія республиканско-гражданскихъ доблестей; къ этому въ Италіи присоединяется сильная струя соціальнаго реформаторства. Въ Германіи преобладаетъ примыкающій къ луч-

*) „Преподаваніе дѣтямъ нравственности“ пер. на нѣм. яз. Г. Гижицкій. Берлинъ. 1894 г.

шимъ традиціямъ классицизма въ нашей литературѣ идеалъ гуманнаго воспитанія въ человѣкѣ космополитической цѣльности безъ пренебреженія другими сторонами (соціальной). Существенной частью работы нѣмецкаго духа въ этой сферѣ, рядомъ съ естественнымъ стремленіемъ къ распространенію и съ защитою школъ отъ бюрократически-реакціонной опеки, было созданіе цѣнной педагогической литературы по занимающему насъ вопросу. Лишь недавно, подъ возрастающимъ давленіемъ правительства, пожалуй, слишкомъ уступчиваго передъ силою прошедшаго, возникла въ Германіи «Лига свѣтской школы и преподаванія нравственности», имѣющая себѣ предшественниковъ въ учительскихъ кружкахъ Бремена, Лейпцига, Гамбурга и т. д., а еще ранѣе — въ Англіи и Франціи, и поставившая себѣ цѣлью политическое освобожденіе публичнаго воспитанія отъ вліянія церкви вмѣстѣ съ внутреннимъ преобразованіемъ всего «воспитанія убѣжденій».

2. Цѣль и методъ преподаванія этики юношеству.

Сообразно притязанію этики на универсальное значеніе для всѣхъ людей, которое она дѣлитъ съ логикой, цѣль этическаго воспитанія можетъ быть лишь только общая, т.-е. воспитаніе нравственно-цѣлостнаго человѣка, такъ же какъ воспитаніе и вообще, состоитъ въ преднамѣренномъ и планомѣрномъ руководствѣ развитіемъ тѣла, духа (обнимающаго разсудокъ, разумъ, душу, воображеніе и память) и воли ребенка. Всѣ частныя цѣли воспитанія, индивидуальныя, равно какъ и національныя, соціально-политическія и вѣроисповѣдныя, должны, не теряя своей самостоятельности и своихъ частныхъ правъ, подчиниться идеалу человѣчности. Правда, иногда вопросы вѣроисповѣданія, да и національные, заявляютъ притязаніе на универсальное значеніе или, по крайней мѣрѣ, на преимущественную важность своихъ цѣлей. Античный міръ воспитывалъ гражданъ, средневѣковье—христіанъ, отдѣльныя національности—добрыхъ нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и т. д., не говоря уже объ идеалахъ профессіональныхъ и сословныхъ; но ясно, что подчеркиваніе различій расовыхъ, народныхъ и вѣроисповѣдныхъ никакъ не можетъ привести къ цѣлостности человѣческаго воспитанія. Эту цѣлостность можно

найти лишь въ наукахъ и нормахъ человѣческаго мышленія, чувствованія и дѣйствованія.

Итакъ, преподаваніе нравственности юношеству хотя и можетъ принимать въ расчетъ національныя, вѣроисповѣдныя, политическія, соціальныя и личныя желанія воспитывающихъ, напр.: дитя должно имѣть возможность стать добрымъ нѣмцемъ (французомъ и т. д.), католикомъ (протестантомъ и т. д.), подданнымъ (республиканцемъ и т. д.), работникомъ (купцомъ и т. д.), потомкомъ опредѣленной семьи; но прежде всего оно должно сдѣлаться при всемъ томъ нравственно-цѣлостнымъ человѣкомъ (личностью). Такъ этически-воспитательный идеалъ превосходитъ значеніемъ всѣ остальные, заключая ихъ въ себѣ и дополняя ихъ.

Затѣмъ, обученіе нравственности, какъ и нравственное воспитаніе, должно происходить планомѣрно и систематично, а не произвольно и случайно. Кто видитъ въ морали не случайное собраніе практическихъ жизненныхъ правилъ и хорошихъ или дурныхъ обычаевъ, мѣняющихся сообразно времени и мѣсту, а считаетъ этику строго научною дисциплиною, тотъ долженъ требовать, чтобы нравственная культура, выработанная человѣчествомъ на его долгомъ пути отъ звѣрства къ человѣчности, передавалась новому поколѣнію кратчайшимъ способомъ. Такой человѣкъ потребуетъ особаго преподаванія нравственности, приспособленнаго какъ къ способностямъ ребенка, такъ и къ особымъ свойствамъ предмета.

Хотя несомнѣнно то, что нравственныя представленія и понятія людей всегда были связаны съ ихъ религіозными и философскими воззрѣніями, постоянно составляя истинно цѣнное ядро всѣхъ такихъ попытокъ объяснить себѣ устройство вселенной, однако необходимо требовать, чтобы этика преподавалась независимо отъ всякихъ религіозныхъ и метафизическихъ гипотезъ. Связь съ послѣдними оказывается всегда непрочною, по недостовѣрности человѣческаго познанія и при неполнотѣ нашихъ знаній объ истинѣ; а естественное различіе силы разума и религіозныхъ или метафизическихъ потребностей у разныхъ людей превращаетъ ее въ зерно раздора, враждебное единенію между людьми. Правда, изъ религіи и фило-

софіи можетъ проистекать серьезная нравственность, отдѣльное лицо можетъ находить даже въ нихъ сильнѣйшіе мотивы для проявленія своей воли, однако для человѣческаго коллектива предпочтительно выводить нравственность общихъ для всѣхъ основъ человѣческой природы (психологически) и изъ условій общественной жизни (соціально), а не изъ какой-либо религіозной или метафизической предпосылки. Еще длящійся научный споръ о теоретическихъ принципахъ этики точно такъ же не можетъ помѣшать развитію плодотворной педагогической практики, какъ не мѣшаютъ преподаванію споры объ основахъ почти всѣхъ прочихъ наукъ и даже самого богословія (это относится къ возраженіямъ ново-гербартьянцевъ, какъ проф. Рейнъ и др.).

Въ связи съ этимъ отдѣльные ученые (напр., Феликсъ Адлеръ) вообще исключаютъ вопросъ о моральной санкціи (т.-е. объ основаніяхъ ея обязательности для отдѣльнаго лица) изъ преподаванія нравственности юношеству; другіе (напр., Дёрингъ) остаются на чисто психологической почвѣ и видятъ поводъ къ нравственнымъ рѣшеніямъ въ духовной потребности самоуваженія или привлекаютъ, какъ вспомогательное средство, живой интересъ ребенка къ примѣненію его силы (Форстеръ); еще другіе (какъ Наторпъ, Бергеманъ, Пенцигъ) ставятъ соціальную санкцію (включеніе индивидуума въ жизнь общества) на мѣсто религіознаго обязательства. Въ выборѣ и расположеніи матеріала для преподаванія этики юношеству, несмотря на все разнообразіе и различіе точекъ зрѣнія (въ зависимости отъ той или иной философской и психологической системы, положенной въ основу), мы все-таки находимъ вездѣ кое-что общее. Вездѣ преобладаетъ представленіе о жизни, какъ о долгѣ (не какъ о цѣнности и добродѣтели). Единогласно исключаются изъ чисто-человѣческой естественной нравственности «обязанности къ Богу», разумѣется, не въ смыслѣ догматически-свободомысленнаго отрицанія всѣхъ отношеній личности къ высшему существу (напротивъ, религія всѣми признается за самое интимное дѣло сердца и совѣсти каждаго; а церковное исповѣданіе, какъ частное дѣло религіозныхъ общинъ, защищается почтеніемъ къ господству религіозной

свободы), а только потому, что права и обязанности могутъ существовать лишь между равными членами общества. Обязанности къ самому себѣ по большей части трактуются въ видѣ нѣкоторой пропедевтики къ настоящей этикѣ или какъ косвенныя обязанности, вытекающія изъ трудоспособности (Дёрингъ); обязанности къ другимъ располагаются по категоріямъ справедливости, доброты, профессіональнаго долга и мудрости (Дёрингъ) или группируются концентрическими кругами вокругъ Я, смотря по объекту обязанности (Пенцингъ); или, наконецъ, располагаются опредѣленными рядами на основаніи индивидуально-педагогической (у Форстера) или соціально-педагогической (у Наторпа) отправной точки зрѣнія.

Настоящему обученію, обращенному главнымъ образомъ къ уму ребенка и потому требующему возраста болѣе зрѣлаго (обыкновенно отъ 12 лѣтъ и старше), всѣ предпосылаютъ наглядное обученіе этикѣ. Въ первые годы жизни нравственное воспитаніе, дѣйствуя прямымъ давленіемъ на дѣтскую волю, состоитъ въ пріученіи къ порядку, правильности, послушанію, дисциплинѣ и вліяетъ при помощи примѣра. Съ развитіемъ способности говорить постепенно развивается и умъ; тогда можно приступить къ созиданію понятія о нравственности при помощи совсѣмъ простыхъ разсказовъ и картинъ, не выходящихъ изъ круга дѣтскихъ понятій: такимъ образомъ, до нѣкоторой степени инстинктивно и при помощи внушенія, передаются уживчивость, осужденіе зависти, мягкость къ животнымъ, преодолѣніе страсти къ лакомствамъ, справедливость, правдивость и т. п. Сердечность и воображеніе получаютъ пищу въ сказкахъ, басняхъ, легендахъ, а также и въ разсказахъ изъ міра дѣйствительности. Съ поступленіемъ въ школу чтеніе, стихи, а потомъ исторія (не исключается и искусная этическая обработка разсказовъ изъ Библіи) и естествовѣдѣніе поступаютъ на службу къ преподаванію нравственности, хотя еще и безсистемно. Съ одиннадцатаго или двѣнадцатаго года жизни слѣдуетъ посвящать по меньшей мѣрѣ часъ въ недѣлю введенію дѣтей въ общественную нравственность, въ міръ отношеній человѣка къ человѣку. О морали при этомъ нѣтъ нужды упоминать. Напротивъ, тутъ съ помощью технологіи, естествовѣдѣнія,

соціологіи и почтительно примыкая къ міру думъ и фантазій нашихъ предковъ, надо развить въ ребенкѣ умѣніе распознавать взаимную обусловленность всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, видѣть, какъ многимъ мы обязаны другимъ и какъ безпредѣльно бываетъ дѣйствіе каждой нравственной или безнравственной силы. «Какой живой интересъ возбуждаетъ въ дѣтяхъ», говоритъ Форстеръ, «разсказъ хотя бы о сѣрной спичкѣ, если при этомъ упомянуть о работѣ дѣтей въ сициліанскихъ сѣрныхъ копяхъ; или исторія ихъ одежды, если описать добываніе и обработку хлопка вмѣстѣ съ чудесами и страданіями вѣка машинъ. Если такимъ образомъ въ наглядныхъ картинахъ выяснить дѣтямъ соціальное и техническое происхожденіе всего, что поддерживаетъ и украшаетъ нашу жизнь, то матеріала хватитъ на цѣлый годъ. Задача истинно современнаго воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобы вызвать въ подросткахъ сочувствіе къ направленію нашего культурнаго развитія, чтобы научить ихъ понимать окружающіе факты, — вмѣсто того, чтобы заполнять ихъ фантазію Палестиною, Элладою и Римомъ и давать ей такое направленіе, которое, безъ сомнѣнія, оказалось бы общеполезнымъ во времена Пуническихъ войнъ, но въ эпоху мірового хозяйства должно повести къ трагическому конфликту съ дѣйствительностью».

Параллельно съ этимъ введеніемъ въ жизнь современную должно итти приноровленное къ степени образованія воспитанника ознакомленіе его съ міромъ мысли и фантазіи прошлаго, т.-е. строго объективное преподаваніе исторіи религіи, которое почтительно и точно, но безъ проповѣданія какихъ-либо «спасительныхъ истинъ» должно приблизить къ пониманію юноши все культурно цѣнное изъ религіозныхъ и художественныхъ переживаній человѣчества.

Лишь около 14-тилѣтняго возраста (значитъ, для учениковъ народныхъ школъ развѣ только въ школѣ повышеннаго типа) можетъ начаться сознательное развитіе нравственныхъ воззрѣній въ видѣ представленій, понятій и наконецъ идеала, т.-е. обученіе нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, которое также можно назвать наукою о жизни и гражданственности. Здѣсь тоже надо не давать никакихъ готовыхъ нравственныхъ критеріевъ или даже авторитетныхъ заповѣдей, а приводить юношей къ откры-

тію нравственности въ самихъ себѣ и къ наблюденію за ея живымъ развитіемъ, ни въ какомъ случаѣ еще незаконченномъ.

Какъ на урокахъ естествовѣдѣнія въ наше время утомительное описаніе предметовъ и ихъ мѣстъ въ той или иной системѣ всюду замѣнено личнымъ наблюденіемъ надъ живыми процессами возникновенія, т.-е. систематика уступила мѣсто біологіи, и такъ какъ современная педагогика вообще ставитъ производительное сотрудничество ученика много выше простого воспріятія воспитанниковъ передаваемыхъ учителемъ фактовъ, то и введеніе въ науку о природѣ и культурѣ человѣческой нравственности должно быть свободно ото всяческихъ педантическихъ формулъ и ото всякой догматики въ области нравственности. Задача учителя состоитъ единственно въ томъ, чтобы искуснымъ изложеніемъ матеріала и правильной постановкой вопросовъ пробудить въ воспитанникахъ интересъ къ обсужденію собственныхъ и чужихъ поступковъ съ точки зрѣнія нравственности. При этомъ часто не обойдется и безъ критики; тактичный учитель, обладающій хорошими свѣдѣніями по исторіи культуры и вообще научно образованный, легко сумѣетъ указать правильный путь между юношеской склонностью критиковать, слишкомъ легко впадая въ отрицаніе всего установленнаго, и боязливымъ консерватизмомъ. Относясь съ почтеніемъ къ жизненной мудрости предковъ, заключенной въ обусловленныхъ эпохою и національностью воззрѣніяхъ на обычаи, мораль и право, признавая даже ея авторитетную силу, онъ однако не долженъ забывать, что критеріи нравственности тоже не остаются неизмѣнными, а, какъ мы надѣемся, мѣняются къ лучшему вмѣстѣ съ прогрессомъ культуры и при дѣятельномъ сотрудничествѣ каждаго новаго поколѣнія.

Съ полной силой и увѣренностью въ цѣли наша эпоха стремится создать нравственнаго человѣка. Этого требуетъ она отъ воспитанія и школы и тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ сильнѣе становится сознаніе недостаточности религіозной этики, если не для искренно вѣрующаго индивидуума, то для нравственнаго устройства жизни общества. Мы желаемъ, чтобы наше юношество, чувствуя себя какъ дома въ мірѣ, познанномъ наукою (какъ бы полно

пробѣловъ ни было это познаніе), не тратило своихъ силъ на безплодныя попытки примирить знаніе съ вѣрою; чтобы, не теряя изъ виду индивидуалистической цѣли «спасенія души», оно серьезно относилось къ мысли прожить съ пользою для человѣческаго общества; чтобы цѣнность личности (въ сущности несоизмѣримую ни съ чѣмъ) оно мѣрило не мистическою надеждою на безсмертіе, а пригодностью къ возведенію человѣческаго рода на болѣе высокую ступень совершенства.

Идеалъ гуманности съ его высокою оцѣнкою личности вполнѣ земной и стремящейся къ нравственной гармоніи со всѣмъ человѣчествомъ мало-по-малу вытѣсняетъ старинный идеалъ, какъ послѣдній уже вытѣснилъ еврейское понятіе о рабствѣ Богу и античный идеалъ національнаго гражданства.

Повсемѣстное введеніе преподаванія этики въ публичныхъ школахъ рядомъ съ необязательнымъ вѣроисповѣднымъ преподаваніемъ религіи, какъ наприм., въ Англіи, или вмѣсто таковаго, какъ во Франціи, Америкѣ, Италіи и т. д., разумѣется, предполагаетъ кромѣ политической свободы государственной школы отъ вліянія церкви еще болѣе обширную и основательную подготовку учителей къ этой не вполнѣ новой, однако доселѣ еще недостаточно разработанной задачѣ чисто свѣтскаго воспитанія и школы.

Соціальное воспитаніе ребенка.

Адели Шрейберъ.

Несчетное количество разъ читали мы въ трудахъ о воспитаніи, педагогическихъ статьяхъ и журналахъ: цѣль всякаго воспитанія «сдѣлать ребенка полезнымъ сочленомъ человѣческаго общества, хорошимъ гражданиномъ государства». Простою и само собою понятною кажется эта заповѣдь на первый взглядъ; но для того, кто беретъ на себя трудъ не только усвоить предписаніе, а и поразмыслить о его дѣйствительной осуществимости, возникаетъ проблема, при разрѣшеніи которой встрѣчаются безчисленныя противорѣчія, трудности и осложненія. Люди поверхностные полагали достаточно часто и долго, что всякій, кто не грѣшитъ противъ полиціи и законовъ, не крадетъ, такъ сказать, серебряныхъ ложекъ, слѣдовательно — не вредитъ, уже полезенъ. Вѣрили, что при помощи муштровки и шаблона, путемъ внѣдренія опредѣленныхъ правилъ приличія можно воспитать наиболѣе однообразную породу дѣтей, а слѣдовательно и легко приспособляющихся къ обществу «полезныхъ» его членовъ. Великіе педагоги и мыслители, конечно, во всѣ времена признавали высочайшее и тончайшее развитіе индивидуальности за истинную основу также и пользы общественной, за нѣчто выгодное въ соціальномъ отношеніи и необходимое для культурнаго прогресса. Соціальное воспитаніе должно помочь подрастающему поколѣнію объединять свои личные интересы съ интересами общественнаго цѣлаго, установить гармонію между обязанностями къ себѣ самому и обязанностями къ другимъ, между эгоизмомъ и альтруизмомъ. Оно должно показать, какъ себялюбіе, которое живетъ во всѣхъ насъ, можетъ быть преобразовано, чтобы изъ вреднаго — стать полезнымъ инстинктомъ. Оно должно уже съ ранняго возраста научить юношество расти, какъ «служебный членъ цѣлаго», исполненный хотя скромнымъ, но въ то же время гордымъ сознаніемъ, что всякій живу-

щій является носителемъ крошечной частицы міровой души и творческой силы, отвѣтственнымъ управителемъ, обязаннымъ наилучше использовать ему довѣренное.

Соціальный моментъ выступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣка къ его ближнимъ; поэтому воздѣйствіе, направленное на развитіе здоровыхъ соціальныхъ воззрѣній у ребенка, оказываетъ существенное вліяніе на всѣ области воспитанія. Вотъ почему во многихъ главахъ этой книги излагается болѣе или менѣе подробно соціальная проблема воспитанія *), особое же вниманіе удѣлено ей въ статьяхъ, касающихся общаго воспитанія характера, школы и дома, воспитательныхъ учрежденій, религіознаго и нравственнаго воспитанія. Какъ разъ въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ многое вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что здѣсь слѣдовало бы сказать о соціальномъ воспитаніи, потому что соціальное чувство есть въ то же время религія, или, если угодно, этика, соціальное поведеніе есть прикладная религія, или прикладная этика. Какъ нельзя научить или научиться истинной религіи на опредѣленныхъ для этого урокахъ, какъ религія не является отдѣльнымъ придаткомъ нашего существованія, а должна быть понята въ смыслѣ словъ Морица Эгиди: «Религія не рядомъ съ жизнью: сама наша жизнь — религія», такъ же недопустимо видѣть въ пробужденіи соціальнаго мышленія особую научную дисциплину, которая можетъ преподаваться отдѣльно.

Причастность еще маленькаго ребенка къ соціальному чувству наступаетъ съ момента, когда маленькому существу впервые становится ясно, что нужно думать не только объ удовлетвореніи своихъ личныхъ инстинктовъ, но и благополучіи и радости другихъ. И почти каждое дитя совсѣмъ забываетъ себя въ проявленіяхъ альтруизма; первый добровольно подаренный кусокъ пирожнаго или игрушка, первое усиліе помочь другому въ работѣ — вѣдь это въ то же время первыя проявленія соціальнаго чувства и дѣйствованія. Въ раннемъ возрастѣ рѣдки случаи соприкосновенія съ чужими людьми, а потому, естественно, дѣти огра-

*) Кромѣ вышеупомянутыхъ, особенно рекомендуемъ еще слѣдующія главы: Воспитаніе въ раннемъ дѣтствѣ, Преподаваніе ручного труда, Сущность народной школы, Цѣнность практическаго труда.

ничиваются непосредственно окружающими ихъ лицами; но стремленія соціальнаго воспитанія должны направляться къ тому, чтобы желаніе жертвовать и готовность помочь у подрастающаго юношества не ограничивались узкими рамками семьи и чтобы исподволь ему стало ясно, что человѣкъ, великодушно думающій, относится съ участіемъ и оказываетъ попеченіе всѣмъ ближнимъ, поскольку они въ этомъ нуждаются.

Уже игры ранняго дѣтства даютъ достаточно случаевъ укрѣпить первые ростки соціальныхъ чувствъ и побороть антисоціальныя склонности. Тамъ, гдѣ вмѣстѣ играетъ большое количество дѣтей, малыши взаимно оказываютъ другъ на друга наилучшее воспитательное вліяніе. Часто это не обходится безъ жестокой, но полезной борьбы, когда кто-нибудь изъ дѣтей ни за что не хочетъ уступить другимъ опредѣленной игрушки, или когда хочетъ получить большую долю лакомствъ или съѣстного, чѣмъ ему слѣдуетъ. Конечно, ужъ и здѣсь часто встрѣчаются маленькіе властолюбцы, которые отстаиваютъ свое положеніе тирана въ общемъ кругу товарищей ихъ игръ, и запуганные нѣженки, которые всегда стоятъ въ сторонѣ и всегда остаются въ убыткѣ. У дѣтей нѣтъ недостатка въ природномъ довольно явственномъ чувствѣ справедливости; но оно бываетъ своеобразно и можетъ итти рука объ руку съ кажущимися упрямствомъ, жестокостью и грубостью, съ видимой несправедливостью, вытекающей изъ непониманія. Слѣдовательно, дѣло воспитанія—направить на вѣрный путь существующее стремленіе, сдѣлать болѣе сильныхъ защитниками слабыхъ, пробудить радость даванія, научить понимать справедливость словъ:

«Доставляй другимъ радость и ты поймешь, что радость радуетъ».

Иногда приходится наблюдать, что слишкомъ трусливыя матери заточаютъ ребенка въ одинокой дѣтской; это большой вредъ для подрастающаго человѣка, который, вѣдь, впослѣдствіи долженъ будетъ войти въ жизнь общества. Дитя, выросшее безъ братьевъ и сестеръ, безъ товарищей игръ, бываетъ, большей частью, преждевременно зрѣлымъ и печальнымъ. Впрочемъ, дитя дошкольнаго возраста въ общемъ еще мало способно размышлять о раз-

ныхъ степеняхъ богатства, образованія, сословій и происхожденія, которыя мы называемъ соціальными различіями, и, если желательно, чтобы дѣти даже въ раннемъ возрастѣ не вращались исключительно среди людей своего класса, но также познакомились бы со своими сверстниками и со взрослыми различныхъ слоевъ общества, то все же опасность такого отчужденія обнаруживается лишь въ болѣе поздніе годы. Дитя, вполнѣ наивно и естественно чувствующее, еще не знаетъ чванства, не понимаетъ еще значенія денегъ, разстоянія между богатымъ и бѣднымъ. Нѣсколько блестящихъ пфенниговъ—для него цѣлое состояніе; няня владѣетъ всѣмъ его сердцемъ, и перемѣна служанки можетъ причинить сильнѣйшее горе этому сердцу. Солдатъ въ блестящей формѣ для ребенка гораздо привлекательнѣе, чѣмъ генералъ въ штатскомъ; императоръ для него — сказочный образъ въ горностаевой мантіи и золотой коронѣ, и дѣйствительный видъ монарха, глядящаго простымъ человѣкомъ, вызываетъ въ немъ горькое разочарованіе. Настоящая страсть овладѣваетъ дѣтьми, когда имъ случается смотрѣть на трудъ рабочихъ и ремесленниковъ; городское дитя ликуетъ, когда оно можетъ въ деревнѣ побывать съ работниками въ конюшнѣ; оно завидуетъ крестьянскимъ ребятишкамъ, которые могутъ ходить босикомъ; его чувство дружбы не спрашиваетъ еще, достойны ли избранный или избранная имъ его общества, и часто необъяснимый для взрослыхъ инстинктъ руководитъ симпатіями или антипатіями ребенка. Иногда удивленно качаютъ головой и не понимаютъ, почему мальчикъ или дѣвочка, напримѣръ, нѣжно цѣлуетъ неопрятную, старую морщинистую работницу, радостно встрѣчаетъ почталіона, но съ настоящимъ ужасомъ отказывается даже подать ручку той или иной пріятельницѣ семьи.

Лишь мало-по-малу, благодаря вліянію того, что ребенокъ ежедневно видитъ и слышитъ вокругъ себя, помрачается чистота дѣтской мысли, и мы насаждаемъ въ саду дѣтской души всевозможныя плевелы предразсудковъ, сословнаго чванства, кастовой, классовой и расовой недоброжелательности, которые въ исторіи человѣчества размножаются подобно ядовитымъ растеніямъ. Обыкновенно, съ началомъ посѣщенія школы, ребенокъ начинаетъ дѣлать

новыя наблюденія, его горизонтъ расширяется за предѣлы родного дома, ежедневная жизнь, какъ и заучиваемый и прочитанный матеріалъ доступныхъ ему теперь книгъ, даютъ поводъ къ соціальнымъ размышленіямъ. Если ребенокъ посѣщаетъ народную школу, онъ уже рано видитъ противоположности, которыя обусловливаются имущественнымъ положеніемъ родителей. Въ лицѣ его бѣдно одѣтыхъ, часто голодающихъ товарищей по классу въ первый разъ, быть можетъ, встаетъ передъ его глазами бѣдность, и едва ли найдется умственно и душевно нормально развитое дитя, въ которомъ это не возбудило бы массы вопросовъ, которое самостоятельно не дошло бы до сознанія несправедливости и жестокости, заключенныхъ въ рѣзкихъ контрастахъ жизни. И едва дитя начинаетъ спрашивать, докапываться, думать, какъ ужъ того, кто ему хочетъ честно отвѣтить, одолѣваютъ конфликты съ совѣстью и противорѣчія, которые лишь возрастаютъ по мѣрѣ усиливающейся зрѣлости ребенка.

Являются безчисленныя «почему», на которыя мы и сами не знаемъ отвѣта, или не можемъ его дать, не поколебавъ вѣры ребенка въ справедливость Провидѣнія, въ заслуженную награду и заслуженную кару, въ предусмотрительность и разумъ взрослыхъ! Вѣдь передъ ребенкомъ уже въ школѣ разыгрываются трагедіи другихъ дѣтей; онъ знакомится съ товарищами, которые гибнутъ отъ работы за кусокъ хлѣба; онъ необдуманно заражается пренебреженіемъ, которое часто выказываютъ иновѣрцамъ, презрѣніемъ, которое преслѣдуетъ невинное незаконнорожденное дитя. Мы не въ состояніи дать удовлетворительнаго объясненія на вопросъ «почему» о богатомъ и бѣдномъ, мы можемъ и даже должны научить ребенка, что вѣроисповѣданія суть лишь различныя формы, въ которыя облекается человѣческая вѣра, что всѣ люди одинаково почтенны, если только стремятся къ добру, каково бы ни было ихъ вѣрованіе; но мы знаемъ, что этимъ объясненіямъ будутъ противопоставлены столь многочисленныя вліянія господствующихъ узкихъ убѣжденій «объ единой истинной религіи» и что исторія покажетъ ребенку, какіе ужасы неустанно совершаются во имя религіи и любви къ Богу. Мы можемъ стараться пробудить въ молодыхъ сердцахъ преклоненіе пе-

редъ великими рыцарями духа въ исторіи; но намъ не уйти отъ того факта, что почти всѣ, кто прокладываетъ новые пути и тѣмъ заслужилъ наше восхищеніе, были въ глазахъ современниковъ мятежниками, развратителями народа, преступниками, — а также, что великихъ основателей религій и реформаторовъ, благоговѣйно чтимыхъ послѣдователями ихъ вѣроисповѣданія, иновѣрцы до сихъ поръ почитаютъ за великихъ грѣшниковъ и еретиковъ.

На урокахъ Закона Божія, въ церкви, въ нравственныхъ наставленіяхъ учатъ любви къ врагамъ, миролюбію, какъ добродѣтели, а убійство освѣщаютъ, какъ тяжкій грѣхъ; но съ другой стороны ребенка воспламеняютъ военными подвигами, воспитываютъ въ немъ преклоненіе передъ оружіемъ, войной и военными, которое и нынѣ еще считается «патріотическимъ».

Если мы хотимъ дать соціальное воспитаніе, то мы постараемся пробудить въ ребенкѣ состраданіе къ страждущимъ и нуждающимся; но и здѣсь, при переходѣ отъ теоріи къ практикѣ, мы сталкиваемся съ немалыми затрудненіями. Мнѣ разсказывали исторію объ одной маленькой дѣвочкѣ, которая пришла домой въ блаженномъ настроеніи, безъ платьица, подаривъ его по дорогѣ, какъ это сдѣлалъ ребенокъ въ одной прекрасной сказкѣ. И когда малюткѣ стали читать наставленіе, она сказала простосердечно: «Вѣдь у меня, мамочка, еще такъ много другихъ платьевъ!» Разумѣется, дитя не можетъ соразмѣрить, кому оно должно дать, гдѣ передъ нимъ правда и гдѣ ложь, и даже, благодаря довѣрчивому состраданію, оно можетъ попасть въ бѣду. Но все же горько, что приходится ужъ въ дѣтской душѣ сѣять недовѣріе къ ближнимъ и отнимать у нея любовь, которою она, безъ разбора, иногда обнимаетъ весь міръ. Къ дальнѣйшему конфликту съ самими собой насъ приводитъ вопросъ, въ какой мѣрѣ мы можемъ позволить ребенку заглянуть въ область соціальной нужды, потому что царство ребенка должно быть ясно и мы не хотѣли бы омрачать его слишкомъ рано міровою скорбью, а сознаніе окружающаго насъ страданія отнимаетъ у нѣжно организованной души значительную часть жизнерадостности и способности наслаждаться. Мы хотѣли бы имѣть сострадательныхъ, но не грустныхъ дѣтей; но вѣдь трудно до-

стигнуть одного и избѣжать другого, особенно у болѣе взрослыхъ и тоньше организованныхъ дѣтей. Даже въ отношеніи къ міру животныхъ мы приходимъ къ своеобразнымъ конфликтамъ. Любовь, которую мы стараемся пробудить въ ребенкѣ даже къ самымъ незамѣтнымъ существамъ, товарищеское обращеніе дѣтей съ домашними животными трудно совмѣстить съ умерщвленіемъ послѣднихъ для цѣлей питанія, а еще труднѣе — съ охотой. Конечно, ребенокъ всего менѣе размышляетъ о происхожденіи предлагаемой ему пищи; такимъ образомъ онъ избавляется отъ внутренней борьбы, которая возникаетъ со всею силой, когда предназначено къ смерти и подано къ столу опредѣленное, любимое ребенкомъ животное: нѣжно любимый барашекъ, рѣзвый теленокъ, любимая курочка или голубокъ. Какъ много дѣтей въ такихъ случаяхъ со слезами отказывается съѣсть хоть маленькій кусочекъ, и взрослые кажутся имъ воплощеніемъ жестокости!

Воспитаніе правдивости возлагаетъ на педагога особенно отвѣтственную обязанность: вѣдь и въ этомъ отношеніи мы живемъ въ мірѣ противорѣчій между исповѣдуемымъ идеаломъ и фактическимъ его примѣненіемъ. Теоретически мы цѣнимъ правдивость, какъ высочайшую добродѣтель, и въ то же время знаемъ, что вся наша культура покоится на условной лжи, которой не можетъ изгнать изъ своей души и самый честный человѣкъ. Пока ребенокъ не овладѣлъ еще тончайшими оттѣнками мысли и языка, онъ едва ли въ силахъ пройти по узкой тропинкѣ между правдивостью и невѣжливостью; онъ долженъ не лгать и все же не оскорблять, обязанъ всегда говорить правду и въ то же время удивляться, слыша такъ много неправды отъ окружающихъ его взрослыхъ. Мы охотно бы воспитали безупречно правдивыхъ, всегда отстаивающихъ свои убѣжденія людей; но боимся этого, такъ какъ сознаемъ, что такіе люди не будутъ «примѣняться» къ существующимъ обстоятельствамъ, что имъ не хватитъ гибкости, чтобы пробиться впередъ, что они предназначены къ мученичеству.

Точно также, при всемъ состраданіи, при всемъ богатствѣ воспріимчивости, которыя мы стараемся пробудить въ дѣтяхъ, мы не хотимъ воспитать кисляевъ.

Если здѣсь до сихъ поръ и была попытка выяснить

хоть часть затрудненій и конфликтовъ, которые приноситъ съ собой задача соціальнаго воспитанія, то это дѣлалось не съ цѣлью оттолкнуть отъ нея, но чтобы показать, какъ много нужно намъ еще самовоспитанія, чтобы только отчасти удовлетворять поставленной себѣ проблемѣ. Изо дня въ день намъ придется одолѣвать переданные намъ самимъ предразсудки и склонности, побужденія и страсти, и только человѣкъ, самъ свободный отъ предразсудковъ, сможетъ воспитать юношество, которое займетъ высшую ступень на лѣстницѣ человѣчества. Затѣмъ, не мѣшаетъ замѣтить, что въ этой статьѣ мы не имѣемъ претензій удовлетворительно разрѣшить столь сложные вопросы, а ее нужно разсматривать какъ попытку примирить, по крайней мѣрѣ, отчасти, нынѣ не соединимое и приблизить его къ намъ. Если мы питаемъ надежду не только на интеллектуальный, но и на душевный прогрессъ человѣчества, если мы вѣримъ въ дальнѣйшее преобразованіе экономической жизни въ смыслѣ развитія товарищества и соціальнаго равенства, то мы въ правѣ допустить, что будущимъ поколѣніямъ удастся осуществить и истинно соціальное воспитаніе дѣтей. Мы уже поставили себѣ задачу приблизить нынѣшнее поколѣніе къ этой цѣли хоть на нѣсколько шаговъ, чтобы выросли люди, могущіе лучше выполнять свои обязанности предъ обществомъ и лучше понимать и стремиться къ перемѣнамъ, свидѣтелями которыхъ они явятся.

Вотъ почему такъ желательно, чтобы съ самаго начала школа, положеніе, вѣрованія не разбивали людей на совершенно отдѣльные лагери. Общее дѣтство сплетаетъ тысячи тончайшихъ нитей между людьми самаго различнаго происхожденія. Въ главѣ о народной школѣ настоящаго труда указывается на высокое культурное значеніе единой школы, какая есть, напримѣръ, въ Даніи, и отмѣчается, что отчасти къ этому идеалу приблизились въ Баваріи (напримѣръ, въ Мюнхенѣ, Аугсбургѣ, Вюрцбургѣ), гдѣ нерѣдко дѣти высокопоставленныхъ лицъ въ теченіе 5—6 лѣтъ посѣщаютъ школу вмѣстѣ съ бѣдняками. Въ числѣ учениковъ вюрцбургскихъ народныхъ школъ рядомъ съ дѣтьми генераловъ и высокопоставленныхъ чиновниковъ могутъ быть упомянуты и дѣти президента правле-

нія; въ Мюнхенѣ—дѣти трехъ министровъ, многихъ князей, графовъ, генераловъ и пр. Тутъ школа ужъ кладетъ основаніе соціальному мышленію. Если дѣти не прониклись еще дома классовымъ чванствомъ и предразсудками, ихъ натура, конечно, не приведетъ ихъ къ выбору друзей по ихъ сословію и званію. Симпатія и общіе интересы приведутъ къ товариществу между представителями далекихъ другъ отъ друга общественныхъ классовъ, и дѣло семьи разсматривать личное достоинство, какъ единственную мѣрку того, желательно или нѣтъ опредѣленное знакомство для даннаго ребенка. Хорошо обезпеченные и образованные родители смогутъ во многихъ отношеніяхъ вліять воспитывающимъ образомъ на небогатыхъ товарищей своихъ дѣтей, родители которыхъ не имѣютъ ни средствъ, ни времени достаточно о нихъ позаботиться и содѣйствовать ихъ духовному развитію. Разумѣется, культурные взрослые люди не допустятъ униженія или пристыженія ребенка за то, что онъ бѣденъ, обдѣленъ физически, или мало почетнаго происхожденія. Они будутъ также стремиться показать своимъ дѣтямъ огромныя искушенія и опасности, къ которымъ приводитъ нужда, чтобы тѣ видѣли, какъ непристойно по-фарисейски ставить себя выше тѣхъ, чье положеніе менѣе благопріятно; они постараются научить ихъ по-человѣчески понимать заблудшихъ, при всемъ отрицательномъ отношеніи къ заблужденіямъ. Женщина, которая одна изъ первыхъ воодушевила нѣмецкихъ дѣвушекъ соціальными чувствами, покойная Іоганна Шверинъ, въ слѣдующихъ словахъ предостерегала имущихъ отъ лицемѣрія: «Не сами мы лучше ихъ, а живется намъ лучше». Необходимо избѣгать обостренія контраста, и безъ того достаточно выступающаго наружу, и не давать дѣтямъ съ собой въ школу вещей, которыя естественно вызывали бы въ нихъ самихъ предосудительное чувство превосходства, въ малозажиточныхъ — зависть, а среди обезпеченныхъ — часто очень вредное соперничество. Все равно, будутъ ли это сласти, излишне дорогія платья, украшенія или нѣчто подобное. Уже въ главѣ объ одеждѣ была отмѣчена ея связь съ соціальнымъ развитіемъ, и по этому поводу указано, какъ необходимо предостерегать дѣвочекъ отъ сужденій о своихъ подругахъ и о человѣкѣ вообще по красотѣ и цѣнности платья. И здѣсь чаще всего недостатокъ ре-

бенка вытекаетъ изъ его домашней обстановки, такъ какъ дѣтямъ весьма часто приходится слышать неблагопріятныя сужденія о людяхъ, высказанныя необдуманно или ради смѣха; а въ душѣ ребенка они становятся сѣменами зла. Особаго упоминанія заслуживаютъ также дѣтскіе праздники и пріемы гостей. Чего только не разрѣшается при этомъ дѣтямъ въ обезпеченныхъ кругахъ! Настоящіе пиры съ отборными кушаньями, дорого разукрашенныя комнаты и представленія, на которыхъ дѣти появляются въ самыхъ дорогихъ платьяхъ, уроки танцевъ и балы, гдѣ нѣтъ никакой наивности и ребячества, а наоборотъ — аффектированное подражаніе поведенію взрослыхъ! Этимъ создаютъ такое печальное и противоестественное явленіе, какъ «пресыщенныя» дѣти, которыя все видѣли, все знаютъ и критикуютъ; они принимаютъ всѣ удовольствія съ видомъ переутомленнаго свѣтскаго человѣка. А потомъ хвастовство и преувеличенія, которыя такъ часто слетаютъ съ устъ молодыхъ отпрысковъ большихъ городовъ, слишкомъ скороспѣлое знакомство съ флиртомъ и любовью, презрительное подшучиваніе надъ простенькимъ ребячествомъ другихъ, надъ обыкновенными и все же гораздо болѣе богатыми радостями разумно воспитанныхъ дѣтей! Изъ этихъ дѣтей выйдутъ затѣмъ люди, которые станутъ продолжать пустую и нездоровую свѣтскую жизнь, охватывающую теперь широкіе круги общества, — такой образъ жизни, который не даетъ никому радости, а каждому приноситъ тяготу, многихъ же губитъ физически, духовно или экономически. Между тѣмъ, юность должна расти счастливая, даже при скромныхъ забавахъ, и какъ самодѣльная игрушка всегда радуетъ дольше и глубже, чѣмъ очень цѣнная, но купленная готовой, такъ же, конечно, и лучшимъ развлеченіемъ будетъ то, которому сами дѣти больше содѣйствуютъ. Представленія, придуманныя или разученныя самими дѣтьми, при постановкѣ которыхъ они помогали сами, маленькіе подарки или выигрыши, ими же изготовленные, игры, происходящія безъ вмѣшательства взрослыхъ, простота во всемъ, въ ѣдѣ и питьѣ, въ одеждѣ, — такія развлеченія въ дѣтствѣ подготовляютъ людей, становящихся потомъ центромъ кружка, который собирается не для того, чтобы вкусно поѣсть, заботится не объ изысканности

и блескѣ, а о полныхъ значенія отношеніяхъ человѣка къ человѣку, сердца къ сердцу, духа къ духу. Совмѣстныя юношескія игры на чистомъ воздухѣ, общія прогулки по полямъ и лугамъ — это также создаетъ товарищество на почвѣ веселыхъ воспоминаній юности, чары которыхъ не можетъ впослѣдствіи вполнѣ разрушить и различіе жизненныхъ путей. И то, что имѣетъ значеніе для людей различныхъ круговъ, вѣрно и для различныхъ половъ. Въ совмѣстности, въ общности работъ и игръ для мальчиковъ и дѣвочекъ — лучшее ручательство за развитіе мужчинъ и женщинъ, которые не будутъ, какъ еще и понынѣ, чуждо стоять другъ противъ друга съ различными жизнепониманіями, но окажутся въ силахъ съ обоюднымъ уваженіемъ трудиться на пользу человѣчества, а также со взаимнымъ пониманіемъ искать и находить личное счастье.

Практическая работа вообще имѣетъ существенное значеніе даже и съ соціальной точки зрѣнія, особенно же важно обученіе ремесламъ, которому должны быть одинаково причастны, какъ мальчики, такъ и дѣвочки *). Прекрасный древній обычай прусскаго царствующаго дома требуетъ, чтобы каждый принцъ изучилъ какое-нибудь ремесло. Въ этомъ есть глубокій смыслъ. Удовольствіе практической ручной работы — великолѣпное средство противъ односторонней и слишкомъ высокой оцѣнки умственнаго труда; оно учитъ уважать заслуги ремесленника и во многихъ случаяхъ даетъ указанія при выборѣ службы. Если выдвинется впередъ множество самостоятельно мыслящихъ людей, то легче будетъ установить обычай, чтобы дѣти состоятельныхъ родителей не втискивались всѣ безъ исключенія въ университеты, независимо отъ ихъ способностей, и не заполнили бы переполненныхъ интеллигентскихъ профессій. Намъ очень нуженъ переворотъ соціальныхъ воззрѣній, чтобы уничтожить несправедливыя дѣленія на профессіи приличныя и не приличныя званію. При каждой профессіи можно имѣть общее образованіе и интересоваться общими вопросами и поэтому имѣть полное право на общеніе съ духовными руководителями страны.

Особую главу соціальнаго воспитанія составляетъ отно-

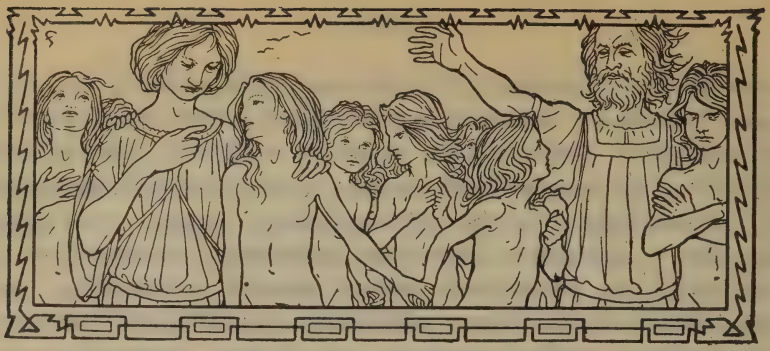
*) Это практикуется, напримѣръ, въ школѣ общества „свободная школа“, основанной въ Вѣнѣ.

шеніе дѣтей къ прислугѣ въ родительскомъ домѣ. Гдѣ мать сама умѣетъ относиться ласково и ровно къ подчиненнымъ, тамъ и дѣти будутъ проявлять къ служащимъ вѣжливость и вниманіе. Однако очень часто придаютъ слишкомъ мало значенія обращенію ребенка съ прислугой, терпятъ даже грубости и неучтивость, которыя дѣлаютъ горькою жизнь и безъ того бездомной горничной, а ребенку приносятъ большой вредъ въ его нравственномъ развитіи. Само собой понятно, что въ семьяхъ, гдѣ есть дѣти, необходимо вдвойнѣ стремиться не держать дѣвушку, качества характера которой пагубны для ребенка и сами по себѣ предосудительны; по отношенію же къ другимъ человѣчески понятнымъ недостаткамъ нужно, тоже ради дѣтей, вооружиться двойнымъ терпѣніемъ, особенно же стараться не подавать дѣтямъ дурного примѣра домашнихъ сценъ съ прислугою. Юношество должно научиться уважать всякій трудъ, должно почаще вспоминать, какихъ огромныхъ усилій трудящимся стоятъ вещи, которыя мы принимаемъ такъ просто, къ своему удовольствію. Ребенокъ станетъ оцѣнивать все совершенно иначе, если порой поразмыслитъ о трудности производства и затраченномъ прилежаніи. Гдѣ это выполнимо, посѣщеніе фабрикъ и мастерскихъ дѣтьми постарше очень бы способствовало развитію въ нихъ понятливости. Недавно въ старшіе классы нѣкоторыхъ школъ попытались ввести, какъ учебный предметъ, основныя положенія политической экономіи, — попытка, которая, конечно, дастъ хорошіе результаты. Задача соціальнаго воспитанія прежде всего — не упускать изъ виду великихъ цѣлей. Конечно, хорошо не пренебрегать и мелкими проявленіями человѣколюбія и дать мѣсто обыкновенной благотворительности, безъ которой мы сейчасъ еще не можемъ обойтись. Сообразно возрасту и зрѣлости юноши, мы можемъ пріучать его радовать лишенныхъ веселья людей своей собственной работой, начиная съ книжекъ съ картинками, которыя клеятъ наши младшія дѣти изъ вырѣзанныхъ иллюстрацій и которыя такъ пристально разсматриваются въ дѣтскихъ госпиталяхъ, и кончая настоящими частями одежды и домашняго хозяйства, которыя изготовляютъ подростки. Мы легко сроднимъ ихъ съ привычкой при каждой собственной радости, при каждомъ сво-

емъ празднествѣ вспоминать о тѣхъ, которые такъ нуждаются въ радостяхъ и празднествахъ. Мы дадимъ имъ случай формироваться въ общеніи съ разнороднѣйшими товарищами и узнать, что если дѣти образованныхъ людей болѣе подготовлены къ усвоенію учебнаго курса и книгъ, то дѣти, вышедшія изъ суровой школы бѣдности, далеко превосходятъ ихъ въ практическихъ вопросахъ жизни. Мы охотно будемъ поощрять у дѣтей инстинктъ къ сбереженію, если онъ проявляется въ благороднѣйшей формѣ, т.-е. въ отказѣ отъ собственныхъ удовольствій, чтобы имѣть возможность дарить тѣмъ, кто находится въ горькой нуждѣ тѣмъ болѣе, если видъ столь многихъ страдающихъ учитъ ихъ легче переносить собственныя лишенія и страданія. Изо всѣхъ этихъ единичныхъ опытовъ, подкрѣпленныхъ подходящими наставленіями, должно развиться пониманіе соціальныхъ положеній и перемѣнъ. Конечная цѣль благотворительности въ томъ, чтобы она стала излишней, такъ какъ дарятъ и подаютъ милостыню лишь въ силу необходимости. Новое, соціально-воспитательное поколѣніе должно вѣдь принести съ собой настоящія соціальныя реформы: настоящую кооперацію и организацію, охрану дѣтей и попеченіе о нихъ, народное и спеціальное образованіе; все это достойно того, чтобы стать предметомъ увлеченія для подрастающихъ дѣтей, сообразно ихъ особенностямъ. Было бы большимъ промахомъ при соціальномъ воспитаніи и попыткѣ пріохотить къ соціальной дѣятельности, если бы выпустили изъ виду тончайшую индивидуализацію. Все должно дѣлаться охотно и добровольно, а не вынужденно, иначе оно и не цѣнно; воспитатели могутъ лишь подавать импульсъ, но не оказывать давленіе. Конечно, было бы лучше всего, если бы мы не мѣшали ребенку, который охотно работаетъ предпочтительно въ опредѣленномъ направленіи, а лишь использовали бы это пристрастіе ради соціальной цѣли, которая покажетъ ребенку, какъ связать его личную радость съ радостью другихъ: будетъ ли это показываніе картинъ волшебнаго фонаря, исполненіе музыкальныхъ отрывковъ, раздача собственноручно выращенныхъ цвѣтовъ, передача наставленій и свѣдѣній несостоятельнымъ болѣе слабымъ ученикамъ, устройство товарищескихъ собраній, приготовленіе предметовъ потребле-

нія и игрушекъ, присматриваніе за младшими дѣтьми и т. д. Все это, конечно, особенно относится къ болѣе зрѣлымъ годамъ, когда сыновья и дочери живутъ еще въ родительскомъ домѣ. Было бы особенно желательно, если бы въ старшихъ классахъ мужскихъ училищъ существовали союзы для общеполезныхъ цѣлей; однако, для этого мы должны сначала преодолѣть нынѣшній взглядъ, согласно которому еще въ широкихъ кругахъ слово «соціальный» почти равносильно упреку и встрѣчается съ недовѣріемъ, тогда какъ проявленіе узкаго классоваго духа, спѣсиваго сословнаго чванства способствуетъ дальнѣйшему успѣху и помогаетъ «карьерѣ». Такъ все снова и снова вырастаютъ люди, которые послѣ, на службѣ и въ чинахъ, не способны понимать поведенія, сущности и потребностей широкихъ народныхъ круговъ, въ общеніе съ которыми ихъ каждодневно приводитъ служба, горести и радости которыхъ они рѣшаютъ, въ качествѣ предпринимателей, чиновниковъ, начальниковъ. Такъ и приходятъ къ тѣмъ глубокимъ столкновеніямъ, которыя неизбѣжны и непоправимы, потому что въ эпоху, когда близко введеніе международнаго всемірнаго языка, еще стоятъ другъ противъ друга члены одного отечества, слишкомъ разные, чтобы найти языкъ взаимно-понятный. Здѣсь нужно еще прибавить о долѣ соціальнаго воспитанія, необходимой для представителей несостоятельныхъ слоевъ, поскольку они такъ часто бываютъ пропитаны вполнѣ несправедливыми предразсудками противъ обезпеченныхъ, и желаютъ сдѣлать отдѣльное лицо отвѣтственнымъ за вредъ, который можетъ устранить не оно одно, а лишь организованная сила соціально мыслящихъ людей. Даже достойные восхищенія поступки сталкиваются, благодаря встрѣченному ими недовѣрію, съ непониманіемъ. Соціальное воспитаніе одинаково необходимо обоимъ поламъ, но и въ этой области нужно, конечно, ожидать дифференціаціи. Соотвѣтственно ихъ склонностямъ, женщинамъ должна была бы выпасть главная тяжесть практическаго выполненія вспомогательной работы. Безъ нея всегда будетъ гораздо труднѣе обойтись при выполненіи тысячи мелкихъ благодѣяній, при проведеніи наблюденій и анкетъ, при примиреніи противорѣчивыхъ интересовъ. Конечно, мужчинѣ еще достаточно долго будетъ принадлежать

львиная доля въ теоретической и научной работѣ, а особенно во вліяніи на политику и законодательство, преобразованіе которыхъ одно только можетъ сообщить достаточное дѣйствіе соціальнымъ реформамъ. Для соціально-воспитаннаго поколѣнія станетъ прежде всего яснымъ, что матеріальное и духовное богатство налагаетъ обязанности по отношенію къ обществу. Безчисленному множеству другихъ людей нужно было выполнить умственную или ручную работу, чтобы создались эти блага; поэтому только справедливо, чтобы отдѣльный человѣкъ въ свою очередь стремился быть полезнымъ обществу: «Одинъ для всѣхъ, всѣ для одного».



Изъ исторіи педагогики.

(Люди и теченія.)

Проф. Циглера.

Не о великихъ воспитателяхъ нашего народа вообще хочу я говорить — не о государственныхъ дѣятеляхъ или реформаторахъ, поэтахъ или художникахъ, изслѣдователяхъ или изобрѣтателяхъ и, главнымъ образомъ, людяхъ выдающихся нравственныхъ качествъ, которые революціонировали и реформировали, улучшали и поднимали большинство нашего народа какъ своими твореніями, такъ и личнымъ примѣромъ; нѣтъ, я буду говорить о тѣхъ, кто спеціально занимался вопросами воспитанія юношества и оказалъ на него, теоретически или практически, рѣшающее вліяніе. Первое мѣсто занимаетъ тутъ дѣятельный и могущественный государь, Карлъ Великій (742—814), давшій самый сильный толчокъ при переходѣ отъ древняго классическаго міра римлянъ къ германско-церковному средневѣковью и возложившій на христіанскую церковь задачу укротить и воспитать германцевъ и передать имъ, на ряду съ новою христіанскою образованностью, также и тѣ остатки классической образованности и культуры, какіе оказались налицо послѣ паденія римской имперіи и бурь переселенія народовъ. Въ самомъ великомъ императорѣ были черты школьнаго учителя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ даже въ старости являлся очень прилежнымъ ученикомъ

ученыхъ, которыхъ призывалъ изъ другихъ странъ въ школу при своемъ дворѣ. Императоръ возложилъ на всѣхъ родителей обязанность посылать своихъ сыновей къ мѣстному священнику или въ школу при сосѣднемъ монастырѣ, чтобы тѣ выучили тамъ, по крайней мѣрѣ, символъ вѣры и «Отче нашъ». Такимъ образомъ, уже въ эту раннюю эпоху былъ выставленъ принципъ всеобщности и принудительности государственнаго школьнаго обученія,— великая идея, правда, осуществленная лишь много столѣтій спустя.

На Карлѣ Великомъ видно, какую цѣнность и въ дѣлѣ обученія имѣетъ одинъ человѣкъ, какъ много значатъ и здѣсь сильныя и властныя личности, но насколько однако обстоятельства и теченія времени могутъ ограничивать волю даже самаго могущественнаго лица. Именно послѣднее требованіе Карла осталось невыполненнымъ въ теченіе всего средневѣковья; цѣлыя столѣтія школьное дѣло, частью процвѣтавшее, находилось въ рукахъ духовенства и монаховъ и предназначалось поэтому почти исключительно для лицъ духовнаго званія. Правда послѣ крестовыхъ походовъ потребности мощно развивавшихся городовъ привели къ учрежденію городскихъ школъ. Но великую идею Карла мы встрѣчаемъ вновь лишь у Лютера (1483—1546), въ его посланіи къ бургомистрамъ совѣтникамъ всѣхъ городовъ Германіи, о повсемѣстномъ основаніи и содержаніи христіанскихъ школъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ, чтобы мужчины могли хорошо управлять страной и народомъ, а женщины хорошо воспитывать дѣтей и держать домъ и прислугу. Лютеръ расширялъ также и кругъ предметовъ преподаванія въ этихъ школахъ, требуя изученія не только языковъ и исторіи, но и пѣнія и музыки съ математикой. Для преподаванія же Закона Божія Лютеръ написалъ свой «Малый катехизисъ», ставшій въ протестантскихъ странахъ, дѣйствительно, популярной книгой для народа и школы и который мы не должны цѣнить слишкомъ низко только потому, что онъ теперь уже утратилъ это значеніе. Наконецъ, своимъ переводомъ Библіи онъ далъ германскому народу единство языка, тогда еще не существовавшее, и тѣмъ, по крайней мѣрѣ протестантской части Германіи, единство образованія и

всей духовной жизни, послужившее связью между сѣверомъ и югомъ, между образованными классами и народомъ.

Къ обновленію другого рода и къ истинному прогрессу въ нашей области привелъ, еще до реформаціи, гуманизмъ. Послѣдній былъ какъ бы открытіемъ новыхъ странъ на землѣ (Америка) и новыхъ духовныхъ силъ въ человѣкѣ. Гуманисты стремились возстановить права естественнаго человѣка въ его тѣлесной красотѣ и духовномъ своеобразіи, признавъ за нимъ цѣнность; они думали, что это чисто-человѣческое лучше всего сохранилось и воплотилось въ классической древности, которую потому и они противопоставляли средневѣковому христіанскому міровоззрѣнію: такимъ образомъ гуманизмъ явился оживителемъ и возродителемъ этой древности. Естественно, что это движеніе вышло изъ Италіи, гдѣ можно было взять за исходную точку собственное прошлое и видимое настоящее. Въ Германіи главнымъ представителемъ этого движенія въ его возвышенномъ и утонченномъ смыслѣ является Рудольфъ Агрикола (1443—1485) самъ — прекрасная, гармоничная натура, musica natura, ставшій воспитателемъ своихъ германскихъ соплеменниковъ въ смыслѣ свободной и прекрасной человѣчности. Но гуманизмъ все-таки остался искусственно привитымъ продуктомъ на нѣмецкой почвѣ и попалъ здѣсь поэтому болѣе или менѣе исключительно въ кругъ вѣдѣнія ученыхъ. И несмотря на то, что мы встрѣчаемъ между ними такихъ утонченныхъ и умныхъ представителей, какъ Эразма Роттердамскаго (1467—1536), гуманизмъ по необходимости терялъ въ ихъ передачѣ свою свободу и красоту, ученая атмосфера душила, школьная пыль убивала именно болѣе утонченное и глубокое въ этой гуманистической духовной жизни; дѣло всего человѣчества, его міровоззрѣнія и житейскаго поведенія сузилось до предмета теоретической и практической педагогики, до чего-то школьнаго. Середину между этими двумя направленіями занимаетъ Филиппъ Меланхтонъ (1497—1560), ставшій въ этомъ смыслѣ Praeceptor Germaniae.

Въ то же время онъ явился соединительнымъ звеномъ между гуманизмомъ и протестантствомъ, что практически

выразилось его участіемъ въ учрежденіи и преобразованіи многочисленныхъ классическихъ школъ и университетовъ въ протестантскихъ государствахъ и городахъ. Настоящій же типъ большой гуманистической гимназіи обязанъ своимъ возникновеніемъ Іоганну Штурму (1507—1589). Основавъ свое училище въ Страсбургѣ, онъ перенесъ на протестантскую почву этотъ новый типъ школы, вліяніе которой распространилось далеко по Германіи. Штурмъ принадлежалъ къ числу тѣхъ великихъ школьныхъ руководителей шестнадцатаго столѣтія, которые устраивали и вели свои школы не по шаблону и предписанію, а сообразно своимъ убѣжденіямъ; это былъ выдающійся организаторъ, личность могучая и властная. Но все же онъ слишкомъ сузилъ высокія и свободныя цѣли гуманизма на школьный ладъ. Протестантская гимназія въ Страсбургѣ оказалась школою риторовъ, школою формальнаго краснорѣчія; въ ней выучивали виртуозно писать и читать по-латыни, на тогдашнемъ языкѣ ученыхъ и дипломатовъ, но больше не учили почти ничему; тамъ и древнихъ изучали лишь ради формы, а не ради содержанія. Однако, этотъ протестантскій гуманизмъ все-таки придавалъ извѣстную цѣну греческому языку, на которомъ былъ написанъ Новый Завѣтъ. Наоборотъ, въ католическихъ гуманистическихъ училищахъ, іезуитскихъ колоніяхъ, языкъ этотъ отступалъ почти совсѣмъ на задній планъ. Въ школахъ этого ордена, запечатлѣннаго духомъ своего основателя, Игнатія Лойолы (1491—1556), отличавшагося странной смѣсью кипучей и пламенной фантазіи съ самой холодною разсудочностью, самой цѣпкой энергіи съ самою расчетливою приспособляемостью, — гуманизмъ былъ не цѣлью, а только средствомъ для служенія церкви: это чувствуется какъ по тому, что въ нихъ скоро вновь стала употребляться варварская латынь, такъ и по тому, что тамъ чрезмѣрно возбуждалось честолюбіе учениковъ, чему придавалось преувеличенное значеніе. Съ другой стороны, тамъ болѣе, чѣмъ въ протестантскихъ школахъ, обращалось вниманіе на уходъ за тѣломъ а также, по крайней мѣрѣ, съ виду, на общее образованіе учениковъ, большей частью знатныхъ юношей. Но главное различіе состояло въ томъ, что гуманистическое преподаваніе проте-

стантовъ велось отдѣльными, индивидуально-различными лицами, такъ что могло развиваться и, позднѣе, подвергнуться даже кореннымъ преобразованіямъ; школьное дѣло у іезуитовъ, наоборотъ, было до мелочей опредѣлено неподвижными предписаніями ихъ Ratio studiorum, и преподаваніе велось монотонно; основательныхъ реформъ у нихъ поэтому не бывало: Уставъ 1832 г. не отличается существенно отъ своей первоначальной редакціи 1599 г., такъ что въ наше время является уже вполнѣ устарѣлымъ и отсталымъ.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія требованіе Карла Великаго и Лютера все еще не было осуществлено, да и въ высшихъ школахъ положеніе дѣла было печальное; латинскій формализмъ задушилъ все духовное; школьная мельница гремѣла нерадостно, но безустанно; только муки-то не получалось! Поэтому, еще до начала тридцатилѣтней войны раздались голоса критики и оппозиціи противъ этого бездушнаго и безрадостнаго метода преподаванія; стали искать новыхъ идеаловъ просвѣщенія и производить въ школахъ самые различные эксперименты. Къ этому переходному времени принадлежитъ Вольфгангъ Ратке (Ратихій, 1571—1635), который, хотя часто производитъ впечатлѣніе шарлатана своей убѣжденностью во всеобъемлемости и непогрѣшимости изобрѣтеннаго имъ метода, однако на самомъ дѣлѣ проложилъ пути новому духу раціонализма и вмѣстѣ эмпиризма. Своимъ правиломъ, что въ преподаваніи всего должно достигать безъ принужденія, онъ подготовилъ лучшіе дни для жестоко притѣсняемыхъ дѣтей. Правда, того же требовали и болѣе ранніе гуманисты, но въ ихъ школахъ все еще царила больше палка, чѣмъ духъ. Не столько благодаря дѣятельности непрактичнаго Ратке, сколько благодаря выработанному однимъ изъ его учениковъ Веймарскому школьному уставу (1619), его дѣятельность связана съ однимъ изъ самыхъ крупныхъ событій въ области исторіи школы. Этотъ школьный уставъ представляетъ, до извѣстной степени, грамоту объ основаніи всеобщей народной школы, такъ какъ въ немъ требовалось отъ родителей «подъ страхомъ принужденія со стороны свѣтскихъ властей», чтобы они посылали въ школу своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ шестилѣтняго до двѣнадцатилѣтняго воз-

раста. Такъ, наконецъ, осуществилось въ маленькомъ государствѣ то, чего желали, къ чему стремились, но чего не достигли Карлъ Великій и Лютеръ. Гота послѣдовала примѣру введенія принудительнаго обученія въ 1642 г., Брауншвейгъ въ 1647 г., Вюртембергъ въ 1649 г., Пруссія же только въ 1717 г.

Подобно Ратке, значительно, однако, превосходя его чистотой и постоянствомъ воли, ясностью и послѣдовательностью мысли и глубиной и утонченностью чувства, искалъ новыхъ путей въ воспитаніи юношества Амосъ Коменскій (1592—1670), епископъ общины Моравскихъ Братьевъ. Въ своемъ «воспоминаніи о преподаваніи» онъ желалъ изложить вездѣ примѣнимое искусство «обучать всѣхъ всему» при посредствѣ «сжатаго, пріятнаго и основательнаго преподаванія». Это должно происходить въ школѣ, какъ въ «мастерскихъ человѣчества», здѣсь должно обучать все юношество всему, что можетъ сдѣлать человѣка мудрымъ, честнымъ и святымъ, безъ ударовъ и рѣзкой строгости, самымъ легкимъ и кроткимъ способомъ. Но при этомъ учитель долженъ слѣдовать порядку и ходу природы для того, чтобы его наставленія были сообразны съ природою. Понятно, что Коменскій является сторонникомъ всеобщей народной школы: въ каждомъ домѣ должна быть материнская школа для маленькихъ дѣтей; въ каждой общинѣ—школа родного языка для мальчиковъ; по крайней мѣрѣ, въ каждомъ городѣ—классическая школа для подростковъ отъ двѣнадцати до восемнадцати лѣтъ, и, наконецъ, въ каждой провинціи—университеты для юношей. Онъ самъ старался создать вспомогательныя средства для всѣхъ этихъ степеней; самымъ знаменитымъ его учебникомъ, лишь недавно совершенно устарѣвшимъ, былъ «Orbis pictus» (Міръ въ картинахъ), въ которомъ онъ впервые присоединялъ къ словамъ и изображенія предметовъ, стараясь такимъ образомъ замѣнить, или по крайней мѣрѣ, дополнить, одностороннее словесное знаніе предметнымъ и нагляднымъ обученіемъ. Мы не слишкомъ высоко оцѣнимъ Коменскаго и не преувеличимъ степени его оригинальности, если признаемъ его однимъ изъ величайшихъ педагоговъ всѣхъ временъ: настолько значительны заслуги этого человѣка, въ самый разгаръ тридцатилѣтней войны, требовавшаго народнаго образованія и всеоб-

щей школьной повинности, которыя онъ считалъ единственнымъ спасеніемъ, единственнымъ свѣточемъ во тьмѣ тогдашняго безвременья. Необходимо также принять во вниманіе его требованіе истинно нравственнаго воспитанія, его опытъ органическаго построенія всего преподаванія, съ самаго ранняго дѣтства и до окончанія научнаго образованія въ университетѣ, и наконецъ, привлеченіи общественнаго вниманія къ тому, что обучаться должны были всѣ дѣти безъ различія пола, возраста и состоянія. Въ результатахъ мы находимъ смѣшеніе вліяній Амоса и Ратке: особенно замѣтно это въ «школьномъ методусѣ» герцога саксенъ-готскаго, Эрнста Благочестиваго (1601—1675), которымъ этотъ благородный государь ввелъ школьную повинность въ своей странѣ и, подъ вліяніемъ Коменскаго, повсемѣстно предписалъ наглядное и предметное обученіе.

Источникъ доброты и терпимости Коменскаго таился въ его природѣ, а также въ его личномъ образѣ жизни и воспитанія въ братской общинѣ. Но и у другихъ, лучшихъ и наиболѣе дѣятельныхъ, развилось, въ теченіе бурь тридцатилѣтней войны, въ которой люди массами убивали другъ друга за догматы, отрицательное отношеніе къ вѣроисповѣдному фанатизму и, въ противовѣсъ ему, убѣжденіе въ томъ, что важно не ученіе о конфессіональныхъ различіяхъ, а лишь искреннее благочестіе и, способное выдержать всякія испытанія, практическое христіанство. Піэтизмъ придалъ этому чувству прочную религіозную форму, руководствуясь совершенно правильной мыслью, что для достиженія цѣли нужно было начать съ иного воспитанія юношества. Если уже Шпенеръ ввелъ преподаваніе катехизиса, правда, возвращаясь такимъ образомъ къ одному изъ требованій Меланхтона, то лишь Августъ Германъ Франке (1663—1727) значительно расширилъ дѣло воспитанія и основалъ въ Галле цѣлую систему учебныхъ заведеній, исходнымъ пунктомъ и центромъ котораго былъ сиротскій домъ; то было какое-то школьное царство, властелиномъ котораго былъ Франке. Цѣлью было достиженіе дѣтьми истиннаго благочестія и христіанской мудрости; дѣтей старались воспитывать въ живомъ познаніи Бога и Христа и въ завѣтахъ нелицемѣрнаго христіанства. Самымъ подходящимъ средствомъ для этого считалось постоянное наблю-

деніе за дѣтьми и исключительно—учебная жизнь, не прерываемая ни свободными днями, ни праздничными недѣлями, чуждая развлеченій и дѣтскихъ игръ. Такъ же несимпатичнымъ, какъ это давящее юношество «монашеское принужденіе», было постоянное щупаніе нравственнаго пульса и исповѣданіе грѣховъ съ выраженіемъ раскаянія въ случаѣ дурныхъ поступковъ дѣтей. Конечно, преобладало религіозное преподаваніе, частью очень формальное (напр., географія Палестины). Новымъ было обращеніе большаго вниманія на дѣйствительную жизнь въ противоположность чисто словесному преподаванію стараго гуманизма: дѣтей ставили лицомъ къ лицу съ природой, былъ устроенъ ботаническій садъ и естественно-историческій кабинетъ; посѣщеніе мастерскихъ ремесленниковъ соединялось съ начатками особаго преподаванія ручного труда.

Въ виду этого приходится признать, что основаніе Кристофомъ Землеромъ, однимъ изъ сотрудниковъ Франке, перваго механическаго и математическаго реальнаго училища въ Галле, въ 1708 г. стоитъ въ тѣсной связи съ піэтизмомъ и его педагогическими тенденціями. Особенно важное значеніе имѣло систематическое проведеніе педагогической подготовки будущихъ гимнастическихъ учителей и отдѣленіе ея отъ научной во вновь основанномъ Seminarium selectum, первомъ опытѣ такого учрежденія (если не считать нѣкоторыхъ начинаній іезуитовъ); приблизительно въ то же время въ Готѣ было предназначено десять школъ (seminaria scholastica) для подготовки народныхъ учителей: неподготовленными преподавателями, которыми довольствовались до того времени, уже перестали удовлетворяться. Такъ разнообразно и широко было дѣло, созданное Франке въ Галле; онъ обладалъ громаднымъ организаторскимъ талантомъ: всѣ нити этого школьнаго дѣла сходились въ его сильныхъ рукахъ. Но въ его религіозности, а еще болѣе въ его педагогической дѣятельности мы не встрѣчаемъ дѣйствительной гуманности и человѣчной теплоты; съ внѣшней стороны въ заведеніяхъ Франке обращалось большое вниманіе на свѣтъ и воздухъ, съ внутренней же стороны въ піэтистическомъ воспитаніи совершенно отсутствовали солнце, тепло и поэзія, веселящія, украшающія жизнь, отсутствовала дѣтская беззаботность и непринужденность.

Приблизительно въ одно время съ піэтизмомъ въ Германіи начинаетъ захватывать умы теченіе просвѣтительное. Какъ историческое направленіе, оно вышло, подобно піэтизму, изъ того же отрицательнаго отношенія къ догматическимъ распрямъ и изъ того же стремленія къ жизненной практикѣ. Поэтому оба эти теченія, какъ будто близнецы, тѣсно соединяются въ Галле для борьбы съ общимъ противникомъ, лютеранской ортодоксіей. Но тутъ скоро произошелъ разрывъ сторонниковъ просвѣщенія съ церковными кругами, вѣры со знаніемъ, вслѣдствіе обнаруженія ихъ глубокаго внутренняго противорѣчія; подобные разрывы уже раньше произошли въ Англіи и Франціи. Главнымъ представителемъ просвѣтительнаго теченія въ педагогикѣ является поэтому, еще до Франке, англичанинъ Локкъ (1632—1704), авторъ «Мыслей о воспитаніи», человѣкъ яснаго мышленія и здраваго житейскаго разсудка, чуждый иллюзій и прозаическій холостякъ, однако практически и теоретически, какъ домашній учитель и какъ писатель, сильно заинтересованный въ основательной реформѣ дѣла воспитанія и обученія, крайне запущеннаго и въ Англіи. Будучи философомъ-эмпирикомъ, онъ училъ, что душа человѣка—чистый листъ, и что всѣ представленія обязаны своимъ возникновеніемъ лишь внѣшнему и внутреннему опыту. Поэтому онъ считалъ наиболѣе важнымъ правильно образовывать и воспитывать разсудокъ, разсуждать съ дѣтьми, насколько это допускаетъ ихъ способность пониманія, объяснять имъ причину всего, однимъ словомъ, уже съ раннихъ лѣтъ обращаться съ ними, какъ со взрослыми. Именно поэтому онъ осуждалъ обычное школьное обученіе и боролся съ нимъ, требуя дѣльнаго индивидуальнаго воспитанія при помощи домашняго наставника, который долженъ былъ соединить жизненный опытъ и педагогическій тактъ съ правильнымъ пониманіемъ индивидуальности и съ постояннымъ стремленіемъ къ достиженію практической цѣли: созданія жизнедѣятельнаго, твердаго характера. Поэтому дѣйствіе и примѣръ, по его мнѣнію, естественно, важнѣе ученія, при которомъ необходимо избѣгать всякаго принужденія и стремиться къ тому, чтобы ребенокъ воспринималъ все добровольно и играя. Локкъ мало цѣнилъ знаніе языковъ, придавая больше значенія предметнымъ знаніямъ и практическимъ

навыкамъ: послѣднимъ также по причинѣ ихъ полезнаго вліянія на здоровье; такъ какъ изреченіе о здравой душѣ въ здравомъ тѣлѣ является эпиграфомъ всѣхъ этихъ разсужденій. Въ то же время это соотвѣтствовало и англійскимъ нравамъ: первый англичанинъ, уже въ шестнадцатомъ столѣтіи, писавшій о вопросахъ воспитанія, Рожеръ Эшамъ указалъ въ отдѣльномъ произведеніи и на значеніе физическихъ упражненій вообще, а стрѣльбы изъ лука—въ частности.

Въ Германіи вліяніе вѣка просвѣщенія въ области педагогики скоро столкнулось съ еще болѣе сильнымъ вліяніемъ Ж. Ж. Руссо (1712—1778). Кажется страннымъ встрѣтить въ числѣ реформаторовъ воспитанія этого врага всякаго искусства и науки, культуры и образованія, человѣка, отдавшаго собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ, такъ какъ самъ онъ не хотѣлъ и, по собственному признанію, не умѣлъ ихъ воспитать. Правда, онъ является вообще примѣромъ самыхъ яркихъ противорѣчій, одновременно геніальный и тщеславный, человѣколюбивый и полный недовѣрія къ людямъ, любитель уединенія и жизни отшельнической и притомъ чувственный и жадный къ наслажденіямъ; масса здравыхъ идей уживалась въ немъ съ болѣзненно преувеличеннымъ идеализмомъ, перешедшимъ впослѣдствіи почти въ психическую ненормальность; пламенный поборникъ добродѣтели и свободы, онъ далеко не являлся образцомъ добродѣтели, а былъ рабомъ своихъ страстей и побужденій; часто неестественный и неправдивый по отношенію къ другимъ и къ себѣ самому, онъ громко звалъ на бой за естественность и свободу съ извращеннымъ обществомъ, со сверхкультурой, дошедшей до противоестественности съ деспотическимъ порабощеніемъ государства. Поэтому его лозунгъ: назадъ къ природѣ! звучалъ не только отрицаніемъ, какъ призывъ въ день страшнаго суда для многихъ, погрѣшившихъ передъ счастьемъ и правомъ народа, но и положительно какъ возгласъ всѣхъ тѣхъ, кто стремился къ избавленію и освобожденію. «Назадъ къ природѣ! Прочь ото всего неестественнаго!» Эти слова являются также лозунгомъ его педагогическаго романа «Эмиль, или о воспитаніи», вышедшаго въ 1762 г. Онъ желаетъ охраненія дѣтской натуры, изу-

чаемой и понимаемой имъ съ большой психологической тонкостью, отъ всякаго насилія и дурного обращенія. Совершенно новой является великая идея, что въ ребенкѣ нужно видѣть ребенка и дать ему воспользоваться своими правами. «Все выходитъ прекраснымъ изъ рукъ Творца»— эти первыя слова «Эмиля» являются полнѣйшимъ противорѣчіемъ ученію о первородномъ грѣхѣ и, въ частности, педагогическимъ принципамъ піэтистовъ. Но человѣкъ рождается маленькимъ и слабымъ; поэтому люди съ самаго начала должны взять его на свое попеченіе, не упуская, однако, изъ виду дѣтскую природу вообще и ея проявленія въ данномъ ребенкѣ, а также руководствуясь своимъ знаніемъ окружающихъ предметовъ и собственнымъ опытомъ. Поэтому Руссо рѣзко нападаетъ на безсердечіе многихъ родителей, требуя любви къ ребенку, какъ къ таковому, а также — психологическаго пониманія дѣтскихъ особенностей и ихъ развитія; онъ находитъ, что нужно не только думать о будущемъ, а снисходительно и гуманно относиться къ жизни дѣтей въ настоящемъ, къ ихъ играмъ, къ ихъ развлеченіямъ и, при случаѣ, къ ихъ шалостямъ и проступкамъ. Важнѣе всякаго ученія усвоеніе привычекъ, развитіе физической силы, упражненіе органовъ чувствъ и голоса; предметы важнѣе книгъ; умѣнье сдѣлать собственноручно все необходимое важнѣе чтенія; образцомъ для Эмиля въ этомъ отношеніи является Робинзонъ Крузо, жизнеописаніе котораго долго должно служить его единственной книгой для чтенія. Правда, мы сталкиваемся и тутъ съ преувеличеніемъ естественности: такъ какъ Руссо, вмѣсто того, чтобы воспитать естественнаго человѣка въ лонѣ современной культурной жизни, хочетъ отдалить своего воспитанника отъ нея и сдѣлать изъ него дикаря. Преувеличеніемъ является и то, что онъ хочетъ воспитать въ ребенкѣ разсудокъ безъ разсужденій и добродѣтель безъ морали, выводя ее изъ эгоизма и указывая лишь на пользу любви къ самому себѣ. Даже самая идея свободы въ этомъ планѣ воспитанія сама себя уничтожаетъ. Эмилю не даютъ развиваться естественно и свободно, за нимъ все время стоитъ воспитатель, разсчитывающій и располагающій всѣ свои дѣйствія, чтобы добиться естественнаго развитія, но посредствомъ своихъ надуманныхъ мѣропріятій

превращающій Эмиля въ совершенно несвободный манекенъ, въ неестественное искусственное созданіе. Устраняя изъ воспитанія всякое приказаніе и повиновеніе и придавая значеніе одной зависимости отъ внѣшняго міра, Руссо упускаетъ изъ виду истину, что только тотъ достоинъ свободы и способенъ къ ней, кто раньше научился повиноваться. Въ заключеніе, мы узнаемъ и какимъ образомъ воспитывается Софія, предназначенная стать супругой Эмиля; и ея воспитаніе ведется сообразно съ природой, но совершенно иначе, чѣмъ воспитаніе Эмиля; ибо женщина существуетъ прежде всего для того, чтобы нравиться мужчинамъ, поэтому необходимо прежде всего сдѣлать ее достойной любви.

Всѣмъ этимъ Руссо открылъ новую эпоху; всѣ его предшественники или окончательно устарѣли, или являются лишь его предтечами. Движеніе, иниціаторомъ котораго онъ былъ, не закончено еще и въ наши дни. Поэтому многое, что при появленіи его книги встрѣчалось съ бурною радостью и принималось съ энтузіазмомъ, для насъ разумѣется само-собою. Но между тѣмъ, какъ во Франціи Эмиль вскорѣ поблекъ и устраненъ былъ вліяніемъ «Contrat social», и педагогическія требованія Руссо отступили на задній планъ предъ политической революціей и скоро забылись, тѣмъ значительнѣе было вліяніе его педагогики въ Германіи. Здѣсь она встрѣтилась съ просвѣтительнымъ направленіемъ. Во Франціи подобная встрѣча тоже имѣла мѣсто; но тамъ Руссо, какъ представитель чувства, отвернулся отъ холоднаго разума энциклопедистовъ, сознавая противорѣчіе между собою, поборникомъ естественности, и этими носителями высокоразвитой культуры и сверхкультуры. Въ Германіи же идеи Руссо вступили въ своеобразно-тѣсную связь съ тенденціями просвѣщенія у Базедова и филантропинистовъ.

Базедовъ (1723—1790), приверженецъ просвѣтительныхъ идей, былъ по характеру своему до извѣстной степени предназначенъ къ воспріятію «евангелія природы» Руссо. Сначала онъ критиковалъ лишь современное ему преподаваніе латыни и искалъ метода, при посредствѣ котораго можно бы легкимъ и пріятнымъ образомъ учить этому языку; онъ явился также сторонникомъ введенія реальныхъ предме-

товъ и стоялъ за необходимость наглядности преподаванія. Лишь чтеніе «Эмиля» возбудило въ немъ идею стать широкимъ реформаторомъ системы воспитанія во всей Германіи. Въ 1768 вышло его «Представленіе друзьямъ человѣчества и состоятельнымъ лицамъ о школахъ, занятіяхъ наукой и объ ихъ вліяніи на общественное благо». Этотъ крикъ о помощи возбудилъ всеобщее горячее сочувствіе; скоро были собраны средства, и Базедовъ могъ приступить къ выработкѣ своего учебника методики и первоначальнаго учебника, а также основать въ Дессау, при помощи просвѣщеннаго и гуманнаго принца Ангальтскаго, учебное заведеніе «Филантропинъ», въ которомъ предполагалось воспитывать по принципамъ Базедова дѣтей изъ знатныхъ круговъ, преподавать его систему педагогики молодымъ людямъ и подготовлять бѣдныхъ мальчиковъ къ обязанностямъ домашнихъ наставниковъ и сельскихъ учителей. Руководящею идеею этой школы, къ которой примкнулъ цѣлый рядъ подобныхъ же филантропиновъ въ Германіи и Швейцаріи, было слѣдующее: «Природа, школа, жизнь! При взаимодѣйствіи этихъ трехъ факторовъ, человѣкъ станетъ такимъ, какимъ онъ долженъ быть и какимъ сдѣлается еще не такъ скоро: радостнымъ, веселымъ въ дѣтствѣ, бодрымъ и жаждущимъ знанія въ юности, довольнымъ и полезнымъ въ зрѣломъ возрастѣ». Такъ соединилась тутъ просвѣтительная идея объ «общемъ благѣ», опредѣлявшая выборъ весьма многочисленныхъ предметовъ преподаванія, съ мнѣніемъ Руссо, что человѣкъ добръ отъ природы, что воспитаніе должно состоять лишь въ раннемъ пріученіи къ добру мягкими средствами, и что, поэтому, самый трудъ долженъ обращаться въ игру. Болѣе цѣннымъ, чѣмъ утрированіе этого принципа и искаженіе его придаваніемъ всякому занятію характера игры, было связанное съ нимъ освобожденіе юношества отъ уродливыхъ и неестественныхъ костюмовъ и причесокъ, въ этихъ филантропинахъ дѣти, носившія легкія свободныя одежды, могли играть и бѣгать, сколько имъ вздумается, изъ этихъ школъ вышла также и гимнастика: предтечей отца гимнастики Яна (Jahn) является филантропинистъ Гутсъ-Мутсъ въ Шнепфенталѣ, гдѣ Зальцманнъ благоразумно основалъ подобное учрежденіе въ деревнѣ; благодаря этому обстоятельству, школа эта существуетъ и процвѣтаетъ еще и теперь. Та-

кимъ образомъ филантропинизмъ привелъ къ возникновенію дѣйствительно новаго и значительнаго,—онъ пробудилъ въ высшихъ кругахъ пламенное увлеченіе воспитаніемъ юношества, согласованнымъ съ природой и разумомъ, обращающимъ вниманіе не только на разсудокъ, но и на чувство и тѣло. Филантропинизмъ энергично содѣйствовалъ введенію реальныхъ училищъ въ нѣмецкую школьную систему, открылъ пути основательной реформѣ метода преподаванія, придавъ ему естественность и мягкость, положилъ основы научной педагогики, опирающейся на психологію, возложилъ на родителей обязанность помогать дѣятельности школы и сохранилъ въ своихъ школахъ характеръ счастливой семейной жизни для своихъ учениковъ. Это былъ опытъ примѣненія въ школѣ и школьной жизни идей Руссо, имѣвшаго въ виду лишь домашнее обученіе. Опытъ этотъ, конечно, не могъ удаться вполнѣ. Главной же причиной его неудачи явилось въ дѣйствительности то, что своеобразное преподаваніе религіи въ филантропинахъ не снискало сочувствія у многихъ лицъ, такъ какъ тогда еще не могли понимать подобнаго воспитанія внѣ тенденціи національности вѣроисповѣданія и учености, съ характеромъ общечеловѣчности, общерелигіозности и общеполезности.

Филантропины были учебными заведеніями для дѣтей высшихъ сословій. Членъ соборнаго капитула, Эбергарцъ ф. Роховъ (1734—1805), одинъ изъ первыхъ позаботился о начальныхъ школахъ и начальномъ преподаваніи, слѣдовательно, о народѣ, и стремился обратить и въ его пользу филантропинистическія идеи реформы, стараясь, главнымъ образомъ, при посредствѣ просвѣщенія устранить суевѣріе въ народѣ. Истиннымъ же отцомъ народной школы въ Германіи, ея, въ то же время, величайшимъ педагогическимъ геніемъ вообще, былъ Іоганнъ Генрихъ Песталоцци (1746—1827). Одушевленный высокимъ духомъ общественности и горячимъ глубокимъ состраданіемъ къ тѣлеснымъ и духовнымъ нуждамъ народа, онъ стремился помочь самымъ бѣднымъ его членамъ и думалъ лучше всего достичь этого посредствомъ пріученія ихъ къ самопомощи. Ядромъ идей, воодушевлявшихъ его, было спасеніе падшаго человѣчества отъ гибели посредствомъ пробужденія и укрѣпленія его лучшихъ, истинно-

человѣческихъ силъ, и помощь ему при посредствѣ пріученія къ работѣ, какъ единственно вѣрному средству самопомощи. Но воспитать привычку къ труду можно только посредствомъ труда же, къ которому примѣняются всѣ физическія и духовныя силы; при этомъ развивается разсудокъ, пробуждается сознаніе цѣнности труда, какъ силы, объединяющей людей, и, такимъ образомъ, чисто-внѣшняя механическая дѣятельность получаетъ внутреннюю нравственную цѣнность, трудъ облагораживается. «Онѣ прядутъ такъ прилежно, что превосходятъ своимъ усердіемъ поденщицъ, но души ихъ — не души поденщицъ». Такъ Песталоцци указалъ воспитанію его мѣсто въ соціальномъ организмѣ и его значеніе, какъ основы развитія общественнаго духа и средства облагороженія всей народной жизни, въ такое время, когда соціальный вопросъ еще не существовалъ, или, по крайней мѣрѣ, еще не перешелъ въ сферу сознанія человѣчества. По мнѣнію Песталоцци, необходимо начинать такое воспитаніе съ самаго ранняго дѣтства. Мать является, поэтому, настоящей помощницей и воспитательницей народа. Въ своемъ романѣ для народа «Лингардъ и Гертруда» Песталоцци рисуетъ идеалъ матери слѣдующими словами: «она подобна солнцу Божьему: твой глазъ не замѣчаетъ его шаговъ, и ухо твое не слышитъ его бѣга; но при закатѣ его ты все-таки знаешь, что оно опять встанетъ и будетъ продолжать согрѣвать землю, пока не созрѣютъ ея плоды». Родительскій домъ становится, благодаря матери, настоящимъ мѣстомъ воспитанія нашего народа, и первые учебники Песталоцци написаны для употребленія матерью въ этой всеобщей природной школѣ человѣчества. Первое нравственно-религіозное воспитаніе, естественно, также является дѣломъ матери: отношенія между нею и ребенкомъ заключаютъ въ себѣ всю нравственность и, далѣе, всю религію, какъ понятіе, обнимающее высшія и лучшія человѣческія чувства любви, благодарности и довѣрія.

Но Песталоцци не только призналъ такимъ образомъ права семьи: онъ стремился къ созданію новаго содержанія и метода преподаванія въ начальной школѣ; нѣмецкая народная школа является твореніемъ Песталоцци. Борясь съ тогдашнимъ исключительно словеснымъ преподаваніемъ,

онъ, вмѣсто этого, далъ школѣ наглядное обученіе, преподаваніе рисованія и ариѳметики, указавъ на значеніе формы и числа; при этомъ онъ не устранялъ и словеснаго преподаванія, такъ какъ лишь при посредствѣ слова предметъ становится достояніемъ духа. Элементарными средствами преподаванія служатъ звукъ, форма и число. Это показываетъ также, что формализмъ, который можно найти въ словахъ Песталоцци о развитіи силы, все-таки не является безсодержательнымъ. Правда, непріятно поражаютъ слова Песталоцци о его желаніи «механизировать» преподаваніе; это желаніе всецѣло обусловлено лишь его поисками правильнаго метода; у него «механическое» вытекаетъ изъ желанія сообразоваться съ психологіей, изъ сознанія, что впечатлѣнія, которыя нужно дать ребенку, должны соотвѣтствовать развитію его силъ въ каждый данный моментъ, и что, поэтому, должно примѣнять средства воспитанія и обученія въ психологическомъ порядкѣ и послѣдовательности. Самъ Песталоцци, правда, былъ очень непрактичнымъ и велъ поэтому свое преподаваніе часто безъ всякаго метода; но его ошибки искупались его большой любовью къ школѣ и къ народу, къ дѣлу преподаванія, и частью исправлялись также его сотрудниками, обладавшими бо́льшимъ педагогическимъ опытомъ. Поэтому прусское правительство сознавало всю важность дѣла, основывая въ Кенигсбергѣ нормальный институтъ по системѣ Песталоцци и посылая къ извѣстному педагогу въ Швейцарію молодыхъ учителей, которые должны были черпать непосредственно у самаго источника духъ его системы воспитанія и обученія. Уже баронъ фонъ-Штейнъ призналъ въ Песталоцци союзника въ борьбѣ съ игомъ Наполеона; а философъ Фихте (1762—1814) находилъ въ его личности ободряющій примѣръ того, что нѣмецкая душа все еще жила во всей своей чудесной силѣ, и восхищался способомъ, какимъ Песталоцци пробуждалъ свободную духовную дѣятельность воспитанника, и непосредственной наглядностью его преподаванія. Наиболѣе глубокое сходство между Песталоцци и Фихте заключалось въ томъ, что Фихте желалъ введенія разумнаго воспитанія, основаннаго на трудѣ и просвѣщеннаго разумомъ, и что и у него національное воспитаніе въ замкнутомъ педагогическомъ государствѣ носило вполнѣ

соціалистическій характеръ. Помимо этого, Фихте можетъ быть названъ великимъ воспитателемъ своего народа въ самое тяжелое время, за однѣ свои «Рѣчи къ германскому народу».

Педагогическія идеи Гёте (1749—1832) также приняли соціалистическое направленіе въ его позднѣйшіе годы. Въ «Годахъ ученія Вильгельма Мейстера», соотвѣтственно индивидуалистическому направленію восемнадцатаго столѣтія, цѣлью являлось воспитаніе отдѣльнаго индивида посредствомъ искусства въ духѣ чистой и прекрасной человѣчности. Въ «Годахъ странствій» индивидуализмъ замѣняется соціализмомъ. Поэтъ сталъ понимать значеніе общества и его вліяній, цѣнность труда и сотрудничества; подобно Фихте, онъ переноситъ молодое поколѣніе въ особый міръ, гдѣ рычагомъ и исходнымъ пунктомъ воспитанія становится, съ одной стороны, жизнь на лонѣ природы и сообразная съ нею и религіозное начало.

Шиллеръ (1759—1805) принадлежитъ также къ великимъ воспитателямъ нашего народа. Послѣднимъ его словомъ является нравственность, но онъ вѣритъ вмѣстѣ съ Кантомъ, что символъ ея есть красота; поэтому онъ указываетъ человѣчеству путь къ правдѣ и нравственности черезъ искусство. По его мнѣнію, нравственность состоитъ, съ одной стороны, изъ индивидуальной нравственности долга (достоинство), съ другой стороны изъ прекрасной души (красота); этой идеей Шиллеръ побѣдилъ или, по крайней мѣрѣ, дополнилъ суровую мораль Канта. Но именно красота выводитъ насъ изъ предѣловъ индивидуальнаго «подъ открытое небо чувства общественности», въ эстетическое царство внѣшней красоты. Эта мысль кажется намъ утопичной, но ходъ исторіи Германіи въ девятнадцатомъ столѣтіи заставляетъ признать ее правильною: необходимо было сначала духовное объединеніе нѣмецкаго народа дѣятельностью его великихъ поэтовъ и мыслителей, а затѣмъ, во второй половинѣ столѣтія, стало возможнымъ и политическое единство.

Шиллеръ и Гёте являются, однако, въ то же время и представителями нео-гуманизма, другого теченія нѣмецкой духовной жизни на рубежѣ восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій. Это было новое возрожденіе: на этотъ разъ—

воскрешеніе спеціально-греческой культуры и ея вліянія на нашу литературу и науку, на наше искусство и міровоззрѣніе; прежде всего, ожила филологія, которая и сама стремилась стать, вмѣсто сухой учености, гуманизмомъ, опредѣляющимъ и созидающимъ весь внутренній міръ. Греки должны были стать примѣромъ для нѣмцевъ и учить ихъ обновленію и утонченію ихъ культуры, лучшія и наиболѣе высокія качества и тенденціи которой объединялись въ гердеровскомъ понятіи гуманности. Этотъ нео-гуманизмъ, правда, являлся строго-аристократичнымъ, будучи привилегіей лишь для немногихъ высоко-ученыхъ лицъ. Только когда Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ (1767—1835), другъ Шиллера и Гёте, сталъ руководить въ качествѣ министра дѣломъ обученія въ Пруссіи, онъ ввелъ нео-гуманизмъ не только въ берлинскій университетъ (основанный въ 1810 г.), но и въ прусскія гимназіи; такимъ образомъ движеніе это стало ферментомъ всеобще-нѣмецкаго духовнаго развитія. Нео-гуманизмъ соприкасается съ соціальной педагогикой Песталоцци своимъ требованіемъ истинно-человѣческаго образованія и развитія силъ, то-есть, идеей правильно-понятаго «формальнаго образованія»; Вильгельмъ ф.-Гумбольдтъ, самъ бывшій индивидуалистомъ и виртуозомъ этого новаго воспитанія, нашелъ такимъ путемъ переходъ къ соціальному духу; такъ, онъ говоритъ о музыкѣ, что она представляетъ «естественную связь между низшими и высшими классами; именно благодаря этому, она и оказываетъ такое большое и могучее вліяніе при богослуженіи, особенно важной цѣлью котораго является объединеніе всѣхъ членовъ націи, лишь какъ людей, безъ соблюденія случайныхъ соціальныхъ различій». Нео-гуманизмъ и его представители въ школахъ и въ университетахъ не остались вѣрны этимъ соціальнымъ идеямъ, а, наоборотъ, впали въ аристократизмъ и, кичась своимъ образованіемъ, стали обособляться отъ массы; отъ этого нео-гуманистическая школа лишилась народнаго сочувствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли въ широкихъ кругахъ довѣріе и любовь къ классическому образованію. Современное реалистическое воззрѣніе на греческую культуру, хотя и болѣе правильное исторически, едва ли вернетъ нео-гуманизму это утраченное сочувствіе, такъ какъ послѣднее основывалось исключительно на идеалистической вѣрѣ нео-

гуманистовъ въ красоту и свободу греческой культуры. Еще худшія послѣдствія повлекло за собой находящееся въ связи съ этимъ замѣщеніе великихъ свободно дѣйствующихъ личностей предписаніями и буквоѣдствомъ.

Тѣми же соціальными идеями, какъ всѣ выдающіеся люди этой великой эпохи, былъ воодушевленъ и первый великій теоретикъ педагогики, берлинскій богословъ Шлейермахеръ (1768—1834); въ своемъ «Ученіи о воспитаніи» онъ свободно разбираетъ общіе вопросы педагогики, и эта свобода изслѣдованія сразу придаетъ ему черты величія и дѣлаетъ его очень интереснымъ для всѣхъ. По мнѣнію Шлейермахера, важна не техника домашняго и школьнаго преподаванія, а совокупность воздѣйствій старшаго поколѣнія на младшее; послѣднее должно проникнуться тѣми традиціями образованія, которыя оно застанетъ, но должно быть способно пойти и далѣе улучшать данное. Воздѣйствіе старшаго поколѣнія является, поэтому, нравственнымъ долгомъ, а педагогика оказывается искусствомъ, примыкающимъ къ этикѣ. Но и у Шлейермахера воспитаніе является всеобщимъ и національнымъ дѣломъ, такъ какъ именно онъ, сходясь въ этомъ отношеніи больше съ Гегелемъ, чѣмъ съ Кантомъ, въ своемъ ученіи о цѣнностяхъ, перевелъ нравственность изъ односторонне индивидуалистической сферы долга, предъявляющаго свои требованія къ единичнымъ личностямъ, въ богатый міръ объективной нравственности, понимая историческое развитіе послѣдней, какъ прогрессивное объединеніе разума съ природой.

Система научной педагогики Гербарта (1776—1841) оказала наибольшее вліяніе на нѣмецкихъ учителей и господствуетъ въ значительной степени еще и теперь. Гербартъ практически занимался педагогикой, будучи сначала домашнимъ учителемъ въ Бернѣ, затѣмъ профессоромъ философіи въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ организовалъ педагогическій семинарій при университетѣ, которымъ и руководилъ; главное же значеніе имѣетъ теорія его педагогической системы, которую онъ изложилъ въ своихъ лекціяхъ и опубликовалъ въ двухъ болѣе значительныхъ сочиненіяхъ. Теоретическія идеи о воспитаніи и обученіи пробудилъ въ немъ вначалѣ Песталоцци, вліяніе котораго часто замѣтно въ системѣ Гербарта. Онъ основывалъ педагогику на

двухъ философскихъ дисциплинахъ: на этикѣ и психологіи. Этика имѣетъ цѣлью достиженіе добродѣтели или нравственной силы характера; а на своей психологіи, сводящей всю душевную жизнь къ механизму для созиданія представленій, онъ основываетъ свое ученіе о трехъ средствахъ воспитанія: руководительствѣ, преподаваніи и дисциплинѣ, которыя, впрочемъ, тѣсно связаны между собою, такъ какъ и на волю можно воздѣйствовать лишь посредствомъ представленій, и тутъ имѣетъ значеніе аксіома: нѣтъ воспитанія безъ преподаванія. Руководительство состоитъ въ поддержаніи внѣшняго порядка въ противовѣсъ естественнымъ порывамъ дѣтей. Преподаваніемъ, цѣлью котораго является также добродѣтель, важно пробудить многосторонній равномѣрный интересъ; для этого необходимы два условія: углубленіе во многіе предметы и, для сохраненія единства личности, сосредоточеніе и обдумываніе пройденнаго. Отсюда Гербартъ выводитъ подавшія поводъ къ столькимъ ложнымъ толкованіямъ формальныя степени преподаванія, ясность ассоціаціи, систему и методъ; этимъ Гербартъ не хотѣлъ, подобно многимъ изъ его учениковъ, предписать шаблонъ преподаванія, годный для всѣхъ случаевъ и предметовъ, а стремился только изобразить ходъ преподаванія въ его цѣломъ. Изъ различенія познанія и участія Гербартъ выводитъ, далѣе, шесть видовъ интереса: эмпирическій, спекулятивный и эстетическій — со стороны познанія; и симпатическій, общественный и религіозный—со стороны участія, которое должно переносить дѣтей въ чувствованія другихъ. Но если придется расчленять преподаваніе на предметы, то, въ противовѣсъ этому, нужна и концентрація; при ней въ центрѣ долженъ стать учебный матеріалъ, дающій извѣстное настроеніе, и съ нимъ необходимо связать всѣ остальные предметы. Нео-гуманистическая точка зрѣнія Гербарта виднѣе всего въ изложеніи историко-филологическихъ предметовъ, а его связь съ Песталоцци наиболѣе ясна въ области естествовѣдѣнія и математики. Дисциплину онъ дѣлилъ на дѣятельность сохраняющую, опредѣляющую и направляющую; онъ рѣзче отдѣлялъ ее отъ руководительства и преподаванія, чѣмъ имѣлъ право это дѣлать, при своемъ этически оріентированномъ единствѣ цѣли и при психологическомъ однообразіи своего механизма пред-

ставленій. Впрочемъ, притязанія гербартіанцевъ на обладаніе годной и въ наше время научной педагогикой, созданной ихъ учителемъ, естественнымъ образомъ разбиваются объ устарѣлость и полную непригодность психологіи Гербарта; имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что его существенно-индивидуалистическая этика была замѣнена за это время болѣе прочной и практичной соціальной этикой. Поэтому необходимо освободить научную педагогику отъ слишкомъ формальнаго вліянія Гербарта, обосновать ее на современной, чисто-эмпирически точной психологіи и превратить ее изъ ученія объ индивидуалистическомъ домашнемъ воспитаніи и обученіи въ широкое и гуманное ученіе о воспитаніи общественномъ. Только такимъ путемъ можно сдѣлать педагогику устойчивой въ теоріи и годной для практики.

Насколько эпоха 1750—1850 годовъ богата отдѣльными выдающимися дѣятелями въ области педагогики, настолько бѣдны ими послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Это находится въ зависимости отъ перехода школъ въ вѣдѣніе государства. Безличное государство ставитъ на мѣсто личностей учителей множество, по возможности однообразно подготовленныхъ, «учебныхъ силъ», на мѣсто новыхъ мыслей и идей отдѣльныхъ личностей — педагогическіе совѣты и офиціально предписанные учебные планы; на мѣсто учителя отвлеченное понятіе—школа. Это въ общемъ подняло уровень нашихъ школъ, но поставило на задній планъ и частью совершенно устранило выработку отдѣльныхъ индивидуумовъ и личностей, выдвигая впередъ воспитаніе и обученіе массъ. Поэтому, народная школа, какъ воспитательное учрежденіе для народной массы, считается у насъ болѣе удовлетворительной, чѣмъ высшія школы. Она дѣйствительно выполняетъ свое назначеніе, въ особенности, когда предоставляется должная свобода народнымъ учителямъ, стремящимся къ болѣе высокимъ цѣлямъ, и удовлетворяются ихъ научные запросы, и когда школа свободна вообще и освобождена отъ чуждаго вмѣшательства церкви. Въ области же высшаго образованія мы переживаемъ переходное время; послѣднія десятилѣтія заняты борьбой за школьную реформу; вопросъ этотъ на берлинскихъ школьныхъ съѣздахъ 1890 и 1900 гг. не получилъ окончательнаго

разрѣшенія, удовлетворяющаго всѣхъ. Если здѣсь дѣло шло, прежде всего, о признаніи новаго реалистическаго образованія равноправнымъ съ болѣе старымъ гуманистическимъ, то съ другой стороны, обнаруживалась болѣе глубокая причина этой тревоги и борьбы, а именно: опасеніе, что индивидуальныя особенности отдѣльнаго человѣка будутъ совершенно задавлены и убиты бюрократическимъ шаблономъ, военною мундирностью и демократической нивеллировкой духовной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать индивидуалистическую философію Ницше (1844—1900) и большое впечатлѣніе, которое она произвела; сюда относятся и его лекціи о будущности нашихъ образовательныхъ учрежденій. Вновь возникшій интересъ къ художественному воспитанію нѣмецкой молодежи также глубоко коренится въ индивидуалистическомъ теченіи нашего времени, хотя, съ другой стороны, онъ и находится въ связи съ демократическимъ понятіемъ народнаго искусства и носитъ соціалистическій характеръ. Наконецъ, и широко распространенная оппозиція нашему школьному воспитанію, а также предметамъ и методамъ нашего школьнаго преподаванія, къ сожалѣнію, очень рѣдко выдвигающая пригодные планы положительныхъ реформъ, во многихъ случаяхъ является результатомъ этой индивидуалистической тенденціи; тутъ постоянно слышится страстный и поэтому часто несправедливый протестъ противъ массоваго воспитанія и противъ небрежнаго отношенія къ личности.

Насколько возрастающее участіе женщинъ въ воспитаніи юношества содѣйствуетъ осуществленію современныхъ индивидуалистическихъ требованій—это намъ покажетъ будущее. Какъ уже было упомянуто, Песталоцци особенно энергично указывалъ на желательность дѣятельности матери. Послѣдователемъ Песталоцци былъ далѣе Фридрихъ Фребель (1782—1852), въ своемъ дѣтскомъ саду не только присматривавшій за дѣтьми дошкольнаго возраста, но и старавшійся занять ихъ сообразно ихъ характеру и натурѣ. При этомъ онъ считалъ женское руководительство такими дѣтскими садами особенно подходящимъ, такъ какъ уходъ за дѣтьми лучше всего можетъ быть довѣренъ женскому сердцу. Запрещеніе въ Пруссіи дѣтскихъ садовъ, послѣдовавшее въ 1851 г., основывалось, правда, въ пер-

вую очередь на томъ, что Фридриха смѣшали съ его племянникомъ, радикаломъ Карломъ Фребелемъ, но тутъ замѣтно также и правильное пониманіе соціальнаго и соціалистическаго духа педагогики Песталоцци, устранить который такими мелочными мѣропріятіями, однако, не удалось. Тѣмъ временемъ женщины добились доступа въ университетъ, для подготовки къ которымъ потребовалось основаніе женскихъ гимназій. Вопросъ же о правильномъ образованіи дѣвушекъ, не желающихъ поступать въ университеты, остался неразрѣшеннымъ, хотя и здѣсь можно отмѣтить нѣкоторые успѣхи, благодаря содѣйствію Германскаго Союза высшихъ женскихъ училищъ. Хотя сотрудничество женщины, какъ учительницы, крайне желательно на всѣхъ ступеняхъ образованія теперь, и еще болѣе въ будущемъ, но и здѣсь возникаютъ новые вопросы и дѣйствительныя затрудненія, поведшія къ непріятнымъ объясненіямъ на мюнхенскомъ съѣздѣ учителей (1906 г.), но, однако, нисколько не разрѣшенныя и не устраненныя.

Именно, на этомъ вопросѣ ясно обнаружилась двойственность: на мѣсто единичныхъ реформаторовъ сталъ и тутъ почти безличный коллективъ союза. И если задачей новыхъ женскихъ школъ является воспитаніе индивидуальности и личности, то, съ другой стороны, и самый женскій вопросъ въ сущности вопросъ соціальный, какъ въ высшихъ классахъ съ ихъ вновь возникшимъ стремленіемъ къ образованію, такъ и въ низшихъ, гдѣ цѣлью является возвращеніе работницы къ дѣятельности хозяйки и матери. Такимъ образомъ и съ педагогической точки зрѣнія великой проблемой начавшагося двадцатаго столѣтія является примиреніе и сотрудничество индивидуализма и соціализма. Въ девятнадцатомъ столѣтіи они раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, въ двадцатомъ же развитіе личности и самопожертвованіе, эти двѣ задачи человѣчества, должны взаимно проникать и дополнять другъ друга. Школа, несомнѣнно, испытаетъ благотворныя послѣдствія такого взаимодѣйствія.

Фребель и его созданіе—дѣтскій садъ.

Лили Дрешеръ.

Одинокому дѣтству своего основателя обязанъ происхожденіемъ «дѣтскій садъ»—созданіе человѣка, который съ большой силой воли и съ любовью къ дѣлу пожелалъ дать другимъ то, чего онъ не имѣлъ самъ въ дѣтствѣ: рай для дѣтей.

«Источникъ происхожденія моихъ дѣтскихъ садовъ лежитъ далеко позади, въ моемъ дѣтствѣ», говоритъ самъ Фребель. Въ болѣе поздніе годы онъ ясно видитъ связь между своимъ безрадостнымъ, тоскливымъ дѣтствомъ и твореніемъ своего зрѣлаго возраста. Родившись въ 1782 г., онъ выросъ безъ материнской ласки, замкнутымъ ребенкомъ въ пасторскомъ домѣ затерянной въ Тюрингенскихъ горахъ деревни Обервейсбахъ. Старшіе братья учатся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ-то далеко, въ мірѣ, изъ котораго къ нему едва доносятся звуки. Отецъ, суровый человѣкъ, страшно занятъ. Мачеха не понимаетъ утонченной, чувствительной души ребенка. Такъ у подрастающаго мальчика нѣтъ гармоніи въ жизни—никто не утоляетъ его тоски по любви и дѣятельности. Садъ—его царство; дѣтское счастье его—наблюденія за растеніями, жуками, бабочками; тихій, неловкій ребенокъ развивается въ замкнутаго, много раздумывающаго мальчика. Его съ трудомъ можно оторвать

отъ его богатой внутренней жизни, сосредоточенной на небольшомъ уголкѣ природы передъ его глазами и на религіозныхъ впечатлѣніяхъ родительскаго дома. Глубокое стремленіе къ знанію, къ объясненію явленій наполняетъ эту молодую жизнь и рѣшаетъ также будущій образъ жизни. Иногда на него находитъ сильное стремленіе къ дѣятельности: но всѣ его опыты не удаются, такъ какъ у мальчика нѣтъ матеріала, никто ему не помогаетъ и не руководитъ имъ; въ томъ именно и заключается трагизмъ его дѣтства, что производительныя силы его пропадаютъ втуне. Изъ этой трагедіи рождается, послѣ испробованія многихъ занятій, не имѣющихъ ничего общаго съ воспитаніемъ, желаніе обезпечить дѣтямъ радостное дѣтство, указать имъ пути и средства, при помощи которыхъ они могли бы выражать свои чувства и пользоваться своимъ дѣтствомъ. Это желаніе, вѣроятно, долго таилось въ душѣ Фребеля, занятаго другими идеями и планами. Послѣ поисковъ ощупью въ годы ученія и странствій, счастливая звѣзда приводитъ молодого землемѣра въ образцовую школу во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ онъ становится учителемъ и откуда совершаетъ паломничество къ геніальному Песталоцци.

Съ тѣхъ поръ онъ всецѣло принадлежитъ педагогикѣ, съ краткими перерывами, напримѣръ, вслѣдствіе его участія въ освободительной войнѣ. Онъ основалъ, сперва въ кругу семьи, воспитательное заведеніе для мальчиковъ. Его «Keilhau» осуществлялъ идею, подобную лежащей въ основѣ современныхъ «свободныхъ воспитательныхъ заведеній», на лонѣ природы (Landerziehungsheime), и являлся реформой въ области воспитанія въ томъ направленіи, что мальчики должны были вести разнообразную жизнь, соотвѣтственно своимъ индивидуальнымъ особенностямъ. Игра, трудъ въ домѣ и среди природы, ручной трудъ и развивающее преподаваніе являлись средствами воспитанія въ этой школѣ. Искреннія и полныя довѣрія отношенія учителя къ ученикамъ создавали въ школѣ такія условія, что дѣти чувствовали себя частями одного цѣлаго, понимали свой долгъ дѣйствовать, какъ члены этого цѣлаго, при чемъ, конечно, соблюдались права и обязанности всѣхъ.

Я не стремлюсь изобразить въ этомъ краткомъ біографическомъ наброскѣ всю жизнь Фребеля, его труды, его

горести и радости, говорить о политическихъ движеніяхъ, показать, насколько его захватывали реакціонныя стремленія; я хочу лишь связать нити, ведущія къ дѣтскому саду, чтобы было ясно, что его дѣтскій садъ, какъ говоритъ Эйкенъ, «является только частью гораздо болѣе широкаго стремленія, заключающаго въ себѣ своеобразное воззрѣніе на жизнь».

Уже въ школѣ Фребеля для мальчиковъ ясно выступаетъ основная идея его педагогики: что дѣтямъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали и къ какой бы цѣли ни стремились, необходимо дать проявлять себя въ своей дѣятельности, поставить ихъ въ извѣстныя отношенія къ дѣйствительной жизни и прежде всего къ природѣ, являющейся источникомъ нашего знанія, удовлетворяющей жажду красоты, живущую въ нашей душѣ.

Уже въ 1829 г. Фребель мечтаетъ о созданіи чего-то въ родѣ дѣтскаго сада въ связи съ народной школой; эта мысль осуществляется только въ 1837 г., послѣ того, какъ Фребель занимался въ Швейцаріи, подъ конецъ у Песталоцци въ Бургдорфѣ, обученіемъ молодежи и учителей. Приходитъ время, когда Фребелю становится ясно, что уходъ за впечатлительнымъ раннимъ дѣтствомъ долженъ быть инымъ, что въ женщинахъ нужно воспитать матерей, усиливая и облагораживая ихъ чистые женскіе инстинкты, матерей, съ первыхъ же дней жизни своихъ дѣтей относящихся къ ихъ душамъ, какъ къ святынѣ. Съ воодушевленіемъ приступаетъ Фребель къ этой двойной задачѣ, снова у себя на родинѣ. Созданіемъ этого времени является дѣтскій садъ. Самому его названію Фребель придавалъ большое значеніе: онъ имѣлъ въ виду создать садъ, гдѣ юныя человѣческія души должны были раскрыться для свѣта, подобно пышно распустившимся цвѣтамъ. Его заведеніе должно было уже по самому своему названію отличаться отъ другихъ заведеній для ухода за маленькими дѣтьми, «яслей» и «школъ для маленькихъ дѣтей». Эти учрежденія, возникшія первоначально вслѣдствіе общественной необходимости, должны были давать дѣтямъ пріютъ и занятія, заимствованныя изъ школы. Фребеля это не могло удовлетворить. Онъ зналъ природу ребенка и сознавалъ, что необходимо развитіе творческихъ началъ человѣческой природы при посредствѣ свободнаго труда.

Возникаетъ дѣтскій садъ. Дитя, созданіе природы, носитъ въ себѣ зародыши наклонностей, которыя, подъ вліяніемъ окружающей среды и воспитанія, должны развиваться по тѣмъ же законамъ, по которымъ вырастаютъ дерево и цвѣтокъ. Необходимо дать ребенку подходящія жизненныя условія, такъ, чтобы онъ могъ расти во всемъ своемъ своеобразіи, но въ то же время принимать участіе въ общежитіи, быть членомъ семьи, общины, государства.

Въ этомъ направленіи Фребель воспитываетъ своихъ помощниковъ и создаетъ методы занятій съ дѣтьми. До конца своей жизни онъ ощупью ищетъ настоящаго пути, но, не докончивъ своего дѣла, онъ долженъ сдать его на руки своимъ вѣрнымъ ученицамъ, самыми способными изъ которыхъ были баронесса ф. Варенгольцъ, Бѣловъ и Генріетта Брейманнъ-Шрадеръ. Жизненнымъ дѣломъ послѣдней является домъ имени Песталоцци и Фребеля въ Берлинѣ.

Образованіемъ Фребелевскихъ воспитательныхъ учрежденій, дѣтскихъ садовъ и союзовъ, стремившихся къ распространенію и осуществленію педагогическихъ идей Фребеля, мы обязаны названнымъ его ученицамъ, работавшимъ со многими другими, а также и нѣкоторымъ мужчинамъ, напр., профессору Паппенгейму. Самъ Фребель мало извѣстенъ внѣ круга спеціалистовъ. Сочиненія его написаны тяжелымъ языкомъ, методы занятій съ дѣтьми, оставленные имъ, правда, цѣнятся, но не въ связи со всей его системой: благодаря пристрастію Фребеля къ математикѣ и къ символамъ, система его изложена такъ, что она сильно способствовала непониманію его ученія; обстоятельство это усугублялось еще тѣмъ, что многія фребелички, не проникнутыя духомъ педагогики Фребеля, старательно проводили ея формальную сторону въ ущербъ цѣннымъ идеямъ великаго педагога. Слишкомъ мало обращали вниманія на различіе формы и сущности его ученія, и это повредило дѣлу дѣтскихъ садовъ даже въ школьныхъ кругахъ. Форма, въ которую вылились его стремленія, обусловленная его эпохой, должна подлежать измѣненіямъ, а сущность, духъ ея, долженъ остаться ненарушеннымъ. Въ томъ и проявляется жизненная сила идей, что онѣ могутъ постоянно принимать новыя формы и развиваться соотвѣтственно потребностямъ каждаго даннаго момента. Дѣло

Фребеля доказываетъ свою жизнеспособность. Идеи его плодотворны и въ наше время; мы находимъ ихъ въ различныхъ реформахъ преподаванія, направленныхъ къ созданію «школы жизни», въ постановкѣ преподаванія ручного труда, въ устройствѣ садовъ при школахъ и т. д., главнымъ же образомъ въ учрежденіяхъ, служащихъ общественному уходу за маленькими дѣтьми и соціальному воспитанію женщины. Чѣмъ въ болѣе чистомъ видѣ идеи Фребеля выходятъ изъ старыхъ формъ, чѣмъ болѣе проникаетъ въ дѣтскій садъ духъ новаго времени съ его физіологическими и психологическими изслѣдованіями, тѣмъ болѣе дѣтскій садъ долженъ утрачивать то, что въ немъ есть искусственнаго: все школьное, систематичное, несвободное. «Спокойныя, здоровыя натуры часто относятся съ отвращеніемъ къ воспитанію, въ особенности къ фребелевскому, такъ какъ большей частью въ немъ преобладаетъ вѣчная возня, шуршаніе бумагой, постоянный стукъ кубиками, въ самомъ дѣлѣ: «много шуму изъ ничего». Истинное воспитаніе чаще имѣетъ дѣло преимущественно съ обстановкою, чѣмъ непосредственно съ человѣкомъ; обращается менѣе къ внѣшнимъ чувствамъ, нежели къ душѣ, воздѣйствуетъ гораздо болѣе на внутренній міръ воспитанника, чѣмъ на внѣшнія его свойства. Это изреченіе Генріетты Шрадеръ показываетъ, на чемъ основано отрицательное отношеніе тонкихъ натуръ къ воспитанію. Онѣ инстинктивно возстаютъ не противъ дѣтскаго сада и воспитанія, а только порицаютъ нѣкоторую навязчивость профессіональныхъ воспитателей. Дитя слишкомъ свято для нихъ, чтобы онѣ допускали слишкомъ много соприкосновеній между физическимъ и духовнымъ міромъ и внѣшней средой. Онѣ боятся принужденія, прямого вмѣшательства, какъ насилія надъ своеобразіемъ юнаго человѣка, и опасаются нивеллирующаго воздѣйствія дѣтскаго сада, устраняющаго первоначальныя цѣнныя силы и взамѣнъ ихъ создающаго однообразіе интересовъ, опыта и знаній въ раннемъ дѣтствѣ, элементомъ котораго должна являться свобода. Конечно, это большая опасность, о которой должна думать каждая фребеличка; она должна задаться цѣлью дѣйствовать, какъ мать, и бороться съ каждой сухой педагогической тенденціей словами Фребеля: «Господь ничего не навязываетъ, слѣдовательно, и мы не должны сковывать духъ ребенка».

Правы ли противники въ своемъ желаніи совершенно устранить дѣтскій садъ? По даннымъ опыта, дѣтскіе сады и подобныя учрежденія необходимы въ современныхъ общественныхъ условіяхъ; они помогаютъ крайней нуждѣ, и если бы обстоятельства сразу могли измѣниться въ ту сторону, что каждый ребенокъ могъ бы осуществлять свое право на мать и семейный очагъ, то, при свободныхъ отъ предразсудковъ взглядахъ на жизнь и людей, никто не сталъ бы требовать общественнаго воспитанія маленькихъ дѣтей. Фребель сказалъ однажды о своемъ дѣтскомъ садѣ: «мы работаемъ для того, чтобы сдѣлаться не нужными». Каждый пойметъ это изреченіе. Въ такомъ идеальномъ смыслѣ мы также можемъ сказать о каждомъ настоящемъ дѣтскомъ садѣ и о каждой фребеличкѣ, что они трудятся для того, чтобы сдѣлаться не нужными. Чѣмъ лучше будущія матери будутъ подготовлены къ своей отвѣтственной жизненной задачѣ, дающей такое счастье, чѣмъ сильнѣе онѣ проникнутся убѣжденіемъ, что никакое, даже лучшее, учебное заведеніе не дастъ ребенку такого блага, какъ настоящая мать и семья, тѣмъ менѣе будутъ онѣ склонны довѣрять своихъ дѣтей чужимъ. Лишь нужда и профессіональная обязанность смогутъ ихъ принудить къ этому, но не внѣшніе свѣтскіе взгляды и обязанности, конечно, если родители согласны въ этомъ важномъ пунктѣ. Пока мы не придемъ къ этому убѣжденію, въ дѣло должна будетъ вмѣшиваться общественная и частная помощь, создавая народные и семейные дѣтскіе сады. Воспитательная помощь необходима во многихъ случаяхъ не только дѣтямъ напряженно работающаго народа, но также и дѣтямъ изъ состоятельныхъ круговъ; мнѣ вспоминаются тутъ малютки, растущія одиноко,

Дѣти помогаютъ готовить кушанья. (Дѣтск. садъ при домѣ Песталоцци-Фребеля.)

дѣти, не находящія дома того, что имъ необходимо, вспоминаются анормальныя домашнія условія, болѣзнь, несостоятельность, халатное и равнодушное отношеніе дома, холодныя, безразличныя дѣтскія въ богатыхъ семьяхъ. Такія дѣти имѣютъ также

Домашнія работы въ дѣтскомъ саду. (Домъ Песталоцци-Фребеля.)

право на посѣщеніе дѣтскаго сада. Въ ихъ интересахъ, а также въ интересахъ нашей народной жизни, я желала бы исчезновенія частныхъ кружковъ для дѣтей одного сословія, чтобы дѣти эти тоже могли вступить въ народный дѣтскій садъ. Послѣдній долженъ быть реформированъ такимъ образомъ, чтобы много дѣтей не толпилось въ залахъ; желательно было бы устройство небольшихъ «семейныхъ палатокъ» съ немногочисленной группой дѣтей, которыя должны находиться въ тѣсной личной связи со своей воспитательницей. Только тогда возможна индивидуализація. Такія учрежденія, правда, возможны лишь тамъ, гдѣ соціально-педагогическіе интересы какого-нибудь союза, фабриканта или общины настолько сильны, что могутъ доставить средства и подходящихъ работниковъ для этого, болѣе дорогого, дѣла; возможно устройство ихъ также при школахъ фребеличекъ, или при существованіи предложенія добровольнаго сотрудничества женщинъ и дѣвушекъ, съ пониманіемъ дѣла и съ сознаніемъ цѣли работающихъ въ дѣлѣ воспитанія народа.

Необходимо постоянно повторять требованіе, практически осуществленное, правда, лишь немногими союзами, чтобы дѣтскій садъ носилъ характеръ семьи, а не школы. Тогда должно будетъ отпасть все выучиваемое, должна исчезнуть несчастная тенденція преждевременно давать дѣтямъ различныя знанія. Все болѣе и болѣе убѣждаются

въ томъ, что разумъ и знаніе являются, правда, важными факторами, но не двигательными силами жизни, и что ими одними нельзя создать жизнеспособнаго и жизнерадостнаго человѣка. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ необходимѣе для него сердечное отношеніе, солнце, тепло. Поэтому не нужно «системы» для маленькихъ дѣтей, не надо «упражненій въ рѣчи», «уроковъ», «задачъ», но также и не нужно дѣтской «болтовни»; пусть все будетъ просто и естественно, заимствовано изъ семейной жизни, соотвѣтственно атмосферѣ уютнаго родного дома. Поэтому нужны свѣтлыя, веселыя комнаты съ цвѣтами собственной посадки на окнахъ, съ птичкой въ клѣткѣ, рыбами въ акваріумѣ, чтобы пріучить дѣтей къ любовному уходу за живыми существами; на стѣнахъ должны быть хорошія картины и стѣнныя доски, на которыхъ дѣти могли бы рисовать бѣлымъ и цвѣтнымъ мѣломъ, въ возможно большемъ размѣрѣ. Мебель должна быть прочной, легко чиститься и переноситься для того, чтобы можно было придавать комнатѣ другой характеръ, смотря по занятіямъ и настроенію. Лучше всего такъ составить группы, чтобы дѣти различнаго возраста находились вмѣстѣ и могли помогать и служить дополненіемъ другъ другу.

Не надо никакихъ вѣроисповѣдныхъ различій, ни раздѣленія по классамъ и поламъ, нужно создать единую дѣтскую семью, объединенную общими интересами, работами, удовольствіями. Кромѣ уютныхъ дѣтскихъ, нужна еще довольно большая столовая, гдѣ было бы не тѣсно бѣгать, послѣ обѣда ее легко превратить въ спальню. Здѣсь всѣ поютъ утреннюю пѣснь; здѣсь занимаются инструментальной или вокальной музыкой, здѣсь можно праздновать всѣ торжественныя событія въ дѣтскомъ саду. Далѣе, при помѣщеніи дѣтскаго сада должна быть кухня съ плитой и всѣми принадлежностями, включая сюда же все нужное для чистки и стирки. Съ помощью дѣтей приготовляютъ простую, здоровую пищу для ихъ товарищей, которые не обѣдаютъ дома, старъ и малъ выполняютъ необходимыя домашнія работы въ этой кухнѣ. Очень желательно также устройство ванны для тѣхъ дѣтей, которыя не имѣютъ домашняго ухода. На дѣтскихъ садахъ лежатъ широкія гигіеническія задачи; при посредствѣ ухода за здоровьемъ, а

также и самой педантичной чистоты и порядка, дѣтскій садъ можетъ оказать воспитательное вліяніе на матерей, побуждая ихъ слѣдовать его примѣру.

Для тѣлеснаго и духовнаго здоровья одинаково важенъ садъ или клочокъ земли, на которомъ дѣти могутъ устраивать грядки и играть пескомъ; желательно, чтобы тамъ была и бесѣдка или, по возможности, крытый навѣсъ.

Мое описаніе не является утопіей, оно всецѣло взято изъ дѣйствительности; эти учрежденія можно осуществить, и надо стремиться заинтересовать власти и частныхъ лицъ въ такой формѣ дѣтскихъ садовъ, имѣющей чрезвычайно важное соціально-педагогическое значеніе. Я видѣла такія учрежденія въ спеціально выстроенныхъ зданіяхъ и въ маленькихъ наемныхъ квартирахъ; правда, что не всегда возможно было созданіе небольшихъ дѣтскихъ, но и тутъ нашли выходъ: на ряду съ комнатами для различныхъ возрастныхъ группъ была устроена одна общая дѣтская, куда хоть на время могла выходить часть дѣтей для свободнаго моціона. «Гдѣ желаніе, тамъ есть и пути къ его осуществленію», если, дѣйствительно, человѣкъ всецѣло преданъ своему дѣлу. Настоящая фребеличка не броситъ работы, пока не создастъ обстановки, необходимой для дѣтей. Она знаетъ, какъ важны среда и физическій уходъ. Она чувствуетъ тонкія нити, соединяющія внѣшній міръ съ внутренней жизнью и сплетающіяся въ ткани, изъ которой образуются привычки, характеръ, міровоззрѣніе. Чѣмъ болѣе понимаетъ фребеличка это взаимодѣйствіе внутренняго и внѣшняго, тѣмъ осторожнѣе и сдержаннѣе должна она быть

Уходъ за домашними животными въ дѣтскомъ саду. (Домъ Песталоцци-Фребеля.)

и тѣмъ болѣе избѣгать прямого воздѣйствія. Она должна дать дѣтямъ покой и возможно болѣе свободы развитія. Такъ какъ она замѣняетъ мать, то она не руководитъ занятіями постоянно, правда, она при случаѣ разсказываетъ, знакомитъ дѣтей съ новыми интересными занятіями, но такъ, чтобы они учились заниматься сами. Когда она предоставляетъ дѣтей самимъ себѣ, она можетъ заняться простымъ рукодѣльемъ, чтобы не дать почувствовать дѣтямъ, что на нихъ сосредоточивается все ея вниманіе. Она можетъ также привлекать дѣтей къ себѣ на помощь; напр., дѣти убираютъ шкафъ съ игрушками, приводятъ въ порядокъ ящикъ съ веревками или съ гвоздями, разбираютъ шпинатъ, чистятъ крыжовникъ для кухни, или же моютъ картины, очищаютъ растенія и птичьи клѣтки. Если фребелевскія занятія, складываніе, лѣпка, шитье, вырѣзываніе и т. д., служатъ для дѣтей, главнымъ образомъ, изобразительнымъ матеріаломъ, должны развивать въ нихъ ловкость и упражнять органы чувствъ, то домашнія занятія вводятъ ихъ въ область практическаго труда и пріучаютъ ихъ добровольно заботиться о другихъ, забывать свою собственную маленькую личность. Фребеличка должна быть также хозяйкой: она должна распредѣлять работу, правильно учитывая время, силы и матеріалъ, и своимъ веселымъ отношеніемъ къ практическимъ обязанностямъ, какъ къ чему-то, разумѣющемуся само собою, задавать всѣмъ тонъ, такъ, чтобы генеральная уборка и стирка становились праздникомъ. Въ ея власти пробудить духъ товарищества и охоту къ труду, показать удовлетворяющую, красивую сторону труда даже тѣмъ, которые уже узнали его дома, какъ давящую тяжесть. Серьезное отношеніе къ малому, вдумчивое и добросовѣстное исполненіе малыхъ задачъ, подготовляетъ къ большому. Такъ легко повліять въ этомъ отношеніи на дѣтей! Такимъ образомъ народный дѣтскій садъ учитъ ихъ «воодушевляться великимъ и быть вѣрными въ маломъ». Пусть онъ научитъ ихъ чувствовать поэзію, скрытую въ прозѣ повседневности—это сдѣлаетъ ихъ жизнь болѣе богатой. Правда, хорошо и полезно, чтобы дѣти занимались небольшими ручными работами въ дѣтскомъ саду; фребелевскія занятія, примѣненныя правильно и умѣренно, являются прекрасными образовательными средствами, но въ

нихъ не должно заключаться все содержаніе дѣтскаго сада, желающаго разрѣшить свои задачи народнаго воспитанія. Забота о развитіи и о счастьѣ ребенка, введеніе въ радости и труды жизни среди природы, пріученіе къ дѣятельности для другихъ и, благодаря этому, религіозно этическое вліяніе — вотъ его цѣли. Правда, многія посѣянныя сѣмена погибнутъ отъ сорныхъ травъ и грубаго воздѣйствія во внѣшней жизни, въ некультурной и холодной семьѣ, но многое будетъ мужественно расти и сохранится, если за нимъ ходить съ любовью, заботливостью и терпѣніемъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы работа въ дѣтскомъ саду не принесла никакихъ положительныхъ результатовъ, развѣ не цѣнно внести лучъ свѣта въ человѣческую жизнь, дать радость и счастье ребенку? Созданіе счастья и силы — важнѣйшая задача всѣхъ работающихъ на благо народа. Она должна начинаться въ дѣтскомъ саду. Народный дѣтскій садъ оказываетъ глубокое вліяніе на жизнь многихъ семей, какой бы незначительной ни казалось его дѣятельность; онъ долженъ созна-

Обмываніе цвѣтовъ въ дѣтскомъ саду (Песталоцци-Фребеля).

Мытье и уборка бѣлья въ дѣтскомъ саду. (Домъ Песталоцци-Фребеля.)

тельно влiять на дѣтей, еще сильнѣе поддерживать, укрѣплять связь между семьей и собою посредствомъ устройства родительскихъ или материнскихъ вечеровъ. Для этой цѣли фребеличка должна обладать не только спецiальной педагогической подготовкой, но и глубокимъ пониманiемъ человѣческой души и народной жизни, умѣньемъ жить жизнью другихъ и примѣняться къ обстоятельствамъ, что дастъ ей большую возможность дѣйствовать. Поэтому, учрежденiя, подготовляющiя къ этому призванiю, должны стремиться прежде всего къ вооруженiю молодыхъ дѣвушекъ качествами, необходимыми для разрѣшенiя специфически женскихъ задачъ въ лучшемъ и самомъ широкомъ значенiи этого слова, также знанiями и искусствами, вводящими ихъ въ природу, соцiальныя отношенiя и въ мiръ прекраснаго. Дѣтскiй садъ является, такимъ образомъ, школой женственности, личнаго счастья и дѣятельной любви къ ближнему.

Основные вопросы школы.

Проф. Циглера.

Время отъ времени возникаетъ вопросъ, что же лучше — домашнее или школьное образованіе. Экономія человѣческой силы заставляетъ безусловно предпочесть школьное воспитаніе, при которомъ школа на тридцать-сорокъ дѣтей и, къ сожалѣнію, часто на еще большее количество дѣтей обходится однимъ учителемъ. Правда, въ наше время, когда индивидуализмъ вновь сталъ завоевывать права гражданства, постоянно указываютъ на дурныя стороны массоваго воспитанія. И дѣйствительно, школа стремится выработать прежде всего общее, пожалуй, даже среднее; слѣдовательно, она дѣйствуетъ антииндивидуально. Поэтому въ школѣ существуетъ большая опасность подавленія индивидуальности, посредствомъ придаванія всѣмъ одинаковыхъ формъ, и воспитанія стадныхъ, дюжинныхъ людей. Но своеобразіе большинства можетъ быть совсѣмъ не такъ велико, какъ это увѣряютъ сантиментальные поклонники индивидуализма; большинство изъ насъ, быть можетъ, и создано для того, чтобы быть и оставаться людьми дюжинными. Если же оригинальность и геніальныя способности единичнаго лица достаточно велики, то онѣ побѣдо-

носно проложать себѣ путь, несмотря на школьный шаблонъ. Для школы главнымъ является нѣчто совершенно иное. Слишкомъ легко индивидуальныя черты характера ребенка принимаютъ нежелательное направленіе, превращаются въ эгоизмъ и своеволіе. Такія явленія ограничиваются и сглаживаются только при совмѣстной жизни съ чужими.

Поэтому школьное воспитаніе дѣвочекъ и мальчиковъ предпочтительнѣе домашняго, при которомъ ребенокъ начинаетъ считать себя очень важнымъ, такъ какъ находится въ центрѣ всеобщаго вниманія.

Этотъ процессъ выравненія и приспособленія индивидуальнаго къ общему является результатомъ дѣятельности не учителей, а прежде всего товарищей по школѣ, которые позволяютъ отдѣльнымъ лицамъ выдѣляться изъ общей массы, насмѣшками сглаживаютъ углы и рѣзкости маленькой личности и отвергаютъ притязанія часто уже сильно развитого эгоизма. Въ этомъ-то и заключается, на ряду съ поэзіей, нравственная цѣнность школьной дружбы. Сюда относится также и корпоративный духъ небольшой ученической общины, въ которой должны играть роль чувство чести и вѣрность данному слову, преданность и правдивость. Но требованіе индивидуализаціи не должно слишкомъ сильно вліять и на учителя. Индивидуализація, конечно, правильна въ извѣстныхъ узкихъ границахъ и, примѣняемая умѣренно, необходима и цѣнна. Но она невозможна и нежелательна за предѣлами скромной умѣренности. Вѣдь каждый ученикъ является въ школѣ лишь однимъ изъ многихъ; тѣмъ и цѣнно общее воспитаніе, что оно ставитъ каждаго лицомъ къ лицу съ извѣстнымъ желѣзнымъ закономъ равенства, неумолимо подчиняющаго себѣ всѣхъ. Это не вредитъ никому, даже геніальной личности, и совершенно неумѣстно, поэтому, требовать для нея уже въ школѣ исключительнаго положенія и исключительныхъ правъ. Мало смыслящіе учителя, правда, много портятъ и вредятъ; но пожалуй гораздо болѣе, когда они сантиментальничаютъ и изнѣживаютъ личность, чѣмъ стремленіемъ безъ разбора подводить всѣхъ подъ общій уровень. Такъ или иначе, но у такихъ учителей ломка дѣтскаго характера происходитъ всегда.

Но не должна ли школа ограничиться однимъ преподаваніемъ, отказавшись отъ воспитанія? Это странный вопросъ. Конечно, главною цѣлью существованія школы является обученіе; только эту часть воспитанія передали ей родители. Но обученіе должно быть хорошо поставлено: въ этомъ состоитъ участіе школы въ нравственномъ воспитаніи; въ этомъ тайна и — самое дѣйствительное средство вліянія школы. Нравственный моментъ лежитъ въ томъ, что человѣку дано занятіе, и онъ долженъ работать; каждый плохой и скучный урокъ является, наоборотъ, искушеніемъ быть невнимательнымъ и шалить; каждый несвоевременно начатый урокъ пріучаетъ и учениковъ не являться во-время; плохая подготовка учителя является дурнымъ примѣромъ лѣни и даетъ ученику право, въ свою очередь, плохо готовить уроки. Такимъ образомъ, воспитываетъ, въ концѣ концовъ все-таки нѣчто индивидуальное, личность учителя; дѣйствіе ея сильнѣе такъ называемаго «общаго духа», сильнѣе наградъ или наказаній, сильнѣе искусственныхъ мѣръ. Но за этимъ и выше этого воздѣйствія стоитъ, все-таки, нѣчто безличное, пожалуй, самое важное въ школьной жизни, добрый духъ небольшого школьнаго государства, въ которомъ товарищи являются наиболѣе энергичными воспитателями, на ряду съ учителемъ, воспитывающимъ сверху, если организмъ въ общемъ здоровъ и если господствующій въ немъ духъ правиленъ. Школа, обладающая такимъ добрымъ духомъ, которому она можетъ довѣриться, воспитываетъ, безъ всякихъ особенныхъ мѣръ, уже тѣмъ самымъ, что она является, дѣйствительно, мѣстомъ хорошаго преподаванія; сильнѣе всего ея воздѣйствіе, какъ школьной общины съ ясно выраженнымъ чувствомъ общности ея отдѣльныхъ членовъ, вѣрящихъ въ справедливость своего дѣльнаго главы и покоряющихся его авторитету изъ любви къ своему учителю.

Школа! — Это абстрактное понятіе; въ дѣйствительности существуютъ только отдѣльныя школы, да и то не однородныя. Но эти разнообразныя школы не должны стоять рядомъ безъ органической связи; наоборотъ, онѣ должны, несмотря на свои различія, составлять единое цѣлое, образъ котораго Песталоцци начерталъ въ слѣдующихъ знаменитыхъ словахъ: «Я представляю себѣ большой

домъ, верхній этажъ котораго блещетъ высшимъ, совершеннымъ искусствомъ и населенъ лишь нѣсколькими людьми. Въ среднемъ жильцовъ уже больше, но нѣтъ лѣстницъ, по которымъ они могли бы по-человѣчески подняться въ верхній этажъ; тѣхъ изъ нихъ, которые пытаются пробраться туда, такъ сказать по-звѣриному, колотятъ по рукамъ, какъ только замѣтятъ это, а порою отхватятъ ногу или руку, которую они пустили въ ходъ при попыткахъ взлѣзть наверхъ. Наконецъ, въ третьемъ этажѣ, внизу, живетъ многочисленное человѣческое стадо, имѣющее такія же права на солнечный свѣтъ и здоровый воздухъ, какъ и жильцы верхнихъ этажей; но его не только предоставляютъ самому себѣ въ отвратительно темныхъ чуланахъ безъ оконъ, а даже при помощи повязокъ и наглазниковъ дѣлаютъ глаза ихъ негодными къ смотрѣнію верхъ, на верхній этажъ». Тутъ важно не столько описаніе трехъ этажей, какъ мысль о ихъ внутренней связи. По странной случайности связь между нижними и верхнимъ этажами, народной школой и университетомъ, въ наше время проникла въ общее сознаніе и признается многими; это видо изъ того, что университетскіе преподаватели защищаютъ народную школу отъ опасностей, грозящихъ ея свободному, поступательному развитію, и что народные учителя довѣрчиво относятся къ университетамъ и къ ихъ дѣятелямъ. Учителя же высшихъ школъ, находящихся въ среднемъ этажѣ, не любятъ много заниматься жильцами нижняго этажа и съ неудовольствіемъ вспоминаютъ о томъ, что всѣ учителя должны быть объединены. Одной изъ первыхъ задачъ является, такимъ образомъ, достиженіе болѣе яснаго пониманія и болѣе усиленнаго осуществленія этой связи.

Раньше всего мы имѣемъ въ виду народную школу, являющуюся не исторически, но по своей основной идеѣ, всеобщей школой для всѣхъ дѣтей безъ различія, приблизительно до десяти лѣтъ. Въ дѣйствительности же она утратила этотъ характеръ всеобщности вслѣдствіе устройства приготовительныхъ школъ при гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ и при девяти и десятиклассныхъ женскихъ училищахъ, при чемъ эти элементарные классы входятъ въ составъ даннаго учебнаго заведенія. Лишаемая такимъ образомъ учениковъ, получившихъ лучшее домашнее воспитаніе, на-

родная школа падаетъ до степени школы для низшихъ классовъ, во многихъ случаяхъ она даже становится школой для бѣдныхъ. Въ связи съ этимъ высшія сословія, къ сожалѣнію, часто не интересуются достаточно серьезно народной школой, которую, вѣдь, не приходится посѣщать ихъ дѣтямъ; это чувствуется по недостатку заботъ о народной школѣ и, къ сожалѣнію, часто также по непониманію ея нуждъ въ министерствахъ и парламентахъ. Вѣроисповѣдный характеръ этихъ всеобщихъ низшихъ школъ препятствуетъ также ихъ единству. Внѣвѣроисповѣдная школа стоитъ выше подобныхъ школъ: благотворное дѣйствіе ея заключается въ томъ, что дѣти различныхъ вѣроисповѣданій съ самаго начала сидятъ на одной школьной скамьѣ, подчиняются общимъ законамъ и съ юности привыкаютъ видѣть другъ въ другѣ людей и сыновъ одного народа, далѣе, хорошо и то, что учитель долженъ наблюдать за собой и избѣгать говорить о вещахъ, оскорбительныхъ для иновѣрцевъ; такимъ образомъ, въ небольшомъ школьномъ организмѣ подготовляются согласіе и миръ между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, которые позднѣе такъ необходимы въ жизни и которыхъ мы должны поэтому добиваться всѣми доступными средствами.

Надъ всеобщей народной школой, которая доводитъ дѣтей до четырнадцати, а въ иныхъ мѣстахъ, къ сожалѣнію, только до тринадцати лѣтъ, является какъ бы надстройкой все болѣе распространяющаяся дополнительная школа; посѣщеніе ея обязательно еще не вездѣ, но все болѣе таковымъ становится и должно сдѣлаться неизбѣжнымъ для всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ безъ исключенія. Для этого нужно найти время и средства. Притомъ, школы эти, устроенныя примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, будутъ носить характеръ то сельско-хозяйственныхъ, то ремесленныхъ училищъ; въ обученіи же дѣвочекъ на первомъ планѣ должно стоять преподаваніе домоводства. Общіе предметы, напримѣръ, родной языкъ и исторія, не должны отсутствовать; обществовѣдѣніе въ такихъ школахъ можетъ оказать должное вліяніе.

Учителя должны быть особенно хорошо подготовлены къ преподаванію въ такихъ дополнительныхъ школахъ, и это обстоятельство значительно способствовало обостренію

вопроса о подготовкѣ учителей. Въ этомъ направленіи уже сдѣланъ значительный шагъ впередъ, но въ будущемъ все-таки станутъ удивляться, почему требуютъ основательной научной подготовки отъ священника, преподающаго въ народной школѣ Законъ Божій, а свѣтскимъ учителямъ долго отказывали въ правѣ и необходимости добиваться такой подготовки и во всякомъ случаѣ смотрѣли не очень доброжелательно на ихъ стремленія къ образованію. Тѣмъ большаго одобренія заслуживаютъ энергичныя старанія учителей собственными силами пробиться къ свѣту, и тѣмъ радостнѣе надо привѣтствовать всякую помощь, оказываемую имъ извнѣ, со стороны, напримѣръ, общества распространенія университетскаго образованія. Придется еще много говорить о томъ, лучше ли народнымъ учителямъ, дѣйствительно, посѣщать университеты, или же они могутъ и безъ этого достигнуть расширенія и углубленія своихъ знаній, по устраненіи односторонняго воспитанія въ интересахъ и предоставленіи имъ большей свободы преподаванія, если бы во главѣ учительскихъ семинарій стали философски образованные люди съ широкими и свободными взглядами. Отсутствіе вѣроисповѣдныхъ ограниченій при поступленіи въ учительскія семинаріи должно разумѣться само-собою. Во всякомъ случаѣ, государство должно стремиться къ лучшей и лучшей подготовкѣ учителей и къ развитію въ нихъ внутренней свободы. Изъ этого вытекаетъ само-собою обязанность ограждать лицъ, воспитанныхъ такимъ образомъ, отъ ига церкви и отъ надзора духовной власти, не обоснованнаго исторически и не заслуженнаго ихъ педагогической дѣятельностью, и энергично защищать ихъ противъ всякихъ церковныхъ вмѣшательствъ и притязаній. Требованіе профессіональнаго надзора, вмѣсто духовной школьной инспекціи, вполнѣ справедливо и разумѣется само-собою; мало-по-малу это начинаетъ понимать и поддерживать само духовенство, по крайней мѣрѣ, протестантское. Вѣдь школа — учрежденіе государственное, а не церковное. Принципъ этотъ признанъ и осуществленъ на практикѣ въ высшихъ школахъ; въ отношеніи же къ народной школѣ нужно еще сдѣлать его общимъ достояніемъ и, для проведенія его въ жизнь, неустанно напоминать о немъ.

Среднія школы, въ отличіе отъ народныхъ, предназначены для болѣе способныхъ представителей юношества. По крайней мѣрѣ такъ должно было быть. Въ дѣйствительности же, при нашихъ соціальныхъ условіяхъ многіе способные юноши не попадаютъ туда, а принимается много совершенно неспособныхъ дѣтей изъ высшихъ классовъ; являясь балластомъ, эти неспособные ученики понижаютъ уровень успѣховъ такихъ школъ, сами становятся несчастными подъ гнетомъ уроковъ, которыхъ не могутъ одолѣть, а впослѣдствіи, занимая мѣста, къ которымъ они не подготовлены, вредятъ другимъ и вызываютъ справедливыя жалобы или дешевыя насмѣшки надъ значеніемъ и вліяніемъ такъ-называемыхъ господствующихъ сословій. Глубоко ошибоченъ нашъ обычай выбирать профессію, руководствуясь сословными соображеніями и родительскимъ тщеславіемъ: какъ школа, такъ и государство страдаютъ отъ этого.

Однако эти среднія школы не имѣютъ профессіональнаго характера, а служатъ для общаго образованія, — вѣрнѣе, для подготовки къ нему, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, подготовляютъ къ высшимъ профессіямъ. Но если онѣ являются мѣстами подготовки къ общему образованію, къ чему тогда нѣсколько разрядовъ или видовъ такихъ школъ? Развѣ не лучше имѣть школы одного типа для всѣхъ? Въ самомъ дѣлѣ, идея такой однородности школъ имѣла одно время много приверженцевъ, хотя часто руководившихся лишь большей дешевизной такой школы или желаніемъ по возможности отдалить для юноши моментъ выбора профессіи. Между тѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что образованіе требуетъ не однородности, а напротивъ, разнообразія. Общеобразовательныя среднія школы должны какъ разъ по возможности противодѣйствовать грозящему во всѣхъ областяхъ обезличенію; средство для такого противодѣйствія — разные пути такихъ школъ къ цѣли общаго образованія. Поэтому не нужно единообразной школы, а три, четыре, по-моему какъ можно больше типовъ общеобразовательной школы.

По этой же причинѣ не слѣдуетъ слишкомъ стремиться къ централизаціи въ области обученія и воспитанія, такъ какъ подобная централизація обыкновенно связана съ

бюрократическимъ подведеніемъ всѣхъ подъ одну мѣрку! Нѣкоторый партикуляризмъ вполнѣ здѣсь умѣстенъ; умѣстно и соревнованіе отдѣльныхъ государствъ и стремленіе ихъ ревностно охранять каждое духовное завоеваніе, каждый шагъ, сдѣланный впередъ, какъ неотчуждаемое право. Но децентрализація можетъ итти и дальше. Въ XVI в. рядъ замѣчательныхъ директоровъ наложили на свои школы печать своего духа. Подобная самостоятельность въ наше время невозможна, потому что школы перешли въ вѣдѣніе государства, которое ввело школьные уставы и экзамены на аттестатъ зрѣлости, завело господъ школьныхъ совѣтниковъ и зеленые столы, за которыми они засѣдаютъ. Наши школы не имѣютъ индивидуальности, онѣ воистину сдѣлались однообразными. Въ противовѣсъ этому въ послѣднее время опять начинаютъ говорить — въ предписаніяхъ и циркулярахъ, слѣдовательно, на бумагѣ гораздо больше, чѣмъ на практикѣ — о необходимости большей свободы дѣйствій и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предоставляютъ ученикамъ свободу выбора или вводятъ замѣну однихъ уроковъ другими. Но это—совсѣмъ не главное. Директорамъ, заваленнымъ въ наше время канцелярской работой, нужно предоставить большую самостоятельность и дать имъ возможность накладывать свой отпечатокъ на общую постановку ихъ школы; каждый учитель также долженъ имѣть возможность дѣлать это въ своемъ преподаваніи, конечно, если онъ обладаетъ оригинальностью, своеобразнымъ умомъ и умомъ вообще. Ибо важно не то, чтобы всѣ ученики знали приблизительно одно и то же по всѣмъ предметамъ, и совсѣмъ не важно, чтобы они всѣ зубрили по одному методу, а важно, чтобы на нихъ воздѣйствовали учителя, которые обладаютъ каждый своимъ характеромъ и особымъ дарованіемъ и пробуждали ихъ умы къ той или иной работѣ, по индивидуальнымъ особенностямъ учениковъ.

Мы можемъ, слѣдовательно, радоваться существованію у насъ не одного, а трехъ и даже четырехъ видовъ средней школы: классическихъ и реальныхъ гимназій, реальныхъ школъ и, въ послѣднее время, также развѣтвляющихся въ разныхъ направленіяхъ реформированныхъ школъ. Но, къ сожалѣнію, эти различные виды школъ не развились органически извнутри, т.-е. изъ цѣлей и задачъ образо-

ванія, а вытекаютъ изъ тѣхъ или иныхъ связанныхъ со школой правъ.

Задача въ наше время заключается въ устройствѣ классической гимназіи, которая стремится, или, вѣрнѣе, должна соединить съ преподаваніемъ обоихъ древнихъ языковъ и преподаваніе новыхъ реальныхъ наукъ, а также и новыхъ языковъ, если хочетъ удовлетворять требованіямъ современной жизни. Эта двойственность, сказывающаяся соединеніемъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ и задачъ, предъявляетъ ученикамъ все большія требованія, тѣмъ болѣе, что и учителя съ лучшей подготовкой требуютъ, каждый по своей спеціальности, болѣе равномѣрныхъ занятій отъ своихъ учениковъ; потому, послѣдніе уже не могутъ больше свободно выбирать предметовъ изученія сообразно своимъ способностямъ и склонностямъ. Опасность переутомленія лежитъ здѣсь не столько въ количествѣ и качествѣ ежедневнаго труда, сколько въ многообразіи самыхъ предметовъ преподаванія. Такъ какъ въ настоящее время преподаваніе древнихъ языковъ отошло на задній планъ, уступая мѣсто естественно получившимъ большее значеніе реальнымъ и современнымъ предметамъ, то гимназіи во многихъ случаяхъ не даютъ больше того уровня знанія языковъ греческаго и латинскаго, при которомъ ученики свободно могли бы ими пользоваться; поэтому и учащіеся со своей стороны теряютъ любовь и интересъ къ филологическимъ предметамъ. И наконецъ такъ какъ въ связи съ этимъ классицизмъ утратилъ свою цѣнность въ наше время и пересталъ привлекать нашъ народъ, ставшій болѣе реалистичнымъ, то является вопросъ, долго ли греческій языкъ удержится въ высшихъ школахъ, какъ обязательный предметъ. Лучше будемъ заранѣе привыкать къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Вѣдь при этомъ условіи мы не порвемъ еще всѣхъ связей съ древнегреческой культурой: благодаря классикамъ она вошла въ составъ нашего міровоззрѣнія и еще жива и достаточно понятна въ ихъ твореніяхъ.

Подобному упадку классическаго направленія способствуютъ также реформированныя школы, хотя основатели ихъ надѣялись, наоборотъ, спасти греческій языкъ при посредствѣ широкихъ уступокъ реальнымъ предметамъ.

Но различные виды школы существуютъ пока въ этихъ формахъ. Классической гимназіи долго принадлежала привилегія быть единственнымъ, по крайней мѣрѣ, единственнымъ полноправнымъ мѣстомъ подготовки къ университету. Долго велась борьба противъ этой монополіи гимназій, пока не были признаны отчасти равныя права и значеніе за всѣми средними школами. Это можетъ вызвать лишь одобреніе и радость, если имѣть въ виду дурную привычку слишкомъ много и долго разспрашивать, гдѣ получено образованіе, вмѣсто того, чтобы просто убѣдиться, имѣется ли налицо достаточный его уровень. Если молодой человѣкъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ медицинскаго или юридическаго испытанія, то должно быть совершенно безразлично, гдѣ онъ къ нему готовился. Въ общемъ, нужно довѣриться разуму и обычаю, которые установятъ, или, вѣрнѣе, уже давно установили для каждой профессіи самую подходящую подготовку; въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, когда ученикъ реальнаго училища сталъ бы изучать богословіе, или воспитанникъ классической гимназіи перешелъ бы къ изученію техническихъ наукъ, нужно довѣриться собственнымъ силамъ учащагося. Дурнымъ слѣдствіемъ такого весьма разумнаго признанія равноцѣнности трехъ или четырехъ типовъ средней школы могло бы явиться стремленіе реальныхъ училищъ выпустить какъ можно бóльше своихъ учениковъ въ университетъ. Эти училища даютъ постоянную подготовку къ техническимъ профессіямъ и къ высшей коммерціи; но «университетское» честолюбіе лишь отдалило бы эти школы отъ ихъ прямой задачи и привело бы къ перепроизводству ученыхъ, отъ котораго мы страдаемъ и безъ того. Послѣднее, конечно, связано съ далеко еще не исчезнувшимъ глупымъ предразсудкомъ, будто гимназическое образованіе «благороднѣе».

Осталось еще въ силѣ выпускное испытаніе по окончаніи всего курса, такъ называемый экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Послѣдній является зломъ, какъ и всякій экзаменъ, испытаніе это стало настоящимъ средствомъ для перехода среднихъ школъ въ вѣдѣніе государства, при чемъ нельзя спорить противъ многихъ неблагопріятныхъ послѣдствій этого факта. Также надо признать, что, если вообще можно удостовѣрить зрѣлость, достаточную для поступле-

нія въ университетъ, то лучше всего это можетъ сдѣлать учитель, годами обучавшій воспитанниковъ и жившій съ ними. Для этого не нужно особаго испытанія, часто подверженнаго всякимъ случайностямъ. Такъ могла возникнуть идея уничтоженія экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости, и послѣднее, дѣйствительно, стали предлагать. Но такая отмѣна не въ интересахъ ни учителей, ни учениковъ. Испытаніе, руководимое правительственнымъ комиссаромъ, защищаетъ учителей, особенно въ небольшихъ городахъ, отъ подозрѣній, сплетенъ и часто отъ дѣйствительныхъ искушеній; они могутъ, поэтому, проявлять строгость, необходимую при этомъ рѣшительномъ испытаніи для того, чтобы не допускать въ университетъ неспособныхъ лицъ, могущихъ повредить человѣчеству, становясь негодными чиновниками, учителями или врачами. Экзаменующемуся также не можетъ повредить то, что онъ долженъ въ концѣ своего школьнаго ученія еще разъ провѣрить, въ общей связи, что онъ знаетъ и что можетъ сдѣлать, и при этомъ пополнить пробѣлы, возникшіе благодаря его собственной лѣности. Такимъ образомъ польза этихъ испытаній все-таки перевѣшиваетъ ихъ вредъ. Нужно только требовать, чтобы экзаменаціонная комиссія не дѣлала дня экзамена днемъ ужаса для учителей и учениковъ и тѣмъ не заставляла ихъ задалбливать ненужное въ послѣднія недѣли и мѣсяцы передъ экзаменомъ, стремясь блеснуть памятью и произвести внѣшній эффектъ. Разумно руководя испытаніемъ, можно уничтожить одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ переутомленія и устранить его опасность.

Различнымъ типамъ среднихъ школъ для мальчиковъ соотвѣтствуетъ лишь одинъ типъ средней школы для дѣвочекъ, къ которому въ послѣднее время присоединились еще женскія гимназіи, являющіяся мѣстомъ подготовки къ университету, въ наши дни, по счастью, уже болѣе не закрытому для женщинъ.

Всякое время является, впрочемъ, переходомъ, наше обладаетъ этимъ качествомъ въ необыкновенно сильной степени. Это видно также и въ области школы — въ стремленіи народныхъ учителей въ высь и впередъ, въ ихъ борьбѣ за свободу личности и свободу школы, что можно только привѣтствовать, въ общемъ недовольствѣ современ-

нымъ состояніемъ нашей подготовки къ высшему образованію и быстро слѣдующими другъ за другомъ попытками его реформы, и, наконецъ, въ растущемъ сознаніи связи всѣхъ этихъ вопросовъ и задачъ не только между собою, но и съ глубочайшими корнями всей нашей духовной культуры. Такъ мы опять вернулись къ нашему первоначальному положенію — къ тѣсной связи всѣхъ школъ, отъ низшей до университета; только теперь мы еще узнали, что школа коренится въ характерѣ культуры народа. Вопросъ о формѣ школы имѣетъ поэтому общій интересъ и касается не только учителей, но и родителей и вообще всѣхъ, принимающихъ къ сердцу благо своего народа: вѣдь дѣло идетъ о нашемъ юношествѣ, слѣдовательно, о нашемъ будущемъ.

Новѣйшіе методы обученія.

Эрнста Келлера.

Въ воспитаніи важны три фактора: личность воспитателя и учителя, предметы преподаванія и способъ, какимъ они передаются ребенку и примѣняются для развитія его личности: методъ обученія. Въ первые годы жизни воспитателями являются родители, въ особенности мать. Первоучитель и создатель новыхъ путей, Амосъ Коменскій, прямо называетъ первыя шесть лѣтъ материнскою школою. Позднѣе воспитываютъ учителя на ряду съ ро-

дителями, вліяніе которыхъ обыкновенно отходитъ все болѣе и болѣе на задній планъ, а вмѣстѣ съ ними съ перваго же дня воспитываетъ каждый человѣкъ, соприкасающійся съ ребенкомъ, и, въ значительной степени, также и предметы неодушевленные: окружающая обстановка и происшествія, свидѣтелемъ которыхъ ребенокъ становится.

Предметами преподаванія считались въ средневѣковыхъ школахъ—а именно въ церковныхъ и монастырскихъ богословскіе предметы: изученіе Библіи и молитвъ. Свѣтскія школы, появившіяся раньше всего въ городахъ, напирали на искусное чтеніе и письмо, лишь позднѣе на ариѳметику и позже на предметное обученіе. Новая народная школа соединяетъ оба направленія и, на ряду съ грамматикой и нѣкоторыми стихотвореніями, даетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія по геометріи и коммерческому счету, исторіи и географіи, рисованію и пѣнію. Въ центрѣ же программы среднеучебныхъ заведеній стоятъ литература и сочиненіе и, въ однихъ древніе языки или два важнѣйшихъ новыхъ съ нѣкоторыми указаніями на ихъ литературу, а въ другихъ — естественныя науки и математика.

Но современная школа на всѣхъ своихъ ступеняхъ видитъ свою главную задачу не только въ обученіи этимъ предметамъ, чтобы этимъ сдѣлать учениковъ «полезными членами человѣческаго общества»; въ первую очередь она старается помочь воспитаннику въ выработкѣ собственнаго міросозерцанія, извѣстнаго отношенія къ міру и жизни, воли, направленной къ добру, образовать нравственную личность, характеръ. Изъ этой цѣли преподаванія долженъ вытекать и его способъ, или методъ. Примѣнительно къ этой цѣли слѣдуетъ судить о рядѣ улучшеній, предложенныхъ и испробованныхъ въ наше время.

Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій въ нашей школьной жизни господствовало мнѣніе, что и «школьный порядокъ долженъ поддерживаться палкой». Ученики монастырскихъ школъ каждое лѣто съ пѣніемъ и играми рѣзали въ зеленомъ саду березовыя розги, которыя затѣмъ въ теченіе года ломались объ ихъ мягкія части и руки. То былъ спеціальный школьный праздникъ. Лютеръ училъ: «Кто любитъ своего ребенка, тотъ многократно сѣчетъ его»; лишь въ болѣе въ поздніе годы, сдѣлавшись отцомъ семейства, онъ

сталъ мягче и положилъ рядомъ съ розгой яблоко; но и педагогическая мудрость нашихъ учителей еще въ XIX в. охотно прибѣгала къ розгѣ, грозно торчавшей за зеркаломъ. Это называлось «въ духѣ послушанія и страха Божія», на дѣлѣ же оно развивало трусость, безчестность, хитрость и жестокость.

Въ современномъ школьномъ воспитаніи нѣтъ мѣста внѣшнему принужденію; въ розгахъ и карцерахъ мы видимъ лишь доказательства несостоятельности воспитателя или его предшественниковъ, ошибки которыхъ хотятъ исправить посредствомъ принудительныхъ мѣръ по отношенію къ воспитаннику, въ сущности, невинному.

Собственно само обученіе держалось почти исключительно на одной памяти. Эту почву обрабатывали до тѣхъ поръ, пока матеріалъ не укоренился въ ней крѣпко и изучаемый отрывокъ шелъ съ языка самъ собою.

Въ новѣйшее время, напротивъ того, часто пренебрегали памятью, что не менѣе ослабляло ее, чѣмъ слишкомъ большое напряженіе въ прежнее время.

Необходимъ заботливый уходъ за этой чудесной духовной школой, при посредствѣ неустаннаго, но умѣреннаго и разумнаго употребленія ея, нельзя навязывать ей ничего, что предварительно не было бы облегчено и укрѣплено пониманіемъ и теплымъ отношеніемъ.

Вѣдь всякое искусство, и искусство воспитанія въ томъ числѣ, основано на памяти, на запоминаніи, а въ память глубже всего западаютъ впечатлѣнія дѣтства. Работа памяти начинается съ перваго дня жизни. Грудной ребенокъ именно потому и можетъ узнавать предметы, что его мозгъ получилъ представленіе о нихъ, вѣрнѣе говоря, способность вызывать въ памяти ихъ образы. Такъ дѣло идетъ и далѣе: день за днемъ, часъ за часомъ дитя какъ бы охотится за представленіями и безпрестанно захватываетъ новую добычу; при помощи разспросовъ и размышленій, шагъ за шагомъ ребенокъ завоевываетъ міръ, вводя въ свой кругъ представленій части этого міра или ихъ отраженія въ образахъ или въ словахъ. И каждое новое завоевываніе влечетъ его дальше: ибо «міръ прекраснѣе всего тамъ, гдѣ онъ кончается». Разумное воспитаніе должно предоставить ребенка этой тихой созидательной работѣ и бережно остерегаться навя-

зыванія ему какихъ-либо знаній, умѣній или дѣйствій, будь это даже чудеснѣйшая молитва.

Свобода никогда не можетъ быть лишней для здороваго ребенка. Гуляетъ ли онъ по полямъ или улицамъ, сидитъ ли, наблюдая и мечтая въ углу, онъ всегда растетъ тѣлесно и духовно: ни одинъ день не проходитъ безъ слѣда.

Но вотъ судьба вырываетъ его изъ привычной и любимой среды. Школа дѣлитъ съ этихъ поръ съ родительскимъ домомъ руководительство ребенкомъ и располагаетъ его силами. Благо ему, если семья не слишкомъ рано отказывается отъ своихъ правъ и обязанностей, если и школа и семья согласно рѣшаютъ свою отвѣтственную задачу!

По возможности съ перваго же посѣщенія школы—такъ принято, и этого требуетъ наслѣдственная мудрость большинства родителей—должно начаться обученіе чтенію и письму, сразу отрывающее ребенка отъ привычныхъ занятій и насильно втаскивающее его въ чуждый міръ сухихъ символовъ, буквъ.

Счастье еще то, что двойное искусство чтенія и письма нынче гораздо легче дается ребенку, чѣмъ въ старину, когда цѣлый годъ его мучили буквами, еще годъ складами, и лишь на третій годъ благополучно допускали до чтенія. По способу Іог. Леопольда Гразера (1837) чтеніе и письмо соединяются въ письменное обученіе чтенію; начинаютъ съ писаныхъ буквъ: ученику сразу предоставляется срисовывать ихъ съ прописи, чтобы при этой самостоятельной дѣятельности онѣ быстрѣе и пріятнѣе запечатлѣвались въ его юномъ мозгу.

Чтеніе и письмо облегчаются, далѣе, сходнымъ нововведеніемъ, также лишь въ послѣднее время побѣдоносно прошедшимъ по школамъ: это звуковой методъ, рекомендованный Генрихомъ Стефани еще въ 1804 и 1814 годахъ. Ребенку сразу показываютъ все слово, сначала произнося его, а потомъ въ письмѣ или печати, обыкновенно рядомъ съ картинкой того же содержанія. Затѣмъ его дѣлятъ на отдѣльные звуки, которые долженъ произносить ребенокъ, такъ что слово вновь образуется изъ сліянія гласныхъ и согласныхъ. Такъ же сразу становится понятнымъ и различіе между звуками и буквами. Это аналитическій методъ, который разлагаетъ произнесенное или

написанное слово (анализъ) и тѣмъ выявляетъ отдѣльные звуки, чтобы затѣмъ вновь слить ихъ въ слово (синтезъ).

Какъ ни полны достоинствъ, какъ ни правильны оба эти метода, все же лучше примѣнять ихъ только на второмъ или на третьемъ году обученія. Вѣдь, кромѣ укоренившагося обычая, не существуетъ иного основанія, по которому именно шестилѣтнихъ дѣтей нужно обучать чтенію и письму, какъ это дѣлалось полтора вѣка тому назадъ съ латынью.

Маленькіе пальцы еще неловки въ письмѣ, не говоря уже о томъ, что аспидная доска портитъ глаза и руку; спинной хребетъ и шея еще недостаточно сильны, чтобы не подвергаться опасности искривленія, даже при цѣлесообразномъ выборѣ школьной скамьи и при прямомъ письмѣ, которое одно допускаетъ и даже обезпечиваетъ правильное положеніе тѣла и къ которому упрощенная азбука является превосходной подготовкой. Съ чтеніемъ же некуда спѣшить: вѣдь, книга и весь бумажный міръ только неизбѣжное зло тамъ, гдѣ недостаточно зрѣнія и слуха, личнаго воспріятія и возможности общенія съ другими людьми.

Можно сдѣлать и самую рѣчь, самое образованіе звуковъ, предметомъ работы зрѣнія и слуха. Эльзасскій сельскій священникъ I. Шпизеръ примѣнилъ старательно продуманную систему сначала къ собственнымъ дѣтямъ, а затѣмъ къ элементарному классу сельской школы. На модели поперечнаго разрѣза головы дѣти разыскивали органы дыханія и голоса; опытами и наблюденіями, а также съ помощью ручного зеркала они устанавливали дыхательные пути и сами «воочію» знакомились съ процессами, происходящими при образованіи различныхъ «зубныхъ», «губныхъ», «небныхъ», «плавныхъ», «шипящихъ» и «звонкихъ» (гласныхъ) звуковъ. Шпизеръ показывалъ дѣтямъ каждое измѣненіе въ голосовыхъ и дыхательныхъ органахъ на цвѣтныхъ моделяхъ головъ, которыя онъ надолго вѣшалъ въ классѣ, для продолжительнаго разсматриванія; уже на второмъ мѣсяцѣ дѣти умѣли считывать съ каждаго «человѣка на стѣнѣ» звукъ, соотвѣтствующій положенію его губъ, зубовъ, языка и нёба. По мѣрѣ успѣховъ, рвеніе такъ возросло, что одинъ мальчикъ «самъ выучился» однажды ночью язычному *р*. По одному изображенію положенія рта дѣти читали чуждые имъ звонкіе звуки сѣверо-германскаго нарѣчія

и англійское th. Они чрезвычайно быстро научились печатной азбукѣ и не менѣе быстро другимъ алфавитамъ; любовь къ наблюденіямъ надъ своими и чужими органами рѣчи и знаніе простыхъ средствъ для избавленія отъ мнимо «органическихъ» недостатковъ останутся для нихъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ на всю жизнь.

Но и этотъ геніальный методъ, которому заслуженный издатель «Домашняго учителя», Бертольдъ Отто, далъ названіе «чтенія посредствомъ представленій», можетъ лишь выиграть отъ своего примѣненія на годъ или два позднѣе. Вѣдь существуетъ безконечное множество предметовъ болѣе необходимыхъ и болѣе интересныхъ для шестилѣтняго маленькаго человѣка, чѣмъ чтеніе и письмо. Дитя, предоставленное самому себѣ, не побуждаемое ни примѣромъ, ни уговариваньемъ взрослыхъ, едва ли подумаетъ о письмѣ, гораздо скорѣе оно будетъ стараться изобразить то, что ему понравилось: метла станетъ верховой лошадью, кусокъ дерева, къ которому оно привяжетъ веревку, — экипажемъ, самъ мальчикъ окажется локомотивомъ, или Богъ вѣсть еще чѣмъ. Изъ песка и глины онъ надѣлаетъ пирожковъ или домиковъ; дѣвочка сдѣлаетъ себѣ ребенка, куклу изъ картофеля и тряпокъ. Такъ проявляется чудесный даръ Божій, «способность образной передачи въ рисункѣ и лѣпкѣ», простѣйшее занятіе искусствомъ. Или же ребенокъ чертитъ на пескѣ двора животное, человѣка или предметъ домашняго обихода: хотя неуклюже, онъ, все-таки, начинаетъ переносить тѣла на плоскость, рисовать. Но стремясь изображать такимъ образомъ то, что его окружаетъ, ребенокъ пріобрѣтаетъ понятіе о самихъ предметахъ, — а не только о звукѣ, которымъ они обозначаются, не только о словѣ, которое, въ противномъ случаѣ, т.-е. при преждевременномъ преподаваніи грамоты, воцаряется надъ умомъ ребенка и вырабатываетъ въ немъ неправильное міровоззрѣніе, превращаетъ со временемъ въ «книжнаго червяка», буквоѣда.

Лишь позже, т.-е. при наличности цѣлаго запаса непосредственно полученныхъ представленій, должно начаться обученіе. Ребенокъ приноситъ въ школу въ мозгу своемъ отраженіе уже значительной части міра. Правда, очертанія этой картины еще во многихъ случаяхъ неясны, спутаны,

даже невѣрны, то тутъ, то тамъ существуютъ пробѣлы; и никогда отраженіе это не будетъ тожественнымъ у двухъ дѣтей, хотя бы даже у близнецовъ.

Но всѣ дѣти, находящіяся въ классѣ, должны получить одинаковое образованіе, совершить одинаковое странствіе, длящееся восемь лѣтъ и болѣе. При этомъ руководитель этого длиннаго пути, вѣрнѣе, этого перваго вступленія въ жизнь, долженъ сначала провѣрить силы и багажъ маленькихъ странниковъ, изслѣдовать почву, на которой ему и его коллегамъ предстоитъ создать отраженіе всего мірозванія или хоть облегчить это созиданіе. На школьномъ дворѣ и въ гимнастической залѣ онъ узнаетъ и сравниваетъ, иногда и уравниваетъ ихъ тѣлесную ловкость и силу; духовное же богатство, т.-е. силу ума и накопленное имъ добро, онъ долженъ привести въ извѣстность на первыхъ же урокахъ.

Послѣ такого «анализа круга понятій дѣтей» необходимо какъ бы проявить представленія каждаго отдѣльнаго ученика, подобно тому, какъ фотографъ проявляетъ свои пластинки, чтобы эти представленія выступили яснѣе и опредѣленнѣе; затѣмъ надо привести ихъ въ порядокъ, оформить и ясно ввести въ сознаніе ученика. Непринужденно и не стѣсняясь малыши должны сообщать учителю, что они знаютъ или воображаютъ, будто знаютъ, а также и то, чего они желаютъ и что чувствуютъ; каждый на своемъ языкѣ, котораго учитель не долженъ никоимъ образомъ порицать и исправлять слишкомъ рано. Ребенокъ удовлетворяетъ такимъ образомъ свое естественное влеченіе: онъ разсказываетъ о себѣ и о своемъ мірѣ и, пожалуй, иногда непреднамѣренно изображаетъ разсказываемое. Поскольку его представленія чужды его соученикамъ, ребенокъ становится ихъ учителемъ; въ противномъ же случаѣ — ихъ ученикомъ. Трудовой союзъ заключенъ; то, что наполняетъ память отдѣльныхъ учениковъ, плоды всѣхъ переживаній и мыслей прошедшихъ лѣтъ, сносится въ одно мѣсто и образуетъ основу духовнаго капитала всего класса, капитала, принадлежащаго всѣмъ товарищамъ.

Этотъ основной капиталъ маленькіе капиталисты пускаютъ въ оборотъ подъ руководствомъ, по возможности незамѣтнымъ, своего управляющаго дѣлами, каковымъ

является учитель. Они въ общемъ знаютъ только то, что существуетъ, что происходитъ, и то лишь внѣшнимъ образомъ. Преподаваніе же должно заставить ихъ вдуматься въ то, какъ, почему, чѣмъ, для чего все существуетъ и происходитъ и, такимъ образомъ, углубить ихъ внутреннюю жизнь, придать ей извѣстную форму. То, что до сихъ поръ казалось ребенку понятнымъ само-собою, становится для него предметомъ разсмотрѣнія, сомнѣнія, размышленія, даже удивленія и преклоненія; члены его представляются ему его орудіями, отдѣльный человѣкъ—членомъ и орудіемъ общества. Причины и цѣли окружаютъ явленія и устанавливаютъ связь между ними, вездѣ являются новые взгляды и мысли, которые ребенокъ развиваетъ дальше уже самъ.

Это предметное преподаваніе не имѣетъ ничего общаго съ французскимъ leçon de choses, ведущимъ только къ болтовнѣ обо всемъ на свѣтѣ и кое-о-чемъ сверхъ того. Оно совершенно чуждо и обычному педантизму нашихъ азбукъ и книгъ для чтенія, говорящихъ городскому ребенку, если можно, даже въ формѣ басни Эзопа, о коровѣ и овцѣ, а деревенскому—о вагонѣ электрической дороги или о витринѣ магазина въ большомъ городѣ. Это преподаваніе вводитъ ребенка въ его собственный интимный міръ, учитъ его наблюдать и любить людей, ему подобныхъ, близкихъ ему животныхъ и растеній, устройство, жизнь и цѣли міра, его окружающаго, и даетъ ему масштабъ для сужденій о нихъ и указанія для ихъ использованія; оно объясняетъ и даже возвышаетъ самыя мелочи его маленькаго міра, какъ это было великолѣпно проведено Эренфельдомъ въ его «Школьныхъ сказкахъ» (1899 г.), не обратившихъ на себя должнаго вниманія.

Какъ доволенъ ребенокъ, когда ему становится понятнымъ, сколько людей и какихъ должны прилежно и планомѣрно работать, пока его завтракъ попадетъ на столъ, или пока открытое письмо отъ бабушки найдетъ его среди массы народа въ большомъ городѣ! Какъ пробуждается его интересъ къ предметамъ, изобрѣтеніе и приготовленіе которыхъ стало ему яснымъ, его симпатія къ людямъ, когда онъ понимаетъ, какъ много обязанъ ихъ думамъ и трудамъ!

Это—основа гуманнаго, соціальнаго, даже религіознаго

воспитанія. Оно наполняетъ сердце ребенка радостными и святыми мыслями безъ помощи словъ, и, можетъ быть, именно тогда лучше и сильнѣе всего, когда «добрый Богъ», какъ deus ex machina, сначала совершенно остается въ сторонѣ.

Это, полное жизни, индивидуальное предметное преподаваніе имѣетъ двоякаго рода преимущества въ сравненіи съ книгой. Оно индивидуально: оно приспособляется къ характеру ребенка, къ его интересамъ, даже къ его настроенію, и его результаты такъ сильно запечатлѣваются въ памяти ребенка, что и взрослый человѣкъ помнитъ еще, подобно Лессинговой Рехѣ, «когда, гдѣ и какъ онъ меня этому училъ».

Въ то время, какъ ребенокъ при чтеніи совершенно пассивенъ, онъ при этомъ методѣ преподаванія самъ работаетъ, полный радостнаго рвенія: опять и опять онъ хочетъ разсказывать, спрашивать, изображать, подражать и,—что совсѣмъ немаловажно, — смѣяться и сообщать свою радость другимъ.

Правда, при этомъ нельзя заставлять дѣтей по цѣлымъ часамъ неподвижно сидѣть на скамейкахъ. Они должны постоянно находиться въ движеніи, чтобы указывать учителю и соученикамъ и изображать все то, что привлекло ихъ вниманіе. То, что давно получило права гражданства въ реформированномъ преподаваніи новыхъ языковъ, т.-е. то, что учениковъ учатъ называть предметы, мы должны распространить и на познаваніе явленій.

На урокахъ долженъ царить кажущійся безпорядокъ, хлопотливая суетня мастерской; преподаваніе должно переноситься, по возможности, чаще, то на школьный дворъ, напримѣръ, чтобы измѣрять съ дѣтьми разстояніе между деревьями, то въ садъ, чтобы пріучить ихъ сажать растенія и ходить за ними; съ учениками постарше можно предпринимать прогулки въ садъ, къ ручьямъ и рѣкамъ, въ поля и лѣса, и не только для преподаванія естественной исторіи: нѣтъ, и для изученія географіи и исторіи, Закона Божія и родного языка, равно необходимо знакомство съ неодушевленной природой: вездѣ можно найти цѣнное и интересное, возбуждающее и развивающее разумъ, фантазію и чувство. Съ этихъ прогулокъ ученики приносятъ въ классъ растенія и камни, также и низшихъ животныхъ;

все это разбирается и разсматривается въ классѣ; тутъ же ухаживаютъ и за животными; уходъ этотъ является такимъ же средствомъ практическаго обученія дѣятельной любви и заботамъ о слабыхъ, какъ въ домашней жизни—уходъ за собакой, канарейкой или младшимъ членомъ семьи.

Американцы (въ St. Louis, Great Salt Lake City) идутъ уже дальше: они отправляются съ дѣтьми большого города на ферму, гдѣ показываютъ дѣтямъ, напримѣръ, какъ курица высиживаетъ цыплятъ; дѣти съ искренней радостью смотрятъ на эту тихую, неуклонную дѣятельность природы; они учатся цѣнить самыя слабыя проявленія жизни и поддерживать ихъ; мы можемъ, по крайней мѣрѣ, раздавать дѣтямъ, какъ только они научатся читать, календари Общества покровительства животнымъ. Затѣмъ они водятъ дѣтей въ мастерскія ремесленниковъ, напр., къ кузнецу, работа котораго наполняетъ всю ихъ маленькую жизнь, оживляетъ ихъ игры и образуетъ зародышъ соціальнаго чувства на будущіе годы; я и самъ уже много лѣтъ дѣлаю это, какъ и многое другое.

Это американское изученіе дѣйствительности въ связи съ предметнымъ преподаваніемъ и еще болѣе, чѣмъ послѣднее пробуждаетъ на ряду съ потребностью сообщенія и другую мощную потребность человѣка, на которую школа до сихъ поръ не обращала почти никакого вниманія, а именно: стремленіе къ дѣятельности, которое Шиллеръ называлъ стремленіемъ къ игрѣ и хотѣлъ положить въ основу своего эстетическаго воспитанія: потребность примѣнять таящіяся въ человѣкѣ и часто дремлющія силы мускуловъ, чувствъ и духа. Уже ребенку, въ особенности въ большомъ городѣ, грозитъ опасность, такъ страшно опустошающая нашу общественную жизнь, отдѣлываться отъ предметовъ словомъ, во-время пришедшимъ на умъ. А тутъ пробуждается потребность видѣть и слышать, сравнивать, воспринимать, вникать въ познаваемое, а затѣмъ подражать и изображать. Тутъ вступаетъ въ свои права словесное сокровище нашего языка, такъ какъ ребенокъ узнаетъ теперь пластическую наглядность, изобразительное богатство языка, дающаго намъ готовыми мысли и поэтическіе образы. Вмѣстѣ съ тѣмъ ребенокъ радъ возможности пускать въ ходъ

руки и ноги, съ помощью которыхъ онъ старается изобразить предметы и сдѣлать ихъ своимъ достояніемъ. Если ему показали, какъ природа защищаетъ развивающійся листочекъ бука, при посредствѣ искусно сложенной оболочки, или одѣваетъ плоды кожицей, ребенокъ охотно завернетъ въ обложку свою новую книжку съ картинками, и достаточно будетъ незначительнаго указанія, чтобы заставить его отмѣрять, складывать и разглаживать бумагу. Необходимые для этого вниманіе и покой появляются сами-собою; склонность къ безпорядочной чрезмѣрной подвижности подчиняется сдерживающей волѣ; начинаетъ возникать власть характера надъ тѣломъ: рука работаетъ одновременно со зрѣніемъ, и другія чувства, такъ легко подавляемыя послѣднимъ, становятся рядомъ съ этимъ легко опредѣляемымъ, субъективнымъ чувствомъ, помогая ему, поправляя и, въ такихъ случаяхъ, какъ у Елены Келлеръ, замѣняя его. Подражаніе при посредствѣ собственнаго тѣла смѣняется изображеніемъ изъ песка, глины, пластилина, а также изъ яблока, рѣпы, картофелины; отъ тѣлеснаго изображенія, при которомъ главный трудъ выпадаетъ на долю осязанія, переходятъ къ изображенію на плоскости, посредствомъ отпечатка на влажномъ пескѣ, посредствомъ продырявливанія и прокалыванія; затѣмъ, послѣ рисованія или, вѣрнѣе, малеванія, дѣти приходятъ, наконецъ, опять къ описательному слову. Но насколько иначе знаетъ и описываетъ ребенокъ губку или лимонъ, послѣ того, какъ онъ научился изображать ихъ! Совершенно другими глазами смотритъ онъ теперь на свое тѣло, дающее ему орудія и масштабы для любимаго занятія: рука съ пальцами и кулакомъ служитъ совкомъ, чашкой, вилкой, крючкомъ, щипцами, буравомъ, молоткомъ; ребенокъ измѣряетъ ширину пальцами, толщину—большимъ пальцемъ; длину—ладонью, четвертью, локтемъ, саженью. Прошло уже время господства обученія, основаннаго лишь на словахъ: на ряду съ воспринимающими силами, изобразительныя силы закона борются за свое развитіе; дитя хочетъ осуществить свои собственныя представленія о формѣ. Въ роли гордаго путешественника, ѣдущаго за открытіями, ребенокъ познаетъ, приводитъ въ порядокъ, подчиняетъ себѣ одно явленіе за другимъ; изъ изнѣживающаго принижающаго куль-

турнаго міра, среди котораго онъ выросъ, онъ уходитъ, чтобы искать природу въ себѣ и вокругъ себя и чтобы учиться властвовать надъ нею. Посредствомъ труда научившись господствовать и двигаясь впередъ все успѣшнѣе и радостнѣе, ребенокъ начинаетъ понимать и уважать творчество, трудъ предшествующихъ ступеней культуры, которыя онъ еще разъ проходитъ собственнымъ трудомъ: на ряду съ соціальнымъ просыпается и историческое пониманіе, прямо жаждущее просвѣщенія. Американецъ Джонъ Девей показалъ на обработкѣ волокна хлопка, наглядно уяснилъ своимъ ученикамъ развитіе человѣчества; нѣмецъ Георгъ Биденкапъ указалъ въ прекрасной книгѣ, какъ можно сдѣлать понятнымъ для дѣтей ходъ историческаго развитія, выводя его изъ почвы и жизненныхъ условій родины.

Но не сталкиваются ли эти идеи съ острыми углами дѣйствительности? Къ какимъ учебнымъ предметамъ въ нашихъ школахъ слѣдуетъ примѣнять всѣ эти прекрасныя вещи?

Изъ всѣхъ видовъ человѣческой дѣятельности наиболѣе страдаетъ, отъ подмѣна цѣлей средствами, именно, трудъ учителя. Вѣдь чтеніе и письмо, упражненія въ иностранныхъ языкахъ, школьный уставъ и свидѣтельства—являются только пособіями преподаванія, только устраняютъ помѣхи и препятствія, а во сколькихъ школахъ они занимаютъ господствующее положеніе, какъ будто въ нихъ и заключается вся суть! Наиболѣе обоюдоострымъ въ нашемъ школьномъ дѣлѣ являются учебные предметы. Боюсь, что, чѣмъ больше будетъ учителей-спеціалистовъ по тому или иному предмету, тѣмъ меньше будетъ просто учителей. Отмѣтки по учебнымъ предметамъ являются въ глазахъ многихъ учителей, родителей и учениковъ основой школьной жизни, корыстной наградой и цѣлью, для достиженія которой «трудятся». Дитя, какъ цѣлое, какъ формирующаяся личность, при этомъ едва ли принимается во вниманіе.

Однако его естественный ростъ требуетъ прежде всего свѣта, воздуха, солнца и вѣтра, живого воспріятія при помощи всѣхъ органовъ чувствъ, и лишь послѣ этого наступитъ очередь раздѣленія знанія на учебные предметы.

Артуръ Шульцъ желаетъ перенесенія начала школь-

наго преподаванія на восьмой, чтенія же письма и спеціальныхъ предметовъ на двѣнадцатый годъ, чтобы оставить такимъ образомъ 4—5 лѣтъ для общаго преподаванія. Такъ называетъ онъ задачу введенія дѣтей въ богатый, чудный міръ. Онъ «не уноситъ колосьевъ съ поля, то-есть съ того мѣста, гдѣ земля, навозъ, дерево, плугъ, большая дорога, гдѣ тучи, вѣтеръ и солнце совмѣстно работали для его возникновенія; онъ не приноситъ его въ классъ на урокъ ботаники; нѣтъ, онъ долженъ стоять въ полѣ и наблюдать ихъ возникновеніе, ихъ ростъ, пользу отъ нихъ и работу, необходимую для этого. Каждый колосъ выростаетъ при сотрудничествѣ силъ природы и человѣка. Для объясненія этихъ силъ намъ нужно знать всевозможныя науки: ботанику, физику, химію, метеорологію, сельское хозяйство, государствовѣдѣніе, Законъ Божій и т. д.». Такое преподаваніе на вольномъ воздухѣ обостряетъ и чувства: ученики «распознаютъ окраску птицы, летящей высоко по воздуху, видятъ, черный или желтый, кривой или прямой у нея клювъ, уже издали могутъ отличить яблоню отъ вишни, узнаютъ стволъ, не видя листьевъ; они легко опредѣляютъ, принадлежитъ ли данный листъ яблонѣ или вишнѣ; при посредствѣ осязанія они узнаютъ, орѣховый или ольховый листъ у нихъ въ рукѣ».

При этомъ методѣ ученики становятся самостоятельными, прямодушными и пріобрѣтаютъ силу характера; они безъ принужденія достигаютъ познанія Бога и любви къ Нему и Его живой силѣ; а затѣмъ, когда начинается преподаваніе по спеціальностямъ, то при такой широкой личной и предметной подготовкѣ оно идетъ быстро и успѣшно.

Въ общемъ мы обязаны этими уже достигнутыми, или только выставленными въ принципѣ, улучшеніями метода идеямъ Фребеля; и этотъ пророкъ оживаетъ въ своемъ отечествѣ, въ наши дни, болѣе, чѣмъ черезъ полстолѣтіе послѣ своей смерти (1852 г.); за границей онъ уже давно признанъ всѣми. Правда, что многіе его «дары» и кажутся придуманными и скучными; своимъ одностороннимъ формализмомъ они мѣшаютъ свободѣ наблюденія. Но его основныя идеи правильны и безсмертны. Уже теперь подготовка уха къ складамъ подготовляетъ почву для обученія чтенію, а самодѣятельность ребенка поощряется при

письменномъ обученіи чтенію или при обученіи посредствомъ представленій. При изученіи цвѣта, формы, вѣса, звука, основъ механики, каковы: равновѣсіе, давленіе, напряженіе не ограничиваются заучиваніемъ наизусть ихъ названій на иностранныхъ языкахъ и нѣсколькихъ опредѣленій. Даже математикѣ, подготовленной нагляднымъ обученіемъ и опирающейся на ручной трудъ, придется все болѣе терять свою отвлеченность, дѣлаться наглядно жизненною, чтобы здоровое юношество могло искренне заинтересоваться и заниматься ею съ длительною пользою. Въ преподаваніи древнихъ языковъ Людвигъ Гурлиттъ, какъ послѣдователь Коменскаго, сдѣлалъ опытъ, вначалѣ почти безуспѣшный, сдѣлать преподаваніе грамматики нагляднымъ.

Такъ осуществляется изреченіе Фребеля: «Человѣкъ познаетъ вполнѣ лишь то, что онъ можетъ изобразить». Школа не имѣетъ уже права прерывать или совершенно обрывать домашнее воспитаніе и прекрасныя подготовительныя упражненія дѣтскаго сада, не давая дѣтямъ ничего, кромѣ массы мертвящихъ словъ; предполагается расчистить путь изобразительности и свободной дѣятельности безъ всякой искусственной подготовки. Дитя должно имѣть возможность расти физически и духовно, какъ дерево въ лѣсу, по внутреннимъ законамъ, не въ угоду установленнымъ формамъ.

Тутъ оказываетъ неоцѣнимую услугу обученіе формамъ, разработанное Францомъ Гертелемъ: хорошо подготовленное наглядностью (можетъ быть, слишкомъ планомѣрно) идущее впередъ изображеніе и продумываніе предметовъ, полное усвоеніе міра явленій, которое лишь мало-по-малу должно привести къ рисованію карандашомъ и красками и которымъ должно быть проникнуто все преподаваніе, въ связи съ этимъ учебнымъ предметомъ, имѣющимъ большую будущность. Въ преподаваніи естественной исторіи предполагаютъ изображать въ какой-либо формѣ (вырѣзываніе, складываніе, изготовленіе моделей, рисованіе) животныхъ и растенія или ихъ части; въ землевѣдѣніи можно будетъ сначала обозначать рѣчные берега пескомъ на серебряной бумагѣ, сады и парки маленькими деревцами, которыя, конечно, должны изготовлять сами ученики, потомъ можно перейти къ вылѣпливанію изъ воска

цѣлыхъ горныхъ цѣпей, ландшафтовъ, культурныхъ областей (для различныхъ растеній; каменноугольные районы). На каждомъ урокѣ найдется предлогъ изобразить какое-либо зданіе, приспособленіе или утварь: еще 25 лѣтъ тому назадъ я заставлялъ учениковъ старшаго класса, чтобы они, руководствуясь описаніемъ Полибея, изготовляли модели римскихъ баллистовъ и катапультовъ, а также знаменитыхъ corvi, римскихъ военныхъ кораблей съ ихъ абордажными мостами.

Несмотря на пониманіе и на добрую волю, наши большія общественныя школы съ большимъ трудомъ и лишь шагъ за шагомъ переходятъ къ такимъ измѣненіямъ; въ этой области должны подавать примѣръ частныя заведенія при посредствѣ своихъ интернатовъ или полуинтернатовъ, захватывающихъ всего ученика; они уже дѣлаютъ это безстрашно и самоувѣренно. Д-ръ Лицъ въ Бибербахѣ близъ Фульды вводитъ своихъ воспитанниковъ въ крестьянскую жизнь и заставляетъ ихъ учиться непосредственно у природы; д-ръ Капфъ въ Вертгеймѣ устроилъ не только сады и мастерскія, но и лабораторіи, въ которыхъ ученики сами изготовляютъ себѣ орудія и инструменты, сами, наблюдая, подсматриваютъ за творчествомъ природы. Однако и въ казенныхъ школахъ есть уже немало учителей, подъ своимъ руководствомъ побуждающихъ учениковъ изготовлять простѣйшія наглядныя пособія и создавать, такимъ образомъ, своими средствами скромные школьные музеи; этимъ они въ то же время направляютъ къ разумной цѣли стремленіе юношества къ дѣятельности, уничтожаютъ многіе поводы къ проступкамъ и наказаніямъ и создаютъ наилучшую подготовку къ университету, которому часто остается только продолжать дѣло, начатое среднею школой.

Народная школа, по нашему мнѣнію, должна особенно выиграть отъ такого роста самодѣятельности учениковъ. Здѣсь особенно необходимо освободиться отъ слова, рѣшительно устранить мертвую работу памяти и широко распахнуть всѣ окна и двери для жизни.

Преобразованіе это должно начаться съ учительскихъ семинарій; онѣ должны быть снабжены мастерскими, лабораторіями, садами и находиться недалеко отъ

городовъ, но въ сельской обстановкѣ: будущій сельскій учитель долженъ знать сельское хозяйство, работы и орудія, необходимыя для него, по собственному опыту и наблюденію; для будущаго городского учителя нужно такое же знаніе ремеселъ. Житейская задача, къ которой онъ готовитъ своихъ учениковъ, должна быть близка ему самому: не на словахъ только долженъ онъ признавать значеніе крестьянскаго и ремесленнаго труда, а собственной жизнью и дѣятельностью заставить учениковъ оцѣнить и то, и другое, подобно тому, какъ уже въ наши дни учительницы облагораживаютъ въ глазахъ дѣвочекъ женскія рукодѣлія своимъ примѣромъ.

Само собою разумѣется, что преподаваніе гимнастики дополняется ими, что одинъ предметъ долженъ увеличивать привлекательность другого.

Во всѣхъ школахъ легко найти время для этихъ занятій. Стоитъ только отложить на нѣсколько лѣтъ вводимыя слишкомъ рано и поэтому такъ нецѣлесообрано длительныя упражненія въ письмѣ, правописаніи и тому подобныя занятія, которыя въ своемъ современномъ видѣ прямо враждебны образованію; это не повредитъ ни знаніямъ, ни образу мыслей воспитанниковъ. Наоборотъ, именно при посредствѣ практическаго и трудового преподаванія, любовно принимающаго во вниманіе способности и склонности учениковъ, можно будетъ получить новое идейное содержаніе, новую жизненную теплоту. Уясните сыну поденщика или дочери прачки хозяйственное и гигіеническое, даже этическое и эстетическое значеніе будущей ихъ дѣятельности, ея необходимость для общаго блага, не только разсказами о старой прачкѣ или объ амстердамскомъ подмастерьѣ, но на вашемъ собственномъ примѣрѣ, и вы добьетесь большаго преодолѣнія общаго современнаго недовольства, чѣмъ при помощи сотни патріотическихъ рѣчей или уроковъ исторіи.

И въ умственныхъ занятіяхъ необходимо предоставить молодежи больше простора для проявленія своихъ силъ и сообразительности.

Мы все еще находимся подъ вліяніемъ прошлаго и считаемъ несомнѣннымъ, что преподаваніе должно быть словеснымъ, а ученіе должно состоять во внимательномъ слу-

шаніи. Мы пригвождаемъ дѣтей къ школьной скамьѣ и заставляемъ ихъ часами сидѣть навытяжку; строго и съ готовностью наказывать, стережемъ мы каждое ихъ движеніе и каждый взглядъ.

Природа же ребенка и цѣль преподаванія требуютъ какъ разъ обратнаго: свободы движенія.

Старая дурная привычка «спрашиванія» устранена, по крайней мѣрѣ, въ теоріи; на практикѣ же она еще тяготѣетъ надъ многими изъ нашихъ народныхъ школъ. Пасторъ Гакенбергъ прочелъ на второмъ съѣздѣ по вопросамъ художественнаго воспитанія въ Веймарѣ интересную лекцію о «спрашиваніи» разсказовъ и стихотвореній (называемомъ также «допеканьемъ» учениковъ); въ настоящее время во всѣхъ честно стремящихся впередъ школахъ господствуетъ стараніе упражнять дѣтей въ связной рѣчи; избѣгаютъ прерыванія и сбивающихъ поправокъ, когда они разсказываютъ, допуская ихъ только, когда нужно предупредить уклоненіе отъ темы; поощряютъ вопросы со стороны дѣтей, а также устную и письменную передачу ихъ собственныхъ мыслей и дѣлъ.

Это еще не достаточно. Не только отдѣльный ученикъ, но весь классъ долженъ находиться въ дѣйствіи: пусть не учитель, а весь классъ критикуетъ отвѣты каждаго ученика; пусть каждый изъ товарищей получитъ право и обязанность дополнять, возражать и спрашивать; а тотъ пусть отвѣчаетъ, поясняетъ, стоитъ за свое, и пусть будетъ это въ добромъ парламентскомъ порядкѣ, съ учителемъ въ роли «Speaker'a», какъ въ англійскомъ парламентѣ.

Этотъ возбуждающій, увлекательный методъ примѣнимъ не только при повторенія. Онъ оказывается превосходнымъ и при сообщеніи новаго матеріала, въ формѣ учебнаго разговора особеннаго развитаго, по примѣру Гербарта, Э. Ф. Залльвюркомъ: передъ урокомъ ученики приводятъ въ извѣстность все, что знаютъ изъ личнаго опыта и изъ книгъ о предметѣ, предназначенномъ къ обсужденію. Происходитъ живой обмѣнъ мнѣній, сближающій учениковъ между собой и весь классъ съ учителемъ, особенно, если разрѣшить ученикамъ задавать другъ другу вопросы и вступать въ пренія: этимъ смѣлымъ, но свойственнымъ природѣ юнаго человѣка и носящимъ семейный ха-

рактеръ нововведеніемъ мы, насколько мнѣ извѣстно, обязаны Гуго Гаудагу. Тутъ можно перерабатывать матеріалъ во всѣхъ направленіяхъ, и ни одинъ ученикъ не станетъ искать себѣ «посторонняго развлеченія»: урокъ проходитъ быстрѣе, чѣмъ этого хотѣлось бы маленькимъ людямъ. Но онъ даетъ имъ импульсъ и для домашней работы: книга въ родительскомъ домѣ вступаетъ въ свои права и становится въ рядъ средствъ образованія, не составляя болѣе отдѣльнаго, полузапрещеннаго міра; а сочиненія, темы для которыхъ выбираются въ извѣстныхъ рамкахъ самими учениками, постепенно становятся отчетами о внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ растущаго человѣка. Рисованіе, какъ средство добровольной передачи видѣннаго, тоже будетъ играть въ домашнихъ занятіяхъ роль болѣе значительную, чѣмъ въ наше время.

Альфредъ Лихтваркъ, самъ бывшій учитель, приводитъ группы учениковъ народныхъ школъ въ картинную галлерею; онъ ставитъ ихъ передъ картиной, и они разсматриваютъ ея содержаніе: предметы, дѣйствіе, время дня, освѣщеніе, настроеніе, условія эпохи. Время отъ времени задаются вспомогательные вопросы, но въ общемъ ученики сами исчерпываютъ содержаніе художественнаго произведенія, насколько оно для нихъ доступно, и этого для нихъ достаточно. Сообщеніе имъ большаго числа свѣдѣній, по общепринятому обычаю, привело бы ихъ къ «пустозвонству» и вмѣстѣ съ тѣмъ къ неправильности. Впослѣдствіи они сами заполняютъ пробѣлы, разсмотрѣвъ и усвоивъ больше картинъ съ той же сосредоточенностью и пріобрѣтя умѣнье смотрѣть на все окружающее глазами, вышколенными и облагороженными на созерцаніи произведеній искусства. Такимъ образомъ, гамбургскій ученый перенесъ на свою спеціальность методъ, уже примѣняемый въ преподаваніи естественной исторіи, географіи и новыхъ языковъ, и сдѣлалъ искусство доступнымъ для школы. Когда въ каждой школѣ будетъ волшебный фонарь, искусство болѣе широкими волнами вольется въ школьную жизнь, и опытъ Лихтварка окажетъ все свое благотворное вліяніе. Но уже теперь дѣятельный и хорошо руководимый классъ умѣетъ опредѣлить, въ общихъ чертахъ, по картѣ страны или области, главные промыслы, характеръ, даже исторію

ея обитателей; при изученіи естественной исторіи ученики уже теперь выводятъ тамъ, гдѣ имъ недоступна сама природа, по показанному дѣтищу природы или по его изображенію, свои заключенія объ его образѣ жизни, мѣстожительствѣ и питаніи, и свободно выражаютъ ихъ. Не только историческія картины Лемана, но и цѣнныя картины изданія Teubner'a и Voigtländer'a можно и нужно вывести изъ ихъ безполезнаго положенія стѣнныхъ украшеній и сдѣлать центромъ разсматриванія, могущаго оказать продолжительное, оживляющее и плодотворное воздѣйствіе на цѣлый классъ.

И отвлеченныя науки ведутъ теперь своихъ учениковъ къ источникамъ жизни. На урокахъ Закона Божія гимназисты-первоклассники сами устанавливаютъ основы протестантизма по тексту Посланія къ Римлянамъ; можетъ быть, со временемъ ихъ заставятъ работать по источникамъ, выписывая тексты изъ священнаго писанія, на основаніи выработанной въ классѣ точки зрѣнія, такъ что излишнимъ станетъ катехизисъ, въ качествѣ сборника текстовъ. Ученики точно такъ же должны бы умѣть составлять конспектъ основъ вѣроученія, какъ они извлекаютъ изъ прочитаннаго матеріала грамматическія правила иностраннаго языка и приводятъ ихъ въ систему.

Учитель исторіи тоже можетъ знакомить съ особенно важными отдѣлами исторіи (съ реформаціей во всѣхъ среднихъ школахъ, съ древней исторіей въ гимназіяхъ, съ исторіей французской революціи—въ реальныхъ училищахъ) по источникамъ, современнымъ изучаемой эпохѣ: и не только съ фактами (съ ними, пожалуй, менѣе всего), но съ настроеніями, характерами, мелочами культуры. Одна изъ учительницъ лейпцигской средней школы для дѣвочекъ заставила своихъ семинаристокъ систематически прослѣдить и проработать исторію русской революціи по газетамъ различныхъ странъ и направленій, которыя она имъ раздавала. Преподаваніе географіи могло бы извлечь большую пользу изъ чтенія описаній путешествій, а также изъ сборниковъ народныхъ преданій и отчетовъ о странствіяхъ старинныхъ путешественниковъ.

При посредствѣ этого метода ведется уже теперь во многихъ школахъ ознакомленіе съ поэтическими и прозаически-

ми произведеніями на урокахъ родного и иностранныхъ языковъ. Въ краткомъ введеніи, опять-таки при содѣйствіи учениковъ, учитель устраняетъ трудности пониманія и предлагаетъ произведеніе классу для непосредственнаго наслажденія и для обмѣна впечатлѣніями, которымъ онъ потомъ можетъ придавать болѣе правильную форму; проза или драмы читаются по частямъ дома; непосредственно примыкающее къ этому чтенію обсужденіе прочитаннаго выливается въ форму парламентскихъ преній между учениками; учитель является только предсѣдателемъ и, во всякомъ случаѣ, судьей; онъ никогда не бываетъ ораторомъ, рѣдко участвуетъ въ дебатахъ и чѣмъ чаще обходятся безъ него, тѣмъ лучше рѣшена его задача.

Эти общія занятія даютъ потомъ матеріалъ для свободно выбранныхъ и свободно созданныхъ сочиненій, просмотръ которыхъ доставитъ учителю большое наслажденіе, при чемъ не разъ дастъ ему новыя свѣдѣнія и новые импульсы къ труду.

Такимъ образомъ, школа живетъ полно и ярко. Ученики упражняютъ свои силы на самыхъ благородныхъ матеріалахъ, дѣлаются способнѣе наслаждаться и судить, а вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря свободному обмѣну впечатлѣній и дружеской уступчивости при разногласіяхъ срастаются, между собою и съ учителемъ, въ трудовую общину, спаянную отношеніями тѣсной дружбы. Различіе духа семьи и школы отступаетъ на задній планъ, школьное дѣло само становится художествомъ, школьная дисциплина дѣлается все незамѣтнѣе, какъ всякій законъ искусства; все усиливается чувство свободы въ юномъ человѣкѣ, и, на ряду съ сознаніемъ своей силы въ немъ, растетъ пониманіе своей отвѣтственности.

Трудовая школа становится, такимъ образомъ, школой нравственнаго воспитанія и даетъ подрастающему человѣку опредѣленный характеръ, а народу самостоятельныхъ гражданъ и гражданокъ и этимъ обезпечиваетъ ему великую будущность.

Высокая цѣль! Но она достижима лишь, пока школа не вообразила, что уже всего достигла. Застой былъ бы равносиленъ смерти. Формалистика скоро парализовала бы и убила бы и эту роскошную жизнь. Необходимо никогда не

прекращать поисковъ лучшаго и добросовѣстно подвергать обсужденію и испытанію новыя идеи, откуда бы онѣ ни шли: даже и неудачные опыты бываютъ поучительны. Прежде всего необходимъ постоянный довѣрчивый обмѣнъ мыслей между учителями и между школами. Тогда на наше прекрасное жизненное дѣло въ семьѣ и школѣ все болѣе будутъ вліять путеводныя звѣзды Гердера: свѣтъ, любовь, жизнь!

Совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола.

Доктора Гертруды Баймеръ.

При разборѣ всѣхъ современныхъ вопросовъ воспитанія и школы проблема совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола играетъ выдающуюся роль. Сторонники и противники его, при этомъ, указываютъ, смотря по своимъ надобностямъ, на опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи въ различныхъ странахъ за послѣднія десятилѣтія, и освѣщаютъ ихъ съ той или другой стороны. Такъ какъ у насъ въ Германіи вопросъ этотъ, по крайней мѣрѣ относительно среднихъ школъ, находится еще въ стадіи опыта, то существеннымъ, вѣрнѣе единственно достовѣрнымъ основаніемъ для сужденія о недостаткахъ или преимуществахъ совмѣстнаго обученія является, все-таки, опытъ иностранныхъ государствъ, несмотря на то, что его можно истолковывать различнымъ образомъ.

Богатѣйшій матеріалъ для наблюденій по этому вопросу доставляютъ, несомнѣнно, Соединенные Штаты, такъ

какъ совмѣстное обученіе, смѣшанная школа даже на высшей стадіи обученія, введена тамъ уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, впервые предприняли въ Вашингтонѣ государственную анкету для того, чтобы отвѣтить на многочисленные запросы изъ Европы и чтобы, наконецъ, получить и самимъ общій взглядъ на недостатки и преимущества совмѣстнаго обученія, то 340 городовъ союза привели слѣдующія основанія для его введенія: 1) Оно практично и соотвѣтствуетъ сущности и воспитательнымъ задачамъ семьи и школы. 2) Оно общепринято и соотвѣтствуетъ американскимъ законамъ и общественнымъ учрежденіямъ. 3) Справедливо и хорошо давать обоимъ поламъ одинаковую возможность пріобрѣтать знанія. 4) Совмѣстное обученіе экономно, такъ какъ такимъ образомъ можно лучше всего использовать общественные расходы на воспитаніе и обученіе. 5) Оно очень облегчаетъ положеніе родителей, а также учителей и учениковъ. 6) Оно благотворно вліяетъ на характеръ, воспитаніе и развитіе дѣтей. Помимо этихъ существенныхъ причинъ, многіе отдѣльные города приводятъ свои аргументы въ пользу совмѣстнаго обученія; напримѣръ, отзывъ изъ Родъ Айланда слѣдующій: «Мужчина и женщина предназначены къ совмѣстной жизни; вся природа указываетъ на необходимость совмѣстнаго воспитанія половъ. Если мы должны жить вмѣстѣ, то намъ необходимо и соотвѣтственное воспитаніе».

Совмѣстное обученіе въ высшихъ школахъ союза съ тѣхъ поръ постоянно распространялось. Судя по цифрамъ, приведеннымъ въ отчетахъ государственной комиссіи по вопросамъ воспитанія, въ свыше 70% среднихъ школъ въ Соединенныхъ Штатахъ практикуется совмѣстное обученіе. Это какъ будто доказываетъ, что преимущества совмѣстнаго обученія стали общепринятыми. Такой выводъ изъ факта большого распространенія смѣшанныхъ школъ подтверждается отзывами, которые съ тѣхъ поръ не разъ собирались и опубликовывались государственными учрежденіями, предназначенными наблюдать за школьнымъ дѣломъ. Въ общемъ эти отзывы указываютъ все на тѣ же преимущества, какія уже установила первая анкета, хотя единичныя личности, и часто, выдающіеся педагоги, какъ на-

примѣръ президентъ Leland Stauford University, считаютъ дифференцировку преподаванія соотвѣтственно физическому и духовному развитію половъ гораздо болѣе цѣнной, чѣмъ практическія и нравственныя преимущества совмѣстнаго обученія. (Сравн. Martha Strinz. Къ современному положенію совмѣстнаго обученія въ Соединенныхъ Штатахъ; ежемѣсячникъ «Die Frau» 1903—1904 г., стр. 238, и Julius Sachs, профессоръ учительской коллегіи при нью-іоркскомъ университетѣ Columbia: Совмѣстное обученіе въ Соединенныхъ Штатахъ, «Національная газета» отъ 15-го іюня 1906).

Къ тѣмъ же выводамъ пришли и въ европейскихъ странахъ, въ которыхъ было введено совмѣстное обученіе въ среднихъ школахъ. То обстоятельство, что сѣверные, германскіе народы первые сдѣлали удачный опытъ введенія совмѣстнаго обученія, обусловлено природой вещей, то-есть этнографическими причинами; среднія школы, общія для обоихъ половъ, существуютъ въ Даніи, Швеціи, Норвегіи, Финляндіи, Голландіи и Швейцаріи, отчасти также и въ Италіи. Но отдѣльныя учебныя заведенія для каждаго пола вездѣ еще преобладаютъ; въ Финляндіи ихъ больше приблизительно на 20%, въ Норвегіи процентъ этотъ нѣсколько ниже, во всѣхъ же другихъ государствахъ — значительно выше. Такъ, въ Швеціи существуетъ 102 среднихъ школы для дѣвочекъ, пользующихся государственной поддержкой, на восемь смѣшанныхъ школъ. Подробный отчетъ о совмѣстномъ обученіи въ этихъ странахъ здѣсь не у мѣста; тутъ важенъ прежде всего вопросъ: насколько повсемѣстные опыты способны выяснить проблему, какъ таковую, что говорятъ они о преимуществахъ и недостаткахъ совмѣстнаго обученія намъ, изучающимъ этотъ вопросъ пока еще лишь теоретически?

Совмѣстное обученіе вытекаетъ прежде всего изъ сущности семьи. Вѣдь въ семьѣ мальчики и дѣвочки вырастаютъ вмѣстѣ, постоянно взаимно исправляя и дополняя свои особенности, обусловленныя поломъ. Это дополненіе и исправленіе оказывается столь полезнымъ, что въ дѣтяхъ, растущихъ безъ братьевъ, сестеръ или товарищей другого пола легко можно встрѣтить извѣстную односторонность внутренней жизни, интересовъ и склонностей и нѣкоторую неприспособленность къ разнообразію дѣйстви-

тельной жизни. Школа должна, по возможности, уподобиться той естественной воспитательной средѣ, какую представляетъ собою семья. Она должна стремиться къ такому же многостороннему и многообразному воздѣйствію на ребенка, давая ему такія же обширныя связи съ жизнью. Слѣдовательно, и тутъ идеалъ совмѣстнаго обученія долженъ быть возведенъ въ принципъ. Говорятъ, что подобно тому, какъ семейное воспитаніе облегчается смѣшеніемъ половъ, какъ семейная среда становится, благодаря сношеніямъ половъ между собою, богаче возможностями развитія, прелестью и значительностью для жизни ребенка, такъ и школа могла бы лучше, легче и полнѣе разрѣшать свои задачи при совмѣстномъ воспитаніи и обученіи. Опытъ Соединенныхъ Штатовъ какъ будто подтверждаетъ справедливость этого мнѣнія. Тамъ постоянно указываютъ на то, что желаніе учиться и прилежаніе бываютъ сильнѣе въ смѣшанныхъ классахъ; это объясняется не только извѣстнымъ соревнованіемъ между полами; педагогическая цѣнность этого импульса, какъ вытекающаго большей частью изъ честолюбія, еще можетъ оспариваться — но и тѣмъ, что предметъ преподаванія, воспринимаемый и перерабатываемый каждымъ поломъ съ его точки зрѣнія, дѣлается интереснѣе и лишь послѣ такой переработки становится достояніемъ каждаго во всей своей внутренней значительности и обширности. Въ этомъ и состоитъ указанное американцами облегченіе для учителя: при совмѣстномъ обученіи онъ встрѣчаетъ у дѣтей большую полноту наблюденій, бо̀льшее разнообразіе мыслей, пониманія и чувствъ, такъ что преподаваніе становится живѣе и интереснѣе самособою, благодаря участію дѣтей, а не только стараніямъ учителя. По отношенію къ выработкѣ характера смѣшанная школа имѣетъ также свои преимущества. Въ общемъ мальчикамъ необходимо болѣе сильное и энергичное побужденіе и принужденіе къ занятіямъ, тогда какъ дѣвочки склонны, подъ вліяніемъ робости и честолюбія, работать скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Чѣмъ чаще мы, по практическимъ и идейнымъ причинамъ, выставляемъ требованіе одинаковой цѣли школьнаго образованія для дѣвочекъ и мальчиковъ, тѣмъ большую цѣнность будетъ имѣть для насъ то обстоятельство, что при совмѣстномъ

обученіи флегматичность мальчиковъ предохранитъ дѣвочекъ отъ переутомленія, между тѣмъ, какъ честолюбіе дѣвочекъ побудитъ мальчиковъ къ большему усердію. Это только нѣкоторыя указанія. Кто можетъ измѣрить, посредствомъ какихъ безконечно разнообразныхъ душевныхъ соприкосновеній, помимо указанныхъ, совершается взаимное дополненіе и обмѣнъ мужского и женскаго міровоззрѣнія, и какимъ богатымъ источникомъ новой внутренней жизни для обоихъ становится, благодаря этому, совмѣстная работа? Никогда нельзя будетъ анализировать и установить это во всемъ объемѣ, и каждое отдѣльное лицо сознаетъ это вполнѣ лишь по собственному опыту.

Такимъ образомъ школа можетъ способствовать заложенію основанія человѣчески-прекрасныхъ отношеній между полами, взаимной оцѣнки, основанной не на традиціи и предразсудкахъ, а на дѣлахъ каждаго, на томъ, какимъ образомъ каждое лицо выполняетъ одинаковыя для всѣхъ задачи и несетъ одинаковую отвѣтственность.

Директоръ одной нѣмецкой гимназіи, въ числѣ учениковъ которой находилось до самаго конца нѣсколько дѣвушекъ, выразилъ своимъ кончающимъ курсъ ученикамъ надежду, что фактъ многолѣтней возможности оцѣнить хорошіе успѣхи соученицъ побудитъ ихъ съ бо́льшимъ уваженіемъ относиться къ женщинѣ, чѣмъ это обыкновенно встрѣчается у молодыхъ людей въ жизни. По этой причинѣ и ради этой цѣли совмѣстное обученіе стало однимъ изъ требованій женскаго движенія.

На ряду съ этими идейными педагогическими причинами, имѣющими первостепенное значеніе въ дѣлѣ воспитанія при всякихъ условіяхъ, въ совмѣстномъ обученіи имѣются, конечно, и практическія преимущества, можетъ быть, болѣе всего побудившія реалистичныхъ американцевъ къ его введенію. Вслѣдствіе этихъ практическихъ причинъ смѣшанные классы заведены и у насъ въ народной школѣ; по той же причинѣ совмѣстное обученіе получило права гражданства, преимущественно въ южной Германіи (но также, напримѣръ, и въ Ольденбургѣ), въ маленькихъ городкахъ, гдѣ оно введено и въ среднихъ школахъ: въ реальныхъ училищахъ, небольшихъ школахъ съ латинскимъ языкомъ, прогимназіяхъ и т. п. Ясно, что разумнѣе

и экономнѣе обучать немногочисленныхъ гимназистокъ маленькаго городка, вмѣстѣ съ относительно немногими мальчиками, нуждающимися въ средней школѣ, вмѣсто того, чтобы устраивать для каждой группы отдѣльныя, дорого стоящія учрежденія, которыя, несмотря на расходы, являются, по большей части, несовершенными. Чѣмъ меньше въ школѣ необходимость раздѣленія по поламъ, тѣмъ лучше можно провести раздѣленіе по способностямъ, единственно оправдываемое педагогикой.

Понятно, что съ этими преимуществами неразлучны и неудобства, на которыя не разъ указывалось въ государствахъ, въ которыхъ дѣлались опыты совмѣстнаго обученія. Существенно важны въ этомъ отношеніи два обстоятельства. Во-первыхъ, дѣвочки больше нуждаются въ бережномъ отношеніи къ физическому здоровью; обстоятельство это останется въ силѣ, вѣроятно, и тогда, когда, при посредствѣ воспитанія, болѣе соотвѣтствующаго природѣ, будетъ дѣлаться гораздо больше для развитія физической силы дѣвушекъ, чѣмъ теперь. По этой причинѣ, гигіенисты возражали противъ совмѣстнаго воспитанія въ интересахъ дѣвушекъ, а учителя, по той же причинѣ, въ интересахъ мальчиковъ, которые, по ихъ мнѣнію, задерживаются въ успѣхахъ вслѣдствіе необходимости считаться съ дѣвочками. Но сторонники совмѣстнаго обученія сумѣли противопоставить этимъ возраженіямъ свои настолько же убѣдительныя. Въ Соединенныхъ Штатахъ установлено, что мальчики посѣщаютъ свои отдѣльныя школы вовсе не аккуратнѣе, чѣмъ это дѣлаютъ, въ среднемъ, дѣвочки въ смѣшанныхъ школахъ, и, по опыту извѣстно, что дѣвочки быстрѣе пополняютъ возможные пробѣлы въ знаніяхъ, благодаря большей умственной гибкости и способности приспособляться; а поэтому не можетъ быть и рѣчи о вредѣ, который неаккуратное посѣщеніе школы дѣвочками будто бы приноситъ мальчикамъ. Комиссія изъ англійскихъ школьныхъ дѣятелей и постороннихъ лицъ, которая въ 1903 г. изучала школьное дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ со спеціальною цѣлью выясненія этого вопроса, также упоминаетъ о подобныхъ сомнѣніяхъ учителей, но прибавляетъ, что они не подтверждаются опытомъ; наоборотъ, успѣхи смѣшанныхъ школъ въ Бостонѣ и

Лауренсвилѣ, въ среднемъ, больше успѣховъ мужскихъ школъ. Свѣдѣнія объ англійскихъ опытахъ въ области совмѣстнаго воспитанія даетъ книга Miss Alice'ы Woad: Coeducation (изданіе Longmans.)

Другимъ аргументомъ, за которымъ нельзя не признать извѣстнаго значенія, является то, что духовныя различія половъ и ихъ предназначеніе къ различнымъ сферамъ жизни требуютъ дифференцировки ихъ образованія. Въ общемъ можно согласиться съ этимъ доводомъ. Можно признать полезною нѣкоторую подготовку дѣвушекъ, еще во время прохожденія ими школьнаго курса, къ опредѣленнымъ задачамъ ихъ позднѣйшей жизнедѣятельности: ихъ надо ознакомить, напр., съ педагогикой, психологіей, гигіеной, химіей пищевыхъ продуктовъ и т. п. Но, быть можетъ, окажется возможнымъ удовлетворить этому требованію, продолжая вообще придерживаться совмѣстности обученія. Что же касается различія половъ въ отношеніи духовнаго развитія и воспріятія предметовъ преподаванія, то усиливать это различіе воспитаніемъ было бы желательно, если бы обоимъ поламъ не предстояло трудиться сообща и создавать себѣ общіе идеалы въ искусствѣ, общежитіи и нравственности. Но и при совмѣстномъ преподаваніи не придется стараться о развитіи особенностей каждаго пола: дѣвочка неизбѣжно восприметъ даваемое ей образованіе сообразно своей природѣ, а мальчикъ — сообразно своимъ свойствамъ.

Къ этому нужно, конечно, прибавить слѣдующее: принципъ совмѣстности долженъ быть распространенъ и на учителей, а не оставаться въ силѣ только для учениковъ. Если смѣшанная школа хочетъ сравниться со своимъ образцомъ, т.-е. семьею, то само-собою разумѣется, что женское начало должно быть представлено наравнѣ съ мужскимъ въ средѣ учителей; только такимъ образомъ можно избѣжать односторонности и вреда, наносимаго одной половинѣ учащихся ради другой. Недовѣріе къ смѣшаннымъ школамъ въ дѣлѣ воспитанія мальчиковъ, возникшее въ послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ, зависитъ, въ сущности, оттого, что тамъ женщины составляютъ слишкомъ большой процентъ преподавательскаго персо-

нала. Правильнѣе всего было бы приблизительно равное число преподавателей обоихъ половъ.

Что касается возраженій противъ совмѣстнаго обученія съ точки зрѣнія нравственности, то они основаны, большей частью, на предразсудкахъ лицъ, не имѣющихъ опыта въ этомъ направленіи. Компетентныя лица согласно утверждаютъ, что совмѣстное обученіе именно притупляетъ это возбуждающее нравственныя сомнѣнія взаимное притяженіе половъ; въ общемъ, какъ видно, доказана справедливость изреченія Жана Поля, часто цитируемаго въ Америкѣ въ пользу совмѣстнаго воспитанія: «Смѣшивайте оба пола, чтобы ихъ уничтожить; такъ какъ два мальчика такъ же охранятъ и защитятъ двѣнадцать дѣвочекъ противъ всякихъ намековъ, рѣчей и неприличныхъ поступковъ именно вслѣдствіе предчувствія пробуждающагося инстинкта, краски стыда, какъ и двѣ дѣвочки защитятъ двѣнадцать мальчиковъ. Наоборотъ, я не отвѣчаю ни за что, при существованіи отдѣльной школы для дѣвочекъ и для мальчиковъ». Ясно, что, несмотря на правильность этого изреченія, постоянное пребываніе обоихъ половъ вмѣстѣ имѣетъ свои опасныя стороны, ставящія воспитателю особыя задачи. Нельзя отрицать правильности принципа по той причинѣ, что кое-гдѣ, особенно при наличности плохихъ учителей и благодаря отсутствію дисциплины, происходитъ «нѣчто»; это «нѣчто» достаточно часто встрѣчается и при системѣ раздѣльныхъ школъ, при чемъ въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, никто не обвиняетъ въ этомъ школы.

Вообще, именно въ этомъ вопросѣ не слѣдуетъ произносить предвзятыхъ сужденій, не имѣя предварительнаго опыта. Иначе возможны ошибки, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи. Прежде всего надо, при помощи опыта, собрать матеріалъ для сужденій. На этотъ путь вступили уже Баденъ и Вюртембергъ, принявъ нѣсколькихъ дѣвочекъ въ гимназіи и реальныя училища. Судя по наблюденіямъ, сдѣланнымъ до сихъ поръ, можно будетъ безбоязненно итти по этому пути и далѣе. Впрочемъ, при такихъ опытахъ, конечно, необходима осторожность. Такъ, напримѣръ, совершенно неправильно вводить совмѣстное обученіе въ школахъ повышен-

наго типа въ большихъ городахъ, пока въ народныхъ училищахъ, продолженіемъ которыхъ онѣ являются, господствуетъ раздѣленіе половъ. При этомъ условіи нечего удивляться, если опытъ докажетъ, что противники совмѣстнаго обученія правы. Также необходимо дѣлать различіе между дѣтьми съ разными наклонностями. Существуютъ дѣти, мальчики, такъ же какъ и дѣвочки, которыхъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго времени, лучше воспитывать вмѣстѣ съ товарищами ихъ же пола; такая особенность, имѣющая однако основное значеніе, можетъ быть настолько велика у отдѣльныхъ дѣтей, что полное совмѣстное обученіе для нихъ нецѣлесообразно и не принесетъ пользы. Въ этой области нѣмцы наиболѣе должны остерегаться своей національной болѣзни, чрезмѣрнаго увлеченія теоріями и принципами, а ждать рѣшенія лишь отъ данныхъ опыта. И прежде всего здѣсь необходима индивидуализація. Каждая выгода одной стороны является ущербомъ для другой. Правда, очень возможно, что какое-нибудь данное дитя получитъ больше вреда, нежели пользы. Но въ общемъ всякій согласится, что отношенія между полами всячески требуютъ именно той поправки, которой должно ожидать отъ совмѣстнаго воспитанія: устраненія преградъ, до сихъ поръ раздѣлявшихъ духовный міръ мужчинъ отъ женскаго, и созданія общаго круга воззрѣній, въ которомъ оба пола имѣли бы какъ можно больше возможности чисто-человѣчески узнавать и понимать другъ друга.

Школьная гигіена.

Лео Бургерштейна.

Здоровыя дѣти бываютъ, такъ сказать, безпрерывно подвижными; но съ началомъ школьнаго ученія отъ нихъ требуется продолжительная неподвижность и длительное вниманіе; эти обстоятельства, наравнѣ съ продолжительнымъ совмѣстнымъ пребываніемъ многихъ лицъ въ небольшомъ помѣщеніи, требуютъ принятія особыхъ мѣръ, чтобы не было нанесено вреда тѣлу. Къ этому присоединяется, при дальнѣйшемъ ходѣ школьнаго обученія, отягощеніе домашней работой и вліяніе экзаменовъ; однимъ словомъ, длинный рядъ важныхъ причинъ и, въ значительной степени, результаты опроса учениковъ и ученицъ привели къ постепенному развитію школьной гигіены, картина которой въ общихъ чертахъ будетъ набросана ниже.

Мы начнемъ съ общихъ замѣчаній о школьномъ зданіи. Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ возможно съ пользой употребить для школьныхъ цѣлей зданіе, не спеціально для этого построенное; здѣсь нужно вспомнить, напримѣръ, о томъ, что сказано ниже о дневномъ освѣщеніи. Рѣшительное значеніе имѣетъ выборъ мѣстности.

Школьное зданіе требуетъ тихаго, свѣтлаго мѣстоположенія, чуждаго скученности; слѣдовательно, хотя общинѣ и хочется справедливо щеголять школою, но ее не должно строить на шумной рыночной площади или на пыльной главной улицѣ, равно какъ неудобна и близость существующаго или строющагося вокзала, казармы, кузницы или трактира и т. д. Учитель, котораго злая судьба принуждала въ душную лѣтнюю жару, при отравленномъ воздухѣ, перекрикивать въ теченіе долгихъ часовъ уличный шумъ передъ толпою дѣтей, поневолѣ потерявшихъ воспріимчивость, сумѣетъ опредѣлить, насколько такое преподаваніе вредно для здоровья и безуспѣшно. Безъ сомнѣнія, нужно избѣгать и вліянія зрѣлищъ, отъ которыхъ грубѣютъ сердца (бойни).

Во многихъ большихъ городахъ собираютъ тысячи дѣтей въ одно школьное зданіе; правда, существуютъ зданія прекрасно устроенныя въ гигіеническомъ отношеніи, но ясно, безъ дальнихъ разсужденій, что большее число маленькихъ школьныхъ зданій, одинаково хорошаго устройства и распредѣленныхъ надлежащимъ образомъ, по разнымъ причинамъ лучше и для здоровья.

Иногда потребность въ школьныхъ зданіяхъ увеличивалась настолько быстро, даже въ небольшихъ поселкахъ, — напр., благодаря открытію фабрики, — что, по необходимости, устраивались бараки, конечно не столь прочные, какъ капитальныя школьныя зданія. Дѣло нашло многихъ приверженцевъ и породило въ концѣ концовъ идею постройки прочныхъ «павильоновъ» для школъ (подобно больничнымъ павильонамъ); подобное устройство, дѣйствительно, было введено и въ другихъ мѣстахъ, послѣ перваго опыта въ Лудвигсгафенѣ на Рейнѣ. Рис. 1 — 3 даютъ представленіе о такомъ павильонномъ устройствѣ въ Дронтгеймѣ.

Во всякомъ случаѣ, выборъ мѣстоположенія школы равно какъ, впрочемъ, и расположеніе комнатъ, — въ высшей степени важное обстоятельство; въ этомъ отношеніи часто дѣлаются ошибки (это доказано опытомъ), которыхъ послѣ нельзя исправить. Чрезвычайно важны, поэтому, при постройкѣ сельскихъ школъ подробные образцовые планы съ точнымъ описаніемъ; города должны выбирать дѣль-

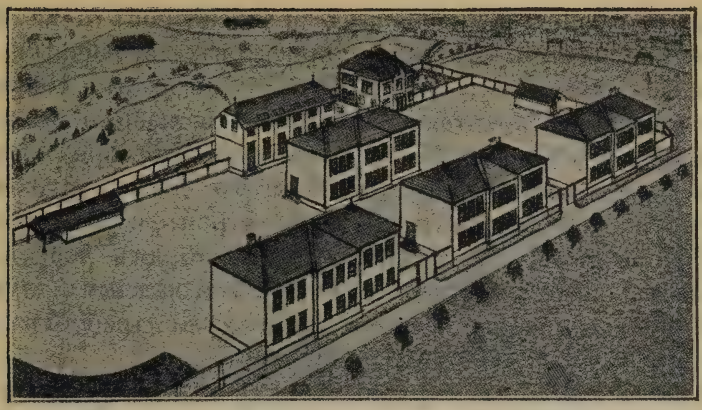


Рис. 1. Школьные павильоны въ Дронтгеймѣ. Общій видъ.

Рис. 2. Школьные павильоны въ Дронтгеймѣ. Планъ.

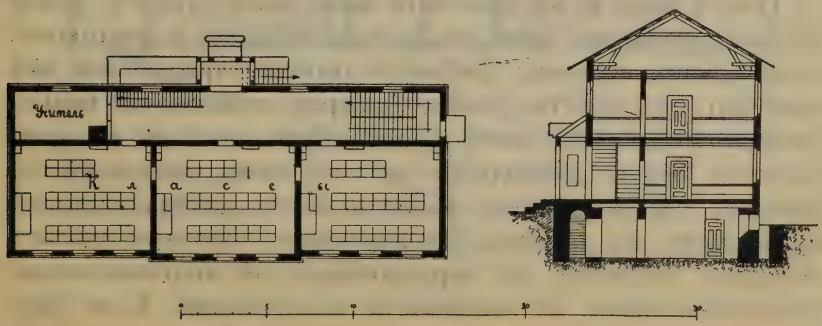


Рис. 3. Школьный павильонъ въ Дронтгеймѣ. Поперечн. и продольн. разрѣзъ.

ныхъ, признанныхъ школьныхъ архитекторовъ и не увлекаться красивыми фасадами проектовъ; столичный или крупный городъ долженъ выбрать и воспитать собственнаго школьнаго архитектора, который и любилъ бы дѣло, былъ бы къ нему способенъ, которому должно предоставить время и возможность изучать богатую спеціальную литературу, но не передавать школьно-строительнаго отдѣла, какъ должности, все разнымъ архитекторамъ черезъ каждыя нѣсколько лѣтъ, иногда по отбытіи каждымъ служебнаго срока: школьно-строительное дѣло требуетъ знатока.

Однимъ изъ самыхъ трудныхъ дѣлъ является содержаніе зданія въ чистотѣ; оно должно начаться съ того, что домъ предоставляется дѣтямъ чистымъ и что съ перваго же дня ученія имъ постоянно предъявляютъ требованіе—приносить возможно меньше грязи. Не слѣдуетъ возлагать на школьниковъ всю уборку, при которой образуется пыль.

Достаточно хорошія искусственныя приспособленія для вентиляціи до сихъ поръ большая рѣдкость, такъ какъ они настолько дороги, что ихъ можно ввести лишь въ немногихъ школахъ и въ не слишкомъ переполненныхъ классахъ. Самымъ дешевымъ и дѣйствительнымъ средствомъ все еще является открываніе оконъ, въ особенности провѣтриваніе сквознякомъ (открываніе оконъ и дверей), вполнѣ осуществимое, съ соотвѣтственными промежутками, если зимой имѣется хорошее отопленіе и комнаты для отдыха, въ которыхъ ученики школы могутъ проводить перемѣны, а лѣтомъ — площадки для прогулокъ.

Порчѣ воздуха въ классѣ не мало способствуетъ, между прочимъ, храненіе тамъ же верхней одежды и зонтиковъ; справедливо, поэтому, требовать особой гардеробной внѣ классовъ, гдѣ можетъ сушиться мокрая одежда и гдѣ школьники могутъ, вмѣсто своей мокрой обуви, надѣвать на время уроковъ сухую. Гардеробъ внѣ классовъ узаконенъ во многихъ странахъ и все болѣе и болѣе получаетъ права гражданства въ другихъ. Въ народныхъ школахъ многихъ городовъ имѣются въ гардеробныхъ и многочисленные умывальники съ мыломъ и полотенцами. Если гардеробная достаточно велика и, вообще, устроена соотвѣт-

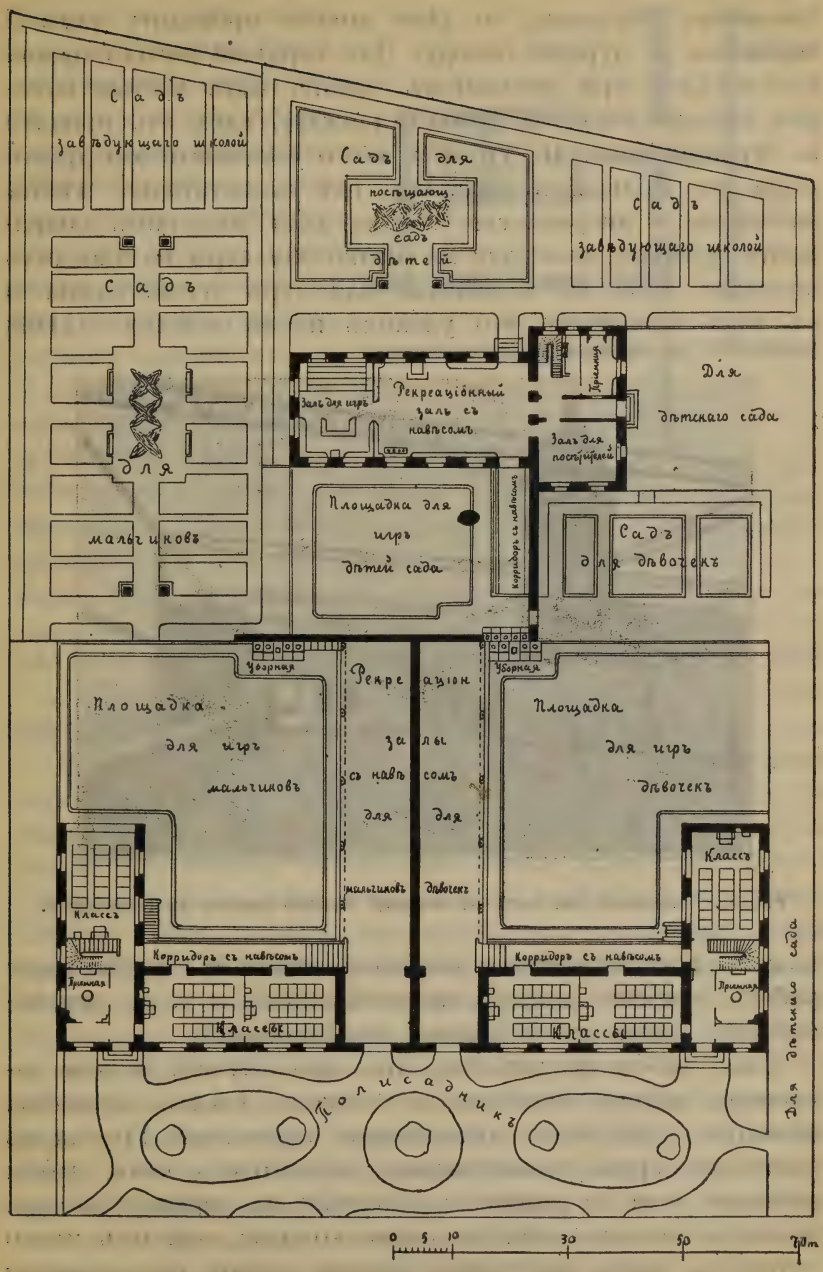

Садъ завѣдующаго школой
Садъ для мальчиковъ
Садъ для посѣщающ. садъ дѣтей
Садъ завѣдующаго школой
Залъ для игръ
Рекреаціонный залъ съ навѣсомъ
Прихожая
Залъ для посѣтителей
Для дѣтскаго сада
Площадка для игръ дѣтей сада
Коррридоръ съ навѣсомъ
Садъ для дѣвочекъ
Уборная
Уборная
Рекреаціонныя залы съ навѣсомъ для мальчиковъ
для дѣвочекъ
Площадка для игръ мальчиковъ
Площадка для игръ дѣвочекъ
Классъ
Классъ
Прихожая
Прихожая
Коррридоръ съ навѣсомъ
Коррридоръ съ навѣсомъ
Классы
Классы
Полисадникъ
Для дѣтскаго сада
0 5 10 30 50 70 m

Рис. 4.

ственнымъ образомъ, то дѣти могутъ проводить тамъ и перемѣны въ дурную погоду. Для хорошей погоды нужна площадка при школьномъ зданіи, надъ частью которой хорошо устроить навѣсъ (дождь), какъ это принято во Франціи (рис. 4). Труднѣе всего выполнить эти требованія въ большихъ городахъ, гдѣ недостаточно мѣста; англійскіе и американскіе города дали достойный подражанія примѣръ, помѣщая площадки для игръ на плоскихъ крышахъ (рис. 5). Площадка для игръ очень важна и въ томъ отношеніи, что ученикъ послѣ долгаго сидѣнія

Рис. 5. Площадка для игръ на плоской крышѣ школы въ Нью-Іоркѣ.

можетъ воспользоваться свободой движеній (мускульная работа, усиленіе дыханія, кровообращенія и т. д.; приспособленіе глаза къ большимъ разстояніямъ).

Само собою разумѣется, что, при случаѣ, нельзя запрещать дѣтямъ освѣжиться глоткомъ воды; перемѣна является и для этого подходящимъ временемъ. Города въ настоящее время, обыкновенно, заботятся о томъ, чтобы питьевая вода не разносила эпидемій; въ деревнѣ же при многихъ школахъ совсѣмъ нѣтъ колодца, или онъ плохо устроенъ, напр., настолько мелокъ, плохо прикрывается или расположенъ такъ близко отъ выгребной ямы, навозной кучи и т. д., что въ него легко могутъ проникать

грязныя вещества, опасныя для здоровья. Нельзя допускать, чтобы дѣти пользовались общими кружками для питья; вѣдь они, передъ употребленіемъ, не обтираютъ ихъ края; а какъ часто переносятся такимъ образомъ опасныя болѣзни (дифтеритъ и т. д.)! Нужно давать каждому ребенку свою кружку и запретить ему передавать ее другимъ.— Можно рекомендовать слѣдующее приспособленіе для питья: бьющая вверхъ струя воды, безъ помощи кружки, прямо воспринимается ртомъ. Подобное, съ гигіенической точки зрѣнія, вполнѣ безупречное устройство питья имѣется въ государственномъ реальномъ училищѣ въ Вѣнѣ (Wien VI), гдѣ оно вполнѣ оправдало себя.

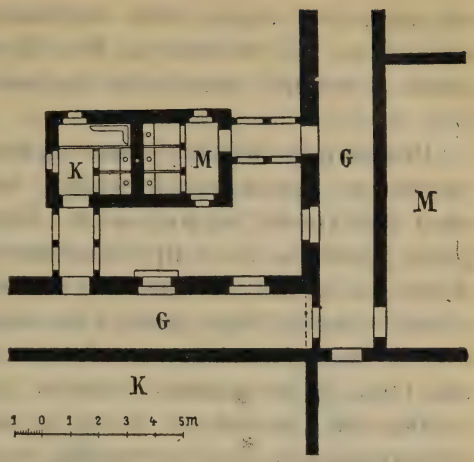


Рис. 6. Расположеніе клозетовъ въ пристройкѣ школьн. зданія. K — для мальчиковъ; M — для дѣвочекъ; G — коридоръ.

Устройство клозетовъ, по санитарнымъ и нравственнымъ причинамъ, — вопросъ, гораздо болѣе трудный для школы, чѣмъ это можетъ казаться со стороны. Въ городскихъ школьныхъ заведеніяхъ лучше всего располагать клозеты, хорошо оборудованные въ техническомъ отношеніи, во всѣхъ этажахъ пристройки къ школьному зданію (рис. 6). Во избѣжаніе опасности для нравственности, нуженъ также надзоръ за посѣщеніемъ клозетовъ; послѣдніе должны быть чистыми и свѣтлыми, и дѣтей съ самаго начала нужно пріучать держать это мѣсто въ чистотѣ. Отдѣльные учителя грѣшатъ еще въ томъ отношеніи, что они «принципіально» запрещаютъ посѣщеніе уборныхъ, напр., въ теченіе двухъ первыхъ утреннихъ уроковъ; такимъ путемъ можно вызвать запоры и судорожныя состоянія мочевого пузыря; и на этомъ примѣрѣ видно, насколько необходима перемѣна послѣ каждаго урока.

Величайшее значеніе имѣетъ число учениковъ въ классѣ. Новый датскій законъ устанавливаетъ средній максимумъ

въ классахъ городскихъ народныхъ школъ въ 35, деревенскихъ — 37 человѣкъ. Въ Пруссіи въ классахъ среднихъ женскихъ школъ не должно быть болѣе 40 челов., и т. д.

Вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ необходимо, чтобы урокъ не продолжался цѣлый часъ, а чтобы черезъ $^3/_4$ часа наступалъ перерывъ. Если ученикъ прослушаетъ рядъ уроковъ, то, и при наличности перерывовъ, онъ долженъ въ концѣ концовъ устать, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ основательнѣе была работа въ школѣ; но желательно, чтобы, по возможности, занимались всѣ ученики, такъ какъ мы, вѣдь, и посылаемъ нашихъ дѣтей въ школу для того, чтобы они учились во время уроковъ. Утомленіе является естественнымъ послѣдствіемъ этого, и важно, поэтому, имѣть возможность подмѣтить эту усталость, такъ какъ безъ своевременнаго отдыха она приведетъ къ переутомленію, то-есть повредитъ здоровому развитію учениковъ. Поэтому было пущено въ ходъ много стараній и остроумія, чтобы измѣрить и, въ частности, установить, когда оно нарастаетъ настолько, что даже и послѣ отдыха занятія не идутъ успѣшнѣе, т.-е. не наступаетъ должнаго улучшенія самочувствія. Ограниченность мѣста не позволяетъ мнѣ привести здѣсь примѣры такихъ опытовъ и ихъ результатовъ, по которымъ читатель получилъ бы ясное представленіе о предметѣ. Упомяну только о слѣдующемъ: прежде думали, что физическія упражненія желательны, какъ «противовѣсъ» научнымъ предметамъ, въ томъ смыслѣ, что физическій трудъ (гимнастика, игры и т. д.) является отдыхомъ; но объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; только покой послѣ работы даетъ отдыхъ, какъ ни безусловно необходимъ достаточный моціонъ для юношества, но онъ рекомендуется лишь послѣ отдыха отъ мозговой работы. Точно также и послѣ достаточно продолжительныхъ игръ и т. п. ребенокъ нуждается въ покоѣ, прежде чѣмъ учиться. Это правило важно и для домашняго воспитанія.

Мы пришли теперь къ возбуждающему много разговоровъ вопросу о раздѣленномъ или нераздѣленномъ школьномъ днѣ. Безъ сомнѣнія, такъ распространенный въ континентальной средней Европѣ раздѣленный школьный день ведетъ къ большему злу: послѣ обѣда,—

являющагося главнымъ пріемомъ пищи, у ученика остается до послѣобѣденныхъ уроковъ едва достаточно время, необходимое для пищеваренія, которое очень важно для его здороваго развитія, тѣмъ болѣе, что онъ, въ особенности, въ среднихъ школахъ, находится подъ психическимъ воздѣйствіемъ того, что онъ долженъ будетъ сдѣлать и что его ждетъ въ школѣ; день такъ раздробленъ, что, особенно въ городахъ, остается очень мало времени для прогулокъ или купанья лѣтомъ, для катанья на конькахъ и т. д. Англійское распредѣленіе дня цѣлесообразнѣе; болѣе поздній часъ, очень обильный завтракъ (послѣ такого завтрака, судя по опыту, можно усиленно работать, вѣроятно, вслѣдствіе отдыха за ночь), болѣе позднее начало занятій, въ полдень небольшая закуска, которую можно взять и съ собою въ школу, болѣе продолжительное ученіе передъ обѣдомъ, конечно, съ соотвѣтственными перерывами, и обѣдъ со всей семьей въ послѣполуденные часы, по окончаніи занятій. Отдѣльныя лица, конечно, не могутъ ввести у себя такой порядокъ, если хотятъ или должны оказать дѣтямъ съ педагогической точки зрѣнія очень цѣнное благодѣяніе общественнаго школьнаго воспитанія. Но общія усилія крупныхъ работодателей, государства, администраціи, общины, банковъ, большихъ торговыхъ предпріятій и т. д., могли бы постепенно привести къ болѣе здоровому преобразованію соотвѣтственныхъ условій, важныхъ не только для воспитанія, но и для народнаго хозяйства вообще. Если ученикъ старшаго класса средней школы, считая и домашнюю работу, трудился въ школѣ и для нея съ $9^1/_2$ до $5^1/_2$ часовъ, то онъ, навѣрно, сдѣлалъ по меньшей мѣрѣ все, что можно требовать!

Въ связи съ современнымъ нецѣлесообразнымъ распредѣленіемъ учебнаго дня въ Средней Европѣ, ученіе часто начинается въ городахъ утромъ слишкомъ рано. Очень жаль, что дѣтей нужно будить, когда они еще недостаточно отдохнули, чтобы посылать ихъ въ школу. Въ деревнѣ иногда являются зломъ дальнія и плохія дороги въ школу. Нужно обращать вниманіе на то, чтобы дѣти не были слишкомъ нагружены, отправляясь въ школу; поэтому необходимо чаще изслѣдовать содержимое спинныхъ ранцевъ (которые можно рекомендовать для ношенія

книгъ (Рис. 7), такъ какъ дознано опытомъ, что дѣти часто носятъ въ школу много ненужныхъ вещей. Если ранецъ слишкомъ тяжелъ, онъ тоже вреденъ, такъ какъ дѣти тогда наклоняются впередъ и т. д.

Что касается вышеупомянутой домашней работы, то она желательна, начиная со второго года обученія, въ виду ея воспитательнаго значенія; какъ бы незначительна ни была ежедневная домашняя работа, она все-таки пріучаетъ ребенка къ самостоятельному выполненію лежащихъ на немъ обязанностей; но часто раздавались жалобы на то, что, особенно въ среднихъ школахъ большихъ городовъ, система спеціализаціи предметовъ приводитъ къ большому злу, въ смыслѣ перегруженія юношества домашними занятіями. Далѣе, чтобы вполнѣ ясно видѣть, сколько перевариваетъ ученикъ въ школѣ изъ того, что она ему даетъ, необходимы были бы многочисленныя изслѣдованія, подобныя тѣмъ, которыя были сдѣланы Патцакомъ въ Прагѣ, такъ какъ вообще въ проблемѣ переутомленія мы достигнемъ яснаго пониманія не при помощи умозрѣній и діалектики, а посредствомъ констатированія фактовъ, для чего могло бы послужить и опредѣленіе физическаго развитія ученика. Такія изслѣдованія фактовъ главнымъ образомъ производилъ покойный стокгольмецъ Аксель Кей, многосторонній, проницательный ученый. Но многіе учителя среднихъ школъ до сихъ поръ, къ несчастію, неспособны, ставя идеалъ воспитанія выше безупречности собственной репутаціи, радостно привѣтствовать стремленіе къ объективному, точному изслѣдованію школьныхъ условій.

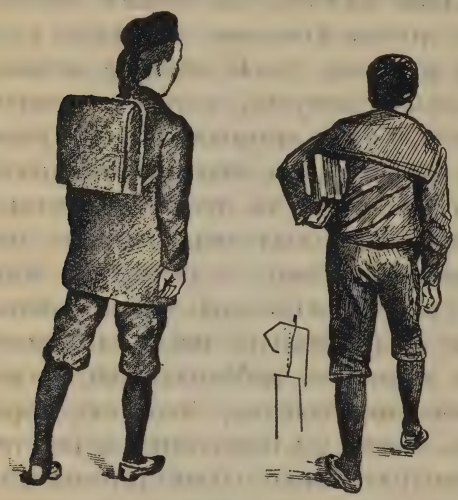


Рис. 7. Различные способы ношенія книгъ въ школу. Возлѣ правой фигуры — схематическое изображеніе ея.

На экзаменахъ въ среднихъ школахъ часто впадаютъ въ ту ошибку, что экзаминаторъ доискивается, чего ученикъ не знаетъ, вмѣсто того, чтобы дать ему спокойно высказать то, что онъ знаетъ. Въ новѣйшее время начинаютъ накопляться возраженія противъ экзамена на аттестатъ зрѣлости; одинъ французъ, далѣе два русскихъ и одинъ болгарскій изслѣдователь опубликовали, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, характерные факты, относящіеся къ ученикамъ, которые подвергались ряду испытаній. Мы воздерживаемся отъ сужденія объ испытаніи на аттестатъ зрѣлости, которое, во всякомъ случаѣ, считаемъ подозрительнымъ въ смыслѣ вреда для здоровья, такъ какъ едва ли еще найдется матеріалъ для положительныхъ изслѣдованій; но мы признаемъ вполнѣ необходимыми соотвѣтственныя изслѣдованія учениковъ въ критическіе школьные годы и точное установленіе соотвѣтствующихъ условій.

Существенно важнымъ является полное поглощеніе времени растущаго ребенка; Аксель Кей, основываясь на своемъ богатомъ опытѣ врача, отца и автора просвѣщеннаго и пролагающаго новые пути труда, далъ подробное среднее распредѣленіе дня для возраста 7—18 лѣтъ (см. томъ I: тѣло ребенка, 3 с: распредѣленіе и использованіе времени въ школьномъ возрастѣ). Ученый этотъ, конечно, не исходитъ изъ стремленія создать дѣтямъ праздную жизнь, а желаетъ только удовлетворенія ихъ физіологическихъ потребностей въ снѣ, движеніи и т. д. Но сравненіе проектовъ съ дѣйствительностью должно еще показать, окажется ли въ состояніи большинство семей, посылающихъ въ среднюю школу своихъ дѣтей— въ среднемъ удовлетворительно одаренныхъ, предоставить дѣтямъ столько времени для сна и т. д., сколько Кей признаетъ необходимымъ. Нужны наблюденія надъ фактами, а не слова!

Отчасти мрачную область составляютъ школьныя наказанія; здѣсь я коснусь бѣгло лишь наказаній тѣлесныхъ. Если, какъ напр., въ Японіи или въ Финляндіи, этотъ родъ школьныхъ наказаній не принятъ и поэтому не встрѣчается, или же запрещенъ властями какъ въ Бельгіи, Франціи, Австріи, рядѣ швейцарскихъ кантоновъ и т. д., то безъ преувеличенія можно сказать, что право ребенка,

понятіе, еще развивающееся,—ушло тамъ дальше впередъ, чѣмъ въ странахъ, въ которыхъ учитель имѣетъ право бить; ужасные случаи (другіе не опубликовываются) такъ называемаго превышенія нѣмецкими учителями своей дисциплинарной власти бываютъ краснорѣчивѣе цѣлыхъ томовъ. Тѣлесное наказаніе взрослыхъ отмѣчено во всѣхъ странахъ, могущихъ претендовать на культурность; а вѣдь было бы справедливѣе позволить бить зрѣлаго умомъ взрослаго, совершившаго соотвѣтственный проступокъ, чѣмъ ребенка.

Въ послѣднее время школа все болѣе распространяетъ свою дѣятельность на физическій уходъ, что заслуживаетъ живѣйшаго сочувствія. Желательно было бы только, чтобы трудъ учителя вознаграждался за это уменьшеніемъ количества уроковъ или повышеніемъ оклада; — это одинъ изъ многихъ моментовъ, относящихся къ гигіенѣ учительской профессіи, настолько же важной, какъ и утомительной. Къ этому прогрессивному расширенію воспитательныхъ задачъ школы относятся въ особенности подвижныя игры, экскурсіи, школьныя кухни, кулинарныя школы и школьныя ванны; къ послѣднимъ имѣютъ отношеніе и души, уже всюду принятые, съ тѣхъ поръ какъ, приблизительно 20 лѣтъ тому назадъ, Геттингенъ подалъ первый примѣръ ихъ введенія. Вслѣдствіе ихъ высокаго вспитательнаго значенія вообще и гигіеническаго въ частности, нельзя достаточно рекомендовать ихъ, тѣмъ болѣе, что устройство ихъ стоитъ недорого, а стоимость ихъ употребленія обыкновенно не превышаетъ приблизительно $^1/_2$ коп. на человѣка. Въ послѣдніе годы развивается и школьное обученіе плаванію, чему можно только радоваться.

Для физическихъ упражненій въ школѣ важно, чтобы комнаты и площадка были безукоризненны въ гигіеническомъ отношеніи. Чрезвычайно важна наибольшая возможная чистота, особенно отсутствіе пыли въ гимнастической залѣ, гдѣ напряженная мускульная работа ведетъ къ болѣе глубокому дыханію; безусловно необходима для гимнастики площадка на свѣжемъ воздухѣ. Подходящая площадка для игръ учащихся должна быть устроена даже въ каждой сельской общинѣ; въ небольшихъ городахъ и на окраинахъ обширныхъ городовъ еще можно до-

биться отвода такихъ мѣстъ; но самые крупные и станичные города въ общемъ построены и расширяются такъ неблагопріятно, что желательно бы изданіе закона, опредѣляющаго порядокъ застройки городовъ, число жителей которыхъ превышаетъ опредѣленную норму. Въ наше время каждому крупному городу остается одно: покупать удобно расположенные большіе участки земли подъ школы, школьныя и народныя площадки для игръ въ такихъ подгородныхъ мѣстностяхъ, которыя, предположительно, застроются десятилѣтія спустя; а пока участки эти можно бы сдавать въ аренду подъ посѣвы и т. п. Далѣе, было бы желательно, чтобы крупнѣйшіе города отвели для каждой городской школы или для группы школъ площадку для игръ, лежащую на окраинѣ, соединенной съ городомъ трамвайной линіей; туда же можно бы предпринимать и прогулки. Тутъ дѣло идетъ о жертвахъ, имѣющихъ чрезвычайно важное значеніе для общаго блага (сравни «Лѣсныя школы» въ этой книгѣ). Новое оживленіе подвижныхъ дѣтскихъ игръ (1882) является заслугой умершаго министра ф.-Госслера; горячій циркуляръ его, относящійся къ этому вопросу, явился примѣромъ и для ряда другихъ, а также и иностранныхъ государствъ, а «Центральный комитетъ покровительства народнымъ и дѣтскимъ играмъ въ Германіи» вѣрно сохранилъ это цѣнное наслѣдство.

Что касается гигіенической стороны преподаванія другихъ предметовъ, помимо физическихъ упражненій, то спеціальныя изслѣдованія предпринимались въ особенности относительно чтенія, писанія и женскихъ рукодѣлій.

Азбуки слѣдуетъ печатать особенно большими буквами, и переходъ къ малымъ долженъ происходить постепенно. Чтобы опредѣлить гигіенически допустимую величину печатныхъ буквъ въ книгахъ для учениковъ, уже умѣющихъ читать, нужно вырѣзать изъ визитной карточки квадратъ величиной въ квадратный сантиметръ и нанести на каждомъ изъ двухъ соприкасающихся краевъ отверстія дѣленія на цѣлые и полумиллиметры. Въ отверстіе не должно быть видно больше двухъ строчекъ при наложеніи его на печатную страницу; на линейный сантиметръ должно приходиться не болѣе семи буквъ. Книги, напечатанныя такимъ шрифтомъ,

должно исключить изъ ученическихъ школьныхъ библіотекъ. Дѣтей нужно пріучить не смачивать пальцевъ губами или языкомъ для переворачиванія страницъ. При чтеніи дѣти должны удобно прислонить спину, такъ какъ прямое положеніе не можетъ быть сохранено надолго, вслѣдствіе необходимости большого напряженія при умственномъ трудѣ.

Писаніе. Весьма неблагопріятны аспидныя доски: письмо скоро становится сѣрымъ на сѣромъ фонѣ, т.-е., собственно, никогда нѣтъ рѣзкаго свѣтового контраста, какой даютъ, напр., чернила на бумагѣ, и глаза, поэтому, особенно легко чрезмѣрно приближаются къ написанному, что очень нездорово; кончикъ грифеля быстро притупляется; при держаніи его рука нерѣдко стискивается судорожно; грифель легко ломается; дѣти часто пишутъ небольшими обломками и такъ закрываютъ пишущей рукой то мѣсто, на которомъ должны писать, что имъ приходится наклонять голову на сторону, и т. д. Такъ какъ еще не изобрѣли ничего вполнѣ удовлетворительнаго для замѣны аспидныхъ досокъ, то переходъ къ бумагѣ и чернилам долженъ происходить въ школѣ, начиная со второго года обученія; при домашнемъ же ученіи нужно сразу начинать съ бумаги и карандаша.

При актѣ письма то, на чемъ пишутъ (доска, тетрадь), должно всегда находиться противъ середины тѣла; было бы хорошо писать на строкахъ не длиннѣе приблизительно 10 см. Воображаемая линія, соединяющая глазные фокусы, должна итти горизонтально, также какъ и соединительная линія плечъ; не нужно сгибать тѣло впередъ, прислонять грудь къ краю стола; должно слегка склонять голову къ работѣ и сохранять настолько большое разстояніе между письмомъ и глазомъ, насколько это допускается ростомъ пишущаго. Локти не должны держаться слишкомъ далеко отъ тѣла (приблизительно, на разстояніи ширины ладони, что требуетъ соотвѣтственной высоты стола надъ сидѣніемъ). Самая рука должна быть нѣсколько наклонена влѣво, указательный палецъ нужно держать въ видѣ слабо согнутой дуги, не держать ручку пера (грифель) у самаго конца; а верхній конецъ ея долженъ быть направленъ въ сторону локтя, но не груди; письмо должно часто прерываться (устными объясненіями, комнатной гимнастикой).

Писаніе при гигіеническомъ положеніи тѣла составляетъ утомительный трудъ, котораго нельзя требовать отъ дѣтей въ теченіе слишкомъ продолжительнаго времени; если хотятъ добиться положенія при письмѣ, пріемлемаго съ точки зрѣнія здоровья, то на пріученіе къ этому нужно потратить много времени; на это обстоятельство обращаютъ еще слишкомъ мало вниманія; здоровое положеніе при письмѣ возможно, кромѣ того, только на подходящихъ скамьяхъ, о которыхъ будетъ сказано дальше.

Много труда было потрачено на критическое изученіе вопроса о прямомъ или косомъ письмѣ. Какъ уже было говорено, мѣсто, на которомъ пишутъ, должно находиться противъ середины тѣла; тетрадь можетъ лежать такъ, что строки будутъ параллельны краю стола, или же ее можно повернуть такъ, что строки будутъ итти косо, повышаясь слѣва направо. Такъ какъ толстыя линіи направлены всегда къ серединѣ тѣла, слѣдовательно, въ направленіи, отвѣсномъ къ краю стола, то въ первомъ случаѣ (строки, параллельныя краю стола) получится прямое письмо, съ толстыми линіями, идущими отвѣсно къ строкѣ, а во второмъ (строки, идущія косо вверхъ),—косое письмо съ толстыми линіями, косо направленными къ строкѣ. При изслѣдованіяхъ прямого и косого письма было найдено, что при первомъ—положеніе тѣла остается болѣе симметричнымъ, а разстояніе отъ глазъ болѣе значительнымъ, чѣмъ при косомъ письмѣ. Но результаты опытовъ все еще недостаточно убѣдительны, такъ какъ прямое письмо изучалось съ прижатыми къ тѣлу локтями, а при косомъ письмѣ локти были отставлены отъ тѣла. Покойный д-ръ Павелъ Шубертъ въ Нюрнбергѣ своими изслѣдованіями оказалъ величайшія услуги выясненію этого вопроса, только кажущагося простымъ.

Извѣстно только то, что первоначально-правильное положеніе тѣла дѣтей при писаніи быстро исчезаетъ, и можно наблюдать самыя различныя сгорбленныя и скрюченныя положенія; въ результатѣ легко появляются, въ числѣ другихъ, нарушенія правильности дыханія, кровообращенія, пищеваренія, искривленіе (въ особенности у дѣвочекъ), близорукость и т. д. Дѣти тѣмъ охотнѣе приближаютъ свои глаза къ письму, что сгорбленное положеніе, хотя и вредное, однако менѣе утомительно и что въ эти годы глазъ мо-

жетъ приспособляться и на очень близкія разстоянія, когда предметы кажутся крупнѣе.

Напрашивается умозаключеніе, что школа до сихъ поръ употребляетъ слишкомъ мало времени и стараній для пріученія къ правильному положенію при письмѣ. Это, конечно, можетъ быть объяснено тѣмъ, что учитель долженъ пройти строго опредѣленную программу со слишкомъ большимъ количествомъ дѣтей; далѣе, несомнѣнно, что очень часто сидѣніе не приспособлено къ тѣлу ребенка, а тогда, конечно, напрасны всякія старанія. Гдѣ только это возможно, семья должна тщательно глядѣть за письмомъ и чтеніемъ дѣтей, постоянно, безъ устали, напоминать о правильномъ положеніи и устроить, по крайней мѣрѣ для домашней работы, подходящее сидѣніе.

Объектомъ многочисленныхъ заботъ школьной гигіены являются сидѣнія (школьныя скамьи, стулья). Дѣло было бы просто, если бы всѣ дѣти одного класса были одинаково велики и толсты и если бы у нихъ всѣхъ было одинаковое отношеніе между длиной членовъ и длиною туловища, или если бы, по крайней мѣрѣ, каждый годъ во всѣхъ классахъ различія въ ростѣ учениковъ оказывались одинаковыми. Однако, не только не бываетъ всего этого, а и въ теченіе одного года у различныхъ дѣтей одного класса, но разнаго возраста существуютъ сильныя колебанія въ увеличеніи роста. Если хотятъ правильно посадить ребенка, то надо, прежде всего, дать ему сидѣніе настолько высокое, чтобы при прямомъ положеніи тѣла бедро лежало горизонтально, а подошва при вертикальномъ положеніи голени вполнѣ соприкасалась съ поломъ. Затѣмъ, сидѣніе не должно быть слишкомъ глубокимъ: спина должна ощущать его спинку. Столъ долженъ настолько возвышаться надъ сидѣньемъ, чтобы, при опущенной рукѣ, находиться на уровнѣ локтя; разстояніе отъ спинки того ея края, который обращенъ къ тѣлу, должно лишь немного превышать толщину тѣла ребенка. Особенно важны высота стола надъ сидѣніемъ и разстояніе между спинкой и краемъ стола. Если сидѣніе не имѣетъ правильныхъ размѣровъ, — что, къ несчастью, встрѣчается въ школѣ очень часто, — то лучшій учитель не сможетъ добиться правильнаго и здороваго положенія. Поэтому въ Соединенныхъ

Штатахъ часто встрѣчаются одномѣстныя сидѣнія, болѣе важныя части которыхъ могутъ переставляться соотвѣтственно росту ученика. Но понятно, что такія приспособленія стоятъ дорого; въ сельскихъ школахъ, напр., хорошо и то, если измѣряютъ ростъ лишь нѣкоторыхъ дѣтей перваго, второго и т. д. школьнаго года и произведя такія измѣренія нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, закажутъ затѣмъ хорошему столяру для каждаго класса подходящее число школьныхъ скамеекъ, разныхъ величинъ по номерамъ; учитель вызываетъ тогда дѣтей по росту и разсаживаетъ ихъ по скамейкамъ, разставленнымъ по величинѣ. Существуетъ безчисленное множество такъ называемыхъ

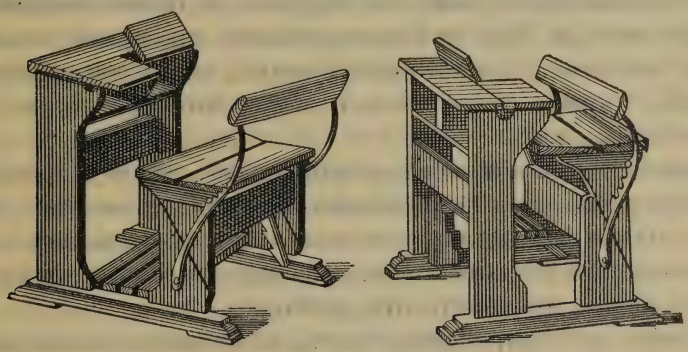


Рис. 8. Школьная скамья. Слѣва — въ положеніи для большого роста; — справа — для маленькаго.

системъ, многія изъ которыхъ представляютъ мало оригинальнаго, а нѣкоторыя, несмотря на большую рекламу и распространенность, обладаютъ недостатками. Существуютъ, впрочемъ, и скамьи, недорого стоящія и могущія, въ извѣстныхъ границахъ, быть приспособленными къ различному росту. (Это очень важно и для помѣщеній, которыя въ одни и тѣ же дни употребляются для учениковъ различнаго роста.) Примѣръ такой скамьи данъ на рис. 8; когда сидѣніе приподнято, оно приближается къ столу и въ то же время суживается, такъ какъ спинка, ставшая теперь и ниже, придвинута къ столу. Кромѣ того, придается соотвѣтственное положеніе и опорѣ для ногъ. Эти манипуляціи обыкновенно дѣлаются самими учениками.

Часто говорятъ о такъ называемомъ измѣненіи разстоянія. Какъ было упомянуто выше, сидящій (при письменной работѣ) долженъ быть втиснутъ между столомъ и спинкою стула на «толщину его тѣла», т.-е. спинка должна находиться на нѣсколько большемъ, чѣмъ толщина ученика, разстояніи отъ обращеннаго къ ней края стола. Если бы всѣ части школьной скамьи были неподвижны, ребенокъ имѣлъ бы слишкомъ мало возможности двигаться, стояніе въ скамьѣ было бы невозможнымъ, входъ и выходъ изъ нея очень неудобнымъ; этому старались помочь различнымъ образомъ, устраивая или передвижныя доски стола, или снабжая скамью откидной частью, направленной къ сидѣнію, и т. д., откидывающіяся назадъ посредствомъ маятниковаго движенія или поднимающіяся, какъ въ театрахъ, а также комбинируя эти два метода. При всѣхъ подобныхъ прочныхъ механизмахъ, довольно удовлетворительныхъ, если они устроены крѣпко, нужно заботиться о томъ, чтобы дѣти не прищемляли пальцевъ.

Важны форма и положеніе спинки, давъ такое устройство, при которомъ ею, дѣйствительно, можно пользоваться, такъ какъ прямое положеніе безъ возможности опереться сзади въ теченіе продолжительнаго времени — тяжелый трудъ, котораго нельзя требовать отъ ребенка.

Лучше не употреблять партъ, имѣющихъ болѣе двухъ мѣстъ.

Школьныя парты очень затрудняютъ чистку половъ. Поэтому устраивали (двухмѣстныя) парты, переворачивающіяся на-бокъ или (многомѣстныя) впередъ, а также устраивали такъ, что только первая и послѣдняя скамьи въ ряду опирались на полъ, а всѣ другія стояли на серединномъ бревнѣ, проходящемъ вдоль. Цѣлесообразнѣе всего крѣпко соединить двухмѣстныя скамейки каждаго ряда (въ классѣ спереди назадъ) и поставить этотъ рядъ на ролики: такъ можно сразу сдвигать съ мѣста весь рядъ, подобно всякой мебели на колесикахъ. Конечно легко возможно подобное соединеніе и старыхъ двухмѣстныхъ скамеекъ. Мысль эта принадлежитъ цюрихскому д-ру Цоллингеру.

Дома родители могутъ приготовить сидѣнія, приспособленныя къ письму, подставляя подъ ноги скамеечки, крѣп-

ко подбивши спинку, накладывая подушки на стулъ; богатые могутъ купить передвижную (одномѣстную) «домашнюю парту», которыя продаются въ разныхъ видахъ. И во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо напоминаніе: на плохомъ сидѣніи приходится поневолѣ сидѣть плохо; но и на хорошемъ можно сидѣть плохо.

Свѣтъ при письмѣ и рисованіи долженъ падать съ лѣвой стороны; важной задачей школы, долженствующей использовать всю длину комнаты, является доставленіе достаточнаго количества естественнаго свѣта на всѣ мѣста. Для этого произведена была масса интересной научной работы, которою мы обязаны, въ особенности, иниціативѣ и дѣятельности неутомимаго профессора Германа Кона въ Бреславлѣ. Здѣсь я приведу, какъ кратчайшую и довольно правильную формулировку требованія, которое нужно удовлетворить, слѣдующее: школьное зданіе, въ отношеніи положенія величины комнатъ, высоты оконъ, должно быть построено такъ, чтобы каждый ученикъ, даже сидящій на наиболѣе удаленномъ отъ окна мѣстѣ, могъ видѣть небо; это очень легко опредѣлить по профилю проэкта. Но необходимо обезпечить положенія и впредь, т.-е. запретить постройку передъ окнами новыхъ высокихъ домовъ. Въ старыхъ кварталахъ большихъ городовъ удобнѣе всего устраивать школы не ниже второго этажа, при чемъ нижніе этажи, получающіе меньше свѣта, надо снабдить особыми входами и лѣстницами, въ гигіеническомъ отношеніи изолированными отъ самой школы, и тогда можно сдавать ихъ, такъ чтобы это не мѣшало школьному дѣлу. Вообще нельзя совершенно избѣжать устройства квартиръ въ школьномъ зданіи: онѣ нужны для директора и для служителей; но и въ этихъ квартирахъ должны быть особые входы и лѣстницы, чтобы ихъ можно было изолировать при появленіи заразныхъ болѣзней въ семьяхъ этихъ лицъ.

Стремясь къ естественному свѣту, надо возможно меньше ослаблять его шторами, которыя, поэтому, должны изготовляться изъ одноцвѣтныхъ бѣлыхъ моющихся матерій (шертингъ), легко сниматься и безъ нужды ни въ коемъ случаѣ не закрывать верхней части оконъ; все это достижимо при хорошемъ устройствѣ. Окна должны возможно ближе подходить къ потолку, значительныя ихъ

части (и верхнія также) должны легко открываться снизу, подоконники должны быть узкими. Изобрѣтатели еще слишкомъ мало потрудились надъ классными окнами.

Искусственное освѣщеніе, къ сожалѣнію, часто неизбѣжное, должно быть достаточно сильно. Лампы не должны мигать и коптить или бросать тѣни отъ тѣлъ учениковъ на парты, дѣти не должны смотрѣть на классную доску черезъ источникъ свѣта, воздухъ не долженъ слишкомъ портиться и нагрѣваться, и т. д. При бѣлыхъ и чисто содержимыхъ потолкахъ лучше всего искусственно-разсѣянный свѣтъ: подъ очень высоко укрѣпленными лампами находятся рефлекторы, отражающіе свѣтъ вверхъ; онъ достигаетъ мѣстъ учениковъ разсѣяннымъ, «не прямымъ», и освѣщеніе напоминаетъ солнечное при облачномъ небѣ, т.-е. не даетъ тѣни.

Школьная гигіена и гигіена вообще очень много выигрываетъ отъ знакомства съ гигіеной учителей и учениковъ; поэтому очень желательно, чтобы учителя получали соотвѣтствующую подготовку; таковая введена, напр., въ Австріи въ 1891 г., и дается въ настоящее время спеціально-избранными врачами во всѣхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ учителей и учительницъ для низшихъ школъ. Въ послѣднее время позаботились также о сообщеніи гигіеническихъ знаній и учителямъ среднихъ школъ. Въ продолженіе обязательнаго школьнаго обученія нужно вести преподаваніе гигіены дѣтямъ такимъ образомъ, чтобы на него шло ежегодно извѣстное количество часовъ, (въ среднемъ, приблизительно, часъ въ мѣсяцъ), въ теченіе которыхъ нужно вести повторныя бесѣды о важнѣйшихъ требованіяхъ личной гигіены. Преподаваніе гигіены въ среднихъ школахъ тѣмъ желательнѣе, что тамъ можно найти пониманіе и интересъ къ примѣрному описанію учрежденій общественной гигіены. При современной перегруженности программъ, а также принимая во вниманіе, что учителя-спеціалисты такъ часто считаютъ недостаточнымъ время, отведенное для ихъ предметовъ, преподаваніе гигіены принесло бы скорѣе вредъ личной гигіенѣ учениковъ; поэтому мы въ настоящее время не можемъ рекомендовать введенія новаго «предмета», хотя и считаемъ преподаваніе гигіены достойнымъ побѣды въ конкуренціи

со многими другими, вслѣдствіе его воспитательнаго значенія.

Въ 1874 г. была установлена въ Брюсселѣ должность школьныхъ врачей. Въ Германіи вопросъ этотъ сначала разбирался въ многочисленныхъ собраніяхъ и трудахъ подлежащихъ учрежденій, пока въ 1892 г. Лейпцигъ, первый изъ городовъ, не завелъ школьныхъ врачей. Въ настоящее время и учителя низшихъ школъ, въ большинствѣ своемъ, убѣдились въ полезности этого установленія; различныя опасенія и возраженія оказались неосновательными. Доводы въ пользу значенія этого дѣла могли бы наполнить цѣлую книгу; упомяну лишь объ одномъ фактѣ: при врачебно-школьномъ изслѣдованіи въ III дрезденскомъ школьномъ округѣ въ 1901 г., среди 664 дѣтей, начинавшихъ ученіе, оказалось 44,27% больныхъ; а въ 1902 г. на 479 ч.—79,01% больныхъ, такъ какъ въ 1902 году изслѣдовали неодѣтыхъ, т.-е. производили изслѣдованіе основательнѣе.

Къ концу 1904 года въ Германіи существовало до 700 школьныхъ врачей въ 350 городахъ; годовое жалованье ихъ колеблется между 10—25 марками съ класса, слѣдовательно, вездѣ по средствамъ и число городовъ, имѣющихъ школьныхъ врачей, постоянно увеличивается. Этотъ порядокъ установленъ государствомъ въ Саксенъ-Мейнингенѣ (1900 г.), при чемъ ему подлежатъ и среднія школы (1901 г.) и, по желанію, также частныя заведенія. Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ и въ Пруссіи также замѣтны попытки къ государственному вмѣшательству.

Въ заключеніе я опишу въ нѣсколькихъ чертахъ работу школьныхъ врачей.

Родителямъ разсылается объяснительный циркуляръ; вновь поступающихъ дѣтей, если домашній врачъ не заполнитъ ихъ бланка для изслѣдованія, бѣгло осматриваютъ въ первые два-три дня, а подробнѣе изслѣдуютъ въ теченіе первыхъ 4—6 недѣль, при чемъ мать приглашается для присутствія при изслѣдованіи. «Свидѣтельство о здоровьѣ», остающееся въ школѣ и выдаваемое при перемѣнѣ учебнаго заведенія, снабжается помѣткой «врачебный надзоръ» у дѣтей, нуждающихся въ продолжительномъ врачебномъ наблюденіи или въ особенныхъ заботахъ при обученіи.

Разъ въ двѣ недѣли, въ часы, опредѣленные по соглашенію съ руководителемъ школы, является въ нее школьный врачъ, изслѣдуетъ учениковъ съ помѣткой «врачебный надзоръ», а также и подозрительныхъ, и отсылаетъ больныхъ къ домашнему врачу, а бѣдныхъ — къ врачу для бѣдныхъ (въ поликлинику, къ спеціалисту), при чемъ о заболѣваніи младшихъ дѣтей сообщаютъ родителямъ. Кстати врачъ заходитъ въ нѣкоторые классы ($^1/_4$ часа). На третьемъ, пятомъ и восьмомъ году обученія происходятъ дополнительныя изслѣдованія дѣтей, и, если нужно, родители, при послѣднемъ изслѣдованіи, получаютъ врачебный совѣтъ относительно выбора профессіи ихъ дѣтей. Врачъ не можетъ самостоятельно давать предписаній преподавателямъ и служителямъ, но, въ случаѣ неисполненія его указаній, онъ имѣетъ право подавать соотвѣтственныя жалобы. Школьный врачъ заноситъ свои замѣчанія въ школьную книгу здравія. Школьные врачи собираются на совѣщанія и представляютъ ежегодные отчеты по опредѣленной программѣ. Въ Страсбургѣ, благодаря непрерывной дѣятельности профессора Іессена уже съ 1902 года существуетъ работающая съ прекрасными результатами школьная зубная клиника; другіе города слѣдуютъ этому примѣру. Замѣчу еще, что въ послѣднее время и въ средѣ учителей среднихъ школъ Германіи раздаются голоса въ пользу учрежденія должностей школьныхъ врачей при этихъ заведеніяхъ.

Семья и школа.

Д-ра Люнгена.

Семья и школа являются тѣми двумя факторами, которые оказываютъ рѣшительное вліяніе на все воспитаніе ребенка. Безъ школы дѣло обходится лишь въ относительно очень рѣдкихъ случаяхъ, когда физическое или духовное состояніе ребенка дѣлаютъ невозможнымъ школьное обученіе, или когда родители или призванные ими воспитатели берутъ обученіе въ свои руки. Дитя —часть семьи, родителямъ обязано оно жизнью, поэтому они прежде всего обязаны, по мѣрѣ силъ своихъ, заботиться о томъ, чтобы оно могло впослѣдствіи вступить въ борьбу за существованіе, быть можетъ, очень тяжкую, и вести ее съ успѣхомъ. Какъ будетъ подробно доказано дальше въ отдѣльныхъ частностяхъ, въ родительскомъ домѣ и при посредствѣ его можно сдѣлать безконечно много для воспитанія, и, дѣйствительно, дѣлается безконечно много въ тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ родители удовлетворяютъ всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, большинству условій, необходимыхъ для воспитателя. Но, къ сожалѣнію, подавляющее большинство семей совершенно не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, или только въ небольшихъ размѣрахъ; многіе родители совершенно не имѣютъ представленія объ огромной отвѣтственности, объ объемѣ и тяжести обязанностей, которыя они возложили на себя, давши ребенку жизнь.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ, если не хотятъ нанести большого вреда ребенку, долженъ вступиться второй факторъ, школа, упорнымъ и многостороннимъ трудомъ исправляя домашніе изъяны и ведя ребенка впередъ. Но даже если у родителей есть склонность и способность къ воспитанію, то имъ тоже нельзя совершенно отказаться отъ содѣйствія школы, такъ какъ существенной частью воспитанія является преподаваніе, а какъ рѣдко могутъ родители удовлетворять тѣмъ высокимъ требованіямъ, которыя оно обращаетъ не только къ ихъ знанію и умѣнью, но и къ ихъ времени и силамъ! Необходимость школы для ребенка яв-

ляется, наконецъ, результатомъ той точки зрѣнія, которая гласитъ, что въ ребенкѣ нужно воспитать характеръ. А характеры, за весьма немногими исключеніями, развиваются только въ мірскомъ потокѣ, т.-е. примѣнительно къ условіямъ только въ серьезномъ трудѣ и радостномъ общеніи съ сверстниками въ школѣ, въ которой господствуетъ другая воля и въ которой сужденіе о единичной личности и обращеніе съ нею часто совершенно иное, чѣмъ въ семьѣ. Если это относится ко всѣмъ дѣтямъ, то, въ особенности, это вѣрно для такихъ дѣтей, у которыхъ нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ и родители которыхъ не могутъ поэтому постоянно сравнивать ихъ съ другими.

Если, сообразно этому, семья вынуждена передать школѣ извѣстныя обязанности, исполненіе которыхъ лежитъ собственно, на ней самой, и отказаться, по этой причинѣ, въ ея пользу отъ извѣстной части своихъ правъ, то передъ нею возникаетъ серьезный вопросъ, какого рода школѣ цѣлесообразнѣе всего довѣрять ребенка. Съ чисто теоретической точки зрѣнія, въ первую очередь можно было бы рекомендовать свободную семейную школу, то-есть школу, основанную группой отцовъ и матерей со сходными воззрѣніями на воспитаніе, для ихъ дѣтей и поддерживаемую исключительно ими. Учебный планъ такой школы учитель можетъ установить сообразно своимъ взглядамъ и проводить быстрѣе или медленнѣе, смотря по обстоятельствамъ; тутъ онъ могъ бы скорѣе всего точно узнать всѣ обстоятельства, способствовавшія или задерживавшія физическое, духовное или нравственное развитіе его воспитанниковъ, можетъ быть, еще продолжающія свое дѣйствіе, и постоянно поддерживать живую связь и обмѣнъ мыслями со всѣми участвующими въ школѣ семьями. Но ясно, что идея такой школы едва ли осуществима въ современныхъ условіяхъ.

Ближе всего къ семейной школѣ школа частная, устроенная предпринимателемъ или предпринимательницей на свой страхъ. Она до извѣстной степени обладаетъ преимуществами, признанными за семейной школой, но этимъ преимуществамъ противостоятъ значительные недостатки, происходящіе оттого, что школы эти, большей частью, не имѣютъ прочной опоры и что поэтому только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно совершенно устранить финансо-

выс и личные соображенія и счеты. Поэтому все болѣе пробиваетъ себѣ путь повсемѣстно и во всѣхъ слояхъ населенія общественная школа, основанная и поддерживаемая государствомъ и церковными или гражданскими общинами. Во всѣхъ трехъ родахъ школъ можно добиться хорошихъ успѣховъ; только желанія политическихъ и церковныхъ партій не должны имѣть такого рѣшающаго вліянія на ихъ учрежденіе и устройства, какое должны имѣть основныя положенія педагогики; бюрократизмъ не долженъ убивать въ нихъ жизни.

Одной изъ величайшихъ опасностей, грозящихъ общественной школѣ, является то, что учитель, работающій въ ней, чувствуетъ себя прежде всего чиновникомъ, что онъ воздвигаетъ вокругъ себя и своей дѣятельности стѣну, черезъ которую не могутъ и не должны заглядывать родители. Едва ли можно доказывать, что это не только затрудняетъ воспитаніе ребенка, но, во многихъ случаяхъ, дѣлаетъ его прямо невозможнымъ, такъ какъ воспитаніе можетъ лишь тогда привести къ удовлетворительному результату, когда семья и школа находятся въ постоянномъ дружномъ сотрудничествѣ. Но совмѣстная дѣятельность обоихъ факторовъ невозможна тамъ, гдѣ представители школы изъ глупой гордости упускаютъ или даже избѣгаютъ случая поддерживать болѣе тѣсную связь съ родителями и гдѣ послѣдніе относятся къ учителю съ недовѣріемъ, справедливо или несправедливо оказываемымъ въ обществѣ чиновникамъ; это недовѣріе при случаѣ можетъ вылиться въ ожесточенную вражду или же повести къ полнѣйшему равнодушію къ школѣ. Въ обоихъ случаяхъ страдаетъ, и страдаетъ тяжко, невинный, а именно ребенокъ.

Ясно, слѣдовательно, что семья и школа должны поддерживать другъ друга и что эта поддержка окажется тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ она будетъ сильнѣе, многостороннѣе и продолжительнѣе. Но нужно выяснить, въ чемъ она заключается.

Какъ, и это первый вопросъ, можетъ и должна дѣйствовать семья, чтобы поддерживать дѣятельность школы? Если мы хотимъ удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны пойти гораздо дальше назадъ въ исторіи развитія ребенка, чѣмъ это дѣлается обыкновенно, такъ

какъ важно не только сотрудничество родителей, но и имѣющая большое значеніе ихъ подготовительная работа. Главная задача факторовъ воспитанія состоитъ не въ снабженіи ребенка достаточными знаніями, но насколько это вообще возможно—въ выработкѣ у него нравственнаго характера. Но, по мѣткому выраженію Гербарта, «болѣзненныя натуры чувствуютъ себя зависимыми, сильныя дерзаютъ хотѣть». Поэтому при воспитаніи характера существенно важна забота о здоровьѣ. Эта идея указываетъ намъ высокое и серьезное значеніе процесса воспроизведенія и тяжелую отвѣтственность, которую берутъ на себя отецъ и мать, если они до дѣторожденія ведутъ образъ жизни вредный для здоровья, развинчивающій нервы и загрязняющій соки. Едва ли нужно еще указывать, какое глубокое вліяніе на развивающееся тѣло ребенка оказываетъ поведеніе матери во время беременности.

Послѣ рожденія ребенка передъ родителями возникаетъ много одинаково важныхъ и трудныхъ задачъ, которыя будутъ намѣчены здѣсь въ нѣсколькихъ чертахъ. Какъ красивъ и хорошъ образъ молодой матери, дающей безпомощному маленькому существу, которому она подарила жизнь, также и тотъ любовный уходъ, который необходимъ для него и котораго оно можетъ требовать; но какъ рѣдко встрѣчаемъ мы въ дѣйствительной жизни эту картину, какъ часто недостатокъ пониманія, лѣность, жажда удовольствій или же и житейская нужда препятствуютъ исполненію матерью ея самыхъ святыхъ и высокихъ обязанностей! Если борьба за существованіе заставляетъ мать удаляться отъ своего ребенка, то она, конечно, заслуживаетъ живѣйшаго сочувствія, и любовь къ ближнему должна притти ей на помощь; во всѣхъ же другихъ случаяхъ она беретъ на себя тяжелую вину, отъ которой не освобождаетъ ее и позднѣйшее раскаяніе.

Но въ эти первые годы необходимо не только ходить за тѣломъ ребенка и закалять его, но, чтобы позднѣе школа принесла всю возможную пользу, нужно также дѣлать много для нравственнаго и умственнаго образованія ребенка. Ясно, прежде всего, что если ребенка не пріучить сразу къ опрятности, порядку и правильному образу жизни, то едва ли можно будетъ исправить это впослѣдствіи, по

крайней мѣрѣ, это поведетъ ко многимъ неудобствамъ, которыхъ можно было бы избѣжать. Но выше всѣхъ качествъ стоятъ добродѣтели скромности, любовь къ правдѣ и откровенности; для ихъ развитія родительскій домъ также можетъ сдѣлать много, а именно—если оставить въ сторонѣ отдѣльные трудные случаи—при помощи простого, но дѣйствительнаго средства—примѣра. Здѣсь можно лишь указать, что воспитаніе въ ребенкѣ послушанія требуетъ особенно тонкаго пониманія педагогическихъ задачъ. Нельзя, конечно, допускать, чтобы дѣти капризничали или не считались съ волей и желаніями родителей, но нѣтъ ничего болѣе ложнаго, чѣмъ требованіе отъ дѣтей слѣдовать даннымъ приказаніямъ родителей при всякихъ обстоятельствахъ, безъ сопротивленія.

Въ семьѣ иногда совершенно неправильно смотрятъ на вопросъ, какъ можно подготовить преподавательскую дѣятельность школы; отецъ, а гораздо чаще мать считаютъ себя обязанными познакомить еще не созрѣвшаго для школы ребенка съ начатками чтенія, письма и счета. Это стараніе происходитъ вслѣствіе честолюбія родителей или непониманія ими педагогической аксіомы, что ни съ какимъ предметомъ нельзя знакомить дѣтей слишкомъ рано; или это происходитъ вслѣдствіе безпомощности родителей, не умѣющихъ иначе занять своего ребенка, и можетъ имѣть для послѣдняго очень вредныя послѣдствія. Ребенокъ можетъ потерять смѣлость и довѣріе къ себѣ самому, видя, что задача все-таки еще трудна для него; или же такой методъ можетъ привести къ равнодушію по отношенію къ школьному преподаванію, если ребенокъ видитъ, что онъ уже знаетъ и умѣетъ то, чего его товарищи должны еще добиваться съ большимъ трудомъ, и такимъ образомъ, нерѣдко, вначалѣ хорошій ученикъ постепенно становится плохимъ. Кромѣ того, ребенокъ достаточно часто долженъ потомъ вновь переучивать многое, такъ какъ родители не имѣютъ дидактическихъ знаній; это переучиваніе не можетъ быть пріятно ни ребенку, ни учителю; дѣйствія родителей доказываютъ, наконецъ, преувеличеніе цѣнности этихъ знаній для малютокъ, все болѣе исчезающее въ кругахъ спеціалистовъ.

Въ распоряженіи родителей имѣются совершенно другія и гораздо болѣе дѣйствительныя средства для подготовки сво-

ихъ дѣтей къ успѣшному воспріятію школьнаго преподаванія. Прежде всего они должны обращать серьезное вниманіе на уходъ за рѣчью съ раннихъ дней. Правда, понятно, что отецъ и мать находятъ прелестнымъ лепетъ своего любимца и даже подражаютъ ему сами, но это неправильно; они оказали бы и гораздо большую услугу своему ребенку, если бы всегда сами разговаривали съ нимъ возможно старательнѣе и при случаѣ строго требовали этого отъ старшихъ дѣтей и отъ прислуги. Будетъ ли имъ пріятно, если ихъ ребенокъ сдѣлается въ школѣ посмѣшищемъ своихъ сверстниковъ? Слѣдовательно, нужно заставлять ребенка говорить громко, правильно и ясно. Ребенокъ долженъ научиться еще одному: внимательно слушать, о чемъ его спрашиваютъ, и не болтать наобумъ; съ самаго начала его нужно пріучить къ мысли, что онъ долженъ владѣть собой и считаться съ другими.

Особенно дѣйствительнымъ средствомъ противъ разсѣянности, которую можно назвать однимъ изъ самыхъ роковыхъ юношескихъ недостатковъ, является упорное упражненіе въ наблюденіи. Самыми драгоцѣнными и наиболѣе нравящимися дѣтямъ объектами этихъ наблюденій являются созданія природы, растенія со своими душистыми, разноцвѣтными цвѣтами, деревья и кусты со своими сочными плодами, домашнія животныя, щебечущія птицы, жужжащія пчелы, ползающіе жуки, черви и улитки. Нужно учить дѣтей точно наблюдать все это, непринужденно болтать съ ними объ этомъ и заставлять ихъ изображать то, что имъ особенно понравилось, и насколько они сумѣютъ сдѣлать это, вылѣпить изъ глины или нарисовать цвѣтными карандашами; такимъ путемъ—помимо нравственной пользы, которую принесетъ развитіе любви къ природѣ—можно придать большую правильность духовной жизни дѣтей и оказать, такимъ образомъ, цѣнную услугу школѣ.

Жизненныя обстоятельства, къ сожалѣнію, виноваты въ томъ, что многіе родители не могутъ посвятить себя описаннымъ прекраснымъ задачамъ въ той мѣрѣ, какъ это было бы желательно.

Но все-таки надо сказать, что и въ болѣе бѣдныхъ слояхъ населенія дѣти могли бы получать больше отъ семьи, если бы отецъ не тратилъ своего свободнаго времени на посѣщеніе трактира и клубовъ, а мать на безсодержатель-

ную болтовню съ кумушками и пріятельницами. Впрочемъ, во все болѣе многочисленныхъ мѣстахъ и во все большемъ количествѣ возникаютъ разумно руководимые дѣтскіе сады, въ которыхъ дѣти могутъ получать воспитаніе въ духѣ нашихъ указаній.

Когда приближается время посѣщенія школы, родители нерѣдко имѣютъ непростительную глупость изобразить ребенку школу въ видѣ тюрьмы, а учителя въ видѣ тирана, которому брань и удары доставляютъ большое удовольствіе; при этомъ они не принимаютъ во вниманіе, что этимъ не только существенно затрудняютъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, и безъ того тяжелую работу учителя, но что они прежде всего говорятъ неправду своему ребенку и роняютъ передъ нимъ свой авторитетъ. Наоборотъ, слѣдуетъ внушать малышамъ, что они должны гордиться этимъ важнымъ жизненнымъ шагомъ, который они готовятся сдѣлать, и родители должны радоваться съ ними и за нихъ, что дѣти смогутъ вскорѣ вступить въ совершенно новый міръ, полный безчисленныхъ красотъ и чудесъ.

Когда наступаетъ школьная работа, прошло уже шесть или болѣе лѣтъ, важныхъ для исторіи жизни ребенка. За эти годы часто могло случиться многое, что оказываетъ задерживающее вліяніе на физическое развитіе ребенка; поэтому, необходимо, чтобы учитель зналъ это, если родители хотятъ, чтобы онъ справедливо оцѣнивалъ своего ученика и правильно поступалъ съ нимъ. Сообщеніе ему точныхъ свѣдѣній этого рода является обязанностью родителей; съ другой стороны, они должны также съ благодарностью принимать и заботливо испробовать всѣ совѣты школы и въ особенности школьнаго врача, если таковой имѣется. Вообще должно относиться съ наибольшимъ вниманіемъ къ физическому уходу именно въ годы школьнаго ученія, въ теченіе которыхъ ставятся высокія требованія физическимъ силамъ, при чемъ эти годы являются также годами развитія.

Какъ важно, напримѣръ, чтобы ученикъ могъ готовить свои домашніе уроки въ спокойной обстановкѣ, въ комнатѣ, хорошо освѣщенной и имѣющей много воздуха, чтобы ему не давали сидѣть за работой такъ, чтобы это вредило здоровью, чтобы пища его была питательна, а не остра, чтобы онъ во-время ложился спать вечеромъ и утромъ могъ

спокойно одѣваться для того, чтобы итти въ школу. Серьезнымъ является также вопросъ, насколько побочныя занятія дѣтей не вредятъ интересамъ школы. Подъ этими занятіями разумѣется, въ болѣе состоятельныхъ классахъ, обученіе музыкѣ и необходимыя для этого упражненія, въ болѣе бѣдныхъ—платный ремесленный трудъ. Здѣсь, слава Богу, законъ ставитъ въ наше время извѣстныя, но все еще не достаточныя границы злоупотребленіямъ, тамъ же раскрыты всѣ пути тщеславію и неразумію родителей. Къ этому присоединяется еще участіе дѣтей въ общественной жизни семьи: танцовальные вечера, «чашки кофе», слишкомъ раннее посѣщеніе театровъ и концертовъ, продолжительныя экскурсіи въ праздники и воскресенья, въ которыхъ очень часто наслажденіе природой играетъ гораздо меньшую роль, чѣмъ ѣда, питье и куренье. Каждый учитель въ большомъ городѣ хорошо знакомъ съ необыкновенной разсѣянностью, появляющейся у дѣтей послѣ такого «отдыха».

Большой вредъ приноситъ дѣтямъ зачастую и отношеніе родителей къ ихъ домашнимъ работамъ и къ постановкѣ преподаванія. Письменныя работы, которыя ученики обязаны дѣлать дома, должны являться ихъ самостоятельными трудами, а какъ часто онѣ представляютъ продуктъ совмѣстной работы дѣтей и ихъ домашнихъ учителей, гувернантокъ или родителей, не говоря ужъ о худшемъ! Едва ли нужно доказывать, что это грубое злоупотребленіе и сильное нарушеніе обязанности семьи по отношенію къ ребенку и къ школѣ. Конечно, насколько это необходимо, семья должна помогать дѣтямъ при ихъ работѣ, но помощь должна оказываться въ совершенно другомъ направленіи; она должна имѣть цѣлью надзоръ за старательнымъ приготовленіемъ заданнаго и пополненіе пробѣловъ въ знаніи и умѣніи, могущихъ обнаружиться при работѣ.

Между родителями и учителями легко возникаютъ разногласія относительно выбора и освѣщенія предметовъ преподаванія, въ особенности, въ области вѣроученія, литературы и исторіи. Родителямъ не слѣдуетъ разбирать эти спорные вопросы въ присутствіи своихъ дѣтей, и прямо вредно дѣлать это въ враждебномъ и озлобленномъ тонѣ; послѣдствіемъ этого должно явиться то, что дѣти не будутъ знать, вѣрить ли родителямъ, или учителямъ, или же не вѣрить

никому. Разъ родители передали дѣтей школѣ, то, сохраняя право критиковать ее, они должны считаться возможно болѣе съ ея авторитетомъ. Но если они считаютъ, что дальше нельзя молчать, то скорѣе всего нужно постараться выяснить вопросъ посредствомъ откровеннаго объясненія съ учителемъ; родители, послѣ здраваго разсужденія, должны будутъ все-таки признать, что послѣдній желаетъ только добра ихъ ребенку, такъ же, какъ и они сами. Едва ли нужно чаще указывать на какую-либо другую обязанность родителей по отношенію къ школѣ, чѣмъ на долгъ ихъ съ готовностью поддерживать личное общеніе съ ея представителями; это общеніе, несомнѣнно, является наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія желаннаго пониманія и согласія; объясненіе съ глазу-на-глазъ, даже если оно приводитъ къ справедливымъ упрекамъ, не такъ разсердитъ разумнаго учителя, какъ брань и жалобы за пивомъ или кофе, въ собраніяхъ, въ печати или слишкомъ ранняя жалоба, поданная его начальнику. То, что личность учителя, на котораго дѣлаются нападки, даже если ей присущи слабости и странности, должна оставаться святой въ глазахъ дѣтей, должно, собственно, разумѣться само собою, но еще страшно часто не принимается во вниманіе.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о домашнемъ чтеніи. Отъ родителей часто требуютъ, чтобы они, по общепедагогическимъ причинамъ, а также и въ интересахъ школы, не допускали своихъ дѣтей, особенно подрастающихъ дочерей, къ чтенію чего-либо, не просмотрѣннаго предварительно отцомъ или матерью, и прежде всего строго контролировали, не читаютъ ли мальчики и дѣвочки «безнравственныхъ» книгъ. Первое требованіе неразумно, такъ какъ оно во многихъ случаяхъ совершенно невыполнимо, второе только тогда имѣетъ смыслъ, если подъ «безнравственными» книгами понимать тѣ, которыя планомѣрно стремятся возбудить чувственность и отравить воображеніе, и въ такомъ случаѣ онѣ, конечно, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія; но въ дѣйствительности часто называютъ «безнравственными» такія произведенія, которыя, въ противовѣсъ все еще не истребленнымъ водянистымъ книгамъ «для юношества», не боятся рѣзко освѣщать темныя стороны жизни и давать неприкрашенную картину дѣйствительности.

Въ такомъ случаѣ это требованіе будетъ прямо непедагогично, такъ же, какъ было бы непедагогично поддерживать въ созрѣвающемъ юношествѣ неясность представленій о процессахъ произведенія и рожденія человѣка. Гораздо дѣйствительнѣе запрещеній, шпіонства и опеки можно противодѣйствовать опасностямъ, могущимъ лежать въ чтеніи, если семейная жизнь проникнута духомъ искренности и правдивости.

Тамъ, гдѣ онъ господствуетъ въ семьѣ, этотъ духъ оказываетъ свое благотворное воздѣйствіе и на сношенія со школой. Въ такой семьѣ не позволятъ ребенку пропускать уроки безъ достаточной причины или отговариваться нездоровьемъ, какъ причиной такого отсутствія; тамъ не станутъ извинять ошибокъ и проступковъ дѣтей и не станутъ искать предлоговъ доставить имъ облегченіе или удовольствіе. Достаточно вспомнить при этомъ только о приводящихъ къ непріятнымъ треніямъ, но, несмотря на это, очень популярныхъ прошеніяхъ о продленіи каникулъ.

Изъ предыдущаго ясно, что семья должна взять на себя и выполнить много отчасти очень трудныхъ обязанностей по отношенію къ школѣ, чтобы трудъ послѣдней надъ воспитаніемъ дѣтей имѣлъ полный успѣхъ. Но гдѣ есть обязанности, тамъ существуютъ и права; семья можетъ требовать, чтобы школа опредѣленно и охотно содѣйствовала ей въ воспитаніи дѣтей. Какъ это должно осуществляться, едва ли нужно долго разсказывать, такъ какъ существенныя точки зрѣнія отчасти уже выяснены въ сказанномъ.

Само собою разумѣется, что, съ той минуты, какъ ребенка отдали на его попеченіе, учитель долженъ, въ своей работѣ надъ нимъ, принимать во вниманіе все, что было ему сообщено о прошедшей жизни и объ особенностяхъ ребенка, обращать вниманіе родителей на необычныя явленія, которыя онъ замѣтитъ въ его физической и духовной жизни, и стараться подробно поговорить съ ними при наличности болѣе рѣзкихъ неправильностей. Такія объясненія, конечно, лишь тогда могутъ принести пользу, если участники ихъ не считаютъ другъ друга единственно виноватой стороной, и поэтому учитель долженъ считать своей обязанностью въ такихъ случаяхъ спокойно выслушивать и свободно разсматривать могущіе встрѣтиться упреки и воз-

раженія противъ дѣятельности школы. Ни одинъ профессіональный воспитатель не долженъ упускать изъ виду тотъ фактъ, что и среди родителей часто встрѣчается естественное пониманіе задачъ и путей воспитанія юношества, заслуживающее дружескаго вниманія. Съ другой стороны, правда, нельзя отрицать, что подобныя объясненія иногда предъявляютъ очень высокія требованія самообладанію учителя; но нужно также требовать, чтобы именно тотъ обладалъ этимъ чрезвычайно важнымъ качествомъ, кто обязанъ воспитать его въ юношествѣ.

Педагогическіе вопросы общаго характера должны обсуждаться на родительскихъ вечерахъ. Главнымъ являются въ такихъ случаяхъ не докладъ учителя, а непринужденныя пренія. Вначалѣ при этомъ часто будутъ дѣлаться родителями горькія или даже несправедливыя и обидныя для школы замѣчанія; если представители школы сохранятъ при этомъ спокойствіе, постараются понять душевные процессы нападающихъ, покажутъ, что они серьезно достигнутъ взаимнаго пониманія, и не убоятся даже повторнаго неуспѣха, то такія собранія постепенно должны принести и принесутъ большую пользу обѣимъ сторонамъ. Сопротивленіе введенію родительскихъ вечеровъ, все еще замѣтное въ средѣ учителей, объясняется въ значительной степени ихъ обидчивостью и недостаткомъ смѣлости и выдержки.

Письменное общеніе между семьей и школой должно итти рука объ руку съ устнымъ. Можно при этомъ сомнѣваться, должно ли рекомендовать извѣщеніе родителей объ успѣхахъ ихъ дѣтей посредствомъ того, что ихъ просятъ снабжать своей подписью письменныя работы дѣтей. Правда, этотъ обычай, принятый во многихъ школахъ, можетъ принести пользу, но опытъ показываетъ, что этимъ путемъ не исключается возможность нравственной опасности для лѣнивыхъ или неспособныхъ учениковъ. Ни подъ какимъ видомъ этотъ обычай не долженъ вырождаться въ отягощеніе родителей, какъ это иногда встрѣчается.

Наоборотъ, является цѣлесообразнымъ во-время указывать родителямъ, что переходу ихъ дѣтей въ слѣдующій классъ грозитъ опасность; но, во всякомъ случаѣ, это указаніе лишь тогда можетъ считаться своевременнымъ, когда оно сдѣлано за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія школь-

наго года, т.-е. настолько рано, что родители еще могутъ надѣяться на успѣхъ мѣръ противодѣйствія, которыя они могутъ принять. Но школа не должна, при посредствѣ своихъ извѣщеній, портить рождественскихъ праздниковъ ни дѣтямъ, которыя достаточно часто были прилежны, насколько это было нужно, ни родителямъ. Впрочемъ, вліяніе такихъ сообщеній существенно зависитъ и отъ ихъ редакціи. Едва ли нужно упоминать, что ихъ нельзя передавать самому ученику.

Къ случайнымъ сообщеніямъ родителямъ объ успѣхахъ ихъ дѣтей присоединяются выдаваемыя въ опредѣленные сроки свидѣтельства. Нельзя ихъ избѣжать совершенно, но чѣмъ они рѣже выдаются въ теченіе года, тѣмъ лучше. Родители, большей частью, и не подозрѣваютъ, сколько труда и заботъ доставляетъ добросовѣстному учителю ихъ приготовленіе; и свидѣтельства, поэтому, часто не встрѣчаютъ того пріема, котораго они могли бы требовать; съ другой стороны нельзя умолчать и о томъ, что они должны вызывать недовольство у родителей, если въ нихъ видно, что учителя не могутъ забыть незначительныхъ происшествій и что они считаютъ лучшія качества какъ бы не существующими.

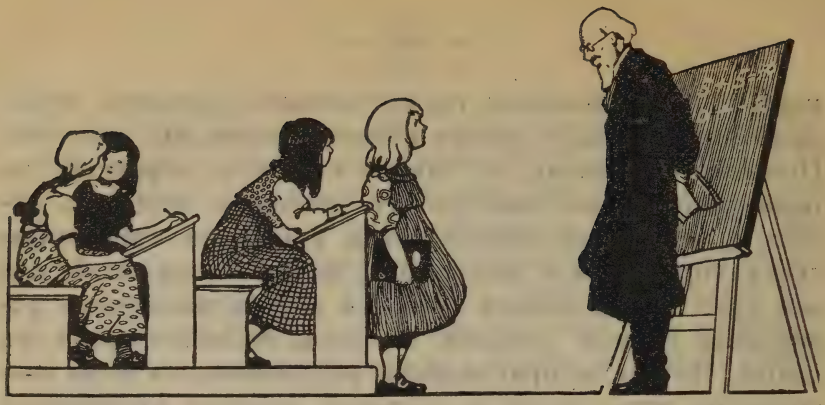
Неблагопріятныя сужденія о школѣ, которыя можно слышать въ самыхъ различныхъ общественныхъ классахъ, часто основаны почти исключительно на наблюденіяхъ и опытахъ, сдѣланныхъ предшествовавшимъ поколѣніемъ или даже раньше, при этомъ судьи не принимаютъ во вниманіе, что за это время педагогика сдѣлала очень значительные успѣхи. Въ этомъ виновата отчасти сама школа, насколько она слишкомъ рѣдко предоставляетъ родителямъ возможность заглянуть въ постановку ея преподаванія и въ ея воспитательную дѣятельность.

Что же можно сдѣлать въ этомъ отношеніи? Предложеніе, являющееся прежде всего, чтобы отъ времени до времени приглашать родителей въ опредѣленные, такъ называемые «дни посѣщеній», въ которые они могли бы присутствовать при преподаваніи, послѣ болѣе точнаго обсужденія, наталкивается на такія значительныя противорѣчія, что нужно отказаться отъ его общаго примѣненія. Но школа можетъ и должна пользоваться вся-

кимъ представляющимся торжественнымъ случаемъ, чтобы приглашать родныхъ своихъ воспитанниковъ въ свой домъ. Поведеніе учениковъ въ такихъ случаяхъ, обращеніе съ ними учителей, выставка работъ, исполненіе хоровыхъ пѣсенъ и декламація стихотвореній, выполненіе гимнастическихъ упражненій и хороводовъ, форма и содержаніе рѣчей учителей въ такихъ случаяхъ дадутъ мыслящимъ родителямъ цѣнныя указанія на духъ, господствующій въ школѣ. Почему не приглашаютъ родственниковъ чаще смотрѣть на игры дѣтей на вольномъ воздухѣ въ хорошее время года, а зимой присутствовать на урокахъ гимнастики, которые, кромѣ того, безъ труда можно разнообразить бодрыми веселыми пѣснями?

Но, показывая родителямъ ходъ преподаванія или не показывая, школа должна, во всякомъ случаѣ, приложить всѣ усилія къ тому, чтобы вести преподаваніе возможно лучше. Чѣмъ бодрѣе и веселѣе, чѣмъ цѣлесообразнѣе и успѣшнѣе ведется преподаваніе, тѣмъ съ большей любовью и благодарностью говорятъ ученики со своими родителями объ учителяхъ, тѣмъ дружнѣе становятся отношенія семьи и школы, тѣмъ склоннѣе семья не обращать вниманія на отдѣльныя случайности, представляющія неудобства для нея, которыя, въ противномъ случаѣ, она раздувала бы въ дѣло государственной важности.

Въ заключеніе—не говоря о многомъ менѣе важномъ—еще одно требованіе: учитель, желающій завоевать сердца своихъ учениковъ и, чрезъ ихъ посредство, сердца родителей, долженъ показать, что у него самого горячее сердце, онъ долженъ быть добрымъ товарищемъ своихъ питомцевъ въ играхъ и прогулкахъ, принимать сердечное участіе во всѣхъ горестяхъ и радостяхъ ихъ въ семьѣ и въ школѣ.



Народная школа.

И. Тевса.

Въ то время, какъ остальныя школьныя заведенія обращаются, до извѣстной степени, только къ духовной аристократіи въ средѣ юношества, народная школа разыскиваетъ и послѣднюю часть народнаго тѣла, наиболѣе бѣдную въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи, и старается, по возможности, развить ея силы. Она учитъ, какъ бы разноцѣнно это ни было, ребенка въ послѣдней пограничной деревушкѣ, въ самой отдаленной рыбацкой слободкѣ и въ селеніяхъ, затерянныхъ въ пустынныхъ степныхъ мѣстностяхъ, такъ же, какъ и дѣтей большихъ городовъ. Она вывела юныхъ рабовъ труда изъ фабрики, освободила ихъ отъ обязательнаго труда и открыла имъ путь къ воспитанію и образованію. Она принимаетъ дикаго мальчишку, проводящаго всѣ свои дни на пастбищѣ, она учитъ будущаго городского ломового изозчика, она воспитываетъ круглыхъ сиротъ, а также и тѣхъ, которымъ заботливость и пониманіе родителей не указали путей къ культурѣ; она привлекаетъ въ свои классы даже дѣтей иностранцевъ, пришедшихъ въ страну для постройки каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Она является, поэтому, той культурной силой, которая пробуждаетъ во всемъ народѣ общія стремленія въ духовной и нравственной жизни. Поэтому, если нужно бороться съ серьезными народными болѣзнями,

напр., съ пьянствомъ, распространять хозяйственныя добродѣтели, напр., бережливость, повысить производительную силу націи въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи, то обращаются постоянно къ народной школѣ, какъ къ наиболѣе дѣеспособной помощницѣ и сотрудницѣ. Политическія и церковныя партіи требуютъ поэтому, для распространенія своихъ идей среди народа, господства въ народной школѣ. Филантропы прошлаго старались осуществить свои планы тѣмъ же путемъ. Часто упоминаемое изреченіе: «за кѣмъ юношество, за тѣмъ и будущее», примѣнимо особенно къ народной школѣ. То, что она посѣетъ теперь въ юныхъ душахъ, немного десятилѣтій спустя окажетъ вліяніе на общественную и частную жизнь людей, стоящихъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Справедливо, поэтому, считать народную школу лучшимъ мѣриломъ степени культурности народа. Правда, общее образованіе болѣе широкихъ слоевъ народа не зависитъ отъ одной народной школы. Исторія, политическій строй и экономическая жизнь народа, при извѣстныхъ условіяхъ, оказываютъ большее вліяніе на культуру болѣе широкихъ круговъ населенія, чѣмъ народная школа, въ особенности тамъ, гдѣ послѣдняя устроена недавно. Такъ, напримѣръ, французское и англійское рабочее населеніе въ культурномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, отчасти, не стоитъ ниже нѣмецкаго, хотя народная школа въ тѣхъ странахъ въ общемъ не можетъ сравниться съ нѣмецкой.

Но среди учебныхъ заведеній государства народной школѣ, несомнѣнно, принадлежитъ первое мѣсто. 90—95% всего населенія обязаны ей одной школьнымъ воспитаніемъ и образованіемъ. Отъ успѣховъ народной школы зависитъ не только, какой степени экономической производительности и какого посредствомъ нея политическаго значенія достигнетъ народъ; наука и искусство также обусловливаются народной школой въ большей степени, чѣмъ это кажется при поверхностномъ взглядѣ. Самые прилежные и дѣятельные культурные работники обыкновенно происходятъ изъ болѣе бѣдныхъ слоевъ населенія и, безъ хорошей народной школы, остаются въ неизвѣстности и не получаютъ развитія. Чѣмъ сильнѣе притокъ снизу, тѣмъ больше становится число лицъ, творящихъ выдающееся въ наукѣ и искусствѣ. Все это признавалось бы свободнѣе и выра-

зилось бы въ болѣе высокой оцѣнкѣ народной школы, если бы лучшіе успѣхи ея не приводили къ политическимъ и соціальнымъ преобразованіямъ во внутреннемъ строеніи народнаго цѣлаго. Но «знаніе есть сила» и ведетъ къ болѣе рѣзкому выставленію политическихъ и матеріальныхъ требованій. По этой причинѣ собственники видятъ, что бо̀льшіе успѣхи народныхъ школъ грозятъ ихъ привилегіямъ. Подобнымъ же образомъ относится къ народной школѣ и церковь. Въ распространеніи знаній она видитъ уничтоженіе своего авторитетнаго положенія и религіозной вѣры; справедливо это мнѣніе или нѣтъ, мы рѣшать не будемъ. Сужденія о народной школѣ въ болѣе вліятельныхъ кругахъ, поэтому, въ дѣйствительности, все еще гораздо неблагопріятнѣе, чѣмъ это кажется, если судить по офиціальнымъ политическимъ программамъ и прокламаціямъ. Народная школа является по существу силой, толкающей впередъ и вверхъ, и поэтому не можетъ быть оцѣнена по достоинству и поставлена на подобающее ей мѣсто политикой, принципіально придерживающейся консервативнаго направленія.

Вѣрное и точное сравненіе постановки народной школы въ различныхъ государствахъ затруднительно. Роспись школьныхъ расходовъ не особенно пригодна для этой цѣли, такъ какъ школьные расходы покрываются часто изъ средствъ государства или общинъ или же изъ частныхъ источниковъ, и сведеніе всѣхъ кредитовъ воедино обыкновенно невозможно. Самую правильную картину высоты развитія народной школы можно получить путемъ установленія отношенія между числомъ учениковъ народныхъ училищъ и численностью населенія. Если, напримѣръ, на 10.000 жителей—учениковъ начальныхъ школъ приходится въ Норвегіи—1692, въ Великобританіи и Ирландіи—1675, въ Пруссіи—1652, въ Германской имперіи—1576, въ Нидерландахъ и Швейцаріи—1450, во Франціи—1438, въ Даніи—1332, въ Бельгіи—1191, а въ Босніи—181, въ Россіи—370, въ Португаліи—466 и въ Румыніи—569, то эти цифры не возсоздаютъ вполнѣ точной картины школьнаго образованія, даваемаго въ каждомъ государствѣ, такъ какъ школьная повинность распространена въ нихъ различно, и обязательность школьнаго обученія проводится неодинаково строго; но при помощи этихъ цифръ все-таки можно сразу уста-

новить общую высоту школьнаго дѣла. Число неграмотныхъ также позволяетъ вывести заключенія о результатахъ обученія въ народныхъ школахъ. Такъ: если въ Пруссіи въ 1884 году было между новобранцами 1,91%, а 20 лѣтъ спустя (въ 1904 г.) 0,04% неграмотныхъ, и если за это время число неграмотныхъ упало въ Восточной Пруссіи съ 6,06% до 0,15%; въ Западной Пруссіи съ 6,52% до 0,13%, въ Познани съ 8,61% на 0,08%, то эти цифры, несомнѣнно, доказываютъ сильные успѣхи народной школы въ прусскомъ государствѣ. Если же, въ серединѣ семнадцатыхъ годовъ, на 1000 рекрутъ приходилось неграмотныхъ въ Россіи 617, въ Венгріи 281, а во Франціи только 46, въ Германской же имперіи 0,7%, то эти цифры вездѣ совпадаютъ съ отношеніемъ между числомъ учениковъ народной школы и общей численностью населенія. Наоборотъ, число народныхъ школъ, ихъ учениковъ, учителей и учительницъ зависитъ не столько отъ высоты развитія школъ, сколько отъ школьной организаціи (одно-или многоклассныя школы, вѣроисповѣдныя школы, или общія).

По единогласному признанію научной педагогики, школы нужны, прежде всего, не для дисциплинированія дѣтей, а для пріобщенія ихъ ко благамъ культуры. Ихъ сущность и значеніе заключаются не только въ устройствѣ надзора за дѣтьми и руководительства ими, сколько въ преподавательской дѣятельности, правда, немыслимой безъ извѣстной системы педагогическихъ порядковъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Школы должны передавать молодому поколѣнію бо̀льшую или меньшую часть общечеловѣческой или національной культуры. Отъ общеполитическихъ воззрѣній народа зависитъ, насколько передача наличныхъ культурныхъ благъ распространяется на широкіе круги населенія, и проводятся ли въ этомъ отношеніи границы между послѣдними и членами привилегированныхъ классовъ. Эти политическія воззрѣнія оказываютъ рѣшающее вліяніе на всю организацію народной школы и на ея положеніе въ государствѣ. Тамъ, гдѣ за каждымъ ребенкомъ, безъ различія его происхожденія, признано право на возможно бо̀льшее образованіе, школьныя учрежденія для дѣтей всѣхъ классовъ общества не только равноцѣнны, но по преимуществу и совмѣстны, т.-е. въ одной и той же школѣ учатся

дѣти всѣхъ званій. Это будетъ та школа, къ которой въ Германіи стремятся въ различной степени и въ различномъ объемѣ, называя ее единой школой или же общей народной школой.

Совмѣстное и равноцѣнное обученіе всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отбыванія народно-школьной повинности не проведено послѣдовательно и полно ни въ одномъ германскомъ государствѣ. Ближе всего къ идеалу всеобщей народной школы подходитъ школьное дѣло въ Баваріи. Тамъ почти неизвѣстны школы, подготовляющія къ учебнымъ заведеніямъ повышеннаго типа. И въ большихъ баварскихъ городахъ дѣти всѣхъ классовъ населенія въ теченіе пяти-шести лѣтъ сидятъ рядомъ на школьныхъ скамьяхъ. Осенью 1899 г. мнѣ удалось установить, по ученическимъ спискамъ города Аугсбурга, что въ городскихъ народныхъ школахъ училось 29 дѣтей офицеровъ, 37 дѣтей высшихъ чиновниковъ и 95 дѣтей лицъ, занимающихъ довольно высокое положеніе въ торговомъ и промышленномъ мірѣ. Въ спискахъ значились:

I.

1 (^{1}) дитя генерала.
1 (^{0}) „ генералъ-майора.
1 (^{1}) „ полковника.
2 (^{2}) дѣтей подполковниковъ.
5 (^{3}) „ майоровъ.
5 (^{1}) „ ротмистровъ.
8 (^{3}) „ капитановъ.
2 (^{2}) „ поручиковъ.
4 (^{2}) „ старшихъ военныхъ.

29 (^{13}) дѣтей офицеровъ.

II.

12 (^{9}) дѣтей совѣтн. земскихъ судовъ
4 (^{2}) „ высшихъ судей.
3 (^{1}) „ правительствен. совѣтн.
4 (^{2}) „ городскихъ совѣтниковъ.
1 (^{1}) дитя начальника полиціи.
1 (^{1}) дитя управляющаго государственными имуществами.
12 (^{5}) дѣтей профессоровъ и директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

37 (^{21}) дѣтей высшихъ чиновниковъ.

III.

11 (^{5}) дѣтей фабрикантовъ.
8 (^{4}) „ владѣльцевъ пивов. зав.
16 (^{8}) „ банкировъ.
13 (^{6}) „ директоровъ фабрикъ.
2 (^{0}) „ директоровъ пивов. зав.
13 (^{10}) „ купцовъ.
8 (^{2}) „ помѣщиковъ.
2 (^{1}) „ муниципальныхъ совѣтн.
22 (^{10}) „ врачей и старш. врачей.

95 (^{46}) дѣтей лицъ, занимающихъ высокое положеніе въ торговлѣ и промышленности.

Первая цифра указываетъ число мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ, вторая, въ скобкахъ, число дѣвочекъ въ отдѣльности. Цифры доказываютъ, что и дочерей высшихъ классовъ совсѣмъ не устраняютъ отъ народной школы, а что онѣ учатся въ ней въ томъ же числѣ, какъ и мальчики. Въ Аугсбургѣ было тогда приблизительно 90.000 жителей, въ Берлинѣ—въ 20 разъ больше. При существованіи тѣхъ же условій, въ народныхъ школахъ имперской столицы должно было бы насчитываться 600 дѣтей офицеровъ, 800 дѣтей высшихъ чиновниковъ и 2000 отпрысковъ промышленной и купеческой аристократіи. Это была бы почти вся группа населенія, поскольку дѣти даннаго возраста, подлежащія школьной повинности, имѣются налицо. Почти въ то же время изъ Вюрцбурга писали: «Здѣшняя народная школа посѣщается дѣтьми всѣхъ классовъ населенія. Всѣ дѣти здѣшняго губернатора (Regierugspräsident) посѣщали народную школу. Всѣ правительственные и судейскіе чиновники, офицеры высшихъ чиновъ, даже генералы посылаютъ своихъ дѣтей въ народную школу, и именно въ тѣ классы, въ которыхъ учатся и дѣти купцовъ, а также самыхъ богатыхъ и самыхъ бѣдныхъ жителей нашего города. У насъ, слѣдовательно, нѣтъ классовой или кастовой народной школы, самый бѣдный и самый богатый ребенокъ, дитя высшаго чиновника и бѣднѣйшаго поденщика посѣщаютъ тотъ же классъ и учатся у того же учителя». Въ другомъ письмѣ изъ Баваріи, написанномъ умершимъ старшимъ учителемъ Ферд. Кригеромъ, говорится о Мюнхенѣ: «Меня просили назвать хоть одного обладателя дворца или министра, посылающаго своего сына въ народную школу. Этому требованію легко удовлетворить, и я, поэтому, не премину привести здѣсь цѣлый рядъ именъ: его превосходительство баронъ д-ръ ф.-Лутцъ, министръ вѣроисповѣданій, посылалъ своего сына Павла въ народную школу; то же дѣлали и министры: ихъ превосходительства ф.-Барръ и ф.-Фейлитцисъ. Графъ ф.-Гольштейнъ, графъ ф.-Ирисъ, графъ ф.-Пюклеръ, графъ Фуггеръ, князь Кантакузенъ посылали своихъ сыновей въ народную школу.

Сыновья генераловъ Штрейта и ф.-Мюллера посѣщаютъ народную школу, профессоръ ф.-Кристъ так-

же посылаетъ туда своихъ сыновей, какъ и университетскіе профессора д-ръ ф.-Гёттъ, д-ръ Лотмаръ, д-ръ Гаусгоферъ, ф.-Гейеръ. Народную школу посѣщаютъ, далѣе, сыновья президента ф.-Цвеккъ, сыновья многихъ старшихъ офицеровъ, какъ, напр., генерала ф.-Бюллеръ, полковниковъ ф.-Шу, ф.-Кленце, ф.-Фельсъ, старшаго штабнаго врача ф.-Зальбринга, барона ф.-Бибра, маіора ф.-Лосса, писателей Штиллера, Шраутманна и т. д.».

Но это лишь нѣсколько именъ; ихъ нашлось бы значительно больше, если бы въ отдѣльныхъ школахъ велись спеціальныя записи. Напротивъ, почти во всѣхъ остальныхъ германскихъ государствахъ существуютъ болѣе или менѣе рѣзко отдѣленные элементарные классы при высшихъ школахъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, и большей частью также при такъ-называемыхъ среднихъ школахъ (Bürgerschulen). Въ рядѣ государствъ (королевствѣ Саксонскомъ, Тюрингіи) народныя школы для болѣе бѣдныхъ классовъ населенія по своему устройству и по своимъ преподавательскимъ силамъ не отличаются существенно отъ школъ, предназначенныхъ для болѣе состоятельныхъ круговъ. Слѣдовательно, классовый характеръ учрежденій для народнаго образованія не исключаетъ возможности интенсивнаго преподаванія, а также и извѣстнаго развитія школьныхъ учрежденій для болѣе бѣдныхъ классовъ населенія.

Изъ европейскихъ государствъ въ Австріи, въ Швейцаріи и въ сѣверныхъ государствахъ существуютъ, большей частью, начальныя школы съ совмѣстнымъ обученіемъ. Во французской школѣ также преобладаетъ единство организаціи. Но послѣдовательнѣе всего проведенъ принципъ общаго и равноцѣннаго обученія въ общественныхъ народныхъ школахъ Сѣверной Америки, гдѣ надъ Primar Schools въ видѣ этажей надстраиваются Grammar Schools, надъ послѣдними—Latin Schools и High Schools.

Въ общемъ, подъ народной школой въ настоящее время еще не подразумѣваютъ школы для всѣхъ, безъ различія сословій. Понятіе «народная школа» не ставится рядомъ съ понятіями «народная армія», «народное представительство», «народныя права», но примѣняется часто параллельно выра-

женіямъ «народный театръ», «народныя столовыя» и т. д. Народная школа по существу обыкновенно низшее городское училище, въ своей самой рѣзкой формѣ, даже иногда просто—школа для бѣдняковъ. Какъ таковую ее и разсматриваютъ теоретически и практически въ школьной политикѣ. Очень часто на народную школу возлагаютъ задачу, не столько передать всему народу самыя цѣнныя и общедоступныя блага культуры, сколько приспособить его къ извѣстнымъ государственнымъ и церковнымъ требованіямъ. Прусскія школьныя правила 1854 г., правда, отмѣненныя въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, но продолжающія жить въ воззрѣніяхъ руководящихъ круговъ, имѣли цѣлью преобразовать жизнь народа «на основѣ и посредствомъ выработки его первоначально-данныхъ и вѣчныхъ реальныхъ условій жизни, опираясь, притомъ, на христіанство, которое, въ своей признанной церковью формѣ, должно проникать, образовывать и поддерживать семью, профессіональную дѣятельность, общину и государство». Этому соотвѣтствуютъ и представленные въ то же время законодательнымъ учрежденіямъ прусскіе школьные законопроекты, по которымъ «въ народной школѣ, при помощи преподаванія, упражненія, дисциплины и порядка, должно было быть заложено основаніе образованію, необходимому для жизни въ государствѣ и въ церкви, а также для профессіональной дѣятельности». Школьные законы другихъ нѣмецкихъ государствъ и другихъ государствъ Европы большей частью свободнѣе отъ предразсудковъ въ своемъ отношеніи къ задачамъ народной школы, но идея, что главное значеніе дѣятельности школы заключается въ передачѣ культуры, рѣдко получаетъ полное выраженіе. Такъ, вюртембергскій школьный законъ считаетъ цѣлью школъ «религіозно-нравственное образованіе и сообщеніе юношеству общихъ знаній и умѣній, необходимыхъ въ гражданской жизни». По Ольденбургскому закону «всѣ народныя школы должны быть устроены такъ, чтобы юношество получало въ нихъ общечеловѣческое и гражданское, а также религіозно-вѣроисповѣдное образованіе». Выше съ педагогической точки зрѣнія взглядъ на задачу народной школы готскаго закона, признающаго ея цѣлью «пріучать дѣтей къ

сознательно нравственному поведенію и равномѣрно развивать ихъ духовныя силы».

Сравнительно съ учебными заведеніями для среднихъ и высшихъ классовъ народная школа всегда является болѣе или менѣе широкимъ убѣжищемъ для дѣтей, долженствующимъ рѣшать скорѣе задачи воспитанія, чѣмъ обученія, и призваннымъ прививать скорѣе пассивныя добродѣтели, чѣмъ активныя силы. Во всѣхъ государствахъ, вслѣдствіе этого, существенно меньше заботятся о народной школѣ, чѣмъ объ учебныхъ заведеніяхъ, ведущихъ дальше. Бюджетъ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія на 1906 г. требуетъ для 6 милл. учениковъ народныхъ школъ 84,8 милл. марокъ, а для приблизительно 170,000 учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній 14,6 милл. мар., въ среднемъ, слѣдовательно, на ученика народной школы идетъ 14 марокъ, на ученика же среднихъ школъ 85—90 марокъ, а на студента—650—700 марокъ. Если принять во вниманіе ассигновки общинъ и плату за право ученія, то окажется, что расходы на учениковъ высшихъ школъ въ среднемъ въ 7—8 разъ больше, чѣмъ на учениковъ народныхъ училищъ. Соотвѣтственно этому, и все иначе устраивается для первыхъ, чѣмъ для вторыхъ. По новѣйшимъ даннымъ министерства народнаго просвѣщенія прусское государство располагаетъ для 6 милл. учениковъ народныхъ школъ 100000 учителей и учительницъ. $1^1/_4$ милл. дѣтей сидятъ въ сильно переполненныхъ классахъ съ 70—150 учениками, и нѣтъ особаго учителя почти въ 20,000 школьныхъ классовъ. Между тѣмъ, въ прусскихъ гимназіяхъ, въ зимнемъ полугодіи 1902/03 г. функціонируютъ 5073 учителя, состоящихъ на государственной службѣ, на 92465 учениковъ. Подготовка, оплата труда и профессіональное положеніе учителей народныхъ училищъ совершенно иное, чѣмъ у учителей другихъ школъ.

Во всѣхъ государствахъ Германіи народные учителя получаютъ подготовку въ учительскихъ семинаріяхъ, которыя по своей научной программѣ, за исключеніемъ меньшихъ требованій по языкамъ, должны стоять, въ общемъ, наравнѣ съ девятиклассными высшими школами (подготовка учительницъ организована подобнымъ же образомъ). Посѣщеніе университетовъ разрѣшено народнымъ учителямъ съ извѣстными ограниченіями

лишь въ немногихъ государствахъ (въ королевствѣ Саксонскомъ, великомъ герцогствѣ Гессенскомъ Саксенъ-Веймарѣ). Университетская подготовка, слѣдовательно, не считается необходимой для преподаванія въ народной школѣ, хотя обученіе учениковъ ея въ возрастѣ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, при достаточной внимательности по отношенію къ народношкольному дѣлу, и въ примыкающихъ къ народной школѣ профессіональныхъ училищахъ и школахъ повышеннаго типа, несомнѣнно, ставитъ тѣ же требованія, какъ и преподаваніе дѣтямъ того же возраста въ среднихъ и высшихъ школахъ. Въ этомъ выражается взглядъ правительствъ на преподаваніе въ народной школѣ, какъ на менѣе важное. Этотъ взглядъ проявляется и въ существенной разницѣ оплаты труда. Въ то время, какъ въ германскихъ государствахъ учителямъ народныхъ школъ платятъ чаще всего 1000 и, самое большее, 3000 марокъ (прусскій законъ о жалованьѣ предписываетъ минимальные оклады отъ 900—1800 мар.), учителя высшихъ школъ для мальчиковъ въ Пруссіи получаютъ 2700—6000 марокъ. Жалованье въ остальныхъ государствахъ Германіи стоитъ приблизительно на той же высотѣ. Тогда какъ среднія и высшія школы подлежатъ надзору и совѣту профессіоналовъ, народная школа въ Германской Имперіи находится, большей частью, подъ надзоромъ церкви. Духовная мѣстная школьная инспекція существуетъ, между прочимъ, въ Пруссіи, Баваріи, Виртембергѣ, Саксоніи (для небольшихъ школъ), а въ болѣе обширныхъ государствахъ (Пруссіи, Баваріи и Виртембергѣ) духовенство занимаетъ, большею частью, и должности окружныхъ школьныхъ инспекторовъ, что указываетъ какъ бы на подчиненность школы церкви. Поэтому и въ Германской Имперіи, за немногими исключеніями (Баденъ, Гессенъ), народная школа раздѣлена по вѣроисповѣданіямъ, въ то время какъ высшія школы, въ общемъ, свободны отъ вліяній церкви. Для высшихъ школъ существуютъ общеобязательныя предписанія государства относительно преподавательскихъ силъ и программъ обученія, тогда какъ въ дѣлѣ народной школы не только въ Пруссіи играютъ большую роль «мѣстныя условія», не только насколько данныя условія, напр., величина поселка, требуютъ извѣстныхъ ограниченій, но и въ томъ отношеніи, что

мѣстныя власти имѣютъ рѣшающее вліяніе на уровень школьнаго преподаванія.

Въ народной школѣ работаютъ рядомъ учителя и учительницы. Въ 1901 г. въ Германской Имперіи насчитывалось 124027 учителей и 22513 учительницъ общественныхъ народныхъ школъ. Число учительницъ относительно меньше, чѣмъ за границей, такъ какъ ихъ очень мало допускаютъ къ преподаванію въ цѣломъ рядѣ государствъ (королевствѣ Саксонскомъ, Виртембергѣ, Баденѣ, Гессенѣ и во всѣхъ мелкихъ государствахъ, за исключеніемъ Ганзейскихъ городовъ). Многочисленнѣе всего учительницы въ католическихъ странахъ и областяхъ и въ большихъ городахъ. Сильное увеличеніе числа женщинъ-учительницъ въ народныхъ школахъ происходитъ не безъ возраженій со стороны учителей народныхъ школъ, которые протестуютъ противъ этого съ точки зрѣнія школьной политики и педагогики. Въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ на учительницу смотрятъ такъ же, какъ на причину уменьшенія жалованья. Но интересы учителей затрагиваются еще сильнѣе тѣмъ, что учительницы получаютъ преимущественно лучше оплачиваемыя мѣста въ городахъ, тогда какъ школы съ однимъ или немногими классами, помимо обслуживанія которыхъ учителю необходимо еще заниматься сельскимъ хозяйствомъ и церковной службой, школы, служащія для совмѣстнаго обученія половъ, остаются исключительно на долю учителей; такимъ образомъ, все большій процентъ мужскихъ преподавательскихъ силъ оттѣсняется на мѣста, экономически менѣе благопріятныя и менѣе желательныя также по другимъ причинамъ. Съ другой стороны, увеличенію числа учительницъ способствуютъ въ значительной степени причины соціальныя. Замѣчательно, что именно тѣ германскія государства, въ которыхъ на народную школу съ давнихъ поръ обращено особенное вниманіе, и гдѣ она, поэтому, находится въ наилучшемъ положеніи, всего неохотнѣе прибѣгаютъ къ услугамъ учительницъ.

Организація народной школы всецѣло зависитъ прежде всего отъ мѣстныхъ условій. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ число дѣтей достаточно для устройства вполнѣ развитой школьной системы, возможно таковое, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ организаціяхъ народной шко-

лы зависитъ отъ численности дѣтей. Поэтому народныя школы бываютъ весьма различны: отъ одноклассныхъ, гдѣ въ одной комнатѣ занимаются какъ новички, такъ и школьники второго и третьяго года, невзирая на разницу въ ихъ знаніяхъ, и мальчики вмѣстѣ съ дѣвочками, и вплоть до восьмикласснаго городского училища. Съ густотой населенія мѣняется поэтому и организація народной школы.

Съ ростомъ поселковъ, съ улучшеніемъ путей къ школѣ и съ ограниченіемъ вліянія церкви на народную школу, съ теченіемъ времени, сдѣлается, все-таки, возможнымъ въ подавляющемъ большинствѣ народныхъ школъ устройство числа классовъ соотвѣтствующее числу учебныхъ лѣтъ, и повсемѣстно обезпечить, такимъ образомъ, и за меньшими поселками достиженіе образовательныхъ цѣлей народной школы.

Предметы преподаванія въ народной школѣ съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ общемъ тѣ же, за исключеніемъ изученія иностранныхъ языковъ, что и въ остальныхъ общеобразовательныхъ учрежденіяхъ. «Общія постановленія» министра народнаго просвѣщенія, д-ра Фалька, особенно проникнуты той мыслью, что и въ народной школѣ дѣтей нужно съ извѣстной равномѣрностью пріобщать къ сокровищу національной культуры, безъ тенденціознаго освѣщенія и ограниченія. Въ планахъ преподаванія нѣмецкой народной школы въ числѣ обязательныхъ предметовъ имѣются, поэтому, вездѣ Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, исторія, географія, естественная исторія, чистописаніе и пѣніе. Обученіе гимнастикѣ обязательно для мальчиковъ вездѣ, для дѣвочекъ въ отдѣльныхъ школахъ, преподаваніе же ручного труда (рукодѣлій) почти вездѣ введено для дѣвочекъ и лишь въ отдѣльныхъ школахъ для мальчиковъ. Рисованіе является не обязательнымъ предметомъ лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ. Въ отдѣльныхъ высшихъ классахъ женскихъ народныхъ школъ нашло мѣсто обученіе домоводству.

Количество учебнаго матеріала въ нѣмецкихъ народныхъ школахъ можно, въ общемъ, признать нормальнымъ. Въ качественномъ же отношеніи выборъ матеріала не такъ без-

упреченъ*). Здѣсь, не только въ дѣйствительности, но и по закону приходится считаться съ церковными и вѣроисповѣдными вопросами. Это одобряется и даже требуется не только явно-церковными партіями, но и лидерами номинально-прогрессивныхъ теченій. При выработкѣ прусскаго школьнаго компромисса 13-го мая 1904 г., ораторъ націоналъ-либераловъ потребовалъ, чтобы и все преподаваніе въ народной школѣ велось въ вѣроисповѣдныхъ границахъ; такъ какъ надзоръ за школами въ низшихъ инстанціяхъ (мѣстные школьные инспектора) почти совершенно, а въ слѣдующихъ (окружные школьные инспектора) большей частью, находится въ рукахъ духовенства, то съ этими требованіями на практикѣ часто считаются гораздо больше, чѣмъ можетъ казаться, если судить по остающимся въ силѣ предписаніямъ властей.

Этотъ характеръ народнаго обученія вполнѣ одобряется всѣми, считающими народную школу учебнымъ и воспитательнымъ учрежденіемъ, существующимъ лишь для нуждъ болѣе широкихъ слоевъ населенія, но не оправдывается съ точки зрѣнія всеобщей народной школы, долженствующей дать образованіе всему юношеству въ народѣ, достигшему извѣстнаго возраста. Тутъ не мѣсто подробно разбирать, какъ нужно ограничить это всеобщее и для всѣхъ общее народное образовательное заведеніе и на какой ступени должно начаться развѣтвленіе. Характеръ народа, образъ жизни населенія, экономическія условія и т. д. обусловливаютъ болѣе раннее или болѣе позднее вступленіе большинства дѣтей въ трудовую жизнь и тѣмъ самымъ различное строеніе государственнаго школьнаго организма. Въ Германіи требованіе общаго и одинаковаго школьнаго обученія для всѣхъ дѣтей отъ 6—13, даже 14 лѣтъ основательно во всѣхъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, такая національная школа, въ которой развѣтвленіе не происходитъ слишкомъ рано, гораздо здоровѣе и цѣлесообразнѣе для развитія народныхъ силъ, чѣмъ раздробленіе между первымъ и четвертымъ годомъ обученія. Крѣпкое дерево должно имѣть

*) Хотя статья говоритъ о нѣмецкой народной школѣ, но въ виду вліянія нѣмецкихъ взглядовъ на нашу жизнь и въ виду общности многихъ отрицательныхъ сторонъ нѣмецкой и русской народной школы, редакт. оставилъ статью безъ сокращенія.

сильный стволъ. Если же изъ одного корня развивается много стволовъ, то могутъ образоваться лишь кусты и поросль.

Въ этой книгѣ умѣстенъ еще вопросъ, можно ли совѣтовать родителямъ, принадлежащимъ къ болѣе состоятельнымъ или высшимъ слоямъ общества, посылать дѣтей въ народныя школы. Въ теоріи нужно отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно безъ всякихъ ограниченій. На практикѣ нужны все-таки извѣстныя ограниченія, не имѣющія однако принципіальнаго характера. Народныя школы часто переполнены, классы не безупречны въ санитарномъ отношеніи, преподаваніе недостаточно хорошо поставлено вслѣдствіе малочисленности учителей и по другимъ причинамъ, да и общество, въ которое попадаетъ ребенокъ, не всегда бываетъ наилучшимъ. Но эти недостатки и вообще-то должны быть устранены, а не только ради дѣтей изъ такъ-называемыхъ лучшихъ круговъ. Ребенокъ рабочаго часто получаетъ менѣе старательную домашнюю подготовку. Именно поэтому его нужно учить не въ переполненныхъ, а, по возможности, въ малолюдныхъ классахъ. Его здоровье нуждается въ такомъ же старательномъ охраненіи, какъ и здоровье дѣтей другихъ классовъ населенія. Старательное, не прерываемое на слишкомъ большой промежутокъ времени, преподаваніе особенно необходимо для болѣе бѣднаго ребенка, такъ какъ рабочая сила является единственнымъ капиталомъ, съ которымъ онъ вступитъ въ жизнь. Наконецъ, дурное общество вредитъ нравственности ребенка рабочаго, такъ же какъ и всякаго другого. Нравственно испорченныя, или уже столкнувшіяся съ уголовнымъ закономъ, дѣти представляютъ опасность для каждаго школьника, а не только для учениковъ отдѣльныхъ привилегированныхъ школъ. Всѣ эти недостатки, впрочемъ, не настолько значительные, какъ думаютъ во многихъ мѣстахъ, будутъ уничтожены тѣмъ скорѣе и основательнѣе, чѣмъ болѣе вліятельные родители заинтересованы въ лучшемъ качествѣ преподаванія въ народной школѣ. Впрочемъ, опасность, происходящая, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, вслѣдствіе товарищескаго общенія съ дѣтьми рабочихъ, большей частью не существуетъ. Хуже одѣтый и выросшій въ простой средѣ ребенокъ, правда, часто дѣлаетъ и говоритъ вещи, непріятно

дѣйствующія на эстетическое чувство, но въ нравственномъ отношеніи стоитъ, большей частью, на одинаковомъ уровнѣ съ дѣтьми, взросшими чаще на попеченіи прислуги, чѣмъ подъ заботливымъ надзоромъ матери.

Именно дѣти, происходящія изъ круговъ, занимающихъ исключительное положеніе, должны бы отдаваться въ народную школу. Знакомство съ народной жизнью и съ народными воззрѣніями безусловно необходимо для ихъ позднѣйшей жизненной дѣятельности. Но они лишь въ ранней молодости могутъ вполнѣ освоиться со средой, чуждой имъ по существу, отказаться отъ своихъ соціальныхъ предразсудковъ, узнать преимущества и недостатки, сильныя и слабыя стороны своей собственной среды и, такимъ образомъ, подготовить себѣ твердую почву, чтобы впослѣдствіи не преклоняться неосновательно передъ народной массой или, напротивъ, не ставить себя въ невозможное положеніе непризнаніемъ справедливыхъ требованій широкихъ круговъ населенія. Соціальное образованіе въ наше время уже не является роскошью. Оно необходимо не только для того, чтобы во-время установить братскія отношенія съ менѣе избалованными судьбою людьми, но и затѣмъ, чтобы безъ всякой половинчатости умѣть противостоять грубо-коммунистическимъ, враждебнымъ культурѣ теченіямъ. На такомъ образованіи покоятся политическая сила и внутренняя политическая увѣренность націи. Классовые же и кастовые предразсудки напротивъ являются постоянной угрозою для спокойнаго хода эволюціи. Они создаютъ самую удобную почву для «переворотовъ» и «сверженій».

Если бы дѣти изъ болѣе состоятельныхъ круговъ даже превосходили дѣтей рабочихъ способностями и развитіемъ (по внѣшности они, несомнѣнно, стоятъ выше), то все же нечего бояться, чтобы дурное вліяніе снизу замѣтно повредило имъ. Наоборотъ, болѣе развитыя дѣти, находящіяся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, всегда будутъ оказывать сильное вліяніе на своихъ болѣе бѣдныхъ товарищей. Каждый, а въ особенности ребенокъ, инстинктивно подчиняется не только минутному руководству, но и продолжительному вліянію лица, превосходящаго его въ какомъ-либо отношеніи. На этомъ основано вредное влія-

ніе дурныхъ людей, занимающихъ болѣе высокое общественное положеніе или же обладающихъ блестящими качествами ума и тѣла. Бѣдный, невзрачный, занимающій низкое общественное положеніе человѣкъ не въ состояніи передать свои пороки лицамъ, стоящимъ выше. Его дурныя свойства скорѣе имѣютъ обратное дѣйствіе, — отталкиваютъ. Также и его добродѣтели остаются обыкновенно безъ вліянія на взгляды и нравы окружающихъ его, тогда какъ добродѣтелямъ, развивающимся на высотѣ человѣчества, инстинктивно подражаютъ изъ моды. Человѣкъ есть существо подражательное, или, правильнѣе, существо, стремящееся подражать. Исторія культуры показываетъ безчисленные примѣры этого. Даже вся исторія нравовъ является доказательствомъ этого факта, какъ во внѣшней культурѣ (одежда, жилище, говоръ и т. д.), или въ нравственномъ міровоззрѣніи и правилахъ жизни. Одинъ способный и хорошій мальчикъ, при хорошемъ руководительствѣ, можетъ увлечь за собой цѣлый классъ. Отсталое дитя подражаетъ болѣе развитому въ рѣчи, поведеніи и прилежаніи и достигаетъ, такимъ образомъ, высшихъ ступеней образованія, чѣмъ это было бы возможно при другихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи можно было бы больше считаться съ сужденіями высокоуважаемыхъ лицъ различныхъ профессій, со времени собственнаго ученія сохранившихъ трогательную любовь къ народной школѣ и самымъ сердечнымъ образомъ доказавшихъ ее—я назову только министра народнаго просвѣщенія д-ра Боссе, художника Адольфа Менцеля, историка искусства Вильгельма Любке, историка Георга Вебера.

Въ другихъ отношеніяхъ народная школа также является мѣстомъ воспитанія и обученія, болѣе соотвѣтствующимъ общечеловѣческимъ требованіямъ, чѣмъ всякое другое учебное заведеніе. Такъ, напр., въ народную школу уже нѣтъ нужды вводить совмѣстнаго обученія половъ (Coeducation), котораго такъ добиваются. Въ подавляющемъ большинствѣ народныхъ школъ уже существуетъ совмѣстное обученіе. Въ народной школѣ никогда такъ не оттѣсняли на задній планъ дѣвочекъ, какъ въ школахъ другого типа. Въ настоящее время оба пола пользуются здѣсь совершенно равноцѣннымъ, хотя и не вполнѣ тожественнымъ обученіемъ и, хотя въ старину отъ дѣвочекъ посѣщенія школы требовалось менѣе строго, зато теперь почти во всѣхъ

нѣмецкихъ государствахъ оба пола наравнѣ привлекаются къ отбыванію школьной повинности.

Впрочемъ, задача народной школы, такъ же какъ и всякаго другого учебнаго заведенія, зависитъ отъ культурнаго уровня и культурныхъ идеаловъ народа и эпохи. Школа не стоитъ отдѣльно, она воспитываетъ и учитъ на ряду съ семьею и съ жизнью. Она должна предполагать то, зародыши чего уже коренятся въ семьѣ и въ жизни, но не можетъ развиться безъ систематическаго учебнаго труда.

При каждой перемѣнѣ въ условіяхъ семейныхъ и соціальныхъ школьный трудъ становится инымъ по виду и объему. Только если школа такъ смотритъ на свою задачу и держится вдали отъ всякой застывшей, догматической тенденціи, ей можетъ посчастливиться настолько развить народныя силы, насколько это допускаютъ ея естественные помощники (семья и общество). Между тѣмъ, распадъ семейной жизни, къ которому привело развитіе крупной промышленности, а въ особенности примѣненіе женскаго труда на фабрикахъ, часто ставилъ народной школѣ задачи, параллельныя задачамъ дѣтскихъ садовъ и пріютовъ. Надзоръ за дѣтьми и руководство ими стали считаться главными и существенными, а преподаваніе — неважнымъ. Эти воззрѣнія менѣе распространены въ Германіи, чѣмъ во Франціи. Поэтому въ Германіи и меньше, чѣмъ тамъ, обусловленныхъ этими взглядами вспомогательныхъ учрежденій (школьныхъ столовыхъ, школьныхъ сберегательныхъ кассъ и т. д.). Правда, въ этой области народная школа не должна безусловно отказываться отъ помощи, въ особенности, если нужно влiять въ духѣ реформы на семейную жизнь. Но ошибочно основывать главную цѣнность школы на этихъ учрежденіяхъ. Ея настоящей задачей является передача духовной культуры. Вліяніе школы на юношество заключается поэтому въ духовной и нравственной высотѣ учителей, а не въ механическихъ воспитательныхъ приспособленіяхъ школы, которыя все-таки никогда не смогутъ конкурировать съ семейнымъ воспитаніемъ. Всякая утрировка въ этомъ направленіи стѣсняетъ свободу, предоставляемую ребенку въ кругу семьи и внѣ школы, а также и индивидуальное примѣненіе его силъ, и тѣмъ приводитъ къ пониженному развитію личности. Школа, сознающая свою задачу, должна, по-

этому, принять участіе въ борьбѣ за улучшеніе соціальнаго зла, она должна, прежде всего, дѣйствовать въ смыслѣ сохраненія семьи и приданія ей должнаго характера. Только на этой почвѣ она можетъ явиться въ широкихъ размѣрахъ учрежденіемъ пріобщающимъ къ культурѣ и удалить отъ себя все, парализующее индивидуальныя силы и ведущее къ развитію людей шаблона и регламента.

Исторія народной школы коротка. Первые начатки нѣмецкой народной школы лежатъ въ «Schreib-Reihen» и «Klippschulen» средневѣковыхъ городовъ и въ учебныхъ учрежденіяхъ протестантской церкви, которыя должны были дать народу возможность самому читать Священное писаніе и катехизисъ, а также активно участвовать въ богослуженіи при посредствѣ пѣнія. Дальнѣйшее развитіе народной школы обусловливалось періодами, въ которые необходимо было спасти государство и народную жизнь отъ большого несчастья, или поддерживать ихъ на болѣе высокомъ уровнѣ, достигнутомъ при помощи внезапныхъ политическихъ завоеваній, и вести дальше. Послѣ тридцатилѣтней войны и послѣ пораженій Наполеона въ Германіи начинается усиленное развитіе народныхъ школъ, а приливъ духовной жизни въ концѣ XVIII столѣтія такъ же благопріятствуетъ ихъ развитію, какъ и политическіе успѣхи 1866 и и 1870—71 гг. Во всѣхъ случаяхъ, когда народу необходимо было рѣшать большія задачи, безъ оговорокъ признавали значеніе народной школы и принимали мѣры для ея развитія. Но развитіе народной школы не всегда идетъ параллельно съ экономическимъ прогрессомъ. Величайшіе техническіе и промышленные успѣхи и самыя благопріятныя экономическія условія не привели, напр., въ Англіи, къ соотвѣтственному развитію народнаго образованія. Опасными были для народной школы тѣ эпохи, въ которыя господствовала реакціонная политика, направленная больше на охраненіе существующаго, чѣмъ на уходъ за растущимъ и развивающимся, эпохи, въ которыя считалось желательнымъ заковывать въ цѣпи всякую свѣжую силу. Въ такія времена, когда часто озабочены вопросомъ, кто же въ концѣ концовъ станетъ чистить сапоги или гонять гусей, народная школа, даже при благопріятныхъ условіяхъ, наружно и внутренно идетъ назадъ. Такъ было въ Пруссіи передъ 1806 г.,

въ серединѣ XIX вѣка, да и въ наше время тоже. Можно утѣшить эти своеобразно озабоченные о благѣ государства умы указаніемъ на тотъ фактъ, что менѣе одаренные отъ природы люди всегда будутъ составлять большинство. Политика, ставящая себѣ цѣлью общее благо, можетъ, поэтому, безъ опасеній принять руководящій принципъ, выставленный уже сто лѣтъ тому назадъ: «Будемъ развивать всѣ наши силы: будемъ воспитывать окружающихъ насъ лицъ насколько можно лучше, это наше дѣло. Слѣдить же за тѣмъ, чтобы мы не перешли должныхъ границъ,это—дѣло того, кто видитъ цѣлое и призванъ руководить имъ».

Несмотря на всѣ препятствія и притѣсненія, учителя народныхъ школъ съ радостной надеждой взираютъ на будущее. Они довѣряютъ жизненной силѣ и стремленію къ образованію, живущимъ въ народѣ и проявляющимся не только въ живой поддержкѣ, которую оказываютъ народной школѣ именно бѣднѣйшіе родители, но и въ стремленіи взрослыхъ къ дарамъ науки и искусства. Чѣмъ высшей степени образованія достигнутъ широкіе круги населенія, тѣмъ болѣе увеличится стремленіе народа къ культурнымъ благамъ, и тѣмъ недоступнѣе для реакціонныхъ вліяній станетъ народная школа. Если было время, когда она всецѣло зависѣла отъ благоволенія имущихъ и образованныхъ классовъ, то въ будущемъ она все прочнѣе будетъ опираться на весь народъ въ его цѣломъ. Если, въ прошломъ, народная школа работала для народа, но безъ его помощи, то въ настоящее время, да вѣроятно и въ будущемъ, она трудится и будетъ трудиться вмѣстѣ съ народомъ на пользу его юношества. Съ другой стороны народная школа вступаетъ все въ болѣе тѣсную связь съ носителями искусства и науки. Вершины духовной жизни человѣчества все болѣе признаютъ, что наивысшій расцвѣтъ культуры возможенъ лишь при тщательномъ уходѣ за подпочвой народной жизни. Поэтому, пусть вліятельные круги сомнѣваются въ необходимости повышеній уровня народной школы или даже ее отрицаютъ: она все-таки въ недалекомъ будущемъ станетъ великимъ общенаціональнымъ дѣломъ, столь же уважаемымъ и цѣнимымъ, какъ всѣ другія великія всеобщія установленія и дѣла государства.

Воспитаніе сиротъ.

Директора пріюта для сиротъ д-ра Петерсена въ Гамбургѣ.

а) Пріюты.

Кто незнакомъ съ грустнымъ описаніемъ пріюта для бѣдныхъ сиротъ, въ которомъ Оливеръ Твистъ прожилъ безотрадную юность! Недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ, грубое обращеніе людей, замѣняющихъ родителей, превращаютъ жизнь ребенка въ одно мученье и надолго оставляютъ слѣды на всемъ его существѣ.

Кто не знаетъ картинъ изъ жизни голландскихъ сиротскихъ пріютовъ, на которыхъ художникъ изображаетъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ синія платья, въ бѣлые чепчики и съ бѣлыми платочками на плечахъ, попарно, съ опущенными глазами направляющихся въ церковь или склонившихся надъ шитьемъ? Все это картины, производящія впечатлѣнія монастырской тишины и торжественной размѣренности.

Дѣйствительность представляется совсѣмъ иной. Заведенія для сиротъ въ настоящее время не являются ни мѣстомъ мученія, ни отрѣшенія отъ остального міра. Какъ во всѣхъ домахъ, гдѣ собрано много дѣтей, тамъ царствуетъ веселая, бодрая жизнь; по необходимости, конечно, иногда примѣняется строгость, и если по временамъ и бываютъ какіе-нибудь недостатки, нужды и лишеній эти пріюты все же не знаютъ. Многіе находятъ, будто сознаніе, что у нихъ нѣтъ родителей, придаетъ дѣтямъ, а вмѣстѣ съ ними и всему заведенію особый отпечатокъ. Но къ удивленію это невѣрно. Можно съ увѣренностью сказать, что ребенокъ обыкновенно — благодаря Бога—не понимаетъ, чего онъ лишается съ потерей родителей. Подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній дѣти легко и быстро забываютъ прежнія. Вступленіе въ пріютъ для большинства дѣтей является вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіемъ отъ гнета домашней нужды. Поэтому они быстро оживаютъ,

когда ихъ одѣнутъ въ чистое, здоровое и теплое платье, въ опредѣленное время снабжаютъ вкусной пищей, а время правильно распредѣляютъ между работой и отдыхомъ, и имъ уже не приходится или помогать родителямъ въ добываніи скуднаго заработка или, когда родители уйдутъ на работу, искать себѣ занятій и развлеченій на улицѣ. Для большинства всѣхъ сиротъ, находящихъ пріютъ въ такихъ заведеніяхъ, переходъ въ новыя условія вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и переходъ отъ бѣдности и нужды къ обезпеченной и упорядоченной жизни. Послѣдствіемъ этого является быстрая привычка дѣтей къ заведенію, и потому такъ быстро осушаются ихъ слезы.

Конечно, въ каждомъ заведеніи можно найти болѣе глубокія дѣтскія натуры, которыхъ новая среда не можетъ такъ скоро исцѣлить отъ горя, гнетущаго ихъ сердца, и которыя въ глубинѣ души десять разъ желали бы промѣнять довольство пріюта на бѣдную домашнюю обстановку своей матери — но такія дѣти составляютъ исключеніе.

Пріютовъ, принимающихъ лишь круглыхъ сиротъ, очень немного. Большинство сиротскихъ пріютовъ принимаетъ также и дѣтей вдовцовъ и незаконнорожденныхъ дѣтей. Всѣ большія заведенія для сиротъ, въ особенности городскіе сиротскіе пріюты, вполнѣ или отчасти находящіеся въ вѣдѣніи общественнаго попечительства о бѣдныхъ, собственно говоря, совершенно несправедливо носятъ это названіе, такъ какъ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ гораздо больше такихъ дѣтей, у которыхъ живы оба родителя или, по крайней мѣрѣ, отецъ или мать, чѣмъ круглыхъ сиротъ. Городскіе пріюты принимаютъ всѣхъ дѣтей, которыя нуждаются въ помощи и которыхъ приходится содержать на общественныя средства, такъ какъ семья не въ состояніи этого сдѣлать и заведенію приходится замѣнить ее. Сиротами этихъ дѣтей, впрочемъ, можно назвать въ томъ смыслѣ, что они лишены естественной почвы, на которой должны были бы расти, лишены родной семьи и перенесены въ сначала чуждую имъ обстановку. Причины такой перемѣны различны: иногда смерть родителей, иногда болѣзнь, бѣдность и неспособность ихъ зарабатывать служатъ причиной вмѣшательства общественнаго попечительства.

Начальство городскихъ пріютовъ вслѣдствіе большого наплыва дѣтей и для лучшаго ихъ устройства оставляетъ въ пріютахъ только часть дѣтей и широко пользуется помѣщеніемъ ихъ въ семьи, гдѣ они и получаютъ воспитаніе. Объ этомъ будетъ говорено въ особой главѣ этой статьи.

Нижеприведенныя цифры укажутъ намъ, какія причины послужили къ вмѣшательству общественнаго попеченія о дѣтяхъ въ дѣло ихъ воспитанія и призрѣнія. Для этого послужили данныя, доставленныя общественнымъ призрѣніемъ сиротъ въ Гамбургѣ въ 1904 г. Можно допустить, что цифры, особенно въ большихъ городахъ, будутъ приблизительно однѣ и тѣ же. Въ теченіе года въ общемъ было принято 907 вновь поступившихъ дѣтей. Изъ нихъ 90 (10%) были круглыми сиротами (62 законныхъ и 28 незаконнорожденныхъ), 260 (28, 7%) полусиротами. Въ 77-ми случаяхъ оставшійся въ живыхъ родитель былъ бѣденъ, въ 76-ти боленъ, въ 63-хъ неспособенъ къ воспитанію, въ 5-ти находился въ заключеніи по судебному приговору и въ 39-ти случаяхъ мѣстопребываніе его было неизвѣстно. У 343-хъ (37, 8%) дѣтей оба родителя были живы; причиной вмѣшательства общественнаго попечительства были тѣ же, какія мы называли, говоря о полусиротахъ. Въ 20-ти случаяхъ родители жили врозь. Незаконнорожденныхъ дѣтей, матери которыхъ были живы, насчитывали 212 (23, 4%); въ 97-ми случаяхъ онѣ были бѣдны, въ 46-ти больны, въ 27-ми неспособны къ воспитанію, въ 13-ти случаяхъ отбывали наказаніе, въ 28-ми мѣстопребываніе ихъ было неизвѣстно, въ одномъ случаѣ мать временно была лишена возможности сама воспитывать ребенка. Кромѣ того, въ пріютѣ были приняты два найденыша.

Среди дѣтей вдовцовъ, незаконнорожденныхъ и законныхъ дѣтей, родители которыхъ были живы, насчитывалось много такихъ, которыхъ легко можно было бы содержать дома въ собственной семьѣ, если бъ имъ не грозила нравственная погибель, и если бы пріемъ въ сиротскія заведенія не оказался необходимымъ, чтобъ удалить дѣтей отъ неблагопріятнаго вліянія семьи или подчинить ихъ строгой дисциплинѣ и правильному надзору.

Приведенныя цифры различныхъ категорій остаются

относительно однѣми и тѣми же въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и итоги одного года даютъ намъ почти точное понятіе объ итогахъ довольно продолжительнаго періода.

Простыя цифры не знакомятъ насъ съ той суммой горя, которое подъ ними скрывается. Круглыя сироты не могутъ, большей частью, назваться самыми несчастными среди этихъ дѣтей. Сколько нищеты, грязи, порока, разврата, пьянства и т. д. скрывается подъ рубриками: родители бѣдны, больны, живутъ врозь, неспособны къ воспитанію и т. п. — это знаетъ лишь тотъ, кто ежедневно занятъ работой для такихъ осиротѣвшихъ и брошенныхъ дѣтей. Поэтому его состраданіе всегда клонится больше въ сторону тѣхъ дѣтей, у которыхъ живы родители, чѣмъ въ сторону сиротъ.

Неудивительно, что пріюты для сиротъ, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые хорошо поставлены, являются мирными жилищами, въ которыхъ дѣти, быстро позабывъ прежнія тяжелыя времена, безпечно предаются радости жизни въ кругу своихъ сверстниковъ.

Внутренняя организація пріютовъ сообразуется съ величиной заведенія.

Маленькіе пріюты безъ труда могутъ подражать жизни большой семьи.

Во главѣ заведенія стоятъ начальникъ и начальница, замѣняющіе дѣтямъ родителей, учителя, надзиратели или надзирательница, вокругъ нихъ группируются дѣти различнаго возраста и обоего пола. Они посѣщаютъ мѣстныя школы, въ которыхъ учатся и другія дѣти; ихъ занятія внѣ школьнаго времени соотвѣтствуютъ занятіямъ дѣтей въ родительскомъ домѣ; они приготовляютъ уроки, слегка помогаютъ въ домашнихъ работахъ, а затѣмъ играютъ.

Въ большихъ заведеніяхъ, гдѣ призрѣваются сотни дѣтей, дѣло поставлено иначе. Тамъ хозяйство представляетъ сложную организацію. Тамъ, гдѣ призрѣваются, воспитываются и учатся такія массы дѣтей различныхъ индивидуальностей, приходится принимать самыя разнообразныя мѣры, чтобы выполнить всѣ задачи. Если между различными пріютами для сиротъ и найдется какая-нибудь разница, они все же всѣ сходятся въ основѣ своей органи-

заціи, и потому мы смѣло можемъ взять какое-нибудь одно заведеніе, чтобъ описать его, какъ типъ пріюта для сиротъ. То, что не поддается описанію — это духъ, господствующій въ домѣ. Хорошо ли и практично воспитываются дѣти для жизни, хорошо ли они чувствуютъ себя въ домѣ, руководствуются ли при воспитаніи лишь механической муштровкой или любовно входятъ въ положеніе каждаго ребенка, — это все зависитъ не отъ внѣшней организаціи,

Пріютъ для сиротъ въ Гамбургѣ. Помѣщеніе для грудныхъ дѣтей.

а отъ личности воспитателей, отъ того духа, въ которомъ ведется все заведеніе.

Какъ типъ организаціи большого заведенія для сиротъ, опишемъ здѣсь пріютъ, основанный въ Гамбургѣ 300 лѣтъ тому назадъ. Первоначально онъ служилъ лишь пріютомъ для осиротѣвшихъ дѣтей гамбургскихъ бюргеровъ, но съ 1893 г. на него возложено попеченіе о всѣхъ нуждающихся дѣтяхъ, находящихся въ раіонѣ попечительства о бѣдныхъ въ Гамбургѣ, которыхъ члены попечительства найдутъ нужнымъ положить въ общественные пріюты.

Заведеніе, напоминающее по наружному виду казармы,

можетъ вмѣстить въ себѣ около 500 дѣтей. Оно расположено среди большого парка.

Вновь принятыхъ дѣтей сначала отводятъ въ пріемную, гдѣ ихъ купаютъ, одѣваютъ въ чистое платье и держатъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не изслѣдуетъ врачъ и не объявитъ, что они здоровы. Больныхъ или подозрительныхъ по здоровью дѣтей отдѣляютъ отъ остальныхъ, здоровыя же послѣ врачебнаго осмотра присоединяются къ питомцамъ заведенія.

Дѣти дѣлятся на отдѣльныя группы — семьи. Воспитательное вліяніе, надзоръ, привычку къ порядку и чистотѣ невозможно было бы провести, если бы дѣти представляли большое общее стадо. Поэтому образовали семьи, которыми, смотря по возрасту и полу дѣтей, руководятъ надзиратели и надзирательницы. Руководители группъ спятъ, ѣдятъ, работаютъ и играютъ съ дѣтьми своего отдѣленія.

Каждую группу составлютъ дѣти приблизительно одного возраста.

Идеалу семьи всего больше соотвѣтствовало бы, если бы въ каждой группѣ находились мальчики и дѣвочки разнаго возраста. Но въ большихъ заведеніяхъ при составѣ подобныхъ группъ является опасеніе, что старшія дѣти будутъ притѣснять младшихъ и не дадутъ имъ хода; кромѣ того не всегда можно найти надзирателя или воспитателя, который сумѣлъ бы примѣниться къ возрасту, развитію и различнымъ потребностямъ дѣтей при разнообразномъ составѣ группъ. Особенно серьезно приходится отнестись къ соединенію половъ въ группы въ большихъ заведеніяхъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ есть питомцы изъ населенія большихъ городовъ. Тамъ, гдѣ ежедневно выходятъ и входятъ новые товарищи по заведенію, какъ это всегда бываетъ въ пріютахъ большихъ городовъ, гдѣ среди дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, къ сожалѣнію, очень много такихъ, которые уже опытны въ половыхъ вопросахъ, тѣсное общеніе дѣтей, чужихъ другъ другу, представляетъ большую опасность. Чтобы дѣти, не связанныя другъ съ другомъ родствомъ, выростали въ большихъ заведеніяхъ, какъ братья и сестры, это почти немыслимо. Совмѣстное воспитаніе безопасно и полезно только до конца перваго или второго школьнаго года.

Пріютъ для сиротъ въ Гамбургѣ. Урокъ рѣзьбы.

Гамбургскій пріютъ для сиротъ дѣлится на два главныхъ отдѣленія — на отдѣленіе для дѣвочекъ, въ которомъ помѣщаются всѣ дѣти до второго школьнаго года и старшія дѣвочки, и отдѣленіе для мальчиковъ, въ которомъ находятся одни мальчики, начиная со второго школьнаго года.

Грудныя и годовалыя дѣти помѣщаются въ палатѣ, разсчитанной на 50 кроватей, въ которой работаютъ пять или болѣе нянекъ, пользующихся нѣсколькими помощницами для болѣе трудныхъ работъ. Здоровыя, нормальныя грудныя дѣти хорошо выхаживаются добросовѣстными воспитательницами въ частныхъ семьяхъ, куда ихъ отдаютъ. Для больныхъ, нѣжныхъ и требующихъ особаго ухода грудныхъ дѣтей устроена особая палата, находящаяся подъ врачебнымъ надзоромъ и въ которой работаютъ спеціально приготовленныя для этой цѣли сестры милосердія. Общее мнѣніе, что грудныя дѣти плохо выхаживаются въ заведеніяхъ, оказалось невѣрнымъ тамъ, гдѣ не жалѣли средствъ на внѣшнее устройство ихъ и гдѣ не боялись предъявлять большія требованія къ персоналу: смертность въ хорошо обставленныхъ палатахъ для грудныхъ дѣтей не превышаетъ обыкновенной дѣтской смертности и существенно ниже смертности ихъ въ тѣхъ народныхъ слояхъ, изъ которыхъ вышли питомцы.

Вторую группу составляютъ мальчики и дѣвочки дошкольнаго возраста.

Пріютъ для сиротъ въ Гамбургѣ. Спальня.

Мальчики и дѣвочки перваго и частью второго школьнаго года также соединены въ одну группу, а затѣмъ оба пола отдѣляютъ другъ отъ друга. Группы соотвѣтствуютъ школьнымъ классамъ, такъ что дѣти одного возраста составляютъ семью. Всѣ дѣти каждой группы совмѣстно учатся, занимаются, играютъ, ѣдятъ и спятъ. Во главѣ каждой группы или семьи стоитъ надзиратель или надзирательница, во главѣ всего отдѣленія для дѣвочекъ начальница, а во главѣ отдѣленія для мальчиковъ старшій надзиратель, который въ то же время состоитъ учителемъ въ школѣ пріюта. Съ меньшими мальчиками мужского отдѣленія, въ которомъ по правиламъ пріюта дѣйствуютъ надзиратели и учителя, учатъ и занимаются отчасти учительницы и надзирательницы, дѣвочекъ учатъ и надзираютъ за ними учителя, учительницы и надзирательницы, старшихъ же мальчиковъ учатъ и воспитываютъ учителя и надзиратели. Каждая группа состоитъ изъ колеблющагося между 20 и 40 числа дѣтей.

Дѣти учатся въ школѣ, находящейся при пріютѣ и состоящей въ вѣдѣніи старшаго преподавателя. Чтобы достигнуть идеала воспитанія общаго воздѣйствія семьи и школы, учителя и воспитатели постоянно работаютъ вмѣстѣ

Пріютъ для сиротъ въ Гамбургѣ. За обѣдомъ.

съ дѣтьми и не только во время школьныхъ занятій, но и во время игръ и занятій внѣ школы и по воскресеньямъ дѣтьми руководятъ учителя.

Но вообще внѣ школьныхъ занятій главную роль играютъ надзиратели и надзирательницы. Они руководятъ дѣвочками и мальчиками во время различныхъ занятій. Рядомъ съ домашними работами — чисткой и починкой платья, уборкой комнатъ, дѣти учатся и различному ручному труду. Мальчики учатся слесарному, столярному и портняжному искусству, лѣпкѣ изъ глины и гипса, рѣзьбѣ и кромѣ того приготовляютъ щетки. Дѣвочки учатся хозяйству и женскимъ рукодѣльямъ. Много времени удѣляется подвижнымъ играмъ на воздухѣ, экскурсіямъ и т. д. Большой садъ даетъ возможность заниматься всевозможными садовыми работами, ухаживать за цвѣтами и т. д.

Большая часть дѣвочекъ, особенно тѣ, которыя по физическому развитію еще не могутъ поступить на какую-нибудь службу, остаются по окончаніи школы еще на годъ въ пріютѣ, гдѣ ихъ учатъ теоретическому и практическому домоводству.

Для больныхъ имѣется отдѣленіе на 70 кроватей, находящееся подъ наблюденіемъ двухъ врачей и состоящее

изъ двухъ большихъ палатъ, четырехъ изоляціонныхъ комнатъ для заразныхъ больныхъ, операціонной комнаты и другихъ помѣщеній, необходимыхъ для каждой больницы. Здѣсь за дѣтьми ухаживаютъ особыя сидѣлки. Зубной врачъ лѣчитъ и постоянно слѣдитъ за зубами.

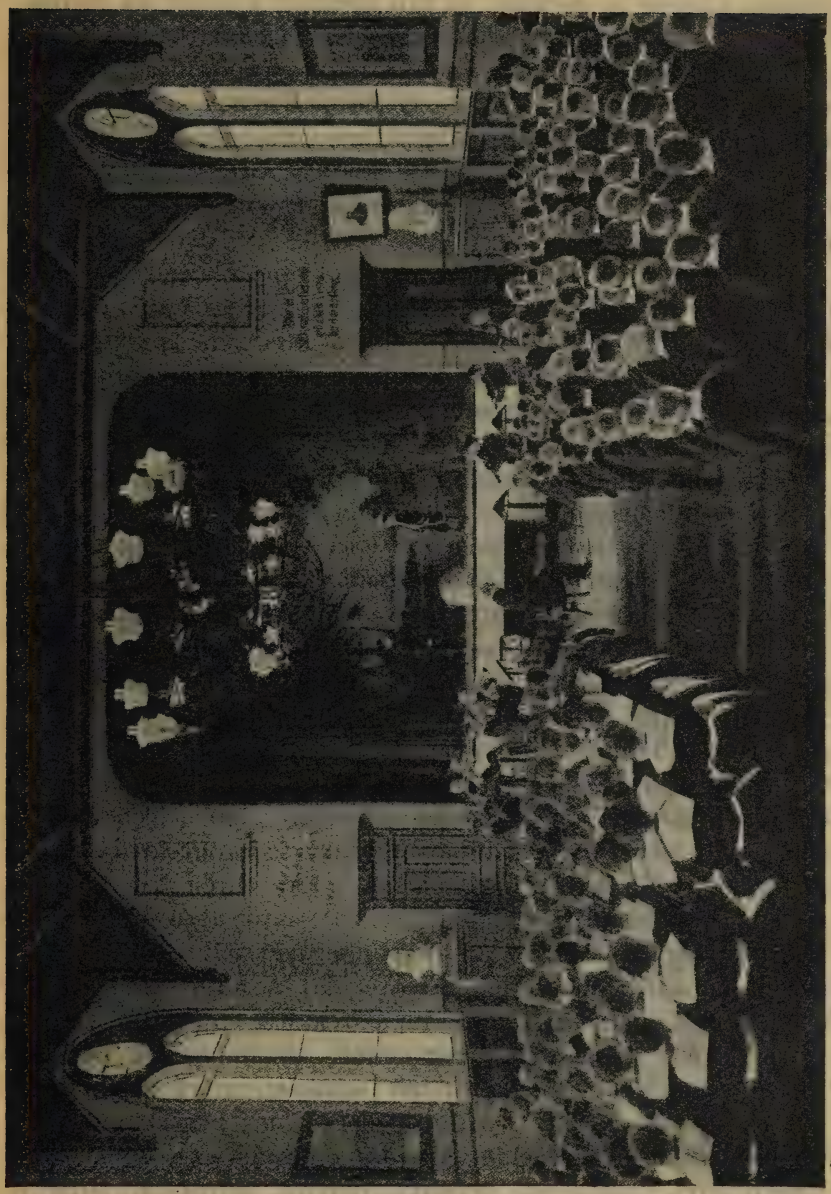
Священникъ заведенія даетъ старшимъ ученикамъ и ученицамъ уроки передъ конфирмаціей и вообще уроки закона Божія и совершаетъ службы въ пріютской церкви. Каждое воскресенье и по праздникамъ происходитъ торжественное богослуженіе, на которомъ присутствуютъ старшія дѣти и служащіе, а также и посторонніе, черезъ воскресенье же происходятъ богослуженія для дѣтей, во время котораго въ церкви бываютъ всѣ дѣти школьнаго возраста.

Праздничный залъ, который можетъ вмѣстить всѣхъ обитателей пріюта и снабженъ сценой для театральныхъ представленій, соединяетъ весь домъ во время различныхъ торжествъ. Хоръ пѣвчихъ и маленькій оркестръ, состоящій изъ духовыхъ инструментовъ и скрипокъ, украшаютъ эти торжества. Радость должна быть однимъ изъ первыхъ воспитательныхъ средствъ.

Но главнымъ образомъ залъ этотъ служитъ для того, чтобы, собираясь въ немъ по воскресеньямъ, питомцы пріюта, уже выпущенные изъ него и находящіеся въ учебныхъ заведеніяхъ или въ услуженіи, но до 21 года все еще состоящіе подъ надзоромъ и опекой пріюта, имѣли съ нимъ постоянное общеніе. Во время этихъ воскресныхъ собраній ведутся бесѣды, занимаются музыкой, а иногда читаются образовательныя лекціи съ свѣтовыми картинами, разыгрываются театральныя представленія и т. д.

Во главѣ всего заведенія стоитъ директоръ съ университетскимъ образованіемъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ высшую должность въ присутствіи по управленію всѣми сиротскими учрежденіями. Это управленіе ввѣрено особому присутствію, состоящему изъ членовъ Сената и городскихъ обывателей.

Такимъ образомъ заведеніе представляетъ маленькій міръ, въ которомъ заботятся о всѣхъ нуждахъ ребенка, начиная съ колыбели. Но чтобы дѣти не совсѣмъ потеряли связи съ внѣшнимъ міромъ, ежедневно назначаютъ часъ пріема, во время котораго дѣти могутъ принимать



Пріютъ для сиротъ въ Гамбургѣ. Праздничный залъ.

своихъ родныхъ, изъ которыхъ исключаются пользующіеся дурной славой и могущіе имѣть вредное вліяніе на дѣтей. Черезъ каждыя двѣ недѣли дѣтямъ позволяется по предварительному приглашенію посѣщать въ городѣ родныхъ и друзей. Но и въ этомъ случаѣ дѣлается исключеніе для тѣхъ дѣтей, которымъ, вслѣдствіе ихъ личныхъ свойствъ, могутъ быть вредны такія посѣщенія и кромѣ того, дѣтей не пускаютъ въ такія семьи, образъ жизни которыхъ можетъ вредно отразиться на нихъ.

Братьямъ и сестрамъ, которые, по правиламъ заведенія, попадаютъ въ разныя группы, конечно, всегда дается возможность часто видѣться и говорить другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ внѣшнее попеченіе о дѣтяхъ доведено до высшей степени и повидимому не остается желать ничего большаго.

Тѣмъ не менѣе, именно тѣ лица, которыя ближе всего стоятъ къ заведенію, больше, чѣмъ кто-либо, сознаютъ, что достигнуть идеала всякаго воспитанія, а именно гармоничнаго развитія всѣхъ духовныхъ и физическихъ задатковъ, въ заведеніяхъ почти невозможно, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ. Можно прекрасно поставить физическій уходъ за дѣтьми, дать имъ хорошую пищу, одежду, пріучить къ порядку и чистотѣ, можно помѣстить ихъ въ безукоризненно гигіеническихъ спальняхъ и комнатахъ и, благодаря разнообразію имѣющихся для этого средствъ и обширности организаціи, обставить ихъ лучше, чѣмъ это дѣлается даже во многихъ состоятельныхъ семействахъ. Но что въ заведеніи достигается съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ въ семьѣ — это воспитаніе личности. Несмотря на всѣ старанія избѣгнуть этого, на всемъ порядкѣ заведенія естественно лежитъ отпечатокъ схемы, шаблона; какъ ни стараются въ группахъ подражать жизни и дѣятельности семьи, механическое распредѣленіе дня, общее участіе во всякомъ дѣлѣ налагаютъ на дѣтей отпечатокъ, который долго не исчезаетъ даже по выходѣ изъ заведенія. Мысли и всякія ихъ проявленія дѣйствуютъ лишь въ стѣнахъ пріюта, который, хотя и представляетъ собою цѣлый міръ, но міръ маленькій и узкій, мимо котораго проносится богатая внѣшняя жизнь, едва касаясь его. Многія испытанія, образующія человѣка,

закаляющія его волю и обостряющія его взглядъ на все окружающее, не касаются питомца пріюта. Особенно же затруднительно въ заведеніи воспитаніе душевной жизни. Приведемъ хотя бы такой примѣръ: въ такой большой домъ болѣзнь и смерть заглядываютъ сравнительно чаще, чѣмъ въ обыкновенную семью,— неудивительно, что сильныя потрясенія, обыкновенно такъ волнующія ребенка при соприкосновеніи со смертью и серьезной болѣзнью, производятъ гораздо меньшее впечатлѣніе на воспитанника пріюта. Въ семьѣ мать иногда въ сумеркахъ беретъ ребенка къ себѣ на колѣни, и онъ лично наслаждается ея ласками. Какъ трудно надзирательницѣ, которая должна въ заведеніи заботиться и замѣнять мать цѣлой маленькой толпѣ, оказывать такія ласки, она не можетъ обнять каждаго въ отдѣльности, но горе ея престижу, если она не со всѣми будетъ одинаково ласкова! — Ребенокъ въ семьѣ переживаетъ съ своими родителями всю серьезность жизни въ тысячахъ самыхъ незначительныхъ случаевъ. Онъ знаетъ, напримѣръ, что тарелку, изъ которой онъ ѣстъ, отецъ купилъ на свой заработокъ, что мать такъ осторожно обращается съ ней, чтобъ она не разбилась и не пришлось напрасно тратить деньги. Воспитаннику пріюта очень трудно внушить понятіе о цѣнности вещей; воспитатель, требующій отъ него осторожнаго обращенія съ вещами, покажется ему педантомъ; вѣдь всѣ магазины полны ими.

Это темныя стороны жизни пріютовъ. Онѣ проявляются, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда семьи или группы помѣщаются въ большомъ зданіи, напоминающемъ казармы, такъ и тѣхъ, когда онѣ живутъ въ отдѣльныхъ домикахъ и павильонахъ. Вредъ массоваго воспитанія по правиламъ устава и отдѣленія отъ внѣшняго міра заключается въ обѣихъ этихъ системахъ. Можетъ быть въ громадномъ зданіи, гдѣ группы могутъ легче и чаще сообщаться другъ съ другомъ, вредъ этотъ менѣе великъ. Но самый лучшій способъ избѣжанія этого вреда состоитъ въ томъ, чтобы дѣлить воспитанниковъ на возможно меньшія группы.

Сомнѣнія, которыя выражались относительно жизни въ пріютахъ, могли бы привести къ заключенію, что они составляютъ только вредное явленіе. Но такое мнѣніе преувеличено. Безъ интернатовъ для воспитанія сиротъ обойтись невозможно.

Большинство дѣтей, выпадающихъ на долю общественнаго попеченія, находится въ такомъ состояніи, что семейное воспитаніе для нихъ сразу совсѣмъ было бы непригоднымъ. Даже благонравнымъ дѣтямъ большей частью необходимъ тихій пріютъ, чтобы внутренно успокоиться и притти въ равновѣсіе, и это вполнѣ возможно только въ заведеніи съ правильнымъ распредѣленіемъ дня и стоящемъ вдали отъ внѣшняго міра. Многія дѣти вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ удаленіе изъ семьи, часто и внутренно и наружно бываютъ такъ запущены, благодаря вредному вліянію среды, что ихъ слѣдуетъ еще пріучить къ порядку и послушанію, прежде чѣмъ передать ихъ для дальнѣйшаго воспитанія въ какую-нибудь семью. Кромѣ того не надо забывать, что воспитаніе въ заведеніи приноситъ большую пользу дѣтямъ, которыя съ трудомъ ему поддаются. Многимъ изъ нихъ необходима продолжительная дисциплина заведенія — конечно, слово «дисциплина» слѣдуетъ здѣсь понять въ правильномъ его смыслѣ — дабы они могли настолько окрѣпнуть внутренно и морально, чтобы свобода внѣ пріюта уже не могла повредить имъ. И если, несмотря на всѣ усилія учителей и воспитателей смягчить до послѣдней возможности особенности пріюта, воспитаніе въ немъ все же оставляетъ нѣкоторые пробѣлы, то можно надѣяться, что они заполнятся послѣ выхода дѣтей изъ заведенія. Вѣдь укрѣпленіе характера и направленіе воли въ правильную сторону составляютъ первую и самую важную цѣль воспитанія, а относительно нѣкоторыхъ дѣтскихъ характеровъ ея можно достигнуть только въ заведеніи. Съ дѣтьми, страдающими физическими и нравственными недостатками, также умѣютъ лучше и соотвѣтственнѣе обращаться въ пріютѣ. Кромѣ того есть натуры съ такими здоровыми задатками, которымъ особый отпечатокъ заведенія не можетъ принести никакого вреда.

На долю пріютовъ для сиротъ всегда останется важная и благодатная задача, разрѣшить которую могутъ только они одни, и, благодаря этому, существованіе ихъ всегда будетъ необходимо.

б) Воспитаніе въ семьяхъ.

Воспитаніе въ семьяхъ дѣтей, отданныхъ на общественное попеченіе, практикуется въ большихъ размѣрахъ. Маленькія общины, конечно, не могутъ содержать пріютовъ для сиротъ, поэтому понятно, что дѣтей, которыя не могутъ быть воспитаны въ собственныхъ семьяхъ или отданы въ частные пріюты, помѣщаютъ въ чужихъ семьяхъ. Но и крупныя общины, содержащія пріюты, широко пользуются воспитаніемъ въ семьяхъ, не только потому, что воспитаніе въ заведеніи гораздо дороже, но и потому, что воспитаніе въ семьѣ самое подходящее для умственно, морально и физически здороваго ребенка. Такъ изъ 3000 дѣтей школьнаго и внѣшкольнаго возраста, находящихся на попеченіи Гамбурга, — 2,400 помѣщены въ семьяхъ и только 600 въ пріютахъ, да и то временно.

Очень распространено мнѣніе, что семьи, принимающія дѣтей на воспитаніе, берутся за это дѣло лишь для того, чтобъ извлечь изъ нихъ пользу, получая за нихъ плату или пользуясь ихъ силами для различныхъ работъ. Но наблюденія доказали, что при правильной организаціи воспитанія въ семьяхъ, или такъ-называемаго патроната, такихъ явленій можно избѣжать. Конечно, найдутся люди, которые изъ выгоды пожелаютъ принять питомцевъ,— ко мнѣ лично, напримѣръ, обращалась одна старушка съ просьбой поручить ей десятилѣтнюю дѣвочку на томъ основаніи, что она никакъ не можетъ согрѣться въ постели, а такая живая грѣлка будетъ ей очень полезна — но хорошо организованное попечительство о сиротахъ сумѣетъ избѣжать подобнаго явленія, тщательно провѣряя всѣ предложенія.

Опытъ доказалъ, что въ большинствѣ случаевъ питомцы чувствуютъ себя очень хорошо у пріемныхъ родителей. Очень часто искреннія отношенія между пріемными родителями и дѣтьми продолжаются и тогда, когда жизнь разлучитъ ихъ, и пріемыши уже идутъ своей дорогой, готовясь къ самостоятельной жизни. Очень часто дѣти проливаютъ горькія слезы, когда ихъ вслѣдствіе различныхъ причинъ удаляютъ изъ пріемной семьи, и эти слезы не

могли бы литься сильнѣе, если бы ребенка отнимали у родной матери.

Такіе опыты даютъ полное право отдавать въ дѣлѣ воспитанія сиротъ предпочтеніе воспитанію въ семьяхъ. Семья даетъ ребенку многое, чего заведеніе не можетъ дать ему совсѣмъ или лишь съ большимъ трудомъ, а именно, свободное общеніе съ окружающей его средой, личное, интимное вліяніе на особенности ребенка, а главное на его духовную жизнь. Новый домъ скоро дѣлается роднымъ для пріемыша, онъ дѣлитъ радость и горе съ членами своей новой семьи. Ему дается возможность заглянуть въ мысли и заботы, волнующія добросовѣстнаго отца семейства и заботливую мать.

Понятно, что такія семьи, которыя готовы вполнѣ принять чужихъ дѣтей въ свою среду, держать ихъ совершенно наравнѣ съ своими дѣтьми и которыя вполнѣ способны хорошо воспитать ихъ, не находятся цѣлыми дюжинами во всякой мѣстности. Если хотятъ предъявлять къ пріемнымъ родителямъ такія большія требованія, то приходится искать повсюду, и поэтому большія общины должны изслѣдовать обширные районы, чтобъ обратно помѣстить всѣхъ ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей.

Людямъ, не знакомымъ съ этимъ дѣломъ, покажется удивительнымъ, что даже въ такомъ громадномъ районѣ можетъ оказаться такъ много семействъ, которыя безкорыстно принимаютъ къ себѣ чужихъ дѣтей за дѣйствительно очень незначительное вознагражденіе. Хотя нельзя не согласиться, что старшіе мальчики и дѣвочки уже могутъ оказаться полезными въ хозяйствѣ пріемныхъ родителей, и что эта причина имѣетъ значеніе при ихъ пріемѣ, все же въ большинствѣ случаевъ корыстолюбіе не играетъ главной роли. Тотъ, кто доставляетъ ребенку такія занятія, какія хорошіе родители доставляютъ своимъ роднымъ дѣтямъ, хотя и пользуется извѣстными выгодами, но зато оказываетъ ребенку большую услугу, пріучая его проводить время не въ однѣхъ играхъ и шалостяхъ и указывая ему, какъ онъ долженъ разумно примѣнять свои силы. Главной причиной, заставляющей пріемныхъ родителей брать къ себѣ чужого ребенка, почти всегда является любовь къ дѣтямъ вообще. При относительно небольшомъ воз-

награжденіи, которое дается за воспитаніе, не нашлось бы такъ много желающихъ принять къ себѣ маленькихъ, еще не достигшихъ и десятилѣтняго возраста дѣтей, если бъ они ихъ не любили и не радовались ихъ играмъ, словамъ и развитію. Пріемными родителями сиротъ являются большей частью люди низшаго класса — небогатые крестьяне, мелкіе ремесленники, которые не могутъ сами доставить себѣ какихъ-нибудь духовныхъ наслажденій. Для нихъ заботы о ребенкѣ заполняютъ и чувства и мысли.

Конечно, корыстолюбія можно избѣжать, заботливо выбирая семьи, которымъ поручается воспитаніе, и добросовѣстно наблюдая за пріемными родителями. Для этой дѣятельности попечительства о сиротахъ могутъ пользоваться у насъ услугами тысяча уважаемыхъ мужчинъ и женщинъ. Не всякій годится для такой работы. Уважаемое положеніе въ свѣтѣ, позволяющее, въ случаѣ нужды, воспользоваться своимъ авторитетомъ, любовь къ дѣтямъ и строгая добросовѣстность безусловно необходимы для этого дѣла. Всюду, гдѣ дѣти помѣщены у чужихъ людей, за послѣдними наблюдаютъ такіе попечители и попечительницы сиротъ или вообще довѣренныя лица. Они подробно знакомятся съ условіями жизни семьи, прежде чѣмъ передать ей ребенка, а затѣмъ дѣйствуютъ только въ его интересахъ. Посѣщая постоянно дома, гдѣ находятся на воспитаніи дѣти, бесѣдуя съ учителями, сосѣдями и т. д., а главное стараясь пріобрѣсти довѣріе дѣтей, они составляютъ себѣ вѣрное понятіе о положеніи ихъ, и одно ихъ существованіе уже служитъ къ тому, что неподходящіе пріемные родители даже не просятъ давать имъ дѣтей на воспитаніе. Наблюдатели находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ управленіемъ по сиротскимъ дѣламъ и даютъ ему правильный отчетъ относительно дѣтей, отданныхъ на воспитаніе. Очень полезнымъ оказалось правильное посѣщеніе пріемныхъ родителей чиновниками сиротскихъ учрежденій для того, чтобъ устранять всякія вредныя послѣдствія, могущія произойти для дѣтей, благодаря нерѣшительности почетныхъ мѣстныхъ наблюдателей, и чтобъ избавить послѣднихъ отъ непріятныхъ конфликтовъ, которые могутъ поступить вслѣдствіе необходимости строгаго вмѣшательства и повредить ихъ положенію. — Безъ

хорошей организаціи наблюдательной системы отдавать дѣтей въ чужія семьи было бы недобросовѣстно.

Большія городскія попечительства охотно помѣщаютъ своихъ питомцевъ-сиротъ въ деревняхъ. Этого часто требуютъ условія жилища пріемныхъ родителей. Тѣ слои населенія, которые принимаютъ на воспитаніе дѣтей за вознагражденіе, благодаря высокой цѣнѣ на квартиры въ городахъ, не могутъ дать для этого достаточное помѣщеніе. Слѣдуетъ строго требовать, чтобы подрастающіе питомцы не спали въ одной комнатѣ съ родителями. Въ деревнѣ жилища обширнѣе. Образъ жизни въ деревнѣ или въ маленькихъ городахъ, гдѣ населеніе не такъ скучено, здоровѣе. Блѣдныя городскія дѣти со впалыми щеками въ деревнѣ быстро пріобрѣтаютъ здоровый цвѣтъ лица и полнѣютъ. Наконецъ ребенку, переселившемуся въ деревню изъ тѣснаго города, можно дать наслажденіе свободой. Для него открывается новый міръ, когда онъ, выросшій на тѣсныхъ улицахъ города, попадаетъ на волнующіяся нивы и шумящіе лѣса, и масса новыхъ впечатлѣній наполняетъ его душу вслѣдствіе тѣснаго общенія съ природой и близкаго знакомства съ курами и утками, коровами и лошадьми, съ которыми онъ дружно живетъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Часто перемѣщеніе городского ребенка въ деревню полезно для него еще и въ томъ отношеніи, что его удаляютъ отъ вреднаго вліянія его родныхъ.

Къ пріемнымъ родителямъ такъ называемыхъ высшихъ классовъ сироты попадаютъ только тогда, когда ихъ усыновляютъ. Но всѣ сироты, поступая къ пріемнымъ родителямъ, переходятъ въ такія условія, которыя соціально всегда выше тѣхъ, изъ которыхъ они вышли. Если же положеніе родителей и пріемныхъ родителей одно и то же, жизнь послѣднихъ все же всегда бываетъ болѣе упорядоченной и положеніе болѣе упроченнымъ.

Все это такъ, скажутъ многіе, но могутъ ли простые крестьяне и мелкіе ремесленники маленькихъ городовъ, тихіе и часто ограниченные сельскіе жители дать дѣтямъ такое же хорошее воспитаніе, какое могли бы имъ дать опытные педагоги въ пріютахъ? Безспорно, передъ ученой каѳедрой педагога-экзаминатора сельскій пріемный

отецъ и воспитатель оказался бы несостоятельнымъ. Но вѣдь у этихъ простыхъ людей бываютъ собственныя дѣти, изъ которыхъ они воспитываютъ дѣльныхъ людей, и наивная педагогика любящаго сердца часто стоитъ больше всѣхъ педагогическихъ теорій, особенно, если на ребенка смотрятъ, какъ на ввѣренное имъ дорогое сокровище. Нравственно здоровая и чистая среда уже сама по себѣ дѣйствуетъ воспитательнымъ образомъ, если только ребенокъ, растущій въ ней, не окажется физически и нравственно ненормальнымъ и поэтому неудобнымъ для воспитанія въ семьѣ.

Отдавать въ деревню грудныхъ дѣтей оказалось не совсѣмъ удобнымъ и ихъ предпочитаютъ помѣщать за плату въ городскихъ семьяхъ. Въ деревнѣ приходится слишкомъ много бороться съ суевѣріемъ и предразсудками и часто трудно скоро добиться врачебной помощи. Въ городахъ же подъ опытнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, а главнымъ образомъ, подъ контролемъ врача, грудныя дѣти хорошо выхаживаются добросовѣстными пріемными матерями.

Такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ ничего совершеннаго, то и воспитаніе въ семьяхъ иногда заставляетъ желать лучшаго. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надо отказаться отъ попытки пріискать для каждаго питомца хорошую пріемную семью, потому что именно семья представляетъ естественную почву, на которой долженъ развиваться ребенокъ. Надо стараться изслѣдовать, какія несовершенства могутъ оказаться въ такихъ случаяхъ, а если они окажутся, надо ихъ устранять.

Исправительныя заведенія.

Б. Коссаца.

Подъ воспитаніемъ вообще подразумѣваютъ вліяніе извнѣ на еще неразвившуюся духовную жизнь человѣка для того, чтобы дать этой жизни опредѣленное планомѣрное направленіе. Носителями этого стремленія являются семья и школа, церковь и государство, которыя другъ друга дополняютъ и поддерживаютъ. Пока объектъ воспитанія поддается этимъ воспитательнымъ факторамъ, пока внѣшнія вліянія или внутреннія разстройства, причиненныя соціальными условіями, не помѣшаютъ нормальной воспитательной дѣятельности, вышеприведеннымъ воспитательнымъ факторамъ вполнѣ предоставляется успѣшно проводить свое дѣло воспитанія ребенка. Если же нормальное развитіе ребенка приметъ нежелательное направленіе, то приходится прибѣгнуть къ другимъ воспитательнымъ средствамъ, которыя, дополняя и помогая первымъ, должны устранить или уничтожить зло. Къ такимъ чрезвычайнымъ воспитательнымъ средствамъ принадлежитъ исправительное заведеніе. Его работа является слѣдовательно вспомогательной, т.-е. ее примѣняютъ лишь тогда, когда нормальныя воспитательныя силы и авторитеты оказываются недостаточными. Оно является только суррогатомъ семьи. Потому что часто достаточно удалить ребенка, нравственности котораго грозитъ опасность, изъ окружающей его среды и помѣстить его въ подходящей семьѣ, вдали отъ испорченныхъ родныхъ и промышленнаго центра, чтобы скоро и вполнѣ спасти его. Хорошій врачъ всегда сначала испробуетъ болѣе легкія средства, а потомъ уже прибѣгнетъ къ крайнему.

Уже въ средніе вѣка думали предупредить преступленіе, помѣщая брошенныхъ и испорченныхъ дѣтей въ рабочіе дома и въ дома призрѣнія. (Сначала въ Амстердамѣ, въ серединѣ XVII в.) Но при этомъ дѣлали большую ошибку, не обращая вниманія на необходимость отдѣлять другъ отъ друга разнородные элементы, что, къ сожалѣнію, встрѣ-

чается и въ наше время. Въ тогдашнихъ же рабочихъ домахъ и домахъ призрѣнія были собраны самые разнообразные элементы: сироты, калѣки, брошенныя дѣти, кающіяся Магдалины, сѣдовласые преступники, проститутки, бродяги и т. п. Неудивительно, что въ подобной нравственной атмосферѣ не могло наступить исправленіе.

Лишь въ позднѣйшія времена стала понятна необходимость спеціальнаго попеченія объ испорченныхъ дѣтяхъ. Не говоря о заслугахъ Франке по основанію пріютовъ для сиротъ, въ области попеченія о юныхъ испорченныхъ существахъ, на первый планъ выступаетъ Песталоцци, который изъ глубокаго состраданія и горячей любви къ людямъ основалъ въ 1775 г. въ Нейгофѣ воспитательное заведеніе на 50 человѣкъ. Хотя его непрактичность помѣшала расцвѣту этого заведенія, онъ все же открылъ такое же въ Станцѣ въ 1798 г. на 80 воспитанниковъ. Несмотря на то, что заведенія Песталоцци на практикѣ просуществовали недолго, его идеи въ области воспитанія принесли большую пользу, и его безспорной заслугой является то, что онъ подалъ благой примѣръ и побудилъ къ подражанію. Всюду появились заведенія съ подобными же задачами; изъ такихъ заведеній заслуживаетъ особаго вниманія заведеніе Христіана Гейнриха Целлера въ Бейггенѣ, въ которомъ воспитывались учителя для училищъ для неимущихъ, и которое такимъ образомъ приходило на помощь нужды и спасало брошенныхъ дѣтей.

На призывъ великаго швейцарца горячо откликнулась и Сѣверная Германія. Здѣсь раньше всѣхъ основалъ пріютъ для испорченныхъ дѣтей графъ фонъ-деръ-Рекке-Фольмерштейнъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Вернеромъ, въ 1816 г. въ Овердикѣ, а въ 1822 г. подъ Дюссельдорфомъ. Его примѣру послѣдовалъ, мужественно отстаивая свои идеи, Іоаннъ Вихернъ, основавъ «Суровый домъ» въ Горнѣ подъ Гамбургомъ въ 1833 г.

Совсѣмъ съ другой точки зрѣнія старалось разрѣшить эту задачу «Общество воспитанія нравственно испорченныхъ дѣтей въ Берлинѣ», основанное подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ Ротера въ 1824 г. Между тѣмъ какъ Песталоцци смотрѣлъ на попеченіе объ испорченныхъ дѣтяхъ съ точки зрѣнія воспитанія бѣдноты и старался

предотвратить зло школами, благодаря чему возникло большое количество школъ для неимущихъ, а Рекке и Вихернъ пытались разрѣшить эту задачу путемъ Евангелія и заботы о душѣ, что дало поводъ къ основанію «Внутренней миссіи»; воспитательный пріютъ «Урбанъ», находившійся сначала въ Берлинѣ, а теперь въ Целендорфѣ подъ Берлиномъ, стремится достигнуть исправленія испорченныхъ дѣтей соціально-политическимъ путемъ.

А именно министръ внутреннихъ дѣлъ Ротеръ первый сдѣлалъ въ воспитательномъ заведеніи «Урбанъ» слѣдующій опытъ: онъ испрашивалъ для юныхъ нарушителей закона условнаго Высочайшаго помилованія и вмѣсто заслуженнаго тюремнаго наказанія помѣщалъ ихъ въ заведеніе, гдѣ они должны были получить гражданское воспитаніе. Этимъ онъ сдѣлался предтечей условнаго помилованія и закона о воспитательномъ попечительствѣ. Эта воспитательная система получила дальнѣйшее соціально-педагогическое развитіе благодаря директору Плассу, который 12 апрѣля 1901 г. сталъ во главѣ воспитательнаго заведенія «Урбанъ».

Въ такомъ же духѣ организованы: католическій пріютъ св. Іосифа въ Боннѣ, сиротскій пріютъ въ Гамбургѣ и другіе пріюты, хотя ни въ одномъ изъ нихъ соціально-педагогическія стремленія не проводятся такъ многосторонне и послѣдовательно, какъ въ «Урбанѣ».

До сихъ поръ были того мнѣнія, что такъ называемая семейная система, типомъ которой являются небольшіе пріюты со своимъ начальникомъ во главѣ, представляетъ наилучшую форму для исправленія испорченныхъ дѣтей. Это невѣрно, такъ какъ здоровая организація даетъ возможность предполагать разумную централизацію и децентрализацію. Хотя съ одной стороны коллективная казарменная система большихъ пріютовъ и является неправильной, односторонняя, децентрализующая система семейности оказывается такой же. Самое правильное представляетъ середина между двумя этими противоположностями. Тѣ заведенія, въ которыхъ отъ 10 до 30 семействъ, изъ 10 или 12 дѣтей каждое, соединяются въ воспитательную общину, оказываются самыми лучшими. Въ нихъ могутъ основательнѣе всего развиваться и проявляться самые разнообразные задатки, способности и желанія дѣтей и воспитателей. Хозяйство въ

нихъ обходится дешевле. Дѣтей можно легче пріучать къ самостоятельности и общей пользѣ. При чисто казарменномъ «стадномъ воспитаніи» это такъ же невозможно, какъ и при односторонней семейной системѣ, при которой на «отцѣ семейства» лежатъ не только хозяйственныя заботы о семьѣ, состоящей изъ 40 до 60-ти членовъ, но и все преподаваніе. При такой системѣ «отецъ» не можетъ удовлетворительно исполнить ни обязанностей хозяина дома, ни обязанностей преподавателя, такъ какъ его образовательный цензъ, пріобрѣтенный имъ экзаменомъ на полученіе мѣста, не имѣетъ никакой цѣны, а его помощники большей частью совсѣмъ не сдавали никакого экзамена и ими руководитъ «отецъ семейства», самъ недостаточно образованный.

Этотъ недостатокъ въ централизаціи признавалъ и Вихернъ и старался устранить его, по крайней мѣрѣ, въ большихъ центрахъ системой павильоновъ, т.-е. соединяя семьи, помѣщенныя въ разныхъ павильонахъ, постояннымъ общеніемъ между собой. Дальнѣйшій недостатокъ, присущій этой павильонной системѣ, заключается въ дороговизнѣ, а главнымъ образомъ въ томъ, что отдѣльными павильонами руководятъ кандидаты на должность «хозяина дома», для которыхъ питомцы, живущіе въ павильонахъ, являются объектами, надъ которыми они испытываютъ свои способности къ этой должности. Неизбѣжныя при этомъ перемѣны вслѣдствіе удаленія неподходящихъ кандидатовъ вредятъ твердости и послѣдовательности воспитательнаго вліянія.

Воспитательное заведеніе не имѣетъ возможности замѣнить семью, потому что семья не можетъ состоять изъ 50—500 членовъ; оно представляетъ лишь воспитательную общину, составленную изъ отдѣльныхъ семействъ, и потому кромѣ семейныхъ обязанностей въ болѣе тѣсномъ смыслѣ должно разрѣшать и общегражданскія задачи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Эти задачи, кромѣ нравственнаго обновленія или возрожденія, состоятъ въ цѣлесообразномъ воспитаніи въ духѣ любви къ труду и работоспособности, составляющихъ основаніе гражданской дѣятельности, и въ направленіи къ разумной гигіеничной жизни и къ облагороженію юной жизнерадостности. Путь къ разрѣшенію этихъ задачъ слѣдуетъ искать не только въ воспитательныхъ способностяхъ начальствующихъ лицъ, но главнымъ образомъ

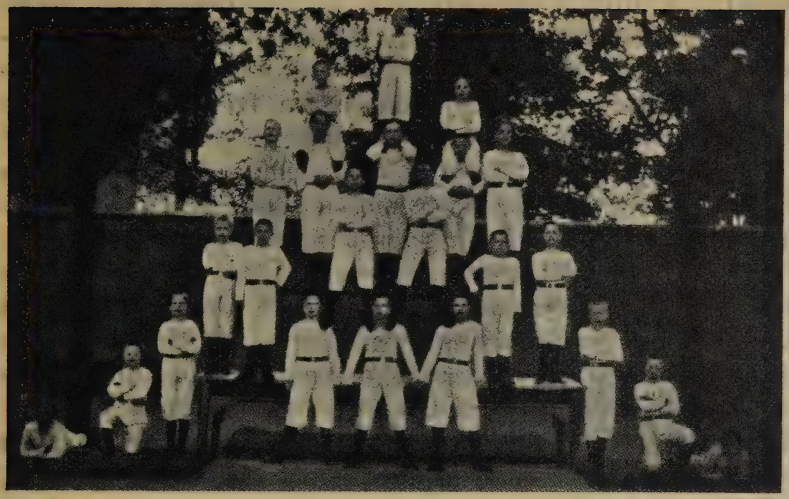
въ индивидуальномъ и коллективномъ самопроявленіи воспитанниковъ подъ направленіемъ воспитателей.

Между тѣмъ какъ вышеназванныя заведенія, основанныя и руководимыя духомъ любви къ ближнему, несмотря на нѣкоторые недостатки своей организаціи, все же заслуживаютъ благодарности, слѣдуетъ всѣми силами протестовать противъ тѣхъ пріютовъ, которые находятъ нужнымъ придать своему режиму тюремный характеръ. Къ такимъ пріютамъ принадлежатъ тѣ, которые отдѣляются отъ внѣшняго міра высокими стѣнами, утыканными осколками стекла, крѣпкими рѣшетками передъ окнами и всей своей постройкой, совершенно лишенной оконъ наружу. А внутри такого зданія изо всѣхъ угловъ смотритъ суровая дисциплина, порождающая лишь рабское повиновеніе и ожесточающая дѣтскія сердца.

Воспитательныя средства, которыя должны поддерживать силу дисциплины, очень разнообразны: на дѣтей надѣваютъ мрачную форму заведенія, исправительные костюмы, запираютъ въ отдѣльныя камеры, надолго лишаютъ свободы, наказываютъ, заставляя молчать; какъ въ смирительномъ домѣ, убавляютъ дневную пищу, бѣглецовъ привязываютъ веревками, заставляютъ дѣтей работать съ веревкой между колѣнами и т. д. Для этой же цѣли служатъ слѣдующія полицейскія предохранительныя мѣры: дубины, резины, холодное оружіе, сигнальные рожки или свистки для созыва персонала при возмущеніяхъ, телефонное соединеніе съ полицейской частью и т. д. Эти исправительныя заведенія часто соединяются съ рабочими домами, въ которыхъ дѣти должны исполнять работы смирительныхъ домовъ: изготовлять щетки, щипать перья, сортировать горохъ, плести рогожи и т. д.

Послѣдствія такого тюремнаго метода были до сихъ поръ самыя плачевныя. По моему мнѣнію эти заведенія потерпѣли со своимъ методомъ блестящее пораженіе. По крайней мѣрѣ бунты, частые побѣги, покушенія на поджогъ и удавшіеся поджоги, покушенія и нападенія на воспитателей и руководителей заведенія доказываютъ, что такіе воспитательные пріемы служатъ лишь для пополненія арміи малолѣтнихъ преступниковъ. И не удивительно!

Возможно ли такими мѣрами добиться исправленія нрав-



Образцовое отдѣленіе „Крехъ“, къ которому принадлежатъ всѣ главные гимнасты всѣхъ остальныхъ отдѣленій. Костюмы сдѣланы на выручку отъ продажи открытыхъ писемъ, праздничныхъ журналовъ и т. д.

ственности? Не способны ли онѣ скорѣе породить въ воспитанникахъ антисоціальныя чувства и такъ ожесточить ихъ противъ всякаго воспитательнаго вліянія, что они потомъ уже не способны слиться съ общественнымъ организмомъ? Главными основами воспитанія служатъ довѣріе и любовь воспитателя къ воспитаннику. На нихъ покоится все вліяніе и весь успѣхъ воспитательной работы. Они являются солнечнымъ свѣтомъ для прозябавшихъ на безплодной почвѣ растеній, благодаря которому они, перенесенныя на здоровую почву, снова получаютъ возможность расти, цвѣсти и приносить плоды. Чтобы пріобрѣсти полное, искреннее довѣріе испорченныхъ дѣтей, слѣдуетъ прежде всего отнестись и къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, чтобы разбудить въ нихъ любовь къ себѣ, надо горячо полюбить ихъ самихъ, такъ какъ именно они вдвойнѣ нуждаются и въ нравственномъ и въ физическомъ попеченіи.

Кромѣ того, что тюремный методъ воспитанія вопіющимъ образомъ противорѣчитъ самымъ фундаментальнымъ принципамъ педагогики, мы принуждены еще громко протестовать противъ него, принимая во вниманіе причины испорченности дѣтей. Съ одной стороны она является субъек-

тивной, съ другой объективной. Субъективная испорченность основывается на дурныхъ наклонностяхъ воспитанниковъ, которыя проявляются въ бродяжничествѣ, воровствѣ, нищенствѣ, праздношатаніи и т. д. Въ этихъ случаяхъ нельзя вполнѣ отрицать субъективнаго участія въ преступленіи. Но объективное преступленіе во всякомъ случаѣ имѣетъ перевѣсъ, особенно если этому еще способствуютъ наслѣдственность, нужда или вырожденіе.

У 87% дѣтей, уличенныхъ въ преступленіяхъ, причиной испорченности являлись печальныя, разстроенныя или безпорядочныя семейныя обстоятельства, причиной которыхъ были смерть, или болѣзнь, или нужда, или плохія условія жилища, или, наконецъ, преступное поведеніе родителей. Изъ всего этого понятно, что прежде всего необходимы любовь къ ближнимъ и искреннее сочувствіе дѣтскому горю, чтобы съ успѣхомъ бороться съ ихъ пороками и дурными наклонностями. «Ненавидя грѣхъ, воспитатель долженъ жалѣть грѣшника!»

При этомъ необходимо обратить особое вниманіе на одно важное обстоятельство, которому до сихъ поръ, къ сожалѣнію, придавали слишкомъ мало значенія, а именно, что дѣти, которыя нравственно испорчены, должны быть строго отдѣлены отъ просто испорченныхъ дѣтей, что психо-

Участники Шиллеровскаго торжества въ маѣ 1905 г. въ Целендорфѣ. Представлена была сцена съ яблокомъ изъ Вильгельма Телля. Всѣ костюмы изготовлены въ заведеніи.

паты и проститутки должны составлять особыя категоріи и воспитываться въ отдѣльныхъ заведеніяхъ, чтобы не подвергнуть опасности всю исправительно-воспитательную дѣятельность. Поэтому основательное вниманіе къ индивидуальности воспитанника въ разныхъ заведеніяхъ неизбѣжно необходимо.

Далѣе: во многихъ заведеніяхъ мы встрѣчаемъ использованіе воспитанниковъ непедагогическими работами подъ видомъ пользы для пріюта, но ко вреду дѣтей, которыя не воспитываются такимъ трудомъ, а лишь низводятся на степень машины. Государство вмѣшалось въ святыя, неприкосновенныя права семьи, вырвало ребенка изъ родительскаго дома, потому что родители безсовѣстно эксплуатировали его силы. Ребенка помѣщаютъ въ исправительное заведеніе и тамъ вмѣсто прежней является новая, еще болѣе вредная, эксплуатація. Развѣ сортировка чечевицы, бобовъ, гороха и кофе, разрисовываніе оловянныхъ солдатиковъ, изготовленіе рогожъ и щетокъ, битье камней, щипанье перьевъ подъ предлогомъ принципа раздѣленія труда не является эксплуатаціей самаго вреднаго сорта, лишенной всякаго воспитательнаго смысла? Къ этому можно причислить также и обычай заставлять дѣвочекъ по цѣлымъ днямъ стирать бѣлье машинами, вязать и штопать бѣлье, совсѣмъ не пріучая ихъ къ хозяйству, которое имъ необходимо знать, какъ будущимъ хозяйкамъ дома.

Часть вышеприведенныхъ работъ (напр., изготовленіе дѣтьми щетокъ) запрещена закономъ о защитѣ дѣтей, но къ сожалѣнію воспитательныя заведенія не подчинены этому закону.

Но систематическаго исполненія работъ требовать слѣдуетъ. Въ основу работъ въ мастерскихъ и въ саду долженъ быть положенъ учебный срокъ для практическаго изученія; чтобы пріохотить воспитанниковъ къ работѣ, слѣдуетъ знакомить ихъ съ товаровѣдѣніемъ и изученіемъ инструментовъ, а для поощренія давать преміи за лучшія работы.

Что государство признало своей обязанностью устранить тюремный характеръ нѣкоторыхъ заведеній, яснѣе всего видно изъ статистики прусскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не перестаетъ предостерегать общество отъ тюремнаго характера воспитанія, а также и изъ того,

что законодатель устранилъ существовавшій до сихъ поръ политически карательный характеръ «принудительнаго» воспитанія, замѣнивъ его названіемъ «попечительнаго» воспитанія и тѣмъ указавъ, что законъ преслѣдуетъ воспитательныя, соціально-политическія тенденціи. Весьма желательно, чтобы государство какъ можно скорѣе воспользовалось своимъ законнымъ правомъ наблюдать за такими заведеніями и энергично выступило противъ такихъ ошибокъ въ дѣлѣ воспитанія.

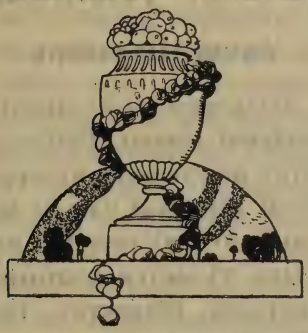
Стремленію къ устраненію тюремнаго характера даже въ мелочахъ соотвѣтствуетъ требованіе давать больше свободы воспитаннику для проявленія своей индивидуальности, даже при опасеніи, что онъ можетъ злоупотребить данной ему личной свободой. Всѣ воспитательныя мѣры должны имѣть своей цѣлью пріучить воспитанника къ самостоятельности и работѣ на общую пользу, онѣ психологично должны исходить изъ стремленія дѣтской души къ индивидуальному коллективному самопроявленію. Потому что воспитанникъ, который вслѣдствіе слишкомъ большого лишенія свободы подчинился одностороннему принужденію и потому считался въ заведеніи «хорошимъ» воспитанникомъ, предоставленный самому себѣ, скоро вернется къ своимъ прежнимъ привычкамъ и порокамъ, если его, воспитаннаго въ полной несамостоятельности, освободятъ отъ надзора и руководства. Поэтому хозяева часто справедливо жалуются на несамостоятельность прислуги, получившей воспитаніе въ такихъ пріютахъ, и потому такъ часто случаются печальные рецидивы.

Вслѣдствіе этого особенно рекомендуется дать воспитанникамъ, по возможности, больше самостоятельности и сдѣлать ихъ полезными, предоставляя имъ случай къ свободному самоуправленію, хотя и подъ надзоромъ воспитателя, въ играхъ и обществахъ, какъ напр.: общество защиты юношества, союзъ молодежи, гимнастическое общество и т. д.; затѣмъ въ общихъ празднествахъ, напр., въ театральныхъ представленіяхъ, въ культурѣ комнатныхъ растеній, выставкахъ работъ и др. Высшимъ принципомъ воспитанія долженъ быть слѣдующій:

«Индивидуальное и коллективное самопроявленіе даетъ самостоятельность и дѣлаетъ человѣка по-

лезнымъ членомъ общества, оно способствуетъ его дѣятельному участію въ культурныхъ задачахъ народа!»

«Недостаточность личной свободы и проявленія собственнаго «я» должна вести къ притворству, озлобленію и ожесточенію. Поэтому скажу еще разъ: прочь все, что хотя бы только немного напоминаетъ о внутреннемъ или наружномъ принужденіи, не нужно наказаній, нужно попеченіе, особое попеченіе о тѣхъ несчастныхъ испорченныхъ существахъ, въ несчастьѣ которыхъ часто виновато само общество и которымъ, можетъ быть, солнце никогда не свѣтило!» (Коссацъ, пріютъ «Урбанъ»).



Дѣтскія убѣжища.

Адели Шрейберъ.

Переворотъ въ экономической жизни повлекъ за собой и перемѣны въ семейной жизни. Работа и заработокъ изъ отдѣльныхъ хозяйствъ перенесены въ крупныя производства и на фабрики. Рабочій, который уже не можетъ дѣйствовать въ кругу своей семьи по собственной иниціативѣ и совершенно самостоятельно, дѣлается платнымъ наемникомъ частныхъ предпринимателей, обществъ, государства или общины. Поэтому большинство отцовъ семействъ могутъ удѣлять воспитанію своихъ дѣтей лишь скудное время отдыха, и заработокъ для поддержанія существованія не даетъ заняться идейными благами жизни. Но подъ давленіемъ борьбы за существованіе и вслѣдствіе развитія промышленности еще больше измѣнилось положеніе женщины, чѣмъ положеніе мужчины. Въ самыхъ обширныхъ кругахъ населенія мать семейства, заботившаяся лишь о хозяйствѣ и дѣтяхъ, теперь превратилась въ необходимую работницу и помощницу въ борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба. Отецъ и мать большую часть дня отсутствуютъ изъ дома, къ рабочимъ часамъ прибавляется еще хожденіе

туда и обратно, вслѣдствіе чего домъ является осиротѣвшимъ и некому какъ слѣдуетъ заняться дѣтьми. За малютками некому присмотрѣть, здоровье ихъ подвергается опасности, и дѣтская смертность растетъ; старшія дѣти не получаютъ достаточнаго питанія, подвергаются опасности относительно здоровья, несчастныхъ случаевъ, и ихъ душевному и умственному развитію наносится сильный ущербъ. Большая часть пролетаріатской молодежи въ внѣшкольное время совсѣмъ лишена воспитанія и надзора и подвергается на улицахъ всевозможнымъ искушеніямъ. Не мудрено, что голодныя и холодныя дѣти дѣлаются совсѣмъ неспособными къ сопротивленію и легко поддаются искушенію. Въ большинствѣ случаевъ въ огрубѣлости и испорченности дѣтей нельзя винить ни родителей, ни ребенка, вина падаетъ почти всецѣло на общественное устройство, и энергичная помощь тутъ крайне необходима. За послѣднія десятилѣтія многое сдѣлано на этомъ пути, и для всѣхъ возрастовъ рядомъ со школами открыты дополняющія ихъ учрежденія, которыя должны замѣнить дѣтямъ попеченіе, котораго они лишены дома — открыты ясли, дѣтскіе сады, дѣтскія убѣжища, цѣль которыхъ заключается въ устраненіи вышеназванныхъ опасностей для дѣтей.

Первое убѣжище для дѣтей въ Германіи возникло въ 1871 г. въ Эрлангенѣ по мысли профессора Шмидта-Шварценбурга. Произведенные тамъ опыты дали такіе благопріятные результаты, что мысль эта получила быстрое распространеніе въ Баваріи и сначала въ Аугсбургѣ въ 1878 г., затѣмъ въ Мюнхенѣ въ 1881 и наконецъ въ Фюртѣ были основаны подобныя заведенія. Постепенно они распространились по всей Германіи. Въ 1905 г. на запросъ «Берлинскаго Общества убѣжищъ для дѣвочекъ» изъ 250 большихъ городовъ 91 дали отчетъ о 438 существующихъ въ нихъ убѣжищахъ, которыя посѣщались 26,000 дѣтьми. Конечно, это еще небольшая цыфра въ сравненіи со всей массой нуждающихся въ такомъ попеченіи дѣтей.

Такъ какъ убѣжища основываются всевозможными союзами и содержатся на добровольныя пожертвованія, то они и не представляютъ однообразной организаціи. Напротивъ, они, смотря по мѣстнымъ условіямъ или взглядамъ содержащихъ ихъ лицъ, представляютъ крупныя различія и про-

граммы ихъ составлены уже или шире въ зависимости отъ того, кто ими завѣдуетъ.

Общимъ у нихъ является лишь основной принципъ — они служатъ для того, чтобы взять на попеченіе дѣтей рабочихъ классовъ, которые лишены достаточнаго надзора и воспитанія въ родительскомъ домѣ, заботиться о нихъ въ часы, свободные отъ занятій въ школѣ, спасти ихъ отъ испорченности, тунеядства и искушеній и пріучить къ пунктуальному приготовленію школьныхъ работъ и разумному употребленію свободнаго времени. Убѣжища всегда находятся подъ руководствомъ воспитателей-педагоговъ, но въ большихъ городахъ, особенно въ убѣжищахъ для дѣвочекъ, имъ часто помогаютъ еще добровольные помощники. При большомъ количествѣ дѣтей, собранныхъ въ одномъ убѣжищѣ — ихъ бываетъ отъ 50-ти до 60-ти — такія помощницы очень полезны, какъ во время занятій, такъ и во время игръ, и при ихъ содѣйствіи можно внимательнѣе отнестись къ воспитанію каждаго отдѣльнаго ребенка. Отъ руководителей зависитъ поставить дѣло такъ, чтобы пребываніе въ убѣжищѣ не казалось дѣтямъ продолженіемъ школьнаго стѣсненія, чтобъ оно не являлось нелюбимымъ «заведеніемъ», а составляло для нихъ мѣсто отдыха и товарищескаго общенія, въ которое они вступали бы охотно, находя въ немъ тѣ семейныя радости, которыхъ не въ состояніи дать имъ родной домъ. Убѣжища важны тѣмъ, что даютъ возможность благопріятнаго вліянія на подрастающую молодежь бѣдныхъ классовъ населенія, въ нихъ удобно развивать въ дѣтяхъ многое, на что въ школѣ нѣтъ ни времени, ни возможности. Поэтому несложная программа надзора въ внѣшкольные часы во многихъ убѣжищахъ служитъ только подкладкой для болѣе широкой дѣятельности, которая проявляется самымъ разнообразнымъ образомъ. Понятно, что во время нѣсколькихъ часовъ пребыванія дѣтей въ убѣжищѣ дѣлается все возможное для вліянія на развитіе ихъ характера; при исполненіи школьныхъ уроковъ, при руководствѣ рукодѣліями и домашними работами, играми и прогулками почти безъ труда достигаютъ привычки къ пунктуальности, порядку, чистотѣ и уступчивости. Дѣти пріучаются хорошо исполнять свои маленькія обязанности, заботливо относиться къ урокамъ,

и убѣжище поощряетъ ихъ обращать больше вниманія на свою внѣшность, содержать въ чистотѣ тѣло и платье. Гигіеническое значеніе убѣжищъ является во многихъ отношеніяхъ очень существеннымъ, оно еще усилилось бы, если бы во многихъ изъ нихъ недостатокъ въ помѣщеніи не заставлялъ держать дѣтей послѣ сидѣнья въ переполненныхъ классахъ въ такихъ же помѣщеніяхъ и если бы для этого имѣлись большіе дворы, лужайки и сады, галлереи и залы. Но все же въ сравненіи съ собственными жилищами дѣтей, помѣщенія убѣжищъ можно назвать богатыми, и маленькіе посѣтители находятъ тамъ удобныя мѣста для приготовленія устныхъ и письменныхъ работъ, достаточно свѣта и душевный покой. Надо только посмотрѣть, при какихъ обстоятельствахъ дѣти пролетаріевъ приготовляютъ свои уроки, чтобы понять, что они не могутъ удовлетворить учителя. Одновременно почти во всѣхъ убѣжищахъ улучшаютъ питаніе дѣтей и имъ за минимальную плату, взимаемую для того, чтобы не придавать заведенію благотворительнаго характера, даютъ ужинъ, состоящій преимущественно изъ молока и хлѣба. Самымъ бѣднымъ дѣтямъ часто выдаютъ марки на обѣдъ, молоко и т. д. Дѣтей заставляютъ мыть руки, приходя и уходя изъ убѣжища; во многихъ убѣжищахъ введенъ раціональный уходъ за зубами, для чего дѣтей регулярно водятъ къ зубному врачу. Въ нѣкоторыхъ убѣжищахъ посѣщаютъ съ дѣтьми купальни и ванны, а есть и такія, которыя имѣютъ собственныя ванны. Во многихъ городахъ устраиваются послѣобѣденныя игры и гимнастика, большія прогулки, экскурсіи, лѣтнія колоніи, служащія дополненіемъ къ убѣжищамъ. Занятія въ убѣжищахъ должны способствовать какъ духовному, такъ и физическому развитію — на первомъ планѣ стоятъ работы въ саду и ручной трудъ. Тамъ, гдѣ убѣжище располагаетъ хотя какимъ-нибудь садомъ, работы въ немъ служатъ неисчерпаемымъ источникомъ радостей и внутренняго обогащенія особенно для дѣтей большихъ городовъ. Вѣдь между дѣтьми бѣдноты такъ много такихъ, которыя никогда не видали, какъ растутъ цвѣты, и не имѣютъ ни малѣйшей связи съ природой. Въ болѣе холодное время года, не допускающее продолжительнаго пребыванія на воздухѣ, преподаваніе ручного

труда доставляетъ дѣтямъ пріятное и полезное развлеченіе. Значеніе ручного труда и способъ его преподаванія подробно изложены въ статьѣ: «Преподаваніе ручного труда для мальчиковъ». Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что, къ сожалѣнію, дѣвочками мало занимаются въ этой области. При обученіи большинства дѣвочекъ всѣхъ общественныхъ классовъ въ лучшихъ случаяхъ обращается еще вниманіе на обученіе домашнему хозяйству, мѣсто же ручного труда занимаютъ рукодѣлія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е.: шитье, вышиваніе, вязаніе и т. д. Но эти полезныя и необходимыя познанія не могутъ замѣнить ручного труда въ томъ видѣ, въ какомъ практикуется мальчиками, ни относительно развитія духовной самостоятельности, ни относительно физическаго развитія молодыхъ дѣвушекъ, которое только задерживается такъ-называемыми рукодѣліями, вмѣсто того, чтобъ развивать его ручнымъ трудомъ. Въ этомъ пунктѣ болѣе равное воспитаніе обоихъ половъ оказалось бы очень полезнымъ, несмотря на всѣ предразсудки. Мальчикамъ было бы очень полезно владѣть основными знаніями женскаго труда, умѣть пришить пуговицу, положить заплату, сдѣлать яичницу и т. д., а дѣвочкамъ необходимо умѣть обращаться съ молоткомъ, клещами, пилой, клейстеромъ и т. д., чтобъ онѣ не оказались безполезными, какъ это часто случается, когда хотятъ откупорить ящикъ или смастерить коробочку, вбить въ стѣну крюкъ, отвинтить замокъ или вообще справиться съ какимъ-нибудь дѣломъ повседневной жизни. Убѣжища для юношества могли бы показать примѣръ въ этомъ направленіи и въ единичныхъ случаяхъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ для дѣвочекъ уже введенъ ручной трудъ, напр., переплетное мастерство, выпиливанье и т. д. Но большей частью довольствуются тѣмъ, что обучаютъ дѣвочекъ домашнимъ работамъ, учатъ ихъ мести комнаты, мыть посуду, шить, вышивать, вязать и т. п. Въ Гамбургѣ частнымъ образомъ сдѣлана попытка устроить для мальчиковъ и дѣвочекъ одно убѣжище. Замѣчательно, что оба пола почти всегда добровольно во время игръ держались отдѣльно другъ отъ друга, но тѣмъ не менѣе дальнѣйшія попытки къ совмѣстному воспитанію очень желательны.

Какъ ни желательно, чтобы дѣти изучали ручной трудъ

въ самыхъ разнообразныхъ его видахъ, надо все же прибавить, что убѣжища никоимъ образомъ не должны служить исходными пунктами для дѣтскихъ ремесленныхъ работъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ крупныхъ промышленныхъ пунктахъ дѣтей по нѣскольку часовъ въ день заставляютъ работать за плату (клеить мѣшечки для конфетъ, рѣзать олово, дѣлать щетки, перебирать кофе и т. д.). Заработокъ кладется на имя дѣтей въ сберегательную кассу и выдается имъ по окончаніи школы. Даже то обстоятельство, на которое особенно напираютъ отчеты, что такимъ способомъ дѣти при выходѣ получали до 30 рублей, не можетъ примирить насъ съ такимъ методомъ. Такимъ образомъ убѣжища лишь поддерживаютъ ложный принципъ дѣтскаго заработка, и небольшія сравнительно сбереженія покупаются слишкомъ дорогой цѣной. Если даже допустить, что такія роботы въ убѣжищахъ производятся безъ ущерба для здоровья, онѣ все же вредятъ развитію, которое такъ необходимо для дальнѣйшей жизни. Для недостаточныхъ классовъ отведено слишкомъ мало времени для воспитанія и жизненной подготовки, и всякое умаленіе съ этой стороны сравнительно съ немногими грошами заработка будетъ оплачено слишкомъ дорого, а всякая лишняя частичка развитія имѣетъ большой вѣсъ, какъ имущество неимущаго. Между тѣмъ, какъ хорошо направленное преподаваніе ручного труда представляетъ цѣнную подготовку, такія механическія работы, какъ склеиваніе бумажныхъ мѣшковъ и сортировка кофе, понятно, составляютъ лишь трату силъ и времени, онѣ не служатъ ни для умственнаго, ни для физическаго развитія. Все это подробнѣе объяснено въ статьяхъ: «Дѣтскій трудъ и сбереженія», въ которыхъ ярче освѣщены вредъ дѣтскаго заработка и безполезность сбереженій, если они сдѣланы цѣной дѣтскаго здоровья и развитія.

Пребываніе въ убѣжищахъ въ общемъ очень благопріятно дѣйствуетъ на развитіе духа общественности; дѣти научаются тамъ и во время игръ подчиняться общимъ правиламъ, болѣе сильные должны уступать болѣе слабымъ, старшіе должны заботиться о младшихъ. Манеры и разговоръ очень быстро исправляются, даже у совсѣмъ запущенныхъ дѣтей, благодаря соревнованію съ товарищами, многія дур-

ныя привычки, пріобрѣтенныя въ домашней обстановкѣ, совершенно бросаются, и нерѣдко дѣти изъ убѣжища приносятъ въ родительскій домъ все хорошее, что пріобрѣтено ими тамъ, и въ свою очередь благотворно вліяютъ на родителей. Семейный характеръ убѣжищъ принимаетъ еще болѣе интимный характеръ, благодаря устройству небольшихъ празднествъ; во время Рождества и другихъ праздничныхъ дней даются театральныя представленія, въ которыхъ участвуютъ дѣти, которыя такъ любятъ представлять и переодѣваться. Тамъ же они научаются сами при самыхъ скромныхъ средствахъ дѣлать маленькіе подарки къ Рождеству и дню рожденія и такимъ образомъ доставлять радость другимъ.

Какъ уже было сказано, число существующихъ убѣжищъ далеко не достаточно. Замѣчаніе, что дѣти, посѣщая убѣжища, имѣютъ слишкомъ мало общенія съ родительскимъ домомъ, при настоящемъ положеніи вещей, не имѣетъ никакого значенія. Здѣсь вопросъ состоитъ не въ томъ, что лучше — семейное ли воспитаніе или воспитаніе въ убѣжищѣ, а въ выборѣ между убѣжищемъ и воспитаніемъ безъ всякаго надзора. Мнѣ кажется, что въ отвѣтѣ не приходится сомнѣваться. Цѣлая масса юныхъ преступниковъ и питомцевъ пріютовъ, большое количество жертвъ недостаточнаго надзора, погибшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или сдѣлавшихся калѣками, печальные образы столькихъ молодыхъ дѣвушекъ, попавшихъ въ объятія порока — настоятельно требуютъ, чтобы задача попеченія о юношествѣ была разрѣшена какъ можно скорѣе и лучше. Основаніе многочисленныхъ образцовыхъ дѣтскихъ убѣжищъ составляетъ существенную часть этой задачи.

Каникулярныя колоніи и колоніи для дѣтскаго отдыха.

Доктора Бехера.

Въ 1876 г. пастору Біону въ Цюрихѣ пришла въ голову необыкновенно счастливая мысль. Ему захотѣлось доставить городскимъ дѣтямъ, и въ особенности дѣтямъ большихъ городовъ, возможность провести каникулы въ деревнѣ. Временное переселеніе дѣтей большихъ городовъ въ другую обстановку, и главнымъ образомъ въ деревню, имѣло двоякую цѣль, но прежде всего улучшеніе ихъ здоровья. Блѣднымъ городскимъ дѣтямъ, получавшимъ лишь умѣренное, а большей частью даже плохое питаніе, давалась возможность укрѣпить свое здоровье хорошимъ деревенскимъ воздухомъ при обильномъ питаніи и постоянномъ движеніи подъ открытымъ небомъ. А кромѣ того, такое путешествіе открываетъ каникулярнымъ колонистамъ цѣлый новый міръ. Городской ребенокъ во время продолжительнаго пребыванія въ деревнѣ знакомится съ сельской жизнью. Онъ узнаетъ много новаго. Кругозоръ его расширяется. Устройство каникулярныхъ колоній всюду взяли на себя различныя общества. Во главѣ ихъ въ Германіи стало благотворительное «Школьное общество» въ Гамбургѣ. Каникулярныя колоніи очень быстро распространились въ Берлинѣ, гдѣ ими раньше всѣхъ занялось «Общество попеченія о здоровьѣ въ семьяхъ», а когда дѣло это очень разрослось, появилась и собственная организація.

Цѣль обществъ, занимающихся каникулярными колоніями, состоитъ въ доставленіи средствъ и въ организаціи колоній. Деньги требуются въ довольно большомъ количествѣ, потому что родители и воспитатели колонистовъ бо́льшей частью не въ состояніи заплатить за ихъ путевыя издержки. Отъ родителей, которые въ состояніи платить, дѣйствительно, требуютъ добавочныхъ денегъ, но ихъ далеко недостаточно для содержанія ребенка. Для Берлина при-

ходится разсчитывать, что каждый колонистъ долженъ обойтись круглымъ счетомъ въ 25 или 30 рублей. Кромѣ того на родителей нельзя разсчитывать и по другой причинѣ. Колонистамъ передъ отправленіемъ необходимо прибавлять бѣлье, платье и обувь. Средства на это доставляются частью пожертвованіями благотворителей, частью добавляются приходами, но главнымъ образомъ даются самими родителями. Во многихъ мѣстностяхъ уже сдѣланы большія пожертвованія на лѣтнія колоніи. Вмѣстѣ съ добываніемъ средствъ общества занимаются еще организаціей колоній. Прежде всего приходится выбрать цѣлесообразную мѣстность. Стараются воспользоваться деревнями въ здоровой мѣстности и насколько это возможно морскими купаньями и желѣзными ваннами. Большей частью дѣти отправляются большими группами подъ руководствомъ учителей, учительницъ, воспитателей и воспитательницъ. Всю группу соединяютъ въ одномъ помѣщеніи. Если же отправляется небольшое количество дѣтей, ихъ помѣщаютъ по два или по одному въ разныхъ семействахъ. При этомъ съ ними не посылаютъ воспитателей. Надзоръ въ такихъ случаяхъ поручается мѣстному довѣренному лицу.

Затѣмъ приходится озаботиться выборомъ колонистовъ. Въ этомъ случаѣ учителя работаютъ совмѣстно съ

Игры въ горной рѣкѣ.

мѣстными комитетами обществъ. Первый выборъ выпадаетъ на долю учителей. Но и члены комитетовъ принимаютъ въ этомъ дѣлѣ дѣятельное участіе. Они должны разслѣдовать внѣшнія условія жизни кандидатовъ въ колоніи. Они же должны прослѣдить передъ отправленіемъ колонистовъ, сдѣлано ли имъ все необходимое снаряженіе. Въ это же время происходитъ врачебное изслѣдованіе колонистовъ. Дѣтей съ заразительными болѣзнями и тяжело больныхъ, какъ напр. туберкулезныхъ, страдающихъ сердечными болѣзнями, почками и т. п. по необходимости приходится исключать. То же самое относится къ дѣтямъ, которыя не могутъ свободно двигаться благодаря параличнымъ явленіямъ или болѣзнямъ суставовъ и костей. Но врачъ долженъ также позаботиться о томъ, чтобы въ лѣтнюю колонію не попали совершенно здоровыя дѣти. Наплывъ въ эти колоніи всюду необыкновенно великъ. Только часть желающихъ можетъ быть принята. Поэтому справедливо, чтобы прежде всего было оказано предпочтеніе тѣмъ дѣтямъ, которымъ пребываніе въ колоніи необходимо. Конечно, въ первомъ ряду должны стоять дѣти съ слабымъ здоровьемъ.

Сильный наплывъ въ лѣтнія колоніи заставилъ общества подумать объ учрежденіяхъ, которыя могли бы замѣнить ихъ. Это являлось еще необходимымъ вслѣдствіе того, что колоніи требуютъ большихъ затратъ. Замѣну настоящихъ каникулярныхъ колоній составляютъ полуколоніи. Во время лѣтнихъ каникулъ группы дѣтей подъ руководствомъ учителей или воспитателей отправляются утромъ или въ полдень въ деревню недалеко отъ города. Вечеромъ дѣти возвращаются къ родителямъ. Полуколоніи, конечно, далеко уступаютъ настоящимъ каникулярнымъ колоніямъ. Поэтому для полуколоній выбираютъ дѣтей съ менѣе слабымъ здоровьемъ. Позднѣе начали высылать колоніи не только во время лѣтнихъ каникулъ. Теперь часто отправляютъ колоніи до лѣтнихъ каникулъ и еще чаще послѣ нихъ. Цѣлый рядъ обществъ имѣютъ для этой цѣли собственные дома. Во многихъ мѣстностяхъ существуютъ отдѣленія, снабжающія, въ случаѣ необходимости, отдѣльныхъ колонистовъ платьемъ.

Что касается распространенія каникулярныхъ колоній,

то изъ годового отчета обществъ въ Германіи видно, что въ 1901 г. въ 199 городахъ было 185 обществъ, корпорацій и комитетовъ, заботившихся о лѣтнемъ отдыхѣ дѣтей. Берлинскія каникулярныя колоніи въ 1903 г. выслали 3150 дѣтей въ 77 колоній и 1198 дѣтей въ 23 полуколоніи.

Опытъ доказалъ, что результаты, достигнутые каникулярной экскурсіей, держатся недолго. Поэтому самымъ бѣднымъ и слабымъ колонистамъ доставлялась возможность поправленія здоровья и зимой. Нелегко убѣдиться въ томъ, насколько пользы приносятъ каникулярныя колоніи, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ онѣ очень распространены, и гдѣ колонисты разъѣзжаются въ разныя стороны, вслѣдствіе чего нельзя подвергнуть медицинскому изслѣдованію хотя бы небольшую группу изъ нихъ послѣ возвращенія домой. Тѣмъ не менѣе гамбургскому комитету попечительства о бѣдныхъ, прекрасно организовавшему лѣтній отдыхъ для дѣтей, удалось установить, какую пользу принесло дѣтямъ пребываніе въ колоніи.

Вслѣдствіе необыкновенно практичнаго устройства каникулярныхъ колоній, которыя такъ прекрасно заботятся о дѣтяхъ, нуждающихся въ отдыхѣ, почти не основываются другія учрежденія для отдыха дѣтей. Поэтому очень рѣдко встрѣчаются такъ называемыя заведенія для дѣтскаго отдыха. Правда, что приморскіе пріюты, основанные стараніями Бенеке, присвоили себѣ роль заведеній для дѣтскаго отдыха, противъ желанія ихъ основателя. Бенеке желалъ, чтобы приморскіе пріюты прежде всего служили лѣчебными заведеніями для дѣтей, страдающихъ золотухой, туберкулезомъ суставовъ и костей. Они остались таковыми съ одной стороны, но съ другой служатъ также мѣстомъ каникулярнаго отдыха для слабыхъ дѣтей. Слѣдуетъ упомянуть о пріютѣ Іоаннитовъ въ Лихтерфельдѣ.

Каникулярныя колоніи и пріюты для отдыха предназначаются для переутомленныхъ и слабыхъ дѣтей. Всѣ больныя дѣти изъ нихъ исключаются. Поэтому еще четыре года тому назадъ въ этомъ дѣлѣ чувствовался большой пробѣлъ. Какимъ образомъ можно было дать возможность лѣтняго отдыха больнымъ дѣтямъ, которымъ не нуженъ былъ больничный уходъ? Этотъ пробѣлъ заполненъ теперь учрежденіемъ лѣсныхъ убѣжищъ для больныхъ дѣтей. Эти

убѣжища по своему устройству представляютъ нѣчто совершенно новое. Такимъ убѣжищемъ является учрежденіе «Попечительство о бѣдныхъ дѣтяхъ». Дѣло идетъ о лѣсныхъ санаторіяхъ. Въ лѣсу ставятъ: 1) баракъ съ кухнями; 2) большую залу для пребыванія дѣтей въ дурную погоду; 3) уборную; 4) комнату для мытья больныхъ. Больные являются въ убѣжище рано утромъ, проводятъ день въ немъ или вблизи него, пользуются уходомъ, а на ночь возвращаются въ свои жилища. Идея убѣжищъ для дѣтскаго отдыха была приведена въ исполненіе «Обществомъ Краснаго Креста» и въ особенности профессоромъ Паннвицемъ. Первое такое мужское убѣжище было устроено Краснымъ Крестомъ въ Юнгфернгейде. Когда этотъ опытъ оказался успѣшнымъ, были учреждены еще три убѣжища въ Панковѣ, у горы Шпандау и въ Шёнгольцѣ. Убѣжища эти открываются всегда 1-го мая и закрываются въ послѣдній день сентября.

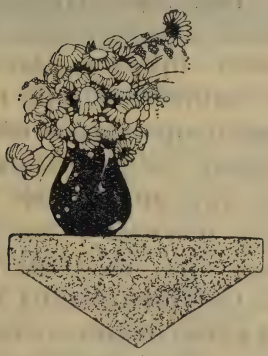
Дѣятельность лѣсныхъ убѣжищъ рѣзко отличается отъ дѣятельности каникулярныхъ колоній. Послѣднія никакъ не должны принимать больныхъ дѣтей. Поэтому пріемъ дѣтей производится въ нихъ очень строго. Берлинскія правила для каникулярныхъ колоній гласятъ: «Изъ каникулярныхъ колоній исключаются дѣти, страдающія неизлѣчимой болѣзнью, припадками, пляской св. Витта, сыпью и порокомъ сердца». Несправедливо было бы упрекать въ этомъ учрежденіе. Не подвергая опасности основной цѣли, нельзя обойтись безъ такого исключенія. Но что же дѣлать съ больными дѣтьми, исключенными изъ каникулярныхъ колоній? Вотъ тутъ-то выступаютъ «Убѣжища для дѣтскаго отдыха». Они прежде всего обратили вниманіе на тѣхъ дѣтей, которыя не могутъ пользоваться попеченіемъ каникулярныхъ колоній, потому что вслѣдствіе болѣзни не могутъ вынести болѣе или менѣе далекаго пути или нуждаются въ постоянномъ врачебномъ надзорѣ. Убѣжище для дѣтскаго отдыха выступаетъ тамъ, гдѣ отказывается дѣйствовать каникулярная колонія. Есть и другія причины, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторыхъ дѣтей помѣщаютъ въ убѣжища для отдыха, а не въ каникулярныя колоніи. Это въ особенности относится къ нервнымъ дѣтямъ. Нерѣдко бываютъ дѣти, которыя очень страдаютъ,

Отдыхъ въ лѣсу.

когда ихъ удаляютъ изъ родительскаго дома или изъ дома ихъ воспитателей. Нѣкоторыхъ дѣтей даже невозможно бываетъ уговорить уѣхать изъ дома. Въ убѣжищахъ эта непріятность избѣгается тѣмъ, что дѣти на ночь возвращаются къ родителямъ или воспитателямъ. Другая причина заключается въ экономическихъ условіяхъ. Когда дѣти уѣзжаютъ на четыре или шесть недѣль въ каникулярныя колоніи, имъ приходится брать съ собой извѣстный запасъ бѣлья и платья. Запасъ этотъ опредѣляется правилами колоній. Такая экипировка колониста требуетъ расходовъ, которые не по силамъ многимъ рабочимъ семьямъ. Поэтому каникулярные колонисты большей частью набираются изъ болѣе состоятельныхъ семействъ рабочихъ, затѣмъ изъ семействъ ремесленниковъ и чиновниковъ. Бѣдные, а главнымъ образомъ бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ, которымъ уходъ въ колоніяхъ нужнѣе всего, почти всегда остаются за бортомъ. Въ противоположность каникулярному колонисту питомцу убѣжища для дѣтскаго отдыха не нужно особой экипировки, такъ какъ онъ на ночь возвращается въ родительскій домъ. Въ крайнемъ случаѣ приходится только починить сапоги или поспѣшить съ покупкой новыхъ.

Во главѣ каждаго такого убѣжища стоитъ врачъ, хозяйство и уходъ за больными дѣтьми поручены сестрѣ, въ ея вѣдѣніи находится прислуга. Для присмотра и занятій съ питомцами приставлены двѣ-три фребелички. Часть дѣтей репетируется городскими учителями. Между питом-

цами преобладаютъ туберкулезные и золотушные больные, включая сюда и дѣтей съ туберкулезомъ легкихъ и суставовъ; за ними слѣдуютъ страдающія болѣзнями сердца, анемичныя, нервныя, рахитики. По образцу убѣжища въ Шёнгольцѣ устроены таковыя въ большихъ размѣрахъ около Вѣны, Шарлоттенбурга и Данцига. Убѣжище для дѣтскаго отдыха послужило технически-экономическимъ основаніемъ лѣсной школы.



Каникулярныя экскурсіи.

Вальтера Шуберта.

Въ романѣ одного бродяги разсказывается, какъ еще неиспорченный, но наружно падшій подмастерье обратился за помощью въ благотворительное общество. Ему отвѣтили вопросомъ, въ какомъ смирительномъ домѣ онъ уже содержался, а когда онъ принужденъ былъ сознаться, что еще не посѣщалъ подобнаго заведенія, ему отвѣтили, ссылаясь на уставъ, что, къ сожалѣнію, онъ въ такомъ случаѣ не можетъ разсчитывать на помощь. Это, конечно, всякому покажется и печальнымъ и смѣшнымъ; но въ воспитаніи нашего юношества совершенно такой же принципъ играетъ очень значительную роль. Какъ много дѣлается обществами и частными людьми въ пріютахъ, колоніяхъ и т. д. для физически или умственно слабаго ребенка и какъ мало помощи достается ребенку нормальному! Конечно, состраданіе къ несчастнымъ пасынкамъ природы оправдываетъ многое и надо принять во вниманіе, что при относительно большемъ числѣ нормальныхъ дѣтей расходы оказались бы слишкомъ большими, но не слѣдуетъ забывать, что капиталы, затраченные на нормальнаго человѣка, могутъ современемъ принести человѣчеству какъ реальные, такъ и идейные проценты. Въ настоящее время многія городскія управленія считаютъ долгомъ чести поддерживать школы для неспособныхъ дѣтей, пріюты для калѣкъ, лѣтнія колоніи и полуколоніи и содержать хорошихъ учителей для небольшого количества полуидіотовъ; но зато школы обыкновенныя переполнены, и для нихъ урѣзываютъ расходы со

Въ пути.

всѣхъ сторонъ. А если кто-нибудь рѣшается устроить какое-нибудь благотворительное заведеніе для здоровыхъ или еще не заболѣвшихъ дѣтей, или задумываетъ проложить имъ путь къ дальнѣйшей жизни, то ему нерѣдко приходится наткуться на сопротивленіе тѣхъ, кто, придерживаясь повидимому благородной, но страшно непрактичной традиціи, посвятилъ всю свою любовь обездоленнымъ судьбой.

Въ этомъ-то и заключается главная причина, почему заботы о нормальныхъ дѣтяхъ встрѣчаютъ такъ мало сочувствія и почти не имѣютъ успѣха. Другія націи въ этомъ отношеніи опередили народъ мыслителей и поэтовъ, но и у насъ теперь уже зарождаются начинанія, обѣщающія развиться. Съ изученіемъ дѣтскихъ и народныхъ игръ въ воспитаніе юношества проникла свѣжая струя, и скоро пришли къ убѣжденію, что экскурсіи также представляютъ настоящее образовательное средство для тѣла и ума; но на практикѣ еще очень мало сдѣлано въ этой области. Правда, теперь нѣтъ ни одного среднеучебнаго заведенія, которое не дѣлало бы съ своими учениками однодневныхъ или болѣе продолжительныхъ экскурсій, на которыя теперь смотрятъ иначе, чѣмъ прежде, когда онѣ предпринимались лишь для того, чтобы на нѣкоторое время освободить немного дѣтей отъ дисциплины. Планомѣр-

ныхъ же повтореній такихъ экскурсій, необходимыхъ для того, чтобы пріучать дѣтей къ умѣнью путешествовать и возбуждать въ нихъ любовь къ путешествіямъ, еще и теперь нигдѣ почти не встрѣчается, если не находятся единичныя личности, которыя берутся за это дѣло, большей частью учителя гимнастики. Въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ среднія школы, ученикамъ которыхъ родители все же иногда доставляютъ возможность путешествовать, находятся народныя школы.

Юношескому возрасту сами по себѣ необходимы вышеупомянутыя экскурсіи; дѣтскому уму и дѣтскому тѣлу, кромѣ родительскаго и школьнаго воспитанія, о которомъ собственно здѣсь идетъ рѣчь, нужна свобода движеній, нужно развитіе, которыя даются имъ лишь во время свободнаго общенія съ природой. Недостатки физическаго развитія нашихъ школьниковъ составляютъ печальное явленіе и большей частью оставляютъ желать многаго, особенно въ большихъ городахъ и промышленныхъ селеніяхъ. Это доказывается не только внѣшнимъ видомъ, но и статистическими данными, а также и тѣмъ, что цѣлыя массы дѣтей, уже назначенныхъ кандидатами въ колоніи и полуколоніи, должны уступать мѣсто такимъ же массамъ еще болѣе слабыхъ товарищей. Мы особенно настаиваемъ на послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что оно, можетъ быть, заставитъ призадуматься тѣхъ, кто склоненъ обращать все свое вниманіе на болѣе слабыхъ дѣтей въ ущербъ менѣе слабымъ. Малокровіе, слабость нервовъ и костей встрѣчаются и у болѣе здоровыхъ дѣтей, и здѣсь лѣченіе воздухомъ является самымъ лучшимъ средствомъ, а привычка взрослыхъ разумно пользоваться своимъ отдыхомъ могла бы уменьшить вредъ наслѣдственности. Но, обращая вниманіе на физическое состояніе дѣтей, не слѣдуетъ забывать ихъ духовной жизни, а для этого необходимо знакомить ихъ съ природой и дѣйствительностью, организуя систематичныя экскурсіи.

Нельзя просто сказать, что это обязана дѣлать школа, слѣдуетъ прежде спросить, можетъ ли въ настоящее время или въ недалекомъ будущемъ взяться за это школа? Большей частью это для нея совершенно невозможно; для этого необходима совершенно другая школьная организа-

ція, которой мы не скоро дождемся при настоящемъ недостаткѣ пониманія, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ, несмотря на всѣ увѣщанія и призывы, несмотря на всѣ предложенія и даже нѣкоторыя начинанія. Пока школа является учрежденіемъ, въ которомъ въ теченіе нѣсколькихъ правильно распредѣленныхъ часовъ изъ дѣтей «дрессируютъ взрослаго человѣка», пока учебный матеріалъ диктуется традиціей и заботой о будущемъ, ребенокъ всегда будетъ прикованъ къ скамьѣ, несмотря на то, что по временамъ начальство и ослабляетъ ему поводья. Да, Англія, Америка и Японія счастливыя страны, въ ихъ школахъ нѣтъ остатковъ средневѣковья, которые какъ свинцовыя гири тормозятъ будущность! Но осуществленіе нашей идеи въ извѣстной степени возможно и въ настоящей народной школѣ, и за послѣднее время мы имѣли счастье видѣть школьныя программы, въ которыя входили обязательныя образовательныя экскурсіи; приходится только опасаться, что эти экскурсіи будутъ лишены своей естественной прелести, которая заключается именно въ могущихъ встрѣтиться случайностяхъ, если и для нихъ будутъ выработаны планомѣрныя программы. Поэтому въ настоящее время мы будемъ только стараться организовать экскурсіи параллельно съ школьнымъ образованіемъ Этимъ учрежденіямъ придется даже отказаться отъ слишкомъ большого вліянія школы — какова она теперь — какъ относительно всей системы, такъ и относительно подробностей. Я сказалъ о вліяніи школы, но относительно педагогики вообще я долженъ сказать, что учрежденія эти обязательно должны подчиняться ея правиламъ. Несмотря на это, учрежденія эти будутъ служить школѣ, какъ другъ служитъ другу, и представители школы, какъ высшей, такъ и низшей, хорошо сдѣлаютъ, если постараются, чтобъ эта дружба была какъ можно искреннѣе. Это можетъ осуществиться, если учителя не откажутся указывать ученикамъ на преимущества экскурсій вообще, будутъ рекомендовать имъ участвовать въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ и по возможности доставлять для этого средства. Это не можетъ повредить ни достоинству учителя, ни достоинству школы. Прекрасно было бы, если бы начальство школы смотрѣло на участіе въ такихъ путеше-

ствіяхъ какъ на награду, и часть денегъ, которыя тратятся на покупку наградныхъ книгъ, употребило бы на поддержку рекомендуемаго нами предпріятія. Во многихъ среднихъ школахъ уже существуютъ стипендіи на путешествія, но, къ сожалѣнію, за пользованіемъ ими нѣтъ достаточнаго наблюденія. Какую услугу путешествія оказываютъ школамъ, можно понять безъ всякихъ объясненій; польза ихъ зависитъ отъ продолжительности и организаціи экскурсій. Во всякомъ случаѣ мы ожидаемъ значительнаго расширенія взгляда на это предпріятіе, что должно благотворно дѣйствовать на изученіе дѣйствительной жизни и повысить способность образнаго мышленія. Было бы очень желательно, чтобы въ школахъ такъ часто предлагаемый вопросъ: «что это такое?» на который дѣти большей частью даютъ неловкіе и малопонятные отвѣты, замѣнили вопросомъ: «гдѣ это находится?» который послужилъ бы волшебной палочкой, вызывающей реальное воспоминаніе, которое ребенокъ безъ труда и съ удовольствіемъ опишетъ безыскусственными словами. При свободномъ путешествіи нѣтъ надобности довольствоваться однимъ разсматриваніемъ и даже наблюденіемъ объектовъ. Видимые предметы могутъ слиться съ дѣтскими идеями и интересами путемъ игръ и различныхъ занятій, при чемъ не только возбуждаются удовольствіе и любовь дѣтей къ природѣ, но и оригинальное воспріятіе ея. Большую пользу могутъ принести такія путешествія занятіямъ искусствами въ школахъ. Вѣдь путешествія эти сближаютъ дѣтей съ природой, даютъ имъ возможность не только понять, но и прочувствовать ее, а именно такимъ только образомъ зарождается любовь къ истинному искусству. Вообще эти экскурсіи должны обогатить не только умственную, но и душевную жизнь дѣтей, чего почти никогда или очень рѣдко можетъ достигнуть самый искусный учитель при самомъ удачномъ преподаваніи. Затѣмъ въ воспитательномъ отношеніи эти экскурсіи также имѣютъ очень важное значеніе и могутъ дать гораздо больше, чѣмъ школа или просто игры. Что дѣти, получивъ совершенно другое понятіе о природѣ, иначе къ ней и относятся, понятно само собой. Но и отношенія ихъ къ людямъ, которыхъ они могутъ наблюдать за работой и съ которыми иногда всту-

паютъ въ разговоры, совершенно видоизмѣняются. Они знакомятся со многими работами, которыя казались имъ совершенно механическими и на которыя они потому смотрѣли съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, пріучаются смотрѣть на нихъ совсѣмъ съ другой стороны, и многіе простые люди заслужатъ ихъ уваженіе, которое можетъ произвести цѣлый переворотъ въ ихъ соціальномъ сознаніи. А продолжительная совмѣстная жизнь самыхъ разнообразныхъ индивидуальностей! Какъ она способствуетъ пониманію и желанію понять другъ друга, способствуетъ оцѣнкѣ многихъ качествъ, на которыя не обращалось вниманія въ школѣ, но которыя оказывались очень важными въ практической жизни; при этомъ развивается готовность помочь другъ другу и пріобрѣтается ловкость и умѣнье на этой почвѣ, что обыкновенно достигается съ трудомъ. Неудобства въ пути безъ всякаго принужденія приводятъ дѣтей къ убѣжденію, что при мелкихъ непріятностяхъ надо помогать другъ другу и что первый соціальный законъ состоитъ въ томъ, чтобъ одинъ служилъ другому. Ко всему этому присоединяется самовоспитаніе, составляющее живую противоположность тому пассивному — чтобы не сказать тупому — стѣсненію, которому подвергаютъ дѣтей въ нашихъ школахъ. Часто приходится подавить минутный капризъ или неудовольствіе, преодолѣть какое-нибудь препятствіе, перенести непріятность, и все это дѣлается въ соревнованіи съ товарищами въ виду общей—и что важнѣе всего—идейной цѣли.

Во всемъ этомъ заключается великое значеніе такихъ организованныхъ путешествій для общественной жизни. Тотъ, кто воспитался въ такихъ принципахъ, съ большимъ пониманіемъ отнесется ко всѣмъ проявленіямъ жизни и съ большей энергіей будетъ сопротивляться или служить имъ, чѣмъ ученый буквоѣдъ. Такой человѣкъ даетъ меньше повода жаловаться на огрубѣлость развлеченій, потому что удовольствіе путешествовать и любовь къ природѣ сдержатъ въ немъ влеченіе къ недостойному поведенію, которое, хотя и встрѣчается теперь больше въ низшихъ слояхъ общества, все же легко можетъ перейти и въ высшее. Однимъ призывомъ: «Вернитесь къ природѣ!» ничего не сдѣлаешь. Надо умѣть пріобрѣтать послѣдователей это-

го призыва, а главнымъ образомъ пріучить къ природѣ юношество.

Переходя къ подробностямъ, приходится прежде всего сообразоваться съ продолжительностью поѣздокъ, отъ которой, понятно, зависятъ цѣль, техническая сторона и результаты поѣздки. Самыя продолжительныя поѣздки длятся отъ 8 до 14 дней, и во время нихъ участники, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, обходятъ иногда очень значительныя пространства, часто переживаютъ различныя приключенія и должны быть готовы ко всевозможнымъ неожиданностямъ, но зато пріобрѣтаютъ запасъ новыхъ воззрѣній и опытовъ. Такія путешествія требуютъ совсѣмъ особой подготовки со стороны руководителей, а также и со стороны участниковъ и потому очень желательно, чтобы въ видѣ подготовки дѣлались экскурсіи, описанныя ниже. Для нихъ необходимы дѣти, которыя въ силахъ выдержать извѣстное напряженіе силъ, и потому для руководителей, родителей и дѣтей очень важно имѣть въ этомъ случаѣ свидѣтельство врача. Кромѣ того требуется еще извѣстная умственная зрѣлость; слишкомъ маленькія и неспособныя дѣти очень скоро утомляются вслѣдствіе разнообразныхъ впечатлѣній, мучаютъ и себя и товарищей и пріобрѣтаютъ отъ поѣздки слишкомъ мало пользы сравнительно съ затратой силъ и средствъ. Вообще не слѣдуетъ вести дѣтей сразу слишкомъ далеко, и я нахожу, что очень рискованно отправиться съ гамбургскими дѣтьми прямо на Альпы. Это можетъ утомить дѣтскій умъ и только притупить его. Затѣмъ дѣти вслѣдствіе этого съ пренебреженіемъ относятся къ тому, что находится рядомъ съ ними и что также достойно вниманія. Это очень нежелательно. И затѣмъ на затраченныя на такое далекое путешествіе деньги могло бы провести цѣлый рядъ пріятныхъ и поучительныхъ дней вдвое большее количество дѣтей поблизости. Никто не скажетъ, что Гарцъ будетъ недостаточно интересенъ дѣтямъ — уроженцамъ города и равнины. Я имѣлъ счастье водить дѣтей изъ Лейпцига въ саксонскія Рудныя горы, и мнѣ кажется, что я могу утверждать, что они вынесли изъ этой экскурсіи большую пользу. Я могъ дать дѣтямъ гораздо больше подробныхъ объясненій, чѣмъ былъ бы въ состояніи сдѣлать это при такомъ разнообразіи, какое

представляютъ Альпы. Участниковъ этой экскурсіи подготовляли къ ней, предварительно указавъ имъ на все достойное вниманія и совершивъ съ ними нѣсколько экскурсій въ близъ лежащія мѣстности. До начала путешествія были уже наняты квартиры, чтобъ избѣжать непріятности остаться безъ крова въ чужой мѣстности. Былъ также сдѣланъ экспериментъ совершить подобное путешествіе на цыганскій ладъ, ночуя въ сараяхъ и возя за собой припасы и матеріалы для палатокъ, при чемъ пищу приготовляли сами во время приваловъ; но я не могу одобрить такой романтичности, которая въ наше время представляется дѣланной и театральной, несмотря на то, что защитники такого способа путешествій находятъ ихъ полезными для закаливанья тѣла и образованія характера. Но этого можно достигнуть и при удобно организованныхъ экскурсіяхъ.

Еще дешевле обходятся такія экскурсіи, когда въ удобной мѣстности устраивается квартира, изъ которой уже затѣмъ отправляются по разнымъ направленіямъ для ознакомленія съ окрестностями. Такая система даетъ возможность включить въ число участниковъ и болѣе слабыхъ дѣтей, продолжить экскурсію въ данной мѣстности и гарантируетъ безопасность при плохой погодѣ.

Еще доступнѣе устраивать экскурсіи въ окрестности родного города, подобныя тѣмъ, какія устраиваетъ «Общество Народной Гигіены» въ Лейпцигѣ. Что онѣ излишни, никто еще не рѣшался утверждать, но нѣкоторые замѣчали, что онѣ составляютъ дѣло родителей. Вѣрно ли это? Многіе родители не имѣютъ для этого времени, многіе совсѣмъ ихъ не желаютъ, а другіе не умѣютъ за нихъ взяться, потому что при этихъ экскурсіяхъ на первый планъ выдвигается образовательный принципъ, и настоящіе руководители стремятся дѣйствовать именно въ этомъ направленіи. Конечно, нельзя не признать пользы экскурсій, когда онѣ организуются не съ образовательною цѣлью, а главнымъ образомъ съ цѣлью охраненія дѣтей, до крайности уменьшая расходы на поѣздки и тѣмъ давая возможность самымъ бѣднымъ родителямъ спасать своихъ дѣтей отъ вреднаго вліянія улицы. Такая система, конечно, приноситъ большую пользу и тѣлу и душѣ ребенка, но все же, ко-

На отдыхѣ.

гда приходится соединять дѣтей, не обращая вниманія на ихъ количество, возрастъ и способности, руководителямъ почти невозможно оказать глубокое воспитательное вліяніе на всю эту незнакомую массу. Если такое вліяніе желательно, группы должны быть по возможности малочисленныя (не больше 30 человѣкъ въ каждой), составъ группы долженъ быть одинъ и тотъ же для цѣлаго періода экскурсій, подробности каждаго путешествія должны быть выработаны съ особенной заботливостью, что все требуетъ продолжительной работы руководителей. Прибавлю еще слѣдующее: экскурсіи должны дѣлаться отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера; дѣти должны имѣть при себѣ свою дневную провизію; поѣздки по желѣзнымъ дорогамъ по возможности избѣгаются; напротивъ, пѣшеходными дорогами широко пользуются, для того, чтобы дѣти могли побѣгать и поиграть; путешествіе чередуется съ играми и ручнымъ трудомъ; черезъ каждые два дня назначается отдыхъ; рисующимъ дѣтямъ доставляется возможность упражнять свои способности отдѣльными группами; руководителю предоставляется величайшая свобода, чтобъ онъ, слѣдуя собственнымъ наклонностямъ, могъ съ любовью знакомить дѣтей съ природой и жизнью; библіотеки должны

доставлять ему возможность разрѣшать всевозможные вопросы, какъ для себя лично, такъ и для дѣтей.

Кромѣ того я рекомендую еще начинать съ однодневныхъ путешествій въ ближайшія окрестности родного города, затѣмъ уже посѣщеніе болѣе отдаленныхъ мѣстностей съ квартирой для остановки, и, наконецъ, болѣе продолжительное путешествіе изъ одной мѣстности въ другую, обращая при этомъ особенное вниманіе на тѣхъ дѣтей, которыя выказали наибольшій интересъ и лучше всего воспользовались предыдущими поѣздками.

Лѣсныя школы.

Доктора Нейферта.

Множество дѣтей болѣютъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія и вредныхъ жилищныхъ условій. Въ большихъ городахъ эта опасность еще усиливается все большимъ и большимъ недостаткомъ въ садахъ и паркахъ и вообще въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣти могли бы пользоваться подвижными играми на воздухѣ и солнцѣ.

Часть вины падаетъ въ этомъ случаѣ также и на школу. Значительное число дѣтей съ слабымъ здоровьемъ не можетъ успѣшно развиваться ни умственно, ни физически въ нашихъ народныхъ школахъ при умственномъ напряженіи во время четырехъ или даже пяти часовъ преподаванія въ часто сильно переполненныхъ классахъ. Такое на-

пряженіе совсѣмъ имъ не по силамъ; рекреаціи достаточны для здоровыхъ, но никакъ не для болѣзненныхъ дѣтей, а неправильное распредѣленіе каникулъ также не можетъ удовлетворить ихъ потребности въ отдыхѣ. Школьный врачъ и учитель постоянно замѣчаютъ, что многія дѣти къ послѣднимъ урокамъ вслѣдствіе физическаго переутомленія чувствуютъ полный упадокъ силъ. Въ концѣ концовъ имъ приходится цѣлыми недѣлями не учиться, а такъ какъ они большей частью не въ состояніи заполнить образовавшагося пробѣла, то и остаются въ томъ же классѣ еще на годъ и, наконецъ, выходятъ изъ школы съ слабымъ тѣломъ и плохимъ умственнымъ развитіемъ.

Эти вредныя послѣдствія для здоровья уже нѣсколько лѣтъ съ все возрастающимъ успѣхомъ старались устранить основаніемъ каникулярныхъ колоній и лѣсныхъ убѣжищъ для дѣтскаго отдыха. На плохое вліяніе неправильнаго посѣщенія школы, на умственное развитіе обращали очень мало вниманія; дѣлу вредили еще и тѣмъ, что дѣтей отправляли въ каникулярныя колоніи и лѣсныя убѣжища даже во время школьныхъ занятій, не стараясь пополнить происходившіе вслѣдствіе этого пробѣлы. Школьный совѣтъ въ Шарлоттенбургѣ, одинаково заботившійся какъ о физическомъ, такъ и объ умственномъ развитіи дѣтей, распорядился, чтобы дѣтямъ, посланнымъ въ каникулярныя колоніи еще до наступленія лѣтнихъ каникулъ, во время лѣта преподавались главные предметы и такимъ образомъ было вознаграждено потерянное время. Еще болѣе дѣйствительнымъ оказался другой опытъ: самыхъ болѣзненныхъ дѣтей лѣтомъ распредѣляли по классамъ, смотря по ихъ знаніямъ и способностямъ и затѣмъ уже, считаясь съ этимъ, выбирали мѣстопребываніе, питаніе, учебную программу и методъ преподаванія. Такимъ образомъ возникла школа въ лѣсу въ связи съ однимъ дневнымъ убѣжищемъ для дѣтскаго отдыха, а именно шарлоттенбургская лѣсная школа, которая была открыта 1 августа 1904 г.

Она поставила себѣ цѣлью укрѣпить въ продолженіе лѣта мало способныхъ дѣтей самыми простыми медицинскими и гигіеническими средствами — здоровой, но простой пищей, продолжительнымъ пребываніемъ на хорошемъ лѣсномъ воздухѣ, на солнцѣ и купаньемъ и въ то же время

настолько подвинуть ихъ знанія посильнымъ преподаваніемъ, чтобы они могли итти наравнѣ съ товарищами по возвращеніи своемъ въ школу.

Выборъ дѣтей предоставленъ школьнымъ врачамъ. Одинъ изъ нихъ дѣйствуетъ, какъ врачъ лѣсной школы. Онъ обязанъ подробно изслѣдовать дѣтей при пріемѣ, а во время курса лѣченья слѣдить за здоровьемъ каждаго изъ нихъ.

Въ первые два года своего существованія лѣсная школа могла принять до 120 дѣтей, въ 1906 г. число это увеличилось до 240. Учительскій персоналъ состоитъ изъ 6 учителей и 3 учительницъ приходскихъ школъ, которыя почти цѣлый день проводятъ съ дѣтьми.

Программа такая же, какая принята въ соотвѣтствующихъ классахъ народной школы, но учебный матеріалъ, особенно требующій исключительно памяти, сокращается. Такъ какъ въ классахъ, состоящихъ не болѣе, какъ изъ 20 учениковъ, учитель можетъ больше обращать вниманія на каждаго изъ нихъ и ему легче считаться съ индивидуальностью дѣтей, чѣмъ въ приходской школѣ, гдѣ въ классѣ бываетъ 40—50 учениковъ, то число уроковъ нашли возможнымъ сократить до 2—3 часовъ въ день.

Мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ. Это не только не вредило дѣлу, но принесло ему пользу во многихъ отношеніяхъ. Большей частью чистоплотныя и благонравныя дѣвочки имѣли хорошее вліяніе на манеры и обращеніе мальчиковъ. Многимъ неподвижнымъ и флегматичнымъ мальчикамъ было непріятно, если сидѣвшая рядомъ съ ними живая дѣвочка постоянно раньше ихъ поднимала руку на вопросъ учителя, и они начинали серьезно стараться не отставать отъ своей сосѣдки. Дѣвочки съ своей стороны брали примѣръ съ большаго спокойствія мальчиковъ и отвѣчали обдуманнѣе.

Какъ программа, такъ и методъ преподаванія и самый тонъ его приноравливаются къ особымъ условіямъ здоровья дѣтей. На физическій отдыхъ и здоровье обращается особое вниманіе. Вслѣдствіе этого не допускаются воспитательныя средства, могущія повредить поправленію здоровья дѣтей, напр., лишеніе какой-нибудь ѣды. Палка совсѣмъ изгнана, а съ ней и рѣзкій выговоръ, насмѣшка и сарказмъ;

учитель долженъ быть остороженъ и не злоупотреблять порицаніемъ и, напротивъ, щедро расточать похвалу, одобреніе и всѣ знаки родительскаго благоволенія. Это относится не только къ урокамъ, но и ко всему остальному времени.

Лѣсная школа построена въ высокомъ сосновомъ лѣсу, въ 10 минутахъ ходьбы за послѣдними домами западной части города. Оригиналомъ для наружнаго вида построекъ послужили лѣсныя убѣжища для дѣтскаго отдыха, учрежденныя «Отечественнымъ женскимъ союзомъ». Проволочный заборъ отдѣляетъ участокъ лѣса въ почти два гектора. За нимъ находятся три барака и нѣсколько меньшихъ зданій, большей частью изъ легкаго лѣса. Хозяйственный баракъ, подаренный «Отечественнымъ женскимъ союзомъ», заключаетъ въ себѣ большую кухню, просторную комнату для завѣдывающей сестры и три маленькія комнаты, служащія столовой и спальнями кухарокъ. Къ этому бараку присоединяются еще легкія досчатыя пристройки: комната для мытья посуды, подвалъ для картофеля и овощей, сарайчикъ для дровъ, погребъ для молока, въ которомъ земляная насыпь поддерживаетъ прохладу, и затѣмъ комнатки, въ которыхъ умываются мальчики и дѣвочки.

Передъ хозяйственнымъ баракомъ подъ высокими деревьями разставлены длинные ряды простыхъ столовъ и лавокъ, одинъ столъ и двѣ лавки для каждаго класса; высота ихъ сообразуется съ возрастомъ дѣтей.

Въ сторонѣ находится уборная, построенная также изъ легкаго дерева.

Въ одномъ школьномъ баракѣ находятся двѣ, въ другомъ три большія, свѣтлыя классныя комнаты, снабженныя прекрасной вентиляціей, и столько же боковыхъ комнатъ необходимыхъ для помѣщенія учителей и учебныхъ пособій. Всѣ двери, во избѣжаніе сквозного вѣтра, ведутъ не прямо въ лѣсъ, а сначала выходятъ въ небольшія сѣни. Классныя снабжены не обычными школьными приспособленіями, а шестью легко складывающимися столами и простыми деревянными стульями различной величины. По обѣимъ сторонамъ зданія сдѣланы легкія пристройки для храненія платья. Во время дождя дѣти находятся въ двухъ большихъ галлереяхъ, обращенныхъ на югъ, защищенныхъ перилами и крышей.

Водопроводъ оказался полезнымъ и для купанья дѣтей. До самыхъ прохладныхъ осеннихъ мѣсяцевъ тѣмъ дѣтямъ, которымъ это не было запрещено врачомъ, усердно дѣлались души. Кромѣ того дѣлались также теплыя ванны, а для золотушныхъ дѣтей еженедѣльно приготовлялись 2—3 раза лѣчебныя ванны.

Вдали отъ школьнаго барака у основанія холмистой мѣстности установлены гимнастическія принадлежности, на которыхъ мальчики и дѣвочки съ удовольствіемъ упражнялись даже внѣ уроковъ гимнастики.

Послѣобѣденный сонъ.

У главнаго входа передъ школьнымъ баракомъ и еще гдѣ только возможно, посажены цвѣты и декоративные кустарники, не только для украшенія школы, но главнымъ образомъ для того, чтобы доставить дѣтямъ полезное занятіе и развить въ нихъ любовь къ красотѣ. Дѣвочки, разъ полюбившія ухаживать за цвѣтами, позднѣе непремѣнно пожелаютъ украсить ими свое собственное жилище и придать такимъ способомъ уютность самой простой обстановкѣ.

Дѣти являются въ лѣсную школу рано, уже въ три четверти восьмого, близко живущія пѣшкомъ, а дальнія на трамваѣ. Содержаніе учениковъ взялъ на себя «Отече-

ственный женскій союзъ». Средства для него доставляетъ плата за дѣтей, которыя получаютъ первый и второй завтракъ, обѣдъ, молоко между обѣдомъ и ужиномъ и, наконецъ, самый ужинъ; за обѣдомъ ежедневно подается мясо, картофель, овощи или какіе-нибудь стручки; среднимъ числомъ каждому ребенку достаются 100g. мяса и 200g. приправы. За завтракомъ и ужиномъ дѣти получаютъ молоко и хлѣбъ съ масломъ. Количество ѣды не опредѣляется, но соразмѣряется съ аппетитомъ каждаго ребенка. Очень немногіе родители, посылающіе своего ребенка въ лѣсную школу, могли бы доставить ему такую вкусную и здоровую пищу.

Послѣ обѣда дѣти по предписанію врача лѣсной школы должны отдыхать два часа, и съ этой цѣлью пріобрѣтены кушетки и шерстяныя одѣяла. Первыя недѣли многимъ дѣтямъ было очень тяжело смирно пролежать въ продолженіе цѣлаго часа, но учителя сумѣли настоять на своемъ, и интересно было наблюдать, какъ большая часть дѣтей постепенно привыкала засыпать въ положенное время.

Преподаваніе, насколько это допускаютъ погода и преподаваемый предметъ, происходитъ на открытомъ воздухѣ. Оно начинается въ 8 часовъ. Чтобы не утомить дѣтей, уроки продолжаются только полчаса; послѣ каждаго получасового урока полагается пятиминутный, а послѣ часового урока десятиминутный перерывъ. Больше двухъ часовъ уроки никакъ не должны продолжаться. Въ то время, какъ нѣкоторые классы присутствуютъ на урокахъ, остальныя дѣти занимаются чѣмъ хотятъ, играютъ, дѣлаютъ гимнастику, занимаются рукодѣльемъ или учатся. Мальчики особенно охотно копаются въ пескѣ и возводятъ изъ него постройки, и то, чему они научились во время уроковъ землевѣдѣнія, тотчасъ же воспроизводится ими въ фантастическихъ сооруженіяхъ.

Послѣ обѣда сверстники соединяются для общей игры. Дѣти большихъ городовъ сначала совсѣмъ были незнакомы съ подвижными играми на воздухѣ; болѣзненныя дѣти, собранныя въ лѣсной школѣ, не могли принимать въ нихъ участія вслѣдствіе преувеличеннаго страха родителей за ихъ здоровье. Но такъ какъ въ лѣсной школѣ врачъ самъ опредѣляется, насколько каждый ребенокъ можетъ принимать

участіе въ играхъ, подобныя опасенія являются излишними. Скоро всѣ дѣти играли очень охотно, и игра являлась и прекраснымъ врачомъ, и прекраснымъ воспитателемъ.

Такой образъ жизни и преподаванія далъ поразительно быстро самые благопріятные результаты; уже черезъ нѣсколько недѣль блѣдныя щечки покрылись румянцемъ, тусклые глазки заблестѣли, движенія сдѣлались живѣе, весь организмъ окрѣпъ и могъ уже хорошо выдерживать всякія перемѣны погоды. Несмотря на иногда очень неблагопріятную осень, совсѣмъ не наблюдалось простудныхъ болѣзней.

Измѣреніе количества гемоглобина въ крови (по Тальквисту) дало очень удовлетворительные результаты; изслѣдованія, произведенныя у 16 дѣтей, указывали на улучшеніе среднимъ числомъ на 22,2%. Также благопріятно оказалось улучшеніе дыханія.

Школьный врачъ, докторъ Бендиксъ, заявляетъ, что у 25% наблюдаемыхъ дѣтей наступило полное исцѣленіе, а у 62% — существенное улучшеніе здоровья. Онъ заканчиваетъ свой отчетъ такими словами: «Если принять во вниманіе всѣ факторы, которыми воспользовались для здоровья дѣтей, то можно сказать, что и въ 1905 г. шестимѣсячное пребываніе въ лѣсной школѣ дало блестящіе результаты. Вѣсъ всѣхъ дѣтей, исключая двухъ, поразительно увеличился; малокровіе въ большинствѣ случаевъ улучшилось или совсѣмъ излѣчилось; у золотушныхъ дѣтей совершенно исчезли опухоли железъ, и почти излѣчились спутники золотухи — воспаленіе глазъ, уха и сыпи; болѣзни сердца и легкихъ улучшились, насколько это было возможно при этихъ страданіяхъ и въ такое короткое время».

Поведеніе дѣтей было хорошее. Несмотря на мягкость и снисходительность учителей, шалости и непослушаніе наблюдались съ каждымъ мѣсяцемъ все рѣже и рѣже. Дѣтей пріучали къ чистотѣ, порядку, пунктуальности и къ уступчивости другъ другу. Жизнь въ мирномъ лѣсномъ уголкѣ, вдали отъ всякихъ вредныхъ вліяній, постоянное общеніе съ образованными людьми, живое чувство благодарности за все хорошее, которымъ они пользовались, побуждали дѣтей оказаться достойными той заботливости, которой ихъ окружали. Любовь и ласка самые испытанные воспитатели.

Еще замѣтнѣе было усиленіе вниманія учениковъ; оно шло рука объ руку съ улучшеніемъ здоровья, что еще разъ служитъ доказательствомъ, что невниманіе не всегда происходитъ отъ нежеланія, этого не должны забывать учителя.

Въ первыя недѣли успѣхи учениковъ заставляли опасаться, что пробѣлы, происшедшіе вслѣдствіе частыхъ манкировокъ, не будутъ заполнены при двухчасовомъ преподаваніи и что такимъ образомъ цѣль лѣсной школы не будетъ достигнута. Но это скоро измѣнилось, и успѣхи съ каждымъ мѣсяцемъ улучшались. Въ концѣ концовъ учителя лѣсной школы пришли къ тому соглашенію съ

Урокъ естественной исторіи подъ открытымъ небомъ.

учителями приходской школы, въ которую снова вступили зимой ученики лѣсной школы, что послѣдніе нисколько не отстали отъ своихъ товарищей.

Изъ этого слѣдуетъ, что можно хорошо укрѣпить здоровье болѣзненныхъ дѣтей, не нанося ущерба ихъ умственному развитію.

Но часть дѣтей къ закрытію лѣсной школы въ концѣ октября еще не настолько окрѣпла, чтобы выдержать напряженіе школьныхъ занятій, особенно при возвращеніи къ плохимъ условіямъ жилища и питанія. Чтобы поддержать такихъ дѣтей въ продолженіе зимы, не повредивъ ихъ умственному и физическому развитію, слѣдовало бы принять еще слѣдующія дополнительныя мѣры: во-первыхъ, рас-

пространить курсъ лѣченья, по крайней мѣрѣ, на переходные мѣсяцы мартъ, апрѣль и ноябрь, а во-вторыхъ, устроить санаторій съ ночлегомъ для дѣтей рядомъ съ лѣсной школой; послѣдняя мѣра способствовала бы успѣху лѣченья, который задерживается благодаря тому, что дѣти принуждены проводить ночь въ нездоровыхъ помѣщеніяхъ; первая же сократила бы періодъ неправильнаго питанія и ученья и такимъ образомъ продлила бы благотворное вліяніе лѣсной школы. Расходы на это дѣло были бы невелики, такъ какъ пришлось бы дать пріютъ только небольшому числу дѣтей, нуждающихся въ лѣсной школѣ.

Третьимъ желательнымъ дополненіемъ къ лѣсной школѣ являются лѣсныя убѣжища для тѣхъ несчастныхъ дѣтей, которыя не могутъ быть приняты въ школы, а слѣдовательно и въ лѣсную школу, напр., туберкулезныя съ отдѣленіемъ мокроты, дѣти, страдающія открытой золотухой и пляской св. Витта.

Шарлоттенбургъ основалъ первую лѣсную школу. Другіе города Германіи и за границей собираются послѣдовать его примѣру.

При 21,000 приходскихъ учениковъ Шарлоттенбургъ насчитываетъ 204 ученика лѣсныхъ школъ, что въ общемъ составляетъ 1%; слѣдовательно принимаются только самыя слабыя дѣти. Для нихъ сразу былъ опредѣленъ шестимѣсячный курсъ лѣченія. Если, расширивъ лѣсную школу, дадутъ ей возможность принимать и менѣе слабыхъ дѣтей, то для нихъ будетъ достаточно трехмѣсячное или даже болѣе короткое пребываніе въ лѣсу. Но не надо забывать, что въ одномъ классѣ слѣдуетъ соединять дѣтей лишь съ равными знаніями и способностями, только тогда можно достигнуть желаемыхъ результатовъ. Объ этомъ одинаково должны заботиться какъ врачъ, такъ и педагогъ.

Глухонѣмой ребенокъ и его образованіе.

Учителя глухонѣмыхъ Эрнста Доста.

И глухъ и нѣмъ! Быть же глухонѣмымъ — значитъ двойное сердечное страданіе.

Старики тоже иногда глохнутъ. Мы съ грустью останавливаемся передъ глухой старушкой, но не жалуемся. Вѣдь золотой ключъ воспоминаній поетъ и звучитъ въ ея сердцѣ до самаго послѣдняго его удара. Не то съ ребенкомъ, глухимъ отъ рожденія. Онъ съ перваго дня вступаетъ въ міръ молчанія. Онъ никогда не испытаетъ чувства наслажденія, которое возбуждаетъ въ насъ родной языкъ, родные звуки; міръ звуковъ, выражающихся въ пѣніи и рѣчи и такъ обогащающій нашу душевную жизнь, закрытъ для него, и упоеніе дивной міровой симфоніей всегда будетъ чуждо его душѣ. Глухъ и нѣмъ! Почему это страшное сочетаніе всегда является вмѣстѣ? Это не можетъ быть иначе, потому что глухота составляетъ причину, а нѣмота неизбѣжное ея слѣдствіе. Мы научаемся рѣчи черезъ подражаніе; ребенокъ, глухой отъ рожденія, никогда не будетъ въ состояніи этого сдѣлать, потому что въ его ухо никогда не проникнетъ ни одинъ звукъ, который бы побудилъ его къ подражанію. Эта связь между глухотой и нѣмотой долго оставалась непонятной, и до сихъ поръ еще даже образованные люди не всегда понимаютъ ее.

Причину нѣмоты искали во рту и, чтобъ устранить ее,

принимали самыя безумныя мѣры, даже прибѣгали къ операціямъ органовъ рѣчи. Какъ часто въ этихъ случаяхъ долженъ былъ страдать невинный языкъ, а въ особенности язычная уздечка. Ее подрѣзали, но ребенокъ оставался нѣмымъ.

Весь разговорный механизмъ глухонѣмого ребенка почти всегда бываетъ въ полномъ порядкѣ. Маленькая говорящая машинка молчитъ лишь потому, что проводъ черезъ ухо отрѣзанъ. Гдѣ причина такого разстройства? Что послужило причиной глухоты?

I. Глухота бываетъ наслѣдственной.

1. Прямая наслѣдственность очень вѣроятна, когда отецъ или мать, или оба родителя глухи отъ рожденія. Въ городскомъ училищѣ для глухонѣмыхъ въ Берлинѣ въ настоящее время находятся ученики, происшедшіе отъ четырехъ паръ глухонѣмыхъ супруговъ; въ одномъ случаѣ глуха только мать, въ другомъ только отецъ. Какъ дѣти наслѣдуютъ способности родителей, такъ они наслѣдуютъ и ихъ слабости и недостатки. Какъ грустно, что есть еще такъ много людей, у которыхъ хватаетъ совѣсти передавать свои недостатки будущимъ поколѣніямъ!

Окажутся ли правыми тѣ идеалисты, которые вѣрятъ, что наступитъ время, когда при заключеніи браковъ будутъ принимать въ расчетъ возможность или невозможность произвести болѣе высокій типъ человѣка? Настоящая жизнь, особенно въ большихъ городахъ, не поддерживаетъ такой надежды.

2. Бываетъ и не прямая наслѣдственность. Напримѣръ, дѣти иногда избавляются отъ недостатка родителей; онъ перескакиваетъ черезъ поколѣніе или проявляется въ боковыхъ линіяхъ. Напримѣръ, бываютъ случаи, что дѣдъ только тугъ на ухо, а внукъ глухъ.

3. При бракахъ кровныхъ родственниковъ часто встрѣчаются глухія дѣти.

4. Случается, что у совершенно здоровыхъ и не связанныхъ другъ съ другомъ родствомъ родителей рядомъ съ здоровыми оказываются и нѣсколько глухонѣмыхъ дѣтей—

это совершенно загадочное явленіе. Берлинское училище для глухонѣмыхъ насчитываетъ шесть такихъ случаевъ.

5. Неблагопріятныя условія жизни родителей, плохое питаніе, сырое жилище, лишенное солнца, и т. д. способствуютъ глухотѣ.

II. Глухота пріобрѣтается.

Это особенно часто случается на первомъ и до третьяго года жизни; особенно вслѣдствіе мозговыхъ болѣзней; послѣднія не только повреждаютъ нервный аппаратъ въ ухѣ, но влекутъ за собой и другія поврежденія, напримѣръ, близорукость и часто сильно понижаютъ умственныя способности. Глухонѣмой ребенокъ часто бываетъ малъ ростомъ, слабъ, съ узкой грудью, обезображенъ сыпью, и глаза его почти всегда мутные. Это не послѣдствія глухоты, если она наслѣдственна, но послѣдствія тяжелыхъ болѣзней. Болѣзни, могущія оказаться роковыми для слуха, слѣдующія: воспаленіе мозга, припадки, конвульсіи, тифъ, скарлатина, корь. Кромѣ того глухота можетъ появиться вслѣдствіе тяжелыхъ пораненій головы, вслѣдствіе паденія, удара и т. д. Дѣти, оглохшія въ первые годы жизни, прежде, чѣмъ научились звуковой рѣчи, равняются дѣтямъ, глухимъ отъ рожденія. Тѣ, которыя оглохли между четырьмя и шестью годами, легко забываютъ рѣчь; но мать можетъ явиться ангеломъ-хранителемъ для дѣтской рѣчи. Ребенокъ такъ охотно читаетъ въ глазахъ матери. Она должна пріучать своего оглохшаго любимца смотрѣть не только въ ея глаза, но и на ея губы, должна медленно и ясно произносить сначала знакомыя слова, а потомъ маленькія фразы, повторяя ихъ нѣсколько разъ, пока ребенку, наконецъ, удастся прочесть слова по ея губамъ. Какая радость, если маленькій источникъ рѣчи не изсякнетъ и безчисленные бриллiанты—звуки рѣчи—такъ украшающіе дѣтскую душу, не погибнутъ. Тѣ дѣти, которыя оглохли на седьмомъ году жизни, большей частью сохраняютъ способность говорить. Но опасность разстройства рѣчи не перестаетъ угрожать.

Большое число глухонѣмыхъ — можетъ быть 40%—все равно, является ли глухота наслѣдственной, или пріобрѣ-

тенной — оказываются не вполнѣ глухими, но сохраняютъ небольшую частичку слуха. Нѣкоторые еще слышатъ звонъ колоколовъ, другіе слышатъ гласныя, третьи даже отдѣльныя знакомыя слова, если ихъ произносятъ прямо въ ухо или недалеко отъ него. Поэтому различаютъ слухъ, воспринимающій лишь звукъ, гласныя или слова. Такой остатокъ слуха имѣетъ громадное значеніе для практической жизни и для школы, такъ какъ онъ существенно облегчаетъ преподаваніе и придаетъ рѣчи естественную звучность.

Такимъ дѣтямъ можно пользоваться слуховой трубкой, но совсѣмъ глухимъ она не принесетъ никакой пользы. Теперь изобрѣтены самыя разнообразныя трубки, но до сихъ поръ нѣтъ еще ни одной, которая оправдала бы большія надежды тѣхъ несчастныхъ, которые молятся: «Избавь насъ отъ глухоты!» Сенсаціонные успѣхи слуховыхъ упражненій, имѣвшія цѣлью возбудить дѣятельность слухового нерва акустическими вліяніями, также принадлежатъ къ области неосуществившихся надеждъ.

Хотя статистическія данныя относительно глухоты очень неточны, мы все же приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

На 10,000 жителей глухонѣмыхъ приходится:

Въ Сѣверной Германіи	6,66.	въ Италіи	7,31.
» Нидерландахъ	3,4.	» Швеціи	10,23.
» Швейцаріи	24,5.	» Венгріи	13,43.
» Англіи	5,74.	» Зальцбургѣ	27,8.
во Франціи	6,26.	» Каринтіи	44,00.

Изъ этого видно, что въ горныхъ странахъ больше глухонѣмыхъ, чѣмъ на равнинахъ. Фактъ этотъ еще не достаточно разъясненъ. Глухота чаще встрѣчается у мужского, чѣмъ у женскаго пола. Въ 1871 г. въ Пруссіи соотношеніе въ этомъ случаѣ выражалось такъ: 100 : 85,1.

Весьма загадочно, что вѣроисповѣданія даютъ самые разнообразные проценты. Глухонѣмыхъ приходится:

на 10,000 протестантовъ	9,65.
« 10,000 католиковъ	10,27.
« 10,000 евреевъ	14,88.

Въ Берлинѣ въ настоящее время 220 глухонѣмыхъ дѣтей школьнаго возраста.

Послѣдуемъ же за глухонѣмымъ ребенкомъ отъ колыбели до конфирмаціи.

Новорожденный наслѣдникъ — хорошенькій ребенокъ, онъ гордость родителей, смѣется и плачетъ, какъ всякое другое дитя. Одно только смущаетъ, онъ не сопровождаетъ колыбельныхъ пѣсенокъ своей матери милымъ дѣтскимъ лепетаньемъ. Наступаетъ второй годъ. Ребенокъ все еще не дѣлаетъ попытокъ говорить! Тяжелая забота закрадывается въ сердце матери. Она глубоко заглядываетъ во все существо ребенка: «Скажи же «мама», моя радость!» Ребенокъ улыбается; онъ понимаетъ языкъ лица, глазъ и сердца своей матери, но уста его запечатаны. Безпокойство матери переходитъ въ невыразимый ужасъ. Старый преданный сосѣдъ даетъ лучшій, въ такомъ случаѣ, совѣтъ: «Пошлите за опытнымъ врачомъ». Врачъ является и къ удивленію матери изслѣдуетъ не ротъ, не органы рѣчи, а ухо. Онъ звонитъ въ колокольчикъ, бьетъ въ ладоши и старается, чтобы ребенокъ при этомъ не ощущалъ сотрясенія воздуха, потому что легко можно смѣшать ощущеніе чувствъ и слуха. «Вашъ ребенокъ глухъ». Страшное слово сказано. Мать заливается слезами, гордые планы отца рушатся. Слѣдуетъ все же итти къ признанному спеціалисту, къ ушному врачу, хотя въ большинствѣ случаевъ онъ уже не въ силахъ помочь. Какъ врачъ не можетъ воскресить мертваго, такъ онъ не можетъ и вдохнуть жизнь въ омертвѣлый слуховой нервъ. Кромѣ того внутреннее ухо такъ глубоко лежитъ въ чашкѣ черепа, что врачебное искусство не можетъ достигнуть до него.

У глухонѣмого ребенка совершенно такіе же духовные задатки, какъ и у ребенка, которому любящая рука природы даровала и слухъ, разница состоитъ только въ развитіи духовныхъ силъ. Между тѣмъ какъ умъ ребенка, одареннаго слухомъ, развивается прекрасно, умъ глухонѣмого остается засохшимъ цвѣткомъ. Для его развитія необходима рѣчь съ ея оцѣнкой мысли, опредѣленными понятіями, тонкостью и краткостью формъ. Безъ рѣчи не можетъ быть точнаго мышленія.

Глухонѣмой ребенокъ тоже образуетъ себѣ особый языкъ, видимый языкъ, посредствомъ жестовъ, знаковъ или пантомимы, обозначая предметы какимъ-нибудь движені-

емъ, по возможности указывая на нихъ. Если глухонѣмой указываетъ на губы, то это означаетъ слово «красный». Указывая на зубы, онъ хочетъ сказать «бѣлый», дѣлая жестъ, будто онъ рѣжетъ что-то, при чемъ лѣвой рукой какъ бы держитъ хлѣбъ, онъ хочетъ сказать «хлѣбъ». Но такой разговоръ знаками такъ бѣденъ, неопредѣленъ, расплывчатъ и чувственен, что не имѣетъ почти никакой силы для развитія ума; поэтому онъ почти не обладаетъ учебнымъ и воспитательнымъ достоинствомъ; даже его практическая польза минимальна.

Поэтому главнымъ принципомъ нѣмецкаго училища для глухонѣмыхъ является слѣдующее правило: Каждый ученикъ долженъ изучить звуковую рѣчь! Это лучшій мостъ, который мы можемъ соорудить, чтобы открыть глухонѣмому возможность сношенія съ людьми, одаренными слухомъ.

Лучше всего отдавать дѣтей въ училище для глухонѣмыхъ уже на шестомъ году и даже раньше, если при немъ есть приготовительная школа, чтобы играми и занятіями приготовить ихъ къ преподаванію.

Въ Германіи существуютъ теперь 89 заведеній для глухонѣмыхъ дѣтей.

Въ каждомъ классѣ насчитываютъ обыкновенно отъ десяти до двѣнадцати учениковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ. Всѣ они сидятъ за пюпитрами, сдвинутыми въ формѣ подковы. У открытой стороны подковы противъ окна сидитъ учитель. Такимъ образомъ каждый ученикъ можетъ видѣть ротъ учителя и товарищей.

Комната, конечно, должна быть хорошо освѣщена, такъ какъ ученики могутъ воспринимать рѣчь только глазами. И это очень понятно, такъ какъ каждая буква, когда мы ее произносимъ, требуетъ особаго положенія рта, представляетъ оптическую картину звука. Въ этомъ можно убѣдиться, медленно произнося передъ зеркаломъ слѣдующія гласныя:

а, е, и,
а, о, у.

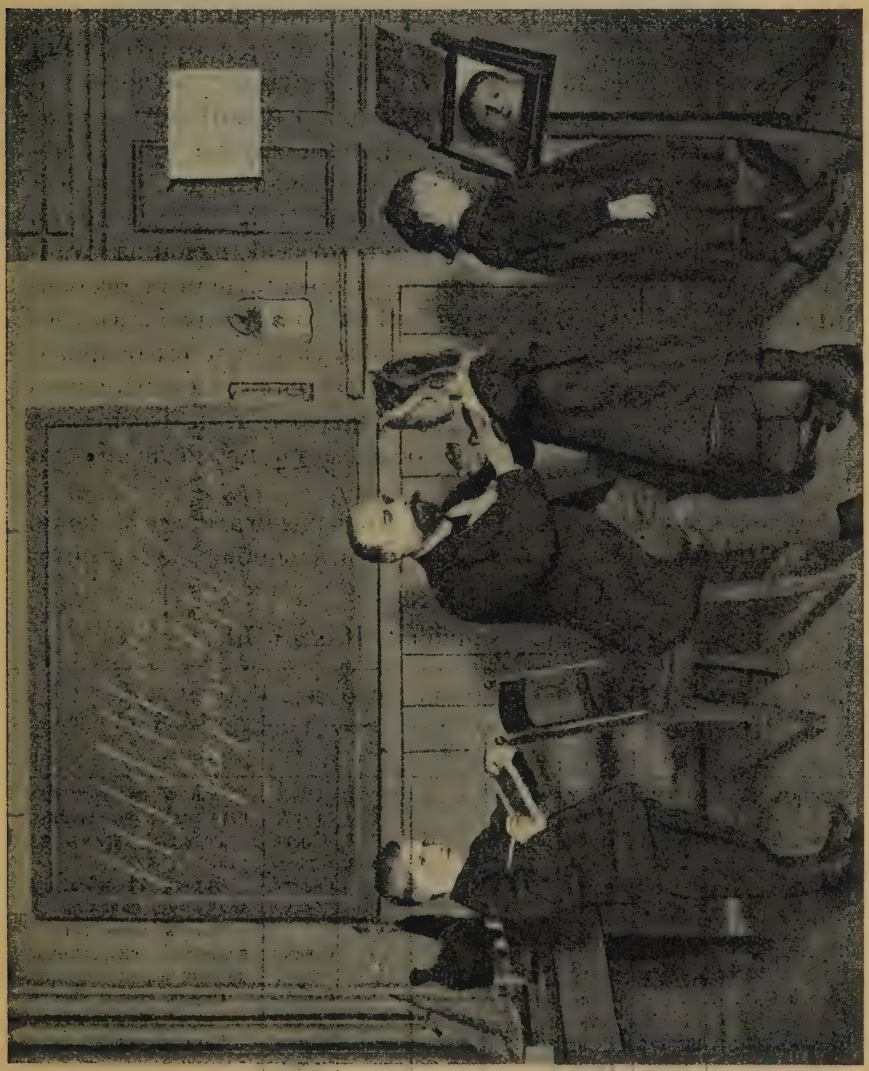
Движенія при произношеніи этихъ звуковъ не только видимы, но и большей частью чувствуются по кадыку, по носу и т. д. Положите, напримѣръ, палецъ на кадыкъ и

скажите р, или приложите его къ носу и произнесите м. Глухонѣмой ребенокъ научается азбукѣ съ помощью зрѣнія и осязанія. Это первая задача, ожидающая его при вступленіи въ училище. Мы называемъ это преподаваніе— преподаваніемъ произношенія; оно заполняетъ приблизительно весь первый годъ въ училищѣ и составляетъ специфическое искусство учителя глухонѣмыхъ.

Такъ какъ глухонѣмой можетъ контролировать правильность звука только зрѣніемъ и осязаніемъ, а не слухомъ, то случается, что акустическій образъ рѣчи отъ этого страдаетъ и принимаетъ для слушателя чуждый оттѣнокъ. Но окружающіе быстро къ этому привыкаютъ такъ же, какъ и къ некрасивому и грубому звуку рѣчи. Глухонѣмому никогда не удается достигнуть благозвучія рѣчи ребенка, одареннаго слухомъ. Ребенокъ, который слышитъ, учится говорить, старается выговарить цѣлыя слова и фразы. Глухонѣмой же ребенокъ долженъ начинать съ отдѣльнаго звука. Чтобы дать дѣтямъ возможность воспринимать всѣ мелочи при изученіи звуковъ, ихъ старательно къ этому подготовляютъ, изощряя ихъ зрѣніе, заставляя двигаться ихъ органы рѣчи и развивая ловкость рукъ. Поэтому въ классѣ произношенія мы видимъ мячи, серсо, книги съ картинками и т. д. Кромѣ игръ, дѣти для упражненія должны раскрывать и сжимать руку, открывать и закрывать ротъ, дуть на руку, раздувать щеки, заставлять дыханіемъ летать перо, вытягивать и растягивать губы, двигать языкомъ, класть зубы на нижнюю губу, дѣлать всевозможныя упраж-

Первый урокъ. Изученіе звука „а“.

ненія дыханіемъ и т. д. Большей частью, почти играя, достигаютъ произношенія звуковъ п и а и затѣмъ перваго слова папа. Душа получаетъ свободу, и крылья ея ра-



Упражненіе въ произношеніи.

стутъ съ каждымъ словомъ. На лицѣ матери послѣ долгаго промежутка снова свѣтитъ лучъ радости.

При изученіи звуковъ, конечно, въ общемъ начинаютъ

съ самаго легкаго, постепенно переходя къ труднѣйшему; но составлять общую программу для преподаванія произношенія почти нѣтъ никакой надобности, такъ какъ всегда приходится заниматься съ каждымъ ученикомъ отдѣльно, потому что одинъ и тотъ же звукъ нѣкоторыми учениками усваивается шутя, между тѣмъ, какъ другіе иногда цѣлыми недѣлями не могутъ овладѣть имъ. Изученіе звуковъ составляетъ очень тяжелую работу для глухонѣмого ребенка, какъ намъ самимъ бываетъ иногда трудно при изученіи чужого языка произнести какой-нибудь звукъ, который не встрѣчается въ нашемъ родномъ языкѣ. Сліяніе двухъ или нѣсколькихъ звуковъ требуетъ тогда большой заботливости, потому что при этомъ происходятъ иногда особенныя ошибки. Глухонѣмой ученикъ часто вставляетъ въ слова совсѣмъ лишніе звуки; одинъ звукъ онъ выговариваетъ слишкомъ слабо, другой слишкомъ сильно, одинъ слишкомъ высоко, а другой слишкомъ низко и т. д. Такъ какъ остатокъ слуха существенно облегчаетъ преподаваніе, то имъ усердно пользуются.

Списокъ учениковъ, висящій въ каждомъ классѣ, даетъ свѣдѣнія о слухѣ каждаго изъ нихъ и вообще даетъ интересныя свѣдѣнія, напримѣръ:

Списокъ учениковъ. Классъ III.

ИМЯ.	Годъ и день рожденія.	Поступленіе въ училище.	СТЕПЕНЬ ГЛУХОТЫ.				ЗАМѢТКИ.
			1	2	3	4	
Эргардъ Б. .	3 мар. 1893	2 сент. 1898				Совс. глух.	Оглохъ на третьемъ году вслѣд. скарлатины.
Гансъ Фр. . .	16 іюл. 1893	15 мая 1902				Слыш. гласн.	Родился тугимъ на ухо.
Карлъ Ф. . .	8 нояб. 1892	12 окт. 1899				Совсѣм. глух.	Оглохъ 11 мѣсяцевъ вслѣдствіе паденія.
Эрихъ М. . .	14 фев. 1893	31 мая. 1901				Совсѣм. глух.	Оглохъ пяти лѣтъ вслѣдствіе скарлатины; нижняя челюсть парализ.
Валли С. . .	14 дек. 1893	4 апр. 1900				Совсѣм. глух.	Оглохъ двухъ лѣтъ.
Францъ Т. . .	29 іюл. 1892	11 апр. 1899				Слыш. звонъ.	Такъ родился.
Маргарита М..	14 фев. 1892	21 апр. 1899	Слыш. нѣс. сл.				Родилась тугой на ухо.
Эльза Н. . .	26 дек. 1892	15 апр. 1898				Совсѣм. глуха.	Родилась глухой.
Елена П. . .	18 апр. 1894	4 апр. 1899				Совсѣм. глуха.	Родилась глухой.

Объясненіе понятій нагляднымъ обученіемъ.

Научившись произносить слово, ученикъ еще не знаетъ его значенія. Теперь остается влить въ пустую форму настоящее содержимое, связать съ словомъ понятіе. Для этого заставляютъ произнести слово и указываютъ на предметъ.

Если это невозможно, употребляютъ модели и картины. Всякое ученье должно переживаться; поэтому преподаванье пользуется всѣмъ, что ему для этого необходимо: общеніемъ, игрой, гимнастикой, прогулками по городу, въ лѣсу и въ полѣ, посѣщеніемъ мастерскихъ и фабрикъ. Учебныя пособія училища и для глухонѣмыхъ должны быть очень богато составлены.

Все, что ученикъ говоритъ, онъ долженъ научиться читать и видѣть по губамъ учителя и товарищей.

Сказанное тогда пишутъ и читаютъ. Говорить, читать по губамъ, просто читать и писать ученики учатся одновременно.

Покончивъ съ ученіемъ звуковъ и ихъ сліяніемъ, остается прилежно заполнить сокровище рѣчи ребенка нагляднымъ обученіемъ и чтеніемъ, внушая ему все новыя и новыя понятія и постепенно — камень за камнемъ—довершая все зданіе. Именно для училища глухонѣмыхъ необходима связь съ

родительскимъ домомъ, чтобъ учитель могъ показать родителямъ, какъ продолжать обученіе глухонѣмого ребенка и какъ съ нимъ обращаться. Поэтому слѣдуетъ приглашать родителей на нѣкоторые уроки—такъ называемые «родительскіе уроки».

Послѣ почти четырехлѣтняго приготовительнаго преподаванія у глухонѣмого ребенка получается слабый отблескъ того сокровища рѣчи, которымъ обладаетъ ребенокъ, одаренный слухомъ при поступленіи въ школу. Преподаваніе въ старшихъ классахъ—пребываніе въ школѣ продолжается большей частью восемь лѣтъ — постепенно приближается къ преподаванію въ народныхъ школахъ во всѣхъ его отрасляхъ, конечно, исключая пѣнія. Только каждый предметъ долженъ быть больше преподаваніемъ рѣчи, чѣмъ въ народной школѣ и языкъ надо примѣнять къ языку повседневной жизни и избѣгать книжной рѣчи.

Съ особой любовью слѣдуетъ обучать учениковъ рисованью, рукодѣлью и другому ручному труду, чтобы приготовить глухонѣмыхъ къ ихъ будущему призванію и дать имъ возможность конкурировать съ людьми, одаренными слухомъ. По выходѣ изъ училища мальчики лучше всего изучаютъ несложныя ремесла, особенно такія, которыя могутъ ихъ прокормить и доставляютъ занятія въ продолженіе цѣлаго года, напримѣръ: сапожное мастерство, портняжное, столярное, переплетное, сѣдельное мастерство и садоводство; кромѣ того они охотно дѣлаются рисовальщиками по фарфору, литографами, наборщиками, рѣзчиками и малярами. Мастера въ Пруссіи и Саксоніи, обучившіе глухонѣмого ученика, получаютъ отъ государства награду въ 150 марокъ.

Дѣвочки дѣлаются портнихами, модистками, бѣлошвейками и зонточницами.

Для глухого ребенка переходъ отъ отдѣльнаго звука къ свободной разговорной рѣчи, къ пониманію легкаго чтенія и къ возможности письменно изложить все, что волнуетъ сердце и душу, составляетъ очень трудный путь. Отдѣльные глухонѣмые, особенно тѣ, у которыхъ имѣются остатки слуха, благодаря прилежанію и врожденнымъ способностямъ, достигаютъ замѣчательнаго искусства въ разговорѣ и умѣньѣ читать по губамъ. Но большинство глухонѣмыхъ

остаются въ преддверіи рѣчи. Но всякое отдѣльное слово, которое можетъ произнести глухонѣмой — слово это остается употребительнымъ, хотя онъ уже больше не нѣмъ — является маленькимъ капиталомъ, который въ свое время принесетъ богатые проценты. Какъ многіе, одаренные слухомъ, также лишены блестящей рѣчи, всю жизнь принуждены довольствоваться самымъ простымъ языкомъ и при этомъ чувствуютъ себя вполнѣ счастливыми. Когда глухонѣмой покидаетъ училище, онъ въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніи стоитъ уже на той ступени, на которой вполнѣ заслуживаетъ полнаго вниманія своихъ ближнихъ, одаренныхъ слухомъ. Если глухонѣмой не достигаетъ душевной глубины слышащаго человѣка, если онъ склоненъ къ безчувственности, тщеславію, самообольщенію и неблагодарности, то мы не должны забывать, что главный путь къ душевной жизни ведетъ черезъ слухъ. Ничто не можетъ замѣнить глухонѣмому предостерегающаго голоса отца, ласковой просьбы матери, потрясающаго душу голоса проповѣдника, задушевныхъ звуковъ музыки. Гилль говоритъ: «Душа глухонѣмого лишена возможности воспринять тысячи самыхъ существенныхъ вліяній, которыя производятъ самое благотворное дѣйствіе на человѣка, одареннаго всѣми чувствами, и вызываютъ въ его душѣ благодарность, уваженіе, любовь, надежду, состраданіе и снисходительность».

Къ тому же глухонѣмому ребенку часто приходится терпѣть несправедливость. Какъ часто родители не умѣютъ обращаться съ своимъ глухимъ ребенкомъ! Какъ часто ему приходится терпѣть насмѣшки отъ окружающихъ! Надо ли удивляться, если онъ иногда сжимаетъ свои кулачки, а его сердечко черствѣетъ и замыкается? Дайте глухонѣмому больше ласки и терпѣнія и вы увидите, что и въ его душѣ можно насадить и развить любовь, преданность, правдивость, скромность, состраданіе и благодарность. Поэтому училищу глухонѣмыхъ больше, чѣмъ какому-либо другому, приходится разрѣшить важную и въ то же время благодарную задачу, живымъ образцомъ въ преподаваніи рѣчи и религіознымъ вліяніемъ дѣйствовать плодотворно на бѣдную духовную жизнь глухонѣмого. Нравственныя силы, знанія и искусства, пріобрѣтенныя уче-

никомъ въ училищѣ, слѣдуетъ развивать по выходѣ изъ него. Поэтому необходимы училища для продолженія образованія глухонѣмыхъ, которыя должны имѣть связь съ заведеніями для глухонѣмыхъ, такъ какъ ихъ преподаватели представляютъ для этого самый подходящій персоналъ. Подходящіе журналы, какъ, напримѣръ, «Путеводитель для глухонѣмыхъ», издаваемый Франке въ Галле оказываютъ дальнѣйшему образованію глухонѣмого большія услуги.

Въ религіозномъ отношеніи на глухонѣмыхъ лучше всего должны дѣйствовать пастыри, у которыхъ была продолжительная практика въ училищѣ для глухонѣмыхъ.

Образованіе и воспитаніе глухонѣмыхъ составляютъ задачу государства. Къ сожалѣнію, еще не всюду приняты мѣры для того, чтобы всѣ глухонѣмые принимались въ соотвѣтствующія заведенія. Поэтому въ нѣкоторыхъ государствахъ поступленіе въ училище необязательно. Исторія жизни глухонѣмыхъ коротка; въ ней встрѣчаются еще немного событій. Въ древности совсѣмъ не заботились объ этихъ несчастныхъ, такъ какъ считали ихъ неспособными къ развитію. Только между XVI и XVIII столѣтіемъ мы встрѣчаемъ отдѣльныя попытки обученія глухонѣмыхъ, которыя большей частью дѣлались духовными лицами и врачами. 1788 г. былъ счастливымъ годомъ для глухонѣмыхъ. Самуэль Гейнике въ этомъ году основалъ въ Лейпцигѣ первое нѣмецкое заведеніе для глухонѣмыхъ и этимъ положилъ прочное основаніе ихъ образованію и воспитанію. Нѣмецкій методъ получилъ въ этомъ дѣлѣ полное право гражданства; онъ состоитъ въ изученіи звуковой рѣчи, которая является главнымъ средствомъ для сообщенія глухонѣмыхъ съ остальными своими ближними. Сознаніе, что заведенія для глухонѣмыхъ съ говорящими учениками появились во всѣхъ германскихъ странахъ, наполняетъ нашу душу счастьемъ и радуетъ, какъ чудо воскресенія.

Въ одно время съ Гейнике появился умный и готовый на самопожертвованіе піонеръ дѣла глухонѣмыхъ во Франціи, de l'Epée, основатель французской школы; послѣдняя не руководится, какъ нѣмецкая, практическими соображеніями; она исключаетъ изученіе звуковъ рѣчи, учитъ лишь письменной рѣчи и искусственному разговору жестами и

ручной азбукѣ для того, чтобы достигнуть по возможности высокаго образованія.

За французской школой послѣдовали заведенія Франціи и другихъ не германскихъ странъ. За послѣднее время французскому методу всюду приходится уступать побѣдоносной силѣ нѣмецкаго. Слѣдующая таблица даетъ понятіе о значительномъ развитіи дѣла глухонѣмыхъ въ Германіи:

СУММА.			СРЕДИ УЧЕНИКОВЪ.							
Преп. силъ.	Классовъ.	Учениковъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Евангелист.	Католиковъ.	Евреевъ.	Интер.	Экст.	Посѣщ. школы.
754	674	6737	3669	3068	3914	2752	71	3119	2877	741

Невольно спрашиваешь, какимъ образомъ такъ поздно пришли на помощь несчастнымъ глухонѣмымъ созданіямъ?

На это было три причины:

1. Раньше совсѣмъ не понимали сущности явленія.

2. Условія въ области народнаго образованія до XVIII столѣтія были самыя печальныя. Нечего было и думать о несчастныхъ, одаренныхъ лишь четырьмя чувствами.

3. Образованіе глухонѣмыхъ относится къ области человѣколюбія, а это прекрасное и свѣтлое проявленіе душевной жизни человѣка, какъ и все благородное въ немъ, развивалось лишь медленно, но зато оно все ярче освѣщаетъ и сильнѣе согрѣваетъ теперь хижины бѣдняковъ и обездоленныхъ.

Слѣпыя дѣти.

С. Геллера, директора Института слѣпыхъ въ Вѣнѣ.

I.

Свѣтлыя мечты о ребенкѣ погружаются въ глубокій мракъ, когда слову «ребенокъ» предшествуетъ слово «слѣпой». Тотъ, на кого обращается угасшій глазъ ребенка, чувствуетъ, что передъ нимъ стоитъ судьба, которая превращаетъ самый прелестный и радостный образъ жизни въ страшное горе и страданье, разбиваетъ всякую надежду на счастье и возбуждаетъ тотъ мучительный вопросъ «за что?», который возникаетъ при всякомъ незаслуженномъ горѣ и всегда остается безъ отвѣта.

А родители слѣпого ребенка! Можно ли найти горе сильнѣе того, которое наполняетъ ихъ сердца? Какъ глубоко должны они страдать, что ихъ ребенку недостается ни единаго луча изъ того моря свѣта, которое окружаетъ его, что ему чуждъ міръ явленій, которыя воспринимаются только глазомъ, что ему всегда придется протягивать руки за чужой помощью, чтобы пройти жизненный путь!

Обязанности, которыя налагаетъ на отца и мать воспитаніе слѣпого ребенка, потому приносятъ имъ столько страданья, что они невольно дѣлаютъ сравненія между успѣхами слѣпого и зрячаго ребенка, при одинаковыхъ заботахъ объ ихъ воспитаніи.

Но именно въ исполненіи этихъ обязанностей для родителей и ребенка заключается спасительная сила, когда, подавивъ свое горе, они рѣшаются воспользоваться всѣмъ, что даютъ наука и опытъ, чтобы развить въ слѣпомъ ребенкѣ сознаніе человѣческаго достоинства и тѣ нравственныя силы, которыя дарованы и слѣпому и даютъ ему возможность вмѣстѣ съ другими служить великимъ задачамъ человѣчества. Такое рѣшеніе требуетъ со стороны родителей слѣпого ребенка тяжелыхъ жертвъ, но онѣ должны быть принесены, потому что въ этомъ, какъ и во всякомъ

другомъ случаѣ, только дѣло можетъ освободить отъ проклятія, котораго не въ силахъ снять ни жалобы, ни уныніе.

Эти жертвы вознаграждаются тѣмъ, что пробужденіе и развитіе душевной жизни доставляютъ слѣпому ребенку высокое счастье, а передъ воспитателемъ въ этомъ случаѣ раскрываются сила сознанія и стремленіе высшаго качества.

Но благія цѣли природы и разумныя требованія педагогики оказались бы совсѣмъ непонятными и успѣхамъ ребенка былъ бы нанесенъ большой вредъ, они даже не могли бы развиваться, если бы захотѣли воспользоваться свойствомъ слѣпого воспроизводить болѣе чистые и благородные душевные образы и выработать въ ребенкѣ фантастичное міросозерцаніе взамѣнъ реальнаго.

Часто употребляемую фразу, что слѣпой долженъ быть вознагражденъ внутреннимъ міромъ за потерю внѣшняго, не разъ понимали совершенно превратно; она сдѣлала многихъ дѣтей, лишенныхъ зрѣнія, мечтателями, приговорила ихъ къ бездѣятельной жизни, полной несамостоятельности и зависимости, и такимъ образомъ сдѣлала ихъ вдвойнѣ несчастнѣе. Высокая воспріимчивость и глубокое проникновеніе въ область абстрактнаго, которыя особенно свойственны слѣпому, должны быть использованы для его воспитанія, для образованія его характера, а въ особенности для созданія той силы, которая такъ необходима слѣпому, перенести всѣ тѣ лишенія, которыя налагаетъ на него жизнь. Тогда онъ будетъ въ состояніи не придавать цѣны обладанію и наслажденію и поставитъ выше ихъ любовь къ добру и правдѣ, которыя будутъ служить ему твердой опорой и которыхъ уже не поколеблютъ всѣ превратности жизни.

Такимъ образомъ два главныхъ принципа должны руководить воспитателемъ слѣпого ребенка въ его дѣлѣ: раціонально развивать умъ, способности и волю воспитанника для какого-нибудь опредѣленнаго призванія, ограждать его идеальную воспріимчивость отъ различныхъ проявленій жизни и такъ направляетъ ее, чтобъ она не перешла въ сантиментальность и изнѣженность. Насколько удастся провести въ жизнь эти принципы и насколько они будутъ воздѣй-

ствовать другъ на друга, будетъ служить масштабомъ для успѣха всего воспитанія.

Но если желаютъ, чтобъ этотъ успѣхъ не былъ лишь школьнымъ, чисто внѣшнимъ успѣхомъ, то воспитателемъ не должно руководить преобладающее стремленіе во всѣхъ отношеніяхъ сравнять успѣхи слѣпого съ успѣхами зрячаго ребенка. Если бъ онъ въ такомъ случаѣ и заслужилъ одобреніе несвѣдущихъ людей, ему все же не пришлось бы избѣжать горя видѣть, какъ плодъ его трудовъ недозрѣвшимъ свалится съ дерева жизни.

Обученіе слѣпого по своему существу и вліянію на дѣлѣ окажется лишь дрессировкой, если будетъ лишь простымъ подражаніемъ обыкновенному школьному преподаванію и не обратитъ вниманія на тѣ психологическія требованія и ограниченія, которыя лежатъ въ основѣ свойствъ слѣпого. Внимательное изслѣдованіе ихъ составляетъ непремѣнное условіе при воспитаніи и обученіи слѣпого ребенка. Только въ томъ случаѣ, если основы его развитія покоятся не на зыбкой почвѣ подражанія, а выходятъ изъ его внутренняго существа, можетъ слѣпой приступить къ общей работѣ человѣчества, какъ вполнѣ законченная цѣльная личность, лишь тогда будетъ онъ въ состояніи занять соотвѣтствующее положеніе въ жизни и достигнуть возможнаго счастья.

II.

Если давно пришли къ убѣжденію, что воспитаніе ребенка должно начаться съ первыхъ дней его жизни, то тѣмъ болѣе требуется это для слѣпого ребенка, при воспитаніи котораго, благодаря отсутствію у него зрѣнія, могутъ быть сдѣланы многія ошибки и упущенія. Сложить руки передъ слѣпотой, объявить себя безсильнымъ или утѣшаться надеждой на училище для слѣпыхъ — непростительно. Надо мужественно побороть всякую сантиментальность, бодро приступить къ воспитанію еще грудного ребенка и раціонально продолжать его, пока ребенокъ еще находится въ родительскомъ домѣ.

Прежде всего слѣдуетъ считаться съ врожденной склонностью къ подвижности и веселости, которой обладаетъ и

слѣпой ребенокъ, но которую часто насильственно губятъ слишкомъ заботливые воспитатели. Несчастные случаи, которыхъ такъ боятся, при достаточномъ надзорѣ и осторожности, происходятъ не чаще, чѣмъ обыкновенно, и не имѣютъ никакого отношенія къ уменьшенію довѣрія къ самому себѣ, воли и энергіи, которое легко можетъ произойти отъ излишней заботливости, могущей только имъ повредить.

Если въ концѣ второго мѣсяца ребенокъ не начинаетъ дрыгать ручками и ножками, или если эти движенія не начинаютъ постепенно усиливаться и производиться все правильнѣе и правильнѣе, или если въ выраженіи лица ребенка не замѣчаются симптомы сознанія въ видѣ рефлексовъ, то слѣдуетъ производить руками и ногами слѣпого ребенка ритмическія пассивныя движенія до тѣхъ поръ, пока они не перейдутъ въ активныя.

Такимъ образомъ вызывать, по мѣрѣ нужды, поощрять и исправлять и другія цѣлесообразныя движенія должно служить однимъ изъ главныхъ правилъ при воспитаніи слѣпого ребенка, а также не надо забывать слѣдить по выраженію его лица за его душевными движеніями, вызываемыми физическими дѣйствіями и измѣненіями. Такія изслѣдованія являются значительнымъ мѣриломъ проявленій развитія, часто объясняютъ внутреннія переживанія ребенка и внушаютъ воспитателю удачные пріемы, въ то время, когда ребенокъ еще не умѣетъ говорить.

Хотя необходимо давать соотвѣтствующій отдыхъ слѣпому ребенку въ періодъ самаго нѣжнаго возраста послѣ каждаго болѣе продолжительнаго движенія или сильнаго напряженія, но никакъ не слѣдуетъ поощрять его склонности къ пассивности и покою, а тѣмъ болѣе вызывать ее изнѣженностью или недостаточнымъ побужденіемъ къ дѣятельности. Даже грудной ребенокъ не долженъ долго лежать, укутанный въ тюфячокъ, его слѣдуетъ часто поднимать и, избѣгая закачиванья, носить то на одной, то на другой рукѣ. Для возбужденія и подготовленія развитія сознанія своего «я» полезно при всякомъ удобномъ случаѣ, напримѣръ, при раздѣваньѣ и одѣваньѣ, при умываньѣ и купаньѣ и т. д. растирать отдѣльныя части тѣла, нѣжно массируя ихъ. Но слѣпого ребенка слѣдуетъ знакомить не только съ существованіемъ и движеніями его собственнаго тѣла,

но и съ существованіемъ и движеніями внѣ лежащихъ предметовъ, путемъ опыта вводя ихъ въ его сознаніе. Для пріобрѣтенія этихъ основныхъ познаній необходимо развивать искусство хватанія и прикосновенія, которыя дадутъ ребенку большое понятіе о свойствахъ многихъ предметовъ. Для этого достаточно класть въ руку ребенка сначала мягкіе, а потомъ твердые предметы и на нѣкоторое время зажимать его руку. Когда ребенокъ такимъ образомъ научится держать предметъ, постепенно начинаютъ накладывать на него одинъ палецъ его руки за другимъ, чтобы пріучить его схватывать вещь, что онъ наконецъ и дѣлаетъ большимъ, указательнымъ и среднимъ пальцемъ. Этими предметами, обхваченными пальцами ребенка, производятъ движенія вверхъ, внизъ, движенія бросанья, двиганья, катанья и т. д., заботливо наблюдая, переходятъ ли они изъ пассивныхъ въ активныя. Какъ только наступитъ послѣднее, предметы предоставляютъ свободному дѣйствію ребенка, хотя и подражательному и, если слѣпой ребенокъ только попытается произвести эти движенія и тотчасъ же спутается, все же и на такой результатъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на немаловажный успѣхъ, уже потому, что при настойчивомъ повтореніи, навѣрное, можно будетъ достигнуть желаемыхъ движеній. Слѣдуетъ обращать наибольшее вниманіе на развитіе способностей и вытекающаго изъ нихъ умѣнья локализовать предметы уже на первой ступени развитія слѣпого ребенка, потому что отъ этого умѣнья особенно зависятъ свойства и увѣренность большинства дѣйствій слѣпого. Упражненія для этого состоятъ въ томъ, что слѣпой ребенокъ ставитъ предметы сначала совсѣмъ близко отъ себя, затѣмъ на протяженіи своей руки, а потомъ ищетъ и находитъ ихъ въ этомъ направленіи. Какъ только ребенокъ пріобрѣтетъ въ этихъ упражненіяхъ достаточную опытность, ему подставляютъ предметы все въ возрастающемъ числѣ и въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Звукъ, который производится при постановкѣ предмета, а еще больше двиганье, катанье, опусканье и бросанье заставляютъ ребенка узнавать направленіе, въ которомъ поставлены предметы, и даютъ ему возможность опредѣлять и находить ихъ даже безъ участія въ ихъ размѣщеніи. Здѣсь проявляются первыя точки соприкосновенія между

ощущеніями осязанія и слуха и ихъ приходится развивать съ особой заботливостью, потому что слѣпой ребенокъ долженъ сначала по привычкѣ, а потомъ сознательно, постоянно соединять ощущеніе осязанія съ ощущеніемъ слуха, такъ онъ сознаетъ, что предметъ представляетъ производителя звука, а звукъ является примѣтой его, которая дастъ ребенку понятіе о матеріалѣ, формѣ, величинѣ и назначеніи предмета. Звукъ, а въ особенности музыкальные звуки, имѣютъ такое громадное вліяніе на фантазію ребенка, что могутъ повлечь за собой полную остановку осязательныхъ функцій, которая сильно вредитъ пріобрѣтенію реальныхъ познаній и кладетъ основаніе той особенной мечтательной жизни слѣпого, которая даетъ ему мимолетное счастье, а затѣмъ надолго дѣлаетъ несчастнымъ, потому что укрѣпляетъ его пассивность и готовитъ ему горькія разочарованія.

Слѣпыя дѣти, которыя развились въ этомъ направленіи, могутъ, напримѣръ, всей душой предаваться наслажденію слушать звонъ колокола или пѣніе птицы, совершенно не ощущая желанія ознакомиться посредствомъ осязанія съ самимъ колоколомъ или птицей. Слѣдуетъ ли удивляться, если такіе слѣпцы всю жизнь будутъ жить въ мірѣ фантазій, упиваясь ими, что они видятъ въ этомъ особое преимущество и съ отталкивающимъ высокомѣріемъ словами зрячихъ судятъ о предметахъ, которые совершенно чужды ихъ пониманію и что они, наконецъ, какъ бездѣятельные и ненужные люди, все ниже и ниже опускаясь умственно, дѣлаются лишь бременемъ для общества?

Высказанные здѣсь основные догматы могутъ показаться недостаточно совершенными и малозначительными. Но ихъ достоинство заключается именно въ ихъ краткости; они окажутся благотворными для охраненія и развитія слѣпого ребенка, если ихъ всесторонне используютъ.

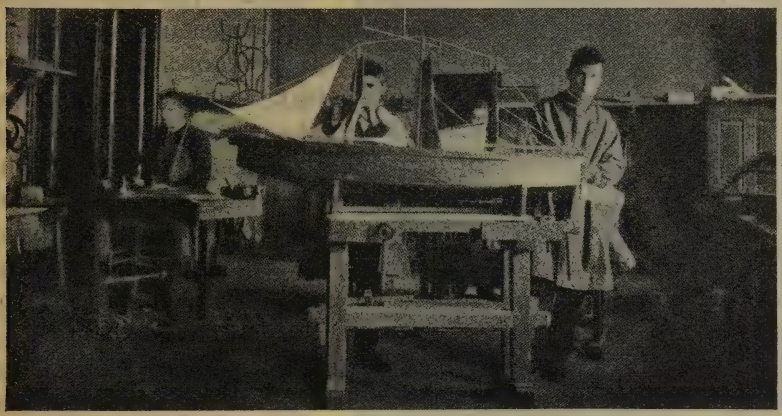
Лучшимъ учителемъ въ этомъ искусствѣ является любовь мыслящей матери.

III.

Когда слѣпой ребенокъ начинаетъ ходить и говорить, сейчасъ же начинаютъ его обученье.

Руководящая помощь и поддержка, ободряющее слово воспитателя должны преодолѣть его робость и дать ему ту увѣренность, которая наружно выражается твердой поступью и высоко поднятой головой. Уже при этихъ начинаніяхъ, а затѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи ребенка надо пріучать его обращать вниманіе на то, какъ онъ ставитъ ноги и на ихъ движенія, чтобъ автоматическая дѣятельность ихъ постепенно перешла въ сознательную. Этого основного принципа слѣдуетъ держаться во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о дѣйствіяхъ всѣхъ членовъ, потому что благодаря этому не только развиваются сознательныя качества, но и важное понятіе цѣлесообразности. Надо по возможности раньше перестать водить слѣпого ребенка за руку, а просто заставлять его итти рядомъ съ воспитателемъ, прислушиваться къ его шагамъ, ихъ темпу и направленію и самому двигаться впередъ, сообразуясь съ ними. Когда эти упражненія придадутъ достаточную увѣренность походкѣ слѣпого ребенка, ему назначаютъ цѣль, которой онъ долженъ достигнуть, различными звучащими предметами, предварительно давъ ихъ изслѣдовать ему посредствомъ осязанія. Для этого употребляютъ звонокъ, трубу, свистокъ и т. д. Ребенку предоставляютъ самому найти направленіе къ цѣли. Развивъ такимъ образомъ въ ребенкѣ умѣнье оріентироваться, его заставляютъ находить знакомые ему предметы уже въ различныхъ мѣстахъ. Чтобы развить понятіе дали, ребенка ставятъ сначала передъ самымъ предметомъ, затѣмъ заставляютъ его отступать спиной къ назначенному мѣсту, а оттуда уже снова вернуться къ цѣли. Этимъ способомъ можно избѣжать необходимости протягивать при ходьбѣ руки, что всегда производитъ непріятное впечатлѣніе, потому что служитъ доказательствомъ внутренней неувѣренности. Для этой цѣли слѣдуетъ также развивать осязаніе въ ногахъ, сначала въ босыхъ, а потомъ и обутыхъ, чтобы ребенокъ могъ справляться съ условіями грунта.

Изъ самаго священнаго источника жизни, изъ источника материнской любви, ребенокъ черпаетъ силу выражать словами всѣ чувства и мысли, волнующія его душу. Часы, во время которыхъ мать учитъ своего ребенка говорить, святы, и ничто низкое и грубое не должно осквернять ихъ. Но у матери слѣпого ребенка есть еще высшая обязанность. Хотя сердце ея разрывается, хотя горячія слезы затмеваютъ ея глаза, ребенокъ ея никогда не долженъ слышать отъ нея словъ состраданія; защищать его отъ нихъ, откуда бы они не являлись, она должна съ тѣмъ же мужествомъ, съ какимъ защищаетъ своего ребенка отъ всякой



Слѣпые воспитанники за ручнымъ трудомъ. (Постройка лодки для учебнаго пособія.)

опасности. Потому что это жестокое состраданіе является для ребенка опасностью, которая грозитъ уничтожить жизненную силу и которая въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій превращала слѣпца въ нищаго — по крайней мѣрѣ, въ молящаго объ участіи и потому вдвойнѣ несчастнаго человѣка.

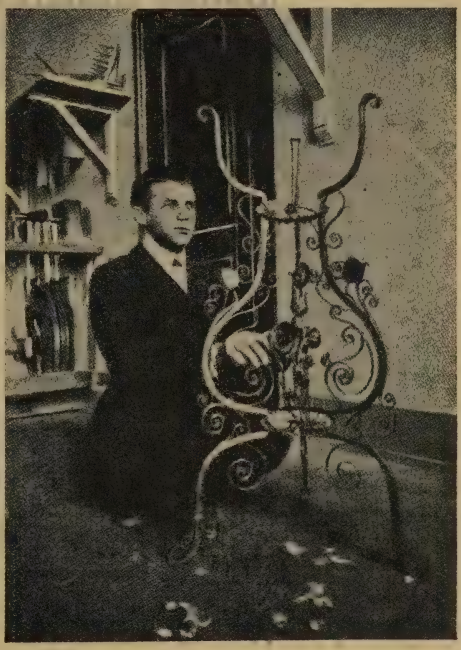
Но при развитіи рѣчи у слѣпого ребенка необходимо исполнить еще одно условіе, благодаря которому онъ получитъ большой запасъ нравственной силы. Воспитатель долженъ рѣшительно бороться съ особой склонностью слѣпого выражаться пышными фразами, требовать отъ него опредѣленныхъ выраженій и запрещать всякое сужденіе, не основанное на прямомъ опытѣ.

Такимъ способомъ рѣчи придается сила и чистота, и возбуждается желаніе проникнуть въ самую сущность вещей. Осязаніе, которое составляетъ у слѣпого самую важную основу всякаго познанія, но при его склонности ко всему фантастичному часто забывается для слуха, должно для этого обязательно примѣняться во всей своей силѣ. Осязательныя движенія должны производиться такимъ образомъ, какъ будто слѣпой ребенокъ дѣлаетъ ихъ, формируя предметъ изъ поддающагося этому матеріала. Искусство моделлировать доказываетъ у слѣпого ребенка способность представленія, даетъ возможность судить о правильности его представленій и составляетъ высшее качество чувства осязанія, а именно способность воспроизведенія различныхъ предметовъ руками. Чтобы слѣпой ребенокъ могъ понять, что безконечное разнообразіе формъ и образовъ происходитъ изъ самыхъ несложныхъ первообразовъ, моделлировка должна исходить изъ геометрическихъ тѣлъ, и изъ нихъ должны быть составлены назначенные предметы. Рядомъ съ лѣпкой слѣдуетъ учить ребенка раскладывать и составлять предметъ, чтобы ребенокъ имѣлъ понятіе о составныхъ частяхъ его и ихъ соединеніи. Для этого дѣтямъ даютъ складныя игрушки, а потомъ и складныя учебныя пособія, которыя доставляютъ имъ большое наслажденіе и пользу и затѣмъ способствуютъ изученію легкихъ ручныхъ работъ. Самый вѣрный и дѣйствительный фундаментъ для этого составляютъ фребелевскія работы (кромѣ выкалыванья), при чемъ необходимо, чтобъ онѣ сначала производились въ большихъ размѣрахъ. Искусство опредѣленія размѣровъ важно не только для ручного труда, но и вообще для всего образованія слѣпыхъ. Это искусство достигается тѣмъ, что слѣпые кончиками пальцевъ ощупываютъ весь предметъ и такимъ образомъ посредствомъ осязанія составляютъ себѣ понятіе объ его размѣрахъ.

Къ работамъ въ дѣтскомъ саду, находящимся еще на элементарной ступени, немного позднѣе присоединяются легкія работы изъ дощечекъ съ молоткомъ и гвоздями и т. д.

При этихъ работахъ требуется такая же точность, какая требуется въ выраженіяхъ во время разговора. Сухость, присущая этой точности и отравляющая радость всякаго

творчества, совершенно уничтожается, когда занятія учениковъ соединяютъ съ поэзіей, пѣсней и игрой. Когда предметъ стихотворенія въ то же время является предметомъ наблюденія и объясненія или когда стихотвореніе освѣщаетъ какое-нибудь познаніе и, наконецъ, выливается въ пѣснѣ, тогда слѣпому ребенку дѣлается понятной связь между дѣйствительностью и красотой. Переходъ отъ ручного труда къ игрѣ производится тѣмъ, что слѣпой ребенокъ самъ дѣлаетъ себѣ игрушки, подражая въ нихъ всему, что находитъ въ мастерской, полѣ, лѣсу и въ саду. Дѣтей совсѣмъ не приходится учить сопровождать игры пѣснями и стишками, это является само собой.



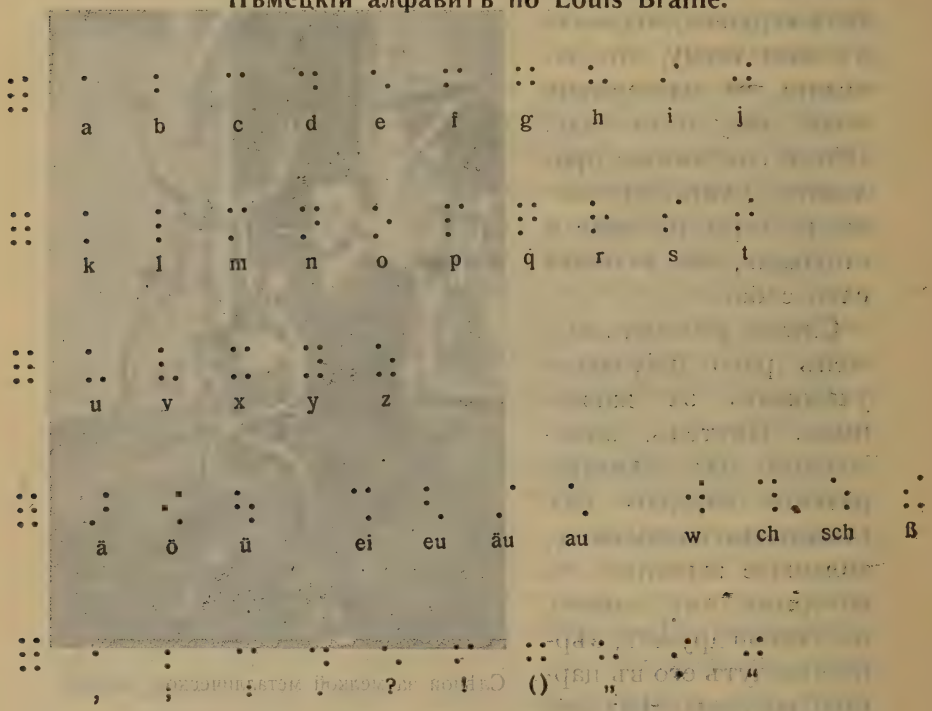
Слѣпой за мелкой металлической работой.

Слѣпой ребенокъ долженъ рано пріучаться ухаживать за животными. Цвѣтокъ, выхоженный изъ сѣмячка, развитіе котораго онъ съ любовью наблюдаетъ, домашнее животное, съ которымъ онъ живетъ въ тѣсной дружбѣ, вѣрнѣе введутъ его въ царство природы, чѣмъ всѣ самые живые разсказы; они влекутъ въ даль и слѣпого ребенка, и міръ, казавшійся ему раньше пустыннымъ, является уже для него полнымъ жизни, родственной ему самому и согрѣтой дыханіемъ Божіимъ.

IV.

Школьное образованіе слѣпой ребенокъ долженъ получать въ хорошо устроенномъ заведеніи. Никакое домашнее преподаваніе, какъ бы заботливо ни вели его, не можетъ замѣнить того вліянія, которое достигается организаціей заведенія и совмѣстной жизнью съ товарищами, страдаю-

Нѣмецкій алфавитъ по Louis Braille.

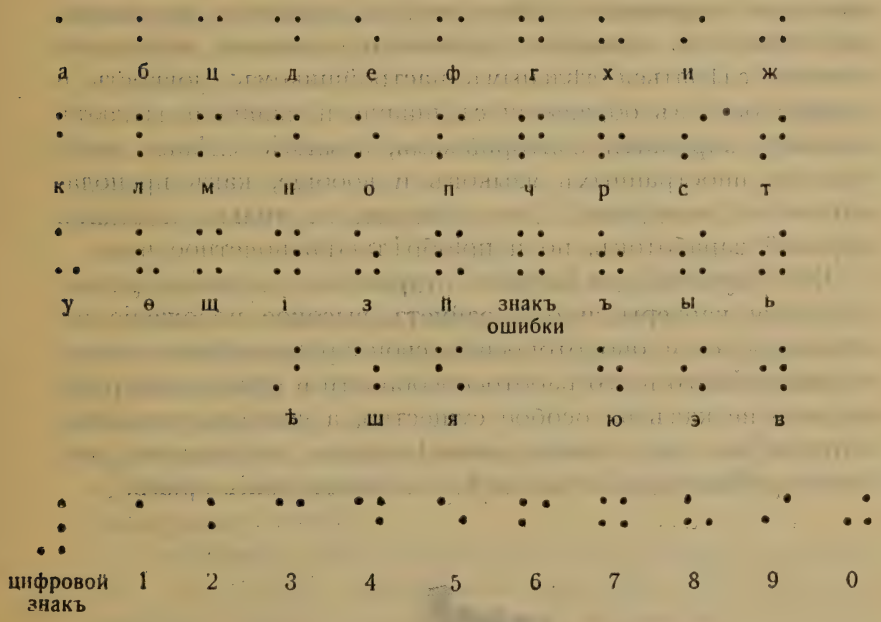


щими тѣмъ же недостаткомъ и стремящимися къ той же цѣли. Посылать слѣпого ребенка въ школу для зрячихъ дѣтей — громадная ошибка, если даже онъ встрѣтитъ тамъ самое нѣжное вниманіе; послѣдствія такой ошибки выяснятся только позднѣе и ихъ нельзя уже будетъ исправить.

Слѣпой ребенокъ никогда не долженъ чувствовать себя одинокимъ, а это непремѣнно случится, если онъ уйдетъ въ самого себя, чувствуя, что его зрячіе товарищи идутъ во всемъ впереди него, что онъ

всѣмъ обязанъ состраданію и снисхожденію; это особенно вредно въ томъ возрастѣ, когда сердечное сліяніе съ сверстниками и единомышленниками является не только сильнымъ влеченіемъ сердца, но и помогаетъ чувствовать себя по праву частью общества. Слѣпой ребенокъ безропотно становится одинокимъ съ того времени, какъ придетъ къ убѣжденію, что его товарищи однимъ взглядомъ могутъ обозрѣть и воспринять то, что навсегда будетъ скрыто для него.

Русскій алфавитъ.

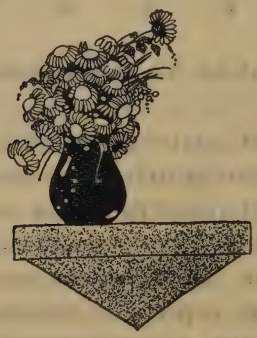


Знаки препинанія тѣ же, что въ нѣмецкомъ алфавитѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ психологическія основы педагогики для слѣпыхъ создали методы и учебныя пособія, которые открыли путь во всѣ области знанія людямъ, лишеннымъ зрѣнія, слѣпой ребенокъ также можетъ получить вполнѣ законченное образованіе. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ успѣшно пройти курсъ народной школы, а при соотвѣтствующихъ способностяхъ и достаточныхъ средствахъ дойти даже и до гимназіи, которую можетъ благополучно окон-

чить. Теперь случается уже нерѣдко, что слѣпые достигаютъ ученыхъ степеней. Для этого имѣетъ громадное значеніе изобрѣтенная геніальнымъ французскимъ слѣпымъ Брайлль выпуклая азбука проколытыми точками, которая примѣняется на всѣхъ языкахъ и даже для нотъ и пополняется ежедневно все увеличивающимися сокровищами въ мірѣ музыки и литературы. Всякій умственно нормальный слѣпой съ раціональнымъ развитіемъ, въ которое включается и ручной трудъ, можетъ изучить въ совершенствѣ и самостоятельно заниматься какимъ-нибудь мастерствомъ, напр.: производствомъ щетокъ, плетеніемъ корзинъ и стульевъ, изготовленіемъ мелкихъ металлическихъ вещей и т. д.; музыкально одаренные слѣпые могутъ сдѣлаться органистами; слѣпой съ хорошимъ слухомъ и хорошимъ осязаніемъ можетъ сдѣлаться дѣльнымъ настройщикомъ; ловкость и увѣренность въ обращеніи съ пишущей машиной дѣлаютъ слѣпыхъ хорошими конторщиками, а многіе слѣпые, какъ учителя иностранныхъ языковъ и вообще, какъ преподаватели въ заведеніяхъ для слѣпыхъ, не только находятъ хорошій заработокъ, но и пріобрѣтаютъ почетное имя.

Въ будущемъ для слѣпого откроются еще самыя разнообразныя карьеры, и онъ займетъ высокое положеніе въ обществѣ, если оно отброситъ свои предразсудки относительно слѣпого и его работоспособности и будетъ смотрѣть на него не какъ на особое существо, а какъ на человѣка, который въ силу своего человѣческаго достоинства можетъ требовать для себя и всѣхъ человѣческихъ правъ.



Слабоумныя дѣти.

Доктора Геллера, директора воспитательнаго заведенія для умственно анормальныхъ и нервныхъ дѣтей въ Вѣнѣ.

Необходимость всесторонняго попеченія объ умственно отсталыхъ дѣтяхъ была вполнѣ сознана только за послѣднія десятилѣтія. Сознаніе это было вызвано не только гуманитарными соображеніями, но главнымъ образомъ убѣжденіемъ, что слабоумныя дѣти играютъ большую роль въ преступности нашего юношества. Въ основѣ этого факта лежатъ двѣ причины, имѣющія между собою очень близкое соотношеніе. Рядомъ съ слабымъ интеллектуальнымъ развитіемъ всегда встрѣчается и слабая этика; часто основныя понятія совсѣмъ отсутствуютъ и тогда уже говорятъ о moral insanity или моральномъ идіотизмѣ. Слабоумныхъ дѣтей совершенно невозможно воспитывать на основаніи тѣхъ воспитательныхъ принциповъ, которые вполнѣ пригодны при воспитаніи вообще; болѣзненно измѣненное сознаніе такихъ дѣтей требуетъ совершенно другого воспитательнаго вліянія. Но плохое воспитаніе почти всегда ведетъ къ испорченности. Поэтому учрежденіе спеціальныхъ воспитательныхъ заведеній, руководимыхъ опытными педагогами, даетъ возможность надѣяться на успѣшное развитіе слабоумныхъ дѣтей.

Слабоумныя дѣти не представляютъ общаго и единаго типа, и поэтому невозможно вкратцѣ опредѣлить ихъ свойства. Вообще встрѣчаются не только ослабленіе умственныхъ способностей, но и самыя разнообразныя аномаліи, какъ въ душевномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, придающія каждому отдѣльному случаю особый отпечатокъ. Нерѣдко у слабоумныхъ встрѣчается поразительная память. Есть дѣти, которыя удивительно хорошо считаютъ механически, а между тѣмъ неспособны рѣшить самой простой задачки. Часто встрѣчаются также такъ называемые «календарные счетчики», которые умѣютъ къ любому числу назвать соотвѣтствующій день недѣли и всегда по-

чти безъ ошибки. Громадная словесная и музыкальная память также встрѣчается очень часто. На эти аномаліи слѣдуетъ обращать особое вниманіе, потому что многіе родители, придавая слишкомъ большое значеніе способностямъ своихъ дѣтей, принимаютъ такія проявленія памяти за откровеніе великаго таланта и ни за что не хотятъ вѣрить въ существованіе какой бы то ни было аномаліи. Въ физическомъ отношеніи слабоумныя поражаютъ различными нервными проявленіями. У нихъ наблюдаются судорожныя подергиванья всевозможнаго рода, напримѣръ, размахиванье руками, раскачиванье при походкѣ, обдиранье кожи съ оконечностей пальцевъ, кусанье ногтей и т. д. Половые пороки очень распространены, и многія слабоумныя дѣти дѣлаются жертвой онанизма. Алкоголь имъ крайне вреденъ. Слабоумнымъ достаточно самой маленькой дозы спиртныхъ напитковъ, чтобы вызвать состояніе патологическаго опьяненія, во время котораго производятся самые грубые эксцессы. Поэтому такихъ дѣтей слѣдуетъ пріучать къ полному воздержанію отъ алкоголя, что положительно требуется для ихъ блага.

Очень частое и серьезное осложненіе представляетъ эпилепсія. Эта болѣзнь обыкновенно влечетъ за собой умственное разстройство, такъ что первоначально слабая степень пониженія умственныхъ способностей подъ конецъ переходитъ въ полный идіотизмъ. Эпилепсія во многихъ случаяхъ связана съ положительнымъ умственнымъ разстройствомъ, которое прямо называютъ сумасшествіемъ. Въ такихъ случаяхъ у больныхъ, кромѣ извѣстныхъ припадковъ, наступаетъ иногда такое мрачное настроеніе, во время котораго они стараются повредить себѣ и другимъ, впадаютъ въ безпричинное раздраженіе, вслѣдствіе неудержимаго влеченія убѣгаютъ изъ дома, поджигаютъ и т. п. Даже убійства совершаются иногда эпилептиками во время такого состоянія. Медицина имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторыя средства для предупрежденія эпилептическихъ припадковъ. Къ сожалѣнію эти средства иногда неумѣло примѣняются непосвященными людьми и тѣмъ только вызываютъ большія осложненія. Всякаго ребенка-эпилептика слѣдовало бы отдавать подъ надзоръ врача; недостаточность вмѣшательства закона въ этомъ направленіи

очень прискорбна, если принять въ расчетъ, сколько вреда наносится этимъ больнымъ и ихъ окружающимъ вслѣдствіе этой страшной болѣзни.

Попеченіе о слабоумныхъ дѣтяхъ должно проявляться во врачебныхъ и педагогическихъ мѣропріятіяхъ. Врачъ долженъ бороться съ осложненіями физическаго свойства. Это необходимая подготовка для успѣшной педагогической дѣятельности. Многія изслѣдованія извѣстныхъ школьныхъ врачей доказали, что у многихъ такихъ дѣтей оказались недостатки въ органахъ чувствъ, затрудненія въ носовомъ дыханіи и конституціонныя болѣзни, устраненіе которыхъ должно существенно улучшить общее состояніе. Но главная доля дѣятельности въ попеченіи о слабоумныхъ дѣтяхъ выпадаетъ на долю педагога. Умѣлымъ развитіемъ воспитанія и преподаванія не только можно подвинуть интеллектуальное и этическое развитіе такихъ дѣтей, но и настолько поднять ихъ работоспособность, что они позднѣе будутъ въ состояніи взяться за какое-нибудь занятіе. Въ семьѣ этого, конечно, невозможно достигнуть. Многіе успѣхи, достигнутые при домашнемъ воспитаніи, оказываются потомъ никуда не годными, такъ какъ такія дѣти, подобно тепличнымъ растеніямъ, гибнутъ тотчасъ же, какъ только ихъ выпустятъ на свободу; они совсѣмъ не приспособлены къ жизни, но свои антисоціальныя свойства развиваютъ часто уже позднѣе, когда ихъ не охраняетъ заботливость родительскаго дома отъ непріятностей, которыя могутъ встрѣтить ихъ внѣ его. Остается лишь рѣшить вопросъ, что полезнѣе для слабоумныхъ дѣтей — школа или воспитаніе въ интернатѣ? Оба рода воспитанія могутъ быть успѣшными. При школьномъ воспитаніи слабоумныхъ дѣтей сохраняется связь съ родительскимъ домомъ и затѣмъ, благодаря дешевизнѣ, школа можетъ дать возможность большому числу нуждающихся воспользоваться благомъ спеціальнаго преподаванія. Но съ другой стороны надо замѣтить, что многіе родители не имѣютъ никакого понятія о воспитаніи и потому имѣютъ во время пребыванія слабоумнаго въ домѣ самое вредное вліяніе на него, хотя и безъ всякаго злого умысла. Кромѣ того слѣдуетъ помнить, что слабоумный ребенокъ для успѣшнаго развитія требуетъ соотвѣтствующаго физическаго ухода гораздо

больше, чѣмъ здоровый ребенокъ, что совершенно неисполнимо во многихъ бѣдныхъ семьяхъ. Призрѣніе слабоумныхъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ представляетъ многія преимущества сравнительно съ вспомогательной школой, относительно воспитанія, физическаго ухода и наблюденія за здоровьемъ дѣтей. Но при громадномъ количествѣ слабоумныхъ дѣтей нѣтъ никакой возможности всѣхъ ихъ пристроить въ заведенія. Необходимо помѣщать въ заведенія тѣхъ дѣтей, на которыхъ нехорошо вліяетъ домашнее воспитаніе, которыя не могутъ пользоваться достаточнымъ физическимъ уходомъ или, благодаря физическимъ осложненіямъ, требуютъ особыхъ мѣропріятій.

Въ Германіи попеченіе о слабоумныхъ дѣтяхъ дѣлаетъ значительные успѣхи. Имѣется значительное число прекрасныхъ заведеній, дѣятельность которыхъ можетъ служить образцомъ. Кромѣ того вспомогательныя школы для малоуспѣшныхъ дѣтей съ каждымъ годомъ увеличиваются въ числѣ.

Въ другихъ государствахъ попеченіе о слабоумныхъ дѣтяхъ, къ сожалѣнію, оставляетъ еще желать многаго. Въ этихъ странахъ число малолѣтнихъ преступниковъ увеличивается изъ года въ годъ и требуетъ отъ общественныхъ кассъ громадныхъ денежныхъ жертвъ. Попеченіемъ о слабоумныхъ устранился бы главный источникъ преступности малолѣтнихъ, и немедленное учрежденіе соотвѣтствующихъ заведеній для слабоумныхъ дѣтей необходимо въ интересахъ всего общества.

Въ Австріи и въ другихъ гористыхъ странахъ частой причиной слабоумія ребенка является искаженіе всего организма, извѣстное подъ названіемъ кретинизма. Эта болѣзнь, появляющаяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эпидемически, появляется вслѣдствіе отсутствія щитовидныхъ железъ, лежащихъ по обѣ стороны шеи и функціи которыхъ долго совсѣмъ не были извѣстны. Въ настоящее время противъ кретинизма найдено прекрасное средство, а именно введеніе въ организмъ кретина субстанціи щитовидныхъ железъ животныхъ, вслѣдствіе чего появилась надежда совсѣмъ избавить нѣкоторыя мѣстности отъ этой ужасной болѣзни. Во всякомъ случаѣ опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Штиріи, оказались очень утѣшительными.

Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ научные взгляды на слабоумныхъ дѣтей были еще очень туманны, и дѣйствовать въ этой области приходилось только ощупью. Въ настоящее время изученіе умственныхъ аномалій дѣтскаго возраста представляетъ поле, на которомъ безъ отдыха трудятся врачи и педагоги. Поэтому воспитаніе слабоумныхъ дѣтей опредѣляется теперь научными принципами, которые, вмѣстѣ взятые, какъ лѣчебная педагогика, составляютъ среднее между медициной и педагогикой. Большіе медицинскіе съѣзды обращаютъ теперь все большее вниманіе на этотъ важный предметъ, и училищные врачи въ особенности написали по этому вопросу уже много работъ. Эти старанія даютъ намъ право питать самыя лучшія надежды на будущее, въ которомъ, вѣроятно, исполнится желаніе всѣхъ участниковъ въ дѣлѣ попеченія о слабоумныхъ дѣтяхъ, чтобы воспитаніе ихъ взяло на себя государство.

Воспитаніе и образованіе калѣкъ и ортопедія.

Профессора Альберта Гоффа.

Извѣстно, что культурные народы древности — египтяне, индусы и китайцы и даже греки и римляне санкціонировали дѣтоубійство, когда дѣло шло о слабыхъ и уродливыхъ дѣтяхъ. Только христіанская культура положила этому конецъ. Въ наше время, проникнутое гуманными идеями, сознаніе необходимости попеченія объ «калѣкахъ» проникаетъ все въ болѣе и болѣе широкіе круги.

Калѣки, не имѣющіе возможности бороться за суще-

ствованіе, не должны увеличивать собой арміи нищихъ, обременяющихъ общество; ихъ слѣдуетъ сдѣлать работоспособными людьми посредствомъ подобающаго воспитанія. Что калѣки не могутъ конкурировать съ здоровыми людьми на рынкѣ труда—это ясно. Ихъ работоспособность, конечно, ограничена, и для того, чтобы научиться какой-нибудь работѣ, имъ приходится выказать гораздо больше терпѣнія и выдержки, чѣмъ здоровому ребенку съ хорошо сформированными членами. Калѣка всегда въ нѣкоторой степени зависитъ отъ поддержки здоровыхъ, для него совершенно недостаточно обыкновеннаго воспитанія, образованіе его должно быть вполнѣ индивидуально и должно примѣняться къ его дефекту или его болѣзни.

Но осуществить все это можно лишь въ пріютѣ для калѣкъ, учрежденномъ именно съ этой цѣлью.

Прежде, чѣмъ мы разсмотримъ задачи такого заведенія для калѣкъ, скажемъ нѣсколько словъ о самыхъ частыхъ причинахъ и формахъ увѣчья и объ ихъ врачебномъ исправленіи.

Большинство калѣкъ появляется на свѣтъ уже съ искалѣченными членами; въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы встрѣчаемся съ неправильностями, которыя начались уже въ зародышѣ эмбріона, въ дальнѣйшихъ случаяхъ самъ по себѣ нормальный зародышъ подвергался вреднымъ вліяніямъ во время своего образованія въ маткѣ, что и задерживало его правильное развитіе. Такія поврежденія могутъ быть внѣшняго свойства и относиться къ матери, напримѣръ, паденіе съ значительной высоты, ударъ въ нижнюю часть живота во время беременности и т. д.—но кромѣ того они могутъ произойти вслѣдствіе болѣзненныхъ явленій въ маткѣ, напр., при мѣстномъ суженіи вслѣдствіе опухолей или недостаточномъ образованіи водъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ можетъ произойти ущемленіе отдѣльныхъ частей зародыша

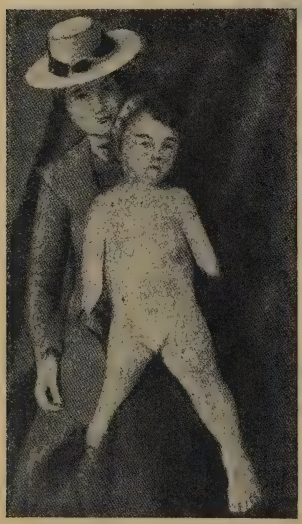


Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

внутри тѣсно прилегающихъ стѣнокъ матки (рис. 1). Самыми частыми прирожденными увѣчьями являются вывороченныя ступни или искривленіе бедренныхъ суставовъ.

Зародышъ часто подвергается тяжелымъ заболѣваніямъ центральной нервной системы уже въ утробѣ матери, послѣдствіемъ чего являются врожденные параличи.

Самый актъ рожденія часто причиняетъ дѣтямъ увѣчья, результаты которыхъ проявляются позднѣе. Кромѣ параличныхъ явленій, происходящихъ отъ надавливанья, случается переломъ костей, котораго часто не замѣчаютъ вначалѣ, но который потомъ влечетъ за собой непоправимыя послѣдствія, неправильное развитіе мышцъ и обезображиваніе ребенка.

Если ребенокъ счастливо избѣжалъ поврежденій въ утробѣ матери и во время рожденія, ему грозитъ еще опасность отъ цѣлаго ряда инфекціонныхъ болѣзней, которыя могутъ поразить всѣ его кости и суставы и произвести серьезныя поврежденія въ ихъ функціяхъ. Не говоря уже о сравни-

дифтерита и т. д.; настоящимъ бичомъ малютокъ является туберкулезъ. Высшая степень образованія горба происходитъ вслѣдствіе туберкулеза одного или нѣсколькихъ позвонковъ, которые разрушаясь не даютъ возможности позвоночному хребту поддерживать туловище. Слѣдуетъ также очень опасаться туберкулеза тазобедренныхъ суставовъ, который надолго превращаетъ дѣтей въ инвалидовъ. Особенно опасную болѣзнь въ раннемъ дѣтствѣ представляетъ дѣтскій параличъ спинного хребта, начинающійся вдругъ сильной лихорадкой и оканчивающійся болѣе или менѣе сильными параличными явленіями, которыя вначалѣ иногда и удается побѣдить, но которыя большей частью остаются въ очень тяжелой формѣ и дѣлаютъ такого ребенка жалкимъ калѣкой. Наконецъ англійская болѣзнь можетъ вызвать болѣзни дѣтскихъ костей и искривленіе ихъ, напр., искривленіе спинного хребта, нижнихъ ляшекъ и т. д., или ребенокъ остается карликомъ, благодаря рахитизму.

Все сказанное нами, понятно, не исчерпываетъ еще этого вопроса; цѣлый рядъ всевозможныхъ болѣзней грозитъ еще юному организму, и, хотя во многихъ случаяхъ удается добиться выздоровленія, все же большая часть дѣтей остается калѣками.

На долю хирургической ортопедіи выпадаетъ борьба съ этими болѣзнями.

Эта наука за послѣднія десятилѣтія получила совершенно неожиданное развитіе и теперь нѣтъ калѣкъ, которыхъ нельзя было бы лѣчить болѣе или менѣе успѣшно. Многіе уродливыя явленія, напр., вывороченную ступню совершенно исправляютъ тѣмъ, что искалѣченному члену придаютъ настоящее положеніе и, наложивъ хорошую гипсовую повязку, на долгое время оставляютъ его въ такомъ видѣ. Искривленіе тазобедренныхъ суставовъ, пріобрѣтенное при рожденіи, также лѣчатъ ортопедически. Эта безкровная операція составляетъ благословенное пріобрѣтеніе послѣдняго времени и избавила тысячи дѣтей отъ тяжелаго увѣчья. Лѣченіе искривленій, происшедшихъ вслѣдствіе туберкулеза суставовъ, успѣшно производится механическими аппаратами (рис. 2 и 3); кромѣ того теперь достигли искусства оперативнымъ путемъ устранять самыя тяжелыя искривле-

нія костей, образовавшіяся вслѣдствіе англійской болѣзни. Окостенѣвшіе суставы, принявшіе вслѣдствіе этого неправильное положеніе, ортопедіей приводятся снова въ надлежащее положеніе или имъ возвращается подвижность оперативнымъ путемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти дѣлались калѣками вслѣдствіе параличныхъ явленій, оперативные способы теперь тоже оказываютъ громадныя услуги (рис.

Рис. 4.

Рис. 5.

4 и 5). Можно было бы привести еще много случаевъ, въ которыхъ хирургическая ортопедія оказала громадныя услуги и сдѣлала искалѣченныхъ дѣтей снова здоровыми и работоспособными людьми, но достаточно сказать, что въ настоящее время почти нѣтъ такихъ дефектовъ, которые нельзя было бы исправить хирургической ортопедіей, такъ какъ недостающіе члены замѣняютъ поддерживающими аппаратами или искусственными членами, до того усовер-

Рис. 6.

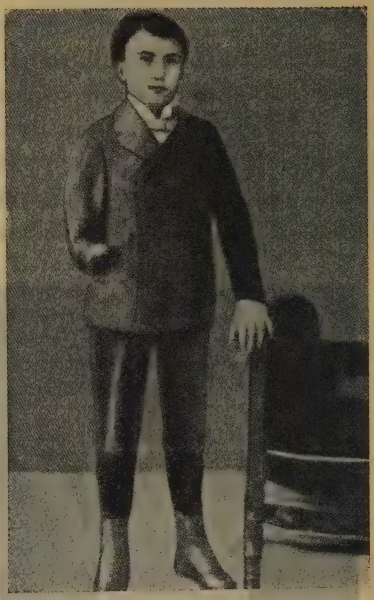


Рис. 7.

шенствованными, что (рис. 6 и 7) они снова дѣлаютъ искалѣченнаго человѣка работоспособнымъ.

Изо всего этого ясно, что при попеченіи о калѣкахъ на первый планъ выдвигается врачебная помощь. Такъ какъ одни дѣти не могутъ сидѣть, другія не могутъ стоять или дѣйствовать руками, то для успѣшнаго воспитанія такихъ искалѣченныхъ дѣтей, конечно, лучше всего служатъ спеціальные пріюты для калѣкъ. Одну изъ задачъ такихъ пріютовъ составляетъ прежде всего врачебная помощь, которая должна примѣняться до тѣхъ поръ, пока болѣзнь будетъ, по возможности, устранена. Тогда только приступаетъ къ дѣлу педагогика.

Изъ германскихъ государствъ въ Баваріи раньше всего осуществили идею воспитанія калѣкъ въ спеціально учрежденномъ для нихъ пріютѣ и дали имъ возможность самимъ добывать себѣ заработокъ. Въ 1832 г. Іоаннъ Непомукъ фонъ-Курцъ основалъ такой пріютъ для калѣкъ, для мальчиковъ, который въ 1844 году баварское правительство приняло подъ свое покровительство, а въ 1876 г. открыло туда доступъ и изувѣченнымъ дѣвочкамъ. Но этотъ пріютъ остал-

ся единственнымъ государственнымъ; всѣ остальные подобные институты учреждены на частныя средства. Три пастора: пасторъ Гоппе въ Новавесѣ, возлѣ Потсдама, пасторъ Перейферъ въ Кракау, возлѣ Мельдсбурга, и пасторъ Шеферъ въ Альтонѣ служатъ блестящимъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать творческая сила неутомимой и безкорыстной любви къ ближнему. Иниціативѣ этихъ трехъ благодѣтелей страдающаго человѣчества мы обязаны возникновеніемъ превосходныхъ пріютовъ для калѣкъ, въ которыхъ многимъ сотнямъ искалѣченныхъ дѣтей дается возможность приготовиться къ какому-нибудь дѣлу.

За границей, особенно въ сѣверныхъ государствахъ существуютъ такія же образцовыя заведенія. Между этими государствами первое мѣсто занимаетъ Данія. Въ Копенгагенѣ пасторъ Кнудсенъ основалъ пріютъ для калѣкъ, который можетъ служить намъ образцомъ. Въ этомъ заведеніи врачебная помощь также стоитъ на первомъ планѣ. Каждаго воспитанника подвергаютъ лѣченью, прежде чѣмъ онъ переходитъ въ тѣ отдѣленія пріюта, въ которыхъ подготовляютъ калѣкъ къ какому-нибудь ремеслу. Тогда дѣти начинаютъ учиться, и программа заведенія соотвѣтствуетъ программѣ народныхъ школъ. Кромѣ того, по окончаніи уроковъ дѣти переходятъ въ мастерскія, гдѣ изучаютъ какое-нибудь ремесло, смотря по своимъ способностямъ и

Рис. 8.

Рис. 9.

склонностямъ. (Рис. 8.) Изъ мальчиковъ образуютъ портныхъ, столяровъ, башмачниковъ, сѣдельщиковъ, бандажистовъ, слесарей и учатъ ихъ плетенію корзинъ и стульевъ; дѣвочекъ учатъ домоводству, изящнымъ работамъ, шитью бѣлья и т. д. (рис. 9 и 10.) Дѣтей учатъ преподаватели, которые сами калѣки, и дѣти подъ умѣлымъ руководствомъ замѣчательно ловко пріучаются пользоваться своими неправильными членами при самыхъ трудныхъ работахъ. (Рис. 11.) Мы видимъ въ такихъ пріютахъ столяра безъ руки за станкомъ, башмачника, къ изувѣченной рукѣ котораго прикрѣпленъ молотокъ; дѣвочку, родившуюся безъ рукъ, которая такъ быстро дѣйствуетъ ногами на пишущей машинѣ, какъ самая искусная барышня, владѣющая обѣими руками. (Рис. 12.)

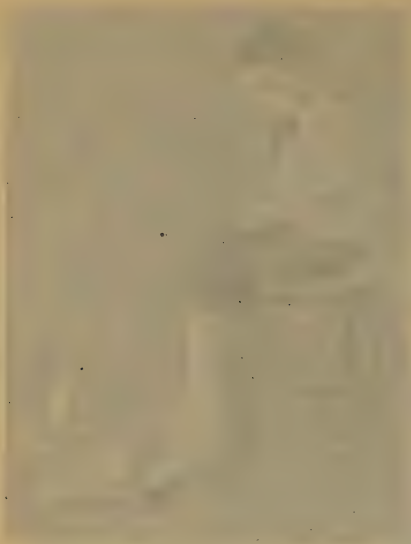
Въ этой короткой статьѣ мы доказали, что калѣки, предоставленные самимъ себѣ, принуждены влачить существованіе, недостойное человѣка, и что предотвратить это страшное несчастье могутъ только спеціальные пріюты. Хотя достигнуто уже много

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

радостнаго на этомъ поприщѣ, но все же остается добиваться еще многаго. Дѣло будущаго—доставить возможность всѣмъ дѣтямъ-калѣкамъ поступать въ пріюты, и для этой цѣли требуется цѣлый рядъ новыхъ заведеній, гдѣ врачебная помощь также должна быть выдвинута на первый планъ, чтобы возможно было доставить дѣтямъ-калѣкамъ и цѣлесообразное лѣченье и такое же воспитаніе. Пока почти невозможно требовать отъ государства, которое, собственно говоря, должно было бы взять на себя обязанность попеченія о дѣтяхъ-калѣкахъ, чтобъ оно взяло на себя это дѣло, требующее колоссальныхъ расходовъ. При ограниченныхъ денежныхъ средствахъ государства все еще приходится довольствоваться частной благотворительностью, для дѣятельности которой здѣсь открывается широкое поле. Общественная благотворительность прежде всего доставила средства помочь калѣкамъ, этимъ несчастнѣйшимъ изъ несчастныхъ, которыя погибаютъ на улицахъ и влачатъ жалкое существованіе, питаясь подаяніемъ — и сдѣлать изъ нихъ дѣльныхъ и работоспособныхъ людей.



BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 21870 6213